

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Предисловие

Нам, пожалуй, не понять, что такое чемпион мира в тяжелом весе по боксу для Америки. У нас просто нет титулов, имеющих столь большое значение. В Р до войны так относились к летчикам, совершавшим фантастические перелеты, а в последний раз нечто похожее испытывали к Юрию Гагарину. Один, на й вершине, настоящий герой. Мало кто из чемпионов в тяжелом весе поднялся до славы Гагарина, но те, что поднялись, остались там навсегда. В Америке по день любой мальчишка знает, кто такой Мохаммед Али, каждый юбилей которого превращается в национальный праздник. Если спросить наших мальчишек, такой Гагарин, то их ответы поразят своим разнообразием. Гагарин был для нас героем, одно существование которого доказывало наше превосходство над всем льным миром. Ранняя смерть сделала его иконой.

Для американцев чемпион мира в тяжелом весе, который почти всегда являлся их соотечественником, такой же символ национальной мощи, каким был нас Гагарин. Именно поэтому Тайсону готовы были простить и обиженных леди и побитых джентльменов. Классик американской литературы XX века ман Мейлер назвал чемпиона мира в тяжелом весе «вторым человеком после президента». Это высказывание никогда не пытался оспорить ни один критик.

Как и многие другие американские традиции, повышенный пиетет к чемпиону в тяжелом весе пришел из Англии. В безразмерной империи, где «никогда не дило солнце», подчинившей себе десятки стран, уважали силу во всех ее проявлениях, даже в самых первобытных. Боксеры считались символом мощи нации, рившей полмира. Самым главным символом был, разумеется, чемпион Англии по боксу в тяжелом весе.

В Америке эту традицию усвоили не сразу. Поколения основателей и первопроходцев оказались слишком заняты. Им было не до бокса. Их героями стали иденты и генералы. Популярность бокса резко выросла в середине XIX века, и особенно во время освоения Запада после Гражданской войны 1861—65 в, но осталась лишь развлечением. Настоящими героями здесь были те, кто лучше всех стрелял. Один из самых известных ганфайтеров¹, в прошлом зубной врач, Холидей страдал туберкулезом и в драке не смог бы справиться с пятнадцатилетним мальчишкой. Но он умел выхватить револьвер из кобуры быстрее тех, имел несчастье вступить с ним в конфликт, и это, как правило, стоило им жизни. Док стал живой легендой. Еще большей легендой сделался невысокий и кий Билли Кид, который не дожил до двадцати двух лет, но успел прочитать несколько романов о себе самом. Молва наделила его красотой, хотя ственная сохранившаяся фотография наводит на мысль, не был ли он дебилом. Таких «героев» было множество. Почти все они стали в то время символами ональной мощи и удали. Боксеры до поры до времени оставались на втором плане.

Их время пришло несколько позже, когда Америка уже прощалась с Диким Западом, — в 80-е годы XIX века, на цивилизованном восточном побережье, где льной борьбе за существование уже знали только понаслышке и появилась естественная тяга к новым символам национальной мощи. Первый чемпион мира в лом весе был родом из самого европеизированного города Америки того времени — Бостона.

«Меня зовут Джон Л. Салливан, и я могу набить морду любому сукиному сыну в этом заведении!»

Эти слова, сказанные порой не вполне трезвым голосом, были знакомы обитателям всех баров Бостона. И если вначале иногда находились желающие ерить, что стояло за этим громким заявлением, то со временем они перевелись. Результаты проверки неизменно оказывались печальными для еряющего: как бы ни был пьян Салливан, его правая рука, словно оборудованная каким-то радаром, очень скоро находила челюсть противника, после чего астного приводили в чувство всем баром. Обитатели питейных заведений скоро узнали — если не появлялось желающих ответить на первое грозное заявление, д за ним раздавалось второе: «Всем выпивка за мой счет!» Убедившись, что его власть никто не оспаривает, Джон Л. Салливан превращался в самого щедрого и одушного короля на свете. Обычно уже его первое мордобойное заявление встречали гулом одобрения.

Впрочем, такую манеру представляться общественности придумал отнюдь не Салливан.

«Меня зовут Уайетт Эрп! Никакого бардака здесь больше не будет». С такими словами лет за 10—15 до Салливана входил в какой-нибудь салун на Диком де, где в этот момент не стрелял только мертвый, один из самых знаменитых шерифов этих беспокойных мест, и бардак действительно прекращался. При ни Салливан, ни Эрп не играли никого, кроме самих себя. Собственно, они и себя не играли. Они были собой. Плоть от плоти земли, где все громадно, где еди в два раза крупнее, чем в Европе, и в десять раз злее, а реки в двадцать раз шире, где самый глубокий в мире каньон, самый высокий гейзер, самые большие а и самый великий водопад. Чтобы добиться успеха в этом краю смелых авантюристов, нужно стать самым смелым из них. Именно этого поля ягодой был Джон алливан, и если бы он не был таким, то первым чемпионом мира в тяжелом весе провозгласили кого-нибудь другого, обладавшего всеми этими качествами.

Никто не учил Салливана, как стать звездой. Он родился звездой. Как рождались звездами и многие другие герои Америки тех уже почти легендарных времен. нно эти звезды, сами того не зная, закладывали первые кирпичики в здание фабрики звезд — Голливуда. Кого бы ни играли Сталлоне, Шварценеггер, Сигал и

тис — они изображают вариации на тему Уайетта Эрпа, Джона Л. Салливана и других подобных им реальных американских героев-одиночек, отвоевывавших и другим место под солнцем — кто кулаком, кто револьвером. „

Салливан родился в Роксбери, пригороде Бостона, 15 октября 1858 года в семье ирландских иммигрантов. Он всегда отличался большой физической и драчливостью, причем с подросткового возраста стал одолевать взрослых и сильных мужиков. Работал подмастерьем, но имел дурную привычку избивать ев, когда они пытались добиться от него «повышения производительности труда» или упрекали за пьянство. По легенде, он нашел занятие по вкусу, когда, в одной раз оказавшись без работы, бродил по ярмарке, где какой-то здоровенный малый вызывал на бой любого желающего. По правилам подобных инков нужно было выложить несколько долларов, после чего и проводился бой. Если ты проигрывал, твои деньги пропадали, а если выигрывал — забирал точно большую, заранее оговоренную сумму. Обычно такие ярмарочные боксеры были очень здоровыми парнями и практически никогда не проигрывали.

Джон (Джоном Л., сокращенно от Джона Лоренс, его стали называть несколько позднее, и с тех пор сочетание его имени и инициала обозначало только этого человека) не был гигантом даже для своего времени. Ростом всего 179 см и весом в молодости около 80 кг. Он выглядел как обычный «клиент» рыночного бойца. Однако на этот раз для рыночного богатыря все закончилось, едва начавшись, а тот, кого он счел молокососом, стрел в карман все деньги и ушел. Салливан была решена.

Первые официальные бои он провел не то в 1877, не то в 1878 году. В 1879-м в Бостоне его уже знали все поклонники бокса.

Джон Л. стал первым официальным чемпионом, поэтому гораздо легче сказать, когда он потерял титул, чем когда он его завоевал. Кстати, он и сам этого не знал.

26 июня 1880 года он выступил с заявлением, что готов за 500 долларов драться с кем угодно в Америке — в перчатках или без них. Последнее замечание не айно. В боксе начиналась переходная эпоха. Правила маркиза Куинсберри, согласно которым боксеры дрались в перчатках, раунд продолжался три минуты, а ыв между раундами — минуту, уже существовали, но применялись далеко не всегда. По-прежнему практиковались так называемые правила Лондонского ового ринга, по которым боксеры дрались голыми кулаками, раунд продолжался до тех пор, пока один из них не падал (или падали оба), после чего давалось минуты на отдых. Разreshалось, чтобы в угол упавшего боксера отнесли секунданты. Если он не мог продолжить бой, ему давалось еще восемь секунд, а если он не в состоянии драться по истечении этих мгновений, ему засчитывалось поражение. По этим правилам также разрешалось выполнять подножки, подсечки, овские броски, зажимать голову противника под мышкой и наносить ему удары другой рукой и многое другое в том же роде. В общем, это больше напоминало еменные бои без правил, чем бокс, как мы его понимаем. Понятия о правилах были в то время настолько размыты, что о них договаривались конкретно перед ым боем. Например, боксеры выступали в очень легких перчатках, какие-то борцовские приемы запрещались или, наоборот, разрешались. Салливан был готов ывать свое превосходство по любым правилам. И доказывал.

6 апреля 1880 года в Бостоне Салливан провел демонстрационный бой с тогдашним чемпионом Америки Джо Госсом, в ходе которого стало ясно, что ивану вполне по плечу отобрать у него титул прямо сейчас. Многие считают Салливана чемпионом мира именно с этого дня. Дело в том, что некоторые бои вались демонстрационными из чисто конспиративных соображений, так как боксерские матчи были официально запрещены, а демонстрационные, или, как це называли, публичные спарринги¹ — нет. Многое указывает на то, что и эта «демонстрация» была чистой фикцией и боксеры дрались всерьез.

Салливану было тогда всего 22 года. Если учесть, что бой происходил почти за сто лет до эпохи акселерации, то победа Джона Л. выглядит даже более ительно, чем чемпионство Тайсона в 20 лет.

7 февраля 1882 года в бою за титул чемпиона Америки он встретился с Пэдди Раяном. Бой проходил по правилам Лондонского призового ринга. ересно почитать описание боя, чтобы почувствовать, что же представлял собой бокс без перчаток.

Первый раунд. Оба боксируют очень осторожно и ждут, пока противник откроется. Раян атакует справа, но не достает. Салливан в ответ удачно атакует левым. Следует быстрый обмен ударами. После мощного удара Салливана правой Раян падает. Раунд продолжался примерно 1 минуту 20 секунд.

Второй раунд. Салливан бросается на Раяна и наносит мощный левый в челюсть. Раян идет в захват и, видимо, проводит бросок. Оба падают, но Раян ывается сверху и тяжело наваливается на Салливана. Раунд продолжался 25 секунд.

Третий раунд. Оба бросаются навстречу друг другу. Салливан после нескольких обманных движений наносит чудовищный удар справа в скулу или чуть е. Раян падает как подкошенный. Раунд продолжался четыре секунды.

Четвертый раунд. На третьей секунде Салливан наносит мощный удар в нос, видимо ломая его, после чего оба переходят в захват. На этот раз Салливан т верх и в греко-римской борьбе. Он пропихивает Раяна между канатами, и тот падает на землю.

Пятый раунд. Еще один очень короткий раунд. Оба атакуют. Потом снова переходят в захват, и здесь Раяну удается поставить Салливана на колени.

Шестой раунд. Салливан выходит, улыбаясь, и тут же атакует. Однако Раяну удается снова бросить его на землю. Все-таки в борьбе он, похоже, сильнее.

Седьмой раунд. Снова все происходит за считанные секунды. Боксеры сходятся очень близко, следует обмен ударами пополам с борьбой, и сильный Раян падает на землю.

Восьмой раунд. Раян совершенно измотан, но продолжает сражаться. Салливан снова загнал его на канаты, но тот сумел выйти оттуда и решается на свой трюк — пытается спровоцировать нарушение правил со стороны Салливана. Видя, что Джон Л. сейчас ударит, Раян опускается на колено. Если бы Салливан не сумел остановить удар, его могли дисквалифицировать, но Джон Л. удар останавливает, а Раян теряет равновесие и падает. Он встает, оба считают, что раунд закончен, и идут в свои углы, но тут секунданты почему-то кричат: «Атакуй!» Боксеры выполняют команду, идут друг на друга, сходятся в клинче — и оба падают.

Девятый раунд. Раян держится на одном честном слове. Зрочки у него плавают. Салливан проводит мощный удар, прижимает Раяна к канатам, тот из последних сил отталкивает его на середину ринга. Тогда Джон Л. наносит мощнейший удар правой под ухо, и Раян падает без сознания. Он не приходит в себя ни через 30 секунд, ни через 38, и Салливана объявляют победителем. Весь девятираундовый бой, включая перерывы, продолжался 10,5 минут.

После этого боя большинство соотечественников признало Салливана чемпионом не только Америки, но и мира, с чем он сам был полностью согласен. Сколько боев Салливан провел за свою жизнь, почти так же трудно, как подсчитать, сколько раз он напился. Но ни в том, ни в другом ему не было стыдно. Иногда, правда, одно мешало другому.

30 мая 1884 года в Нью-Йорке Джон Л. должен был встретиться со своим старым противником — британским боксером Чарли Митчеллом, но не сумел выйти из запоя. Накануне боя (по другим данным, прямо перед боем) в каком-то театральном помещении провели нечто вроде пресс-конференции, а точнее, встречи с публикой. Джон Л., с трудом державший вертикаль, не без посторонней помощи поднялся на сцену, вышел вперед, дышнул на публику таким перегаром, что ее ошелолил, и сказал, что бой не состоится, так как он «саасем б'льной». Надо было быть национальным героем, чтобы такое сходило с рук, но Салливан не считал себе вещи и покруче. Однажды после очередного раунда в бою, который он уверенно выигрывал, Джон Л. неожиданно заявил, что ему надоело и что в следующий день он

не будет драться больше не будет. Даже самая капризная примадонна не смогла бы посреди спектакля сказать, что больше петь не станет, так как она сегодня не в форме, а Салливан мог. И ничего: публика съела и это. Правда, в данном случае речь шла, скорее всего, о демонстрационном, а не об официальном бое.

Джон Л. колесил по всей стране и встречался со всеми желающими, в коих не было недостатка, а после боя шел в ближайший бар или салун. В 1883—84 годах Салливан с отборной группой боксеров отправился в большое турне по Штатам, в ходе которого, по слухам, встретился сначала с 50 противниками (многие из которых наверняка даже не были боксерами) и всех нокаутировал, а после небольшого перерыва, еще с 29. За это время его боксерская труппа заработала 195 тысяч долларов, из которых на долю Салливана пришлось около 80 тысяч, совершенно умопомрачительная сумма по тем временам, когда 500 долларов в год считались очень хорошей зарплатой. Примерно на том же уровне, 80—90 тысяч в год, заработки Салливана оставались и в последующие несколько лет.

Он проводил несметное количество демонстрационных боев и официальных каждый год. Одним из таких стал бой с Домиником Маккаффри в начале 29 августа 1885 года. Тогда эту встречу практически не заметили и уж точно не выделили среди многих других, но со временем почти во всех воспоминаниях именно с нее стали начинать отсчет официальных боев за титул чемпиона мира в тяжелом весе. Возможно, по причине, что об этой встрече точно известно: она проходила по правилам маркиза Куинсберри.

Надо сказать, бой получился очень странным. Во-первых, что этот бой проходил «по правилам маркиза Куинсберри», можно сказать лишь с очень большой натяжкой, так как перчатки, применявшиеся в этом бою, весили всего три унции, в то время как классические профессиональные перчатки того времени весили пять-шесть унций. Впрочем, тогда еще не было никаких «классических» перчаток, и они могли быть сколь угодно маленькими. Иногда дрались даже в обычных домашних перчатках наподобие уличных. Во-вторых, по утверждениям очевидцев, бой продолжался семь раундов, а не шесть, как отмечает большинство современных историков. В-третьих, сам рефери, объявивший победу Салливана, толком не знал формулы боя. Мы уже знаем, что в то время не существовало единых

правил: дрались то в перчатках, то без них, раунд продолжался то три минуты, то до нокаута¹, дрались то «до упаду», то определенное количество раундов. Спорный момент, заключенный между Салливаном и Маккаффри, допускал двойное толкование: не то до нокаута², не то шесть раундов. Доминик, который уступал в весе своему сопернику около 20 килограммов, держался просто фантастически. Салливану удалось убедительно выиграть только пятый раунд, когда он послал Маккаффри в нокаунт. Однако в шестом Доминик опять выглядел совершенно свежим, более того, казалось, он сохранил больше сил. Ни Салливан, ни Маккаффри сомневались, что седьмой раунд состоится, и после перерыва снова вышли из своих углов. И седьмой раунд был! Маккаффри перехватил инициативу и с первых секунд наносил Салливану много ударов, ему просто не хватало веса и физической силы, чтобы нокаутировать могучего чемпиона, и он решил изматывать его

епенно. Большинство зрителей были уверены, что Маккаффри находится на верном пути к победе. Однако после окончания седьмого раунда вся команда Салливана, а в нее входили очень влиятельные люди, ринулась к рефери и потребовала окончить бой и вынести решение. По необъяснимой причине рефери, который до того держался совершенно независимо, остановил встречу и сказал, что, по его мнению, Салливан выглядел лучше, после чего тренер Салливана обратился к публике, что его подопечный выиграл. На ринге и вокруг него начались драки. Брат Доминика Майкл вытащил револьвер, и более благоразумному тренеру пришлось сосредоточить все свое внимание на нем, чтобы он кого-нибудь не убил. Еще несколько человек достали оружие. Казалось, стрельбы не избежать, но в этот момент рухнул помост ринга. Времени, которое участникам свалки понадобилось, чтобы вылезти из-под обломков, оказалось достаточно, для того чтобы они пришли в себя. По причине безумия ситуации от рефери через несколько дней потребовали, чтобы он еще раз официально назвал победителя, что он и сделал, снова назвав таковым Салливана. Маккаффри многократно выражал готовность провести повторный матч, но ему такой возможности так никогда и не предоставили.

В 1887 году Салливан поехал в Англию, где его встретили почти как короля. Сам принц Уэльский удостоил его личной встречи, правда не во дворце. Причем, у Джона Л., которого к тому времени все чаще стали называть Великий Джон Л., были свои представления о том, кто кого и чем удостоил. Когда Джон Л. по ходу разговора все больше подпадавший под влияние Салливана, наконец, совершил нечто немыслимое и пригласил его во дворец, если Джону Л. придется быть где-нибудь неподалеку», Салливан вполне по-королевски ответил: «Если вы, ваше высочество, окажетесь недалеко от Бостона, заходите ко мне в гости». Принц на секунду онемел, а потом пообещал непременно так и поступить. Еще его прадед почти сто лет назад считал признаком хорошего тона появляться в компании лучших боксеров Англии, которые за глаза величали принца Уэльского не иначе как Принни (снижительно-уменьшительное от принц»). Времена с тех пор изменились, причем отнюдь не в пользу королевских семейств: престиж принцев упал, а боксеров — вырос.

Во время того же турне по Европе, во Франции, в Шантильи, 10 марта 1888 года Салливан провел один из своих самых известных и самых курьезных боев. Его противником должен был стать старый знакомец Джона, известный британский боксер Чарли Митчелл, тот самый, с которым он как-то раз не смог провести бой из-за непогоды. До этого они уже встречались, и тогда Митчелл сумел даже сбить Салливана с ног, после чего тот, правда, перехватил инициативу, но полиция остановила матч. Напомним, что боксерские поединки были тогда официально запрещены в большинстве американских штатов, хотя бои проводились постоянно и повсюду, особенно там, где их запрещали строже всего. С тех пор Митчелл не раз вызывал Салливана на бой, причем по правилам Лондонского призового ринга, но до этого все было недосуг. Наконец этот бой состоялся, причем на нейтральной территории.

Он продолжался более трех часов, но не стоит представлять себе нечто вроде растянутой на это время сцены последнего боя героя Сигала или Уиллиса с его злодеем из какого-нибудь боевика. Митчелл избрал довольно абсурдную, немыслимую с точки зрения и уличной драки и современного бокса тактику, но вполне оправданную по правилам Лондонского призового ринга. Только теперь стало ясно, почему Митчелл, вызывая Салливана на бой, всегда настаивал на определенных правилах.

Запой Великого Джона Л. и его слабость к хорошим сигарам были всем известны. Митчелл, значительно уступавший ему габаритами, не вел столь энергичный образ жизни и превосходил Салливана в выносливости. На нее-то он и сделал основную ставку. Митчелл просто бегал от чемпиона, а когда тот его все-таки догонял, тут же падал, временами даже без удара. На том раунд, по столь любимым Митчеллом правилам, и заканчивался, и боксеры расходились по углам. И так из раза в раз. Расчет Митчелла был очень прост: когда Салливан, наконец, окончательно запыхается, перейти в решительную атаку и нокаутировать его, точнее, не просто помочь ему упасть самостоятельно. Он был близок к успеху. Джон Л. в бешенстве требовал, чтобы Митчелл дрался по-настоящему, но тот в ответ только смеялся.

Так как продолжительность раундов по правилам Лондонского призового ринга не ограничивалась, Митчелл старался их по возможности затягивать. Но он не только старался. Была пасмурная погода, шел дождь, который все усиливался, и, наконец, стало темнеть. После этого секундантам ничего не оставалось, кроме как, не выходя с ринга, вещавшись, объявить ничью. Самое удивительное в этой истории, что поклонники Митчелла и тогда, и много позже настаивали на том, что у их кумира была победа.

Свой самый знаменитый бой Джон Л. провел 8 июля 1889 года против Джейка Килрейна. Кстати, это была последняя встреча за звание чемпиона мира в легком весе, проведенная по правилам Лондонского призового ринга.

Здесь на сцену выходит еще один колоритный персонаж — Уильям Малдун, бритый наголо, но с усами. Малдун был очень хорошим боксером и еще лучшим тренером. Кроме того, его с полным на то основанием называли Железным Человеком за чрезвычайно властный характер. Салливан очень высоко ценил Малдуна как тренера, но совершенно не мог работать с ним постоянно, поэтому они то сходились, то расходились. Джон Л. хорошо знал сам себя и тренировался без особого желания, но для того, чтобы справиться с собой, он привлекал Железного Уильяма. Позже бритоголовый тренер рассказывал газете «Нью-Йорк геральд»

их методах тренировки так: «Я сказал Джону, что сверну ему шею, если он не возьмется за дело». Люди, хорошо знавшие обоих, утверждали, что если Салливан и оялся Маддуна, то испытывал к нему то почтение, которое очень тесно граничило со страхом, и тренер добился своего. Никогда в жизни Салливану не одилось так долго воздерживаться от сигар и виски и столько тренироваться. Малдун выжал все из его тела и психики. Салливан вышел на ринг енированный как никогда и злой как пес.

Бой состоялся в Ричбурге, штат Миссисипи, 8 июля 1889 года. Килрейн явился на матч с весьма внушительной свитой. Телохранителем он нанял Бэта терсона, одного из самых знаменитых шерифов Дикого Запада, начинавшего когда-то под командованием самого Уайетта Эрга. Но если Мастерсона пригласили ко «для понта», то этого никак нельзя сказать о двух других членах команды Килрейна. Ими были Чарли Митчелл и Майк Донован. Тот самый Митчелл, с которым иван дрался в Шантильи. Донован когда-то входил в «труппу» Джона Л., с которой тот совершил турне по 26 штатам. Надо ли говорить, что оба знали ивана как облупленного?

Бой проходил по правилам Лондонского призового ринга. Тогда еще никто не знал, что сейчас проводится последний бой за звание чемпиона мира в лом весе, который пройдет по уходящим в прошлое правилам.

Первый раунд закончился тем, что Килрейн, видимо", борцовским приемом бросил Салливана на землю. Потом стало очевидно, что с Килрейном хорошо нимался Митчелл, так как Джейк постоянно уходил от атак Джона Л., который впадал от этого в бешенство и требовал, чтобы тот «дрался как мужчина». челл тем временем подзуживал Салливана из своего угла, и Джон Л. в конце концов крикнул ему: «Жаль, что я дерусь не с тобой».

В пятом раунде Килрейн сумел рассечь кожу на лице Салливана, но Джон Л. ответил своим коронным ударом справа, и Килрейн рухнул на землю. Джейк еленно терял силы и стал падать временами даже без удара только для того, чтобы получить полминуты на отдых. В тридцать шестом раунде Килрейн выглядел м измученным, что Салливан попросил рефери остановить встречу, но тот отказался. Джейк постоянно падал, количество раундов росло, но он все вставал и вал из своего угла. В сорок четвертом раунде Салливана неожиданно вырвало — предположительно от холодного чая, который он пил попеременно с виски ду раундами. Вопрос, что Джона Л. могло стошнить от виски, никаким серьезным экспертом даже не рассматривался. Слишком уж это невероятно.

Обычай взбадривать себя виски между раундами практиковался еще в Англии в XVIII веке. Чем больше раундов — тем больше боксеры принимали на ь. После боя говорили, что Килрейн выпил за бой больше литра виски. Салливан наверняка еще больше. Но в умении пить, как и в умении драться, Митчелл ь сильно уступал своему сопернику.

Джон Л. быстро пришел в себя и продолжил избиение. Килрейн снова падал и снова вставал. Однако в семьдесят пятом раунде он получил такую порку, что мог прийти в себя ни в отведенные 38 секунд, ни значительно позже. Салливан встал посреди ринга и потребовал, чтобы немедленно явился Митчелл, а когда тказался, Джон Л. просто набросился на него, но тут в дело вмешались другие секунданты, и второй бой не состоялся.

Встреча с Килрейном продолжалась 2 часа 16 минут и 23 секунды, а перерыв между ней и следующим официальным боем Салливана — больше трех лет, и иван не терял это время даром. Он пил сам, и пол-Америки выпило за его счет. Даже демонстрационные бои он проводил не слишком часто. В одном из них н-Франциско в 1891 году он встретился с красивым и явно очень любящим себя парнем, который даже на ринг выходил с набриолиненными волосами. Вряд алливан выделил его среди других. А чуть больше чем через год, 7 сентября 1892 года в Нью-Йорке этот самый парень без больших проблем расправился с тем огим, что к тому времени осталось от Великого Джона Л. Однако Салливан и в этой ситуации сумел остаться королем. Едва встав после нокаута с земли, он тился к публике: «Джентльмены!» Люди затихли. «Джентльмены! — продолжил Салливан. — Мне нечего сказать. Точнее, все, что могу сейчас сказать, — я ел на ринг на один раз больше, чем следовало. Ну а уж если меня кто-то побил, так я рад, что это сделал американец. Засим остаюсь вашим добрым и анным другом Джоном Л. Салливаном».

Зал закричал и зарыдал одновременно, а в победителя полетело все что ни попадя.

Дальнейшая жизнь Салливана оказалась довольно грустной. Сотни тысяч долларов, которые Джон Л. заработал, он роздал прихлебателям и поклонникам, а льное пропл вместе с ними же. Какое-то время Салливан жил за счет своей феноменальной популярности, проводил демонстрационные бои, за которые енами получал по 5—6 тысяч долларов за выход, но и эти деньги утекали так же легко, как и все остальные. Затем наступили тяжелые времена. В дело пошло го небольшое из нажитого, что он сумел сохранить, в том числе и его золотой чемпионский пояс, украшенный 397 бриллиантами и другими драгоценными ями. Салливан то выковыривал камни и продавал, то закладывал пояс целиком. В 1900 году Железный Человек Уильям Малдун показал, что по крайней мере де у него все-таки не железное, выкупил пояс, в котором уже недоставало большого количества камней, и вернул его Салливану. Но тот вскоре снова пустил его ррот. Пояс сменил множество владельцев, пока в 1927 году, уже давно лишенный всех камней, не был переплавлен в золотой брусок.

Как ни странно, но в конце жизни Салливан сумел бросить пить и даже читал лекции о вреде алкоголизма. Последние годы жил хотя и не в нищете, но в бедности. 2 сентября 1918 года он умер в возрасте 59 лет на своей ферме в Массачусетсе, но, пожалуй, до Мохаммеда Али в Америке не было не то что боксера, но и человека, который смог бы сравниться с ним в популярности.

ДЖЕНТЛЬМЕН ДЖИМ

Общего у второго чемпиона мира с первым было только ирландское происхождение. Во всем остальном между ними такое же расстояние, как между Нью-Йорком, где родился Салливан, и Сан-Франциско, где родился Джим Корбетт.

Он появился на свет 1 сентября 1866 года. Мать будущего чемпиона, у которой кроме него было еще девять детей, помешалась на том, чтобы вырастить их «хорошими леди и джентльменами» — как она это понимала. Маленького Джима вечно одевали в плохо сшитые из дешевых тканей подобию «джентльменских костюмов», за которые сверстники и прозвали его Джентльменом Джимом. Эта кличка приклеилась к нему на всю жизнь и даже в известной степени заменила имя.

Как ни странно, но полоумная мамаша не то задала своему сыну курс на всю жизнь, не то верно развила заложенное в нем от природы. Когда он вырос, он не смог бы угадать в Корбетте уроженца ирландских трущоб Сан-Франциско.

Боксом Корбетт увлекался наравне с бейсболом, а еще бредил театром. Если заменить бейсбол на гольф, то набор получился бы вполне джентльменский. Джим поступил в колледж, одновременно стал работать в банке и долгое время полагал, что проведет жизнь, медленно, но верно продвигаясь по служебной лестнице. Однако судьба распорядилась иначе. Впрочем, в судьбе Джентльмена Джима нет ничего случайного. Настоящий американский кузнец собственного счастья, Джим всего в жизни добивался сам. Правда, и природа наградила его талантами сверх меры.

Корбетт любил рассказывать, как в школе его "вызвал на бой" парень намного выше и сильнее его, и как он, отчаянно труся, все-таки явился после уроков на свидание за здание школы. Противник Джима тут же набросился на мальявку, а тот сделал шаг в сторону и ударил, после чего здоровяк оказался в нокауте.

Поверить в эту историю целиком очень трудно. Во-первых, потому, что она как две капли воды похожа на десятки таких же историй о детстве других чемпионов, а во-вторых, потому, что описанный прием — шаг в сторону с ударом, да еще нокаутирующим (кстати, Корбетт и в зените своей карьеры не был нокаутирован), относится к числу самых сложных в боксе. Но что-то в этом роде, наверно, действительно произошло, так как жить в районе, где провел свое детство Корбетт, и не драться постоянно было невозможно, тем более что одними своими джентльменскими костюмчиками он провоцировал агрессивных сверстников, раздражавших нечто вроде ленинской классовой ненависти к тем, кто хотел и мог вырваться из трущоб, где им предстояло провести всю жизнь.

Совершенно невозможно точно установить, когда Джентльмен Джим стал профессионалом. В банке он проработал на разных должностях шесть лет. На все заработанные деньги уже не хватало, и из трех своих хобби — театра, бокса и бейсбола — чем-то необходимо было пожертвовать. Он почти отказался от бейсбола, но продолжил играть в полупрофессиональной труппе и ходить в боксерский клуб. Потом пришло время оставить и банковскую карьеру. Трудно сказать, когда именно Корбетт решил отказаться от синец, которую давно и прочно держал в руках, и отправиться ловить журавля в небе. Но, зная всю последующую его карьеру, нетрудно предположить, что и этот свой шаг он рассчитал, как рассчитывал все и всегда в своей жизни.

Слава Салливана гремела по всей Америке. О заработках его тоже постоянно говорили, что неудивительно, так как в среднем за год он получал в десять раз больше президента страны. Четыре года любительских боев, проведенных в перчатках и без них, убедили Корбетта, что у него есть неплохие шансы добиться успеха в таком денежном деле. За все это время он проиграл лишь один бой — некоему Билли Уэлчу, да и то по очкам, но уже в следующем бою нокаутировал своего обидчика в первом же раунде.

Для своего времени Корбетт был очень высок — 186 см, а его вес в начале карьеры составлял примерно 81—82 кг. Кроме того, он прекрасно бегал длинные дистанции и был отличным гимнастом. И наконец, за внешностью, которая гораздо больше подходила актеру, работающему в амплу героя-романиста, чем герою ринга, скрывался настоящий боевой дух и абсолютная уверенность в своих силах и голове. Ни то, ни другое его не подвело.

Кроме того, Корбетт оказался настоящим новатором в боксе. Точнее, в тяжелом весе. Салливан и его предшественники задали определенный, традиционный, но в целом незамысловатый стиль. Так дела обстояли далеко не всегда. Чемпион Англии в тяжелом весе 1795—96 годов Даниэль Мендоса не обладал мощным ударом и ростом был всего 170 см, но весь бой строил на непробиваемой защите. Другой чемпион, царивший на лондонском ринге через несколько лет после Мендосы, Джем Белчер, первым в истории бокса стал бить на отходе, и таких тяжеловесов было немало. Однако Корбетт создавал все это с нуля, и только «велосипедов» ему пришлось изобретать заново, так как он просто не знал об их существовании. Многие инновации Корбетта вызвали у современников чувство полного недоумения. Так, когда на тренировках Джентльмен Джим боксировал с тенью, другие бойцы смотрели на него просто как на сумасшедшего.

Первый профессиональный бой (впрочем, никто не может утверждать, какой бой Корбетта был первым профессиональным) Джентльмен Джим провел с белым боксером Джо Коински 30 мая 1889 года, но после четырех раундов его прервала полиция.

Боксеры остались недовольны таким раскладом и менее чем через неделю, 5 июня, провели повторный матч, для которого на этот раз избрали место, куда, как они полагали, полиция не сунется, — речную баржу.

В этом бою как ни в-одном другом проявился характер Корбетта. В первой встрече с Коински он растянул запястье правой руки, но даже не попытался под предлогом отложить встречу. Во время второго боя он сильно травмировал две костяшки и левой руки. Тогда Джим на ходу перестроился и стал наносить удары по боковым таким образом, что вся тяжесть удара приходилась на другие костяшки. Кроме того, он ни секунды не стоял на месте. Коински бегал за ним и не успевал, пока наконец не выдохся в двадцать седьмом раунде, после чего бой был остановлен: секунданты спасли Джо от нокаута. Еще одна любопытная деталь боя: до сих пор не вполне ясно, по каким правилам он проходил, — одни источники утверждают, что оба дрались в пятипунцевых перчатках, а по другим данным, у Корбетта были маленькие двухпунцевые перчатки, а Коински дрался в обычных уличных перчатках со швами.

Однако Корбетта все никак не воспринимали всерьез. Среди других боксеров того времени он со своими джентльменскими манерами, страстью к театру, модными напевами, внешностью и прической в стиле «помпадур» со взбитой, зачесанной назад и набриолиненной копной волос казался не просто белой вороной, а планетянином.

21 мая 1891 года Корбетт встретился с австралийским негром Питером Джексоном, с которым незадолго до того отказался драться Салливан. Великий Джон Л. прямо сказал, что чемпионский пояс в тяжелом весе — такая ценность, что нельзя допустить, чтобы он достался негру. Публику это вполне устроило. Она в большинстве своем считала точно так же, и никого не покорило, что Джон Л. косвенно признал, что мог проиграть Джексону. Впрочем, зная Салливана, можно было бы сказать: Джон Л. имел в виду нечто другое. Он никогда не сомневался, что может победить кого угодно. Не сомневался он и в том, что и Джексон ему по силам, но он действительно полагал, что «не негритянское это дело» — драться с самим чемпионом мира. Современникам такой взгляд на вещи был более понятен, и поэтому никто и не подумал обвинить Салливана в трусости.

Корбетт был по своим убеждениям куда большим расистом, чем Салливан — это еще сыграет в его жизни определенную роль, — но он все-таки решил встретиться с Джексонсом, возможно, чтобы косвенно показать свое превосходство над Салливаном. Бой получился очень тяжелым и продолжался 61 раунд, после чего объявили ничью. Большинство экспертов согласилось с этим вердиктом. Корбетт до конца своей жизни будет утверждать, что на самом деле выиграл этот бой, в частности на том основании, что после боя Джексон говорил, что у него страшно болели и руки, и ноги, а у него самого болели только руки. В своих воспоминаниях Джентльмен Джим вообще выдумывал довольно фантастические объяснения, почему неудачные для него бои закончились так, а не иначе, из чего становится ясно, — Корбетт все-таки не умел проигрывать, что и продемонстрировал в одном из своих следующих боев в лучшем, или, точнее, худшем виде. Вообще Джентльмен Джим был гораздо более противоречивым человеком, чем можно подумать, поверхностно ознакомившись с его биографией. Видимо, он страдал какой-то психопатией, причем наследственной. Его отец убил свою жену, мать Джима, сделавшую его Джентльменом, а затем покончил с собой. Впоследствии жена этого боксера утверждала, что он имел явную склонность к садизму и обожал, например, держать горящую сигару как можно ближе к ее лицу, наслаждаясь ее дымом, а мог и прижечь ей кожу. Все это настолько не вяжется с его конфетным обликом, что в такие рассказы как-то даже трудно поверить, но в скором времени Джентльмен Джим еще покажет, на что он способен.

Буквально через месяц после боя Корбетта с Джексонсом в Сан-Франциско приехал Салливан, и здесь Джентльмен Джим еще раз доказал, что с головой у него полный порядок. Джон Л., так же как и Корбетт, работал в театре, но только чем-то вроде аттракциона имени самого себя. 26 июня они встретились за кулисами, и Корбетт предложил чемпиону поспарринговать с ним за некую сумму денег. Салливан согласился, но при одном довольно странном условии: что они будут драться это прямо в смокингах. Корбетт не стал возражать, и вот два джентльмена провели, к радости собравшихся, четыре раунда в своих столь экзотических для того занятия нарядах. Таким образом хитрый Джентльмен Джим получил всю нужную ему информацию о стиле чемпиона из первых рук.

А уже через год с небольшим, 7 сентября 1892 года, в Новом Орлеане Джентльмен Джим встретился на ринге с Великим Джоном Л. в бою за титул чемпиона мира. Этому матчу предшествовали долгие переговоры. Салливан был щедр, но именно поэтому ему всегда было нужно очень много денег. Его стартовый гонорар за официальный бой составлял 25 тысяч долларов (годовой оклад президента США в то время), но Джону Л. этого показалось мало. Он предложил еще одно условие: его противник должен был поставить сам на себя еще 10 тысяч долларов, а Салливан соответственно ту же сумму на себя. Победитель должен был забрать все 45 тысяч долларов, десять из которых и так принадлежали ему 10 тысяч долларов считались огромной суммой, но Корбетт легко нашел способ «победить». Его менеджером был театральный продюсер Уильям Брейди, с которым Корбетт работал артистом. Брейди безоговорочно верил в своего

печного и не только дал 10 тысяч долларов, но и решил поставить пьесу «Джентльмен Джек», в которой Корбетт должен был сыграть после победы над Салливаном.

Великий Джон Л. недолго любил правила маркиза Куинсберри, но на этот раз он сам на них настаивал, так как понимал, что выносливость не является сильной стороной. Корбетт легко согласился. Он также предпочитал новые правила. Бой проводился в стандартных для того времени пятиунцевых перчатках.

На ринг поднялся Джентльмен Джим, натренированный как никогда ранее, и тень Салливана. Джон Л. весил 96 кг, на 5 кг больше, чем в бою с Килрейном года назад. Кроме того, он вообще был плохо тренирован, и к 34 годам его фантастическое здоровье уже подточило многолетнее пьянство. Тем не менее Джон не сомневался в победе, а зрители заключали ставки из расчета 4—1 в его пользу. Но уже после первых раундов те, кто ставил на Салливана, беспокоились.

Не имеет смысла описывать этот бой, в котором раунды очень похожи друг на друга. Позже Салливан сказал: «Я бы нокаутировал его, если бы он хотя бы секунду остановился». Но Джентльмен Джим как раз останавливаться и не собирался. Джону Л. еще повезло, что у Корбетта не было нокаутирующего удара. Чемпион мира в легком весе Джон Маколиф, близкий друг первого чемпиона, вспоминая этот бой, сказал: «Я часто думаю, почему Салливан умудрился так долго держаться на ногах, находясь под дождем джебов и хуков, которые обрушил на него Корбетт». Маколиф сказал и еще одну важную вещь: «Корбетт был первым чемпионом в жизни Салливана, который посмел смеяться над ним как во время боя, так и до него. Это было совершенно ново для Салливана, и он потерял роль над собой».

Человек хоть чуть-чуть более робкий испугался бы Салливана, потерявшего над собой контроль, но Корбетт этого и добивался. Он не торопил события, и атака наступила в двадцать первом раунде. Пропустив серию ударов, Салливан пошатнулся, отошел в угол и взялся рукой за канат, чтобы не упасть. Корбетт с размашистым длинным удар правой, и Салливан рухнул на колени. Из последних сил он встал, но, пропустив последнюю серию ударов, упал лицом в канат.

Публика приняла Корбетта плохо. Люди еще просто не были готовы принять чемпиона, исповедующего такой защитный стиль ведения боя, но нового чемпиона это не слишком волновало. После боя Джентльмен Джим 15 месяцев разъезжал со своим театром по Штатам, играя в том же образе Джентльмена Джека из поставленной в его честь пьесы. Все это время он проводил демонстрационные бои, в одном из которых встретился еще раз с Салливаном, причем встреча состоялась всего через 10 дней после титульного боя в Медисон-сквер-гардене в Нью-Йорке.

В январе 1894 года Корбетт провел бой со старым знакомым, Чарли Митчеллом, и нокаутировал его в третьем раунде. Потом снова проводил лишь демонстрационные бои. В ноябре 1895 года он решил оставить ринг навсегда и сосредоточить все внимание на театральной карьере, но передумал и вернулся. Один год его уже давно ждал, и с нетерпением, — некий Боб Фитцсиммонс. Вообще-то против этого странного малого Корбетт должен был защищать свой титул, еще в октябре 1895 года, но переговоры тогда сначала затянулись, а потом провалились. Затем Джентльмен Джим покинул ринг, потом набирал форму, едва ли не проиграв при этом здоровенному малому Тому Шарки, весьма колоритному персонажу, получившему кличку Моряк Том — не столько за свою бывшую репутацию, сколько за вытатуированный у него на груди парусник. Но наконец и Фитцсиммонс дождался своей очереди.

РЫЖИЙ РОБЕРТ

Вряд ли существовал другой чемпион в тяжелом весе, чью внешность обсуждали бы так много и охотно. Никак не могли решить, на кого он больше похож, на великана или на журавля. Джон Л. Салливан называл его «боевой машиной на ходулях». Впрочем, почти у каждого, кто его видел, находилось свое определение. Современники говорили, что фотографии ни в коей мере не передавали того странного впечатления, которое он производил. Ростом 182 см, с могучим торсом, что не так заметно из-за очень длинных рук, с такими же длинными, но невероятно тощими ногами. Все это венчала маленькая лысеющая абсолютно птичьеголовая голова с остатками рыжих волос. Если Корбетт по своим внешним данным вполне мог играть героя-любовника, то Фитцсиммонс идеально подходил для ролей, которые уже лет тридцать с неизменным успехом играет Пьер Ришар.

Однако за столь забавным фасадом скрывался очень достойный и чрезвычайно мужественный человек. Роберт Фитцсиммонс родился 26 мая 1863 года в Хелстоне на полуострове Корнуэлл в Великобритании. Уроженцев этих мест по традиции считают потомками кельтов, самым древним из известных племен, населявших Британские острова. Как ни странно, Корнуэлл с его легендами и мифами все-таки оказал на Фитцсиммонса какое-то воздействие, хотя он ребенком покинул эти места вместе с родителями и уехал в Новую Зеландию. Там в ранней молодости Боб много работал подмастерьем кузнеца. Неизвестно, начал ли он заниматься боксом, но в 17 лет он выиграл довольно серьезный по меркам Новой Зеландии турнир в легком (это не опечатка) весе, в 1882 или 1883 уехал в Австралию, где выступал до февраля 1890 года, а в марте уехал в Америку.

Своего первого успеха здесь он добился менее чем через год. 14 января 1891 года Фитцсиммонс, чью внешность к тому времени уже давно обсудили и оценили ему клички Рыжий Роберт и Конопатый Боб, в 13-м раунде нокаутировал одного из самых прославленных здешних боксеров — чемпиона мира в тяжелом весе Несравненного Джека Дэмпси (не путать с чемпионом мира в тяжелом весе 1919—1926 годов Джеком Дэмпси). В том бою Фитцсиммонс безжалостно и разом укладывал Несравненного на пол, пока не уложил окончательно. Специалисты, однако, много говорили тогда, что Рыжий Роберт — чудо анатомии и только благодаря этому очутился в среднем весе, так как у него торс тяжеловеса, а ноги не весят почти ничего.

Последующие несколько лет Фитцсиммонс дрался то в среднем, то в тяжелом весе, хотя его собственный колебался в районе 72—76 кг. За это время он утвердил, что личность его так же эксцентрична, как и внешность.

Например, вряд ли в истории был еще хотя бы один боксер, который тренировался с ослами и мулами. Делал он это, по словам очевидцев, следующим образом. Уходил к раздраженному чем-то животному сзади. Всякий нормальный осел или мул в такой ситуации начинает лягаться задними ногами. При этом сила удара такова, что он вполне может проломить копытом череп человека. Боба это не смущало. Находясь в опасной близости от ослиной задницы, он не только избегал от копыт, но еще и наносил массу ударов сам, разумеется, по воздуху и не причиняя вреда животному, так что даже нынешние защитники бокса в этой опасной среде вряд ли бы нашли в его действиях состав преступления. Тренировался Рыжий Роберт также с подрастающими львятами и медвежатами. Он тренировал быстрые атакующие движения их лап, и даже боролся с ними. Скорее всего, это были цирковые животные с подпиленными когтями, иначе просто невозможно понять, как же он это делал.

Однако Фитцсиммонс прекрасно понимал, что тренировать нужно не только тело, но и дух. Он часто уходил в дальний угол тренировочного лагеря или леса, где никто не мог его побеспокоить, закрывал глаза и представлял себе, что тонет. Когда он начинал чувствовать, что вот-вот захлебнется и пойдет ко дну, он резко вытаскивал руку, хватался за воображаемый борт лодки или бревно и вытягивал себя из воды. Фитцсиммонс утверждал, что именно благодаря такому виду тренировки ему удалось поставить себе удары невероятной силы, которые несчастные, попадавшие под эти кувалды, сравнивали, по иронии судьбы, с ударами молота, от которых сам Боб так удачно уворачивался.

С 1891 по 1895 год Фитцсиммонс провел массу боев, официальных и демонстрационных, которые часто отличались от официальных только по названию, и не проиграл ни одного. Как-то за один день он встретился с семью тяжеловесами и нокаутировал всех. Он давно считал себя готовым к бою с Корнуэллом, но Джентльмен Джим, завоевав титул, резко охладил к боксу и стал все больше склоняться к театру. На 31 октября 1895 года был назначен его бой с Фитцсиммонсом, но тут Корбетт заявил, что покидает ринг и объявляет чемпионом такого же американского ирландца, как и он сам, Питера Махера. Разумеется, он не имел на это никакого права. Чемпионский титул не передается по наследству, но у Корбетта временами случались приступы мании величия, и из-за этого этот приятный джентльмен становился невыносим.

Однако ситуация с титулом разрешилась быстро. 21 февраля 1896 года в городке Мексико, штат Техас, Фитцсиммонс встретился с Махером и нокаутировал его через 95 секунд после начала боя. Узнав об этом, Корбетт заявил, что никуда он не уходил, никому титул не оставлял и еще покажет, кто тут настоящий чемпион. Во втором бою после возвращения он встретился с известным боксером, также ирландского происхождения, Томом Шарки, невысоким, агрессивным и выносливым как бык и с таким же, как у быка, пониманием о тактике и правилах ведения боя. Два раунда Корбетт делал с ним что хотел, а потом выдохся

причине недостаточности тренировок на театральных подмостках и едва протянул еще два раунда (бой, по настоянию Корбетта, должен был продолжаться не четыре раунда). За это время Шарки так его обработал, что Корбетт полчаса не мог встать со стула, что не помешало ему позже написать в автобиографии, что Том ни разу не смог его ударить. После этого боя Корбетт возобновил тренировки в полном объеме и стал готовиться к защите своего титула. Тем временем с Фитцсиммонсом случилась большая неприятность. 2 декабря 1896 года он встретился в Сан-Франциско все с тем же Томом Шарки. Первые раунды остались за Томом Шарки, но в шестом Фитцсиммонс перехватил инициативу и больше ее уже не упустил, а в восьмом своим коронным ударом по корпусу отправил Шарки в нокаут. Но тут рефери заявил, что удар был ниже пояса, а потому победителем объявляется лежащий пластом на земле Том Шарки, а Фитцсиммонс — виновником поражения. Ответственно побежденным.

Рефери на ринге в тот день был Уайетт Эрп. Да-да, тот самый неукротимый шериф с Дикого Запада. Фитцсиммонс, не знавший, с кем имеет дело, чуть не встал на него с кулаками, но его остановили. Кто был прав в этой истории, кто виноват? Мнения рассказчиков расходятся, в зависимости от симпатии к тому или другому участнику. Эрп, как и многие служители закона, был иногда склонен его слегка нарушать. Сам азартный игрок, он вполне мог перед боем через подставное лицо выдать деньги на Шарки или же договорился с другими игроками. Вполне возможно также, что он в момент удара находился в неудобном положении и ему действительно показалось, что удар пришелся ниже пояса. Таких историй хватает. Но мало кто сомневается, что удар Фитцсиммонса на самом деле был нанесен в соответствии с правилами. Это поражение не навредило Конопатому Бобу, и все эксперты решили, что оно равноценно победе.

17 марта 1897 года в Карсон-Сити, штат Невада, Боб Фитцсиммонс наконец-то встретился с чемпионом мира в тяжелом весе Джимом Корбеттом. Это был первый чемпионский бой, снятый на киноплёнку, так что при большом желании его можно посмотреть и сейчас.

Существует разная информация о том, сколько Фитцсиммонс весил в тот день. По официальной версии — 167 фунтов (75,8 кг), то есть столько, сколько он весил на официальном взвешивании, но один член его команды утверждает, что утром того же дня, когда Фитцсиммонса взвесили в тренировочном лагере, он весил всего 156,5 фунта (71 кг). Это вполне возможно: случалось, что, когда боксеру не хватало массы, при взвешивании ему подкладывали в трусы или в шорты, в которые он вставал на весы, стальные бруски. Вес Корбетта составлял 183 фунта (83 кг).

За несколько дней до боя во время пробежки Фитцсиммонс случайно встретил Корбетта вместе с несколькими членами его команды. Боб остановился и, выразив уважения к чемпиону, подошел к нему с протянутой для пожатия рукой. «Я пожму тебе руку там, — Корбетт глазами показал на стадион, — после того как ты выйдешь на ринг». «Тогда ты мне ее никогда не пожмешь», — ответил Фитцсиммонс. Последовал обмен резкими репликами, и спутники Корбетта благоразумно встали в стороне от боксеров. Надо думать, что Фитцсиммонс не забыл оскорбления.

Корбетт сразу захватил инициативу и принялся выигрывать раунд за раундом. Он значительно превосходил Фитцсиммонса в скорости, и тот просто не успевал за ним. Первые пять раундов остались за чемпионом, а шестой вообще чуть не кончился для Рыжего Роберта нокаутом. Фитцсиммонс получил очень сильный удар правой в челюсть и смог подняться на ноги только на счет девять. Каким-то чудом он сумел продержаться на ногах до конца раунда, но большинство судей решило, что дело уже сделано. Однако в восьмом раунде Фитцсиммонс провел свой коронный удар по корпусу, так не понравившийся Уайетту Эрпу, и Корбетт вздрогнул всем телом. Девятый и десятый раунды тоже были за претендентом. В одиннадцатом и двенадцатом Корбетту удалось выровнять положение, но в одиннадцатом Фитцсиммонс снова выглядел предпочтительнее, он даже выбил Джентльмену Джиму золотой зуб, который улетел к зрителям.

Корбетт довольно резко начал четырнадцатый раунд, но Фитцсиммонс ответил правым под ухо, а затем еще серией. Однако на Корбетта это не произвело большого впечатления. Чуть позже он атаковал своего рыжего противника левым боковым, тот частично уклонился, частично парировал удар и продолжал бить правой. Вместо этого Боб просто чуть махнул правой рукой, сделал подшаг правой же ногой вперед, закрутил весь свой корпус и как из пушки выстрелил левым кулаком в солнечное сплетение. Это был удар, который перечеркнул все, что сделал Корбетт до сих пор. Он попытался подняться, но ноги как будто парализовало. Слегка оторвав корпус от земли, снова упал всем телом. Тогда он пополз к канатам, чтобы, схватившись за них, подняться, но его уже, стоя за канатами, ждал хронометрист Уильям Маддун, друг и тренер Салливана, которого Корбетт нокаутировал пять лет назад. Маддун вел счет вместе с рефери, и, когда лицо ползущего Корбетта оказалось у него перед глазами, он как раз говорил: «..десять, аут».

То, что устроил Джентльмен Джим, когда через несколько минут пришел в себя, одобрил бы даже такой джентльмен, как Майк Тайсон. Фитцсиммонс стоял на ногах и, повернувшись лицом к аудитории, махал двумя американскими флажками. Незадолго до боя он обратился с просьбой о предоставлении американского гражданства, которое ему теперь было гарантировано. Корбетт подскочил к Бобу и ударил его в спину, завершив удар толчком, отчего Фитцсиммонс упал и даже зацепился под нижним канатом ринга. Сил у Корбетта осталось не так много, поэтому Рыжий Роберт был, скорее, удивлен, когда поднялся на ноги. Тем временем судьи скрутили Джентльмена и оттащили его в угол. Через несколько минут Корбетт снова направился в угол к Фитцсиммонсу и сказал: «Ты должен дать мне шанс. Я имею право еще на один шанс». Боб протянул ему руку, которую Корбетт на этот раз пожал, и сказал: «Я покончил с боксом». «Если ты не будешь

сья со мной, я нападу на тебя на улице», — сказал Корбетт. «Если ты еще раз пальцем до меня дотронешься, я тебя убью. Наша книга прочитана и закрыта», — гил Фитцсиммонс.

Как ни странно, многие очевидцы, рассказывая позже об этом бое и последовавшем за ним скандале, вспоминали еще один совершенно неприметный на ый взгляд эпизод. Когда Малдун и рефери уже закончили счет, на ринг поднялся один из секундантов Корбетта, огромный парень, который выглядел так, но мог побить обоих участников матча одновременно. Это был спарринг-партнер Корбетта Джеймс Джеф-фрис.

КОТЕЛЬЩИК ДЖЕФФРИС

Проиграв свой титул, великий Джон Л. оставил после себя пустоту, которую ни победивший его Корбетт, ни победивший Корбетта Фитцсиммонс заполнить не могли. В Джентльмене Джиме при всей его разносторонней одаренности не чувствовалось подлинного размаха. Он был расчетлив, умен, прекрасно выстроил карьеру, но за это не любят. К тому же страна просто не готова была признать своим символом человека, который так пекся в бою о собственной безопасности и чужой безопасности своей прически в стиле «помпадур». Одна из его кличек и была Джим Помпадур. Национальных героев так не называют.

Симпатичный чудак Фитцсиммонс тоже не тянул на звание символа нации. Его иностранное происхождение не сыграло здесь никакой роли, американцы считали его своим, но вот его внешность — дело другое. Человек, которого прозвали Конопатый Боб, тоже не может стать национальным символом. Ему же было достаточно широко известно, что все нестандартное тело Боба легко уместится под каблуком его миниатюрной жены Роуз, которая фактически была его менеджером. Роуз неплохо разбиралась в боксе и в сильных и слабых сторонах своего мужа, и, когда он в первых раундах проигрывал Корбетту, она была полна силы заорала: «Милый, дай ему в пузо!» Совет так понравился публике, что скоро десятки луженых глоток орали вслед за ней: «Дай ему в пузо!» В конце концов Боб так и сделал. В результате чемпионом он стал, но вторым человеком после президента — нет. До президента Клинтона с его Хилла-ри было еще очень далеко, и Америка не была готова смириться с тем, что в жизни столь влиятельного человека, как чемпион мира в тяжелом весе, жена играет слишком большую роль.

Уильям Брейди, менеджер Корбетта, был вообще-то театральным антрепренером, но новую профессию он тоже неплохо освоил. Это ведь он дал 10 тысяч долларов Джентльмену Джиму, чтобы тот мог встретиться с Салливаном, и не прогадал. Когда Брейди познакомился с Джеймсом Джеффрисом и взял его в команду Корбетта спарринг-партнером, он сразу понял, что из этого парня может получиться то, что никогда не получится из Джентльмена Джима, — настоящая звезда. И он в очередной раз не ошибся.

Скорее всего, именно Брейди догадался прозвать своего нового подопечного Котельщиком. В век паровых машин это звучало внушительно. Впрочем, Джеффрис на самом деле и работал на заводе, где изготавливали котлы, то только несколько месяцев, так как он достаточно рано ушел в бокс.

Джеффрис родился в городе Кэрролл, штат Огайо, 15 апреля 1875 года. В январе 1896 он провел свой первый профессиональный бой с довольно известным тяжеловесом Хэнком Грифффином в Лос-Анджелесе и нокаутировал его в четырнадцатом раунде. Грифффин провел на ринге более ста боев, и трудно допустить, что Джеффрис был совсем уж новичком, когда вышел против него. Скорее всего, у Джеймса за плечами уже были какие-то любительские или полупрофессиональные бои, проведенные где-нибудь в глубинке. Двух своих следующих противников он нокаутировал во втором раунде. Вот с таким послужным списком он и пришел в команду Корбетта.

В конце 1897 года все имеющие отношение к боксу люди уже знали, кто такой Джеймс Джеффрис. К тому времени он провел два боя с очень известными тяжеловесами Гасом Ру-лином и Джо Коински и оба закончил вничью. Все решили, что для новичка это колоссальное достижение. А когда 22 марта 1898 года он в третьем раунде нокаутировал негра Питера Джексона, того самого, с которым Джентльмен Джим провозился шестьдесят один раунд и добился только ничьи, о нем всерьез заговорили как о будущем чемпионе. Правда, от Джексона тогда уже мало что осталось, но об этом не было широко известно.

Через полтора месяца Джеффрис в 20-раундовом бою одолел Тома Шарки, ставшего его другом на всю жизнь, и путь к бою за чемпионский титул был открыт. Напоследок он пообещал Шарки, что, если станет чемпионом мира, даст ему матч-реванш, а свое слово Котельщик не нарушал никогда.

Боб Фитцсиммонс не завязал с боксом, как обещал Корбетту, но оказался очень ленивым чемпионом. Он владел титулом более двух лет и провел за это время лишь несколько демонстрационных боев, в ходе которых, в частности, нокаутировал одного здорового увальня, который весил больше него самого — 180 килограммов на 40—45. Тем не менее он считал, что абсолютно готов к бою с кем угодно, и 9 июня 1899 года в Бруклине, штат Нью-Йорк, вышел на ринг против Джеймса Джеффриса.

Уже первое впечатление получилось не в пользу чемпиона. Джеффрис был огромен и при этом явно быстр и ловок. Его рост составлял 189 см, а вес — 111 кг. Для своего времени он казался почти гигантом. Фитцсиммонс на его фоне выглядел просто журавлем.

Надо сказать, что Джеффрис вообще был на редкость одаренным спортсменом. Он бегал 100 ярдов за 10,2 секунды, что соответствует 11,1—11,2 на стометровке. Это особенно впечатляет, если учесть, что олимпийский чемпион 1900 года пробежал эту дистанцию за 11 секунд. Джеймс при своем могучем телосложении также прыгал в высоту почти на два метра (точный результат неизвестен, но все утверждают, что он был «за шесть футов», то есть выше 1,83 м). Короче, Джеффрис был фантастически одаренный от природы человек. И, наконец, он потрясающе выглядел на ринге, в отличие от самого Фитцсиммонса. Чтобы стать национальным героем, Джеффрису достаточно было победить.

Скорее всего, Котельщик победил бы Фитцсиммонса в любом случае: слишком уж велика получилась разница в габаритах при вполне сопоставимом уровне, но был человек, который очень облегчил Джеффрису его задачу. Это его тренер Томми Раян, чемпион мира в среднем весе. Мало кто из знакомых мог сказать о нем хоть одно хорошее слово, но все признавали, что дело свое, и как боксер, и как тренер, он знал превосходно.

Раян понимал, что напугать Конопатого Боба практически невозможно. Но нет человека, которого нельзя вывести из равновесия, что Томми успешно и доказал. Перед боем боксеры неизбежно встречались множество раз, и тогда Раян, который всюду сопровождал Джеффриса, показывал на него Фитцсиммонсу и говорил: «Смотри, Боб, какой он здоровенный! Куда тебе с ним тягаться!» Говорят даже, что эта сладкая парочка вломилась в раздевалку Фитцсиммонса прямо перед боем примерно

с таким же текстом. Правда это или нет, в сущности, неважно, так как Раян добился главного: Фитцсиммонс слегка потерял контроль над собой. Этому способствовала и ссора с женой за три дня боя. Подкаблучники, как известно, бывают покладистыми и бунтовщиками, Боб относился к последним. В результате ссоры со знаменитым рагу миссис Фитцсиммонс полетела на пол, и супруги какое-то время не разговаривали. Для человека, находившегося в такой психологической зависимости от своей половины, это был серьезный удар. В результате всех перипетий он вышел на ринг крайне взвинченным, что не замедлило сказаться. Он бросился на своего огромного противника как одержимый. Тому только это и требовалось.

Джеффрис был не просто очень хорошим боксером для своего времени, но даже новатором. Котельщик ввел новую для того времени низкую стойку-крауч¹, которую держал высоко, как современный боксер, а не на уровне груди, как его предшественники. Он постоянно «прощупывал» противника левым джебom, а правой рукой бил не хуже, чем Салливан. При этом его «коронкой» стал очень незаметный из-за низкой стойки левый хук², которым он отправлял в нокаут большинство противников.

Своей агрессивной тактикой Фитцсиммонс сам ускорил и без того неизбежный ход событий. Во втором раунде Джеффрис послал его в нокадаун. Боб встал, но был потрясен. Опыт и мужество продержали его на ногах до десятого раунда, но здесь силы стали иссякать, и он дважды падал на пол после левых боковых ударов. В одиннадцатом раунде комбинацией левый хук — правый апперкот³ Котельщик закончил бой.

Так начался миф Джеймса Джеффриса. Вскоре после победы он уехал с демонстрационным турне в Англию и Францию и вернулся лишь осенью. 3 ноября того же года он выполнил обещание, которое дал Тому Шарки, и встретился с ним на ринге в Бруклине. После 10 раундов, по мнению большинства, Моряк Том был сильнее вперед по очкам. Уступая 17 см в росте Джеффрису, Шарки занялся обработкой его корпуса, от чего тот стал весь синий. Но и Шарки тоже досталось. Позже выяснилось,

¹ Крауч (также «кrouч», от англ. to crouch — пригнуться) — низкая стойка.

² Хук (от англ. hook — крюк) — короткий боковой удар, который наносится согнутой в локте рукой.

³ Апперкот (от англ. uppercut — дословно: режущий удар) — ударснизу.

что начиная с третьего раунда он боксировал с двумя сломанными ребрами. В семнадцатом раунде Моряк провел комбинацию правый апперкот — левый хук. Но Джеффрис, к его удивлению, устоял, и он слегка потерял уверенность в себе. По контракту бой продолжался 25 раундов, и практически все раунды после первого раунда выиграл Джеймс. В последнем раунде произошел феноменальный случай. Джеффрис провел свой коронный левый хук, но Шарки успел подставить подбородок. Сила удара была тем не менее такова, что он все равно улан. Падая, он схватил Джеффриса за перчатку и сорвал ее с руки чемпиона! Рефери остановил бой и потребовал, чтобы Шарки надел перчатку. Шарки в это время вскочил, обежал рефери и нанес удар Джеффрису, от которого тот едва уклонился. Тогда Джеймс вынул свою руку из рук рефери и врезал Шарки голым кулаком. Порядок был с трудом восстановлен, а после окончания боя победителем, к большому удивлению публики, был объявлен Джеффрис. Его звезда еще только всходила, и полоумный Моряк Том пользовался куда большей популярностью.

Шарки был кем-то вроде Тайсона своего времени. В бою с Питером Махером он оказался в нокадауне в седьмом раунде. Едва поднявшись на ноги, Шарки бился на противника как одержимый. Прозвучал гонг, возвещавший об окончании раунда, но Том и не думал останавливаться. Рефери с ним не справился, тогда вмешалась полиция вместе с секундантами. Шарки в пылу крепко огрел и своего секунданта, и секунданта противника. Остановить его смогли, только сняв с него веревку и стянув петлю, а потом на всякий случай обвязав всего. Но Том все пытался вырваться и не переставая орал. Времена тогда были другие, и их не дисквалифицировали, а объявили ничью.

Существовал только один человек, с которым Шарки так ничего и не смог сделать, — это Боб Фитцсиммонс. В первом бою Шарки, лежавшему на полу, секунданты отдали победу, так как рефери считал, что Боб ударил ниже пояса. В их второй встрече, состоявшейся в 1900 году, Шарки сумел в первом раунде послать Фитцсиммонса в легкий нокадаун, но во втором Боб огрел его так, что Моряк Том рухнул на пол, и даже его бешеный темперамент не помог ему хотя бы

подняться, пока рефери отсчитывал до десяти, да и потом драться он уже не собирался. Может быть, Конопатый Боб и был подкаблучником, может быть, ему хватало веса, может быть, он не слишком хорошо держал удар, но бить он умел. Наверно, в его полумистической тренировке и был какой-то смысл. По ней мере для него.

С Джеффрисом Шарки справиться тоже не мог — слишком велика была разница в силе и весе. В матче-реванше с ним в 1902 году он сломал Джеффрису расщепив обе брови, но в восьмом раунде Котельщик одним левым хуком отправил его в нокаут.

Попытался вернуть себе титул и Корбетт, причем дважды. В первом матч-реванше, состоявшемся в 1900 году, он был даже близок к успеху. По мнению судей, из первых 22 раундов он выиграл практически все. Джеффрис просто не поспевал за Джентльменом Джимом, но, как ни странно, он ни на секунду не отстал в своем успехе. Когда его секундант неоднократно предлагал остановить бой, Джеймс без тени беспокойства говорил, что последнее слово все равно останется за ним. По способности держать удар равных ему на тот момент не было, а среди всех бесчисленных достоинств Корбетта как боксера ему не хватало только одного — нокаутирующего удара. У Джеффриса он был. Когда-то Салливан сказал, что нокаутировал бы Корбетта, если бы тот хоть на секунду отступил. То, что не удалось Салливану, удалось Джеффрису. В двадцать третьем раунде уставший Корбетт не успел уйти от страшного удара Котельщика и упал в нокауте.

Их второй матч-реванш состоялся в 1903 году, но на этот раз равного боя не получилось. Без больших проблем Джеффрис нокаутировал Корбетта в том же раунде.

К этому времени миф Джеймса Джеффриса расцвел пышным цветом. Сейчас даже не очень понятно, на чем он держался. Все-таки он дважды чуть не выиграл Шарки, который был на голову ниже его и килограммов на 10 легче. Он чуть не проиграл Корбетту, который рядом с ним смотрелся средневесом. Но, видимо, Брейди очень хорошо запустил свою PR-машину, и к началу 1900-х в народе стали распространяться фантастические слухи. Говорили, что врач, обслуживавший Джеффриса, по секрету сообщил своим друзьям, что Котельщик на самом деле не человек. А кто же он такой? На этот счет у каждого была своя версия, которую тот и излагал выпучив глаза.

Джеффрис стал национальным символом, которого не было со времен Салливана, попав в резонанс со своим временем. Он был огромен, непобедим и абсолютно уверен в себе. Именно так себя и ощущала Америка рубежа веков, которая всего несколько лет назад вышла на первое место в мире по производству, опередив Британскую империю со всеми ее колониями.

26 мая 1904 года Джеффрис нокаутировал во втором раунде своего очередного противника — Джека Монро, а 13 мая следующего года заявил, что покидает бокс, так как не видит для себя соперников. Преемников он, впрочем, видел — Марвина Харта и Джека Рута — и согласился быть рефери на их матче.

Бой состоялся 3 июля 1905 года в Рино, штат Невада. Публику на ринге интересовал только рефери. Однако ему самому на тот момент уже не нужны были ни титул, ни бокс. Если существовал когда-либо чемпион, уставший от бокса сверх всякой меры, им был Джеффрис. Все, что он хотел — купить хорошую ферму, и сделать, и принялся разводить люцерну.

Джеймс ушел с ринга непобежденным, живой легендой. Он не ощущал ни малейшего желания возвращаться на ринг. Первые годы на ферме были самыми счастливыми в его жизни. Но в 1910 году его заставят вернуться в бокс. Он вернется и проиграет, и это поражение перечеркнет в неблагодарной памяти историков все его победы. Для современников он просто перестанет существовать, как человек, не оправдавший надежд нации.

ЧЕМПИОН, КОТОРОГО ПОЧТИ НЕ БЫЛО

Когда речь заходит о Марвине Харте, как-то сам собой возникает вопрос: а существовал ли Марвин вообще? Ничего удивительного — о нем не помнили даже современники, когда он был чемпионом мира в тяжелом весе.

Джеффрис разобрался со всей старой гвардией — Корбеттом, Фитцсиммонсом и Шарки, а смена не пришла. Вот и пришлось остановить свой выбор на Марвине Харте и Джеке Руте.

Три года назад эти противники уже встречались, и тогда победил Рут. Поначалу казалось, что и второй бой закончится так же. В седьмом раунде Харта от Рута, возможно, спас только гонг, но за перерыв он пришел в себя и перешел в наступление. Он значительно превосходил соперника в весе (86 против 77,5 кг), и Руту нечего было сказать. В двенадцатом раунде Харт нокаутировал Рута. Но это абсолютно никого не заинтересовало. Публике равно не нужны были ни Харт, ни Рут. Им нужен был Джеффрис.

Похоже, в качестве чемпиона Харт был не слишком нужен даже самому себе. Во всяком случае, он почти ничего не сделал, чтобы привлечь внимание публики. Свой первый демонстрационный бой после завоевания титула он провел лишь через полгода. А первая же официальная защита титула закончилась для Харта поражением. Потом он совсем ушел в тень, из которой так больше никогда и не вышел. Впрочем, он и не пытался. Люди, которых выносит на гребень волны славы, никогда там долго не удерживаются.

ЧЕМПИОН, КОТОРОГО ПОЧТИ ЗАБЫЛИ

Самое интересное событие в жизни канадца Томми Бернса произошло не на ринге, а за карточным столом. В 1905 году во время «золотой лихорадки» Томми проиграл в покер шахту недалеко от Юкона, в которой, как предполагалось, было много золота.

Когда он приехал посмотреть свой выигрыш, в Юконе как раз находился знаменитый в этих местах боксер Майк Махоу-ни по прозвищу Клондайк. Бернс сел с ним бой, который закончился вничью. Когда боксеры отработали оговоренное число раундов, оба были на ногах. Бой этот носит полулегендарный характер, но, похоже, Бернс все-таки выиграл его.

Золота в шахте, видимо, не оказалось, так как Томми вернулся к прерванной было боксерской карьере.

На самом деле его звали Ной Бруссо. Он родился в 1881 году в провинции Онтарио (Канада) и с детства увлекался разными видами спорта, но больше всего любил бокс. Родители одобряли хоккей и не одобряли бокс. Когда Бруссо решил все же заняться боксом, причем в США, в качестве псевдонима он использовал имя известного тогда жокея. Видимо, оно просто первым пришло ему в голову. Теперь он был уверен, что если до родителей дойдут сведения о его победах, они не огорчатся. По другой версии, Бруссо решил поменять имя после того, как в январе 1904 года один из его соперников чуть не умер после боя. Вроде бы он провел пару боев под псевдонимом Эд Бернс и только потом стал Томми Бернсом.

Первые его бои точно не датированы, но известно, что он начал выступать как полусредневес в 1900 или в 1901 году, но так как все еще рос, то быстро набавлял в весе. Первое поражение Томми потерпел только в 1903-м от известного полутяжеловеса Майка Шрека при довольно необычных обстоятельствах. До этого Бернс (тогда еще Бруссо) понятия не имел, что его противник — левша, а с левшами он никогда в жизни не дрался.

В дальнейшем он выступал достаточно удачно, но 7 октября 1905 года проиграл по очкам Джеку Салливану по кличке Близнец в бою за чемпионский титул в среднем весе. Вполне возможно, что Бернс просто измотал себя сгонкой веса, так как пытался влезть в тогдашний лимит этой весовой категории — 158 фунтов (71,7 кг), что ему все равно не удалось, так что даже в случае победы он бы не стал чемпионом в среднем весе. Впрочем, он не стал бы им в любом случае, так как в этой категории царил полная неразбериха и никто толком не знал, кто же является «главным» чемпионом в среднем весе. Чуть позже решили, что это уже неважно, и назвали чемпионом Томми Раян.

Как ни странно, но, потерпев поражение от Салливана, Бернс в следующем же бою 23 февраля 1906 года выступил против свежеепеченного чемпиона в среднем весе — Марвина Харта.

Фаворитом в этой встрече считался Харт, и, когда боксеры вышли на ринг, стало ясно почему. Бернс был значительно меньше своего противника (рост соответственно 170 и 181 см, а вес — 81,5 и 88,5 кг). У Томми, правда, были необычайно длинные руки, но это не бросалось в глаза.

Тогда еще не существовало узаконенного количества раундов, и оно оговаривалось в контракте на каждый конкретный бой. Менеджеры Харта и Бернса договорились о 20. Ровно столько бой и продолжался. Сразу стало ясно, что Харта недаром не признавали чемпионом. Он не мог противостоять своему взрослому противнику. В седьмом раунде Бернс отправил его в нокаут, в четырнадцатом Харта от нокаута спас гонг, а в двадцатом Томми громил чемпиона по всем статьям, как и во всех предыдущих раундах. После боя рефери, весь забрызганный кровью Харта, объявил Бернса новым чемпионом мира в тяжелом весе.

Чемпиона Бернса встретили почти так же хмуро, как и Харта. Все прекрасно понимали, что и Салливан, и Корбетт, и Фитцсиммонс, и Морьяк Том Шарки в свои молодые годы, не говоря уже о Джеймсе Джеффрисе, победили бы его без больших проблем. Да, Бернс был в целом хорошим боксером, обладал мощным ударом справа, но только на полном безрыбье он мог стать чемпионом.

Тем не менее Бернс изо всех сил принялся доказывать, что это не так. За три года он защитил свой титул 11 раз, в том числе и против тех, кого ему не давали «начали» пресса и общественность. Он пронес славу американского бокса по всему миру. Он был в Лондоне, Дублине, Париже, Сиднее и Мельбурне и всюду добивался безоговорочных побед, но его все равно не считали настоящим чемпионом. А все потому, что он бегал по всему миру от боя с одним боксером, и все об этом знали. Бегал от соперника, с которым его никто не заставлял драться, но без победы над которым, как это ни парадоксально звучит, его никогда не признали полноценным чемпионом мира. Бернс добежал до Австралии, и здесь преследователь догнал его и предложил за бой с собой 35 тысяч долларов. За такую сумму он не постеснялся бы драться и Джон Л. Салливан. Томми согласился. Бежать ему все равно оказалось некуда. Дальше Австралии была только Антарктида.

БЛЭК ДЖЕК

Конец XIX века был ирландской эпохой в истории бокса. На американской иерархической лестнице ирландцы стояли тогда на очень низкой ступени и, все, кто стоит низко, очень следили за тем, чтобы их ни в коем случае не сравнивали со стоящими еще ниже. В данном случае — с неграми.

Негритянская «экспансия» в боксе уже давно началась, и противостоять ей было все труднее. Чернокожие боксеры успешно брали один рубеж за другим, завоевывали титулы в разных весовых категориях, но тяжелый вес долго оставался для них неприступной крепостью. В конце 80-х первый чемпион мира в среднем весе Джон Л. Салливан отказался драться с негром Питером Джексоном на том основании, что его титул — такая ценность, что нельзя рисковать им. Он должен достаться негру.

Бесстрашие Салливана было хорошо известно, и его отказ сочли вполне приемлемым. Джеймс Джеффрис отказывался драться с неграми на том же основании, но его вообще считали суперменом в самом прямом смысле этого слова, и отказ Джеф-фриса тоже никто не воспринимал как проявление страха. А вот сам Берне не обладал авторитетом ни того, ни другого. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. По инерции ему еще разрешали «косить» от боев с неграми, но с одним конкретным негром, но все понимали, что этой инерции на весь его чемпионский век не хватит, хотя он и надеялся, что хватит. Человека, от которого Берне бегал по всему миру, по паспорту звали Артур Джон Джонсон, а в миру — Джек Джонсон. Целых семь лет одно это имя заставляло многих белых в Америке сжимать кулаки в бессильной злобе. Он по очереди победил их всех, унизил и доказал свое превосходство. Белые

не могли тягаться с ним ни в чем: ни в мастерстве на ринге, где он их побеждал, ни в умении обращаться с женщинами, белыми женщинами, которые валились ему поодиночке и скопом, ни в умении делать деньги. Чтобы победить его, Америке понадобилось опуститься до отвратительного жульничества и выставить себя перед всем миром в смешном виде. Великая нация не смогла в честном бою одолеть одного «плохого негра».

А как тихо все начиналось! Он родился 31 марта 1878 года в Галвестоне, штат Техас, в самом сердце бывшего рабовладельческого Юга и как раз в период так называемой «реконструкции» этого края, когда местные горячие головы вполне серьезно говорили, что рабство в принципе можно и вернуть. Известная разница в отношении к неграм между Севером и Югом сохраняется по сей день, а что уж говорить о тех временах.

Поначалу Джек был самым обычным мальчишкой. Когда ему исполнилось 12 лет, его сестра как-то пришла домой вся зареванная и сказала, что ее изнасиловал один парень, и потребовала, чтобы брат рассчитался с ним. Первым делом Джек попытался всеми силами уклониться от возложенной на него геройской миссии. Но сестра буквально силой притащила его на поле брани, срамила на всю улицу и требовала, чтоб он подрался с этим парнем, который был гораздо старше и сильнее его. Пути к отступлению были отрезаны: сзади царапающаяся, как кошка, разъяренная сестра, а впереди здоровенный противник. Дворовая ответственность с интересом смотрела на представление. Джек, отчаянно труся, выбрал из двух зол меньшее: вступил в драку. А может быть, просто стыд оказался сильнее страха. К своему удивлению, он без особого труда вышел победителем, а этот эпизод не без юмора описал в автобиографии.

Отец хотел, чтобы Джек, как и он сам, стал баптистским священником, и сын поначалу ничего против этого не имел, но после своего боевого крещения быстро увлекся боксом, и церковь потеряла весьма своеобразного служителя. Несостоявшийся священник оказался невероятно талантлив и, начав выступления на профессиональном ринге в 16 лет, быстро вошел в первый эшелон тяжеловесов. Поначалу ему не хватало школы, из-за чего он иногда терпел поражения. В 1901 году в своем родном Галвестоне он проиграл известному тяжеловесу Джо Коински нокаутом в третьем раунде. Бокс все еще был полузапрещен, и обоих участников боя арестовали и посадили в одну камеру.

У Коински не было расовых предрассудков, как у многих его коллег. Будучи евреем, он хорошо знал, что такое ненависть по национальному признаку. Из-за этого, Джонсон ему просто понравился, и он занялся обучением талантливого недоучки. Времени у них было достаточно, а Джек впитывал все как губка. Они просидели чуть меньше месяца, и если бы это зависело только от Джонсона, он бы, наверно, предпочел посидеть еще, но только в компании с Коински.

Видимо, Джо оказался еще лучшим тренером, чем боксером. До 1905 года Джонсон потерпел только одно поражение, да и то, скорее всего, его засудили.

Однако по мере приближения к боксерской элите Джек Джонсон наткнулся на ту же стену, что и некогда Питер Джексон, с которым не хотел драться сам Салливан. Правда, время уже было другое. И человек тоже. Там, где Джексон смирялся, Джонсон шел напролом, и ему многое удавалось, хотя далеко не все. Чернокожие тяжеловесы составляли достаточно изолированную группу и встречались в основном друг с другом, а так как их было немного, то и дрались они по раз. Так, Джонсон встречался с другим известным негром-тяжеловесом Джо Джан-неттом в девяти боях. В 1903 году, победив некоего Денвера Эда Мартина, он завоевал неофициальный титул чемпиона мира в тяжелом весе среди цветных, но Джонсону этого, разумеется, было мало, и он всеми силами стремился выиграть бой за главный титул в тяжелом весе. Однако его попросту игнорировали или отвечали на его вызовы оскорблениями. Тогда-то Джонсон и сказал о том, ставшую лейтмотивом всей его жизни: «Они не дают мне забыть, что я нег. Ладно, я действительно нег. Но раз так, и я им никогда не дам забыть, что я нег».

Джонсон был умен, не лез за словом в карман, издевательски парируя любые выпады, и в словесных перепалках белым журналистам, преследовавшим его, трудно над ним одержать было так же сложно, как белым боксерам на ринге.

Джек многократно вызывал на бой Джеффриса, но тот стоял так высоко, что мог действительно не слышать криков какого-то негра или мог сделать вид, не слышит. Другие лучшие белые тяжи тоже не спешили встречаться с Джонсоном, но однажды ему все же удалось пробить брешь в этой стене. Марвин Меннинг, тогда еще не чемпион, согласился с ним встретиться.

Бой состоялся 28 марта 1905 года. К десятому раунду стало ясно, что у Харта нет никаких шансов на победу. Тогда против Джонсона был использован прием, который позже применялся неоднократно: у одного из соперников в первых рядах Джек увидел демонстративно выложенный на колени револьвер. Другие боксеры в таких случаях неизменно ложились на пол, имитируя поражение. На это Джонсон пойти не мог. Он просто отдал инициативу и дотянул до конца 20-раундовый бой, проиграв его по очкам. Он вызвал Харта на следующий бой, но тот, конечно, отказался.

Многие ставят под сомнение подлинность этой истории, так как она восходит к самому Джонсону, но на самом деле нет никаких оснований ему не верить. К тому времени Джонсон стал абсолютно непобедим. Непробиваемый боец, обладавший самой лучшей защитой среди всех боксеров своего времени, он был достаточно крупным тяжелым — рост — 186 см, вес в лучшие годы — 87—93 кг. Бил он одинаково хорошо с обеих рук, но не это сделало его легендой. Джек, что называется, чувствовал противника и потому мог опередить все его действия. Он обладал каким-то высшим инстинктом, свойственным только самым талантливым бойцам. Опираясь на него, Джонсон не проводил какие-то излюбленные комбинации, как все другие боксеры, а действовал от ситуации. Он сам не знал, что будет делать в следующую секунду, и «прочувствовать» его не мог никто.

Тем временем Харт стал чемпионом мира и в первом же бою проиграл свой титул Томми Бернсу.

Как уже говорилось, Берне сбежал из страны от греха подальше. Джонсон заработал денег и бросился вдогонку. Он следовал за ним из одной страны в другую. Все это время Берне в каждом интервью, которое давал в том или ином государстве, оскорблял его. Было и в этом бегстве, и в оскорблениях что-то надежное.

Джексон всё-таки догнал Бернса на другом конце земли — в Австралии, в декабре 1908 года.

Здесь он сумел несколько раз публично вызвать Бернса на бой. Джонсон был в Австралии уже не в первый раз. Полтора года назад он успешно провел пару боев и понравился австралийской публике. Берне понравился куда меньше. Томми понял, что час настал. Он уклонялся от встречи с Джонсоном уже в течение двух лет. Он сбежал от него буквально на край земли, но и здесь Джонсон его нашел, и Берне принял вызов. Видимо понимая, что звание удержать не удастся, Томми торговался как черт. Джонсон, по условиям контракта, получал 5 тысяч долларов, а Берне — 35.

Однако Джек не был бы самим собой, если бы не сумел довести до сведения всех и каждого в Австралии, как Берне торговался и как некрасиво вел себя во время переговоров, постоянно оскорбляя его. Более демократичная австралийская публика плюнула на расовые предрассудки и принялась болеть за Джонсона. Берне не случайно пожертвовал деньгами. Сейчас ему нужен был титул. К этому времени он уже точно знал: если он получит титул, белые готовы будут заплатить любые деньги, чтобы отобрать его у негра.

И вот на следующий день после Рождества, 26 декабря 1908 года, Джонсон дождался своего часа. Он мог все закончить уже в первом раунде, когда мощным ударом поднял Бернса в воздух. Упав, Томми так шмякнулся об пол, что этот звук слышали на самых дальних рядах открытой арены. Но Джонсон не стал останавливать Бернса. Он слишком долго ждал этого часа и решил растянуть удовольствие.

Берне выглядел слепым котенком. Как потом говорили, он не выиграл ни одной минуты ни одного раунда. Джонсон наносил удары не в полную силу и имитировал, имитируя голос негра с плантации: «Ну что, мистер Берне, как мы себя чувствуем? Может, сделаете что-нибудь, а то вы мне так ничего и не показали до сих пор». Потом вдруг начинал говорить каким-то причитающим бабьим голосом: «Бедный, маленький Томми! Ничего не получается, да? Ну иди сюда, маленький, я научу». Временами он пугал измученного Бернса ложными выпадами, за которыми следовали не атаки, а очередные издевательства. Заканчивая раунд, он говорил с Томми словами: «Всего доброго, мистер Берне. До встречи». В четырнадцатом раунде бой остановила полиция. Так Джек Джонсон стал чемпионом мира. Томми Берне заплатил за каждое плохое слово, которое он когда-либо сказал о Джонсоне. Много лет спустя, оборачиваясь на пройденный путь, Джек говорил: «Берне был единственным человеком в моей жизни, которого я по-настоящему ненавидел». Вряд ли это было так. Ненавидел он очень многих, но Бернса, пожалуй, больше всех.

Америка встретила нового чемпиона стиснув зубы. Джонсон, наоборот, обнажил свои зубы в улыбке. Америка вздрогнула: они были золотые. Негр с белыми зубами — это чересчур. Джонсон попал в цель. Ни один репортер теперь не мог не упомянуть о его «золотой улыбке». Страна задыхнулась от бешенства, а

Джонсон собрал с этого золотой урожай. Ему стали платить баснословные гонорары, только чтобы заставить его драться с очередной «большой белой надеждой». Он был первым человеком в истории, который понял, что на имидже антизвезды можно заработать. Дрался он теперь исключительно с белыми, так как с точки зрения они были куда более выгодными соперниками. Он побил нескольких человек, но они выполнили лишь роль приманки для главной звезды. Джонсон повел себя как аристократ-охотник, для которого челядь загоняет дичь, а сам он сидит в засаде с ружьем и спокойно ждет, когда же зверь выбежит на него. Роль загонщиков, сами того не зная, сыграли почти все белые американцы, при этом старшим у них по собственному почину стал любимый мальчик нашего детства Джек Лондон. А зверем, которого ждал в засаде Джек, был, конечно, экс-чемпион мира Джеймс Джеффрис.

Джек Лондон видел бой Джонсона с Бернсом в Сиднее собственными глазами, и тот произвел на него удручающее впечатление. В своем репортаже он написал: «Остается одно: Джеффрис должен вернуться со своей люцерновой фермы и сбить «золотую улыбку» с лица Джонсона. Тебе решать, Джефф».

Между тем Джеффрис отнюдь не собирался возвращаться на ринг. Он набрал почти 40 килограммов веса и катался как сыр в масле, довольный собой, своей фермой и всей своей жизнью, и ему не было никакого дела до всей белой расы с ее проблемами. Бокс дал ему возможность безбедно прожить лет сто, и именно он и собирался сделать. Джеффрис очень хотел не заметить призыва Джека Лондона и сейчас, но вся страна подхватила слова писателя, который тогда еще не был детским: «Тебе решать, Джефф» и «Сбей с его лица «золотую улыбку». Ему не оставили выбора: если бы он не ответил на призыв народа, то из национального героя его бы перевели в национальные предатели.

Тем временем Джонсон, от души смеясь, смотрел, как вся страна работает на него. Ему самому Джеффрис был нужен позарез по трем причинам. Во-первых, он был настоящим чемпионом и хотел, чтобы ни у кого не осталось в этом никаких сомнений, а без победы над Джеффрисом это было невозможно. Во-вторых, представлялась уникальная возможность смачно плюнуть в лицо всей белой Америке. В-третьих, бой с экс-чемпионом сулил колоссальные деньги. Он был одавлен и Джеффрису, который не спешил с возвращением на ринг, так как предстоящий поединок с каждым днем рос в цене.

Когда 1 декабря 1909 года контракт был наконец подписан, обещанные гонорары превзошли все ожидания. После подписания контракта боксерам вручили 10 тысяч долларов. Гонорар каждого должен был составить 101 тысячу долларов. Оплату за право на съемку делили из расчета 60 к 40 в пользу победителя, а проигрыш в сумме с гонораром и авансом должен был получить более 350 тысяч долларов, в то время как максимальный гонорар Джона Л. Салливана составил 25 тысяч. (Для сравнения — приличная зарплата составляла тогда около 1200 долларов в год.) Белая Америка готова была заплатить любые деньги, чтобы избавиться от Джонсона раз и навсегда. Многие надеялись, что Джеффрис убьет его.

Джонсон тренировался как спартанец, но выглядел абсолютно беспечным. Многочисленные «эксперты» в прессе указывали на это как на явное проявление умственной неполноценности негров вообще и Джека в частности. Выдвигалась теория, что неграм неведомо само понятие будущего и они живут в настоящем, где есть только прошлое и настоящее. Следовательно, Джонсон просто не понимает, что его ждет.

Бой, который белой частью населения рассматривался как судебный процесс «Америка против Джека Джонсона» с немедленным вынесением приговора, назначен на величайший национальный праздник, День независимости, — 4 июля 1910 года в городе Рино, штат Невада.

Джонсон вышел на ринг первым в вызывающе роскошном шелковом халате, который ему подарила, как он сообщил всем, его жена (очень красивая белая женщина по имени Этта Дюрри, ради него отказавшаяся от всего). Оркестр, развлекавший публику перед боем, в ответ сыграл песенку под названием «Для меня все улыбки на одно лицо». Джонсон хлопал в ладоши и улыбался во весь рот. Золотые зубы сверкали на солнце как звезды. Вскоре появился и Джеффрис. Он вышел на него, как бык на красную тряпку, и Джонсон отвернулся. Публика загудела, решив, что Джек испугался.

А дальше начался бой.

Как и все встречи Джонсона в то время, этот бой проходил в одни ворота. «Ну давайте, мистер Джефф (такое обращение считается в Америке оскорблением), сделайте хоть что-нибудь», — подзуживал Джек своего противника. Потом вдруг начинал наносить удары с частотой отбойного молотка, добавляя: «Я могу это делать хоть весь день».

Три раунда Джек присматривался к противнику, а начиная с четвертого принялся методично и неспешно его избивать. Секундант Джеффриса, Джим Корбетт, не нашел ничего лучшего, чем строить Джеку рожи из угла. Он был расистом геббельсовского толка и всерьез полагал, что негры при виде такой попойки гимнастики полностью теряют контроль над собой. В ответ Джонсон улыбнулся во все свои золотые зубы, притащил уже полуживого Джеффриса в тот угол, где стоял Корбетт, сложил брови домиком и голосом самого робкого негра с плантации спросил: «Куда прикажете его положить, масса Корбетт?» Джентльмен сначала поперхнулся, а потом перешел на язык грузчиков.

А Джонсон все не унимался. Акцент негра с плантации он сменил на дружеский тон, чуть ли не после каждого удара заботливо спрашивая Джеффриса: «Больно, Джим?» Джонсон мог без труда нокаутировать его, но он никуда не спешил. Раунд за раундом он наносил достаточно сильные удары, чтобы держать противника в кровавом тумане, но все же позволял ему оставаться на ногах.

В пятнадцатом раунде он решил, что уже наразвлекался вволю и пора ставить точку. После очередной атаки Джеффрис рухнул на пол. Он встал только для того, чтобы упасть снова, причем вывалившись между канатами ринга. К нему подбежали несколько человек, чтобы поднять его на ноги, что вообще-то запрещено правилами. При этом один из секундантов дал пинка бывшему кумиру, не оправдавшему надежд своей расы.

Перед последней атакой лицо Джонсона, озаренное до сих пор неизменной «золотой улыбкой», страшно исказилось. Вдруг на несколько секунд он словно потерял маску. Зрители в передних рядах вздрогнули. Это был не боксер, а убийца. Он нанес три сокрушительных удара. Голова Джеффриса, казалось, отлетит как от палача. Джеффрис рухнул на пол уже в третий раз в этом раунде, и секундант выбросил полотенце, чтобы ему не отсчитали нокаут...

В последующие дни по Америке прокатилась волна погромов, в которых погибло 19 негров и были избиты тысячи, но все иностранцы, бывшие тогда в Штатах, отмечали скрытое торжество в глазах потомков рабов. Они никогда уже не станут прежними, и это было достоинством одного-единственного человека.

В 1912 году положение сложилось совсем невыносимое. В очередной День независимости Джонсон вновь вдоволь покуражился над очередной «большой надеждой». Терпеть его больше не могли. Дело было только за поводом, а уж такая буйная натура, как Джонсон, как полагали, не замедлит его дать. Однако следователям пришлось в очередной раз убедиться, что Джонсон умеет работать не только кулаками, он был осторожен. Тогда они пошли на прямой подлог. Углубленные подвиги Джонсона были общеизвестны. Сфабриковали дело: якобы Джонсон пересек границу США в обществе женщины, не состоявшей с ним в браке, да еще с «незаконными целями». По действовавшему тогда Акту Манна, этого было достаточно, для того чтобы посадить человека за решетку. Однако именно этой женщиной, в виде исключения, Джонсон никогда не вступал в «незаконные отношения», что и было доказано, но суд приговорил его к году заключения. Отпустили под залог, чтобы привести в порядок дела. Джонсон зашел в ночной клуб, там без всякого суда его попытались просто застрелить, пуля попала в плечо. Заключение отсрочили, но приговор остался в силе. Джек не был создан для роли жертвенного барана — он сбежал в Европу, исколесил в поисках соперников континент, побывал даже в Санкт-Петербурге и осел в Париже. Преследования и разнузданная жизнь стали сказываться на нем. Его жена Этта, которую он любил, несмотря на свои бесчисленные походы налево и направо, не выдержав травли, давно покончила с собой. Деньги он благополучно тратил на женщин и в карты. Было у него еще одно дорогостоящее хобби — роскошные автомобили, которые он разбивал один за другим. Через несколько лет от бывшего Джонсона осталась лишь тень.

5 апреля 1915 года в Гаване, к радости всей Америки, он наконец-то проиграл свой титул Джессу Уилларду. По поводу того, каким образом Уиллард одержал победы, существует две версии, но об этом чуть позже. Возвращаться в Штаты, где ему грозил годичный тюремный срок, Джонсон не спешил. Пять следующих лет он провел в Испании и Мексике, но в июле 1920-го неожиданно пересек американскую границу и сам сдался властям. Его тут же отправили в тюрьму Мануэля, где он примерно себя вел, а к нему более чем прилично относились. Там он провел три боя. Все выиграл.

Отсидев свой год, он вышел на свободу. Американские ринги были для него закрыты, и он продолжил выступать на Кубе, в Канаде и Мексике. В 1926 году, когда от бывшего Джека Джонсона осталась лишь тень от тени, ему разрешили драться и в США. Он стал проигрывать один бой за другим. К этому времени ему было уже 48 лет, за которые было прожито столько, что все это уместилось бы в несколько длинных и бурных человеческих жизней.

В последние годы Джек отнюдь не бедствовал, хотя когда он вышел из тюрьмы, у него не было ни гроша. В 1925 году он удачно женился и, судя по всему, доволен жизнью.

10 июня 1946 года он погиб в автомобильной катастрофе. Джек спешил на боксерский матч Джо Луис — Билли Конн.

В свое время Генри Форд, узнав, что Джонсона постоянно штрафуют за превышение скорости, стал ежегодно дарить ему по «линкольну». О бешеной езде Форда писали газеты, а Форд таким образом рекламировал свои автомобили. О затраченных деньгах жалеть ему не пришлось.

Джонсон умер как жил — несясь во весь опор на роскошном автомобиле. До конца своих дней он остался для белой Америки плохим негром, которого никто не смог победить. Черная Америка объявила его своим богом еще при жизни.

КАЛИФ НА ЧЕТЫРЕ ГОДА

Вся боксерская биография Джесса Уилларда в принципе уместается в два боя, в первом из которых он завоевал титул чемпиона мира, а во втором — проиграл. До первого боя он фактически был никем, а после второго опять стал никем. Но между ними он был героем и спасителем нации.

Джесс родился в 1881 году в Канзасе в семье фермера, который умер за два месяца до его рождения. С детства больше всего на свете он любил лошадей и мечтал стать ковбоем, но вымахал слишком здоровым для наездника. Он был подростком, когда его рост перевалил за 190 см. Однако жизни без лошадей Джесс все равно не мыслил и занялся их тренировкой и перепродажей. Уиллард наладил хорошие отношения с местными индейцами и покупал у них лошадей, а потом продавал их фермерам.

Ничто в его тихой и незаметной жизни не предвещало крутого поворота, однако он произошел. Даже его родственники не могли точно упомянуть, когда и на какой ярмарке он впервые решил принять участие в боксерском матче. Разные историки бокса сообщают совершенно разные версии. Вроде бы первые два боя Уиллард провел в 1911 году, когда ему оставалось всего несколько месяцев до 30, причем первый он проиграл, а второй — выиграл. Произошло это где-то в Канзасе.

Уиллард учился на ходу, и у него неплохо получалось. В очень значительной степени успех Джесса держался на его колоссальном физическом превосходстве над всеми соперниками. В начале XX века тяжеловесы были в среднем значительно мельче, чем сейчас. Редко у кого вес переваливал за 90 кг, а рост — за 185 см. У Уилларда было соответственно 105 кг и около 199 см. Конечно, он был слегка неуклюжим и недоученным, но тяжеловесы по традиции плохо сражались с очень рослыми противниками по той простой причине, что у них нет опыта ведения боев с людьми более крупными, чем они сами. Правда, и тяжеловесы обычно не пользуются особым кредитом на ринге, так как достаточно плохо координированы, а без хорошей координации в боксерской элите делать нечего. Однако у Уилларда этот недостаток хотя и существовал, но был сведен до возможного минимума.

Временами у него все-таки случались осечки, что говорит о том, что выдающимся боксером он не был. Так, в 1913 году он проиграл по очкам известному тяжеловесу Эду Смитсу по кличке Канонерка и нокаутом Джорджу Роделю по кличке Бур. С последним, правда, чуть позже, Уиллард дважды рассчитался с лихвой.

После боя с Уиллардом в том же 1913 году скончался боксер Уильям Янг. Длинные удары Джесса обладали действительно сокрушительной силой.

Однако следующий, 1914 год Уиллард начал с поражения от малоизвестного боксера Тома Макмэхона, а в его последующих выступлениях не было ни одного блеска. Короче говоря, никто не увидел в нем тогда будущего чемпиона.

И все-таки именно его выбрали, чтобы выставить против Джека Джонсона. Тот к тому времени перебрался на Кубу, так как в Европе началась Первая мировая война и было не до бокса и не до Джонсона. К тому же Джеку не заплатили за его последний бой с неким Фрэнком Мораном.

Бой состоялся 15 апреля 1915 года. По контракту он мог продолжаться до 45 раундов, что подразумевало сверхчеловеческую выносливость участников, так как температура воздуха приближалась к 40 градусам, а влажность — к ста процентам. Встреча началась под диктовку Джонсона. Рост его соперника мало отличался от Джека, и уже в первом раунде он чуть не послал его в нокаут. То же самое повторилось в седьмом и восьмом раундах. Далее атаки Джонсона стали менее эффективными, но он продолжал выигрывать раунд за раундом вплоть до двадцать четвертого. Двадцать пятый раунд был первым, который он проиграл.

В двадцать шестом раунде Уиллард немного ожил. Он выполнил простейший финт левой, просто помаячив этой рукой перед лицом Джонсона, а потом нанес длиннейший правый кросс¹. Как мог поддаться на такой трюк и проморгать такой удар боксер, обладавший на то время лучшей защитой, уму непостижимо, но произошло. А в результате Америка увидела долгожданное зрелище: Джонсон оказался в нокауте.

Сразу после боя стали говорить о том, что Джонсон сдал матч в обмен на право вернуться в США. Чуть позже сам Джонсон подтвердил эту версию, но в то время многие, в том числе и его друзья, ему не поверили. Вынести однозначное суждение, даже просмотрев матч и проанализировав все факты, многие из которых невозможно проверить, невозможно.

Попытаемся, опираясь прежде всего на материалы, собранные американским журналом «The Ring», обобщить все в этой таблице, в том числе и косвенные аргументы «за» и «против» того, что Джонсон сдал матч в этой таблице, и вынести их на ваше суждение.

¹ Кросс (от англ. to cross — перекрещивать) — обводящий удар с задней (для правши — правой, а для левши — левой) руки, который проходит над передней рукой соперника. По траектории может быть и прямым, и полупрямым, и боковым.

Не претендуя на истину в последней инстанции, все же попытаемся изложить свою версию произошедшего на основе всех этих «за» и «против».

Видимо, какие-то разговоры о сдаче матча шли незадолго до боя и, скорее всего, инициатором их был как раз Джонсон. Поэтому он и тренировался с более слабыми соперниками. Слухи об этом просочились в прессу, но на тот момент они уже не имели под собой основания: никакой «договоренности» не получилось. Обескураженный таким поворотом дела, Джонсон изменил своей обычной осторожной манере и набросился на Уилларда как лев в первом же раунде. Но Уиллард

ржал наскок. Джонсон взял паузу, и в седьмом и восьмом раундах снова спуртовал¹. На этот раз его действия были хорошо просчитаны: он понимал, что в его чемпионном самыми различными излишествами теле силы кончатся раньше, чем у Уилларда, не говоря уже о том, что его точно не хватит на 45 раундов, которые еще должен был продолжаться этот бой по контракту. Уиллард выдержал и второй штурм, а дальше просто стал ждать своего часа, как когда-то ждал своего часа Фрэнк Фуррис в бою с Джимом Корбеттом. Мастерство Джонсона было настолько выше всего, что мог сделать Уиллард, что он выигрывал раунд за раундом, но на локальные победы у него уходило больше сил, чем у Уилларда на такие же локальные поражения. Джонсон был человеком с одной стороны трезвым, а с другой — жестоким. Он не мог не понимать, что в его нынешнем состоянии он может проиграть бой, и, наверное, не хотел, чтобы жена увидела, как он беспомощно ляжет на ринг. Возможно, он согласовал с ней какой-то знак, увидев который она должна была понять, что дело плохо и ей надо уйти со стадиона. Так оно и вышло. Удар в двадцать шестом раунде сбил Джонсона с ног, но не потряс его по-настоящему, потому он и прикрылся от солнечных лучей. Может быть, он даже мог подняться на ноги, но понимал, что это все равно уже ничего не изменит. А после боя с совершенно трезвой головой он бросился собирать все деньги, которые были выданы ему по праву.

Вот, собственно, и все. Однако повторяю, все сказанное — лишь гипотеза с большим количеством натяжек и допущений.

Что касается Уилларда (почему-то всегда, когда речь заходит о нем, говорят в основном о его противниках), то его встретили в Америке как спасителя и героя, а почти тут же забыли. Ничего особо притягательного и харизматического в нем не было и в помине, и он абсолютно не соответствовал собственному статусу спасителя нации. Многие даже заскучали о Джонсоне. Лучше уж интересный враг, чем скучный друг.

Чемпионство Уилларда было едва ли не самым тихим в истории. Отчасти в этом была виновата Первая мировая война, но только отчасти, ибо на территории США она практически не чувствовалась. Свой титул за четыре года он защитил один-единственный раз, в 1916 году, и провел еще четыре чемпионских боя.

Наконец, у боксерской общественности лопнуло терпение — и от Уилларда потребовали сделать хоть что-нибудь. Он без труда согласился. Ему назначили бой с чемпионом, самого обычного на вид молодого тяжеловеса. Уиллард едва заметил его. За годы чемпионства он поверил в собственную легенду и совершенно искренне считал себя непобедимым. Бой назначили по традиции на День независимости, 4 июля 1919 года. Место — Толедо, штат Огайо. Перед боем Уиллард вел себя, как заносчивый петух. Он даже обратился к менеджеру своего противника с требованием, чтобы в контракт была включена статья, по которой ему гарантировалась бы юридическая неприкосновенность — в случае, если он убьет своего соперника на ринге. Будущий противник посмотрел на него своими глазами мордоворотом из трущоб, но ничего не сказал. Он ждал своего часа.

ТАЙНА ПЕРЧАТОК ДЖЕКА ДЕМПСИ

Когда боксеры вышли на ринг, то бросилось в глаза, что Уиллард не в очень хорошей форме. Он действительно весил 111 кг, что для него было много. Его соперник, которого звали Джек Демпси, напротив, выглядел превосходно, но рядом с Уиллардом смотрелся мальчиком, хотя его рост был 185 см, — 85 кг.

Гонг. Джесс решил, что он, как всегда, отстреляется прямыми с дистанции, а если противник все же подберется поближе, то будет вязать ему руки. Почти вся раунда и прошла в такой возне, а затем Демпси как-то ловко поднырнул под удары Уилларда и нанес правый прямой в корпус и левый боковой в голову. Уиллард рухнул на пол. Вслед за этим он упал еще шесть раз, по большей части от того же левого бокового. Последний нокадаун совпал с гонгом. Уиллард беспомощно лежал на полу в углу, прижавшись спиной к стойке ринга. Вся его команда высыпала на ринг и стала буквально отдиравать Джесса от пола. Рефери вполне мог остановить Уилларду три нокаута, но в то время еще действовало правило, по которому гонг спасал боксера от нокаута, то есть у него была целая минута, чтобы прийти в себя.

Тем временем Демпси решил, что он уже чемпион, и ушел с ринга, не сомневаясь, что Уиллард не очухается. Но Джесс пришел в себя, и Демпси едва успел вернуться на ринг: рефери уже собирался дисквалифицировать его.

Во втором и третьем раунде, как ни странно, не произошло ничего существенного. Уиллард изо всех сил вязал руки Демпси, но силы уходили у него вместе с кровью, которая ручьями лила из всех его ран. У него были страшные рассечения над обоими глазами и под ними. После боя выяснится, что у него вдобавок сломана челюсть и выбито шесть зубов.

Уиллард не вышел на четвертый раунд, и Демпси был объявлен новым чемпионом мира в тяжелом весе. Как ни странно, на этом бое он не заработал ничего, не титула, так как весь свой гонорар, 10 тысяч долларов, не то он сам, не то его менеджер Джек Керне поставили на то, что он нокаутирует Уилларда в первом раунде.

Через три года эта история имела неожиданное продолжение. Уиллард заявил, что после первого же удара, который нанес ему Демпси, он понял, что у него что-то было в перчатках. Почему он не сказал об этом раньше? Потому что не хотел выглядеть как те многочисленные бойцы, которые вечно хнычут после поражений и ищут себе оправдания.

Вариантов здесь существовало много, но кто-то предположил, что Демпси использовал один старый трюк, который, по слухам, был в большом ходу у боксеров рубежа XIX—XX веков, когда они только надевали перчатки. Состоит он в следующем: после того как боксеру забинтовывали руки, на бинты, прикрывавшие открытые части кистей рук, высыпали гипсовый порошок, известный в Америке как парижский гипс. Затем эти же места протирали влажной губкой и через некоторое время гипс затвердевал, превращая руки боксера в своего рода колотушки. Затем на них надевали перчатки.

Это еще одна из тех историй, которые никогда не будут ни доказаны, ни опровергнуты. Однако попробуем разобраться с ней по той же схеме, что и с боем Уиллард — Демпси. Снова перед нами таблица, в основе которой данные, собранные журналом «The Ring». В левой колонке — аргументы, говорящие за то, что Демпси были «загипсованы», а в правой — говорящие против этой версии.

Когда вся эта информация выплеснулась в прессу, ей, как и всякому разоблачению, скорее склонны были верить. Наибольшее подозрение вызывала история с пари. Как мог Демпси рассчитывать, что нокаутирует в первом раунде человека, который никогда не бывал даже в нокдауне? Информация же о поражении Уилларда нокаутом Джорджу Роделю в 1913 году многими рассматривается как ошибочная. Некоторые историки бокса полагают, что Уиллард проиграл по очкам.

Однако почти тут же всплыли и другие подробности. Некто Джек Робинсон продавал концессии на бой Демпси — Уиллард. Поняв, что присутствовал при историческом событии, он пролез в раздевалку Демпси и взял там бинты, которые только что срезали с рук Демпси. Он сохранил их в качестве реликвии. Когда заговорили о парижском гипсе, Робинсон вытащил их на свет божий и предъявил общественности — никаких следов гипса на них не было.

Сохранились и перчатки, в которых Демпси дрался с Уиллардом. Они оказались у бывшего чемпиона мира в легчайшем весе Питера Хермана. В них тоже не было обнаружено ни следов гипса, ни внутренних повреждений, которые были бы неизбежны, если бы руки Демпси действительно были «утяжелены». Наконец, был проведен опыт с парижским гипсом. Его нанесли на бинты, как описал это Керне, и выяснилось, что после первого же удара он крошится.

Вспомнили и другие подробности. У Джека Кернса был серьезный зуб на Демпси. Керне не без оснований считал, что сделал карьеру Джеку Демпси, а тот ответил ему черной неблагодарностью. Керне, правда, забыл, что и свое собственное состояние он сделал на боях чемпиона, но кто помнит о таких вещах, когда сердце гложет обида? Керне не поладил с женой Демпси, кинозвездой Этель Тейлор, и в 1925 году она настояла на его увольнении. Именно после этого он стал говорить о «гипсовом следе» в победах Демпси — пока только своим близким.

Кроме того, Керне был человеком чрезвычайно тщеславным, и его тщеславие было совершенно невозможно насытить. С годами оно только усиливалось. Ему стало необходимо ощущать свою причастность к победам Демпси, который сделался звездой мирового масштаба. Почему он молчал до 1958 года? И на это нашелся ответ. Именно тогда состоялась встреча Демпси с Кернсом, на которой обсуждался биографический фильм

о Демпси, и на этой встрече бывший чемпион сказал своему бывшему же менеджеру, что его для работы над фильмом никто не приглашает. И здесь скопившаяся за годы обида Кернса вырвалась наружу, как во время наводнения вода прорывает дамбу. Теперь Кернса было не остановить.

Не остановить было и Уилларда. Кроме общеизвестной скандальной версии его поражения, у него была в запасе еще одна, которую он, уже будучи глубоким стариком (а он умер только в 1968 году), рассказал Харри Карпентеру, известному телекомментатору канала BBC. Джесс показал ему здоровенный болт и сказал, что его подобрали с ринга, на котором он дрался с Демпси. По словам Уилларда, Джек зажимал болт в перчатке, и свой первый боковой удар, после которого он так толком и не смог оправиться, нанес головкой этого болта. Достаточно посмотреть видеозапись, чтобы убедиться в том, что это практически невозможно. Однако для Уилларда невозможным оказалось другое — признать, что он честно проиграл Демпси.

Что же касается серьезности его травм, полученных во время боя с Демпси, то и в них нет ничего странного. То, во что боксеры тогда заматывали руки, было ненамного лучше гипса. Так, у Демпси поверх бинтов руки были обмотаны очень грубой клейкой лентой. Когда секунданты и сам Джек закончили свою работу над его руками, Демпси еще и окунул их в ведро с водой — для того, чтобы лента стала совсем каменной. Секундантам Уилларда, на глазах которых это происходило, и в голову не пришло возражать — по тем временам это было абсолютно легально.

Джек Девшей — Манасский Мордоворот

Если бы в 20-е годы существовало телевидение, то Демпси проснулся бы знаменитым на следующий день после боя с Уиллардом, но этого, понятно, не случилось. Более того, он был далеко не популярен в первый год своего чемпионства. Прежде всего потому, что нельзя самому стать национальным героем, побив другого героя, а Уилларда многие все еще воспринимали как спасителя от Джека Джонсона. Кроме того, биография Демпси, мягко говоря, оставляла желать лучшего.

Джек родился 24 июня 1895 года в шахтерском городке Ма-насса, штат Колорадо. В 16 лет он ушел из дома и стал бродяжничать. Драться он научился примерно тогда же, когда и ходить, и поэтому подрабатывал «боксерскими» боями в барах, как правило выступая под именем Кид Блэки. По слухам, он провел около сотни «незарегистрированных» боев. В одном из таких боев он нокаутировал Энди Мэллоя, который стал его самым первым менеджером.

Публика легко простила бы Демпси это буйное детство, плавно перешедшее в еще более буйную юность (может быть, за исключением одного скрытого от нее факта: его первая жена была проституткой; а он, до того как стать мужем, был ее сутенером), но был другой момент в его биографии, с которым общественность долго не могла смириться. В 1916 году Джек пресытился бродячей жизнью, а в 1917-м Америка вступила в Первую мировую войну. Джека, как и многих других, призвали в армию, но он решил, что раз страна вступила в войну без его согласия, то и воевать она тоже будет без него. В результате Дядя Сэм так и не смог надеть на него униформу, а всего через полгода после окончания войны этот «предатель» занял самый почетный пост после поста президента. О том, чтобы посадить чемпиона за уклонизм, не могло быть и речи, тем более что Джек представил дело так, что он являлся единственным кормильцем семьи, а потому его нельзя было призывать в армию.

Однако кинозапись боя Демпси с Уиллардом пошла колесить по США, и его популярность выросла как на дрожжах. Со времен Тома Шарки такого бокса не видели. Но Шарки можно было остановить, что некоторые и

Джонсон, а уничтожал. Он как будто видел в каждом противнике человека, который пытался вернуть его в те тесноты, из которых он с таким трудом вырвался. Америка во многом еще была несколько первобытной страной, и такое отношение к делу и к людям вызывало уважение, если не восхищение. По тогдашним правилам боксер, пославший противника в нокдаун, мог ударить его в мгновение, когда тот отрывал руки от пола, даже не дав ему выпрямиться. Именно это и делал Демпси в бою с Уиллардом, стоя над несчастным Джессом с занесенной, как топор палача, рукой. Для публики это было страшно, ново и интересно, и она быстро забыла сачкующего чемпиона Уилларда и всем сердцем полюбила Демпси, которому дала кличку Манасский Мордоворот.

Сам того не зная, Демпси очень точно воплотил образ человека своего времени, так называемых «бурных двадцатых» (по-английски буквально — ревущих), своего рода Великого Гэтсби на ринге, не останавливающегося ни перед чем ради достижения своей цели. Но Гэтсби, герой романа певца того времени Фицджеральда, в конце концов дал слабину, покорившись любви, и погиб. Джек Демпси слабину не давал никогда.

Когда анализируешь его карьеру, не можешь не удивиться тому, как мало он сделал после того, как завоевал чемпионский титул, и как много при этом успел. За вторую половину 1919 года и весь 1920-й он провел от силы три-четыре демонстрационных боя и две официальных защиты против достаточно бесцветных противников, но стал безоговорочной звездой во многом благодаря очень талантливой раскрутке своего образа двумя главными членами его команды: промоутером Тексом Ри-кардом и уже знакомым нам менеджером Джеком Кернсом. В июле 1921 года состоялся один из самых известных его боев.

Его противником на этот раз был француз Жорж Карпантье, личность весьма колоритная. Герой той самой войны, от участия в которой Джек «уклонился», при этом галантный, как король, любивший и умевший красиво говорить и к тому же так увлекавшийся разведением редких видов цветов, что его прозвали Орхидейщиком. Плюс к этому джентльменскому набору Карпантье еще был умным и техничным боксером, чемпионом мира в полутяжелом весе и обладал чудовищным ударом справа.

Именно этот удар чуть не стоил Демпси короны уже во втором раунде. После него Джек находился в состоянии «гrogги», то есть фактически в нокдауне на ногах, но сумел дотянуть до гонга. В углу Карпантье в перерыве после этого раунда царил уныние. Жорж сломал большой палец. Он отказался капитулировать и продолжил бой, но спасти его уже ничто не могло. В четвертом раунде Демпси нокаутировал его.

После этого Джек сделал необходимые выводы. Тот факт, что Карпантье, который и для полутяжа был легковат, чуть не нокаутировал его, а также то, что он не мог прорваться через защиту француза, несмотря на все свое превосходство в силе, произвело на него неизгладимое впечатление. (В самом деле, взвешивание перед боем проводилось за закрытыми дверями, так как Карпантье весил всего 73,5 кг, но в официальных бумагах ему накинули еще 4,5 кг.) Демпси впервые убедился в том, что одной злобы может и не хватить для победы. Нет, он и не думал от нее отказываться, но ее нужно было чем-то подкрепить.

Еще лучший урок Демпси получил от следующего своего соперника, очень опытного и неудобного Томми Гиббонса, которого он победил, но нокаутировать не смог.

Следующий бой Джека Демпси, состоявшийся 14 сентября 1923 года, стал самым знаменитым в его карьере. Его противником на этот раз стал здоровенный аргентинец Луис Фирпо, которого прозвали Бешеным Быком из Пампасов. Он налетел на боксерскую Америку как ураган. Впервые он появился здесь в 1922 году и одержал три победы нокаутом над малоизвестными боксерами, но тогда его практически не заметили. Фирпо вернулся на родину, а в следующем году совершил еще один набег на Америку. На этот раз не заметить его не получилось. С середины марта до середины августа, то есть всего за пять месяцев, он провел пять демонстрационных боев и восемь официальных, из которых семь выиграл нокаутом, а один по очкам. Среди прочего он поставил точку в карьере Джесса Уилларда, который попытался вернуться на ринг, но Фирпо нокаутировал его в восьмом раунде. После этого аргентинец вызвал на бой Демпси, и тот ему не отказал.

Когда читаешь описание этого боя, трудно представить себе, что все действие продолжалось 4 минуты 57 секунд, считая и минутный перерыв между раундами.

Вероятно, у Демпси был какой-то план на этот бой, но он полетел к чертовой матери уже через несколько секунд после его начала. Фирпо, который был намного выше и тяжелее Демпси (191—186 см и 98—85 кг соответственно) начал бой с того, что нанес Джеку очень сильный удар. В принципе это был нокдаун, но Демпси двинулся не назад, а вперед, и сошелся с Фирпо в клинче. Несколько секунд ему хватило, чтобы прийти в себя. После этого он перешел в такую же штурмовую атаку, как в бою с Уиллардом, и секунд через 20 после левого бокового в нокдауне оказался уже аргентинец. Он с трудом встал на счет «девять», и Демпси бросился его добивать. За считанные секунды Луис падал еще дважды, но когда после третьего нокдауна потерявший всякую осторожность Демпси бросился добивать Фирпо, тот неожиданно встретил его точным ударом справа. Демпси упал на руки, но тут же вскочил, прежде чем рефери успел открыть счет, и обрушил на многострадальную голову

Фирпо свой правый кросс, после которого тот оказался на полу в четвертый раз. Когда Луис поднялся на ноги, Джек сделал откровенную глупость: стал кружить вокруг него, выбирая удобную позицию для нанесения последнего нокаутирующего удара, и не заметил, что у него за спиной оказались канаты. Огромный аргентинец прижал его к ним и в суматохе нанес удар справа, то ли кросс, то ли апперкот — историки расходятся на этот счет, некоторые даже утверждают, что это был левый хук, — и Демпси вылетел с ринга между канатами! Помост был достаточно высоким, и он упал прямо на головы стоявшим там журналистам. Джек, которому ни руками, ни ногами не

слишком уважал после четырех нокадаунов, то ли силы кончились. Это была роковая ошибка, которую Демпси не простил. Но прежде чем перейти к дальнейшим событиям этого боя, я хочу сделать маленькое отступление.

Среди многих зрителей, находившихся в тот день в зале, был великий американский писатель Томас Вулф, к сожалению, мало известный в России. Он был простым любителем бокса, а не специалистом, но тем не менее подметил одну деталь, которая ускользнула от экспертов. Позже Вулф опишет это в своем романе «Паутина и скала». Суть его рассказа заключается в том, что Демпси до падения с ринга и после — это два совершенно разных боксера. Первый — это бешеный мордоворот, сильный, как носорог, и такой же «осторожный». Он шел вперед в открытой стойке, не заботясь о защите, словно у его противника не было рук. Второй — абсолютно спокойный и безжалостный хищный зверь, столь же смелый, сколь и осторожный. «Против него у Фирпо не было никаких шансов», — подводит Томас Вулф итог своему рассказу.

И шансов действительно не было, а если они оставались, то аргентинец упустил момент. Демпси атаковал безудержной серией ударов, и Фирпо снова оказался на полу. Но он опять встал, и последние секунды прошли во встречном бою.

Второй раунд продолжался всего 57 секунд. Все это время Фирпо бил мимо цели, а Демпси ждал момента — и дождался. Очередной его удар нашел челюсть аргентинца, и тот беспомощно рухнул на пол.

Вряд ли кто-то тогда мог себе представить, что Джек Демпси защитил свой титул в последний раз. Он потеряет его лишь через три года, но за все это время проведет только десяток демонстрационных боев, в ходе которых, правда, нокаутирует большинство смельчаков, решившихся подставить свои головы под его «демонстрационные» удары.

Джек прожил очень долгую жизнь. Был достаточно богат и пользовался всеобщим уважением и любовью. Однако как-то раз ему пришлось тряхнуть стариной — в прямом и в переносном смысле одновременно. Он выходил из такси, когда на него напал какой-то грома. Джек нанес только один удар, свой любимый левый хук, и бугай свалился без сознания. Демпси тогда было уже за 70.

31 мая 1983 года его жена, уже четвертая по счету, собралась пройтись по магазинам, но в последний момент засомневалась. Ей показалось, что муж, которому меньше чем через месяц должно было исполниться 88 лет, очень плохо себя чувствует. «Не беспокойся, милая, — сказал ей Джек и ухмыльнулся. — Я слишком крутой парень, чтобы помереть».

Это были его последние слова.

Когда смотришь послужной список Джина Тинни, не можешь отделаться от вопроса: каким образом он умудрился так и не стать звездой? Ему не удалось завоевать любовь ни боксеров, ни болельщиков, ни журналистов. Зато все они часто называли его «неженкой» и «бабой». И это при одном-единственном поражении по очкам за 14 лет выступлений на профессиональном ринге. Самого Джина, правда, отношение к нему окружающих не волновало. И этого ему тоже не прощали.

Если за пределами ринга Джин Тинни и напоминал боксера, то только аристократа-любителя, который занимается боксом в свое удовольствие. Достаточно высокий (184 см), поджарый, всегда с иголки одетый, с маленькими, совсем не боксерскими кистями рук. В самом дорогом костюме он выглядел абсолютно естественно. Когда такой же костюм надевал, скажем, Джек Демпси, это выглядело так, будто его напялили на гардероб.

Тинни не курил и не пил не только во время тренировок, но вообще никогда. Если он и страдал запоями, то только в виде запойного чтения, за что его еще называли «книжным червем». Больше всего любил Шекспира, которого очень хорошо знал, что не помешало ему в будущем произвести прекрасное впечатление на Бернарда Шоу, который, как известно, Шекспира терпеть не мог. Отношения Шоу к Шекспиру он изменить не сумел, зато добился этого с другим писателем, причем большим специалистом и в литературе, и в боксе.

В своем раннем романе «Прощай, оружие!» Хемингуэй от лица одного из героев, явно высказывающего авторскую точку зрения, говорит, что Шекспир был трусом, так как очень хорошо понимал психику труса, и плохо — то, что делается в душе смелого человека. Тинни же утверждал, что учился мужеству, читая Шекспира. И вот в позднем романе — «За рекой в тени деревьев» — Хемингуэй от лица героя, своего альтер эго, ссылается на Тинни, говоря, что смелости надо учиться у Шекспира.

Джин Тинни родился в Нью-Йорке 25 мая 1897 года. Боксом начал заниматься в детстве, а продолжил во время службы в морской пехоте. В 1918 году попал вместе с американской армией во Францию, где ему очень понравилось. Любовь к этой стране, как и к европейской литературе, он пронесет через всю жизнь.

Когда закончились бои, американцы стали проводить боксерские матчи. Тинни победил чемпиона американского экспедиционного корпуса в тяжелом весе Боба Мартина, однако большую часть боев проводил тогда как полутяж и закончил свое пребывание во Франции тем, что после 20 с лишним встреч завоевал звание чемпиона экспедиционного корпуса в полутяжелом весе.

В конце 1919 года Тинни вернулся в Америку, где как раз начиналась эра Джека Демпси. В начале 1922 года его заметили после победы над очень сильным полутяжеловесом Бэттлин-гом Левински, но в том же году Джину пришлось пережить и единственное в своей карьере поражение, причем от средневеса. Это случилось 23 мая 1922 года, а противником его был Хар-ри Греб. После 15 мучительных для Тинни раундов судьи отдали заслуженную победу его противнику.

Греб был одним из колоритнейших боксеров своей эпохи. Низкорослый пьяница и бабник, не утруждавший себя тренировками, не обладавший к тому же нокаутирующим ударом, он, однако, умел побеждать. В этом ему не было

«грамотным» использованиям швов тех же перчаток для нанесения противнику травм, бесконечным ударам головой и ударам ниже пояса и всем прочим приемам из нелегального арсенала. Пройдет совсем немного времени, и заматеревший Танни в 1923—24 годах дважды победит Гребя по очкам и еще дважды явно возьмет верх в боях без решения судей.

Затем пришел черед противников Демпси. Первым из них был Жорж Карпантье. Танни победил его техническим нокаутом в пятнадцатом раунде в 1924 году, а на следующий год встретился с Томми Гиббонсом, которого Демпси не смог нокаутировать. Джину это удалось. В двенадцатом раунде его противник оказался на полу.

К тому времени Танни сделался известен широкой публике, и это было его собственной заслугой. Менеджеры при нем выполняли лишь роль советников.

Едва вернувшись в Америку, Танни стал присматриваться к Демпси. Он где-то раздобыл киноплёнки с его боями и долгими часами просматривал их. Отметил для себя его фантастическую стойкость, тщательно изучил две основные «коронки» Демпси — левый хук и правый кросс, но также обратил внимание на далеко не безупречную технику и неважную защиту. В результате он пришел к выводу, что «умелый боксер, смелый, с неплохим ударом и более чем средней выносливостью победит Демпси». Надо ли говорить, что сам он идеально подходил под это определение?

Танни был именно умелым боксером. Он держался прямо, а не стоял в крауче, как Демпси, быстро передвигался по рингу в любом направлении, прекрасно защищался, наносил удары из самых разных положений, причем основную ставку делал на прямые с обеих рук. У него был острый, очень неприятный джеб² и увесистый удар справа. Короче говоря, полный арсенал, но Танни совершенно не вписывался в стереотип тяжеловеса, который стал господствовать на американских рингах со времен Демпси. Насколько Демпси был плоть от плоти «ревущих двадцатых», настолько же Танни был «гостем из будущего». Поэтому его достаточно долго и не признавали, несмотря на все его победы.

Тогда Джин сделал ход конем. Он стал отстегивать значительный процент от своих гонораров журналистам, пишущим о боксе, так как любить его бесплатно и соответственно писать о нем они отказывались. В ход было пущено все, и прежде всего военное прошлое Танни. Ему присвоили «почетную кличку»

Сражающийся Морпех. В прозвище скрывался не слишком тонкий намек на Демпси, который, в отличие от Танни, от призыва в армию уклонился. Однако этот ход не сработал. К тому времени общественности уже было десять раз плевать, уклонялся Демпси от призыва или нет. Джек действительно стал вторым человеком после президента и самым популярным чемпионом со времен Салливана, а возможно, даже более популярным, чем Великий Джон Л.

Как настоящему кумиру, Демпси прощали все, даже то, что он ровно три года, с 1923-го по 1926-й, не защищал свой титул, а принимал участие только в демонстрационных боях. Между тем противник был, и противник достойный, который из года в год стучался в дверь к Джеку, но получал неизменный отказ. Это был негр Харри Уилле. Америка к тому моменту только что распростилась с Джеком Джонсоном, и нового негра-чемпиона никто не хотел. Но времена все же изменились, и прямого-ворить об этом было нельзя. Сам Демпси, правда, как-то раз обмолвился в стиле Салливана, что не может драться с негром за титул чемпиона мира в тяжелом весе, но такая прямолинейность не нашла большой поддержки. Тогда все принялись делать вид, что хотят этого боя: и Уильям Малдун, бывший тренер Салливана, по-прежнему пользовавшийся большим влиянием в боксерском мире, и игравшая огромную роль в тогдашней боксерской жизни Атлетическая комиссия штата Нью-Йорк, и, наконец, промоутер Текс Рикард, без которого тогда не обходилась организация ни одного крупного матча в тяжелом весе. Но все это были лишь декларации. На самом деле никто ни на чем не настаивал и, более того, частным образом и Малдун, и члены комиссии, и Рикард прямо давали понять Демпси, что его никто ни к чему не принуждает.

Однако к концу 1924 года сложилась такая ситуация, что продолжать бездействовать невозможно. Уилле только что победил Луиса Фирпо, и Атлетическая комиссия штата Нью-Йорк заявила, что готова санкционировать на своей территории только один бой Джека Демпси — с Харри Уиллсом. Текс Рикард не отреагировал, прекрасно понимая, что именно подобной пассивности от него и ждут. И тогда Томми Гиббоне, недавно продержавшийся против Демпси 15 раундов, вызвал Уиллса на бой за право драться с чемпионом.

Видимо, действия всех участников этой интриги были согласованы, и только двое из ее действующих лиц не принимали участия в общем сговоре. Это сам Уилле и Джин Танни.

Маллинс, менеджер Уиллса, от лица своего подопечного отказался драться с Гиббонсом на том основании, что Атлетическая комиссия гарантировала ему право драться с Демпси, а не с Гиббонсом. И вот здесь Танни увидел свой шанс. Он принял вызов Гиббонса вместо Уиллса и сделал то, что Джеку Демпси не удалось, — нокаутировал Гиббонса в двенадцатом раунде. После этого Джин пошел ва-банк — он вызвал на бой Уиллса, но Маллинс опять отказался — на том же основании, что и раньше. Но тут уже, почуяв, куда ветер дует, ситуацию взял под свой контроль Текс Рикард, у которого был контракт с Демпси. Он заявил, что своим отказом от боя с Танни Уилле лишил себя права драться с чемпионом. С точки зрения логики это был сущий бред, но он устраивал всех, кроме Уиллса, и никто, кроме него, возражать не стал. Ну а раз Уиллса «ушли» со сцены, Танни становился логичным кандидатом на бой с Демпси.

Сам Джин позднее утверждал, что Демпси наверняка бы победил Уиллса, которому в 1926 году стукнуло 37 лет и он уже давно был не тот, что прежде. В том же 1926 году Уилле встретился с набиравшим обороты тяжеловесом Джеком Шарки, и тот, к удивлению публики, но никак не Джина Танни, победил его без больших проблем. Рефери тогда дисквалифицировал Уиллса за выдуманное нарушение, но только потому, что Хар-ри был на грани нокаута, а некие влиятельные люди, находившиеся в зале, поставили на его победу большие деньги. По сложившейся традиции в

Бой Демпси — Танни состоялся 23 сентября в Филадельфии, скорее всего, потому что нью-йоркская Атлетическая комиссия решила сыграть свою игру до конца и по-прежнему «требовала», чтобы Демпси дрался с Уиллсом, понимая, что от ее позиции уже ничего не зависит. Джек сознавал, что три года бездействия наверняка не прошли даром, и настоял, чтобы бой продолжался всего 10 раундов. Заявление по тем временам совершенно нелепое (даже сейчас чемпионские бои продолжаются 12 раундов), но Демпси, как кумиру, пошли навстречу. Танни не без оснований считал, что чем продолжительнее бой, тем больше у него шансов на победу, и требовал, чтобы бой длился как минимум 15 раундов, но здесь он уперся в стену: с кумирами не спорят. Пришлось соглашаться.

Первые несколько секунд Демпси как будто чувствовал себя слегка не в своей тарелке, но потом стал беспрестанно атаковать. Однако не так, как когда-то Уилларда или Фирпо в начале боя. Джек был уже совершенно другим боксером. Даже странно, что он за столь короткий срок смог пройти такое расстояние и перепрыгнуть из архаичного бокса в более-менее современный. Теперь он понимал, что такое защита, держал руки достаточно высоко, и в него было очень нелегко попасть благодаря поставленным передвижениям по рингу. Однако для победы над Танни этого не хватало. Джин прекрасно уходил в сторону, и влево, и вправо, кружил вокруг Джека и постоянно бил, хорошо бил — бил на отходе, бил навстречу, бил в затяжных контратаках, обрушивая на голову противника серии ударов, что для тогдашних тяжеловесов было относительно ново. Демпси показал хороший бокс, а Танни — великолепный, и качество взяло верх. Джин спокойно довел бой до конца. Ни у кого, в том числе и у Демпси, не было сомнений в том, кто его выиграл. Потрясенный случившимся, он все-таки нашел в себе силы сказать Танни: «Отлично, Джин! Удачи тебе».

Публика оказалась не готова к поражению Демпси, и после боя стали распространяться слухи о том, что Джеку что-то подмешали в воду, которую давали во время боя или накануне в пищу. И многие верили. Так или иначе, но публика не собиралась просто так отпускать своего кумира. Матч-реванш должен был состояться.

Однако здесь в дело вмешались чиновники от бокса, и в кои-то веки они были правы. Припомнив Демпси, что он уклонился от боя с Уиллсом, от него потребовали, чтобы он встретился с боксером, который только что победил Харри. Это был, как мы уже помним, Джек Шарки. Их бой состоялся 21 июля 1927 года, и после шести раундов начало казаться, что Демпси потерпит второе поражение подряд. Но этого не случилось.

Демпси, как всегда, работал достаточно грубо. Джек Шарки несколько раз призвал судью навести порядок, но рефери его замечания проигнорировал. В седьмом раунде, когда Шарки в очередной раз повернулся к рефери, чтобы обратить его внимание на то, что Демпси уже в который раз ударил его ниже пояса, экс-чемпион не стал терять времени и нанес короткий левый хук в челюсть. Остаться на ногах после такого удара не мог никто.

22 сентября 1927-го состоялся матч-реванш Демпси — Танни. Перед ним произошел очень показательный эпизод. Представителей Танни попытались не пустить в комнату, где Демпси бинтовали руки. Секунданты Танни заявили, что в таком случае бой не состоится. Их тут же впустили. Они вошли и убедились, что руки Джеку бинтовали в полном соответствии с правилами.

Это одна из довольно странных традиций профессионального бокса. Все знают, что нельзя избежать проверки бинтов секундантами противника, но по сей день команды многих боксеров с упорством, достойным лучшего применения, пытаются этому помешать.

В целом второй бой пошел по той же схеме, что и первый. Танни все время опережал Демпси, а тот все пытался решить дело одним ударом. Но первый по-настоящему сильный удар удался Джину — в четвертом раунде его правый кросс пришелся точно в висок Джеку. Тот пошатнулся. Чуть позже Демпси получил еще два рассечения.

Однако в седьмом раунде все чуть не повернулось в обратную сторону. Танни несколько потерял бдительность и пропустил длинную серию ударов, завершившуюся левым боковым в челюсть, и впервые в жизни оказался на полу. Демпси не сразу отошел в угол, а пока рефери отводил его, прошло примерно четыре секунды. Однако отсчитывать нокдаун он начал не с «пяти», как было бы положено в таком случае, а с «одного». Таким образом, Танни получил несколько лишних секунд на передышку. В видеозаписи видно, что Джин пришел в себя не сразу, но все-таки до истечения десяти секунд, после того как он упал. Но он не торопился встать. Как грамотный боксер, Джин решил использовать данное ему время до конца. Как только рефери дошел до «девяти», Джин вскочил на ноги. Демпси бросился к нему довершать начатое, но Танни без больших проблем ушел от всех его атак.

Этому нокдауну в истории бокса уделяют больше места, чем обоим боям Демпси — Танни, вместе взятым. Демпси так и остался для Америки любимым сыном, а Танни — пасынком. Поэтому многие поколения экспертов, полужурналистов и обывателей от бокса все изучают и изучают кадры этого нокдауна, снова и снова пытаясь доказать, что, если бы рефери не дал ему лишних секунд на отдых, Танни либо не успел бы встать, либо не смог продолжить бой, даже если бы встал. При этом их абсолютно не волнует, что сказал по этому поводу сам «пострадавший», а именно Джек Демпси: «Джин много раз говорил мне, что мог бы встать раньше, и у меня нет оснований ему не верить». Они, кстати, останутся добрыми друзьями на всю жизнь, несмотря на разность характеров и интересов.

В том же раунде Демпси пропустил удар под сердце, после которого, как он сам говорил, думал уже не о победе, а о том, как бы уйти с ринга живым, но устоял на ногах. В восьмом раунде Демпси все же попал в нокдаун, однако вскочил до того, как рефери успел открыть счет. Тем не менее все три последних раунда бой шел в одни ворота, но Демпси сумел закончить его на ногах. «Поздравляю, Джин! Я сделал все, что мог», — сказал он, едва его мука закончилась.

Позже Танни рассказывал, что, сидя на полу в седьмом раунде, нашел новое противоядие от левого хука

После боя, как и следовало ожидать, все говорили не столько о победе Танни, сколько о злополучном нокадауне в седьмом раунде. Самую злобную статью в свой адрес Джин прочел в «Чикаго газетт». За всю свою долгую жизнь, а он умер только в 1978 году, он никогда больше не взял эту газету в руки.

Танни очень хотел еще раз встретиться с Демпси, причем обязательно в 15—20-раундовом бою, но Джек отказался, о чем его почитатели стараются не вспоминать. В 1928 году Джин провел еще один бой и нокаутировал своего соперника в один-адцатом раунде. Вскоре он заявил, что покидает ринг. К этому моменту он был миллионером, потом удачно женился, занялся бизнесом и преуспел в этом так же, как и во всем остальном. Через много лет он вывел своего сына в сенаторы.

Вскоре после ухода с ринга Танни написал книгу «Мужчина должен быть бойцом». Там он, в частности, подробно останавливается на проблеме смелости и говорит, что различает два главных типа бойца. К первому относятся те, кто ничего не боится и, если повезет, могут даже прожить жизнь, не узнав, что такое страх. А если не повезет и однажды они встретят характер, который отказывается перед ними пасовать, неожиданно ломаются. Как пример Джин приводит одного своего приятеля, боксера. Его считали абсолютно неустрашимым, а он неожиданно капитулировал в бою, в котором, как полагали все, еще мог сопротивляться. Многие читатели тогда не очень поняли Танни с этим примером, но вспомнили его через тридцать с лишним лет, когда на глазах у всей Америки именно так сломался один боксер, от которого этого меньше всего ожидали.

Ко второму типу Танни отнес тех бойцов, которые могут отчаянно бояться до боя, но если уж выходят на ринг, то идут до самого конца. В качестве такого примера он привел Джека Демпси. Оказывается, Манасский Мордоворот временами испытывал перед своими боями сильнейшие приступы страха, но никто никогда об этом не догадывался и даже не мог заподозрить ничего подобного.

Джек Демпси и не думал обижаться на Танни за эти откровения. Потому что Манасский Мордоворот был очень смелым человеком. Как и Сражающийся Морпех.

ПЕРЕСМЕНОК

Годы с 1928-го по 1937-й, то есть после добровольного ухода с трона Джина Тинни и до восшествия на престол одного из величайших боксеров XX века Джо Луиса, были кризисными для тяжелого веса. С 1928 по 1930 год чемпиона не было вообще. Возможно, какое-то время ждали возвращения Тинни, а скорее, возвращения Демпси, который покинул ринг за несколько месяцев до своего победителя. В 1929 году разразился грандиозный экономический кризис. В результате чемпионский титул был снова разыгран только летом 1930 года.

Но и после этого ситуация не слишком изменилась. За семь лет пять чемпионов сменили друг друга. При этом выступали они, мягко говоря, нечасто. Трое из них не смогли защитить свой титул ни разу, четвертый защитил его один раз, а пятый — два.

Ни один из этих чемпионов по своему уровню и близко не подошел ни к Демпси, ни к Тинни. Впервые с 1905 года тяжелый вес оказался без лидера. Начался второй период безвременья, который закончился резким падением интереса к боксу.

Тем не менее каждый из этих пяти чемпионов был по-своему интересен и оставил свой след в истории бокса, подчас весьма необычный.

ПОЖИЗНЕННЫЙ ЧЕМПИОН ШМЕЛИНГ

До немца Макса Шмелинга не было боксера, который пережил свой звездный час через несколько лет после того, как потерял чемпионский титул. Собственно, такого странного чемпионства, как у него, в истории бокса, пожалуй, больше не встречалось.

Он родился в 1905 году в Германии. Недолгое время выступал в любителях, но неудачно. В 1924 году перешел в профессионалы. В 1925-м во время недолгого пребывания Джека Демпси в Германии провел с ним двухраундовый демонстрационный бой. В том же году был нокаутирован во втором раунде заезжим американцем Лэрри Гейнсом. После этого выступал достаточно удачно. Стал чемпионом Германии и Европы в полутяжелом весе.

В 1928 году Шмелинг перебрался в Америку, где сумел заинтересовать собой известного менеджера Джо Джекобса. Свое дело Джекобе знал хорошо и умел раскручивать даже таких темных лошадей, как этот заезжий немец. В результате, проведя с ноября 1928 до конца 1929 года всего пять боев с довольно осторожно подобранными соперниками, троих из которых он победил нокаутом, а двоих — по очкам, Шмелинг стал одним из главных претендентов на бой за вакантный титул чемпиона мира в тяжелом весе.

Другим, гораздо более логичным кандидатом на это звание был американец литовского происхождения Джек Шарки (настоящая фамилия Жукаускас), который имел в активе бой с Джеком Демпси. Напомню, действуя тогда на грани фола, эксчемпион мира нокаутировал Шарки в седьмом раунде в тот момент, когда он обратился к рефери, жалуясь на то, что Демпси постоянно нарушает правила.

12 июня 1930 года в Нью-Йорке между Шмелингом и Шарки наконец-то состоялся бой, который должен был выявить нового чемпиона мира в тяжелом весе. Макс впервые столкнулся с соперником такого уровня, и это очень чувствовалось в его действиях. Его коронный правый кросс рассекал главным образом воздух, а не столь сильные, но зато точные удары Шарки постоянно достигали цели.

После трех раундов зрительский зал и журналисты настроились на победу Шарки, но в четвертом произошел эпизод, перевернувший карьеру обоих боксеров. Шарки приготовился нанести удар левой по корпусу, но в этот момент Шмелинг сам начал атаку левым боковым. Шарки резко уклонился вниз и влево, чему способствовала обвившаяся вокруг его шеи тяжелая рука Шмелинга. Тем временем левая рука самого Шарки «выстрелила». Однако из-за того, что Макс сильно пригнул его к земле, рука Джека «стартовала» из значительно более низкого положения, чем предполагалось, и соответственно удар пришелся тоже значительно ниже цели: не в печень, куда целил Шарки, а в пах.

Шмелинг упал как подкошенный и не мог встать. Его секунданты отнесли его в угол. В нашей боксерской литературе почему-то часто утверждалось, что Макс симулировал, но это могли написать только люди, не видевшие этот бой. Шарки вложил в этот удар полностью, и никакой другой реакции со стороны Шмелинга просто не могло быть.

Шарки был дисквалифицирован, а Шмелинг объявлен победителем. Известный тогда журналист Питер Уилсон так написал об этом событии: «Шмелинг стал первым человеком в истории, названным лучшим бойцом в мире, в то время как он крепко сидел на полу и в вертикальное положение его можно было привести только домкратом».

Из-за обстоятельств, при которых титул чемпиона мира в тяжелом весе достался иностранцу Шмелингу, в Америке к этому отнеслись на удивление легко. К тому же в стране свирепствовал жесточайший кризис, и людям в кои-то веки вообще было не до национальных символов.

Не очень обратили внимание и на то, как Шмелинг через год нокаутировал американца Янга Стриблинга, так как Шарки его тоже побеждал. Все ждали матча-реванша.

Он состоялся 21 июня 1932 года. В Америке полагали, что справедливость в лице Шарки без труда восторжествует, но здесь

произошла осечка. За время пребывания в Америке Шмелинг очень вырос как боксер, а Шарки остался таким же, каким был. В результате, по мнению большинства независимых экспертов, немец выиграл как минимум 9 раундов из 15 и совершенно спокойно ожидал заслуженной победы. Но не дождался. Судьи оказались морально не готовы к тому, чтобы признать поражение американца в бою против иностранца, и отдали победу Шарки.

Вот, собственно, и вся довольно скромная чемпионская история Макса Шмелинга. Через год его ждало поражение от будущего чемпиона Макса Бэра, а через три года высочайший триумф его жизни — победа над великим Джо Луисом. В 1938 году, проиграв Луису матч-реванш, Шмелинг практически ушел из большого бокса. Однако главную победу своей жизни Макс одержал не на ринге, и, что самое удивительное, в течение 61 года никто, кроме нескольких человек, не знал о ней.

В 1933 году к власти в Германии пришли фашисты. Шмелинг их не любил, но, как настоящий немец, не мог представить себе, что покинет свою страну. Однако от членства в нацистской партии, которое ему настоятельно старались навязать, он уклонился. Тем не менее против своей воли он стал символом нацистской Германии, чему его колоссальная популярность на родине только способствовала. В Америке отношение к нему, до того более чем благожелательное, резко испортилось. До Штатов дошли слухи о преследованиях евреев в Германии, и именно поэтому еврей Макс Бэр с таким остервенением избивал Шмелинга в 1934 году.

В 1936 году Шмелинг неожиданно победил Джо Луиса, и Геббельс на этом основании раскрутил очередную истерику о превосходстве арийской расы. Джо прекрасно понимал, что Шмелинг не имеет к этому отношения, он

вообще прекрасно относился к Макс, но это не помешало ему чуть не убить его в матче-реванше в 1938-м, после чего Шмелинг вернулся в Германию.

После войны он сумел реабилитироваться в глазах союзников, но все же отношение к нему в Америке было весьма сдержанным, причем и через тридцать, и через сорок лет после войны.

А в 1989 году довольно крупный бизнесмен Генри Левин рассказал о том, как 9 ноября 1938 года во время грандиозного еврейского погрома, вошедшего в историю под названием Хрустальной ночи, Макс Шмелинг спас от нацистов всю его семью. Он принял их всех в своем доме и скрывал три дня, а потом помог уехать из Германии. Сказать, что это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, значит ничего не сказать. Люди по обе стороны океана были просто в шоке: почему Шмелинг • все эти годы скрывал такой факт своей биографии и почему Левин не рассказал все это раньше? Оказывается, Шмелинг строго-настрого запретил ему рассказывать об этом, но Левин, которому уже самому было около 70, сказал, что не хочет унести эту историю с собой в могилу, и нарушил запрет. В штате Невада было устроено грандиозное празднество в честь Макса Шмелинга. Когда он вошел в огромный зал, где собралось 1800 человек гостей, все встали и зааплодировали. Шмелинг был, по собственному признанию, смущен и счастлив.

Но Генри Левин не остановился на этом. Он открыл еще одну великую тайну Макса Шмелинга. В 1981 году умер Джо Луис. Шмелинг позвонил Левину и попросил его передать вдове Луиса крупную сумму денег, что тот и сделал. Принимая их, вдова сказала: «Ах, это опять от Макса!» «Что значит — опять?» — спросил Левин. «Господи, Генри, вы же знаете, как нелегко мы жили последние годы. И как вы думаете, кто нам все это время помогал деньгами и всем чем только можно? Конечно, Макс».

В 1995 году, поздравляя Макса Шмелинга с 90-летием и рассказывая эту историю по телевидению еще раз, Генри Левин сказал: «Макс Шмелинг был чемпионом не только в 1930 году или в 1932-м. Он был чемпионом всю свою жизнь».

Сейчас, в 2003 году, Макс Шмелинг еще жив, и дай Бог ему здоровья.

ДЖЕК ШАРКИ И СТРАННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Юзеф Жукаускас родился в семье литовских иммигрантов в 1902 году в пригороде Нью-Йорка. Вскоре после Первой мировой войны был призван во флот, где и начал заниматься боксом. В 1923 году, когда его крейсер «Денвер» стоял в Бостоне, Юзеф услышал, что здесь проводится небольшой турнир по профессиональному боксу. Тогда он обратился к одному из организаторов, соврав, что, будучи на флоте, провел уже 39 боев. Менеджер не разобрал его фамилию, но согласился принять его в число участников, предложив Юзефу 100 долларов за 4 раунда. Юзеф вспоминал через много лет: «За сто долларов я готов был драться со всем флотом».

Жукаускас понравился менеджеру, но ему не понравилась его фамилия, так как он считал, что публика никогда не примет человека, чье имя она не может произнести. Тогда, не мудрствуя лукаво, Юзефу и слепили псевдоним из имени и фамилии двух боксеров: Джека Демпси и Тома Шарки.

Новоявленный Джек оказался талантливым боксером, хотя и не обладавшим ни особым блеском, ни нокаутирующим ударом. В конце 1926 года он победил негра Харри Уиллса, от боя с которым Джек Демпси уклонялся не один год, и после этого стал самым логичным противником для самого Демпси, только что потерявшего свой титул в бою против Джина Танни. И до таких высот Шарки добрался всего через четыре года после того, как он по-настоящему начал заниматься боксом.

Вы помните, при каких обстоятельствах Шарки проиграл Демпси, но, как и следовало ожидать, после такого «поражения» на него обратили внимание, и в 1930 году его сочли самым логичным кандидатом на бой за вакантный чемпионский титул.

Однако, как мы помним, удар ниже пояса, теперь уже нанесенный самим Шарки, снова сыграл с ним злую шутку, и чемпионом стал Шмелинг, а Шарки был дисквалифицирован.

21 июня 1932 года Джек-Юзеф все-таки стал чемпионом мира, победив (только по мнению двух судей из трех, и никого более из тех, кто находился в зале) Шмелинга в матче-реванше. Но правление его оказалось очень коротким. В первом же бою в ранге чемпиона с итальянцем Примо Карнерой Шарки потерял свой титул вновь при довольно странных обстоятельствах. Впрочем, странные обстоятельства преследовали Джека всю жизнь. Сначала Харри Уиллса в бою с ним необоснованно дисквалифицировали, затем Демпси нанес нокаутирующий удар, когда Шарки разговаривал с рефери, потом его самого дисквалифицировали за то, что он ударил Шмелинга ниже пояса, наконец, в матче-реванше судьи «подарили» ему победу над Шмелингом в бою, который он проиграл. И вот теперь после боя с Карнерой, который состоялся 29 июня 1933 года, Джека Шарки обвинили в том, что он сдал матч. Но об этом чуть позже.

Видимо, что-то все-таки случилось с Юзефом после того боя с Карнерой. Может быть, дело просто в том, что каждый человек может выдержать только определенное количество странностей в своей жизни, и у Шарки этот лимит оказался исчерпан. После встречи с Карнерой в том же 1933 году он проиграл два боя подряд — известным боксерам Кингу Левински и Тому Лограну. После двух поражений подряд надо осмотреться, и в 1934 году Шарки на ринг не выходил.

В 1935 году он вернулся на ринг и после двух побед, одного поражения и одной ничьей 18 августа 1936 года вышел на восходящую звезду Джо Луиса, который нокаутировал его уже в 3-м раунде. Джек Шарки понял: пора вешать перчатки на гвоздь, что и сделал. Юзеф скопил достаточно денег и сумел их не только не потерять, но и преумножить. Он открыл в Бостоне бар, а все свободное время занимался своим любимым делом — рыбалкой. По словам соседей, он производил впечатление очень счастливого человека, и никто не говорил о нем ни одного плохого слова.

Всю жизнь Джека Шарки донимали вопросом, кто бил сильнее: Джек Демпси или Джо Луис, так как он был единственным человеком, который дрался с обоими, не говоря уже о том, что оба его нокаутировали. «Конечно, сильнее бил Демпси, так как за его удар я получил 211 тысяч долларов, а за удар Луиса — только 36», — как-то ответил Шарки. Разумеется, он имел в виду гонорары, которые получил за эти бои. Что касается самого вопроса, то на него ответа он все же не дал.

Зато на другой вопрос он ответил тысячу раз, но ему так до конца и не поверили: Шарки до самой смерти клялся, что не сдал тот злополучный бой Примо Карнере. Джек жаловался, что даже собственная жена ему в этом до конца не верила. Чтобы понять причину этого всеобщего скепсиса, надо знать, кем был Примо Карнера.

Юзеф Жукаускас, родившийся в Америке, до конца своей жизни оставался прежде всего литовцем. Он прекрасно знал литовский язык, и дома у него всегда висела карта Литвы. Он дождался обретения ею независимости, и, говорят, когда это случилось, Джек-Юзеф, которому было уже под 90, радовался как ребенок.

Он умер от старости 17 августа 1994 года, не дожив двух месяцев до 92 лет. Юзеф ничем не болел. У него просто остановилось дыхание.

ПРИМО КАРНЕРА И ГАНГСТЕРЫ

Примо Карнера ничего в своей жизни не решал сам. Это и сыграло определяющую роль в его судьбе.

Он родился в деревушке Секвалс на севере Италии, откуда в 12 лет вынужден был уехать на заработки во Францию. Там он « сначала нашел работу на стройке, а потеряв ее, устроился в третьеразрядный цирк силачом и борцом. Скорее всего, его взяли просто за внешние данные: рост — под два метра, а вес сильно переваливал за 100 килограммов, но он казался еще крупнее из-за мощного телосложения, огромных рук и ног и здоровенной головы.

Вскоре он потерял и работу в цирке. Однако по иронии судьбы именно эта неприятность привела к тому, что в скором времени он завоевал самый почетный титул в мировом спорте. Один профессиональный боксер нашел его валяющимся на скамейке в парке и, потрясенный его габаритами, привел к своему менеджеру Леону Сэ.

Оборотистый француз, выглядевший рядом со своим подопечным карликом, понял, что это шанс его жизни. Наскоро обучив его основам бокса, он стал организовывать Карнере бои. Но Примо еще ничего не умел, а допустить, чтобы его звезда проигрывала, Сэ не мог. Поэтому почти все его бои были договорными. Позже в своих мемуарах «Тайна Карнеры» Сэ признался, что подтасовал результаты более 30 его боев.

В 1928—1929 годах Сэ организовал Карнере грандиозные гастроли по всей Европе. Примо дрался в Париже, Бордо, Дье-пе, Милане, Берлине, Лондоне и Глазго. Менеджер сделал ставку не на любителей бокса, а на тех, кто хотел посмотреть на аттракцион, и не прогадал. Между тем Карнера понемногу учился, и Сэ почувствовал, что пора переходить к завоеванию центра мирового бокса — Америки. Свой последний бой в Европе Карнера провел в Лондоне в 1 декабря 1929 года, а уже в январе 1930-го он впервые дрался в Америке. Визитной карточкой в его послужном списке к тому моменту числились два боя с известным американским тяжеловесом Янгом Стриблингом. Первую встречу он выиграл по причине дисквалификации Стриблинга, а вторую проиграл уже из-за собственной дисквалификации. Надо ли говорить, что оба результата были подтасованы. Сэ и его подручные играли на тотализаторе. Какие-то крохи с их стола перепали и Кар-нере.

В Америке Примо трудился как стахановец. Вряд ли какой-либо другой боксер того времени показывал такую производительность труда. За 1930 год он провел 26 официальных встреч и 13 демонстрационных, которые мало чем отличались от официальных, ибо, как правило, заканчивались победой Карнеры нокаутом уже в первом раунде. Практически во всех боях Карнера либо дрался со специально подобранными соперниками, либо результат был оговорен заранее. Леон Сэ был слишком ушлым дельцом, чтобы пытаться действовать в Америке самостоятельно, без серьезной поддержки. К тому времени в Штатах на волне сухого закона благодаря фантастическим доходам от торговли контрабандным спиртным встала на ноги организованная преступность. Деятельность мафии достигла фантастических масштабов, каких еще несколько лет назад невозможно было даже себе представить. К тому же в 1929 году разразился кризис, в результате которого пить меньше не стали.

Леон Сэ связался с гангстером средней руки Билли Даффи, который, по данным полиции, работал на пивного короля Нью-Йорка Оуни Мэддена. Поговаривали также, что какой-то интерес в боях Карнеры имел и другой знаменитый гангстер — Датч (Голландец) Шульц. В общем, компания вокруг Карнеры собралась подходящая. Все они обирали огромного итальянца почти до нитки.

Ударный труд Карнеры в 1930 году не пропал даром. Публика его узнала и запомнила, поэтому к концу года тактика изменилась. Теперь он дрался не так часто, но с более известными соперниками. Совершенно невозможно сказать, какие из этих боев были договорными. Можно только почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что первый бой с Джеком Шарки, который Карнера проиграл по очкам в 15 раундах, был честным. Он проходил именно так, как ожидали: Шарки не хватало силы удара, чтобы нокаутировать своего крупного соперника, а неуклюжему Карнере не хватало скорости и умения, чтобы обыграть Джека по очкам. В результате Шарки победил без больших проблем.

В 1932 году мафиозные менеджеры Карнеры снова изменили тактику. Возможно, дело было в том, что странные победы Примо не прошли незамеченными прессой, и его популярность стала падать. С января по май ему даже устроили турне по Европе, чтобы Америка слегка подзабыла обо всех скандалах, связанных с его именем. Вполне возможно, что гангстеры решили просто выжать из него последние соки и выбросить за ненадобностью, а потому Карнере пришлось снова резко повысить производительность своего труда. Всего за этот год он провел 26 официальных боев, из них 7 — в декабре.

Тем не менее репутацию Карнеры в глазах публики восстановить было невозможно. Что бы он ни делал, кого бы ни побеждал, находились люди, которые говорили, что это был купленный матч, и им верили. В феврале 1933 года Карнера встретился с известным тяжеловесом Эрни Шаафом и нокаутировал его в тринадцатом раунде. Зал загудел, как пчелиный улей: все решили, что только что видели очередную подтасовку, однако после боя Шааф скончался. Когда Карнера пришел после боя в раздевалку к сопернику, того пытались привести в чувство, а ближайший друг Шаафа — Джек Шарки — набросился на Карнеру так, что его пришлось отрывать от невольного убийцы коллективными усилиями множества людей. В свете последующих событий на эту деталь стоит обратить особое внимание.

29 июня 1933 состоялся второй бой Примо Карнеры с чемпионом мира Джеком Шарки. Эту встречу часто описывают так, будто Шарки легко побеждал Карнеру, что называется, в одни ворота, а потом в шестом раунде итальянец провел сомнительный апперкот, после которого Шарки оказался в нокауте, который, скорее всего, симитировал.

На самом деле все было не совсем так, и если подтасовка результата действительно имела место, то

Карнера кое-чему научился. Пусть ему по-прежнему не хватало координации, пусть он по-прежнему терялся, если противник менял темп, пусть его собственным ударам по-прежнему не хватало акцента, но это был уже совсем другой боксер, физические габариты которого (для сравнения: у Шарки рост — 183 см, вес — 93 кг, у Карнера рост — 198 см, вес — 117 кг) делали его крайне неудобным соперником для кого угодно.

Во втором и третьем раундах Шарки вернул себе инициативу. Четвертый был более-менее равным. Пятый раунд снова выиграл Шарки, но с очень небольшим преимуществом. А в шестом раунде Шарки пропустил затяжную атаку Карнеры, закончившуюся его коронным правым апперкотом, после которого Джек и оказался в нокауте.

Зрителям в зале показалось, что удар Карнеры был несильным, да и Шарки как-то уж очень картинно выгнулся, прежде чем упасть. Сам Джек говорил, что за несколько секунд до нокаута перед ним предстало странное видение: вместо Карнеры он увидел покойного Шаафа. Это вызвало у него понятное замешательство, которым и воспользовался Карнера.

Ни одного из участников тех событий уже нет в живых, так что полной правды мы не узнаем никогда. Тем не менее сейчас больше половины историков бокса склонны верить если не в видение Шарки, то по крайней мере в то, что он честно проиграл тот бой, хотя, как все знают, и большинство может заблуждаться.

Карнера пробыл чемпионом меньше года. За это время он, правда, успел дважды защитить свой титул против достаточно уважаемых соперников: испанского баска Паолино Ускудуна и американца Томми Лограна. Однако 14 марта 1934 года он безоговорочно проиграл Макс Бэру, еще одному чемпиону, чья жизнь за пределами ринга была более красочной, чем его жизнь на нем.

Примо попытался продолжить карьеру после сокрушительного поражения Бэру, и до поры до времени у него это получалось. В 1935 году он проиграл Джо Луису, но продолжил выступление на ринге. Однако после четырех поражений подряд, в 1936—1937 годах, Карнера на время покинул ринг по состоянию здоровья. В январе 1938 года ему удалили почку.

Во время войны Карнера совершил один из немногих своих абсолютно самостоятельных поступков, и, надо сказать, он делает ему честь. Примо вступил в итальянское Сопротивление, но быстро попался, что при его приметной внешности было немудрено, и большую часть войны провел в трудовом лагере.

В 1945 году он вернулся на ринг только для того, чтобы проиграть три боя из пяти, и снова ушел. На этот раз навсегда. Он стал заниматься профессиональной борьбой и вроде преуспел.

В 1953 году он наконец-то получил американское гражданство, но оно оказалось ему не слишком нужно. Последние годы он жил в Италии, в той самой деревне Секвалс, откуда уехал в 12 лет. Там он и умер в 1967 году.

ГРУСТНЫЙ КЛОУН МАКС БЭР

Макс Бэр не собирался быть ни боксером, ни убийцей, ни евреем, но он стал и тем, и другим, и третьим. Боксером — случайно, убийцей — против своей воли, а евреем — по собственному выбору.

Он родился 11 февраля 1909 года в Омахе, штат Небраска, в такой семье, в какой пожелал бы родиться каждый, где все любили друг друга и старались окружить максимальной заботой. С детства все, кто знал Макса, отмечали в нем две преобладающие черты — удивительное в таком здоровенном парне полное отсутствие агрессивности и чувство юмора, причем все из-за того же отсутствия агрессивности. Объектом его шуток становился чаще всего он сам.

Члены семьи рассказывали, что впервые Макс всерьез подрался, когда ему было уже лет 17— 18. Он оказался рядом с танцзалом, где вообще-то проводил массу времени, как раз в тот момент, когда громадный рабочий-верхолаз выяснял, кто спер у него со стола бутылку вина. Почему-то он заподозрил Макса и, недолго думая, ударил его изо всех сил. В ответ Бэр рассмеялся, как он сказал позже «просто от радости, что после этого удара я все еще жив», и ударил в ответ. Работяга упал как мешок с телеги и еще какое-то время не подавал признаков жизни, а Макс ошалело смотрел на свою правую руку.

Его отец был процветающим мясником, и Макс ничего не имел против того, чтобы продолжить семейное дело, но после этой драки кто-то надоумил его заняться боксом просто как более прибыльным бизнесом. В 20 лет он окончательно решил связать свою жизнь с боксом и направился для этого в Калифорнию. В менеджерах и тренерах, желающих взять под свое крыло очень высокого по тем временам (189 см), идеально сложенного начинающего тяжеловеса с уже готовым нокаутирующим ударом недостатка не было. Схватывал он все на лету. Его быстро научили основам бокса и поставили удары с левой руки. С мая по декабрь 1929 года он провел 16 боев, проиграл только один, да и то из-за нарушения правил, и 12 закончил нокаутом.

Для того чтобы нравиться людям, Максу требовалось только одно — быть собой, а для этого ему не нужно было прикладывать усилий. Публика была от него без ума. В любой толпе его мгновенно узнавали по большому росту, кудрявой голове и шуткам, которые сыпались из него как из рога изобилия. А для любителей собственно бокса у него был его правый кросс, с которым он родился. Через несколько лет сила его удара поразила даже Джека Демпси, а это было нелегко.

К началу 1930 года Бэр уже был звездой в масштабах Калифорнии. В конце мая он встретился с Джеком Линкхорном, таким же молодым, перспективным тяжем, как и он сам, который провел 18 боев и во всех победил нокаутом. Макс нокаутировал его в первом раунде, и тогда о нем впервые заговорили как о возможном чемпионе мира. Но до этого было еще далеко, а до самой большой трагедии в его жизни — всего три месяца. 25 августа 1930 года в Сан-Франциско Бэр встретился с Фрэнки Кэмпбеллом. Это был бой двух молодых тяжеловесов за право выхода в более высокий эшелон. Перед боем чиновник из Атлетической комиссии штата предупредил боксеров, что они должны наносить удары до тех пор, пока противник стоит на ногах. Членам комиссии хотелось зрелищного, бескомпромиссного боя. Они его и получили. В первом раунде Бэр послал Кэмпбелла в нокдаун. Во втором после удара по ребрам сам оказался на полу. Макс тут же сказал рефери, что поскользнулся, тот согласился с ним и не стал отсчитывать нокдаун. Тем временем Кэмпбелл не пошел в угол, как должен был бы сделать в случае нокдауна, а почему-то подошел к канатам и стал смотреть на зрителей. Бэр тем временем встал и направился к нему. В этот момент у кого-то из фотографов сработала вспышка, на мгновение ослепившая Бэра. (Всю жизнь он потом будет повторять, что видел Кэмпбелла в тот момент только как темный силуэт.) В панике он нанес Кэмпбеллу, только в это мгновение повернувшемуся к нему лицом, удар правой. Видимо, удар все-таки был не совсем чистый, так как Кэмпбелл устоял и закончил раунд на ногах, но в перерыве он сказал секунданту: «Похоже, у меня что-то лопнуло в голове». Тем не менее он продолжил бой и даже неплохо выглядел.

Кульминация наступила в пятом раунде. Бэр показал, что тренеры чему-то научили его, и нанес хороший левый хук, который отбросил Кэмпбелла в угол ринга. Бэр бросился на до- , бивание. После одного из ударов Кэмпбелл ударился головой о железную пряжку, которой канаты крепились к стойке. Рефери наконец вмешался, так как Кэмпбелл до сих пор не упал только потому, что был прижат к канатам. Едва Бэр отошел, как тот упал. Макс помог секундантам отнести его в угол. Ему и в голову не могло прийти, что с его противником произошло что-то серьезное.

На следующий день ему позвонили и сказали, что Кэмпбелл при смерти, а его самого вызывают в полицию. Однако прежде всего Бэр полетел в больницу. Там он увидел жену Кэмпбелла. Макс бросился к ней, не зная, что говорить в такой ситуации, но та сказала сама: «Это мог быть и ты, Макс».

Обвинение в убийстве, в данных обстоятельствах абсолютно нелепое, с него вскоре сняли. Но репортеры все равно ославили его как убийцу: во-первых, за тот несчастный удар во втором раунде, нанесенный вслепую; а во-вторых, за последнюю серию ударов, когда Кэмпбелл был прижат к канатам.

Бэр пришел на похороны Кэмпбелла. Говорили, что он был похож на привидение. Ничего удивительного. Он практически перестал спать, а если все же засыпал, то тут же просыпался от кошмаров. Макс заявил, что покидает ринг, но его менеджер Хоффман уговорил его этого не делать, так как произошедшее не его вина, а несчастный случай. В конце концов он согласился. Свой следующий бой, в декабре с Эрни Шаафом, он проиграл по очкам. Макс теперь просто не мог бить противника во всю силу, впрочем, Шааф от судьбы все равно не ушел. Это был тот самый Шааф, который погибнет в феврале 1933 года после боя с Примо Карнерой.

В 1931 году Бэр проиграл бой Томми Лограну. Не обладавший ни большой силой, ни большим весом, Логран

один бойкий зритель с луженой глоткой, сидевший в первых рядах, достал Бэра своими комментариями по поводу его летящих мимо ударов, Макс прямо посреди боя повернулся к нему и прокричал: «Хотел бы я посмотреть, как бы ты справился с этим парнем». Засмеялись все, включая рефери и Лограна.

После боя Бэр, потрясенный мастерством Лограна, пришел к нему в раздевалку, чтобы выразить свое восхищение и пригласить на обед. За всю долгую жизнь Лограна на ринге такое с ним случилось впервые. Он был очень польщен и даже тронут и, конечно, принял приглашение.

За этим обедом Логран дал Бэру, наверное, самый ценный совет в его жизни. Он сказал: «Макс, ты отлично бьешь, но все твои удары видны. Во-первых, они слишком длинные и тягучие. Во-вторых, ты замахиваешься и слишком явно подыгрываешь корпусом. Любой опытный боксер легко тебя «прочитает». Все твои атаки были мне ясны заранее, потому что я и не пропустил ни одной из них. Я тебя познакомлю с одним человеком».

Когда Бэр назвал имя этого человека, у Макса едва глаза на лоб не вылезли. Это был Джек Демпси. Сразу после обеда они пошли к нему. К огромному удивлению оробевшего от таких поворотов Макса, Демпси легко согласился поработать с Бэром. Трудно было найти более непохожих людей, чем Бэр и Демпси, но, может быть, именно поэтому они и стали лучшими друзьями. Джек всегда удивительно легко находил контакт с теми, с кем на первый взгляд не имел ничего общего. Прежде с Джином Тинни, теперь с Бэром. Манасский Мордоворот относился к нему почти как к сыну или младшему брату и научил его всему, что умел сам. Бэр схватывал все на лету, но свет не видывал более ленивого боксера, и с этим никто ничего не мог сделать. Даже Демпси.

Бэр стал встречаться с довольно сильными боксерами и в феврале—мае 1931 года проиграл два боя, но это не смутило ни его, ни Демпси. Они оказались правы. В следующий раз он проиграл только четыре года спустя.

В конце 1932 года Бэр еще раз встретился с Эрни Шаафом и сделал то, чего не смог сделать в их первой встрече. За пять секунд до конца боя он послал его в глубокий нокаут, но рефери объявил победу по очкам. Макс было все равно. Через полгода, когда после боя с Примо Карнерой Шааф умер, репортеры почему-то сразу вспомнили этот нокаут и, видимо по старой памяти, объявили Макса виновным еще в одной смерти, хотя между Бэром и Карнерой Шааф провел еще четыре боя. Бэр очень переживал.

В 1933 году Бэра рассматривали уже как одного из главных претендентов на бой за чемпионский титул, но, чтобы добиться этого права, он должен был встретиться с экс-чемпионом Максом Шмелингом.

Нацисты тогда только что пришли к власти и тут же начали преследовать евреев. Абсолютно равнодушный к политике Бэр воспринял это очень близко к сердцу и, как и многие тогда, искренне возненавидел Шмелинга как представителя людоедского режима. Их бой состоялся 8 июня 1933 года, и именно на этот бой Бэр впервые и неожиданно для многих вышел с шестиконечной звездой на штанине.

Национальный вопрос Макса Бэра не интересовал с детства. В нем самом было по четверти шотландской, ирландской, немецкой и еврейской крови, но в тот момент, когда ему предстояло драться с немцем, представителем антисемитского государства, Бэр решил, что именно его еврейская составляющая должна стать самой главной. В Америке не любят вспоминать и еще одну подоплеку шага Бэра — антисемитизм тогда поднимал голову и в самой Америке. Многие американцы немецкого происхождения не стеснялись показывать лояльность по отношению к тому, что происходило на их исторической родине. В этой связи становится особенно ясно, почему самым горячим сторонником Бэра оказалась его мать, наполовину шотландка — наполовину ирландка. Она лишняя раз убедилась, что вырастила порядочного человека. Впрочем, кто бы сомневался.

А вот расплачиваться за все пришлось бедняге Шмелингу, который от антисемитизма был так же далек, как и сам Бэр. Заставить себя тренироваться по-настоящему Бэр не мог, но на этот раз он хоть что-то делал и вышел на ринг, наверное, в лучшей форме за всю свою жизнь.

Перед боем в прессу просочились слухи о том, как плохо тренировался Бэр. Кроме того, Шмелинга ставили очень высоко, ведь по общему мнению он проиграл свой титул не Джеку Шарки, а судьям. Ставки заключались из расчета 6 к 1 в его пользу. В своем предматчевом интервью Джек Демпси сказал по этому поводу: «Нельзя ставить 6 к 1 против человека, который так бьет справа. Даже если ему предстоит драться с гориллой».

Лучшим для Шмелинга оказался первый раунд. Его правый потряс Бэра, который с большим трудом устоял на ногах. В перерыве Бэр сказал ассистировавшему ему Демпси: «Что делать, Джек? Я вижу трех Шмелингов сразу». Демпси ответил фразой, которая стала крылатой, и теперь никто даже не помнит, что первым ее произнес Манасский Мордоворот: «Бей того, что в середине».

Вскоре уже Шмелингу стало казаться, что на ринге целая куча Бэров — так сильно ему от него доставалось. Огромный опыт позволил немцу продержаться до десятого раунда, но на этом все и кончилось. После двух нокдаунов рефери счел за благо остановить бой.

Путь к бою с чемпионом был открыт, и 14 июня 1934 года Бэр вышел против Примо Карнера. Перед этим боем Макс опять тренировался так, что все, видевшие это, пришли в ужас. Но для Бэра, похоже, мотивация была важнее тренировок, а мафию, чьим ставленником был Карнера, Бэр любил не намного больше, чем антисемитов. Он не дал бедному итальянцу ни одного шанса. В первом же раунде Макс трижды послал его в нокдаун, причем после первого нокдауна огромный Карнера просто бегал от него по всему рингу. Во втором раунде они трижды падали на пол уже вместе, так как Карнера стал применять борцовские захваты, и вообще временами пытался перевести дело в партер, но верткий Макс все время оказывался наверху. Между всеми этими нокдаунами и падениями он умудрялся еще и дурачиться: все время подтягивал штаны, словно они с него сползали, строил рожи, болтал с рефери, Карнерой

Раунды с третьего по седьмой прошли в довольно равной борьбе, при этом Карнера постепенно наращивал обороты и, пожалуй, три из них он все-таки выиграл, хотя и с минимальным преимуществом. В восьмом раунде Бэр стал снова забирать инициативу в свои руки. Один раз он так ловко увернулся от атаки Карнеры, что тот «провалился» и упал. Девятый раунд опять выиграл итальянец.

Однако в десятом раунде все стало на свои места. Бэр дважды посылал Карнеру в нокаун, а между делом, когда Карнера искал спасения в клинче, вполне борцовским приемом поставил гиганта на колени. Когда раунд закончился, Карнера не мог найти свой угол и пошел за Бэром к его секундантам.

Конец наступил в одиннадцатом раунде. После еще двух нокаунов Карнеры и его неоднократных просьб прекратить избиение, рефери остановил встречу.

Макс Бэр потерял титул в следующем же бою, всего через год, проиграв по очкам Джеймсу Брэддоку. На этот раз Макс дрался так, словно вышел на ринг погулять. Еще через несколько месяцев он встретился с восходящей звездой Джо Луисом. После первого раунда, когда все в принципе уже было ясно, Джек Демпси, который, как всегда, секундировал своему другу, желая его подбодрить, сказал: «Мальш, да он тебя ни разу по-настоящему не ударил». Макс в ответ ухмыльнулся всем своим избитым лицом и сказал подчеркнуто унылым голосом: «Тогда, Джек? ты бы лучше присматривал за рефери, а то там на ринге кто-то очень сильно меня бьет». Он был нокаутирован в четвертом раунде.

После ухода с ринга Макс много и удачно снимался в Голливуде. Одновременно он владел процветающим ночным клубом, но по-настоящему любил именно работу в кино. В 1959 году он снимался в известном фильме «Тем громче они падают» (окончание известной крылатой фразы «чем они больше, тем громче они падают», приписываемой разным боксерам, которым приходилось драться с противниками значительно крупнее себя). Это была вольная трактовка судьбы Примо Кар-неры. Макс играл в ней персонажа, не имеющего ничего общего с ним самим: злобного боксера, который разозлился на прессу за то, что кино-Карнеру, а не его самого считают виновным в гибели кино-Шаафа. Настоящий Карнера после выхода этого фильма подал в суд на кинокомпанию, но проиграл дело... Для великого американского актера Хэмфри Богарта, игравшего в нем главную роль, этот фильм стал последним. И не только для него. Бывают и такие совпадения.

21 ноября 1959 года, бреясь в ванной, Макс неожиданно почувствовал сильнейшую боль в груди. Он вызвал врача, но, когда тот приехал, стал, по обыкновению, валять дурака и шутить, хотя ему было явно плохо. Часто пишут, что Бэр умер, рассказывая анекдоты врачу, пытавшемуся его спасти. Это было так, но не до самого последнего момента. Когда Макса наконец уговорили лечь, он вдруг посерел и сказал: «О Боже! Вот я иду». Ему исполнилось всего пятьдесят.

На похороны собралось больше 1500 человек. Одним из тех, кто нес гроб, был, конечно, Джек Демпси.

Через несколько лет, вспоминая своего друга в одном разговоре, Демпси сказал: «Никогда уже не будет другого Макса Бэра». Джек остановился, улыбнулся, видимо вспомнив какую-то шутку Макса, и закончил: «И так и должно быть».

ДЖЕЙМС БРЭДДОК - ЧЕЛОВЕК-КРИЗИС

Из всех чемпионов 30-х годов Джеймс Брэddок как боксер, пожалуй, наименее интересен. Он вообще не должен был стать чемпионом ни при каком раскладе, но карты легли как легли, и вопреки всякой логике он стал не только чемпионом, но и чем-то вроде героя своего времени.

Брэddок был выходцем из трущобного района Нью-Йорка, откуда с детства мечтал выбраться, и в бокс его привела именно эта мечта. После короткой и довольно успешной любительской карьеры он перешел в профессионалы, где начал выступать сначала в полутяжелом весе. Брэddок был очень высок (189 см), но худ и с не слишком толстой костью, так что в этой категории ему было самое место. Джо Гоулд, менеджер Брэddока, относился к своему подопечному с известным скепсисом, поэтому, не особенно надеясь на его боксерские таланты, подбирал ему таких соперников, что шанса на поражение у Брэddока практически не было.

За первый в своей профессиональной карьере, 1928 год Джеймс провел 16 боев. Два из них были «боями без судейского решения», но Брэddок в них явно доминировал, а остальные 14 он выиграл, причем 11 нокаутом, а 8 — даже в первом раунде. Следующий год был тоже достаточно удачным, хотя в его послужном списке появились две ничьи, но дальше все стало на свои места. Гоулд не мог вечно сводить своего боксера исключительно с мешками для битья. Рано или поздно он должен был вывести его на серьезных соперников, и вот, когда это наконец случилось, произошло очевидное — Брэddок стал проигрывать, да так, как будто камень с горы покатился, все набирая и набирая скорость. В 1928 году он проиграл два боя из четырех, в 1929-м — четыре из восьми, в 1930-м — три из семи, в 1931-м снова три из семи, в 1932-м — шесть из восьми и в 1933-м — четыре из девяти. Всего 22 поражения за 5 лет, то есть как минимум раза в четыре больше, чем нужно для того, чтобы на твоих чемпионских перспективах поставили крест.

Его и поставили. А если учесть, что личный кризис Брэddока совпал с общим экономическим кризисом, разорившим в числе прочих и его менеджера Гоулда, то положение Джеймса было совсем печальным. Брэddок был женат, у него было трое детей, и вся его семья жила впроголодь. Плюс ко всем своим проблемам он был болезненно гордым человеком и не мог обратиться за пособием по безработице до тех пор, пока его дети не начали просто кричать от голода. Для Брэddока, кроме всего прочего, это было возвращением к тому, от чего, как ему казалось, он ушел навсегда, — в ранней молодости, потеряв работу докера, он в течение короткого времени получал пособие по безработице, и все последующие годы он мечтал вернуть государству деньги, которые оно на него потратило. И вот теперь, вместо того чтобы отдать долг, он был вынужден одалживать снова.

В 1934 году он временами производил на окружающих впечатление полупомешанного. В его квартире отключили газ за неуплату, и он пошел по друзьям собрать несколько долларов. И тут Гоулд, пытавшийся снова встать на ноги, после большого перерыва предложил ему в июне 1934 года провести бой с довольно известным тяжеловесом Джоном Гриффином. Брэddок схватился за эту возможность со всей силой своего отчаяния и победил техническим нокаутом уже в третьем раунде. Гоулд, видя настроение своего подопечного и убедившись в том, что отчаяние иногда с лихвой заменяет и тренировку и талант, организовал бой с известным полутяжеловесом Джоном Генри Льюисом, которому Брэddок ранее проигрывал. Джеймс тут же согласился и победил Льюиса по очкам. Выиграл он и свой следующий бой.

Конечно, этих трех побед было мало для того, чтобы получить право на бой с чемпионом мира, но здесь уже Гоулд пустил в ход старые связи, и добился своего — команда Бэра дала согласие.

Бой состоялся 13 июня 1935 года в Нью-Йорке. Макс вышел в прекрасном настроении, явно собираясь повалить дурака. Брэddок вышел, чтобы победить или умереть. Разница мотиваций была налицо с первой же минуты. К тому времени бокс порядком надоел обоим, но один из них мог бросить его в любой момент, а другому он давал единственный шанс выбиться в люди. Правда, большинство этот шанс оценивало до смешного низко. Ставки перед боем гуляли от 11 к 2 до 15 к 1 в пользу Бэра, а среди специалистов, кажется, ни один человек не рассчитывал на победу Брэddока.

Приколы Бэра были смешны как никогда. Пропустив в восьмом раунде мощный удар справа, он выполнил такой танец на якобы подгибающихся ногах, что захохотал весь зал. Рожи, которые Макс постоянно строил, были уморительны. Но при этом бил он на удивление мало, да и удары были какие-то вялые. Словом, это был совсем не тот боксер, который едва не прикончил Шмелинга и Карнеру.

С другой стороны, Брэddок был скучен, серьезен и не слишком эффективен, но он хоть что-то делал. Его удары явно не причиняли большого вреда сопернику, но давали самому Джеймсу совершенно справедливо заработанные очки. В пятнадцатом раунде Бэр, понимая, что проигрывает бой, попытался нокаутировать Брэddока и провел несколько неплохих атак, но Джеймс даже не пошатнулся. Прозвучал гонг, и Бэр обнял Брэddока, признавая свое поражение.

Макс остался верен себе. К тому времени он давно страдал от хронических травм кистей рук. Он показал журналистам совершенно разбитую правую руку, состроил плачущую детскую физиономию и сказал: «Когда я бил Брэddока, мне было больнее, чем ему». К своему поражению он отнесся не слишком серьезно. Его жизнь все равно уже состоялась.

Буквально на следующий день после завоевания титула Брэddок вернул государству все деньги, которые когда-либо получил от него в виде пособия по безработице.

Слава обрушилась на Брэddока еще до того, как рефери поднял его руку. Америка, только что пережившая самый страшный кризис в своей истории, увидела в новом чемпионе, победившем, несмотря на 22 поражения, судьбу и

которая мгновенно прилипла к нему. Джеймсу приходили тысячи писем от людей, которым он дал надежду своей победой. Он стал в полном смысле слова народным чемпионом.

Однако слава не ударила новоявленной Золушке в голову. Брэддок все про себя знал и не обольщался, тем более что рядом всегда был умный и скептический Гоулд. Оба понимали, что двух удач подряд не бывает и что очень велик шанс того, что Брэддок потеряет свой титул в первом же бою. Именно поэтому к подбору соперника подошли серьезно, как никогда. Задача состояла в том, чтобы «продать» свой титул как можно дороже.

Наилучшим кандидатом казался безмерно талантливый молодой негр Джо Луис. Он, кстати, был на бое Бэр — Брэддок вместе с одним из своих менеджеров, которому шепнул между раундами: «Только не говори мне, что это два лучших боксера в мире».

Однако здесь случилась осечка. 19 июня 1936 года Луис сенсационно проиграл экс-чемпиону мира Максиму Шмелингу, который, таким образом, стал самым логичным кандидатом на бой с Брэddоком. Логичным, но ненужным. За три года фашистской власти в Германии Шмелинг в Америке не стал популярнее, а в случае с Брэddоком вполне реально вырисовывалась перспектива, что он может еще и победить.

Тем не менее бой со Шмелингом был намечен на 30 сентября этого же года, но в последний момент его отложили из-за травмы руки у Брэddока. Скорее всего, это была «дипломатическая травма». Просто под тем или иным предлогом нужно было уклониться от этой встречи. Лишнее тому подтверждение — сразу же после отмены встречи зашли разговоры о бое Брэddок — Луис.

В декабре 1936 года Атлетическая комиссия штата Нью-Йорк запретила Брэddоку на подмандатной ей территории проводить бой с Джо Луисом до встречи со Шмелингом. Тогда бой с Максом был назначен на 3 июня 1937-го, но это была чистая фикция. Настоящие переговоры велись уже только с Луисом, бой с которым и состоялся 22 июня 1937 года, но не в Нью-Йорке, а в Чикаго. Однако, пользуясь тем, что Джо Луис в тот момент не имел ни морального, ни спортивного права на бой с чемпионом мира, команде Брэddока удалось выторговать очень выгодные для себя условия. Во-первых, Джеймс получил за бой колоссальный по тем временам гонорар — около 300 тысяч долларов. Во-вторых... Маленькое отступление.

Недавно проведенный опрос показал, что больше половины выросших российских мальчиков и девочек начала XXI века, читавших в детстве сказку о Золушке, считают ее не хорошей, доброй девочкой, которой в конце концов повезло, а расчетливой стервой, которая обвела всех, включая и принца, вокруг пальца. Боюсь, это говорит больше о самом поколении, чем о Золушке, но что касается Боксера-Золушки Джеймса Брэddока, то он-то (вместе со своим менеджером Джо Гоулдом, сыгравшим роль феи) действительно оказался чрезвычайно расчетлив. В контракте на бой с Луисом имелось одно условие, которое с позиции сегодняшнего дня кажется абсолютно гениальным. В соответствии с ним Майк Джекобе, промоутер (так стали называть самых крупных менеджеров, вкладывавших свои средства в раскрутку боксера, а не просто занимавшихся его делами) Джо Луиса, в случае поражения Брэddока должен был выплачивать ему 10 процентов от своей доли за все бои Луиса, пока тот будет чемпионом мира. Джо Луис владел титулом почти 12 лет, до 1949 года, и защитил его 25 раз. И с каждого из этих боев Золушка-Брэddок стриг купоны. Миллионером он не стал, но неплохой доход имел.

Однако ни в коем случае нельзя сказать, что Брэddок «играл на поражение». Наоборот, он прыгнул выше головы и в первом раунде послал Джо в нокаунт. Но это было все, чего он смог добиться. В восьмом раунде Луис отправил его в глубочайший нокаут, первый в его жизни.

Брэddок провел еще только один бой, с британцем Томми Фарром, и проиграл его, по мнению всех, кроме судей. После этого он удалился на заслуженный отдых, обеспеченный ему и им самим, и Джо Луисом.

ДЖО ЛУИС

В тот день, когда Джо Луис пришел к нему на прием, президент Франклин Делано Рузвельт был в неважном настроении. Наверно, этот титан в инвалидной коляске, сначала вытаскивший Америку из самого страшного экономического кризиса в ее истории, а теперь шаг за шагом приближавший ее к победе во Второй мировой войне сразу на двух фронтах, европейском и тихоокеанском, просто устал. Может быть, это был момент слабости, и в кои-то веки ему хотелось на кого-то опереться. Так или иначе, но посреди разговора президент неожиданно улыбнулся и сказал: «Джо, подойди ко мне, пожалуйста. Я хочу проверить твой бицепс». Луис улыбнулся в ответ, подошел и подставил президенту свою согнутую в локте руку. Рузвельт, как это иногда бывает с людьми, у которых парализованы ноги, обладал очень сильными руками, и вот сейчас он, как клещами, вцепился пальцами в бицепс Джо, а потом, слегка повеселев, сказал: «Джо, чтобы победить немцев, нам нужны такие мышцы, как у тебя».

Так было всегда. Чтобы вселить в людей уверенность в себя, Джо Луису не надо было даже ничего говорить. Ему достаточно быть рядом. Это его качество во время войны армейские пропагандисты часто использовали. Снимались бесчисленные ролики с его участием, сам Джо ездил из одной воинской части в другую. После войны многие ветераны и политики признавали, что, пожалуй, ни один другой человек не сделал для победы столько, сколько Джо Луис. Можно, конечно, сказать, что ему повезло — он родился вовремя. Но с другой стороны, гораздо больше повезло Америке — в самый трудный для нее момент у нее нашелся Джо Луис.

Начало его пути, как и у большинства подлинных народных героев, было более чем скромным. Он родился 13 мая 1914 года в городке Чеймберс-Каунти, штат Алабама, и был седьмым ребенком в семье. Его полное имя — Джо Луис Бэрроу. Его отец, Манро Бэрроу, был огромным, сильным и на редкость беззлобным человеком. Когда Джо было всего два года, отец сошел с ума, вполне возможно, надорвавшись в тщетных попытках прокормить жену и восьмерых детей. Манро поместили в психиатрическую лечебницу. Дальнейшая его судьба не вполне известна. По одним данным, он умер в 1918 году, по другим — его семье сказали, что он умер, хотя на самом деле он прожил еще около 20 лет.

Когда Джо было 7 лет, его мать Лилли вышла замуж за Патрика Брукса, у которого, как и у нее самой, было восемь детей. В 1926 году это огромное семейство переехало в Детройт. Когда Джо исполнилось 16, мать решила, что ее здоровенному стеснительному парню, очень похожему на отца, не помешают уроки музыки, подарила ему скрипку, дала немного денег и отправила к учительнице. Однако Джо потратил эти деньги на то, чтобы пойти в один из местных залов, где тренировались боксеры-любители. Обман раскрылся, когда учительница сама пришла к Лилли и сказала, что Джо у нее ни разу не был. К его удивлению, мать не рассердилась, а предоставила ему полную свободу действий, и Джо стал заниматься боксом на легальных основаниях. Ходили слухи, что, записываясь в эту секцию, Джо должен был заполнить анкету. Он очень крупно написал Джо Луис, а на Бэрроу места уже не хватило. Так появился его псевдоним. Однако, скорее всего, это легенда, а псевдоним появился несколько позже.

Джо сам точно не помнил, когда состоялся его первый официальный бой, то ли в конце 1932 года, то ли в начале 1933-го. Но своего соперника запомнил хорошо. Против новичка выставили члена сборной, недавно выступившего на Олимпиаде 1932 года, прошедшей в Лос-Анджелесе. За два раунда Джо побывал на полу семь раз, получил за это купоны на семь долларов, на которые мог купить продукты в определенном магазине, и отдал их матери.

Бросать бокс после этого печального опыта Джо и не подумал, но решил устроиться работать на завод Форда. Однако его боксерские заработки начали быстро расти, и очень скоро он ушел с завода.

Всего на любительском ринге Джо провел 54 боя, выиграл 50, из них 43 нокаутом. Завоевав в 1934 году титул чемпиона страны в полутяжелом весе, Луис решил, что пора переходить в профессионалы.

Его первыми менеджерами стали два полуподпольных дельца афроамериканского происхождения Джон Роксборо и Джулиан Блэк, а в качестве тренера они наняли для него бывшего боксера-легковеса Джека Блэкберна. Трудно оценить то, что сделало это трио для будущего Джо Луиса. Роксборо и Блэк разработали для него оптимальный имидж (кстати, именно они, видимо, «отсекли» его фамилию Бэрроу и создали «сценическое» имя Джо Луис). И если перед тренером в общем-то стояла задача отполировать бриллиант, то менеджерам пришлось создавать нечто совершенно новое, правда, они тоже работали на • натуральной основе, не корежа природу. И все же...

В начале 30-х белая Америка еще очень хорошо помнила Джека Джонсона и меньше всего хотела повторения чего бы то ни было в этом роде. Поэтому нужно было создать имидж полной противоположности Джонсона. Для Луиса был разработан целый кодекс поведения, включавший в себя множество всяких «не»: никогда перед боем не оскорблять соперника, тем более белого, и уж подавно не показывать свое торжество, стоя над ним поверженным, не грубить представителям прессы, нигде и никогда не появляться с белыми женщинами и так далее.

Надо сказать, что все это давалось Джо без большого труда, потому что он сам был очень близок к имиджу, вылепленному его менеджерами. Абсолютно безжалостный на ринге, за его пределами он казался вообще лишенным агрессивности. Хамить кому бы то ни было он, кажется, вообще не умел. К тому же Луис нес в себе негритянскую робость перед белым человеком, которая в наши дни вылилась в свою противоположность, но где-то в глубине все равно осталась все той же робостью. Белые были для него безусловно старшими братьями. По крайней мере, это так выглядело, и белое сообщество приняло его на удивление легко. Ну и времена, конечно, изменились. Когда в конце 30-х в Голливуде снимали «Унесенных ветром», актеры-негры отказывались работать до тех пор, пока из сценария не было исключено слово «ниггер», изначально повторявшееся там много десятков раз. Еще недавно представить себе такое было просто невозможно.

Тренеру Блэкберну тоже пришлось поработать. Гениальному ученику нужен и гениальный учитель, а Джек именно таким и оказался. Он быстро обнаружил, что Луис не может быстро передвигаться по рингу и вообще предпочитает стоять на одном месте. Насиловать природу Блэкберн не стал. Так как Луис в высшей степени обладал двумя главными для боксера качествами — чувством дистанции и интуитивным чувством соперника, называемым в Америке боевым инстинктом, особая быстрота ног ему оказалась не нужна, то есть она бы, конечно, не помешала, но без нее можно было обойтись. Вместо этого тренер поставил Луису слегка шаркающий шаг. Для боксера, обладавшего худшим чувством дистанции, чем у Джо, этого было бы явно недостаточно, но Луису, чтобы уходить от ударов, нужны были сантиметры, а то, что он оставался рядом с соперником, позволяло тут же контратаковать.

Хорошую устойчивость Луиса Блэкберн тоже превратил в достоинство. Это позволяло Джо максимально вкладываться в удар, который у него и без того от природы был нокаутирующим. Кроме того, Блэкберн поработал и над ударом. Он сделал его максимально коротким, компактным, как и все другие действия Луиса на ринге. Короче говоря, Джек сыграл роль великолепного настройщика, которому попался прекрасный рояль, — он выжал из него абсолютно все, что было возможно. По сути дела, он реализовал потенциал Джо на все сто процентов.

О достоинствах Луиса как боксера можно говорить часами, но в любом случае нельзя не сказать еще об одном его качестве, которое, кстати, особенно выделял Майк Тайсон, — точности удара. Пожалуй, в этом у Джо не было равных не только среди современных ему тяжеловесов, но и среди всех без исключения потомков.

В общем, если еще прибавить достаточно высокий рост, 186 см, и приличный вес, за 90 кг, можно сказать, что Джо Луис был абсолютно совершенной боевой машиной. Оставалось только проверить ее на практике.

Свой первый профессиональный бой Джо провел 4 июля

1934 года с неким Джеком Крэкенем, которого нокаутировал в первом раунде. А дальше пошло-поехало. В этом году он провел еще 11 боев, и только двум его соперникам с огромным трудом удалось закончить бой на ногах. За первые пять месяцев года Джо также провел 11 боев, и снова только двоим избитым и измочаленным соперникам удалось услышать финальный гонг, а остальные не смогли и этого.

25 июня 1935 года, меньше чем через год после начала профессиональной карьеры, Джо Луис встретился с чемпионом мира в тяжелом весе — Примо Карнерой. Джо использовал старую добрую тактику работы с более высоким противником: бил по корпусу, а когда противник опускал руки, бил в голову. В четвертом раунде Карнера решил вспомнить молодость, когда в цирке поднимал самого толстого зрителя, и попытался поднять Джо. В ответ тот поднял Карнеру и отбросил в сторону, а в шестом раунде послал итальянца сначала в нокдаун, а потом в нокаут.

С Максом Бэром Джо расправился в четыре раунда. Макс так и не смог ни разу нанести свой коронный правый кросс. Вскоре в одном из интервью он сказал, что после очередного нокдауна «увидел так много Джо Луисов, словно против него вышел драться весь Гарлем».

Баск Паолино Ускудун тоже не смог оказать сопротивления Луису, но этот бой очень внимательно смотрел Макс Шмелинг.

История боя Луис — Шмелинг стала классической в том отношении, что она как никакая другая показала, что опыт в сочетании с наблюдательностью бьют класс.

После боя Луиса с Ускудуном репортеры, уже знавшие, что в скором времени Шмелингу предстоит встреча с Джо, несколько снисходительно спросили немца, увидел ли он у своего будущего соперника хоть какие-то недостатки. Макс добродушно улыбнулся и ответил, что кое-что заметил, но что именно, не скажет. Тогда над этим много смеялись, считая, что Шмелинг блефует. Все помнили, что с ним сделал Макс Бэр, и все помнили, что с самим Бэром сделал Джо Луис. Конечно, серьезные эксперты, которых хватало и среди журналистов, понимали, что предсказывать результат поединка, исходя из таких сравнений, нельзя, но все же и они очень скептически смотрели на перспективы Шмелинга в этом бою.

Бой состоялся 19 июня 1936 года. То, что Шмелинг действительно что-то заметил, стало ясно в первом же раунде, как и то, что Джо плохо тренировался и даже не позаботился привести в порядок свой вес. В первых трех раундах никаким нокаутом для Шмелинга и не пахло, а ведь большинство специалистов предрекало, что больше трех раундов он не продержится. Более того, Макс вел абсолютно равный бой.

Здесь самое время вспомнить, что же все-таки заметил Шмелинг, просматривая бои Джо. Макс обнаружил, что после джеба левая рука Луиса всегда как бы немного зависает, вместо того чтобы идти назад и прикрывать челюсть. Более того, она еще и опускалась на несколько сантиметров, полностью открывая левую сторону головы Луиса для правого кросса. А правый кросс навстречу — это был как раз коронный удар Шмелинга. И именно этот удар из раза в раз обрушивался на голову ничего не понимавшего Луиса.

Катастрофа произошла в четвертом раунде. Джо нанес свой левый джеб, который, как обычно, слегка завис и съехал вниз на несколько сантиметров по правому плечу Шмелинга. В ту же секунду просвистел кросс, пришедшийся точно в челюсть. На свою беду, Луис не упал, хотя полностью потерял ориентировку, и Шмелинг успел всадить еще две серии ударов. Джо сел на пол. Потом встал, но это уже был совсем другой боксер.

Шмелинг, как человек опытный, решил не форсировать события, прекрасно понимая, кто перед ним. Макс не собирался особенно атаковать и рисковать нарваться на левый хук или правый кросс Луиса. Вместо этого он методично из раза в раз повторял свою контратаку.

Раунд шел за раундом, а Макс снова и снова проводил свой прием. После боя подсчитали, что всего Максуду удалось провести за бой 91 кросс в челюсть Джо, последний из которых — в двенадцатом раунде — и поставил точку

Много лет спустя, когда взойшла звезда Мохаммеда Али и все эксперты стали сравнивать двух предположительно самых великих тяжеловесов в истории, многие из них заметили, что у Луиса по сравнению с Али был один существенный недостаток, который ярче всего проявился в бою со Шмелингом, но от которого он так и не смог до конца избавиться, — неумение перестраиваться по ходу боя.

Ну а Макс вернулся в Германию, где еще раз пережил свой звездный час, даже более блистательный, чем первый, и где против своей воли стал любимчиком Гитлера и особенно Геббельса, который широко использовал победу немца над негром в качестве подтверждения идеи расового превосходства арийцев. Отголоски этой кампании дошли до Америки, где Шмелинга окончательно возненавидели. Между тем, когда несколько лет спустя Джо Луиса спросили, верил ли он когда-нибудь, что расистские высказывания, приписываемые Шмелингу, действительно исходили от Макса, он ответил, что никогда не сомневался, что автор этих слов Геббельс, так как хорошо ему знакомый Шмелинг просто не мог сказать ничего подобного.

Джо быстро оправился от поражения. Уже через два месяца после боя со Шмелингом он встретился с его старым противником, Джеком Шарки. Тот после победы над Харри Уиллсом считал себя большим специалистом по негритянским бойцам и собирался окончательно развенчать легенду по имени Джо Луис. Однако потом говорили, что Шарки во время боя больше лежал, чем стоял. Луис несколько раз послал его в нокдаун, а уже в третьем раунде нокаутировал.

С сентября 1936 по февраль 1937 года Луис провел еще шесть боев, которые показали только, что он по-прежнему лучший тяжеловес своего времени. Одна из этих встреч закончилась грустным курьезом уже в первом раунде. После удара Луиса довольно известный тяж Эдди Симмс неожиданно повернулся к рефери и сказал ему: «Пойдем, прогуляемся по крыше». В ответ на это арбитр принял единственно верное решение — остановил бой.

К этому времени его главным менеджером или, точнее уже будет сказать, промоутером (от менеджера его отличают принципиально иные финансовые возможности, а также способность самостоятельно организовывать матчи) стал Майк Джекобе. Джон Роксборо и Джулиан Блэк были слишком умными людьми, чтобы не понимать: надо делиться, если не хочешь потерять все, и они поделились с одним из самых сильных игроков боксерского бизнеса. Майк Джекобе вместе с Джо Гоулдом, менеджером чемпиона мира Джеймса Брэддока, и провернули всю операцию по организации боя Брэддок — Луис. Как уже говорилось, это было непростым делом, так как нужно было обойти Макса Шмелинга, который, как победитель Луиса, разумеется, имел приоритетное право на бой за чемпионский титул. Но бизнес-элита профессионального бокса вместе с американской публикой, не желавшей видеть иностранца, да еще представителя нацистской Германии, чемпионом мира, хотела боя Брэддок — Луис, а потому он не мог не состояться.

Он и состоялся 22 июня 1937 года. В первом раунде Луис несколько увлекся атакой и пропустил апперкот навстречу. Нокдаун. Джо тут же вскочил. Брэддок бросился его добивать, но Луис выдержал его атаки, хотя явно был потрясен, а в конце раунда сумел даже вернуть себе инициативу, которую больше уже не упускал. Он выигрывал раунд за раундом, и только чрезвычайное мужество держало чемпиона Золушку на ногах. Но чудеса для него давно уже кончились, и никакая фея не могла его спасти. В восьмом раунде Джо нанес левый апперкот по печени и правый кросс в голову. Брэддок не рухнул на пол, а опустился, как будто решил прилечь отдохнуть, но встать он не смог даже тогда, когда рефери уже закончил счет, и секунданты отнесли его в угол.

После боя Майк Джекобе зашел в раздевалку Луиса. Тот возлежал на массажном столе как римский император, а вокруг сустились люди, которые казались очень маленькими рядом с ним. Массажисты приводили Джо в порядок, хотя он явно не слишком пострадал. За все это время Джо сказал лишь две фразы: сначала — что уже поздно, и неплохо бы поспать, а потом — что неплохо бы перед этим еще съесть цыпленка. До 23-летнего парня еще не дошло, что он уже второй человек в стране после президента. Потом Джекобе пошел в раздевалку к Брэддоку. Тот был ужасен. В ответ на три вопроса журналистов он трижды покачал головой и промывчал что-то нечленораздельное. На следующий день Джекобс с большим удивлением прочитал в газетах подробные интервью с чемпионом и экс-чемпионом.

Может быть, Джо Луис и не сразу понял, кто он такой теперь, но, когда понял, тут же попросил всех своих друзей, знакомых, а также журналистов не называть его чемпионом до тех пор, пока он не разберется со Шмелингом. Друзья и знакомые послушались, а журналисты, разумеется, нет.

Однако до второго боя с Максом Джо успел трижды защитить свой титул. Самым примечательным был его первый соперник — британец, а точнее, валлиец Томми Фарр, который, как и все уроженцы Уэльса, очень не любил, когда его называли англичанином.

Фарр провел прекрасный бой и сделал максимум возможного. Встречу в целом он, конечно, проиграл, но несколько раундов выиграл. Луис обрушил на челюсть и корпус Томми всю свою артиллерию, но тот ни разу не упал. У Фарра, как боксера, было множество достоинств, но один существенный недостаток — очень слабый для тяжеловеса удар. Если бы не это, то еще неизвестно, как сложился его бой с Луисом.

С Луиса Фарр начал свои «гастроли» в США. Он провел еще четыре боя: с экс-чемпионами мира Максом Бэром и Джеймсом Брэддоком, а также с очень сильными тяжеловесами Луи Новой и Редом Берманом. По мнению практически всех экспертов и зрителей, Фарр выиграл все эти бои. Тем не менее судьи ни разу так и не решились дать ему победу. За это безобразие стыдно стало даже американской спортивной прессе, которая начала всячески превозносить Фарра. Репортеры прозвали его Томми Львиное Сердце по аналогии с известным королем-рыцарем

Ровно через год после боя с Брэдкоком, 22 июня 1938 года, Джо наконец-то встретился со Шмелингом снова. Когда Макс в начале весны приехал в Штаты, он был потрясен тем, как изменилось отношение к нему. Только что прошел аншлюс Австрии, и весь мир гадал, что Гитлер будет делать дальше. В Америку уже приехало много беженцев из Германии, и то, что они рассказывали, потрясло американскую общественность до основания. В результате Шмелинга объявили нацистом. Макс как мог объяснял, что он не нацист и не антисемит, и в подтверждение этого указывал на своего менеджера и друга Джо Джекобса, еврея. Джекобс, который относился к Шмелингу как к близкому родственнику, тоже, надрывая глотку, рассказывал всем, какой Макс замечательный человек, но в результате только нажил себе множество врагов.

Вся страна с надеждой смотрела на Джо Луиса. Ему не оставили права на поражение. Он должен был от лица демократии победить тоталитаризм. Ситуация парадоксально напоминала ту, что сложилась перед боем Джек Джонсон — Джим Джеффрис. Но если тогда Америка требовала от Джеффриса победы над негром, которого воспринимала почти как князя тьмы, то теперь она требовала от негра победы над белым, воплотившим для большинства американцев все зло мира. В какой-то момент даже Джо, все понимавший и знавший, стал воспринимать Шмелинга как и все остальные. Удивительно несправедлива бывает судьба.

Макс был очень подавлен этой атмосферой ненависти и с нетерпением ждал боя, а Джо тем временем тренировался. Мудрый Блэкберн понял, в чем состояла ошибка его подопечного еще в самом начале первого боя Луиса со Шмелингом, и весь этот год он старательно работал над его не вполне идеальным джебом. Может быть, Джо и не умел перестраиваться во время боя, но слушать тренеров он умел, как и выполнять все их требования. Очень скоро его левая рука Луиса перестала зависать и опускаться после джеба. Была ликвидирована единственная дыра в защите, которая давала Шмелингу шанс на победу.

К бою Луис подошел в состоянии близком к тому, в котором летчик идет на таран. Вспоминая это через много лет, он сказал: «Жизнь всей страны в тот момент зависела от меня». И он был, к сожалению, прав. Большинство американцев ненавидело нацистов, но достаточно пассивно: слишком уж далека была от них Европа со всеми ее проблемами, но были и активные и достаточно многочисленные американские нацисты, в основном немецкого происхождения, которые в случае победы Шмелинга пусть на какое-то время, но обязательно подняли бы головы. Так что Джо действительно не имел права на поражение.

Когда противники наконец вышли на ринг, Луис несколько секунд смотрел на Шмелинга, а затем нанес два левых джеба, тут же подкрепленных двумя мощными ударами левой снизу-сбоку по челюсти. Макс явно почувствовал их силу. Потом Луис провел мощную серию из множества ударов. Где-то в середине этой серии Шмелингу удалось провести правый кросс, но он был ослаблен атакой Джо, и его удар не возымел никакого действия. Джо снова атаковал. В один момент его джеб чуть завис, и Шмелинг тут же попытался провести тот прием, который принес ему успех в первом бою, но Луис ждал этого и отскочил. Он стал медленно надвигаться на Шмелинга, и тот шаг за шагом отступал к канатам. Поняв, что попал в ловушку, Макс попытался контратаковать, но напоролся на левый хук Луиса. Ему, правда, удалось на какое-то время связать руки Джо, но тот освободился и нанес два джеба и правый кросс. Макс частично заблокировал, частично самортизировал эти удары, но снова оказался у канатов. Здесь после небольшой возни Луис взорвался серией, которая закончилась страшным правым кроссом, чуть не вытряхнувшим беднягу Шмелинга из его ботинок. Чтобы не упасть, он схватился правой рукой за канаты, оставшись абсолютно беззащитным, и Джо навис над ним, нанося один удар за другим. Гордость не позволяла Шмелингу отпустить канаты, сесть на пол и дать себе десять секунд на отдых, а Луис бил и бил. В какой-то момент Макс стал инстинктивно поворачиваться к своему сопернику спиной, тогда Джо стал бить его по затылку и шее. Тогдашние американские правила, в отличие от европейских, не запрещали этого. Наконец колени Шмелинга подогнулись, но он все же устоял на ногах. Здесь рефери вмешался, отогнал Луиса, вроде бы решил отсчитать нокдаун, а потом неожиданно плюнул на это и приказал продолжить бой. Арбитр явно не собирался помогать «нацисту».

Шмелинг как будто боялся отпустить канат, но, повинувшись команде рефери, все-таки сделал шаг навстречу Луису, точнее, двум его ударам, левому и правому хукам, в последний из которых Джо вложил всю свою силу. Макс упал лицом вперед, перевернулся и... встал. На свою беду. По тогдашним правилам, если боксер быстро вставал, ему не отсчитывали десять секунд, а практически тут же продолжали бой. Луис, не теряя времени, провел очередную серию, и Шмелинг, согнувшись пополам, ткнулся в пол руками. Он и на этот раз тут же встал, и рефери снова дал команду продолжить бой. Луис нанес еще несколько ударов, последним из которых был акцентированный короткий правый кросс. Шмелинг упал на колени и не смог встать. В этот момент кто-то из его секундантов выбросил полотенце, но рефери лишь отбросил его. Нет, он совершенно точно не собирался сегодня помогать нацистам. Тогда секундант выскочил на ринг, но рефери дал ему команду уйти. Правда, через секунду он решил сменить гнев на милость, подошел к Шмелингу и стал помогать ему встать вместе с наконец-то прорвавшимися к нему на помощь секундантами. Это был конец.

«Вот теперь я чувствую себя чемпионом», — сказал Луис, едва сойдя с ринга.

После неполных трех минут боя Шмелинг представлял собой страшное зрелище. Его немедленно повезли в больницу. Машина ехала через Гарлем, который весь высыпал на улицу, играл на всех музыкальных инструментах сразу и пел, отмечая победу своего любимца. Макс, лежавший в машине в полубессознательном состоянии, все-таки слышал многократно повторенные самыми разными голосами имя «Джо Луис».

В больнице среди прочих травм у него обнаружили две микротрещины в одном из позвонков шейно-грудного

запрещенный удар, но Шмелинг отказался наотрез, заявив, что Джо дрался по американским правилам, которые допускают такие удары, и он сам отлично это знал, а значит, никакого нарушения не было.

По приезде в Германию Макс обнаружил, что для нацистских властей он больше не существует. Этому обстоятельству он был только рад. Геббельс, правда, попытался выступить с утверждением, что у Луиса что-то было в перчатках, но при отсутствии какой бы то ни было поддержки этой идеи со стороны Шмелинга она долго не прожила.

Через много лет Макс сказал: «В моем поражении была и положительная сторона. Победа над Луисом навсегда сделала бы меня «арийской эмблемой» Третьего рейха».

Неполный раунд на ринге со Шмелингом и бремя ответственности, связанное с этим боем, так измотали Джо морально и физически, что он позволил себе длительный отдых и в следующий раз вышел на ринг только через семь месяцев, но потом поставил защиту своего титула на поток. Он стал первым по-настоящему активным чемпионом мира. В 1939 году защитил свой титул четыре раза, в 1940-м — также четыре, а в 1941-м — семь. При этом, в отличие от другого активного чемпиона Томми Бернса, он дрался не с мешками для битья, а с самыми сильными тяжеловесами своего времени, и не его вина, что среди них никто не мог с ним по-настоящему тягаться.

Тони Галенто, казалось, удалось дать бой Луису. Это был один из самых колоритных персонажей той эпохи. Бакалейщик, неожиданно открывший в себе боксерский талант, до Луиса рвал на ринге всех в ключья. Его рост сильно недоставал до 170, а вес сильно переваливал за 100. За сложение его прозвали Двухтонным Тони, а за манеру ведения боя — Бешеным Бульдозером. Во втором раунде Джо послал его в нокдаун, но в третьем Галенто отплатил ему той же монетой. Его сумбурные атаки были временами опасны по причине их полной непредсказуемости. В четвертом раунде рефери вмешался, видя, что на ногах Галенто держат только канаты, и действительно, едва Луис отошел, все две тонны Тони упали на пол. Видя состояние Галенто, рефери принял решение остановить бой.

Упрямый и агрессивный, как бык, аргентинец Артуро Го-дой сумел продержаться 15 раундов, но это было все, чего он добился. Однако бой получился настолько захватывающим, что решили организовать матч-реванш. На этот раз рефери остановил встречу в восьмом раунде, после того как Луис вдоволь повалял аргентинца по полу. Едва встав на ноги, Артуро обежал рефери и попытался снова броситься на Луиса, но у него на руках повисли его же секунданты, которые, вполне возможно, и спасли его от нокаута.

Неожиданно трудным соперником оказался Бадди Бэр, младший брат Макса, чьим жалким подобием его считали. Однако для Джо, по крайней мере поначалу, он оказался куда более трудным соперником, чем Макс. В первом раунде Бадди послал его в глубокий нокдаун и даже выбил между канатами ринга. Но Луис встал и вскоре стал гонять Бэра из угла в угол. В шестом раунде Бадди трижды побывал на полу, а за отказ выйти на седьмой рефери дисквалифицировал его. Позже был и матч-реванш, и на этот раз Джо нокаутировал Бадди уже в первом раунде.

Но главным событием предвоенного бокса стали не все эти бои, а встреча Джо с чемпионом мира в полутяжелом весе Билли Конном. В этом бою было все — интрига, переходы инициативы из рук в руки и неожиданный финал.

Билли Конн вообще достоин отдельного рассказа. Он родился в 1917 году. На профессиональном ринге начал выступать, когда ему еще не было 17, и поначалу чуть не стал жертвой плохого менеджмента — его, еще совсем зеленого мальчишку, подставляли под очень сильных бойцов. В результате первый бой Конна закончился поражением, и к концу 1935 года, то есть через полтора года с начала карьеры, его послужной список включал 12 побед, 6 поражений и 1 ничью. Неплохо для середняка, но для такого таланта, каким был Билли Конн, скромновато. Однако он быстро учился. Рос уровень его соперников, но росли и его результаты. За 1937—1938 годы Конн одержал 12 побед и потерпел всего три поражения, каждое из которых было весьма сомнительным. В 1939 году Билли завоевал чемпионский титул в полутяжелом весе. Очень скоро стало ясно, что никто в этой категории не сможет в ближайшее время оказать достойное сопротивление заматеревшему Конну, и в конце 1940 года он принял решение перейти в тяжелый вес.

Решение, надо сказать, было смелое. Конн недотягивал даже до лимита полутяжелого веса (79,4 кг). Кроме того, в его арсенале не было нокаутирующего удара. Его стиль основывался на фантастической технике и каком-то запредельном чувстве соперника, которого Билли читал как открытую книгу.

Где-то в это время на сцену вышел Майк Джекобс, промоутер Джо Луиса. Говорят, он всю жизнь мечтал иметь сына, но судьба обошла этого талантливейшего дельца. С Луисом Джекобса связывали взаимная симпатия и уважение, а вот к Конну он стал относиться именно как к сыну. В общем, при таком раскладе Билли мог быть уверен, что бой с Луисом у него в кармане. Он его и получил.

Бой состоялся 18 июня 1941 года. Накануне на взвешивании выяснилось, что Конн весит всего 75,8 кг. Это было так несолидно, что в официальных документах ему накинули около 3 кг. Луис весил около 90, тоже меньше, чем обычно. Присутствующие слегка недоуменно смотрели на Конна, который был, кстати, красив, как голливудская звезда, и думали о том, что завтра оставит от этого лица Луис. Билли выглядел рядом с ним именно тем, кем был, — представителем другой весовой категории.

Однако «недовес» Луиса таил большую опасность, чем даже малый вес Конна. Билли весил столько, сколько всегда, и чувствовал себя оптимально, а вот Джо — нет. Дело в том, что в подготовке он допустил большую ошибку — очень быстро сбросил вес. Луис справедливо полагал, что для победы над Конном нужна скорость, а следовательно, меньший вес. Но радикальная стонка веса очень ослабляет. Удивительно, но эту ошибку допускали даже такие выдающиеся боксеры, как Джо Луис и Мохаммед Али.

Билли дрался с противником тяжелее себя на 14 кг на равных. Его левый джеб постоянно терзал Луиса, сбивал его с цели и не давал нанести мощный акцентированный удар. Кроме того, Конн все чаще и активнее подключал и правую руку. Небольшое преимущество он имел и в третьем, и в четвертом раундах.

Однако в пятом раунде Луис перехватил инициативу. Он также выиграл и следующие два раунда, нанося главным образом левые хуки в голову и правые кроссы по корпусу и в лицо. Конн быстро нашел противоядие и от этой тактики Луиса. Используя свое преимущество в скорости, он стал постоянно на-

носить на отходе левый джеб. Джо не доставал своего быстрого соперника, удары его летели мимо, а силы от этого таяли еще быстрее.

В десятом раунде Конн уже полностью контролировал бой. В одиннадцатом и двенадцатом раундах Билли перешел в решительную атаку. На голову Луиса обрушилось его же оружие: левые хуки и мощные удары справа. Если бы Конн обладал таким ударом, как его соперник, вполне возможно, что дело бы закончилось нокаутом уже тогда.

Гонг возвестил о начале тринадцатого раунда. Чувствуя близкую победу, Конн дал эмоциям захватить себя и допустил роковую ошибку. Он позволил себе забыть, кто такой Джо Луис и какой у него удар. Желая как можно быстрее и эффектнее закончить бой, забыв о разнице в весе, Конн пошел в шквальную атаку, явно не опасаясь нарваться на встречный удар. Видимо, ему казалось, что после «порки» в двух предыдущих раундах Луис уже не сможет сильно ударить. А скорее, он ни о чем не думал. Просто запах близкой победы над величайшим боксером современности и все, что с этим было связано, дурманили голову. Конн перестал избегать обмена ударами, в котором у него заведомо не было никаких шансов. Поначалу он имел даже некоторый успех, но Луис обрушил на него всю свою артиллерию. Пропустив несколько увесистых ударов, Конн потерял преимущество в скорости. Где-то между делом он пропустил правый апперкот, от которого у него чуть не отскочила голова. Луису оставалось только дожать противника, что он и сделал. Серия следовала за серией, Конн отвечал все реже и реже, пока наконец не перестал отвечать совсем. Последовала длинная серия, закончившаяся знаменитым коротким правым боковым Луиса, который прозвали «молот». Удар пришелся точно в челюсть. Конн рухнул на пол. На этот момент он вел по очкам на всех трех судейских записках. Билли мог даже проиграть оставшиеся раунды, но без нокаутов, и все равно бы победил. И он, и зрители прекрасно понимали, что он мог это сделать. Мог, но не сделал. Поэтому все эти рассуждения не имели смысла. А имело смысл только то, что Джо Луис нокаутировал Билли Конна в тринадцатом раунде и защитил свой титул в восемнадцатый раз.

После этого боя Луис и Конн подружились и часто появлялись вместе. Однажды много лет спустя, чтобы сделать им приятное, организаторы встречи с боксерами предложили им посмотреть их памятный матч. Джо тут же согласился, а у Билли мгновенно стал такой вид, словно у него заболел зуб. «Джо, посмотри это кино, — сказал он, — и если там переделали финал, скажи мне. Тогда я тоже посмотрю». После этого он пошел в бар. Меньше чем через час туда прибежал Луис с сияющими глазами и закричал: «Билли, ты не представляешь себе — я опять выиграл!»

После таких боев обязательно проводят матч-реванш, так как он неизменно дает фантастические сборы. Начались переговоры. Луис тем временем успел еще трижды защитить свой титул. Наконец повторный матч Луис — Конн был назначен на 12 октября 1942 года. Но бой состоялся не тогда, а почти через четыре года. Шла война, и оба участника той эпохальной встречи были призваны в армию.

По крайней мере два своих гонорара за бои Луис пожертвовал на военные нужды. Вся выручка от боя с Бадди Бэром пошла в фонд помощи ВМС, а заработок за последний «предвоенный» бой с Эйбом Саймоном, состоявшийся 27 марта 1942 года, — в фонд помощи армии. Луис и Конн собирались полностью отдать армии свои гонорары за матч-реванш, но здесь произошел скандал. Выяснилось, что оба боксера, пользуясь хорошими отношениями, задолжали Майку Джекобсу, и он хотел удержать сумму долга из их гонораров. Луис также остался должен Роксборо, и тот тоже не думал жертвовать эту сумму в фонд армии. Менеджеров, мягко говоря, не поняли. Какие долги, когда родина в опасности? И бой между сержантом Бэрроу (Луисом) и капралом Конном не состоялся. А 16 октября 1942 года Национальная боксерская ассоциация заморозила все чемпионские титулы боксеров, находившихся на службе в армии.

Непобедимый Джо стал символом для сражающейся Америки, и прежде всего для самих солдат. Каждый хотел перед лицом опасности быть таким, как Джо Луис, чья смелость никогда не нуждалась в истеричном надрыве. В его ледяном спокойствии была та надежность, которой больше всего не хватало людям, которым пришлось жить в очень ненадежное время, и лучше всего это выразил президент Рузвельт во время той встречи, о которой уже шла речь. Отдел пропаганды американской армии использовал Джо на полную катушку. Было выпущено огромное количество киножурналов для военных с участием Луиса, не говоря уже о том, что сам он постоянно разъезжал по фронтам в составе концертной бригады, где проводил демонстрационные бои и выступал с речами, простыми и доходчивыми, в которых говорилось именно то, что люди, не знавшие, будут ли они живы завтра, хотели услышать. После войны многие ветераны вспоминали, что, когда Луис произносил свою знаменитую фразу: «Мы победим, потому что мы на стороне Бога» (ставшую такой же крылатой, как в СССР слова неизвестного сталинского речеписца: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»), солдаты действительно начинали ощущать себя Христовым воинством, которое шло на бой с силами зла. Именно так: не «с нами Бог», то есть не Бог на нашей стороне, а проще и величественнее — мы на стороне Бога, тем более что первый вариант был в ходе истории множество раз дискредитирован самыми разными фанатиками и циниками, искренне и не очень убежденными в том, что они выполняют Божью волю. В таких делах, как человеческая психика, в отличие от арифметики, сумма от перемены мест

В одной из самых первых послевоенных речей президента Трумэна имя Джо Луиса было упомянуто среди тех, кто внес наибольший вклад в дело победы. Нельзя сказать, что правительство отплатило Джо черной неблагодарностью. Он недоплатил налогов на сумму около миллиона долларов. Специальным указом президента ему их простили. Таким образом, новый, 1946 год Джо встретил без долгов, но и без гроша в кармане, хотя у него и была кое-какая собственность. Куда девались его деньги, меньше всего знал он сам. Правда, он как-то довольно язвительно заметил, что хотя от его гонораров ему доставалась половина, но все издержки всегда оплачивались именно из его половины. Очень легко все списать на менеджеров, но это было бы не совсем верно. Безусловно, они наживались на Джо, но, с другой стороны, они же добивались для него и самых больших гонораров. Кроме того, многие боксеры, заработавшие куда меньше Луиса, отнюдь не бедствовали. Джо просто не умел обращаться с деньгами. Они сами утекали у него из рук и, в частности, оседали в карманах самых различных прихлебателей. Джо был щедр, как самый настоящий чемпион или, точнее, как самый настоящий король.

Наступило время возвращаться на ринг. Долгожданный матч-реванш с Конном, состоявшийся 19 июня 1946 года в Нью-Йорке, был его первым боем после четырехлетнего перерыва.

И тут оказалось, что его не так уж и ждали. Публики было не так много, как всегда. Отчасти потому, что Джекобе, рассчитывавший на ажиотаж, непомерно задрал цены на билеты. Но главное — за пять лет, прошедших с первого боя с Конном, произошло слишком много событий, заставивших людей забыть о том, что когда-то их так волновало.

Через много лет, вспоминая былое, Джо любил повторять, что Луис до войны и Луис после нее — разные боксеры. И это было действительно так. Незадолго до второго боя с Конном доктор Беннетт, следивший за здоровьем Луиса все эти годы, играл с ним в настольный теннис и обратил внимание, что у того неладно с реакцией. Джо отлично брал мячи с одной стороны, но словно не видел их, когда они шли с другой. Тут же в команде Луиса состоялось совещание. Это был очень тревожный симптом. Джо неодинаково реагировал на раздражители с разных сторон. Но до встречи с Конном ему решили ничего не говорить, тем более что пока это проявлялось лишь время от времени и как-то поддавалось коррекции.

Если у Луиса ухудшилась реакция, то у Конна время забрало гораздо больше. Он прибавил восемь килограммов. Но это не пошло ему на пользу. Он потерял свое главное преимущество — скорость — как в ударах, так и в передвижениях по рингу. Перерыв, вызванный войной, обернулся бедой для Луиса и катастрофой для Конна.

Семь раундов прошли на редкость скучно. Публика свистела и топала ногами. В восьмом раунде у Джо прошла одна серия: два правых, левый хук и правый кросс, после чего Конн оказался на полу. Нокаут. Но эта победа не прибавила Луису славы.

В следующем бою с малоизвестным и абсолютно заурядным Тами Мауриелло от больших неприятностей Луиса, возможно, спас рефери. Джо пропустил сильный удар, но арбитр не дал Мауриелло закончить серию, а, усмотрев какое-то нарушение, встал между противниками. Джо пришел в себя и нокаутировал противника в том же раунде. Это уже было серьезное предупреждение.

То, что не удалось Конну и Мауриелло, удалось 5 декабря 1947 года прекрасному тяжеловесу Джерси Джо Уолкотту. Перед боем Луис повторил старую ошибку — слишком быстро сбросил вес и ослабил себя. Уолкотт доминировал все 15 раундов, дважды — в первом и четвертом — посылал Луиса в нокаун и уверенно бы выиграл бой по очкам, если бы не двое боковых судей. Третьим судьей, выставлявшим очки, был рефери (иногда это практикуется по сей день). В тот день роль судьи на ринге исполнял Руби Годдстин, близкий друг Джо, который славился как самый объективный судья в профессиональном боксе. Характерно, что Уолкотту и в голову не пришло протестовать против того, что роль рефери будет выполнять друг Луиса, — настолько он был уверен в его честности. Джерси Джо не ошибся — Годдстин отдал победу ему, за что, кстати, Луис никогда не держал на него обиду.

Но победителем был все равно объявлен Луис, и ему впервые пришлось уйти с ринга под рев, свист и улюлюканье зала. Луис тяжело переживал свою «победу». Он собирался покинуть ринг, но только после повторного боя с Уолкоттом. Он состоялся 26 июня 1948 года и прошел достаточно ровно и скучно. В восьмом раунде Луису удалось овладеть инициативой, а в одиннадцатом после серии ударов Уолкотт оказался в нокауте. Точку в этом бою, как и во многих других, поставил короткий правый боковой в челюсть.

За три послевоенных года Луис провел всего четыре встречи, одну из которых, строго говоря, проиграл, а остальные три выиграл без особого блеска. Пора было уходить.

Он и ушел, официально объявив об этом 1 марта 1949 года. Однако, к сожалению, он вынужден был через полтора года вернуться на ринг только для того, чтобы проиграть новому чемпиону. Назад его вернуло не тщеславие, а нужда. Он так и не научился обращаться с деньгами, и после 12 лет чемпионства оказался фактически банкротом. Ничего удивительного. Джо всегда раздавал свои деньги направо и налево всем нуждающимся и тем, кто умело делал вид, что нуждается. О его щедрости ходили легенды, и все они соответствовали действительности. В кои-то веки молва не могла преувеличить добро, которое делал один человек. Друзья втягивали Луиса в самые разные финансовые авантюры, теряли деньги и исчезали из его жизни навсегда.

После своего поражения Луис одержал восемь далеко не блестящих побед и проиграл снова, на этот раз чемпиону будущему. Проиграл так, что оставалось только уйти окончательно. И он вновь ушел, но в 1956 году стал выступать как профессиональный борец. Больших денег на ковре он не заработал.

Уже в 70-е годы, когда гонорары боксеров сильно выросли,

улыбнулся и сказал: «Я заработал на ринге пять миллионов, разорился и остался должен миллион. Если бы я выступал сейчас, я бы заработал 10 миллионов, разорился и остался бы должен два миллиона».

Однако страна его не совсем забыла. Он не бедствовал. Работал в одном из лучших отелей в Лас-Вегасе «директором по приему особо важных персон», проще говоря, свадебным генералом. Другим таким же генералом в том же отеле работал великий пловец и известный когда-то киноактер, лучший исполнитель роли Тарзана Джонни Вайсмюллер.

Все последние годы Луису много помогал Макс Шмелинг, с которым они часто встречались, и многие другие люди, в том числе Фрэнк Синатра, который оплатил две его операции на сердце. Если Луис и был беден в последние годы, он не был ни одинок, ни забыт, ни заброшен. Есть люди, которых забыть невозможно.

Джо умер 12 апреля 1981 года в неполные 67 лет. Его похоронили как ветерана войны на Арлингтонском мемориальном кладбище. Он это заслужил.

НЕЗАМЕТНЫЙ ЧАРЛЬЗ

Когда уходит такой чемпион, как Луис, на его месте образуется пустота, и нужно быть очень ярким человеком, чтобы суметь ее заполнить. Эззард Чарльз таким не был, поэтому он не завоевал особой популярности среди современников. Более того, они долгое время не хотели даже признавать его чемпионом мира в тяжелом весе, когда он им уже давно стал. Просто все считали, что он не должен был им стать.

В самом деле, Эззард Чарльз, родившийся в 1921 году, начал свою боксерскую карьеру в среднем весе. В 1939 году именно в этой категории он стал чемпионом страны среди любителей. До этого в 16 лет он завоевал даже какой-то титул в полусреднем весе. В 1940 году Чарльз перешел в профессионалы, а уже в 1942 году, когда ему был всего 21 год, дважды победил Чарли Берли. Чтобы понять, чего стоили эти победы, нужно знать, кем был Берли. А был он предположительно самым великим боксером из тех, кто никогда не был чемпионом мира. Полусредневес, максимум средневес по своим данным, Берли ходил из одной категории в другую, иногда добираясь и до тяжеловесов, и бил всех подряд. Однако из-за плохого менеджмента он так никогда и не получил шанса драться за титул. Люди, которых он совсем недавно бил в буквальном смысле одной рукой, становились чемпионами, а он нет. С Чарльзом он ничего сделать не смог. Справедливости ради надо сказать, что Эззард был все-таки значительно крупнее. Рост у него был 183 см, а вес в это время где-то 78—79 кг.

После этого у Чарльза произошел спад. В 1943 году он проиграл два боя: сначала по очкам сильному полутяжеловесу Джимми Бивинсу, а потом нокаутом в восьмом раунде другому известному боксеру, Ллойд Маршаллу. Потом Чарльза призвали в армию.

В 1946 году изголодавшийся по боксу Чарльз вернулся на ринг. С февраля этого года до июня 1949 он провел 31 бой, в основном с очень сильными соперниками, из которых проиграл только один, неплохому боксеру Элмеру Рэю. Поражение было вызвано невероятно плотным графиком: Эззард провел другой бой всего за 11 дней до встречи с Рэем. За это время он трижды рассчитался со своим старым обидчиком Бивинсом и один раз с Маршаллом, но большего и не понадобилось — Ллойд был нокаутирован уже во втором раунде. Об Эззарде впервые заговорили как о возможном наследнике Джо Луиса, хотя он тогда еще не был даже настоящим тяжеловесом.

Однако в разгар восхождения к боксерским вершинам с Чарльзом произошло событие, которое перевернуло всю его жизнь. 20 февраля 1948 года он в десятом раунде нокаутировал Сэма Бароуди, который скончался через несколько часов после боя. Друзья Эззарда говорили, что до конца своих дней он от этого так и не оправился. Более того, с годами у Чарльза появились проблемы с психикой.

Чарльз решил бросить бокс, но менеджеры нашли ту единственную струну, играя на которой можно было заставить совестливого Эззарда снова выйти на ринг. Ему сказали, что семье Бароуди не на что жить и нужно провести бой, чтобы заработать для них денег. А в качестве соперника ему подобрали его недавнего обидчика Элмера Рэя. Чарльз вышел на ринг как зомби и в девятом раунде нокаутировал Рэя. Когда тот рухнул на пол, Чарльз оцепенел и уставился на него завороченным взглядом. Но уже через несколько секунд тот начал вставать.

После ухода Джо Луиса трон чемпиона в тяжелом весе оказался вакантным, и Национальная боксерская ассоциация (NBA) организовала бой за него между Эззардом Чарльзом и другим известным тяжеловесом Джерси Джо Уолкоттом. Произошло это 22 июня 1949 года. По очкам с неплохим отрывом победил Чарльз. Однако чемпионом его признала только Национальная боксерская ассоциация, а Атлетические комиссии разных штатов сделать это отказались. Никаких юридических оснований у них для такого решения не было. Просто тень предшественника Чарльза была настолько велика, что полностью закрывала его самого. Конечно, значение NBA выше, чем всех остальных организаций, вместе взятых, но все же приятного в положении Чарльза было мало. Он трижды защитил свой титул, но на отношении к нему это не сказалось никак.

Неожиданно ему помог Джо Луис. Летом 1950 года он объявил о своем возвращении на ринг. Причина была простой и грустной — он не мог рассчитаться с долгами. Бой состоялся 27 сентября. Описывать его не нужно. Это был самый обычный бой между вышедшим в тираж ветераном и молодым, сильным боксером, в котором у Луиса заведомо не было никаких шансов. Из 15 раундов он выиграл только три, а концовка вообще получилась ужасной. Начиная с тринадцатого раунда Джо держался на одном честном слове, но это было честное слово великого чемпиона, и его хватило, чтобы закончить бой стоя, а не лежа.

После этой встречи все наконец-то распознали в Чарльзе чемпиона мира, но так и не полюбили. После боя с Луисом Эззард защитил свой титул еще пять раз. Самым трудным, пожалуй, был его второй поединок с Джерси Джо Уолкоттом.

За несколько дней до встречи произошел один показательный эпизод, о котором рассказал знаменитый тренер Эдди Фатч. Чарльз пригласил его посмотреть, как он спаррингует. Фатч пришел и увидел, что Эззард просто сидит в спортзале без дела. На вопрос почему, он ответил, что весит сейчас всего 177 фунтов (80,3 кг) и если продолжит спарринговать, то его вес может упасть ниже 175 фунтов (79,4 кг), лимита полутяжелого веса. Видимо, он опасался, что в таком случае его могут не допустить до боя. Обычно официальный вес Чарльза, когда он дрался уже в ранге чемпиона мира, составлял 83—84 кг, но, глядя на него, было трудно в это поверить. Все-таки он был настоящий полутяж.

Тот бой с Уолкоттом он выиграл, но проиграл следующий, состоявшийся всего через несколько месяцев, в июле 1951 года, а потом проиграл и матч-реванш. О Чарльзе быстро забыли, но он напомнил о себе еще раз, в 1954 году, двумя героическими боями с новым чемпионом Рокки Марчиано.

Любопытно, что сейчас к нему относятся с гораздо большим уважением, чем в годы его чемпионства, увидев в нем наконец того, кем он был, — выдающегося боксера, как правило дравшегося с боксерами гораздо крупнее себя и побеждавшего их.

Эззард Чарльз умер в 1975 году в возрасте неполных 54 лет. Все последние годы он провел в непрестанных молитвах за Сэма Бароуди, погибшего много лет назад, смерть которого он себе так и не простил.

СТОЙКИЙ НЕУДАЧНИК УОЛКОТТ

Для тех, кто верит, что «если долго мучиться, что-нибудь получится», Джерси Джо Уолкотт навсегда останется одним из самых вдохновляющих примеров их правоты.

Ровесник Луиса, родившийся в 1914 году в пригороде города Кэмден, штат Нью-Джерси, Уолкотт завладел чемпионским титулом после того, как великий Джо, став чемпионом, пробыл им почти 12 лет, покинул ринг, снова туда вернулся и снова покинул, уже окончательно.

Ругать менеджеров и промоутеров за то, что они грабят боксеров, стало банальным. Судьба Уолкотта — пример того, что происходит с боксером, когда у него нет серьезного менеджера.

Его настоящее имя — Арнольд Рэймонд Крим. Он был одним из десяти детей бедного дорожного рабочего, который к тому же рано умер. Первые профессиональные бои, по-видимому, провел в возрасте 14 лет. Это был один из многих видов заработка, к которым он обращался в то время. Дрался часто голодным, а тренировался вообще непонятно когда.

Серьезно Уолкотт начал выступать в 1930 году и псевдонимом взял имя любимого боксера своего отца. Начинать как полусредневес и нокаутировал своих первых четверых противников. В следующем году отправился в Филадельфию, где встретился с известным тренером Джеком Блэкберном и сумел произвести на него впечатление. Блэкберн сказал, что сделает из него чемпиона. Уолкотту было тогда 17 лет, и ему казалось, что счастливое будущее ждет его за углом. Между тем за углом ждала беда, а чемпионом он стал только через 20 лет.

К Блэкберну обратились его знакомые менеджеры Роксборо и Блэк с просьбой, чтобы он за очень большие деньги потренировал в Детройте их нового парня по имени Джо Луис Бэрроу. Блэкберн, разумеется, согласился, однако и Уолкотта бросать не собирался. Он хотел взять его с собой в Детройт, но буквально в день отъезда Джерси Джо свалился с сильнейшим тифом. Пару недель он болтался между жизнью и смертью, два месяца проболел, и еще год врачи запретили ему и думать о боксе. Впрочем, они могли и не запрещать. Сил у него все равно не было. Он вернулся на ринг только весной 1933 года, а к тому времени Блэкберн и думать о нем забыл. Он был слишком увлечен работой с Джо Луисом, чтобы думать о ком-нибудь еще. Уолкотт попытался работать с другими менеджерами, но на чернокожих тяжеловесов не было никакого спроса, и он погрузился в пучину мелкого клубного бокса, получая за бой около 20 долларов. На жизнь этого, разумеется, не хватало, и временами он занимался другой работой. Так, за 1934 год Уолкотт не провел ни одного боя. Когда Джерси Джо дрался, он далеко не всегда выглядел блестяще просто потому, что мало тренировался и еще меньше ел.

В 1936 году ему улыбнулось что-то похожее на удачу. Джек Блэкберн взял его в качестве спарринг-партнера для Джо Луиса, который как раз готовился к бою с Максом Шмелингом. Но через несколько дней его выгнали. Луис никогда не распространялся о том, что произошло в тренировочном лагере. Полагают, что во время спарринга Уолкотт послал Луиса в нокаун. Сам Джерси Джо утверждал даже, что за два дня он сделал это трижды, причем в больших тренировочных перчатках, после чего Блэкберн указал ему на дверь. Уолкотт сделал из этого два вывода: во-первых, по отношению к нему совершена вопиющая несправедливость, во-вторых, он гораздо лучше Луиса.

Джерси Джо был не прав и в том, и в другом. Задача спарринг-партнера — не драться с основным боксером насмерть, а помогать готовить его к поединку, который ему предстоит. Луис не собирался рисковать получить травму накануне важного боя. Он выходил на разминку, а не на смертный бой. Уолкотту же, которого терзала обида за всю свою несложившуюся жизнь, надо было доказать Луису, Блэкберну и самому себе, что он лучший. Себе он все доказал, и вполне возможно, что именно эта вера позволила ему выдержать дальнейшие невзгоды.

Годы с 1937-го по 1945-й мало отличались от прежних. Джерси Джо кочевал с одной работы на другую, временами заглядывая и на ринг. Он женился в 18 лет — на девушке по имени Лидия, которую любил всю оставшуюся жизнь, и семья его постепенно росла, пока количество детей не дошло до шести, и всех

надо было кормить. Деньги всегда нужны были сейчас, поэтому практически никогда, ни к одному бою он не готовился больше нескольких дней. Перед и после него он обязательно работал где-то еще. В 1940 году Уолкотт встретился с довольно известным белым тяжеловесом Эйбом Саймоном, получив за это едва ли не самый большой гонорар в жизни — 250 долларов. Саймон получил раз в 10—15 больше. Если бы Уолкотт перед боем хоть немного потренировался или хотя бы по-человечески поел несколько раз, он бы порвал Саймона в клочья, но ни того, ни другого он позволить себе не мог и в шестом раунде упал — не столько от силы ударов Саймона, сколько от истощения.

В 1942/43 году он не выступал, как и большинство других боксеров, а потом вернулся на ринг.

В начале 1945 года Уолкотту наконец повезло: на него обратил внимание серьезный промоутер, готовый вложить в него деньги. Феликс Боикио, только начинавший свою деятельность в боксе, увидел рабочего корабельной верфи Арнольда Крима на ринге, где он выступал под именем Джерси Джо Уолкотт, и был потрясен, что тяжеловес с таким потенциалом фактически прозябает. Более того, он скоро узнал, что бои Уолкотт проводит полулегально, так как Боксерская комиссия штата Нью-Джерси отказала ему в выдаче лицензии на том основании, что он слишком стар. Здесь все получилось по принципу «на ловца и зверь бежит». Боикио для старта позарез нужен был хотя бы один хороший боец, и он его без устали искал, но только для того, чтобы убедиться, что всех приличных боксеров давно расхватили, а тут вдруг такая удача. Ему быстро удалось убедить комиссию, что в 31 год не поздно начинать серьезную карьеру в боксе, после чего Джерси Джо Уолкотта впервые в жизни послали в настоящий тренировочный лагерь, где он не только тренировался, но еще и хорошо питался, и впервые в жизни набрал

2 августа 1945 года Уолкотт встретился с Джо Бакси, занимавшим тогда второе место в рейтинге тяжеловесов. Бакси ожидал, что будет легкий, разогревочный бой, но, к его удивлению, Джерси Джо учинил ему настоящую порку и победил в 10 раундах по очкам. Тогда это восприняли не как сенсацию, а скорее как нелепость.

В начале 1946 года Уолкотт победил очень популярного тяжеловеса Джимми Бивинса. Вскоре, правда, последовали два досадных поражения от известных боксеров Элмера Рэя и Джои Максима, но в следующем году Уолкотт победил их в матчах-реваншах, причем Максима даже дважды. Последний бой с Максимом видел Джо Луис. После того как была объявлена победа Уолкотта, чемпион поднялся на ринг, и их сфотографировали вместе. Кстати, промоутером этого боя совместно с Бокикио был Фрэнк Синатра, который обеспечил Уолкотту сказочный для него гонорар — 35 тысяч долларов.

Очень скоро Бокикио удалось договориться с командой Джо Луиса, и в 33 года Джерси Джо Уолкотт впервые вышел драться за титул чемпиона мира. Как мы уже знаем, его засудили. Всегда честный Джо Луис согласился провести матч-реванш, состоявшийся в 1948 году. Уолкотт не сомневался в победе, но в 11-м раунде Луис его нокаутировал, после чего заявил о своем уходе с ринга. Бой за вакантный титул был назначен между Уолкоттом и Эззардом Чарльзом, и великолепный боксер Чарльз победил своего более тяжелого соперника.

Уолкотт сказал самому себе «еще не вечер» и продолжил выступления на ринге.

В марте 1951 года казалось, что с ним наконец-то покончено. Он проиграл два боя подряд, причем второй — матч-реванш Эззарду Чарльзу. Уолкотту было уже 37 лет. Другой сломался бы на его месте, плюнул и ушел, но он снова вызывает Чарльза на бой, и в седьмом раунде насаживает его на такой левый хук, от которого свалился бы и бегемот, а уж Чарльз — тем более. Это случилось 18 июля 1951 года. С пятой попытки Джерси Джо Уолкотт стал чемпионом мира в тяжелом весе.

В следующем году он встретился с Чарльзом в последний, четвертый раз и победил по очкам. В сентябре того же 1952 года он встретился с каким-то нахальным недомерком, итальянцем по имени Рокки Марчиано, недавно шальным ударом нокаутировавшим то небольшое, что осталось от Джо Луиса. Уолкотт послал его в нокдаун в первом же раунде и несколько раз был близок к нокауту, но в тринадцатом раунде попал в нокаут сам.

В следующем году они встретились снова, но на этот раз итальянец нокаутировал его уже в первом раунде, и Джерси Джо понял, что пора уходить. Его победило только время, да и то гораздо позже, чем всех остальных.

Для многих Рокки Марчиано по сей день остается самым выдающимся чемпионом в тяжелом весе всех времен. У тех, кто так считает, есть один, но очень веский аргумент — он не проиграл и не закончил вничью ни одного боя. В его послужном списке только победы. В этом ему нет равных.

Правда, скептики, число которых с годами растет, утверждают, что Марчиано просто очень повезло оказаться в нужный момент на нужном ринге и что были люди, всячески способствовавшие его везению.

Рокко Маркеджано родился 1 сентября 1923 года в Броктоне, штат Массачусетс, в классической итало-американской семье того времени, шумной и добродушной. Он был старшим из множества детей, а самый младший, впоследствии ставший самым преданным его биографом, был моложе его на 18 лет. Главой семьи — во всяком случае, так казалось всем, кто входил в этот дом, — была мать. Может быть, дело было просто в том, что в ее голосе было больше децибелов, чем в голосах всех остальных членов семьи, вместе взятых. Рокко, как и все остальные в доме, ее слушался. Вероятно, просто берег барабанные перепонки.

В детстве Рокко больше всего увлекался бейсболом. В 9 или 10 лет он подрался на площадке для игры в бейсбол с парнем старше себя на три или четыре года. Разница в размерах его не смутила, и юные бейсболисты сцепились, как два кота, нализавшиеся валерьянки. К удивлению собравшихся, Рокко не уступил своему противнику, и по общему мнению бой закончился вничью, но, учитывая, что бойцы относились к разным весовым категориям, победу все же стоило присудить Рокко.

Боксом он увлекся на удивление поздно, когда ему было уже далеко за 20, и поначалу не произвел никакого впечатления. Он начал с любительского ринга, где провел 12 боев, из которых в восьми одержал победу, а четыре проиграл. Как видим, какие-то поражения на его счету все-таки были. Коули Уоллес, победивший Маркеджано в марте 1948 года, через много лет вспоминал о нем как о достаточно неуклюжем и мало что умевшем парне.

Выступая на любительском ринге, Рокко одновременно работал то на укладке газопровода, то на местной обувной фабрике. Запах кожи, который там стоял, преследовал его всю жизнь. И через 20 лет от него можно было услышать: «Да! Вот это был запах!» Может быть, нежелание ощущать его всю жизнь так настойчиво и толкало Рокко на ринг.

Не говоря уже о возрасте, у Рокко Маркеджано как у тяжеловеса на первый взгляд были одни недостатки. Рост всего 178 см, вес даже в более поздние годы 83—84 кг. При этом короткие руки и очень толстые, «тяжелые» ноги. В общем, зрелище, не вдохновлявшее тренеров. Правда, тот же Уоллес, как и прочие тренеры, отмечал какое-то маниакальное упорство, но тогда на это не обратили особого внимания. Слишком много было упорных и смелых парней, которые из-за отсутствия природных данных заканчивали большинство боев лежа. Поэтому в любительском боксе им никто особо не заинтересовался.

В 1947 году Маркеджано на один бой сходил в профессионалы и, выступив под именем Рокки Мэк, нокаутировал ударом по корпусу в третьем раунде некоего Ли Эпперсона, затем вернулся на любительский ринг, провел еще шесть боев, проиграв из них только один, тому самому Уоллесу, а затем перешел в профессионалы окончательно.

Надо сказать, что у боксера с данными Маркеджано заведомо не было никаких шансов на любительском ринге. В ходе продолжительного турнира обязательно нашелся бы не один, так другой боксер, который бы просто «отбегал» от него три раунда, набрав необходимое для победы количество очков.

Первые его соперники среди профессионалов, как и следовало ожидать, оказались куда легче, чем последние среди любителей. Ничего удивительного: низовой, так называемый «клубный» профессиональный бокс никогда не мог похвастаться хорошими бойцами, разве что там иногда не по своей воле застревают хронические неудачники, вроде Уолкотта. С июля по декабрь 1948 года Рокко провел 11 боев. Вроде бы много. На самом деле он провел на ринге всего 15 раундов, так как восемь своих противников нокаутировал уже в первом раунде, двух — во втором и одного в 3-м.

В это время Рокко Маркеджано сделал два важных приобретения: промоутера и новое имя. Когда один из менеджеров показал приземистого крепыша итальянца известному промо-утеру Элу Вайллу, тот сразу сказал: «Нет». Слишком уж непрезентабельным он ему показался. Сведущие люди стали убеждать Вайлла, и тут Рокко повезло — за всю свою жизнь чрезвычайно жесткий и авторитарный Вайлл считанное количество раз прислушивался к чужому мнению, если оно противоречило его собственному, и это был один из таких случаев. Вайлл посмотрел на Маркеджано еще раз и взял его под свою опеку. Если бы он этого не сделал, вполне возможно, что Рокко так и остался бы клубным бойцом. Однако Вайллу не понравилось имя. Он никоим образом не возражал против того, чтобы оно оставалось итальянским, но хотел его слегка англоизировать или, точнее, американизировать. Так на свет появился Рокки Мар-чиано (кстати, в Америке его фамилию произносят «Марсиа-но»).

Тренером Вайлл приставил к Марчиано маленького старичка Чарли Гудмена, блестяще знавшего свое дело. Он досконально изучил Рокки и выжал из его тела все 100 процентов. Если бы такое было возможно, Гудмен выжал бы и 101 процент.

В 1949 году протеже Вайлла провел 13 боев, но на этот раз ему пришлось попотеть. Два человека, Дон Могард и Тед Лау-ри, продержались против него все 10 раундов, и бой с последним из них получился достаточно равным, так что в принципе, если бы победу отдали Лаури, большого скандала бы не было, но за Тедом никто не стоял, а за Марчиано стоял Вайлл. Может быть, именно этим и объяснялось решение судей. Однако сам факт, что боксер с почти равным количеством побед и поражений, весивший всего 81 кг, сумел оказать достойное сопротивление Марчиано, много говорит о боксерском уровне Марчиано того времени.

Впрочем, если на свете был тяжеловес, который тренировался как одержимый, то это был Марчиано. К тому же он на редкость быстро все схватывал. Победивший его в любителях Уоллес говорил, что Рокко Маркеджано не умел даже вкладывать корпус в удар и бил одними руками. Однако то, чего не умел Маркеджано, умел Марчиано. Он прекрасно знал, как вложить силу-всего своего неуклюжего, но могучего корпуса в удар — как правой, так и левой, в апперкот, хук или кросс. К тому же он мог бить затяжными сериями, и каждый из его ударов нес в себе опасность. Кроме того, он прекрасно держал удар. Наконец, у Рокки обнаружилось еще одно уникальное качество — фантастическая выносливость. Сколько бы раундов он ни дрался, скорости он не терял. Более того, казалось, что к концу боя Рокки, наоборот, ускорялся. Вероятнее всего, это впечатление было ложным, просто ни один его соперник не мог выдержать такого темпа и замедлялся, и на его фоне Марчиано казался почти кометой.

В 1950 году он встретился с известным тяжеловесом Роландом Ла Старза. Это был абсолютно равный бой, однако Марчиано вырвал победу за счет того, что в четвертом раунде послал своего противника в нокдаун. Многие, в том числе и сам Ла Старза, все же остались уверенными, что он победил. Но это был последний бой в карьере Марчиано, в котором кто-то ставил под сомнение его победу. Дальнейшее его шествие было поистине триумфальным.

Следующим верстовым столбом на его пути в июле 1951 года стал бой с Рексом Лейном, правоверным мормоном из штата Юта. Как ни странно, перед этим боем ставки заключались из расчета 7 к 5 в пользу Лейна. Публика все еще не могла поверить, что у такого неуклюжего тяжеловеса, как Марчиано, есть шансы добиться чего-то серьезного. Но Рокки без больших проблем нокаутировал Лейна в шестом раунде. Этот нокаут потом долго вспоминали. После правого кросса Марчиано Лейн на секунду как бы завис, затем неловко ткнулся в Рокки и только потом упал. Встать он не мог долго. Наградой за победу Марчиано стало первое место в рейтинге претендентов, которое, однако, не гарантировало ему немедленного боя с чемпионом. Для этого ему пришлось провести еще несколько боев.

26 октября 1951 года настал час Джо Луиса. После своего поражения Эззарду Чарльзу великий Джо одержал восемь побед и готовился снова драться за чемпионский титул.

Это был очень грустный бой. Даже Марчиано не любил его вспоминать, так как понимал, что дрался не с самим Джо Луи-сом, а с его тенью. Великий экс-чемпион страдал от остаточных явлений от ударов и нарушений реакции. Остались только опыт и боевой инстинкт, которых хватало, чтобы побеждать неплохих бойцов, но, чтобы одолеть Марчиано, этого было убийственно мало.

Джо выиграл три раунда из первых пяти, хотя уже в первом чуть не попал в нокдаун от удара Марчиано правой под ухо. Силы в измотанном теле Луиса таяли быстро. В шестом раунде ему стали отказывать ноги, он искал спасения в клинче, но Рокки, упираясь как бык, гонял его по всему рингу, выжимая последние силы. В седьмом раунде Луису удалось провести хороший левый хук, но с тем же успехом он мог ударить по стойке ринга. Сила в его ударе была уже не та, а Марчиано по-прежнему двигался вперед. Трудно сказать, о чем думал в это время Луис. Скорее всего, ни о чем: слишком много ударов пропустил, но в глубине погружавшегося в кровавое марево сознания, наверно,

В восьмом раунде Марчиано нанес мощный левый боковой, которого Луис не увидел. Вполне возможно, что дал себя знать тот самый синдром, который у него после войны обнаружил врач при игре в настольный теннис. Джо упал, но нашел в себе силы подняться. После недолгой возни в клинче Марчиано удалось развернуть Луиса спиной к канатам и провести хорошую серию ударов, последний из которых, правый кросс, Джо видел, но защититься не смог. Он пролетел между канатами так, что внутри ринга осталась только одна его нога. Так символически закончил Джо Луис свою боксерскую карьеру. Ему больше нечего было делать там, где он стал одним из самых знаменитых людей в мире. Марчиано назвал свой заключительный удар «самым грустным в жизни». Может быть, глядя на поверженного не столько им, сколько собственным возрастом и всем своим боевым прошлым великого чемпиона, Рокки и решил, что с ним никогда ничего подобного не случится?

Сохранилась аудиозапись интервью Марчиано, в ходе которого его спросили, кто, по его мнению, был самым выдающимся тяжеловесом в истории. «Конечно, величайшим бойцом был Джо Луис, — ответил Марчиано. — Мне повезло, что я встретился с ним, когда он уже был на сходе, а не в расцвете сил. Я не верю, что тогда с ним мог бы справиться кто бы то ни было. — Рокки помолчал, а потом добавил: — Не хотел бы я с ним драться, когда он был в зените. Это был не боксер, а сущий ужас».

Тем временем бой за чемпионский титул неотвратимо приближался. После Луиса Рокки без больших проблем нокаутаровал четверых соперников. Уолкотт тем временем на славу отдохнул после своей победы над Чарльзом, выиграл у него матч-реванш и не возражал за хорошие деньги защитить свой титул еще разок. Популярный белый тяжеловес — это было как раз то, что нужно, чтобы прилично заработать.

Бой Уолкотт — Марчиано состоялся 23 сентября 1952 года в Филадельфии. Поначалу Рокки пришлось туго. Уолкотт был интереснее и разнообразнее в атаках. Он явно больше умел и полностью владел инициативой. В первом раунде он провел левый хук, который потряс Марчиано, а через несколько секунд тем же самым ударом отправил его в нокдаун, первый в профессиональной карьере Рокки. Встав с пола, Марчиано принялся атаковать, но многим зрителям его действия показались слегка паническими.

Начиная со второго раунда бой выровнялся. Инициатива переходила из рук в руки. Уолкотт попадал несколько чаще, но удары Марчиано, когда они приходились в цель, имели больший эффект. Видимо, сказывался возраст. Тем не менее после 12 раундов, по мнению всех трех судей, уверенно вел Уолкотт: один из них отдал Джерси Джо шесть раундов, Марчиано — пять при одном ничейном, другой соответственно семь и пять раундов, а третий — восемь и четыре. Все, что требовалось от Уолкотта для победы, это закончить бой на ногах и постараться избежать нокдаунов, чтобы судьям не пришлось снимать очки. Так как до сих пор ему это удавалось, казалось, что дело и закончится в его пользу.

Видимо, подуставший Уолкотт вышел на тринадцатый раунд с намерением закончить бой на тихой волне. Марчиано довольно простодушно выцеливал его. Джерси Джо кружил по рингу, уходя от его ударов, а Рокки следовал за ним, держа при этом правую руку так, что Уолкотт не мог не понимать: именно с этой стороны его противник и готовит свой подарок. Нельзя сказать, чтобы Марчиано прижал его к канатам. Уолкотт сам к ним отступил и уперся в них спиной. Это, конечно, была ошибка, возможно продиктованная усталостью или излишней осторожностью. Однако промах был чреват лишь небольшими осложнениями, если бы Уолкотт не допустил и другую ошибку, гораздо более серьезную. Будучи прижат к канатам и находясь на очень близком расстоянии от противника, Джерси Джо на удивление низко держал левую руку, оставляя свое лицо открытым под правый кросс, который, судя по его позе, Марчиано и стремился нанести все это время. Рокки нанес длинный левый джеб, который, скорее, должен был лишь скрыть, что он «заряжал» свою правую руку, а потом «выстрелил» и справа. Уолкотт упал на колени. Отходя от него, Марчиано нанес ему, уже практически сидящему на полу, несильный, но чувствительный левый боковой. Видимо, своим упорным сопротивлением Джерси Джо его просто достал. Выглядело это некрасиво, но, строго говоря, правила Марчиано не нарушил, так как в этот момент ни колено, ни пятая точка Уолкотта еще не коснулись пола. Это был 43-й бой Рокки и его 43-я победа.

Еще за пару лет до того, как Рокки стал чемпионом, многие журналисты предсказывали Марчиано, что он станет звездой, если только завладеет титулом. Для завоевания публики Рокки был экипирован гораздо лучше, чем для завоевания ринга. Основатель главного боксерского журнала «The Ring» Нэт Флай-шер так описывал Марчиано: «Никакого бахвальства, никакой претенциозности, никаких попыток увильнуть от разговора, никакого высокомерия. Он совершенно трезво и искренне оценивал себя. Говорил прямо, избегал грубостей и всячески старался честно ответить на твой вопрос». Однако примерно то же самое можно было сказать и об Эззарде Чарльзе, который никогда звездой не был.

Видимо, дело все-таки не в этих бесспорных достоинствах Рокки как личности. Недаром все, кто с ним общался, в том числе и Флайшер, прежде всего говорили о его обаянии. Харизме Марчиано могли позавидовать голливудские звезды, но держалась она на том, что он никогда ничего не играл. Он оставался собой и при этом был разнообразен. С мальчишкой, который смотрел на него как на бога, он говорил так, что тот чувствовал себя поднятым на небеса, и Рокки Маркеджано был искренен. Он никогда не забывал о своем скромном начале и о добрых, простых людях, которые составляли его семью. И он же во время встречи с представителями все еще очень чопорной британской прессы 50-х годов повел себя так, что они в один голос называли его «настоящим джентльменом». В то время подобная формулировка означала не только характеристику манеры держаться, но и определенный социальный статус, который нельзя купить за деньги. И это говорилось о парне, который начинал рабочим обувной фабрики и

прекрасно выразил свое время, которому гораздо меньше соответствовали и грустный, вечно углубленный в себя Чарльз, и состарившийся во время-прохождения огня, воды и медных труб Уолкотт. Послевоенная Америка ощущала себя молодой и непобедимой, как и Марчиано, и именно на волне этой молодости и непобедимости в те же 50-е годы появился рок-н-ролл, совершенно изменивший всю массовую культуру США.

Став чемпионом, Марчиано немного сбросил обороты и вознаграждал себя за безумный график прежних лет. С 1953 по 1955 год он защитил свой титул шесть раз, строго по два раза в год.

Первым был матч-реванш с Уолкоттом, который у экс-чемпиона откровенно не получился. Бой закончился через 2 минуты 25 секунд после удара гонга. Марчиано провел одну из своих любимых комбинаций, левый хук — правый апперкот, и Джерси Джо сел на пол. Он поднялся через полсекунды после того, как рефери закончил счет. Это был его последний бой. Таким образом Марчиано поставил точку в карьере уже второго экс-чемпиона.

Затем наступил черед Роланда Ла Старза, который всем и каждому доказывал, что он выиграл их бой в 1950 году. На сей раз он этого не говорил. Первые шесть раундов Ла Старза провел очень хорошо, но в седьмом раунде Марчиано переломил ход встречи и закончил ее техническим нокаутом в одиннадцатом. «Он стал на 5000 процентов лучше, чем был», — сказал после боя Ла Старза. Правда, он также утверждал, что в его проигрыше виноват его собственный тренер, который загонял его на тренировках, и случайность: он неудачно заблокировал Один из ударов Рокки предплечьем, после чего рука просто онемела.

Перед этим боем произошел любопытный эпизод, который точно характеризует отношения Марчиано с его промоутером Вайллом. Тренировочный лагерь Рокки находился в 100 милях от Нью-Йорка, и он собирался добраться туда на маленьком самолете, принадлежавшем местному отелю. Однако, когда он уже взобрался на крыло, Вайлл, сидевший в самолете, с криками погнал его оттуда, потребовав, чтобы чемпион ехал в Нью-Йорк на машине. Сохранилась даже фотография, где Вайлл, сидящий в самолете, отчитывает Марчиано как директор школы и указывает ему куда-то пальцем, видимо на стоящий в той стороне автомобиль.

Поговаривали, что Марчиано, не боявшийся никого на ринге, а в детстве и молодости не боявшийся никого на улице, побаивался своего промоутера. Тот забирая себе 50 процентов его гонораров, и Рокки никогда даже не пытался пересмотреть эти условия. Впрочем, возможно, он понимал, что без Вайлла никогда бы не стал чемпионом мира. И все-таки в почтении Марчиано по отношению к Вайллу был перегиб. Так, он очень долго вымаливал у него разрешение жениться на своей давней подруге Барбаре Казинс, на что Вайлл часто при посторонних людях говорил ему: «Это нарушает мои планы относительно твоих боев». Эл, однако, понимал, что нельзя унижать чемпиона бесконечно, и в конце концов хоть и с неохотой, но согласился. Надо сказать, что Вайлл умел чувствовать противника. Через несколько лет его противостояние с миссис Марчиано закончилось победой последней. Именно она настояла на том, чтобы Марчиано покинул ринг. Впрочем, и сам Рокки так устал от Вайлла, что уже больше не мог с ним работать. Но все это произошло несколько лет спустя, а пока сотрудничество Рокки с Элом все еще давало хорошие плоды.

Разобравшись с Ла Старза, Марчиано занялся экс-чемпионом Эззардом Чарльзом. Их первый бой состоялся 17 июня 1954 года.

Все, кто сомневается, что Рокки можно считать одним из сильнейших тяжеловесов в истории, всегда указывают именно на его противостояние с Чарльзом. Эззард в то время уже представлял собой лишь подобие себя прежнего. Из 14 боев, проведенных им после второго поражения Уолкотту в 1952 году, он проиграл три, причем два из них совсем незадолго до встречи с Марчиано — в августе и сентябре 1953 года. Самому Марчиано Эззард дал такой бой, которого не ожидал ни сам Рокки, ни публика. Перед боем ставки делались из расчета 7 к 2 в пользу Марчиано. Начало боя осталось в целом за Чарльзом. Пользуясь своим преимуществом в технике, Эззард умело боксировал — главным образом на дистанции в течение всех первых четырех раундов, а потом, ко всеобщему удивлению, видимо почувствовав, что теряет скорость, пошел на обмен ударами и не выглядел намного хуже Марчиано. И это при том, что практически все, кто до сих пор пытался работать с Рокки в такой манере, были нокаутированы.

Позже Марчиано не раз признавал, что это был самый трудный бой в его карьере. В конце концов он его выиграл — по очкам, но его победу нельзя назвать убедительной, что явно видно из судейских записок. Один арбитр отдал Рокки восемь раундов, Чарльзу — пять при двух ничейных; второй соответственно — восемь, шесть и один, а третий — девять, пять и один.

После этого боя многие задавали себе вопрос: каким был бы его исход, если бы Чарльз был таким, как пять лет назад, когда победил Джо Луиса? Короче говоря, матч-реванш напрашивался сам собой, и он состоялся ровно через три месяца, 17 сентября 1954 года.

Этот был феноменальный бой. Во втором раунде Марчиано послал Чарльза в нокдаун, но не потряс его. А в шестом раунде Эззард нанес Рокки достаточно редкую травму: двумя левыми хуками он рассек ему кончик носа, и кровь полила оттуда, как вода из плохо закрытого крана. Кроме того, у Рокки уже кровоточила левая бровь. У него вообще были острые надбровные дуги, из-за чего он получал серьезные рассечения чуть ли не в каждом бою.

До сих пор этот физический недостаток никак не влиял на исход боев Рокки, но сейчас вполне реально вырисовывалась опасность, что бой остановят и будет объявлена победа Чарльза техническим нокаутом. Может быть, в какую-то минуту и сам Эззард поверил в свою удачу, но Марчиано, понимая, что времени у него нет, в восьмом раунде ринулся в безостановочную атаку. Чарльз нырком ушел от левого хука Рокки, но застыл на месте, и Рокки ударил справа. Чарльз упал на пол. Он встал, но Марчиано уже почувствовал, что противник потрясен, и не отпустил его. Рокки выбрал момент для атаки, провел длинную шестиударную серию, и Чарльз упал снова — на этот раз это был

Потом Рокки провел не очень сложный бой со смелым и упорным, но не хватавшим звезд с неба англичанином Доном Коккелом, которого Марчиано победил нокаутом в девятом раунде, а затем наступил черед и последнего боя Рокки Марчиано.

21 сентября 1955 года он встретился с чемпионом мира в полутяжелом весе Арчи Муром. Во втором раунде встречным ударом справа Мур отправил Марчиано в нокаун, но это было все, чего он достиг. Марчиано сначала подавил его своей физической мощью, а потом принялся валять по полу. В шестом раунде Мур побывал там дважды, затем еще по разу в седьмом и в восьмом, причем в последнем случае от нокаута его спас гонг.

Арчи падал не столько от конкретных ударов, сколько от общей изможденности. Он просто не мог выдержать темп Рокки.

Развязка наступила в девятом раунде. Заключительным ударом в серии Марчиано был левый хук, который и опрокинул Мура. Нокаут. Последний в жизни Рокки Марчиано. Всего он провел на ринге 49 побед, во всех победил, причем в 43 — нокаутом.

27 апреля 1956 года Марчиано объявил, что покидает ринг. По-видимому, здесь не было какой-то одной причины. Во-первых, его отношения с Вайллом зашли в тупик, из которого не было выхода. К тому же с Вайллом все больше конфликтовали жена Рокки Барбара и его мать, а для Рокки семья была всегда превыше всего. Во-вторых, Марчиано замучила хроническая травма спины. В-третьих, Марчиано просто очень устал от бокса. Его карьера получилась не слишком долгой, но очень насыщенной. За четыре года он прошел путь от плохо обученного новичка до чемпиона, а потом еще почти четыре года был этим самым чемпионом. Как ни странно, многие его друзья говорили, что он вообще-то не любил драться и еще меньше любил получать по голове. Рокки очень опасался того, как это впоследствии скажется на его здоровье, и никак не хотел повторять судьбу Джо Луиса и множества других боксеров. Как многие люди, вырвавшиеся из бедности, он боялся к ней вернуться, но, когда почувствовал, что ему это теперь не угрожает, потерял свой главный интерес к боксу. Наконец, ему больше нечего было доказывать на ринге. Все, что мог, он уже доказал.

Уйдя с ринга, Марчиано остался звездой, причем в каком-то смысле его слава даже росла, а не убывала. Другие чемпионы приходили, всех побеждали, потом побеждали их, и они уходили, и только Рокки оставался вечно непобедимым. Марчиано панически боялся разориться, как огромное количество чемпионов до него, но этого не случилось. Правда, вначале он неудачно вложил приличную сумму денег в какой-то сомнительный бизнес, но и этот опыт обернул себе на пользу: больше с ним ничего подобного не случалось. Никаких сверхприбылей у него не было, но зарабатывал он более чем достаточно.

Всю свою жизнь до последнего дня Марчиано был окружен не просто любовью, а обожанием. Непобедимый, он так и остался для многих американцев наиболее полным воплощением их не терпевшей поражений страны. Но дело было не только в этом. Его любили не только как чемпиона, но и как человека. Нэт Фляйшер, издатель журнала «The Ring», вообще-то не очень щедрый на комплименты, когда речь заходила о Марчиано, не мог остановиться: «Он никогда не объявлял себя величайшим мастером. Рокки был скромным, воспитанным, прекрасным человеком, великолепным бойцом, смелым противником, безупречным мужем и преданным отцом». Такую характеристику надо заслужить.

Так он и жил, как хотели бы почти все, окруженный любовью и уважением, и казалось, что жизнь его будет очень долгой. Но... К сожалению, любовь к полетам на маленьких самолетах для Марчиано оказалась роковой. 31 августа 1969 года, накануне своего сорокашестилетия, на одном из них Рокки разбился. Америка плакала.

Прошло почти 30 лет, прежде чем стали говорить о некоторых некрасивых сторонах его жизни. Причем не надо думать, что какие-то злобные, охочие до грязи журналисты выкопали невесть откуда какие-то великие тайны. Нет, все, о чем начали писать в середине 90-х годов, люди, общавшиеся с Марчиано при жизни, прекрасно знали и в 50-х. Просто обаяние Рокки было так велико, что они старались об этом не думать. Этого обаяния хватило еще на 20 с лишним лет после его смерти. А потом языки развязались. Нельзя сказать, чтобы образ Марчиано почернел. Нет, он только слегка потускнел, но и это очень многие приняли в штыки.

Самым невинным из его прегрешений оказалось то, что он был чрезвычайно скуп, причем речь идет не об обычной скупости, а о чем-то патологическом. Он страдал какой-то необъяснимой страстью к 100-долларовым купюрам, которые собирал в пачки и куда-то прятал. Большую часть этих «нычек» после его смерти не нашли. Еще он был фантастическим халевщиком, и если его куда бы то ни было приглашали, он принципиально шел без денег, что в Америке вообще-то не принято. Когда же наступало время платить, Рокки улыбался, смотрел по сторонам и делал вид, что его это абсолютно не касается. Также, как и следовало ожидать, при ближайшем рассмотрении он оказался далеко не таким уж безупречным мужем, как писал Нэт Фляйшер. И опять-таки речь идет не о классических походах налево, а о феерической левой жизни. Но это в конечном счете касалось только его самого и его жены, которая терпела.

Потрясло Америку другое — связи Марчиано с мафией, которых он, как это ни странно, абсолютно не скрывал, но которые, тем не менее, не обсуждались. В то время практически любой выбившийся в большие люди американец итальянского происхождения был обречен на контакты с мафиози или, как их называют в Америке, мобстерами. Но в случае с Рокки речь опять-таки идет не о случайных контактах, а о деловом сотрудничестве. Марчиано инвестировал большие деньги в ростовщический бизнес. У американской мафии была целая сеть ростовщических контор, которые давали огромные суммы на короткий срок под очень большие проценты, например

В 1968 году, за год до смерти, у Марчиано возникли серьезные проблемы с налогами, связанные с инвестициями Рокки в дело его доброго знакомого, крупного рэкетира Пьерино Ди Гравио. Рокки собирался поехать к нему на машине в Кливленд, штат Огайо, где тот жил, когда до него дошла весть, что Ди Гравио убили на площадке для игры в гольф.

В самом начале 1969 года Марчиано приехал к умиравшему в тюрьме знаменитому мобстеру Дону Вито Дженовезе, который на прощанье сказал Рокки очень знаменательные слова: «Многие из нас сделали много зла в жизни, но ты был нашей гордостью». Можно ли винить Марчиано за то, что он не отказался быть гордостью бандитов, мы, наверно, судить не вправе. Может быть, это была необходимость, но в любом случае он как-то очень легко с ней смирился. Рокки, например, водил дружбу с Фрэнки Карбо, известным мобстером, контролировавшим вместе с другим таким же типом по имени Блинки Палермо практически весь боксерский бизнес мафии. Рокки как-то пригласил Карбо к себе домой, и его мать, понятия не имевшая, кто перед ней, задала обычный для пожилой итальянки, разговаривающей с молодым человеком, вопрос: «Фрэнки, как ты зарабатываешь себе на жизнь?» Ответом ей был громовой хохот ее сына и его друга. Вволю насмеявшись, они что-то наплели, но мама Маркеджано поняла, что затронула какую-то ненужную тему, хотя, судя по всему, так и не догадалась, почему они смеялись.

Сомнения в том, был ли Рокки так уж велик как чемпион или ему просто повезло родиться в удачное время, когда не было других сильных тяжеловесов, существовали еще когда он выступал, а с годами они только усилились. Марчиано лишь с огромным трудом справился с находившимся на спаде Эззардом Чарльзом, который даже не считался настоящим тяжеловесом. Среди его противников не было ни одного бойца экстра-класса, если не считать пожилых ветеранов Джо Луиса и Джерси Джо Уолкотта. Кроме того, как мы помним, Марчиано сам не питал абсолютно никаких иллюзий насчет своих шансов в бою против находившегося в расцвете лет Джо Луиса. Вполне возможно, что из тех чемпионов, что были до него и после, человек десять победили бы его, но в своей реальной жизни он так и остался непобежденным.

РОБКИЙ ФЛОЙД ПАТТЕРСОН

Судьба приподнесла Флойду Паттерсону ту же нелегкую задачу, что и Эззарду Чарльзу, — править тяжелым весом после ухода кумира, но, в отличие от своего предшественника, Паттерсон с ней справился лучше, хотя за свой тихий нрав и получил кличку Робкий Флойд.

Паттерсон родился 4 января 1935 года в городе Вако, Северная Каролина, но потом переехал в негритянскую часть Бруклина. Много лет был малолетним правонарушителем и готовился уже перейти в категорию молодых уголовников, когда, на свое счастье, встретил тренера Каса Д'Амато.

Есть люди, которые странно меняются в течение жизни. Те, кто знал Паттерсона до его встречи с Д'Амато, утверждали, что вскоре после знакомства с Касом его было просто трудно узнать. От бывшего человека осталась только внешняя оболочка, а все внутреннее содержание поменялось. Агрессивность его теперь проявлялась только на ринге, а за его пределами это был милый, добрый и тихий человек. О влиянии, которое Д'Амато оказывал на людей, еще предстоит сказать подробнее, когда речь пойдет о его последнем ученике — Майке Тайсоне.

Паттерсон начал заниматься боксом в 1949 году, а уже в 1952-м в Хельсинки он стал самым молодым олимпийским чемпионом в истории, завоевав золото в весовой категории до 75 кг. Флойд тогда не только победил в олимпийском турнире, но и произвел совершенно ошеломляющее впечатление. Его финальный бой с румыном Василе Тита продолжался чуть больше минуты. Неплохо для 17 лет.

Уже через месяц, после того как Паттерсон вернулся с Олимпиады, он начал выступать на профессиональном ринге и сразу обратил на себя внимание и здесь. У Флойда были невероятно быстрые руки и тяжеленный левый хук. Кроме того, он прекрасно защищался и великолепно выглядел на ринге, а это американская публика всегда ценила особенно высоко. Вместе с тем у него были два недостатка. Первый из них бросался в глаза. Флойд все-таки не был настоящим тяжеловесом, а то, что его конечная цель — чемпионство именно в королевской весовой категории и в полутяжах он задерживаться не собирался, Паттерсон не скрывал. При росте 182 см он весил обычно 83—84 кг. Паттерсон несколько раз пытался набрать немного мышечной массы, но начинал терять свою уникальную скорость, и от этой идеи пришлось отказаться.

О другом недостатке Флойда долгое время никто не догадывался, так как редко кому из соперников удавалось в него хорошо попасть. У Паттерсона была так называемая «стеклянная челюсть», то есть он плохо держал удар. Бороться с такой проблемой можно только одним способом — не пропускать, и до поры до времени это у него получалось.

В течение двух лет Флойд выигрывал один бой за другим, пока в июне 1954 года не встретился с бывшим чемпионом мира в полутяжелом весе Джою Максимом. После восьми раундов была объявлена победа Максима. Не все с этим решением согласились, но и спорить никто тоже особо не стал.

Есть предположение, что Кас Д'Амато специально подставил своего молодого боксера под Максима, так как у него создалось впечатление, что Паттерсона стало слегка заносить — слишком уж легко ему пока все давалось. Урок, если это был урок, пошел на пользу. За последующие два года, с июня 1954-го по июнь 1956-го, Паттерсон провел 15 боев и во всех победил без особого труда. И тут Рокки Марчиано объявил, что собирается покинуть бокс. Самыми логичными претендентами на титул чемпиона мира считались Паттерсон и чемпион мира в полутяжелом весе Арчи Мур. Они и встретились 30 ноября 1956 года в бою за вакантный титул.

Это были странные соперники. Паттерсону на тот момент не исполнилось еще и 22 лет, а Арчи Муру уже стукнуло 43. Мур был на год старше Джо Луиса, но тот успел завоевать титул, 25 раз защитить его, уйти с ринга, вернуться на него, провести там еще два года и снова уйти, а Мур все еще ходил в претендентах. Наконец в 1952 году, через год после второго ухода Луиса с ринга, в 39 лет Мур стал чемпионом в полутяжелом весе и был им до 1960 года! А между делом он еще дважды попытался завоевать титул и в тяжелом весе.

По своим физическим данным Паттерсон был такой же полутяж, как и Мур, но только в два раза моложе его и раза в полтора быстрее. Это и стало ключом к победе Флойда. Он оказался для Мура даже более тяжелым соперником, чем Марчиано. Первые четыре раунда он в основном с дистанции расстреливал Мура джебом, а в пятом раунде левым хуком послал его в глубокий нокдаун. В сущности, это был уже нокаут, хотя Арчи и успел встать до того, как рефери закончил счет. Арчи продлил бой лишь на несколько секунд. Первая же атака Паттерсона привела к тому, что Мур опустился на пол, хотя ничего особенно серьезного не пропустил. Паттерсон, которому оставалось чуть больше месяца до своего 22-летия, стал самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории.

Флойд не был слишком активным чемпионом. За **1957—1958** годы он защитил свой титул только трижды, причем противники оставляли желать лучшего. Самым странным из них был Питер Рейдмахер, олимпийский чемпион 1956 года, который в первом же своем бою на профессиональном ринге вышел против чемпиона мира. Эксперимент оказался неудачным. Хотя Рейдмахеру и удалось разок послать Паттерсона в нокдаун, тот нокаутировал его в шестом раунде, и больше бывшему олимпийцу в его профессиональной карьере ни разу не удалось даже близко подойти к бою за титул.

К этому времени в Америке сложилось довольно своеобразное отношение к Паттерсону, которое можно охарактеризовать как добродушное уважение. Он, конечно, не был кумиром. Кумиров со стеклянными челюстями не бывает, а к тому времени о его тайне знали все. С другой стороны, в Америке по традиции уважают тех, кто может встать с пола и вышибить дух из обидчика. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть любой американский боевик. А Флойд регулярно показывал это в жизни. Как же его было не любить? В совсем недалеком будущем ему

вполне средним габаритам Паттерсон не выглядел выходцем из какого-то другого племени, а его всегдашняя смущенная улыбка это подчеркивала.

1 мая 1959 года Паттерсон нокаутировал в одиннадцатом раунде очередного соперника, Брайна Лондона, а через неполных два месяца, 26 июня, вышел на ринг снова. На этот раз против шведа Ингемара Юхансона, которого хорошо знал еще с Олимпиады в Хельсинки и потому совершенно не боялся. И грянул гром.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА: ТРУС И НОКАУТЕР ЮХАНСОН

В 1952 году на той самой Олимпиаде в Хельсинки, где Паттерсон познал первую славу, Ингемару Юхансону пришлось пережить грандиозный позор. В финальном бою 20-летний шведский тяжеловес до такой степени боялся своего противника, огромного американца Эда Сандерса, что принялся бегать от него по всему рингу. Во втором раунде рефери дисквалифицировал его за отказ вести бой. Было принято сенсационное решение не вручать Юхансону серебряную медаль. По поводу того, что думал об этом сам Ингемар, существует две версии. По одной, Юхансон якобы сказал, что готов был драться с кем угодно, но не с этим громилой — он же не сумасшедший. По другой, озвученной значительно позже в автобиографии Юхансона, судьи не разобрались в его хитром стратегическом плане: вымотать силы Сандерса в первых двух раундах, а в третьем решительно атаковать и тем потрясти его до основания.

Однако дело в том, что примерно ту же стратегию Ингемар избрал незадолго до Олимпиады в бою со знаменитым литовским тяжеловесом Альгирдасом Шоцикас. Юхансон бегал от него зайцем, и Шоцикас потом рассказывал, что он просто не знал, как работать с человеком, который все время поворачивался к нему спиной. В конце концов литовец догнал его и нокаутировал. Вот таким было бесславное начало славных дел Ингемара Юхансона. Кстати, вполне могло случиться и так, что ему пришлось бы повторить на Олимпиаде эту игру в боксерские салочки не против Сандерса, а против самого Шоцикаса, но тому в Хельсинки отчаянно не повезло. Перед боем с южно-африканцем Ниманом Альгирдас вытянул руки вперед для приветствия, на что тот ответил мощным ударом. Шоцикас устоял на ногах и начал бой. Голова у него постепенно прояснялась, но вскоре рефери остановил встречу, чтобы сделать какое-то замечание. Альгирдас стоял опустив руки и слушал его крайне невнятные разъяснения, которые он к тому же излагал очень тихим голосом, когда Ниман снова налетел на него с ударом. Теперь это уже был нокаут. После боя южноафриканец утверждал, что не понял, что судья что-то говорит, и поэтому считал себя вправе атаковать. Ему не то чтобы поверили, но согласились с обоснованностью его доводов и дисквалифицировали в результате не его самого, а рефери.

В Швеции Юхансона встретили как предателя родины, и в это же время с ним произошла не самая обычная метаморфоза. Трусоватый 20-летний парень вдруг превратился в свою противоположность и стал настолько агрессивным бойцом, что через некоторое время его прозвали Сумасшедшим Шведом. К тому времени он окончательно заматерел и стал не слишком крупным, но крепким тяжеловесом. Его рост был 184 см, а вес — около 90 кг. Бой он строил по стандартной схеме, «разминая» противника левым джебом, выжидая момент, чтобы нанести правый кросс. Этот правый обладал фантастической силой, и сам Юхансон придумал для него несколько прозвищ: «гром», «гром и молния» и «молот бога Тора».

Абсолютное большинство своих боев до 1959 года Юхансон провел в своем родном городе Готенбурге, куда по очереди стали съезжаться для битвы самые известные европейские тяжеловесы. В 1956 году в одном из своих немногих выездных боев в Болонье Юхансон нокаутировал итальянца Франко Кавичи и завоевал звание чемпиона Европы в тяжелом весе. В следующем году в Стокгольме он нокаутировал в пятом раунде англичанина Генри Купера, наглядно показав, что проблему страха он давно решил. Дело в том, что Купер предположительно обладал самым сильным разовым ударом среди всех тогдашних боксеров. Его левого хука боялись все, но Ингемара это не смутило. У него был его правый кросс. Он-то и решил все в бою с англичанином.

В сентябре 1958 года злая судьба занесла известного американского боксера Эдди Мэкена в Готенбург. Мэкен занимал первое место в рейтинге претендентов, в следующем году ему предстоял бой с Паттерсоном, и он хотел слегка размяться с одним из европейских тяжелей, которых американцы по традиции не уважают. Однако Юхансон уважать себя заставил, причем очень быстро. В первом же раунде он разрядил свой правый кросс в голову Мэкена, и тот рухнул на пол. Американец все-таки сумел встать, но лишь для того, чтобы Юхансон загнал его в угол. Там, на свою беду, вместо того чтобы упасть, Мэкен сел на нижний канат, что дало возможность Ингемару нанести еще несколько ударов, когда его соперник уже был фактически в нокауте.

Если бы не легкомысленный визит Мэкена, Юхансон, возможно, никогда не добился бы права драться с чемпионом мира, но бывают такие случаи, когда зверь бежит на ловца. Прибежал и был подстрелен.

Было ясно, что чемпион в Готенбург не приедет, поэтому Юхансон отправился в Америку, где 26 июня 1959 года встретился с Паттерсоном, который все еще жил старыми представлениями о нем. Бить умеет? Ну а кто в тяжелом весе бить не умеет? Практически все соперники Флойда умели бить и некоторые даже сажали его на пол. Ну и что? На одной из пресс-конференций Паттерсон зевал так много и часто, что привлек внимание не только Юхансона, но и репортеров. Со временем фотографию зевающего Паттерсона и Юхансона, слегка удивленно смотрящего на него, опубликуют еще множество раз.

Жизнь порой складывается странно. Семь лет назад Юхансона считали конченным трусом, а Паттерсона средневесом, и вот теперь они дрались за титул чемпиона мира в тяжелом весе. А олимпийского чемпиона Эда Сандерса, от которого так резво бегал Юхансон, как раз считали будущим тяжелого веса. Однако этого самого будущего у него оставалось очень мало. Перейдя в профессионалы, Сандерс сначала выиграл нокаутом три боя, потом проиграл нокаутом же в пятом раунде абсолютно неизвестному боксеру, затем выиграл две встречи подряд, еще один бой закончил вничью, а следующую встречу с тем же соперником выиграл. 11 декабря 1954 года в своем девятом бою, за который он должен был получить 750 долларов, Сандерс встретился с малоизвестным боксером Вилли Джеймсом. В одиннадцатом раунде Эд был нокаутирован, а на следующий день умер в больнице. Вот и все будущее, отпущенное

Первые два раунда боя Паттерсон — Юхансон прошли не особенно интересно. Выигрывал Флойд, находившийся в самом благодушном расположении духа. В третьем раунде вместо джеба, к которому Паттерсон успел привыкнуть, Юхансон нанес левый хук и тем раскрыл Паттерсона. Тут же последовал правый кросс, и Флойд упал.

Далее произошел один из самых странных эпизодов в чемпионских боях. Флойд успел встать до того, как рефери закончил счет, но почему-то подумал, что в нокадауне побывал не он, а Юхансон, и, как делает послушный боксер в таком случае, направился в нейтральный угол, давая рефери отсчитать 10 секунд его противнику. Однако Юхансон бросился вслед за ним и ударил его. Флойд упал снова. До конца раунда он падал еще пять раз, пока наконец рефери не прекратил бой, что, строго говоря, давно уже пора было сделать.

Юхансон просидел на троне 360 дней, и все это время провел на гребне славы и у себя на родине, и в Америке. В Штатах какое-то время не знали, как к нему относиться. С одной стороны, белые чемпионы всегда пользовались там особой популярностью. С другой — Юхансон был иностранцем, так что как обладатель титула, являющего собой национальное достояние, он всегда вызывал у большинства американцев смешанные чувства.

После боя Робкий Флойд впал в бешенство, но не агрессивное, а холодное. Он снова и снова смотрел запись встречи с Юхансоном и, когда была достигнута договоренность о проведении матча-реванша, стал тренироваться как одержимый. В интервью перед боем он сказал, что выявил все ошибки, которые допустил в том бою, и увидел, как можно победить Юхансона. Ему не очень поверили. Ставки перед боем были 8 к 5 в пользу Юхансона. Однако те, кто поставил на шведа, очень скоро об этом пожалели. Всегда быстрый, Флойд включил какую-то суперскорость. Когда смотришь этот бой в записи, иногда создается впечатление, что кадры слегка подрезали — такими стремительными были удары Паттерсона. Во втором раунде Флойд провел сильнейший левый хук в челюсть, после которого Юхансон оказался на полу. Однако он встал и продолжил бой. Паттерсон ринулся в атаку, понимая, что нельзя упускать момент. Швед какое-то время защищался, но время от времени все же пропускал сильные удары. Наконец Паттерсон дважды с небольшой паузой нанес ему апперкот по печени. Было видно, что эти удары Юхансона потрясли, и он чуть опустил руку, не зная, куда пойдет следующий удар: в печень или в челюсть. Удар пошел в челюсть, но Юхансон не успел на него среагировать.

Он упал на пол, не подавая никаких признаков того, что сможет самостоятельно встать в ближайший час. У него тряслась нога, как будто она находилась под током. К нему бросились секунданты и врачи. Вскоре подскочил и Флойд. Юхансон только начал приходить в себя, когда Паттерсон ему сказал: «Я дам тебе еще один шанс, как ты дал его мне». Робкий Флойд всегда держал слово, за что его уважали. Менее чем через год, 13 марта 1961 года, они встретились снова в Майами-Бич. Однако до тех пор произошло событие, оставшееся совершенно не замеченным современниками.

6 февраля Юхансон зашел в один из боксерских залов Майами, где обычно тренировался и проводил спарринги. К своему удивлению, на этот раз он нашел там только высокого, совсем молодого негра, который сразу стал разговаривать с ним так, будто это он был чемпионом, а Юхансон спарринг-партнером, опоздавшим на тренировку. Ингемар, слегка ошалевший от такого приема, немедленно предложил ему поспарринговать. Парень согласился с таким видом, словно делал огромное одолжение.

Они пробоксируют два раунда. За все это время Юхансон не сумел ни разу толком даже дотронуться до этого негра, не то что ударить его, а вот негр навтыкал ему множество ударов. Самым неприятным было то, что загадочный чернокожий парень явно работал вполсилы и сдерживал удары. Иначе экс-чемпион мира мог бы уже и побывать на полу. А еще он одновременно комментировал все происходившее, говоря, что Юхансон — полное фуфло и что это он должен драться с Паттерсоном за чемпионский титул, а не такая бездарь.

Секунданты Юхансона прервали спарринг и увели его из зала. Нетрудно догадаться, кем был тот негр. Конечно, это был Кассиус Клей, которому тогда исполнилось только 19 лет.

РОБКИЙ ФЛОЙД ПАТТЕРСОН 2

До Паттерсона о бывших чемпионах мира в тяжелом весе говорили: «Они не возвращаются». Действительно, в других весовых категориях экс-чемпионы то и дело возвращали себе свои титулы, но в тяжелом это еще ни у кого не получалось, хотя почти все пробовали. И вот Паттерсон нарушил эту традицию.

После поражения Флойда многие американские белые болельщики, не знавшие, за кого они болели, за Паттерсона или за Юхансона, придумали формулу: «Этот негр дал себя побить». Как говорил Наполеон: «У победы много отцов, а поражение всегда сирота». Вот таким сиротой вместе со своим поражением и стал на время Робкий Флойд. Зато теперь все решили стать немножечко отцами его победы и провозгласили Флойда настоящим американцем. Паттерсон был незлопамятен.

Как уже говорилось, слово он свое сдержал и 13 марта 1961 года встретился с Ингемаром Юхансоном в третий раз. Эта встреча получилась как бы суммой предыдущих. Со времен боя Демпси — Фирпо зрители не видели такого яростного первого раунда. Дважды после правых кроссов Юхансона Флойд отправлялся в нокадаун, и Ингемар явно уже предвкушал победу, но к концу все того же первого раунда неожиданно попал в нокадаун сам. Зрители визжали от восторга. Со второго раунда по пятый инициатива переходила из рук в руки, а в шестом Юхансон сделал ту же ошибку, что и в предыдущем бою: устав от крайне болезненных ударов Паттерсона по корпусу, он чуть опустил руки и тут же получил левый хук в челюсть. Нокаут.

После этого боя Юхансон вернулся в Европу и успешно выступал еще два года. В 1963 году он победил англичанина Брайна Лондона... побывав в нокауте. Дело в том, что в том бою

действовало правило, согласно которому гонг спасает от нокаута в последнем раунде. Швед уверенно выигрывал по очкам, когда за несколько секунд до финального гонга пропустил мощный удар Лондона и оказался на полу. Это был настоящий нокаут, так как Юхансону не хватило девяти секунд для того, чтобы встать на ноги, но ему их и не считали.

Однако сам Ингемар был разумным человеком и не считал себя победителем. К тому же он устал от бокса и решил, что пора ставить точку, что и сделал. В отличие от многих предшественников, он никогда не пытался вернуться на ринг.

А Паттерсон после победы над Юхансоном доживал последние спокойные деньки. В ноябре 1961 года он защитил свой титул против Тома Макнили, но от него хотели совсем не этого. От бедняги Флойда требовали, чтобы он победил человека, которого он не мог победить по определению. Паттерсон уклонялся от этого сколько мог, а потом все-таки вышел на ринг. Это случилось 25 сентября 1962 года в Чикаго. Чуда не произошло, Флойд был нокаутирован уже в первом раунде, и это поражение перечеркнуло в глазах неблагодарных современников все, что Паттерсон сделал ранее, так как он не выполнил задания, возложенного на него всей страной. Впрочем, это уже история не столько самого Паттерсона, сколько его победителя.

САННИ ЛИСТОН, ПОСПЕШИВШИЙ РОДИТЬСЯ

Тот, кто прозвал Чарльза Листона Санни (сыночек), был не лишен доюльно изощренного чувства юмора. Здесь слышен еще и подтекст: sonny (сыночек) по-английски звучит так же, как sunny (солнечный, радостный). А здоровенный черный мордоворот с неизменным и непередаваемо мрачным выражением лица был внешне похож на Кинг-Конга и абсолютное большинство противников побеждал даже не первым ударом, а первым взглядом, поймав который они стремились уже не столько к победе, сколько к возможности выжить.

Чарльз Листон родился в самой нищей округе города Литл-Рок одного из самых бедных штатов Арканзаса 8 мая 1932 года, хотя никакого документального подтверждения этой даты нет, и позже многие его биографы утверждали, что он был значительно старше. Сам Санни очень болезненно относился к этим разговорам. В 1962 году он как-то сказал: «Любой, кто скажет, что мне не 30 лет, называет мою маму лгуньей». Повторять свои сомнения после такого заявления как-то не решались, но они остались.

В семье было 25 детей от одного отца и двух женщин, которые поочередно имели несчастье быть его женами. Его папаша, Тоби Листон, пытавшийся выращивать хлопок на арендованной земле, на самом деле не умел в этой жизни делать ничего, кроме детей, если, правда, не считать того, что и жен и детей он постоянно и нещадно бил.

Когда Чарли, 24-му ребенку в семье, было 13, его мать взяла 12 своих чад и уехала в Сент-Луис, оставив остальных детей с отцом. Кстати, не совсем понятно, по какому принципу она отобрала детей. Своих у нее было только 10, остальные были от первой жены. Значит, она взяла с собой кого-то из тех, кому она была мачехой, а не матерью, но при этом не взяла своего родного сына Чарли.

Тем, кто остался с отцом, пришлось совсем тяжело. Побой, которые раньше распределялись на 26 человек, теперь приходились на 13. Больше всего он невзлюбил Чарли, которого избивал практически каждый день, возможно потому, что понимал: скоро он уже не сможет позволить себе такого удовольствия, так как тот рос не по дням, а по часам. Следы от этих побоев сохранились у Санни на спине на всю жизнь. Если в какой-то день случалось, что отец не избивал его, Чарли подходил к нему и в недоумении спрашивал: «Почему сегодня ты меня не бил?»

В конце концов такая жизнь ему надоела, и он перебрался к матери. За этот поступок ему и присвоили прозвище Санни, со временем заменившее ему имя. Впрочем, было ли у этого странного человека, чуть не затерявшегося среди бесчисленных детей, для которого одним из самых неприятных вопросов был: «Сколько тебе лет?» — было ли у него вообще имя? Это не праздный вопрос. Некоторые его биографы, как, например, обозреватель журнала «Sports Illustrated» Уильям Нэк (чья статья, очень богатая фактическим материалом, оказала мне неоценимую помощь при написании этой главы), утверждают, что у него не было полноценного ощущения собственной личности. Через много лет после смерти Листона его близкий друг Джек Маккинни, боксер-любитель, одно время работавший спортивным обозревателем в газете «The Philadelphia Daily News», вспоминая времена, когда Санни уже был чемпионом мира, в частности сказал: «Санни был так чувствителен к вопросу о своем возрасте, потому что он действительно не знал, сколько ему лет. Когда журналисты писали, что ему 32, но уже 50, это задевало его куда сильнее, чем все думали. Санни не знал, кто он такой. Он хотел персонифицировать себя и думал, что, став чемпионом мира, сможет это сделать».

Но пока до чемпионства было еще далеко. Мать попыталась устроить своего вновь обретенного сына в школу. По причине полной неграмотности его отправили в первый класс, и старшеклассники стали издеваться над ним. Он дрался с ними, а потом вообще перестал ходить в школу и все время проводил на улице, где огромная физическая сила позволила ему быстро проявить себя. Он научился верховодить в среде, где его в любой момент могли не только избить, но и пристрелить, но это-1 го не случилось. Наверно, повезло. Хотя, если взглянуть на последующую жизнь Санни, то, может быть, надо сказать «не повезло».

Он постоянно дрался, и его регулярно забирали в полицейский участок. Затем он попытался ограбить ресторан и получил условную судимость. В конце концов все-таки попал в тюрьму за попытку ограбления бензоколонки. 15 января 1950 года он получил срок в общей сложности за две кражи и два разбойных нападения первой степени. В тюрьме он и начал заниматься боксом. Физвоспитанием там ведал священник — преподобный Алоис Стивене. Он сразу обратил внимание на Листона. «Санни был самым великолепным представителем мужской породы, которого я когда-либо видел. Мощные руки, широченные плечи. Очень скоро он стал нокаутировать всех в зале. У него были невероятных размеров кисти рук! После того как их заматывали бинтами, на них было невозможно надеть перчатки».

На свободу с чистой совестью он вышел в конце 1952 года.

За год он побил всех сильнейших боксеров-любителей, включая и новоиспеченного олимпийского чемпиона Хельсинки Эда Сандерса, после чего перешел в профессионалы.

Примерно в это время один из заинтересовавшихся им про-моутеров как-то привел Листона в ресторан и заказал ему цыпленка. Санни с каким-то испугом уставился на блюдо, которое официант поставил перед ним. На вопрос, в чем дело, Листон ответил, что не знает, как это есть. Кроме того, как выяснилось, он не умел ни читать, ни писать.

Профессиональную карьеру Листона не раз описывали как непрерывное триумфальное шествие, но действительность отнюдь не была такой радужной. Первые противники мало что могли ему противопоставить, но в 1954 году в Детройте в своем шестом бою Листон встретился с довольно известным тяжеловесом Джоном Саммерлином, и все, кроме судей, решили тогда, что победил Саммерлин. Разразился небольшой скандал, единственным выходом из которого был матч-реванш, который состоялся через полтора месяца. На этот раз Листон действительно выиграл, но один судья из троих все же отдал победу Саммерлину, которому буквально накануне боя

во время спарринга сломали нос. То, что с такой травмой он смог продержаться против Листона до конца боя, ясно доказывает, что

Санни отнюдь не был тогда несокрушимой скалой, какой его любят изображать некоторые биографы.

Свой следующий бой, с Марти Маршаллом, в том же 1954 году Листон проиграл, однако это поражение, как ни странно, можно скорее занести ему в актив. Дело в том, что его челюсть в том бою была сломана в нескольких местах, но он, как и Саммерлин во встрече с ним, закончил бой на ногах.

В 1955 — начале 1956 года Листон провел семь боев и во всех одержал победу. В двух из них он встретился со своим обидчиком Марти Маршаллом, которого один раз нокаутировал в 6-м раунде, а во второй раз выиграл по очкам с большим преимуществом.

Однако портрет Листона не будет полным, если не сказать, что все это время у него была и другая работа. Впоследствии он все отрицал перед прессой, но сознался в грехе своему другу, рефери Дэйви Перлу. Один из его менеджеров, Фрэнк Митчелл, был человеком крупного мафиози из Сент-Луиса Джона Витале. Мафия в этих местах, как и во многих других, контролировала строительный бизнес, а негры, работавшие на них за гроши, время от времени начинали бунтовать, и кому-то надо было их «успокаивать». Одним из таких успокоителей и был Санни Листон. Сколько челюстей, рук и ног он сломал на этой работе, не знает никто, но известно, что он по-настоящему стыдился своего тайного приработка. Однако он находился не в том положении, чтобы сказать «нет» своим хозяевам.

Полиция в общем-то знала обо всем, но время «большой борьбы с мафией» наступило только лет через 10, и пока с этим мирились как с неизбежным злом. Санни не понес никакого наказания за свой приработок, но все же одна «неприятность» с ним произошла.

В мае 1956 года некий полицейский остановил такси, в котором ехал Листон, и оштрафовал водителя. Санни заступился за шофера, за что страж порядка, габаритами не уступавший боксеру и не знавший, с кем имеет дело, сказал что-то нелицеприятное о цвете его кожи. Дубинку достать он не успел. А пистолет из его кобуры достал уже Листон и прихватил его «на память». Его вскоре задержали. Суд состоялся в январе 1957 года. Учитывая, что полицейский сам спровоцировал Санни, его приговорили лишь к девяти месяцам заключения, из которых Санни отсидел восемь.

Едва выйдя из тюрьмы, он фактически ни за что получил от одного полицейского дубинкой по голове. Рассчитаться с ним в тот момент не было никакой возможности, но через пару недель Санни засунул его головой в мусорный контейнер, после чего сбежал в Филадельфию. Как ни странно, это сошло ему с рук. Видимо, опять сработали мафиозные связи. Во всяком случае, очень скоро, в марте 1958 года, он при довольно странных обстоятельствах подписал менеджерский контракт с Пепом Бароне, которого до того никогда даже не видел. Его новый менеджер, малоинтересный сам по себе, был человеком знаменитого мобстера Блинки Палермо, с которым вскоре познакомился и Листон.

Видимо, второй срок как-то подействовал на Листона психологически, потому что отныне он стал проходить сквозь соперников, как нож сквозь масло. В 1958 году он провел восемь боев, и лишь одному противнику, Бертту Уайтхерсту, удалось, причем дважды, продержаться против него до конца. Остальные были нокаутированы, а одному из них, Уэйну Бетеа, пришлось в первом же раунде выплюнуть семь (!) своих зубов.

В 1959 году, после того как Листон нокаутировал двоих очень сильных и популярных тяжеловесов Кливленда Уильямса и Нино Вальдеса, обоих в третьем раунде, о нем впервые заговорили как о некоронованном чемпионе мира. Флойд Паттер-сону, владевшему тогда титулом, пресса стала все чаще намекать, что неплохо бы ему встретиться с Листоном, но чемпион тогда увлекся своей затяжной дуэлью с Ингемаром Юхансоном и до 1961 года не выказывал ни малейших намерений драться с Санни.

Листон был лишь на пару сантиметров выше Паттерсона, но казался рядом с ним горой благодаря гораздо более мощному сложению. Еще его первый тренер, преподобный Алоис Стивене, обратил внимание на огромные кисти рук Листона. В тюрьме ему пришлось пользоваться стандартными перчатками, обматывая руки меньшим количеством бинтов, чем принято, но, когда он стал выступать в официальных боях, перчатки ему стали шить на заказ. Природный полутяж Паттерсон был слишком трезвым человеком, чтобы не понимать, что против такого крупного тяжеловеса, как Листон, у него нет никаких шансов. Еще лучше это понимал Кае Д'Амато. Но дело было не только в размерах.

Девиз Санни звучал так: «правая разрушает, левая уничтожает». Листон не был левшой, но левая рука слыла его главным козырем. В нокаут он обычно отправлял левым хуком, но едва ли не более страшным оружием был его джеб, которым он обрабатывал лоб противника как отбойным молотком. Сам Санни говорил об этом так: «Середина лба у боксера — это как хвост у собаки. Отрежь собаке хвост, и она начнет идти во все стороны сразу, потому что потеряет чувство ориентировки. То же самое произойдет с боксером, если ему постоянно бить в лоб».

Джон Саммерлин, фактически победивший его в их первой встрече, признавал, что был совершенно потрясен этим ударом. Джеб, короткий прямой удар с передней, то есть для правши — левой руки, редко бывает сильным. Вместе с тем это самый быстрый удар, который чаще любого другого доходит до цели. Однако Листон обладал, возможно, самым сильным дже-бом в истории бокса. Это был не тычок, подготавливающий почву для атаки или, наоборот, сбивающий противника с прицела, а настоящий силовой удар. Случалось, что он даже отправлял им в нокаут. У Паттерсона с его стеклянной челюстью не было противоядия от этого оружия Листона. Кроме того, сам Санни прекрасно держал удар. Наконец, многие современники совершенно напрасно считали его просто громилой — он был великолепным техничным боксером.

Али, как-то решил проверить у зрителей, насколько страшным им кажется Листон. Он задавал им всего один вопрос: какого он роста? Зрители отвечали по-разному. В среднем они говорили, что где-то 6 футов 9 дюймов (205 см). На самом деле рост Листона составлял всего 186 см. Глаза у страха оказались действительно велики. Тайсон по крайней мере никогда и никому не казался выше, чем он был.

Если Санни так боялись зрители, то что говорить о противниках? Большинство из них проигрывало ему еще до боя. Листон смотрел на боксера в другом углу ринга мрачным, немигающим взглядом палача, который любит свою работу. Никакого садизма — просто до предела сконцентрированная агрессия. Многие соперники Листона вспоминали, что выражение его лица перед боем и по его ходу никогда не менялось. Это была своеобразная маска, только надета она была не на лицо, а непосредственно на череп.

Вот с этим-то человеком и не хотел драться Флойд Паттерсон. Но Америка не могла смириться с тем, что хороший парень бежал от плохого. В боевиках положительные герои так себя не ведут, и от Паттерсона стали все громче требовать, чтобы он встретился с Листоном, и не просто встретился, а размазал его по рингу, как масло по куску хлеба. Как когда-то Джеффрису в бою против Джека Джонсона, а затем Джо Луису во второй встрече со Шмелингом, Америка поручила Паттерсону выиграть. Сам президент Кеннеди пригласил совсем оробевшего от такой чести и без того Робкого Флойда и сказал ему: «Я надеюсь, что ты победишь». Паттерсону не оставили выбора.

Фloyd ходил сам не свой. Он даже рассорился с Касом Д'Амато, наотрез отказавшимся принимать участие в организации этого боя. Но бой все равно состоялся 25 сентября 1962 года в Чикаго.

Тем временем, пока общественное мнение во главе с президентом Кеннеди обрабатывало Паттерсона, Листон занимался своим делом. В 1959—1961 годах он провел 11 боев, в 10 из которых победил нокаутом. Только многоопытному Эдди Мэкену (тому самому, которого Юхансон когда-то — видимо, все-таки случайно — нокаутировал в первом раунде) удалось в 1960 году «отбегать» от Листона 12 раундов и услышать финальный гонг стоя, но его поражение в этом бою не вызывало сомнений ни у кого. Сам Мэкен, впрочем, сказал после боя что-то невнятное о своих глазах. На это тогда не обратили особого внимания, но позже вспомнили.

Наконец наступил черед Паттерсона. В каком состоянии находился Робкий Флойд, говорит хотя бы то, что его первый удар пришелся не просто мимо цели, а, как говорят стрелки, «в молоко» — не достал до головы Листона где-то сантиметров 25—30, а Флойд как раз славился точностью удара. Дальше — больше. От джеба Листона Паттерсона перетряхивало с ног до головы. Вообще любой удар Санни, даже пришедшийся вскользь, производил на Паттерсона «неизгладимое впечатление». Тем не менее он пока держался на ногах.

В конце второй минуты Паттерсону, у которого голова, наверно, гудела как котел, пришла не самая удачная мысль прижать правую руку Листона к своей шее. Сани, вместо того чтобы вырваться, тут же слегка придавил голову Паттерсону вниз и нанес несколько ударов своей главной бьющей рукой — левой. Флойд «поплыл», после чего Листон спокойно его добил.

Последним ударом в том бою был его коронный левый хук. Вся встреча продолжалась 126 секунд.

Матч-реванш состоялся 22 июля 1963 года. Чуда не произошло, на этот раз бой продолжался на целых четыре секунды дольше. Паттерсон дважды падал на пол и поднимался на ноги только тогда, когда рефери отсчитывал последние секунды. В третий раз после трехударной серии левый — правый — левый он не успел встать до того, как арбитр закончил счет.

Как чемпион Листон был отчаянно непопулярен. Его воспринимали как классического плохого парня. Санни не спасал даже его своеобразный мрачноватый юмор. Например, когда Листон получил последний срок, он сказал своему менеджеру Джорджу Катцу, кстати чуть ли не единственному порядочному человеку из его окружения, работавшему на него за 10 процентов со всех его доходов: «По справедливости, Джордж, ты теперь должен отмотать и 10 процентов моего срока».

Однако Америка, не знавшая еще политкорректности, не могла стерпеть, что этот уголовник, не перетруждаясь, лупит всех своих соперников. У Листона было на этот счет свое мнение: «Боксерский матч — это как кино про ковбоев. Есть хорошие ребята и есть плохие ребята. Люди платят за то, чтобы им показали, как хорошие ребята бьют плохих. Я плохой парень, но я меняю все правила игры: меня не бьют».

Только самые близкие Листону люди знали, что он тяготился образом «плохого парня» и хотел, завоевав титул, стать примерным гражданином. Но когда после матча с Паттерсоном приехал в Филадельфию, которую стал считать своим родным городом, его там не встретил ни один человек, кроме нескольких репортеров. Листон обиделся на Америку навсегда. Отныне и до самой своей смерти он не упускал ни одной возможности эпатировать публику, что при его остроумии было несложно.

Кстати, абсолютно неграмотный Листон обладал некоторыми совершенно уникальными способностями. Так, у него была феноменальная память и феноменальные же способности к звукоподражанию. Он мог воспроизвести любой голос и любой звук, а своим друзьям иногда рассказывал целые пьесы, изображая не только все голоса, мужские и женские, но и, например, скрип открывающейся двери. Один из его знакомых сказал, что самое сильное впечатление на него произвело, как Санни говорил фальцетом.

Листон опередил свое время лет на 20. Такие типажи, как он, по ряду причин, на которых мы остановимся позже, вошли в отчаянную моду в середине 80-х годов, и один из них, некто Майк Тайсон, стал чуть ли не главным кумиром конца века. Если бы Листон появился на свет «вовремя», вполне возможно, что он бы затмил Железного Майка, и это ему, а не Тайсону миллионы поклонников в ответ на любое его эпатажное высказывание кричали бы:

означать «превосходный». Но в его время Листона не любило даже негритянское сообщество, чьи тогдашние лидеры считали, что Санни с его образом классического «плохого негра» их позорит.

Если бы Тайсон родился после смерти Листона, наверняка бы нашелся какой-нибудь шальной оккультист, который объявил бы Майка реинкарнировавшимся Санни, но они, ничего не зная друг о друге, одновременно просуществовали на этом свете чуть больше четырех лет, так что если душа Листона и вселилась в Тайсона, то далеко не сразу. Впрочем, на самом деле они были далеко не так похожи друг на друга, как принято считать. Тем не менее, именно в эпоху Тайсона историки бокса стали один за другим вспоминать Листона и написали о нем много книг. На какое-то время он стал почти культовой фигурой и чуть ли не самым модным из чемпионов прошлых лет.

Однако в 60-е годы до моды на неуправляемых негров было еще далеко. Кстати, раз уж речь зашла о неуправляемости, то нельзя не сказать, что был один человек, которого Листон слушался безоговорочно, причем не просто слушался, а позволял ему обращаться с собой как с малым дитятей. Как-то художественному директору (по-нашему, зав. отдела иллюстраций) известного журнала «Esquire» Джорджу Лоису пришла в голову блестящая по своей абсурдности мысль — снять Санни в костюме Санта-Клауса для обложки рождественского номера. Листон со своим взглядом печального убийцы, не говоря уже о цвете кожи, подходил для этой роли просто идеально. Лоис обратился к своему другу, который хорошо знал Листона, и тот его привел. Съемки проходили в казино в Лас-Вегасе.

Фотограф Карл Фишер, которому поручили сделать оригинальный снимок, плохо представлял себе, с каким оригиналом ему предстоит поработать. После того как он сделал первый кадр, Санни встал и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

Стоявший здесь же Лоис бросился за ним, лопоча, что ему нужно сделать еще хотя бы несколько снимков, и схватил Листона за руку. Тот обернулся и одним взглядом отбросил от себя докучливого малого на несколько метров.

Тогда Лоис бросился к человеку, который приехал вместе с Листоном: «Объясни ему, пожалуйста, что мне нужно сделать, может быть, сотню снимков, чтобы выбрать из них один». Санни тем временем ушел в игорный зал и, склонившись над покрытым зеленым сукном столом, делал ставку. Его знакомый подошел к нему сзади, взял его за ухо, поднял и со словами: «А ну-ка пошли!» — потащил назад в комнату, где проходила съемка. Санни даже не пытался возражать или сопротивляться. Зрелище получилось хоть куда, особенно если учесть, что Листону было уже за 30, а выглядел он на все 40.

Нет, этот человек был не отец Санни Тоби Листон. Это был Джо Луис, перед которым Листон благоговел. Боги нужны даже самым отпетым людям.

Однако помимо Джо Луиса и еще нескольких порядочных людей окружение Листона оставляло желать лучшего. В Америке не было гангстера, так или иначе связанного с боксом, с которым бы Санни не поддерживал контакт. В 1960 году американское правительство наконец-то всерьез озаботилось проблемами мафии, в частности занялось расследованием ее работы в боксерском бизнесе. Листона пригласили свидетелем на судебный процесс, в ходе которого выяснилось, что фактически всей его карьерой и деньгами, поступающими от его выступлений на ринге, распоряжаются мобстеры Фрэнки Карбо и Блинки Палермо. Листон заявил, что ничего об этом не знает и что всеми его делами ведал Пеп Бароне. Конечно, это была лишь не слишком хорошая мина при совсем плохой игре, так как он с его умом не мог не знать того, что знали абсолютно все — что Бароне был «шестеркой» Палермо. Все эти люди и другие, подобные им, не отпускали Санни до самой смерти, причем «смерть» здесь не фигура речи, а именно смерть.

В 1963 году, после его второй победы над Паттерсоном, все эксперты бокса считали, что Листон продержится на троне как минимум 10 лет. Однако он потерял титул уже в следующем году. Как, кому и при каких обстоятельствах проиграл Санни — это отдельная история, о которой речь пойдет в следующей главе. Если ты встретился на своем пути с великим человеком и даже сумел сыграть в его жизни какую-то роль, будь готов к тому, что

твоя биография станет всего лишь незначительной частью его биографии. Так случилось и с Пистоном. Два года его жизни, 1964-й и 1965-й, стали частью биографии Мохаммеда Али, дважды победившего несокрушимого, как всем казалось, Санни.

После второго поражения от Али Пистон снова зажил своей жизнью, уже никак не связанной с жизнью нового чемпиона мира. Санни продолжал выступать на ринге в 1966—1970 годах, правда на более низком уровне. Без больших проблем он разбирался с боксерами средней руки, пока в декабре 1969 года не напоролся на Леотиса Мартина, не убоявшегося страшного взгляда Листона и потому нокаутировавшего его в девятом раунде, что лишило Санни всяких шансов на бой за чемпионский титул. К тому времени Листон был совершенно разорен, и поражение от Мартина означало, что его положение уже никогда не поправится.

Это был предпоследний бой Листона. Последний, состоявшийся 29 июня 1970 года, с известным боксером Чаком Уэпне-ром он выиграл техническим нокаутом. У здорового Уэпне-ра были острые надбровные дуги, из-за чего он почти в каждом бою истекал кровью. После встречи с Санни ему пришлось наложить 57 швов. Листон получил за этот бой 13 тысяч долларов, но ему не досталось из них ни цента. За несколько недель до боя Санни попросил своего друга, профессионального игрока Лема Бэнкера, поставить от его имени 10 тысяч долларов на то, что неплохой тяжеловес Мэк Фостер побьет безумного отважного, но простоватого белого тяжа Джерри Кворри. Однако в шестом раунде Кворри нокаутировал Фостера. Санни попросил Бэнкера о небольшой отсрочке, и, когда после победы над Уэпнером получил деньги, первым делом отдал 10 тысяч Бэнкеру. Остальные три тысячи ушли на оплату секундантам, тренерам, спарринг-партнерам и другим людям из его команды. Санни остался ни с чем.

открыла дверь, в нос ей ударил тошнотворный запах разлагающегося тела. Санни был давным-давно мертв. Так давно, что невозможно оказалось даже точно установить, когда именно он умер.

Официальной причиной смерти, вопреки общераспространенному заблуждению, считается не передозировка героина, а закупорка легких и острая сердечная недостаточность. Однако в его организме обнаружили морфин и кодеин, образующиеся при распаде героина. Кроме того, на руке нашли следы недавних уколов. Впрочем, тело было в таком состоянии, что мало о чем можно говорить с уверенностью.

По свидетельству рекламного агента Листона Харольда Конрада, еще одного порядочного человека из его окружения, Листон немного покуривал марихуану и изредка нюхал кокаин, но никогда не притрагивался к героину. Собственно, он просто физически не мог его себе ввести. Дело в том, что Листон боялся уколов больше, чем самый трусливый детсадовец, которого насильно тащат делать прививку. Как-то, когда у Санни был сильный грипп, врач решил сделать ему укол. Завидев шприц, Листон едва не выбросил его вместе с доктором в окно. И от этой фобии Санни, по свидетельству всех своих знакомых, так и не избавился, так что сам себе укол он сделать вряд ли мог. Джо Луис тоже не верил, что Листон умер своей смертью.

Мотивы для убийства были у его друзей-гангстеров. Листон работал в бандитской ростовщической компании, одной из тех, где, по некоторым данным, держал свои деньги Рокки Мар-чиано. Санни, как нетрудно догадаться, выбивал деньги из должников. Однако со временем он стал причинять своим хозяевам большие неудобства. В последние годы жизни он сделался законченным алкоголиком и устраивал пьяные дебоши, которыми привлекал ненужное внимание и к своей персоне, и к своим нанимателям. Кроме того, в ходе этих скандалов Санни вроде бы иногда давал волю не только рукам, но и языку. Так что в конце концов его хозяева могли пожелать от него избавиться.

Харольд Конрад, много общавшийся с Листоном как раз в то время, выдвигает несколько другую версию, которая в принципе сводится к тому же, что и первая. Конрад слышал, что Санни стал требовать себе больший процент с тех сумм, которые он выбивал из должников, да так шумно, что его предпочли убрать, чтобы он не привлекал ненужного внимания к своим работодателям.

Кто-то из полицейских в Лас-Вегасе утверждал, что совершенно точно знает, хотя и не может доказать, что Листон поругался из-за денег со своим старым знакомым, мобстером Эшом Резником, и тот «заказал» его.

С другой стороны, Джеральдин Листон уверена, что ее муж умер от того, что напился на морозе, и с ним просто случился инсульт, так как в последние годы он страдал от гипертонии, но ей мало кто верит. Возможно, жене, очень любившей своего мужа и любимой им, такая версия просто казалась наиболее приличной. Во всяком случае, она отказывалась даже говорить на эту тему. Может быть, просто боялась.

Харольд Конрад, возможно понимавший Санни лучше других, так подвел итог его жизни: «Полицейский (вызванный в квартиру, где лежал мертвый Листон) сказал о нем: «Плохой негр. Получил то, что заслужил». Я с этим не согласен. У него были хорошие качества. Но я думаю, что он умер в тот день, когда родился».

Как-то между делом Листон, никогда не страдавший косноязычием, сказал слова, которые обозреватель журнала «Sports Illustrated» Уильям Нэк избрал эпиграфом к своей статье о нем: «Когда-нибудь специально для боксеров напишут блюз. Медленную мелодию поведет гитара, ей будет тихо аккомпанировать труба и негромко звонить колокол».

Санни Листон был не самым лучшим человеком и не заслужил жизнь в райских кущах, но такого блюза своей памяти он несомненно достоин.

ЭПОХА МОХАММЕДА АЛИ

Когда в январе 2002 года в голливудской аллее славы закладывали звезду Мохаммеда Али, самый знаменитый боксер и вообще один из самых знаменитых людей ушедшего века потребовал, чтобы его звезда была вмонтирована в стену, а не в мостовую, дабы «на нее не наступали люди, которые его не уважают». Как будто таковые еще остались.

Собственно, за всю его жизнь, не считая ранней молодости, было только несколько человек, которые попытались его не уважать, и они за это дорого заплатили. А вот тех, кто его не любил, было очень много. Но со временем и они практически перевелись. Тот, кто начал клоуном, а затем стал антигероем, закончил национальным символом вроде звездно-полосатого флага и Ниагарского водопада, вместе взятых. И еще полубогом в придачу. Наверно, ни одному человеку в истории не удавалось перековать столько ненависти по отношению к себе в такое количество самой бескорыстной и искренней любви.

долюбливал. Во всяком случае, он никогда не говорил о нем, хотя постоянно говорил о матери, которую просто обожал.

Когда Кассиусу было 12 лет, кто-то на ярмарке украл у него только что подаренный велосипед. Ему сказали, что полицейский, к которому он может обратиться с жалобой, сейчас находится в спортивном зале, и Кассиус, весь в слезах от обиды, бросился туда. Полицейский Джо Мартин мало чем мог ему помочь, вора уже давно и след простыл, но парень вроде бы не хотел уже никакой помощи. Он только сказал, что вздует своего обидчика, если найдет его. Мартин, который по совместительству был тренером по боксу, сказал в ответ, что, прежде чем лезть в драку, нужно научиться драться. Видимо, опытным взглядом он сразу разглядел, что у Кассиуса прекрасные данные. Клей посмотрел на тренировавшихся вокруг него людей и принял главное решение в своей жизни. Сейчас ему просто не в чем было тренироваться, но на следующий день он вернулся сюда, уже экипированный должным образом. Впоследствии, вспоминая первые тренировки Кассиуса, Мартин сказал: «Он не мог отличить левый хук от пинка под зад, но очень быстро прогрессировал».

Отработав в зале, Клей не заканчивал тренировку. Он просил младшего брата бросать в него камнями с небольшого расстояния, а сам уворачивался от них. Кроме того, он ел только то, что ему советовали, пил то, что советовали, и не делал того, чего не советовали. В первые же годы занятий боксом он твердо решил, что станет чемпионом мира в тяжелом весе. Времени на все не хватало, он занимался в двух спортзалах, кроме того, совершал многокилометровые пробежки в тяжелых башмаках по утрам, и в результате учеба пошла побоку, хотя до этого он совсем неплохо учился. Однако здесь у Кассиуса обнаружился неожиданный союзник.

Директор школы Этвуд Уилсон отличался необычайно крутым нравом, но для Клея он делал исключение. Он пресекал все попытки преподавателей не аттестовать его. «Если когда-нибудь кто-нибудь узнает наши имена, то только благодаря тому, что мы учили его, — говорил он учителям, не понимавшим и не разделявшим его слабости, — и я не хочу войти в историю как директор школы, в которой Кассиусу Клею не дали аттестат».

Одной из недовольных Кассиусом была учительница по английскому языку. Клей должен был написать большое сочинение на вольную тему. Кассиус сказал, что хочет написать о радикальной негритянской организации «Черные мусульмане», только входившей тогда в силу. На дворе стояли еще тихие 50-е годы, когда негры предпочитали особо не высываться, и учительница сказала, что это неподходящая тема. На другую Клей писать отказался. Учительница не собиралась ему этого спускать, но тут, к ее досаде, за Кассиуса вступился директор.

Те, кто знал Клея в школьном возрасте, делятся на две группы. Одни говорят о нем как о фантастическом клоуне. При этом мало кто помнит какие-то конкретные шутки. Говорят о непрерывном забавном кривлянии. Кассиус дурачился по поводу всего, на что падал его взгляд в данный момент. Когда на глаза ему попадалось что-то еще, он немедленно переключался на новый объект. Клей нисколько не заботился о том, какое впечатление производит на окружающих, и это придавало ему в их глазах известные обаяние и притягательность.

Однако многие его знакомые того периода, прежде всего учителя, вспоминают совсем о другом Кассиусе — задумчивом, мечтательном и временами до крайности стеснительном. Им вторят и некоторые одноклассники, которые утверждают, что в компаниях, где были девушки, Клей временами просто терял дар речи. И это в том возрасте, когда многие негритянские подростки, даже в те пуританские 50-е годы, давно уже переходили в вопросах взаимоотношения полов от теории к практике. Однажды на вечеринке, где было много девушек, Кассиус вообще не смог поднять глаз от тарелки. Создается впечатление, что очень часто он начинал валять дурака только потому, что это было единственным способом спастись от собственной стеснительности. Когда куда более продвинутая в сексуальных вопросах одноклассница, которую он отважился проводить домой, начала на прощание учить его целоваться, Кассиус потерял сознание. Сначала она решила, что он, по обыкновению, придуривается, но Клей так тяжело упал, что она испугалась, побежала домой и принесла холодное мокрое полотенце, которое положила ему на лоб. Будущий бабник, впоследствии оставивший позади даже своего папашу, пришел в себя далеко не сразу.

Другая его особенность, довольно странная для одного из величайших боксеров в истории: он практически никогда не дрался. Те, кто знал его в юности, смогли вспомнить только два случая. В первый раз, когда он вместе с

последнего и говорил, что он боксер и не хочет никого калечить. В ответ ему смеялись в лицо и стали толкать и пихать. Когда оскорбления сделались невыносимыми, он пошел вместе с более здоровым противником на улицу с таким видом, словно его тащили туда на аркане.

Для победы ему хватило доли секунды и одного удара, после которого его обидчик рухнул без чувств. Когда Кассиус вернулся в закусную, второй забияка отшатнулся от него как от зачумленного. Легкая победа не доставила Клею никакой радости. Весь вечер он просидел страшно подавленный и так и не пришел в себя.

Во второй раз ему пришлось драться в 17 лет, причем со взрослым мужиком и хорошим уличным бойцом. Ранним утром Клей всегда совершал длинную пробежку в специальных утяжеленных башмаках. При этом он не просто бежал, а боксировал с тенью и бормотал себе под нос как молитву: «Я буду чемпионом в тяжелом весе. Вы все обо мне еще услышите. Я величайший». Впоследствии слово «величайший» стало его прозвищем.

По традиции в это время у одной закусной перед работой собирались мужики, чтобы поболтать за жизнь. Одного из них, Джина Пирсона, почему-то страшно раздражала «речевка» Клея, и в один прекрасный день он встал за фонарный столб в ожидании, когда Кассиус, читая свое заклинание, пробежит мимо него. Из-за поворота показалась долговязая, но еще достаточно мальчишеская фигура Клея. Когда он поравнялся со столбом, за которым в засаде прятался Джин, тот неожиданно выскочил на дорогу и нанес ему грамотный удар правой навстречу.

На долю секунды у Клея подогнулись колени, и мужикам, собиравшимся с удовольствием посмотреть, как их приятель вышибет дух из этого пацана, показалось, что он сейчас упадет. Однако колени Клея так и не коснулись земли. Вместо этого он мгновенно выпрямился и обрушил на Джина сумасшедшую серию ударов. «Они были такими быстрыми, что их просто не было видно», — рассказывал об этом эпизоде через много лет один из свидетелей. Кассиус прижал Джина не то к столбу, не то к стене закусной и безостановочно бил, не давая упасть. «Оттащите его от меня! Оттащите его от меня!» — кричал Пирсон, но желающих ему помочь не находилось. «Ты будешь, будешь чемпионом мира!» — заорал Джин. Тогда Клей остановился, повернулся и, ни слова не говоря, продолжил свою пробежку.

Когда он встретил эту компанию снова, друзья стали подначивать Джина: «Ну как, может, еще разок его ударишь?» Но тот вместо удара поприветствовал Клея словами: «Привет, чемпион!»

До римской Олимпиады 1960 года оставалось несколько месяцев.

Почему-то очень многие спортсмены и болельщики из самых разных стран, которые побывали на нескольких Олимпиадах, выделяют римскую как самую радостную, наполненную каким-то бесконечным счастьем. О террористах, придавших через 12 лет такой мрачный оттенок мюнхенской Олимпиаде, тогда никто и не слышал, спортивный форум еще не стал ареной борьбы американских негров против расовой дискриминации, как восемь лет спустя в Мехико. Наконец, до первых громких допинг-скандалов тоже было пока далеко. Европа (и Италия едва ли не в первую очередь) еще помнила войну и не устала радоваться ее отсутствию.

Все это важно, потому что, хотя Кассиус Клей наверняка стал бы чемпионом мира среди профессионалов и не выступив перед этим на римской Олимпиаде, без нее его чисто человеческое развитие было бы совершенно иным. Она пробудила в нем то, что до тех пор дремало и не находило выхода, хотя иногда и давало себя знать. Не случайно же он, так пренебрежительно относившийся к школьной программе, настойчиво пытался отстоять свое право написать сочинение о «Черных мусульманах», самом экстремистском негритянском движении, ставившем себе целью отделить здоровенный кусок от США, чтобы устроить там некие Черные Соединенные Штаты.

Кассиус был представителем нарождавшегося негритянского среднего класса, при этом жившим на юге Америки, где до упразднения сегрегации оставалось еще много лет. Клея с его сознанием собственной исключительности, наверно, и раньше бесило, что вход в большинство кафе, ресторанов и кинотеатров в родном городе был для него закрыт, но это была некая данность, к которой он привык и бунтовать против которой ему казалось невозможным. Во всяком случае, за школьные годы он только один раз принял участие в негритянском митинге протеста и, после того как какая-то женщина вылила на него ведро воды из окна, сказал, что больше этого делать не будет. Но в Риме он был почетным гостем, здесь никому и в голову не могло прийти преграждать ему путь куда бы то ни было, и это, наверно, произвело на него впечатление. Тем более что его статус здесь постоянно повышался по мере выигранных боев.

Его первый соперник, бельгиец Ив Бикоз, сложил оружие уже во втором раунде. Вторым противником Клея стал наш Геннадий Шатков.

Решение включить Шаткова, олимпийского чемпиона 1956 года в среднем весе, на излете его карьеры в сборную, несмотря на его неважную физическую форму, наверно, было ошибкой в принципе. Но захихнуть его в полутяжелый вес, для которого Шаткову просто не хватало габаритов и физической силы, стало кошмарным промахом. Кассиус, наоборот, уже перерос полутяжелый вес, в котором выступал, и не без труда «делал» его перед каждым боем. В результате получилась встреча перебравшего несколько килограммов возрастного средневеса и молодого, набирающего обороты тяжеловеса. Исход ее был предreshен. Клей выиграл бой в одну калитку, и в огромную заслугу Шаткову можно поставить, что он закончил встречу на ногах, хотя и пропустил очень много ударов.

В том же ключе Клей выиграл и полуфинальный бой с австралийцем Тони Мэдиганом, а в финале наступил черед знаменитого поляка Збигнева Петшиковского.

Поначалу казалось, что многоопытный Петшиковский сумел подобрать ключи к своему молодому противнику, но это только показалось. Клей перехватил инициативу и принял просто избивать Петшиковского,

пропустил больше ударов, чем за всю свою долгую карьеру. Сгонка веса ослабила Клея, в противном случае поляк не ушел бы от нокаута.

5 сентября 1960 года Кассиус стал одним из героев Олимпиады и в полной мере ощутил себя таковым. Героем он вернулся и в родной Луисвилл, и поначалу его там принимали соответственно. А потом произошел эпизод[^] который послужил стартовой точкой в новом этапе жизни Клея.

Сразу скажу, что, скорее всего, этого эпизода на самом деле не было. Просто Кассиус, с молодости на уровне инстинкта усвоивший все законы массовой культуры, сочинил его на вполне реальной основе, а от частого повторения со временем поверил в него сам.

В его собственном изложении все произошло следующим образом. Кассиуса с приятелем не пустили в привилегированное кафе за неподходящий цвет кожи. Тогда его друг принялся объяснять, что это не просто негр, а олимпийский чемпион. Охранники пожали плечами и все равно не пустили. Разъяренный Клей, который мог за несколько секунд превратить их в стонущие, лежащие в разных позах туши, но понимавший, что заплатит за это всей своей последующей жизнью, вылетел из кафе и в припадке бешенства забросил свою олимпийскую медаль в реку.

Здесь все изложено по законам голливудского боевика. В развлекательном кино нет времени показывать, как какое-то чувство созревает в герое. Нужен яркий эпизод, который переворачивает всю его жизнь. Действительность, по словам людей, знавших Клея в те годы, была намного проще и еще печальнее. Что касается медали, то он так носился с ней и стольким людям показывал, что в конце концов просто потерял. Так что в этой части его рассказ — полная фикция, а вот в самые разные места его действительно не пускали, причем далеко не один раз, и, после того как он ощутил себя в Риме на крыше мира, Клей больше не мог примириться с тем, что раньше было вполне привычной, хотя и неприятной составляющей его жизни.

Однако Кассиус и в 19 лет был умным и расчетливым человеком. Он прекрасно понимал, что еще не настало время возвышать голос. День гнева наступит позже, когда уже никто и ничто не сможет его остановить. Собственно, ничего нового он здесь не придумал, а шел по стопам Джека Джонсона, который тоже объявил открытую войну белым лишь тогда, когда стал чемпионом мира.

В 1957 году в Луисвилл вместе со своим учеником Вилли Пастрано приехал известный тренер профессионалов Анджело Данди. Кассиус позвонил ему в отель и выпалил следующий текст: «Меня зовут Кассиус Марцеллус Клей. Я победитель турнира «Золотые перчатки» города Луисвилла, Скоро я выиграю (общамериканские) «Золотые перчатки», а в 1960-м выиграю Олимпиаду, и я хочу поговорить с вами».

Наверно, Данди слегка ошалел от такого напора, но он был хорошим и, главное, любопытным человеком, а потому пригласил Кассиуса к себе. Тот пришел и три часа мучил Данди бесконечными вопросами: чем питаться, сколько времени бить по мешку, сколько спарринговать, какую технику прежде всего отрабатывать, сколько бегать — и так без конца. Анджело ответил на все его вопросы и пожелал удачи.

Через два года Данди снова оказался в Луисвилле, и снова с ним был Вилли Пастрано, который к тому времени стал многообещающим полутяжелом. Клей напомнил о себе и пришел к Данди. Увидев Пастрано, Кассиус стал умолять Данди разрешить ему поспарринговать с ним. Анджело считал, что профессионалов и любителей не стоит сводить в спаррингах, но Кассиус так упрашивал его, что он наконец согласился. Дальше началось то, что с позиции сегодняшнего дня кажется единственно возможным, но тогда производило ощущение настоящего чуда. Кассиус кружил вокруг растерявшегося от его скорости Пастрано, разрывал дистанцию, наносил несколько острых, молниеносных ударов и уходил от контратаки. На Данди неизгладимое впечатление произвело то, как здорово Клей уходил от атак Пастрано, причем часто с ударом. А это уже высший пилотаж, которого трудно было ожидать от 17-летнего парня. Видя отчаянное лицо Пастрано, Данди остановил спарринг. «Черт! — сказал Пастрано. — Этот малец вышеб из меня дух».

Пастрано через четыре года стал чемпионом мира в полутяжелом весе. А Данди больше уже не терял связи с Клеем.

Первый бой на профессиональном ринге Клей провел 29 октября 1960 года с очень неплохим бойцом Тинни Хунсакером, сочетавшим занятия боксом со службой в полиции. Встреча получилась несколько труднее, чем ожидалось. После Олимпиады прошло меньше двух месяцев, и Клей просто не успел еще набрать форму. Тем не менее он без больших проблем переиграл Хунсакера, который какое-то время после боя не мог открыть глаза. После встречи они дружески поболтали, и Кассиус сказал Тинни, что тот один раз так достал его левым хуком, что ему показалось, что «из него выскочит тот гамбургер, который он съел перед боем». А Хунсакер после боя говорил всем и каждому, что Клей станет чемпионом мира, как только ему предоставят такую возможность.

Хунсакер знал, что говорил. Как мы помним, через несколько месяцев, 6 февраля 1961 года, Клей случайно столкнулся в спортзале с экс-чемпионом мира шведом Ингемаром Юхансоном и устроил ему настоящую порку.

Всего с октября 1960 до конца 1962 года Клей провел 16 боев, и только три его противника без всяких надежд на победу смогли дотянуть до финального гонга. Но запомнили его отнюдь не только благодаря победам.

Его прозвали Большой Рот, что соответствует русскому «трепло».

Многое в русской литературе вышло из гоголевской «Шинели», и почти все в современном боксе пошло от Кассиуса Клея. Если это и преувеличение, то только не в том, что касается слияния бокса с шоу-бизнесом. Здесь Клей стал настоящим пионером. До него были лишь природные звезды, вроде Джона Л. Салливана, Джо Луиса или Рокки Марциано. Предшественником Клея может считаться только Джек Джонсон, тоже большой мастер эпатировать

Джон Л. Салливан вел себя как король, не потому что это было полезно для дела, а потому что именно так себя ощущал.

Немногословный Луис был настоящим героем своего предвоенного и военного времени. «Мы победим, потому что сражаемся на стороне Бога», — сказал Джо Луис. Так говорят не деятели шоу-бизнеса, а герои, каким и был Луис по своей сути.

Рокки Марчиано умел вести себя как настоящий джентльмен, и умел очаровывать публику, но без своего непобедимого послужного списка он никогда бы не стал тем, кем стал для большинства американцев. Собственно, и звездой-то он сумел по-настоящему стать, только уже завоевав титул.

Несмотря на всю свою популярность, эти боксеры, как и все остальные, не смогли перешагнуть грань между спортом и индустрией развлечений, да они и не ставили себе такой задачи. Это сделал Кассиус Клей где-то между 1960 и 1964 годами.

Он был молод, красив и умен. Имея эти качества, молодой Клей тем не менее выбрал амплуа отвратительно наглого, крикливого психа. Этим он убил сразу двух зайцев: о нем начали писать и его стали опасаться другие боксеры, считавшие, что имеют дело с сумасшедшим. Там, где он появлялся, у всех присутствующих через несколько минут закладывало уши. Он не давал никому слова сказать, кричал, что он самый лучший, что никто ему в подметки не годится, в стихотворной форме предсказывал, в каком раунде нокаутирует своего противника, заявлялся в тренировочный лагерь к своему будущему сопернику и устраивал там кошачий концерт, цеплялся к каждому слову окружающих и тут же вышорачивал его наизнанку. «Ты можешь закрыть свой рот?» — спросил его как-то вконец измученный репортер. «Это невозможно», — ответил Кассиус, и неожиданно на его лице вместо выражения дебила, страдающего манией величия, появилась добродушная, но безмерно хитрая улыбка: он отлично знал, что делал. Он раскрутил себя так, как это не смогли бы сделать 10 профессиональных пиарщиков, вместе взятых.

Клей стал антизвездой. Миллионы телезрителей прилипали к экранам в надежде увидеть, когда же его, наконец, побьют. Впоследствии Кассиус Клей, поменявший к тому времени не только имидж, но и имя, отбросил эту маску за ненужностью, показал свой поистине героический характер и стал национальным символом, сравнимым только с однодолларовой купюрой, некой единицей измерения национального мужества. Он остается этим символом по сей день, несмотря на болезнь Паркинсона, являя собой образ человека, чей дух не может быть сломлен ничем.

Кассиус Клей сделал еще одну вещь. Он многократно увеличил гонорары. Джо Луис, бывший символом своей сражающейся страны, заработал за всю свою карьеру чуть больше 4 миллионов долларов. Клей примерно за тот же период времени — около 60 миллионов, что несоизмеримо, даже учитывая инфляцию доллара. Оказывается, быть шоуменом куда более выгодно, чем национальной гордостью. Впрочем, кто бы сомневался.

Кассиус начал эпоху, в которой было важно не только и даже не столько то, что делает боксер на ринге, сколько то, как он продает себя за его пределами. Если ты этого не умеешь — звездой тебе не стать никогда, каким бы мастером своего дела ты ни был.

Амплуа антизвезды обременительно, потому что ты теряешь право на поражение. Если тебя любят, то поражение тебе простят, если не любят — тебя с удовольствием затопчут. Сан-ни Листон, который в определенной степени тоже был антизвездой, прекрасно это понимал, как следует из его известного высказывания о плохих и хороших парнях. Санни Листон не давал себя бить. Не давал себя бить и Кассиус Клей. Но если Листон в качестве бойца был в общем и целом понятен своему времени — против лома, то есть в данном случае против ломовой силы Санни, нет приема, то Клей был до некоторой степени загадкой. Часто даже серьезные специалисты поначалу не знали, как к нему относиться.

Как боксер, Кассиус Клей был таким же новым явлением, как и шоумен. Это сейчас его девиз «порхать, как бабочка, жалить, как пчела» стал общим местом и самой затасканной цитатой о боксе, а тогда это было в новинку, как и все, что он делал.

Первое, что сразу бросалось в глаза, — это его скорость. Многие из его противников говорили, что они не то что не успевали среагировать на его удары, но просто их не видели. Но все-таки такие быстрые руки к тому времени на ринге зрители уже повидали у Флойда Паттерсона и могли убедиться, что сами по себе они не спасают от нокаута даже в первом раунде.

Другое дело — передвижения Клея по рингу. Он как будто перемещался во все стороны одновременно, ставя противника в тупик, и при этом в самый неожиданный момент «стрелял с обеих рук». Разобраться в том, что он делает, было непросто даже со стороны. Что уж говорить о его несчастных противниках. Случаи с Пастрано и Юхансоном в данном случае очень показательны. Кассиус был необыкновенно легок на ногах, и догнать его боксеру атакующего плана, каких среди тяжеловесов абсолютное большинство, оказывалось практически невозможно. Вместе с тем его отходы таили в себе очень большую опасность для противника, потому что это были далеко не пассивные оборонительные действия, а своего рода боксерская сици-лианская защита, то есть защита нападением. Клей великолепно перехватывал атаки, и его коронный правый кросс навстречу, который он наносил так, что его почти не успевали увидеть, для очень многих оборачивался нокаутом. Кассиус, как уже говорилось, еще до Олимпиады умел уходить в сторону с ударом, и у него был самый быстрый левый джеб в истории тяжелого веса, который работал с методичностью отбойного молотка.

Однако все попытки проанализировать его стиль обречены на неудачу. Позже о нем скажут, что он загубил целое поколение тяжеловесов, которые пытались повторить то, что он делал на ринге. Обычный, даже очень

потому что фантастически владел защитой корпусом, когда этого не умел еще почти никто, как никто другой нутром чувствовал противника и читал его действия: боксерский инстинкт он довел в себе до абсолюта. Однако в боксе никакой инстинкт не спасет от ударов. Их пропускают все, но Клей умел амортизировать удары в последний момент, откидывая голову или чуть-чуть изменяя направление удара, подставив руку. Чтобы суметь это сделать, надо только увидеть удар, хоть в самый последний момент, а Клей видел все удары.

Однако кое в чем его стиль все-таки поддается логическому объяснению. Основа бокса — это не удар, как многие думают, и уж тем более не защита сама по себе. Главное — это чувство дистанции. Бокс — очень тонкий вид спорта, где все держится на сантиметрах, и именно умение чувствовать эти сантиметры в первую очередь определяет успех. Клей чувствовал миллиметры. Отдельные моменты его боев нужно обязательно смотреть в замедленном варианте, а то и по кадрам. Тогда становится видно, что многие удары, которые он, как могло показаться, пропустил, на самом деле не представляли собой опасности, так как чуть-чуть не достигли цели или пришлись только мякотью перчатки. Это можно счесть везением, но в боксе не везет тысячу раз подряд.

Сам Кассиус хотя и обладал достаточно сильным ударом, но все же в этом компоненте уступал очень многим. Однако он с лихвой компенсировал несильный удар точностью и своевременностью, именно поэтому одним своим правым кроссом, выброшенным точно в челюсть навстречу, он часто отправлял противников в глубокий нокаут.

В общем, Клей был совершенный боец, но в начале 60-х это в полной мере могли оценить только те, кто ему проигрывал. Остальные в своей массе оказались не готовы к восприятию столь нового явления.

Его первые скромные соперники ничего не смогли с ним поделать. Один из них, Санни Бэнкс, правда, сумел послать Кассиуса в нокдаун, но Кассиус отнюдь не был этим потрясен и в четвертом раунде нокаутировал его. Первым, как считали, серьезным испытанием должен был стать для Клея бой с эксчемпионом мира в полутяжелом весе Арчи Муром, которого ранее привлекли для его тренировок, но Кассиус расправился с ним быстрее, чем Марчиано и Паттерсон. Уже в четвертом раунде Мур был нокаутирован.

После этого боя многие стали говорить, что в принципе Клея можно выставить против Санни Листона, к тому моменту уже чемпиона мира, но без всяких шансов на успех — просто для того, чтобы раз и навсегда заткнуть этот большой рот. Однако Клея еще ждали серьезные испытания, которые были ему совершенно необходимы. В противном случае у него мог бы развиваться комплекс собственной непобедимости, который никого еще до добра не доводил.

13 марта 1963 года в своем 18-м бою он встретился с известным боксером Дагом Джонсом. Перед встречей Кассиус, как обычно, в стихотворной форме предсказал, когда нокаутирует своего противника. На этот раз он написал даже два стихотворения, в первом сказал, что сделает это в восьмом раунде, но потом решил, что хватит и четырех, и написал второе.

Однако на сей раз его пророчество не сбылось. Джонс, сильно уступавший Клею и в росте и в весе, дал неожиданно упорный бой. Публике, крепко не любившей Клея, даже показалось, что он одерживает верх. Дат обладал мощным разовым ударом, и именно на него он и сделал ставку. Его тяжелые удары время от времени доходили до цели, на что Кассиус отвечал сериями. Может, бил он и чуть слабее, зато попадал куда чаще.

Из девяти первых раундов рефери, который в том бою тоже вел подсчет очков, отдал Клею семь — при одном проигранном и одном ничейном, но это ничего не значило, так как двое боковых судей отдали каждому из противников по четыре раунда при одном ничейном. Таким образом, исход поединка зависел от последнего раунда.

Сейчас, когда смотришь этот бой, создается впечатление, что в записке рефери было больше правды. Вполне возможно, очки, выставленные боковыми судьями, в значительной степени продиктованы предвзятостью, тем более что зал нью-йоркского Медисон-сквер-гардена рьяно болел за Джонса и шумно приветствовал любые его действия, которые хотя бы казались результативными. С другой стороны, судьи, вполне возможно, попали в давно известную ловушку. Состоит она в следующем: если один из боксеров является заведомым фаворитом, а второму отведена роль мальчика для битья, активные действия последнего кажутся более результативными, чем на самом деле. Судьи просто не привыкли к тому, чтобы кто-то оказывал Клею хоть сколько-то достойное сопротивление, и поэтому редкие результативные атаки Джонса производили на них более сильное впечатление, чем следовало.

Кассиус чувствовал не только соперника, но и судей, и в последнем, десятом раунде он все расставил на свои места. Он выиграл его в одну калитку и добился победы в матче, хотя аудитория встретила судейское решение неодобрительным гулом. Но это уже мало что меняло.

В тот день в зале был Санни Листон. Когда его спросили, что Кассиус Клей показал ему в этом бою, Санни ответил: «Он показал мне, что, если я когда-нибудь встречу с ним на ринге, меня после боя посадят за убийство».

Однако следующим соперником Клея стал не Листон, а англичанин Хенри Купер. Старина Энри, как его называли в Великобритании, пародируя его просторечный акцент кокни, пользовался у себя на родине фантастической популярностью за добрый, компанейский характер, бескомпромиссную манеру ведения боя и чудовищный левый хук, которым он отправил в нокаут абсолютное большинство своих противников. Однако у него были и два недостатка. Первый, обычный для скрытых левшей, то есть левшей, боксирующих как правши, в обычной левосторонней стойке, каким, видимо, и был Купер, — он в недостаточной мере владел правой рукой, которая не слишком помогала ему в бою. Второй был еще более серьезным. Острые надбровные дуги и скулы Старины Энри приводили к тому, что практически в каждом бою он получал рассечения и начинал буквально истекать кровью. Острия даже говорили, что лицо Купера начинает кровоточить еще до первого удара гонга.

Поначалу казалось, что так оно и выйдет. Но в четвертом раунде один из левых хуков Купера достал Клея, и он стал отступать. Старина Энри был слишком опытным бойцом, чтобы не почувствовать, что если у него есть хоть какой-то шанс на победу, то он появился именно сейчас, и бросился за ним. Секунд за пять до конца раунда его левый хук достал челюсть Клея, и тот упал как подкошенный. Впоследствии Кассиус доказал, что умеет боксировать и на автопилоте, но тогда абсолютно все зрители сочли, что от нокаута его спас гонг.

Клей встал задолго до того, как рефери мог закончить счет, и пришел в свой угол походкой человека, который из последних сил держит перпендикуляр. Его усадили, но секунд через десять он ни с того ни с сего встал, чтобы продолжить бой, явно не до конца понимая, что происходит вокруг. Его снова усадили и начали приводить в себя.

В начале раунда стало очевидно, что он еще не до конца очухался, но умело уходил от атак Купера. И здесь секунданты Клея неожиданно потребовали, чтобы бой прервали — они указали на то, что кожа на одной из перчаток Кассиуса потрескалась и стала вылезать набивка. По правилам в таких случаях бой останавливается — и боксеру меняют перчатку. Надо ли говорить, что команда Клея не старалась сделать это как можно быстрее?

Когда с перчаткой наконец разобрались, Кассиус окончательно пришел в себя и устроил Куперу настоящую трепку, а рефери вскоре остановил бой, из-за того что у британца кожа на лице, как обычно, стала расползаться «по швам».

Позже много говорили о том, что секунданты сами распоролы перчатку Клея между раундами, но существует фотография одного из моментов четвертого раунда, на которой отчетливо видно, что дыра в перчатке уже есть. С другой стороны, менеджер Али Анджело Данди вроде бы признавался, что он слегка расковырял эту дырку пальцем. Так это или нет — сейчас уже сказать невозможно. В тот момент было важно, что Клей победил, препятствий к бою за титул больше не осталось, и он начал готовиться к встрече с Листоном.

Если раньше поведение Кассиуса Клея было временами, скажем, не совсем адекватным, то теперь он, казалось, потерял всякое чувство меры. Он буквально преследовал Листона. Едва тот успевал появиться в каком-нибудь общественном месте, как вскоре там же, часто с шумной компанией, появлялся Клей и устраивал нечто среднее между клоунским представлением и скандалом. Он называл Листона «большим безобразным медведем» (в английском это выражение, *big ugly bear*, очень короткое и произносится залпом), очень смешно передразнивал его и всячески оскорблял.

Во время одного из таких представлений Листон сказал ему: «А ну-ка, сынок, пойдем выйдем». Когда они остались одни, Санни посмотрел на него своим кровоостанавливающим взглядом и сказал: «Ты сейчас соберешь свои манатки и своих придурков и уберешься отсюда подобру-поздорову». И Кассиус спасовал. Прекрасно понимая, что умный Листон не станет устраивать драку, за которую ему грозит очередной срок, он все же уехал.

Существует и несколько иное описание этой сцены, которое приводит, например, обозреватель «Sports Illustrated» Уильям Нэк. Согласно этой версии, Листон сам подошел к стоявшему к нему спиной Клею, когда увидел его в известном казино «Тандерберд». Кассиус обернулся, и тогда Листон слегка ударил его в грудь тыльной стороной ладони. «Зачем ты это делаешь, Санни?» — спросил Клей, который выглядел слегка испуганным. «Затем, что уж очень ты свеженький мальчик», — ответил Листон, после чего повернулся и ушел, сказав по пути своему приятелю, который пришел вместе с ним: «Я сломал этого маленького засранца».

В сущности, неважно, что именно там произошло, важно лишь то, что Клей как-то спасовал перед Листоном. Что происходило в его душе после этого фиаско, знает он один, но вскоре Кассиус снова вышел на тропу войны, и как вышел! Многие даже стали высказывать сомнения в его нормальности, и к нему приклеилось слово «псих». Между тем в поведении Клея была своя система, которую тогда мало кто разглядел. Через несколько лет он рассказал, как тщательно был продуман каждый шаг. Цель преследовалась одна: лишить Листона психологической устойчивости и уверенности в себе. Клей знал, что нет человека, которого бы Листон боялся. А как насчет сумасшедшего? Может, именно его Листон будет хоть немного опасаться? Он даже не подозревал, как блестяще попал в точку. Впрочем, до того времени, когда зерно сомнения относительно его нормальности, посеянное в голове Листона, дало ростки, было еще далеко. А пока Клей вместе со своим другом Бундини Брауном, которого часто называли «экспертом по безумию», стал устраивать совершенно немыслимые спектакли.

Кассиус просто перестал давать проход Санни и даже ночью лишал его покоя, устраивая у него под окнами кошачьи концерты. Во время одного из них потерявший над собой контроль Листон вылетел из дома и сцепился с Клеем. Но на этот раз Кассиус не спасовал. Их вскоре разняли, но, когда растаскивали, взгляд у него был такой же яростный, как и у Санни. Но Листон не обратил внимание на то, что его, похоже, перестают бояться. Он просто не мог себе этого представить.

Внешне Листон оставался самим собой. «Единственное, что меня беспокоит, это как я выну кулак из такого большого рта», — сказал он незадолго до боя, который состоялся 25 февраля 1964 года.

Накануне на взвешивании Клей устроил нечто невообразимое. Он орал как резаный, не переставая угрожал Листону и метался по комнате как безумный. Санни в ответ и глазом не моргнул, а только посмотрел на Кассиуса и показал ему два пальца — по пальцу на каждый раунд, которые, как он полагал, Клей продержится против него. Практически все свидетели этой сцены решили, что Кассиус напуган до смерти. Врач измерил ему давление и пульс, которые, как и следовало ожидать, оказались запредельно высокими, и сказал, что, если он хоть немного не успокоится, бой придется отменить. Клей совладал с собой, и на этом все закончилось.

Через несколько часов к Кассиусу зашел известный спортивный врач Ферди Пачеко, который

Пачеко, вскоре ставшего пожизненным другом Клея, как откровение дошла мысль, что Листон «никогда не победит этого умного мальчика», как он скажет немного позднее. Ферди был одним из немногих, кто перед этим боем поставил большую сумму денег на Клея, а ставки заключались из расчета 7 к 1 в пользу Листона.

Бой, как всегда, начался с ледяного взгляда Листона. Но уже здесь молодому сопернику удалось то, что не удавалось еще никому. Он отразил страшный, холодный взгляд Санни своим ничуть не менее свирепым. Листон на это внимания не обратил.

Удивиться в тот день очень многим пришлось еще перед! боем. Как уже говорилось, Санни вызывал такой ужас, что многие считали, что он гораздо выше, чем был на самом деле, а здесь! они вдруг увидели, что Клей, чей рост составлял 190 см, был! прилично выше чемпиона и весом примерно равен ему (95,5 кг — у Клея и 98,9 — у Листона).

Перед боем Кассиус, как всегда, в стихотворной форме! предсказал, что нокаутирует Листона в восьмом раунде. Это вызвало смех. Вопрос ставился совсем не так: продержится ли; он до конца хотя бы первого раунда. Однако были и такие, кто верил в Клея. Один из них сказал: «Клей победит, потому что может двигаться назад быстрее, чем Листон вперед».

Именно это Кассиус и принимается делать в первом раунде. Листон за ним не поспевает и все время мажет. Его левый хук постоянно рассекает воздух. Клей время от времени достает его жалящими ударами, пока наконец секунд за 30 до конца раунда не переходит в результативную затяжную атаку, которая, приносит ему победу в раунде.

Ни боксеры, ни рефери не слышат гонга, возвещающего о конце раунда, из-за чего он затягивается еще на несколько секунд. Джо Луис, который вместе с обозревателем Стивом Эллисом комментирует матч в прямом эфире, говорит: «Это лучший раунд, который я видел за долгое время. Мне кажется, Кассиус Клей добился полного преимущества над Санни Листоном в этом раунде». И это говорит большой друг Листона, который перед боем не сомневался в его победе. Правда, Джо всегда славился своей честностью и принципиальностью.

Видимо, Клей потратил слишком много физических и еще больше эмоциональных сил в первом раунде, и поэтому второй выходит несколько скомканным, Листон чуть более активен, но практически все его попытки достать Кассиуса, прежде всего левым хуком, который раз за разом пролетает в считанных сантиметрах, а то и миллиметрах от головы Клея, безуспешны. Когда Санни атакует, Кассиус начинает раскачиваться, как перевернутый маятник, и удары почти все время идут мимо цели. Раунд равный, но при большой симпатии к Листону ему можно отдать в нем победу за чуть большую активность.

Третий раунд становится для Санни катастрофическим. На первой же минуте Клей потрясает его серией ударов и, что еще хуже, наносит сильное рассечение под левым глазом. Листон неудачно контратакует, на что Кассиус отвечает сначала одной атакой, а потом другой. Его не очень сильный, но быстрый правый кросс все время достает Санни. В конце раунда Клей немного устает, и Листон начинает контратаковать, главным образом, левым джебом, но в основном мажет и раунд безоговорочно проигрывает.

В четвертом раунде Листон снова атакует и снова мажет. Клей утекает от него как ртуть. Качая свой маятник, он все время уходит от ударов Санни и время от времени контратакует. Раунд в целом равный, но в конце с Кассиусом что-то происходит, причем ясно, что это не следствие ударов Листона. Санни, может быть, и выигрывает этот раунд, но с минимальным преимуществом. Хотя можно отдать победу и Клею, который наносит Санни еще одно рассечение, теперь уже под правым глазом. В целом, по справедливости, из двух равных раундов, второго и четвертого, один надо было бы отдать Листону.

Клей возвращается в свой угол, и комментатор Эллис спрашивает Джо Луиса: «Ну как, удивляет вас Кассиус Клей?» «Кассиус Клей удивляет весь мир», — отвечает Джо.

Между тем в углу происходит нечто непонятное. Клей усиленно моргает, как будто ему в глаз попала соринка. На лице у него боль и отчаяние. У него явно очень болят глаза, и он плохо видит. Минута отдыха подходит к концу, а он все пытается «выморгать» что-то. Секунданты почти выталкивают его навстречу Листону. Джо Луис говорит, что у Клея что-то не так с глазами, но все, в том числе и Санни, видят это сами.

Листон атакует, но он явно устал. Клей, который по-прежнему мало что видит, либо отступает, либо вяжет ему руки. Иногда он пропускает удары, но на удивление мало, учитывая его состояние. Его феноменальное чувство противника, похоже, хоть и с грехом пополам, но выручает его.

Тем временем в углу разыгрывается своя драма. Бундини Браун обрушивается на Анджело Данди с обвинениями, что тот что-то подмешал в воду, которой протирал лицо Клея. В ответ Данди зачерпывает пригоршней воду и всю ее чуть ли не выливает в свои глаза. Никакого эффекта.

Клей, похоже, как-то приспособляется к своему положению. Он по-прежнему время от времени пропускает удары, но ни один из них не приходится чисто. Создается впечатление, что зрение к нему вернулось, но он очень устал и ждет гонга, который наконец и раздастся.

Шестой раунд начинается, как и третий, активной работой Клея. Секунд через тридцать он наносит отличный правый кросс. Листон вымотан, но сопротивляется. Клей без устали жалит его джебом, а потом атакует сериями. Санни явно работает из последних сил, но все, что ему удастся, это нанести последний удар в раунде — усталый левый джеб, который Клей к тому же почти полностью нейтрализует, откинув голову. Листон возвращается в свой угол «походкой» изможденной лошади, отработавшей в поле от зари до зари, а Клей — как молодой жеребец, который завидел невдалеке симпатичную кобылку. Джо Луис говорит: «Листон и его команда очень обеспокоены. Они

Однако теперь что-то малопонятное происходит уже в углу Листона. Он не выходит на седьмой раунд. Кассиус в прыжке взвивается в воздух: он сделал то, во что кроме него самого, Данди, Бундини и Пачеко верило всего несколько человек — победил и стал чемпионом мира.

Бой был прекрасен, но последовавшее за ним, — безобразно. «Я лучшее, что есть в мире!» — завопил Клей. Зал гудел. Никто не понимал, почему Листон не вышел на седьмой раунд. «Начинается бедлам», — сказал комментатор Стив Эллис. Увидев Джо Луиса, Клей заорал: «Подвишись, Джо!» — явно имея в виду место на некоем виртуальном троне чемпиона в тяжелом весе всех времен, который до сих пор безраздельно занимал Луис и на который теперь метил Клей. Со временем он по праву займет это место, правда, так до конца и не вытеснив оттуда Джо Луиса, но пока это заявление выглядело наглым и омерзительно хамским. Впрочем, у Клея был зуб на Луиса: перед боем тот слишком безоговорочно предсказывал победу Листона и достаточно неуважительно отзывался о нем. «Посмотрите на меня, — орал Кассиус, — я только что побил Санни Листона, а у меня на лице нет никаких следов!» «Съешьте все, что вы говорили обо мне!» — это уже представителям прессы. «Я потряс мир!!!» — а это всему миру, действительно потрясенному, насколько мир может быть потрясен боксерским матчем. Легкие и глотка у Клея были развиты на зависть. «Мне только что исполнилось 22 года, только 22, а я чемпион мира в тяжелом весе... Чемпион мира в тяжелом весе... Я потряса-а-ающий! — Клей перекрикивал весь зал. — Я величайший... я величайший... я величайший! — снова и снова повторял он, как будто кто-то с ним спорил. — Я познал Бога, настоящего Бога», — надрывался Кассиус. В тот момент на эту фразу никто не обратил внимания. Среди боксеров много религиозных людей, и они часто воспринимают свою победу как победу добра над злом. Однако, как стало понятно очень скоро, Клей имел в виду не только добро и зло.

«Ты обещал нокаутировать Листона в восьмом, а бой закончился раньше», — сказал Стив Эллис. «Он специально прекратил бой раньше, чтобы я не выглядел таким великим! — проревел Клей на весь зал. И неизвестно к чему тем же благим матом завопил: — Я красивый! Я потряс мир!» В этот момент он выглядел действительно сумасшедшим и небезопасным.

Джо Луиса послали выяснить, что произошло с Листоном, и он тем временем вернулся с известием, что тот травмировал левое плечо — «что-то вроде вывиха». Услышав это, Клей взвился от негодования: «Конечно, вывихнул! А кто бы не вывихнул, если бы весь вечер мазал мимо цели!» Здесь он был, конечно, прав. Самое страшное оружие Листона оказалось против него бессильным.

«Перед боем я сказал тебе, Стив, что разберусь с ним в седьмом раунде! Подтверди это!» — обратился Кассиус к комментатору. «Да, ты сказал это», — ответил Эллис, который хотя и был измотан, но явно получал от всей этой безумной сцены какое-то удовольствие. Видимо, он понял, что Клей его сейчас бесплатно рекламирует.

Но, пожалуй, самые потрясающие воспоминания о том вечере оставил один из величайших тренеров уже прошедшего века — Лу Дува, который в момент, когда все стали расходиться, оказался между Рокки Марчиано и Джо Луисом: «Я поднял глаза и увидел, как Рокки вдруг побежал из зала, как будто собрался потренироваться, — так его вдохновило то, что только что показал этот малыш на ринге. Это было просто невероятно. А потом я увидел, как Джо Луис побежал рядом с ним. Было такое ощущение, что всех нас захватило волшебство этой ночи, и ничто на свете не могло опустить нас на землю». Прав Дува — человек немного взбалмошный и чуть-чуть сумасшедший. В одном из своих последних интервью он сказал, что Лу и Марчиано решили пробежаться потому что были потрясены тем, сколько Клей заработал за этот бой и сколько заработает в следующем. Не очень логичное объяснение, но что еще ожидать от Дувы?

Почти сразу же после боя заговорили о том, что результат матча подтасован, имея в виду прежде всего мафиозные связи! Санни Листона. При ставках 7 к 1, зная результат заранее, можно заработать очень большие деньги. Однако самое тщательное расследование не дало на этот счет никаких результатов. Никаких феноменальных выигрышей ни на официальном, ни на подпольном тотализаторе, о котором полиция знала практически все, зарегистрировано не было.

Затрачено немало журналистских усилий на доказательство; что травма Листона была надуманной. Между тем травму Листон, скорее всего, действительно получил, так как трудно не потянуть мышцу или сухожилие, все время промахиваясь мимо цели длинным левым хуком, выброшенным со всей силой, —: здесь Клей был совершенно прав. Вопреки разлетевшимся по всему миру газетным уткам, никакой врач никогда не опровергал то, что Санни получил во время боя травму левого плеча. Правда, на проверку эта травма оказалась не вывихом, а сильным растяжением плеча и бицепса с разрывом нескольких мышечных волокон в последнем. Другой вопрос: капитулировал Листон из-за травмы или по какой-то иной причине?

На этот счет существуют два мнения. Первое — от подобной травмы боксер действительно может на короткое время потерять способность не то что бить этой рукой, а вообще держать ее на весу, и Листон, оказавшись в такой ситуации, счел за благо сдаться. Другое мнение — травма носила исключительно или почти исключительно дипломатический характер. Листон с сентября 1960 года не проводил на ринге больше шести раундов. Люди из его команды говорили, что в этой встрече он готовился максимум к трем. Силы его явно таяли, что стало совершенно очевидно еще в пятом раунде, когда он не смог догнать наполовину ослепшего Клея, а в шестом дело запахло концом. Джо Луис уже после боя несколько раз на разные лады повторил фразу, которой закончил репортаж о самой встрече: «Клей вел дело к победе». Напомню, это говорил большой друг Санни Листона, не питавший к Кассиусу Клею никаких дружеских чувств. В таких обстоятельствах Листон вполне мог решить, что лучше закончить бой сидя на стуле, чем лежа

Что до разговоров, что Листон придерживал удары и вообще подозрительно щадил Клея, так это вообще полный бред. Множество раз, как уже говорилось, удары Листона, и прежде всего его знаменитый левый хук, пролетали в считанных сантиметрах, а то и миллиметрах от головы Клея и даже приходились вскользь. Любой боксер скажет, что преднамеренно так филигранно, тем более столько раз, промахнуться невозможно — слишком велик риск попасть в точку.

Что касается малопонятного эпизода в пятом раунде, когда Клей почти ничего не видел, то, согласно официальной версии, ему без всякого злого умысла с чьей бы то ни было стороны в глаза попала едкая вязущая мазь, которую между раундами втирали в покоруженное лицо Листона. Однако в этой истории есть свои странности. Во-первых, Эдди Мэкен и Кливленд Уильямс, дравшиеся с Листоном, и отнюдь не безуспешно, особенно Мэкен, продержавший против него все 12 раундов в 1960 году, после боев с ним говорили, что у них тоже творилось что-то непонятное с глазами, когда они дрались с Санни. Во-вторых, близкий друг Листона Джек Маккинни утверждает, что Джо Поллино, один из тренеров Санни, сознавался ему, что перед четвертым раундом боя с Клеем, когда дело запахло керосином, Листон сам попросил его втереть ему в перчатки едкую вязущую мазь, что Поллино и сделал. Впрочем, официально эта версия вроде бы никогда не была подтверждена, и уже не будет, так как самого Листона давно нет в живых.

Кстати, в нашей околоспортивной прессе получила хождение совсем уж абсурдная версия, согласно которой Листон выиграл как минимум пять раундов из шести, а Клей вообще ничего, кроме ругани, его атакам противопоставить не мог, и после этого Санни вдруг сдался. Ее авторам стоило бы посмотреть этот бой, прежде чем о нем писать, а уж если лень тратить время, то хотя бы взглянуть на фотографии Клея и Листона после боя. На лице Кассиуса действительно, как он и говорил, нет практически никаких следов, а вот лицо Санни, все в рассечениях, кровоподтеках и шишках, представляет собой настоящее поле битвы. Видно, у Клея была какая-то одному ему ведомая манера выигрывать.

Однако если оставить в стороне подобные курьезные заявления, все же надо сказать, что тогда, в 1964 году, многие люди, в том числе и близкие к боксу, оказались просто не готовы к тому, что непобедимого, как они полагали, Листона одолеет боксер, главным достоинством (или недостатком) которого они считали большой болтливый рот. Но вскоре время всех расставило на свои места — и Клея, и Листона.

Кассиус Али, Мохаммед Клей

Буквально на следующий день после своей победы Кассиус Клей заявил, что он уже некоторое время назад принял ислам, вступив в секту «Черные мусульмане», о которых когда-то в школе хотел написать сочинение, и теперь его зовут Мохаммед Али. Кто-то тут же вспомнил загадочную фразу о взаимоотношениях с Богом, оброненную им после боя с Листоном, но в целом это сообщение поначалу не вызвало большого ажиотажа. Просто клоун выкинул очередной номер, чтобы привлечь к себе внимание.

Отношение к Клею-Али после этого стало только хуже. К неграм-чемпионам в тяжелом весе в Америке уже давно привыкли, но к тому, чтобы они занимали радикальные позиции по расовым вопросам, — еще нет. Надо учитывать, что все это происходило на фоне бурного развития двух встречных движений в общественно-политической жизни Америки тех лет. С одной стороны, негры, в том числе и в южных штатах, цитадели расизма, стали поднимать головы и все громче заявляли о своих правах. С другой стороны, в тех же южных штатах как на дрожжах росла активность ку-клукс-клана, а на севере, в том числе и в Вашингтоне, руководящие посты занимали люди, придерживавшиеся не то чтобы враждебных, а, скажем так, традиционных для того времени взглядов по отношению к неграм.

Объявить себя черным мусульманином в такой ситуации было вызовом, и не слишком многочисленное, но очень активное меньшинство белого сообщества именно так это и восприняло и в одночасье возненавидело свежее испеченного Мохаммеда Али, которого, когда он был Кассиусом Клеем, едва замечало.

Надо сказать, что поначалу почти никто не воспринял всерьез новое имя Клея, и в прессе его, как правило, величали по старинке. Его это бесило, но в большинстве случаев здесь не крылось никакого злого умысла. Просто переименование себя в соответствии с принятием ислама еще не стало тогда привычным во все еще довольно патриархальной и провинциальной Америке середины 60-х. Гораздо больше имени Кассиуса-Мохаммеда всех интересовало, когда же наконец состоится матч-реванш и Санни Листон, по непонятной для большинства причине капитулировавший в первом бою, задаст этому выскочке, как бы он там себя ни называл, хорошую трепку.

Между тем повторный бой с Листоном все откладывался. Изначально он был назначен на 16 ноября 1964 года, но Али неожиданно пришлось делать срочную операцию по удалению грыжи. После того как он полностью оправился, выяснилось, что далеко не везде его и Листона хотят видеть. Например, в Бостоне им отказали наотрез. К тому времени лидер «Черных мусульман» Малколм Икс был убит, и в их среде произошел раскол. Али чем-то не угодил главе одного из крыльев своей организации, и ему пригрозили убийством во время боя с Листоном. Желаящих принимать у себя такого опасного гостя от этого не прибавилось. Однако, в конце концов, все проблемы удалось решить, и бой назначили на 25 мая 1965 года. Пройти он должен был в городе Льюистон, штат Мэн. Ввиду особых обстоятельств количество полицейских в зале увеличили с обычных 72 до 200. Надо думать, что в зале в тот день сидело еще немало полицейских в штатском.

Наверное, в истории не было боксерского поединка, на каждую секунду которого пришлось бы столько исписанных страниц текста и сказанных в электронных СМИ слов. Его без устали обсуждают уже почти сорок лет и

Так что же там произошло?

Бой начался немного неожиданно. Едва боксеры сошлись в центре ринга, как Али, описав полкруга по часовой стрелке вокруг Листона, неожиданно нанес правый кросс. Удар был достаточно сильный и явно застал Санни врасплох. Видимо, он, как и все в зале, ожидал, что бывший Кассиус Клей начнет бой с сугубо оборонительных действий, как в прошлый раз.

Такое начало Листона не смутило, и он бросился за Али вдогонку. Это уже разительно напоминало первый раунд их первой встречи, только в действиях Санни читался теперь чуть больший пиетет по отношению к противнику, что выразилось в том, что он не пытался так откровенно завалить его своим левым хуком.

Али по-прежнему уходил по кругу по часовой стрелке от Листона, когда неожиданно нанес вроде бы несильный левый хук, которого Санни не видел. Буквально через секунду Мохаммед сфинтил: обозначил, а может быть, действительно нанес джеб, который, однако, только маскировал правый кросс. Удар был очень сильный, и Санни встряхнуло с ног до головы, но он возобновил атаку. Он по-прежнему пытался достать Али своим левым джебом, но удар все время приходился либо мимо, либо по защите либо неплотно в уходящую цель одной мякотью перчатки.

Когда Али стоял спиной к канатам, Листон предпринял попытку прыжком разорвать дистанцию. Едва он приземлился, Али нанес короткий правый кросс, от которого Листон свалился на пол.

Мохаммед был явно разъярен таким поворотом событий, встал над Санни и потребовал, чтобы тот встал. Рефери, а это был экс-чемпион мира в тяжелом весе Джерси Джо Уолкотт, далеко не сразу сумел его оттащить и отправить в нейтральный угол. Листон попытался подняться, но получилось у него это не сразу. Наконец он встал. Уолкотт в это время что-то продолжал выяснять в углу, а боксеры, посмотрев друг на друга, решили, что можно продолжать.

Судя по всему, Листон был действительно потрясен, потому что, когда Клей в агрессивной манере, куда более свойственной самому Санни, чем ему, набросился на него с градом ударов, Листон только прикрывался. В это время на ринг вылезли несколько человек, включая главного редактора журнала «The Ring» Нэта Фляйшера, и заявили, что, согласно словам хронометриста, Листон пробыл на полу 18 секунд, а посему он был нокаутирован. Уолкотт, полностью потерявший контроль над происходящим, легко с ними согласился. Выбежавшие секунданты подняли Клея в воздух: он отстоял свой титул в матче-реванше против Листона, которого, ко всеобщему, и более всего своему собственному, удивлению, нокаутировал в первом раунде.

Зал ревел от негодования. Никто не видел удара, которым Листон был послан в нокаут, и поэтому все, надрывая глотки, кричали: «Fix! Fraud!» — что в далеко не таком выразительном переводе означает «лажа, обман». Другого мнения в зале придерживались единицы, но их слышно не было.

Легенды, домыслы, слухи и «сплетни в виде версий» едва не погребли под собой немногие достоверные факты, касающиеся второго боя Али с Листоном, однако в последнее время было предпринято несколько серьезных попыток разгрести эти авгиевы конюшни, и нельзя сказать, чтобы они закончились безрезультатно.

Если попытаться подытожить имеющуюся информацию, которую представить в виде таблицы, основанной на материалах, собранных журналом «The Ring» и существенно дополненных из других источников, получится следующее. Слева — аргументы за то, что Листон сдал бой, справа, соответственно, аргументы против.

даже не рассматривался вопрос о том, могли Лис-тон действительно оказаться в нокауте или хотя бы в нокадауне от удара Али, а с другой — утверждалось, что «вид спорта, который так тяжело болен, не может долго протянуть». По крайней мере, в последнем утверждении «Нью-Йорк тайме» оказалась не права.

Листон прекрасно держал удар и никогда до того не был в нокадауне. Кроме

Кроме того, многие соперники Али утверждали, что его удары часто были гораздо сильнее, чем казались, хотя он и не был нокаутером. Об этом лично мне, например, говорил знаменитый российский тяжеловес Игорь Высоцкий, славившийся своей способностью держать удар, который в 1978 году спарринговал с Али. Точно таким же правым кроссом, как и Листона, Али через два с половиной года отправил в глубокий нокаут очень сильного боксера Зора Фол-ли, и тогда это не вызвало никаких вопросов. Удара Али почти никто не видел по той простой причине, что его и невозможно было увидеть из-за расположения противников на ринге. Об этом говорил еще Флойд Паттерсон. Такое в боксе случается достаточно часто. Внимательный же просмотр видеозаписи показывает, что от этого самого «призрачного» правого кросса опорная нога Листона, в данный момент левая, оторвалась от пола (а это невозможно симитировать), что было наглядно показано главным спортивным изданием Америки журналом «Sports Illustrated» в номере за 7 июня 1965 года. Наконец Листон сам удвоил силу удара, так как двигался ему навстречу. Известный репортер Барбара Лонг, которая видела нокаут практически из угла Али, сказала, что Листон был похож на человека, «который ехал на велосипеде в темноте и налетел головой на низко висящую ветку».

О Листоне говорили, что ему «чуть за тридцать и уже под

того, он мог продолжать боксировать почти с любыми травмами. В раннем бою с Марти Маршаллом он много раундов дрался со сломанной челюстью.

Листон знал, что на Али готовится покушение, и он прекрасно понимал, что его жизнь для фанатичных представителей «Черных мусульман» мало что значит. Возможно, он просто хотел побыстрее убраться с этого ринга, где ему угрожали не только кулаки Али.

Была и другая версия, согласно которой накануне боя к Листону пришли двое представителей «Черных мусульман» и заявили, что он будет убит, если выиграет у Али. Об этом говорил один из секундантов Листона Тед Кинг.

был значительно старше, чем говорилось в его официальных документах. Он ужасно выглядел на своих последних предматчевых тренировках, и за три дня до боя во время официального спарринга его спарринг-партнеру дополнительно заплатили 100 долларов, чтобы он дал Листону возможность выглядеть получше. Наконец, секундант Листона Мэтт Бейли говорил, что сразу после боя Санни попросил у него нашатырный спирт.

Листон мог отказаться от боя, и никто бы его за это не осудил. В любом случае это было бы лучшим выходом, чем разразившийся скандал. Кроме того, когда репортеры незадолго до боя спросили его, не боится ли он покушения, Листон ответил: «Они ведь охотятся за ним (Али), а не за мной». Между тем, если уж Листон чего-то боялся, как уколов, он был совершенно не в состоянии этого скрыть.

Свидетельство Теда Кинга, хотя оно и широко известно, никогда не рассматривалось всерьез, так как оно ничем не было подтверждено, кроме слухов, которых просто не могло не быть. Наконец, *так* матч не сдают, по чьему бы приказу это ни делалось. К тому же у Листона были свои хозяева, которые вполне могли оторвать ему голову за то, что он выполнил чужой приказ. Именно поэтому, если бы Листон сдал матч, он бы первый постарался сделать это более правдоподобно.

Листона могли просто подкупить. Гонорар за бой с Али все равно был бы удержан в счет неустойки, которую Листон должен был выплатить компании, организовавшей его показательные выступления в Великобритании, которые Листон проигнорировал, несмотря на все договоренности. Кроме того, менеджер Листона Пеп Бароне и тем более стоявший за ним мобстер Блинки Палермо подтасовали результаты множества матчей за то время, что занимались боксерским бизнесом.

Единственным человеком, которому Санни доверял, была его жена Джеральдин, а она много раз заявляла, что никаких денег после второго боя с Али они не получали. Кроме того, если бы Листон получил приказ от Блинки Палермо или других мафиози сдать бой, он опять-таки никогда бы не стал делать все так, как произошло. Он слишком хорошо знал своих друзей из мафии, чтобы не понимать, что за такую скандальную сдачу боя они оторвут ему голову. Достоверно известно, что на тотализаторе на этом матче, как и на первом, никто не выиграл большую сумму денег. Все попытки связать странную смерть Листона в последних числах декабря 1970 года с событиями мая 1965-го выглядят крайне неубедительными. Похоже, наоборот, они оттягивали расправу с ним до последнего, так как превратившийся к тому времени в законченного алкоголика Листон много раз привлекал ненужное внимание к своим нанимателям. С другой стороны, нет ни малейших указаний на то, что Листон чего-то боялся непосредственно после боя с Али. Люди, «согрешившие» против мафии, так себя не ведут.

Однако легенды умирают последними. До сих пор то и дело публикуются работы, в которых делается попытка реанимировать миф о «призрачном ударе», и это, несмотря на то, что такие авторитеты последнего времени, как Майк Тайсон, отмечают его начисто. Тайсон, который под руководством Каса Д'Ама-то в молодости заучил чуть ли не все более-менее важные бои тяжеловесов наизусть, утверждает, что Листон был так потрясен этим ударом, потому что не видел его, а в этом случае, по глубокому убеждению Железного Майка, удар даже не должен быть особенно сильным, чтобы ошеломить соперника. Тот, кто какое-то время занимался в своей жизни боксом или хотя бы дрался, вряд ли станет с этим спорить.

В нашей истории остаются определенные неясности. Несомненно, удар не был призрачным и Листон действительно попал в нокдаун. Также несомненно, что Джерси Джо Уолкотт не справился с обязанностями рефери, не случайно ему больше никогда не доверили выполнять эту работу. Но остается открытым вопрос: а мог ли Листон продолжить бой? На этот счет существует версия и самого Санни.

Через несколько лет началось широкомасштабное расследование махинаций в боксе. Разумеется, второй бой Али — Листон всплыл в этой связи в первую очередь. Листон давал показания перед комиссией без малейшего смущения и явно не чувствуя за собой никакой вины. Санни объяснил произошедшее следующим образом: в какой-то момент он потерял равновесие и тут же пропустил сильный удар, после которого оказался на полу, хотя и не был потрясен. Растерявшийся рефери не отвел Али в нейтральный угол, и тот стоял над ним и орал как ненормальный. По словам Листона, он боялся начать вставать, потому что таким образом подставлял бы под удар самые уязвимые участки тела. При этом он был абсолютно не уверен, что Али этим не воспользуется. «Можно предположить, как поведет себя нормальный человек, а предвидеть, что сделает псих, — невозможно, а Клей — псих», — сказал в заключение Листон.

Есть разные свидетельства, подтверждающие, что грозный Санни действительно боялся не только уколов, но и сумасшедших. Комиссию объяснения Листона вроде бы устроили, но в них все же есть и сведения, прямо противоречащие некоторым фактам. Во-первых, первая попытка встать, предпринятая, когда Али над ним уже не было, не удалась — Санни упал снова. Во-вторых, когда бой возобновился, он выглядел непривычно беспомощным, что заметил и Али, тут же перешедший в совершенно несвойственную для себя открытую атаку, явно намереваясь добить Листона. Если бы он не видел, что Санни потрясен, он бы никогда так не поступил. В-третьих, Листон до странности пассивно воспринял крайне спорное решение остановить встречу. На все эти вопросы версия Листона не дает ответа.

Вполне возможно, что ответ дает книга, написанная другим чемпионом мира в тяжелом весе, Джином Танни. Во всяком случае, в 1965 году ее многие вспомнили. Правда, сам Танни к тому времени превратился в брызгу, которого не устраивало едва ли не все, что он видел на ринге, в том числе и Али, но это никак не умаляет значимость того, что он написал лет за 30 до случившегося.

Напомню, что Танни делил ведущих боксеров по смелости на два типа: тех, кто ничего не боится и идет напролом, но, бывает, ломается в критической ситуации, и тех, кто может праздновать последнего труса перед боем, но никогда не ломается во время него.

К последнему типу относились, например, Джек Джонсон, Джим Корбетт, Джо Луис, Мохаммед Али, сам Джин Танни и, как уже говорилось, едва ли не самый агрессивный чемпион мира в тяжелом весе всех времен Джек Демпси. К нему же относится, что кажется уж совсем невероятным, и Майк Тайсон, о чем будет рассказано ниже. А вот Листон был, как Джон Л. Салливан или Рокки Марчиано, ярким представителем первого типа. Правда, Джону Л. и Рокки повезло — они так и не встретили силу, которая бы их сломала, чего нельзя сказать о Санни.

Видимо, дело в том, что люди такого склада исключают для себя саму возможность поражения. Если они вдруг проигрывают, то моментально находят оправдание для себя, как это сделал Салливан после поражения Корбетту. Джон Л. чуть ли не обвинил Джентльмена Джима в том, что тот все время был в движении и тем самым не дал себя ударить.

Представитель того же бесстрашного типа бойцов, панамец Роберто Дюран, один из величайших боксеров XX столетия, завоевывавший в 70—80-е годы чемпионские титулы в легком, полусреднем, первом среднем и среднем весе, яростный, грязный и бескомпромиссный боец, в 1980 году выкинул номер, который едва ли не перечеркнул все его достижения. Он дрался с американским боксером Рэем Леонардом, которого победил за полгода до этого. Но на этот раз Леонард, сам великий боксер, к тому же крепко заматеревший после своего поражения, явно вел дело к победе. Он даже начал подыздывать над Дюраном, к чему тот совсем не привык.

И вдруг в восьмом раунде Дюран подошел к рефери и сказал по-испански: «No mas» (хватит). Опешивший рефери понял слова, но не понял их значения, настолько это не вязалось с образом Дюрана. Тот повторил: «Хватит. Я больше не боксирую».

С тех пор абсолютное большинство американцев понимают слова «no mas», даже если не знают больше по-испански ни слова.

Возможно, Листон мог встать. Он не захотел. Или был слишком потрясен самим фактом, что он (он!) лежит на полу, а этот парень, уже однажды разбивавший его под орех, стоит над ним и оскорбляет его перед всем миром. Может быть, что-то сломалось в его душе еще в прошлом бою, когда он не вышел против Кассиуса Клея на седьмой раунд. Может, началось все тогда, когда Кассиус Клей, первый из всех его соперников, не отвел глаза, выйдя против него в их первом бою. А теперь, лежа на полу, Санни понял, что ему не победить и на этот раз, а вести битву, в которой заведомо нет шансов на победу, такие люди не могут.

Мохаммед Али много раз рассказывал, как в одном из своих боев встретил женщину с безумным взглядом, которая заявила ему: «Я прихожу на все твои бои, чтобы увидеть, как тебя побьют. Когда-нибудь это обязательно случится: зло не может побеждать вечно». С той же целью в середине 60-х на его бои ходили очень многие. Они даже представить себе не могли, как долго им придется ждать.

Постепенно до общественного сознания стало доходить, что Али, или Клей, как его упорно продолжало именовать большинство американцев, — не выскочка, а, возможно, крупнейшее явление в мировом боксе, по крайней мере со времен Марчиано. Мысль о том, что он разнес бы Рокки в пух и прах, если бы встретился с ним на ринге, в те годы большинству белых американцев показалась бы кощунственной.

Хорошенько отдохнув после второго боя с Листоном, Мохаммед снова взялся за дело. Первой его жертвой стал Флойд Паттерсон. Сейчас это кажется нелепым, но многие в то время всерьез надеялись на победу Паттерсона.

Сам Флойд сделал тогда роковую ошибку: он в третий раз попытался выступить от лица Америки, несмотря на то, что две предыдущие попытки, в боях с Листоном, с треском провалились. Кроме того, Флойд, истовый христианин, привнес в свое противостояние с Али еще и религиозный аспект. Мохаммед, страстный в религиозных вопросах, как большинство неопитов, воспринял это особенно тяжело. Он прозвал Паттерсона Кроликом, что в данном контексте не только высказывает презрение, но означает еще и «трус», а в один прекрасный день вломился к Флойду в тренировочный лагерь с мешком капусты и морковки и устроил там одно из своих самых смешных, но вместе с тем и самых оскорбительных представлений. В этой нелегкой для себя ситуации Паттерсон показал себя настоящим джентльменом: он смеялся шуткам и стойчески пропускал хамские выпады мимо ушей. Однако ни смелость, ни стойкость не могли ему помочь. 22 ноября 1965 года он проиграл Али нокаутом в двенадцатом раунде. Мохаммед вел себя некрасиво, он явно издевался над измученным Флойдом и играл с ним как кошка с мышью, пока ему это не надоело. И тогда он поставил точку.

1966 год стал лучшим в карьере Али. Никогда его превосходство над соперниками не было таким подавляющим. Мохаммед, в отличие от большинства предшественников, стал активным чемпионом, то есть он постоянно защищал свой титул. В этом году он встретился с пятью противниками. Такой готовности драться с каждым встречным и поперечным от чемпиона в тяжелом весе не видели с 1941 года, лучшего года в карьере Джо Луиса.

Сначала Мохаммед разобрался с очень сильным и стойким канадцем Джорджем Чувало. Али осыпал его ударами со всех сторон, а Чувало изредка контратаковал, главным образом по корпусу. В первом раунде Мохаммед Али подставил ему правый бок со словами: «Бей! Бей сильнее!» Чувало послушно исполнил приказание, но никакого эффекта это не возымело. Не ведающий страхов и сомнений канадец пытался что-то сделать все 15 раундов, но у него мало что вышло. До головы он, как правило, не доставал, а атаки по корпусу, похоже, на Али не действовали. На лице самого Чувало не было живого места. Ни у кого не осталось сомнения в том, кто победил в этом бою. Правда, Али так и не удалось не только нокаутировать Чувало, но даже послать его в нокдаун, но за всю долгую карьеру канадца это не удалось вообще никому. Чувало проигрывал только самым сильным, но и от их ударов никогда не падал. Впоследствии жизнь обойдется с ним хуже всех противников Али, вместе взятых. Один за другим трое сыновей Джорджа Чувало погибли от передозировки наркотиков. После гибели второго сына покончит с собой жена. Он не сломается и посвятит чуть не все свое время борьбе с распространением наркотиков.

Затем наступил черед англичанина Хенри Купера — надо было утихомирить тех, кто по-прежнему поминал Али тот злосчастный нокдаун в четвертом раунде их первой встречи. На этот раз все прошло куда более гладко: Али избивал Купера до тех пор, пока лицо британца не превратилось в кровавую маску, и в шестом раунде рефери остановил встречу.

Али всегда очень нравилась Англия, и буйные английские болельщики, которых он дважды так обидел с их кумиром Купером, как ни странно, тоже питали к нему слабость. За это Мохаммед отблагодарил их тем, что сразу после Старины Энри избил еще одного их соотечественника, Брайна Лондона, которого нокаутировал уже в третьем раунде.

Потом Али перебрался в Германию, где во Франкфурте встретился с немецким боксером Карлом Милденбергером. Здесь его ждал небольшой сюрприз. Прошло много лет с тех пор, как Мохаммед в последний раз дрался с левшой. Между боем с Лондоном и встречей с Милденбергером прошел всего месяц, и нельзя сказать, чтобы все это время Али без усталости тренировался, поэтому он провозился с немцем гораздо дольше, чем собирался, и нокаутировал его только в двенадцатом раунде. Однако в этом бою он показал одну свою очень сильную сторону, на что тогда многие совершенно не обратили внимания. Али приноравливался к неудобному сопернику по ходу встречи, проявляя при этом несвойственную большинству боксеров гибкость — и в физическом, и в психологическом плане. В результате ближе к концу боя он полностью освоился со всеми особенностями работы с левшой и снова стал самим собой, непобедимым и изощренным виртуозом.

Вернувшись в Штаты, в ноябре 1966 года Али встретился с Кливлендом Уильямсом, любимцем публики, которого мужчины-болельщики ценили за очень сильный удар, а женщины, болельщицы и вовсе не болельщицы, за необычайно красивую фигуру. В первом раунде Али в основном танцевал вокруг Уильямса, а во втором совершил чудо, на которое ни тогда, ни позже почему-то не обратили особого внимания, хотя это куда более поразительный факт, чем «призрачный удар» в бою с Листоном.

На отходе Мохаммед нанес сначала левый джеб, а потом классическую двойку, левый джеб — правый кросс. От последнего удара Уильямс рухнул на пол. Самое удивительное, что в момент нанесения кросса Али не перешел в

Уильяме встал, но для него все уже было кончено. До конца раунда он падал еще дважды. В третьем упал снова и снова встал только для того, чтобы подставить себя под удары Али. Рефери вмешался и остановил избиение. Это был тот самый случай, когда боксера надо спасать от его собственного мужества.

Ненавистники Али, которых становилось с годами больше, скрежетали зубами. Клей, как они продолжали его называть, казался неуязвимым. Но если бы они только могли себе представить, что он им устроит в ближайшие годы, количество смертей от сердечно-сосудистых заболеваний в Америке, наверно, значительно бы возросло.

1967 год начался со скандала. Всемирная ассоциация бокса, WBA, чья власть над мировыми титулами тогда была хотя и большой, но не безграничной, ни с того ни с сего лишила Мо-хаммеда Али звания чемпиона мира и отдала его Эрни Террелу. Али не любили, но решение чиновников WBA было совершенно необъяснимым, и практически все Атлетические комиссии разных штатов, которым принадлежит спортивная власть на местах, не говоря уж об общественном мнении, по-прежнему считали Мохаммеда Али единственным чемпионом мира в тяжелом весе. Тем не менее бой Али с Террелом стал неизбежным.

Сам Террел то ли не очень понимал расклад сил, то ли всерьез верил, что его преимущество в росте, 198 см против 190 у Али, может принести ему победу. Перед боем он нащупал одну уязвимую сторону Али и попытался сыграть на ней. Собственно, ничего искать ему не пришлось: вся Америка знала, что чемпион терпеть не может, когда его называют старым именем, а Террел не только везде и всюду называл Али Кассиусом Клеем, но и самым разным образом комментировал это. Надо думать, что он пожалел о своих выходках уже в первых раундах боя с Али, который состоялся 6 февраля 1967 года. Как и следовало ожидать, преимущество в росте мало помогло Террелу. Али очень быстро приспособился к достаточно новой для себя проблеме, все-таки для того времени он был очень рослым, и в результате к середине боя Террел был уже совершенно избит, а Али, нанося очередной удар, спрашивал: «Как меня зовут? Как меня зовут?»

Однако Террел закончил встречу на ногах, чем крайне удивил всех. Вспоминая позже этот бой, Али говорил, что в конце боя сдерживал удары, боясь покалечить Террела, и зол был вообще не на него, так как понимал, что тот лишь играл отведенную ему роль, а на WBA.

Честно говоря, в данном случае его слова вызывают сомнение, но совершенно точно, что Али никогда не стремился изувечить соперника, и несмотря на всю его непобедимость в те годы, Али совершенно не боялись. Боясь ведь не столько силы, сколько жестокости, а ее в Али не было и в помине. Даже его враги признавали, что он начисто лишен того, что в Америке применительно к боксерам принято называть «инстинктом убийцы».

Али, видимо, собирался провести 1967 год в том же боевом режиме, что и предыдущий, и в следующий раз он вышел на ринг всего через полтора месяца — 22 марта. Его противником на этот раз был известный тяжеловес Зора Фолли.

Смелый и далеко не бесталанный Фолли честно пытался сделать все что мог. В четвертом раунде, после того как Али послал его в достаточно тяжелый нокдаун, Зора встал и бросился в атаку. Мохаммед ушел от большинства ударов, а потом и контратаковал, но он явно не ожидал от своего избитого соперника такой прыти.

Но конец был уже близок. В седьмом раунде Али провел молниеносную двойку, левый джеб — правый кросс, а потом нанес еще один кросс вдогонку. Все удары, в том числе и последний, казались несильными, но Фолли упал как подрубленный под корень дубок. Он попытался встать, но упал снова, откатившись к канатам. Тогда он попытался встать, схватившись за канаты, но рефери уже закончил счет.

После боя Али подошел к Фолли, которого считал своим другом, обнял и сказал что-то в утешение. Чуть позже к ним подошли жена Фолли с его зареванным маленьким сыном. Али взял мальчика на руки и сказал так, как он мог говорить, когда переставал паясничать: «Твой папа — великий боец, понимаешь?» По воспоминаниям свидетелей этой сцены, мальчик перестал плакать и посмотрел на Али как на бога.

Мохаммед защитил свой титул в девятый раз, и казалось, что ему вполне по плечу побить рекорд Джо Луиса, сделавшего это 25 раз, но все повернулось иначе. Вряд ли кто из видевших его бой с Фолли мог себе представить, что в следующий раз они увидят Али на ринге в официальной встрече только через несколько лет, но именно так все и случилось.

Мохаммед на священной войне

Али призвали в армию во Вьетнам. Было доподлинно известно, что его подразделение не будет участвовать в боевых действиях. Да никому в голову не могла прийти бредовая мысль бросить Мохаммеда Али на передовую. Возможно, помня о роли Джо Луиса в войне, его хотели использовать в пропагандистских целях, рекламируя малопопулярную войну. Возможно также, что это была просто типичная американская демонстрация равенства всех перед законом. Будь ты хоть трижды чемпион, но если призвать должны каждого двадцать пятого и на этот раз двадцать пятым оказался ты, значит, пойдешь служить как миленький.

Но Али не собирался выполнять роль, навязанную ему кем бы то ни было, пусть даже всей страной, и он наотрез отказался идти в армию. Сначала это приняли за обычное кривляние, но когда он в прозе и в стихах поведал всем, кто еще не понял, что он «ни с кем во Вьетнаме не ссорился», и вообще, там его «никто ниггером не называл», а потом добавил, что Америке не худо бы сначала разобраться со своими черными, прежде чем лезть к желтым, до всех наконец дошло, что дело серьезно. Али не просто не собирался стать Джо Луисом, он с большой охотой готов сыграть роль его антипода.

Момент для объявления своей «особой позиции» по вопросу войны во Вьетнаме Али выбрал критический. Не

Победителей надо принимать, какими бы они ни были. Бой Али с Террелом побил все рекорды популярности. Мохаммеда начали даже по-своему любить, и его место «второго человека после президента» уже никто не оспаривал.

С другой стороны, в стране нарастало негритянское движение протеста. В южных штатах в ответ на свирепствование ку-клукс-клана поднималась черная волна, мощь которой пугала отнюдь не только закоренелых расистов, но и просто традиционалистов, которых в Америке, по крайней мере того времени, было абсолютное большинство. То, что «второй человек после президента» сделался вторым Джеком Джонсоном и стал на сомнительные рельсы подрыва национальных основ, мало кого радовало. Правда, у него хватало и сторонников, которые составляли хотя и меньшинство, но такое активное, горластое и влиятельное, что временами становилось непонятно, кого больше — сторонников Али или его противников. Среди первых были Бертран Рассел, Айзек Азимов, Гарри Белафонте, Мэри Хемингуэй, Игорь Стравинский, Элизабет Тейлор, Джон Ап-дайк и многие другие, в том числе и битый и униженный им Флойд Паттерсон. Все-таки трудно относиться к этому человеку без большого уважения. А среди тех, кто особенно охотно и обильно поливал Али грязью, были Джек Демпси и Джин Тан-ни. Демпси, кстати, это вышло боком: ему тут же припомнили, как он много лет отказывался драться с негром Харри Уилл-сом, отстаивая право на существование так называемого «расового барьера».

В этой непростой обстановке растерявшиеся чиновники от бокса сделали большую глупость: они лишили Мохаммеда Али чемпионского титула и отобрали у него боксерскую лицензию, тем самым создав вокруг него ореол мученика, который тот тут же принял безжалостно эксплуатировать. Своим шагом они дали Али в руки некий неразменный джокер, благодаря которому в борьбе с американским истеблишментом он выигрывал одну партию за другой. Они создали ему трамплин, благодаря которому Али с его невероятным талантом обращать все в свою пользу в скором времени прыгнул в национальные герои. Всей своей последующей жизнью Мохаммед Али доказал, что искренне и бескорыстно боролся за права негров. Он стал дойной коровой для «Черных мусульман», которым перетекала большая часть его гонораров. Однако, правда и то, что роль воинствующего проповедника Али сыграл с большой выгодой для себя.

Между тем война во Вьетнаме теряла популярность с каждым годом. Негры в своей борьбе за полное равноправие отвоевывали один рубеж за другим. Али с его луженой глоткой постепенно стал глашатаем самого бурного периода в истории послевоенной Америки. Перестав быть чемпионом мира только на бумаге, он остался им в глазах большинства и еще больше укрепил свои позиции «второго человека после президента». В известном смысле он стал куда популярнее Ричарда Никсона, пожалуй последнего твердолобого традиционалиста, сидевшего в Белом доме.

Несмотря на всю разность масштабов этих событий в истории Америки, ситуация с Али в конце 60-х чем-то напоминала положение с сухим законом в конце 20-х. Тогда очень многие тоже понимали, что непопулярный закон, на котором пыльным цветом расцвела американская мафия, до того не поднимавшаяся выше мелкого рэкета, а теперь ставшая силой государственного масштаба, был трагической ошибкой, но у двух президентов-республиканцев, сменивших друг друга в Белом доме за время его действия, не хватало смелости это признать. Понадобился грандиозный экономический кризис и приход демократа Рузвельта, чтобы отменить сухой закон.

В ситуации с Али таких грандиозных преобразований не понадобилось. Осенью 1970 года ему без лишнего шума довольно изворотливым способом позволили вернуться на ринг. Это было косвенным признанием ошибки, так как за три с половиной года, проведенных вдаль от бокса, Мохаммед Али не только не изменил своих позиций в отношении войны во Вьетнаме, а заодно и прав негров, но и стал еще большим радикалом, чем был. Вполне возможно, что не последнюю роль в этом решении сыграло желание просто утихомирить Али, дав ему возможность заниматься своим прямым делом. Оказалось, что вне ринга он представлял куда большую опасность для американских традиционалистов, чем на нем. Он стал силой, с которой нельзя было не считаться.

Победа пришла, когда Али ее уже не очень ждал. 1 февраля 1970 года он заявил, что покидает ринг и готов лично вручить чемпионский пояс победителю боя Джимми Эллис — Джо Фрезер. Казалось, что история с отлучением Али от бокса наконец закончилась победой его противников. Однако 11 сентября того же года на пресс-конференции в Нью-Йорке было объявлено, что Мохаммед Али подписал контракт на бой с сильным белым тяжеловесом Джерри Кворри, который должен состояться в Атланте, штат Джорджия. Сообщение застало всех врасплох. Никто не мог понять, простили Али или нет. Лицензию Али вроде бы никто не возвращал, но в штате Джорджия не существовало боксерской комиссии, как в большинстве других штатов, и официально там просто некому было запрещать Али драться на ринге с кем угодно.

Разумеется, это было обычное крючкотворство. Губернатор Джорджии без всякой боксерской комиссии мог легко запретить Али проводить бои на рингах штата, но он этого не сделал, так как ему либо прямо сказали, либо намекнули, что Мохам-меду надо дать возможность вернуться на ринг. Власти просто нашли способ сохранить лицо. Однако многие, как, например, главный боксерский журнал Америки «The Ring», предпочли сделать вид, что не поняли, что произошло. Его автор Дэн Дэ-ниэл писал тогда: «Если Кассиус Клей виновен, он должен сидеть в тюрьме. Если у него были уважительные причины, по которым он имел право отказаться от службы в армии, ему надо предоставить свободу и дать возможность заниматься его профессией, то есть драться на ринге».

Из одного того, что Али назвали его старым именем, ясно, что «The Ring» никак не одобрял его возвращение на ринг. И действительно, лейтмотивом статьи был ни разу не сформулированный, но читаемый в каждом слове вопрос: почему этот парень не сидит в тюрьме? Али уже собирался снова выходить на ринг, а его враги все никак не могли закончить проигранную битву.

Бой с Джерри Кворри состоялся 26 октября 1970-го. Кворри, сильно уступавший Али в размерах, не говоря уж о технике, оказал мужественное сопротивление. Однако в третьем раунде Джерри получил страшное рассечение, и бой пришлось остановить.

Этот поединок оставил открытым вопрос, сможет ли Али после такого долгого бездействия снова стать самим собой. Все вспоминали, какими огромными потерями обернулся перерыв, вызванный войной, для Джо Луиса. Был еще и психологический фактор: Али полностью посвятил себя боксу с 12 лет и жизни за пределами ринга практически не знал. Теперь же, после трех с лишним лет безделья, наполненных отнюдь не только борьбой за права негров, но и приятнейшим времяпрепровождением в кругу многочисленных женщин и дружескими посиделками с друзьями, то, что когда-то было буднями, стало адом: тренироваться с такой отдачей, как раньше, он больше уже никогда не смог.

В технике он тоже многое утратил. Руки остались почти такими же быстрыми, как и были, но вот ноги крепко потеряли в скорости. Теперь его уже трудно было назвать «танцмейстером», как делали чуть ли не все комментаторы его боев раньше. Он в целом стал медлительнее и начал пропускать довольно много ударов в ближнем бою, чего за ним раньше не водилось.

После трех с половиной лет простоя Али рвался в бой, и следующую встречу он провел менее чем через полтора месяца, 7 декабря 1970 года, что было, мягко говоря, неразумно. Тем более что соперник у него был очень сильный — аргентинец Оскар Бонавена.

Незадолго до боя на одной из последних пресс-конференций произошла неожиданность. Бонавена, едва знавший английский, сумел победить в словесной перепалке самого Мохаммеда Али, которого еще несколько лет назад называли не иначе как Большой Рот. «Ты почему не пошел в армию? Цыпленок!» — сказал Оскар (последнее слово в английском является синонимом слова «трус»). «Цыпленок, — не унимался Бонавена, — цып-цып-цып-цып-цып!» «Давай-давай, говори-говори», — ответил Али, но было видно, что он крайне уязвлен.

Сразу, как только начался бой, стало видно, что скорость ног Али действительно частично потерял: впечатление, сложившееся во время боя с Кворри, не было обманчивым. Хуже оказалось то, что он сам с этим еще не освоился и пытался работать по-прежнему. Али вел бой, но с очень небольшим преимуществом. Время от времени невысокий и настырный Бонавена прорывался сквозь его удары и иногда доставал своими.

Самым увлекательным получился девятый раунд. Сначала оба по разу поскользнулись и упали. Затем Али сумел потрясти Бонавену хорошей серией и бросился на добивание. Какое-то время казалось, что ему это удастся, но тут аргентинец провел левый хук, который потряс Али с ног до головы. Теперь уже Бонавена попытался его добить, но у него ничего не вышло.

В заключительном, пятнадцатом раунде Оскар выглядел очень измотанным. В какой-то момент он, согнувшись в три погибели, умудрился даже схватить Али за колено, но потом перешел к безумным атакам. Он пытался достать Мохаммеда длиннейшими боковыми ударами, от которых тот без труда уходил! Снова и снова, как он это делал на протяжении всего боя, Бонавена пытался прорваться сквозь удары Али, но было видно, что силы его на исходе. Мохаммед неожиданно провел левый хук, который вообще-то был любимым ударом Бонавены. Аргентинец слегка поплыл. Вскоре Али повторил свой удар слева, и на этот раз Оскар упал на пол. Когда он встал, Али набросился на него, дав наконец волю душившей его ярости, и затяжной серией снова отправил в нокаун. Бонавена снова встал, и снова Али, как почуявший кровь хищник, бросился на него. Он провел длинную серию, завершившуюся левым хуком, и рефери остановил встречу.

Али считал, что теперь он готов вернуть себе чемпионский титул. Он с полным на то основанием продолжал считать себя единственным настоящим чемпионом мира: ведь он никому не проигрывал его. Человека же, которому звание чемпиона мира принадлежало официально, Джо Фрезера, Али считал самозванцем, и очень многие готовы были с ним в этом согласиться.

Бой Али — Фрезер назревал с фатальной неизбежностью. Но Али не привык полагаться на судьбу, и однажды он устроил целое шествие к дому Фрезера и всю дорогу скандировал требования к Джо, чтобы он вышел на поединок с ним. Его слова были подхвачены множеством разгоряченных глоток. Фрезер не собирался уклоняться от боя с Али. Он вышел ему навстречу и подтвердил свое желание увидеться с ним на ринге. Много позже стало известно, что боксеры вообще спланировали это представление совместно.

Механизм был запущен. Боя стали требовать все, и он состоялся 8 марта 1971 года.

Дважды неудачник Фрезер

В другие времена Джо Фрезер, возможно, пробыл бы чемпионом мира много лет, но ему не повезло — он выступал на ринге одновременно с Али, и вся его спортивная биография стала лишь главой, хотя и самой яркой, в биографии Мохаммеда. Вторая его неудача заключалась в том, что он был современником еще одного боксера, о котором речь пойдет ниже.

Джо родился 12 января 1944 года в городе Бофорте, штат Южная Каролина, в семье издольщика. В детстве не был паинькой, но и ничего особенного за ним никто не замечал. Боксом занялся почти случайно, но, занявшись, уже не бросал.

Он очень хорошо выступал в любителях, но все же провалился на предолимпийских отборочных соревнованиях, уступив Бастеру Матису. Однако Матис вскоре получил травму руки, и за неимением лучшего в олимпийский Токио поехал Фрезер.

На том этапе как тяжеловес он впечатления не производил. Рост — всего 181 см, вес — не больше 84 кг, и это в

пропустить три удара ради того, чтобы нанести один. Возможно, не самая умная тактика, но удар у Джо был такой, что она раз за разом приносила результат. Вот и в Токио две встречи он завершил нокаутом уже в первом раунде, и только немцу Хансу Хуберу удалось продержаться против него до конца боя на ногах, впрочем, без каких-либо надежд, что судьи решат в его пользу. Они и не решились, отдав заслуженную победу и золотую олимпийскую медаль Фрезеру.

Полностью насладившись своим триумфом, летом 1965 года он перешел в профессионалы. Как у многих бывших олимпийцев, первые его соперники на профессиональном ринге были гораздо слабее последних на любительском. Это относится к его первым 11 противникам. Всех их Джо нокаутировал, четверых — в первом раунде, двоих — во втором, троих — в третьем, одного — в пятом и одного в шестом. Как уже говорилось, стиль его отнюдь не отличался утонченностью, к которой стал приучать всех Мохаммед Али, но он приносил результаты. Точнее, даже не сам стиль, а один-единственный удар.

Вся техника Джо Фрезера сводилась к тому, чтобы так или иначе в ходе безостановочной атаки, по возможности незаметно для противника (а если заметно — тоже сойдет), завернуть корпус влево, а затем выстрелить длинным левым боковым ударом. Сама атака с обеих рук, иногда несколько сумбурная на вид, была призвана замаскировать подготовку к главному удару. Надо сказать, что среди американских профессионалов всегда было много патриотов левого хука. Причем нужно понимать, что слово «хук» здесь несколько условно. По традиции хуком (от англ. hook — крюк) называется боковой удар, наносимый согнутой в локте рукой. Длинный боковой удар вообще-то называется «свингом» (от англ. to swing — замахиваться). Фрезер пользовался и тем и другим, но нокаутировал обычно именно свингом, однако этот термин почти вышел из употребления, и оба удара, как правило, называют хуком.

Левый боковой в той или иной своей разновидности был коронным ударом у представителей самых разных эпох: Джима Джеффриса, Джека Демпси, Флойда Паттерсона, Санни Лис-тона и многих других. Но Фрезер выделялся и на их фоне крайней обуженностью техники. Конечно, он вполне сносно работал и правой рукой, но все же она была лишь вспомогательным оружием. О нем даже ходили слухи, что он скрытый левша, то есть левша, работающий, как правша, в левосторонней стойке.

Несмотря на такое однообразие и то, что все его противники очень рано узнали о его «коронке» и ждали ее, Фрезер раз за разом добивался успеха. Если что-то доведено до совершенства, то оно работает почти в любых условиях. Кроме того, Джо хорошо держал удар, прекрасно чувствовал дистанцию и был фантастически смел. Этого джентльменского набора ему с лихвой хватало для успеха.

Однако 21 сентября 1966 года Фрезер оказался на волосок от поражения. Его противником в тот день был аргентинец Оскар Бонавена, тогда еще не очень известный в Штатах. Два невысоких бойца ярко выраженного агрессивного плана повели бой как два барана, которые с разбега сшибаются лбами. Во втором раунде во время одной из таких обоюдных атак Фрезер напоролся на правый встречный удар Бонавены и попал в нокдаун. Он вскочил на счет «пять», но еще далеко не пришел в себя, когда рефери возобновил бой. До конца раунда оставалась целая минута, и ее надо было как-то продержаться. Оскар обрушивал на него одну безумную серию ударов за другой, пока наконец не послал Джо во второй нокдаун. Фрезер снова встал и принялся вязать Бонавене руки и клинчевать из последних сил. По контракту бой автоматически прекращался после третьего нокдауна. Свою задачу Фрезер выполнил и продержался до гонга, а во всех последующих раундах выглядел очень неплохо, в целом лучше, чем Бонавена.

Бой продолжался все отведенные на него 10 раундов, и, когда наконец прозвучал финальный гонг, было неясно, кого объявят победителем. Когда рефери поднял руку Фрезера, довольных этим решением было примерно столько же, сколько и недовольных, как всегда в подобных случаях.

Нелегким получился и следующий бой Фрезера с опытнейшим Эдди Мэкеном, который и Листону проиграл только по очкам, когда все остальные заканчивали бои со страшным Сан-ни в горизонтальном положении. С Фрезером Мэкен добился того же результата, но публика осталась не слишком довольна метящим в настоящие звезды Джо.

Следующий, 1967 год был для Фрезера очень удачным. В числе прочих он нокаутировал Дата Джонса в шестом раунде, а также победил техническим нокаутом в четвертом раунде Джорджа Чувало. Рефери остановил встречу из-за сильнейшего рассечения у канадца в области глаза.

Тем временем разразился скандал в связи с отказом Мохаммеда Али надевать военную форму, и трон чемпиона мира в тяжелом весе впервые с 1928 года оказался вакантным. Как и тогда, различные чиновники от бокса никак не могли прийти к единому решению, кого же считать настоящим чемпионом мира в этой ситуации, и мнения разделились.

4 марта 1968 года в бою с Бастером Матисом Фрезер завоевал абсурдный титул чемпиона мира по версии штата Нью-Йорк. Однако самым главным в этом поединке было одно: он рассчитался со своим старым обидчиком, которому проиграл предолимпийские отборочные соревнования. А в конце этого года Джо встретился с Оскаром Бонавеной и на этот раз куда более убедительно победил его по очкам в 15-раундовом бою.

В 1969 году Джо провел три боя. Самым главным из них был с Джерри Кворри. Снова на ринге сошлись два боксера остро-атакующего плана, и победил сильнейший: в седьмом раунде рефери остановил встречу и зафиксировал победу Фрезера техническим нокаутом.

Всемирная боксерская ассоциация (WBA), формально тогда главная сила в мировом боксе, уже имела своего чемпиона. Им стал великолепный технарь Джимми Эллис, когда-то начинавший в том же спортзале, что и Кассиус Клей. Объединительный бой между двумя «получемпионами» состоялся 16 февраля 1970 года. Техника не спасла Эллиса ни от напора Фрезера, ни от его левого хука. Первые три раунда прошли еще туда-сюда, однако все же с

средней дистанции, пытаясь таким образом лишить Фрезера пространства, чтобы нанести свой коронный длинный левый боковой, но ему это не удалось. Левая рука Фрезера просвистела в воздухе и обрушилась на челюсть Элвиса как ракета. Джимми упал, и почти тут же раздался гонг. Элвис встал и отправился в свой угол, однако на пятый раунд он выйти все равно не смог. Элвиса после этого пост-фактум нарекли «бумажным чемпионом мира», так как свой титул по версии WBA, который он проиграл Джо, он завоевал не в бою. Что касается Фрезера, то он наконец-то стал официальным, хотя и необщепризнанным чемпионом мира в тяжелом весе. Признание могла принести только победа над Мохаммедом Али, но тому все никак не возвращали боксерскую лицензию.

Признать Фрезера публике мешало и его необычное хобби. Джо увлекался рок-музыкой и организовал группу «Нокауты», которая выступала по ночным клубам. Музыкальные способности у него были, мягко говоря, сомнительные. Конечно, Али к тому времени приучил публику к тому, что «второй человек после президента» может вести себя как шут гороховый, однако он должен был делать это с размахом, как Али, а Фрезер делал это жалко и к тому же относился к своему хобби слишком серьезно. Вскоре он прогорел вместе со своим ансамблем, и проблема решилась сама собой.

Когда в ноябре 1970 года Фрезер нокаутировал во втором раунде чемпиона мира в полутяжелом весе Боба Фостера, Мохаммед Али уже вернулся на ринг, и многие сочли, что отныне чемпионом является только он. Не в характере Фрезера было уклоняться от боя, тем более что Али делал все от него зависящее, чтобы их встреча наконец произошла. Джо не питал никаких теплых чувств к Мохаммеду, но согласился на пару с ним разыграть сцену у своего тренировочного зала в Филадельфии, куда Али заявился с целой толпой почитателей. Их поединок был неизбежен, и потому он состоялся.

Страна в превкушении боя разделилась надвое. Все, кто протестовал против войны во Вьетнаме, классических американских ценностей и неизвестно чего, но все равно протестовал, были за Али. А все традиционалисты были, естественно, за Фрезера, который, по злой иронии судьбы, стал знаменем тех, чьи взгляды он в значительной степени не разделял. Усугубляло ситуацию еще и то, что Мохаммед Али, как это с ним часто случалось, перегнул палку и, в частности, назвал Фрезера Дядей Томом. Тогда это прозвище играло роль позорного ярлыка, который навешивали на всех негров, уклонявшихся от активной борьбы за свои права. В частности, некоторые горячие головы прозвали Дядей Томом и Джо Луиса. Что касается Фрезера, то он стал регулярно получать по почте письма, в которых представители самых разных экстремистских течений, по большей части негритянских, угрожали ему смертью. Фрезер всячески пытался отмежеваться от многих своих непрошенных союзников, но те, кто не хотел его слышать, не слышали. В результате Джо возненавидел Али на всю жизнь.

Бой состоялся на самой престижной арене Америки, в нью-йоркском Медисон-сквер-гардене, 8 марта 1971 года. Все билеты были распроданы за месяц, несмотря на рекордно высокие цены. Страна буквально замерла в ожидании этого события, и, надо сказать, оно эти ожидания полностью оправдало.

Те, кто полагал, что Мохаммед Али не сможет вернуть себе былую скорость передвижения по рингу, сколько бы ни тренировался, оказались правы. Он был таким же, как и в боях с Кворри и Бонавеной. Однако, как ни странно, Али и не пытался ускользнуть от Фрезера. Он пытался удерживать низкорослого Джо на дистанции, не смещаясь во все стороны одновременно, как он делал раньше. Скорее всего, еще во время тренировок Али понял, что прошлого не вернуть и придется драться по-новому.

Скорее всего, выбрав после возвращения на ринг в соперники Кворри и Бонавену, Али решил исподволь подготовиться к бою с Фрезером. Невысокие, мощные слагтеры, как называют в Америке бойцов остроатакующего плана (от *to slug* — сильно ударить), во многом походили на Фрезера, однако были все-таки классом ниже его. В боях с ними «новый» Али пропускал довольно много ударов в ближнем бою. Во встрече с Фрезером случилось то же самое, но с другим результатом.

Джо придерживался традиционной тактики борьбы с более высоким противником, когда-то с большим успехом использованной Рокки Марчиано: он много бил по корпусу, изматывая соперника и заставляя его опускать руки, а потом переходил на атаку по голове. Ему было нужно открыть челюсть Али под свой левый хук, но Мохаммед ждал этого, так как ему было нетрудно рассчитать еще до боя, что именно будет делать Фрезер.

Первые пять раундов прошли в относительно равной борьбе, когда ни одному из соперников не удавалось достичь чего-то существенного, однако в шестом раунде для Али прозвучал первый по-настоящему тревожный звонок. Фрезер прижал его к канатам и провел мощную атаку по корпусу и по голове, которую Мохаммед не смог сдержать и на которую не смог достойно ответить, хотя перед боем обещал нокаутировать Фрезера именно в шестом раунде.

Дальше — больше. В восьмом раунде рефери Артур Мерканте сделал Али замечание за пассивность. Скорее всего, Мохаммед решил взять своего агрессивного противника измором, то есть дать ему измотать себя бесплодными атаками, но беда в том, что атаки Фрезера далеко не всегда были бесплодными. Он то и дело доставал Али, правда, и сам получал при этом более чем достаточно, и уже к середине боя все его лицо распухло от многочисленных ударов противника. В девятом раунде Али удалось провести хорошую затяжную атаку с обеих рук и не только выровнять положение, но, возможно, даже выйти вперед.

За минуту до конца одиннадцатого раунда Фрезер едва не нокаутировал его. Он прижал Али к канатам и разрядил свой левый боковой ему в челюсть. Мохаммед только пошатнулся, и тогда Фрезер тут же повторил свой удар. На секунду колени Али подогнулись, но он устоял и все оставшееся до гонга время уходил от ударов Фрезера. Когда смотришь этот эпизод, не можешь понять, как ему удалось уйти от нокаута. Впрочем, боксер, который смог полуслепым

После этого Али не оставил попыток вернуть себе инициативу, но Джо почувствовал запах победы и уже не упустил ее, а в начале пятнадцатого раунда наступил его звездный час. Али опустил правую руку, чтобы нанести удар снизу, и в этот момент Фрезер сумел засадить свой левый боковой ему точно в челюсть. Мохаммед упал, но встал на счет «четыре». После этого главной его задачей было уйти от нокаута, и это ему удалось, хотя Джо без устали атаковал все оставшиеся до конца раунда и боя две с лишним минуты. После того как прозвучал гонг, ни у кого не было сомнений, кто победил в этом бою.

Только теперь Фрезер стал в глазах всех бесспорным чемпионом мира. Если ты победил Мохаммеда Али, то есть совершил чудо, от тебя будут ждать чудес и дальше. Правда, тогда казалось, что их просто не на ком будет показывать. Скептики, конечно, говорили, что Фрезер победил если не тень, то лишь ухудшенную версию Али середины 60-х годов, но остальные рядом и с подобием бывшего Кассиуса Клея казались карликами. Джо пророчили долгие годы на троне, и многим казалось, что так оно и будет.

Победив Али, Фрезер посчитал, что получил право на заслуженный отдых. В 1971 году он больше не проводил официальных боев, а в 1972-м провел две встречи, с Терри Дэниелсом и Роном Стэнддером, и обоих победил техническим нокаутом в четвертом раунде.

Фрезер был доволен жизнью, но одно омрачало его чемпионское правление и не прибавляло любви к Мохаммеду Али: победив «Величайшего», он не занял его места. Он стал лишь одним из чемпионов мира в тяжелом весе, и только. Вполне возможно, что в свое время он запел только потому, что не умел говорить, как Али. Наверно, он хотел стать такой же фигурой национального масштаба, как и Мохаммед, но у него это не получилось.

Правда, у Фрезера по-прежнему был бокс, и пока равных на ринге ему не находилось. Так, во всяком случае, думал тогда он сам и очень многие другие. Джо и представить себе не мог, как близок конец его чемпионства. Однако его боксерская карьера (и какая карьера!) продолжалась еще несколько лет после потери титула, но, как уже бывало и раньше, с какого-то момента она стала главой в карьерах тех, кто пришел после него и, возможно, самой главной главой в карьере того, кто дрался до него.

Мордоворот от Бога Джордж Формен

Рефери поднял руку Шэннона Бриггса, и зрители засвистели. Он же проиграл. А если бы и выиграл, какая разница? Кто такой Бриггс? Кому он нужен? К тому же он только что отнял у многих зрителей надежду на чудо, а людям нужны чудеса. Даже тем, кто всего в этой жизни уже добился.

И все-таки в тот день, 23 ноября 1997 года, Шэннон Бриггс, вполне заурядный тяжеловес, вошел в историю. Проиграл или выиграл, но именно он закончил самую парадоксальную боксерскую карьеру XX века, карьеру Джорджа Формена.

Он родился 10 января 1949 года в городе Маршалл, штат Техас.

Мать Формена была кухаркой, которая в одиночку тянула семью из пяти человек до тех пор, пока не сошла с ума. С 14 до 16 лет Джордж пил, бездельничал и занимался уличным грабежом прохожих, что при его большом росте и огромной, даже для взрослого мужика, физической силе было нетрудно. При этом, однако, он обнаружил полную профнепригодность для работы на большой дороге, так как часто не выдерживал жалобных причитаний своих жертв и возвращал добычу. Через много лет эта его черта нашла неожиданное продолжение.

В Америке едва ли не любого трудного подростка отправляют заниматься боксом, пытаясь тем самым направить его агрессивность в безопасное для общества русло. Попал в подготовительный боксерский центр и Джордж.

Свой первый любительский бой он провел 26 января 1967 года, а в сентябре 1968-го его включили в американскую олимпийскую сборную. К тому моменту у него на счету было, по разным данным, не то 18, не то 20 боев. Как-то так получилось, что в тот момент не оказалось сильных тяжеловесов-любителей, и тренеры сделали ставку на феноменальную одаренность и физическую силу Джорджа Формена, и не просчитались.

Правда, первый блин на Олимпиаде в Мехико вышел у Формена комом. Его соперником был крошечный для тяжеловеса поляк Люциан Трела, ростом всего 170 см, и Формен, тогда еще, возможно, чуть-чуть не доросший до своих окончательных 192 см, поначалу ему явно проигрывал. Темпераментные мексиканские зрители стали смеяться, но тут Формену удалось несколько раз достать Трелу своими ударами справа и тем самым если не вырвать, то по крайней мере вытащить победу. Один судья все-таки вынес решение в пользу поляка, но четверо других отдали победу Формену.

Джордж учился быстро и всех своих последующих противников, в том числе и советского литовца Ионаса Чепулиса, в финале нокаутировал. Таким образом, Джордж Формен стал олимпийским чемпионом через полтора года после своего первого боя. Это, безусловно, одно из самых выдающихся достижений в истории бокса.

Олимпиада 1968 года в Мехико запомнилась феноменальным выступлением американских спортсменов, прежде всего легкоатлетов, и их же публичными выступлениями против расовой дискриминации. Джордж не принял в них никакого участия. «Пусть никто не вздумает ругать при мне американскую систему, — заявил он после своей победы, — потому что она вознаграждает любого, только надо соображать, не бояться работы, вкалывать как следует и не давать ничему себя сломить». На пьедестале он махал американским флажком, а в Олимпийской деревне эти же самые флажки раздавал. Таким образом еще в самом начале своей спортивной карьеры Формен обозначил свои политические взгляды, которым остается верен по сей день. Только тридцать с лишним лет назад они были куда менее популярны в Штатах, чем сейчас. Тогда в моде были те, кто боролся с системой, а не защищал ее. Мохаммед Али уже год как был отлучен от бокса, и популярность его только росла. Выступление американских олимпийцев показало, что он нашел достойных последователей. Пройдет всего два года, и система де-факто признает свое поражение. Али вернут на ринг, а в южных штатах окончательно будет отменена сегрегация.

Дав себе полгода на отдых, Формен перешел в профессионалы. Впоследствии он стал одним из самых агрессивных слагтеров и нокаутеров, но начинал он скорее как последователь Али: техничный боксер с отличным левым джебом. Правда, бил он куда сильнее Али и вообще кого бы то ни было на тогдашнем ринге. Собственная мощь произвела на него самого сильное впечатление, и постепенно удар несколько потеснил технику. Зачем плести кружева, когда так легко выиграть, просто дав противнику в челюсть?

Формен взялся за дело всерьез. Первый профессиональный бой он провел 23 июня 1969 и до конца этого года вышел на ринг еще 12 раз. С 6 по 18 декабря он вообще провел три боя. Из первых 13 соперников только двоим удалось уйти от нокаута, и то, скорее всего, благодаря тому, что Джордж дрался так часто, что не успевал полностью восстановиться между боями. В своем четвертом бою он встретился с довольно известным в будущем боксером Чаком Уэпнером, в значительной степени послужившим прототипом Рокки в исполнении Сильвестра Сталлоне. Формен растерзал его за два раунда и одну минуту третьего. Через год Санни Листону в его последнем бою понадобятся все 10 раундов, для того чтобы победить Уэпнера по очкам.

В 1970-м Формена уже рассматривали как возможного чемпиона мира. В этом году он провел еще 12 боев и во всех, кроме одного, победил нокаутом. Не слишком известному боксеру Грегорио Перальте удалось продержаться до финального гонга, но ни у судей, ни у зрителей не было сомнений, что Формен победил в этом бою с большим отрывом. Сам факт, что кто-то закончил бой с Джорджем на ногах, стал к тому времени почти сенсацией.

В 1971 году Формен одержал досрочные победы над всеми семью своими противниками, в том числе и над Перальтой в их повторном матче, но все равно несколько ушел в тень. Публика всерьез увлеклась Джо Фрезером после его феноменальной победы над Али.

1972 год выдался самым гладким в карьере Джорджа. Он встретился спятью противниками и всех

профессионалами, и то, с какой легкостью Формен расправился с ними, произвело на боксерскую общественность неизгладимое впечатление. Бой с Фрезером теперь напрашивался сам собой, и он конечно же состоялся.

В начале 70-х годов появилась мода проводить самые кассовые бои за пределами США, где промоутеры и боксеры скрывались от непомерных налогов. Не стал исключением и бой Фрезер — Формен, который состоялся 22 января 1973 года в Кингстоне, на Ямайке.

Ничего подобного в чемпионских боях публика не видела с тех пор, как Санни Листон дважды уничтожил на ринге Флойда Паттерсона. Только на месте Флойда с его стеклянной челюстью и откровенно несерьезным для тяжеловеса сложением и физической силой был победитель великого Мохаммеда Али и настоящий тяж с несокрушимым подбородком.

Сейчас забавно читать признания Формена, что он крепко трусил перед боем и сам не знал, как справится с таким чудовищем, как Фрезер. Однако, когда они вышли на ринг, никакого страха в Джордже не чувствовалось. Первые полторы минуты прошли довольно спокойно и запомнились только тем, что Фрезеру удалось пару раз провести свой левый боковой, правда не совсем чисто, на что Формен не отреагировал просто никак. Кроме того, когда низкорослый Фрезер выходил на ударную для себя дистанцию, Формен его бесцеремонно отталкивал. По одному этому движению было видно, насколько Джордж превосходил своего соперника физической силой. Наконец, Формен, видимо вспомнив начало своей профессиональной карьеры неплохо пользовался левым джебом для удержания Фрезера на дистанции. Однако вскоре все эти игры подошли к концу и началась казнь, причем не обычная, а некий боксерский эквивалент четвертования.

В центре ринга завязалось что-то вроде обмена ударами. «Что-то вроде» — потому что цели достигали в основном удары Формена, а Фрезер либо не доставал, либо мазал. Было видно, что Джо не очень понимает, как работать с противником, который настолько превосходит его в физическом плане. У него просто не было подобного опыта, и здесь посреди этого «обмена» Формен «выстрелил» идущим чуть сбоку апперкотом в челюсть Фрезеру. Джо не упал, а опрокинулся, как лодка на волне.

К тому времени и телекомментатор, и большинство зрителей забыли о бое четырехлетней давности Фрезера с Бонаве-ной и сочли, что это был первый нокаун в его карьере. Фрезер вскочил, но был явно потрясен. Формен продолжил атаку, Фрезер попытался достать его своим левым боковым, видимо понимая, что единственный его шанс — это поймать Формена на удар. Он еще не осознавал, что никакого шанса у него не было вообще. Формен вошел во вкус, и его боковые удары рассекали воздух как секиры.

Раунд потихоньку приближался к концу, и у поклонников Фрезера забрезжила, наверно, надежда, что нокаун был лишь эпизодом, но здесь Джордж устроил Джо затяжную бомбардировку, которая закончилась тем же правым апперкотом с тем же результатом: Фрезера буквально снесло с ног. До конца раунда оставалось секунд 15, и все, что было нужно Фрезеру, это встать, дослушать счет рефери и пять секунд продержаться, а там — долгожданный перерыв, и все еще можно будет поправить.

Второй нокаун оказался еще тяжелее, чем первый. Фрезер стал ходить по рингу, делая при этом странно элегантные движения, словно танцевал под медленный блюз. На самом деле его просто шатало. Рефери закончил счет и возобновил бой. Формен обрушился на Фрезера и не столько забил, сколько затолкал его и буквально за секунду до гонга отправил в третий нокаун.

В начале второго раунда Фрезеру удалось опять без всякого результата не слишком чисто нанести свой левый боковой. Формен в ответ забил его в угол. Фрезер сумел разорвать дистанцию, но Джордж его просто оттолкнул. Рефери сделал ему замечание, к неудовольствию его секундантов, но они зря беспокоились. Едва поединок возобновили, как Формен опять набросился на Фрезера, зажал его в углу и нанес правый боковой, после которого Джо как-то неловко побежал вбок вдоль канатов. Формен вслед нанес ему длинный правый прямой, который пришелся точно в челюсть. Фрезер упал. Зрелище это за какие-то пару минут стало привычным.

Едва они снова сошлись в центре ринга, Формен нанес левый апперкот, который потряс Фрезера, затем нанес правый хук, пришедшийся немного вкользь, и завершил это все левым хуком, от которого Джо и упал.

И снова встал. Вскоре последовала длинная серия Формена, завершившаяся ударом правой снизу сбоку, от которого Фрезера подбросило в воздух точно в направлении удара, и он упал на колено. Джо опять встал, но, увидев уже знакомый танец под никому не слышный блюз, рефери решил, что с него хватит. Фрезер не возражал и все той же танцующей походкой пошел в свой угол.

Вместе с Фрезером в Кингстон приехал и один из организаторов матча, начинающий промоутер Дон Кинг, в прошлом уголовник, отсидевший срок за то, что забил до смерти несостоятельного должника, и организатор сомнительных лотерей, на которых нажил начальный капитал. Тогда никто и представить себе не мог, что несколько последующих десятилетий без этого персонажа не обойдется ни один серьезный бой тяжеловесов.

Во время боя Дон сидел в углу Фрезера, но, по мере того как приближалась развязка, он тихой сапой, чуть ли не ползком, стал перебираться в угол к Формену, и, когда бой закончился, он был уже там. Надо ли говорить, что Дон уезжал из Кингстона уже с новым чемпионом мира?

В том же году Формен в первом раунде нокаутировал совсем неплохого боксера Хосе Романа, а 26 марта 1974 года встретился с великолепным Кеном Нортонем, в активе которого тоже была победа над Мохаммедом Али, о чем речь пойдет ниже. На свою беду, во втором раунде после удара Джорджа Кен не упал сразу, а как-то завис в воздухе, чудом сохранив равновесие, и, пока он падал, Формен нанес ему еще пять ударов, едва не убив его.

сложные и противоречивые чувства к которому Джордж пронесет через всю жизнь. А как еще можно относиться к человеку, который сделал тебя навсегда вторым?

Надо ли говорить, что боксером, испортившим Формену биографию, был Мохаммед Али? Это случилось всего через семь месяцев после победы Джорджа над Нортоном, 30 октября 1974 года в столице Заира Киншасе. Но об этом, как и о боях Али с Нортоном, чуть позже.

Свое неожиданное и унижительное поражение Формен пережил очень тяжело. Он заметался. Ни в этом году, ни в следующем он не провел ни одного официального боя. Зато 26 апреля 1975 года провел сразу пять демонстрационных встреч с третьеразрядными боксерами. Джордж пообещал нокаутировать их всех, проведя не больше трех раундов с каждым, но у него это не вышло.

Только 24 января 1976 года он, наконец, вышел на серьезный бой. Его противником на этот раз стал очень сильный тяжеловес Рон Лайл. Их поединок называли «карнавалом нокаутов». За пять раундов Формен падал дважды, а Лайл — трижды. Последнее путешествие Рона на пол поставило точку в этой уникальной встрече, так как он не успел встать до того, как рефери закончил счет.

15 июня того же года Формен еще раз встретился с Джо Фрезером. На этот раз Фрезер продержался значительно дольше, но в пятом раунде стала повторяться их первая встреча, только на этот раз рефери оказался куда менее терпелив. После второго нокаута Фрезера он остановил встречу. Джордж в этом бою выглядел странно, чтобы не сказать страшно. Когда он стоял над поверженным Фрезером, многим зрителям показалось, что он сейчас начнет пинать его ногами, давая волю душившему его бешенству.

Затем Формен нокаутировал еще троих соперников и вроде бы зарезервировал право на матч-реванш с Мохаммедом Али, который все это время тяжелых испытаний Джорджа оставался чемпионом мира. Между ним и Али остался только один соперник — очень хороший, техничный, но невысокий боксер Джимми Янг. Бой казался чистой формальностью, но 17 марта 1977 года в 12-раундовом бою единогласным решением судей Янг одержал победу. И он действительно победил, никаких сомнений в этом не было. И вот здесь с Форменом произошло нечто необъяснимое, если исходить из всей его предыдущей жизни.

Уголовник, ставший священником, был классическим персонажем французской литературы XIX века, но чтобы священником стал самый злобный боксер своего времени — это уже чересчур. Тем не менее, то, что поначалу казалось неумной рекламной шуткой, оказалось правдой. Джордж Формен стал священником.

Нужно, правда, оговориться, что в представлении большинства американцев священник вовсе не должен быть грустным бородатым человеком с просветленным взором и никчемными руками. Американская история и американский национальный характер в сочетании с протестантизмом сформировали совершенно другой тип. Для американца XIX века со Среднего Запада не было ничего удивительного, если священник оказывался самым здоровым мужиком в деревне и мог ударом кулака раздробить челюсть любому из своих прихожан, если он вдруг начинал буянить в храме божьем. Тем лучше — таким святым отцом гордились. А если он еще неплохо стрелял из винчестера или револьвера — совсем здорово. Священник легко мог быть вчерашним шулером, мошенником и преступником, вставшим на путь истинный. Все это никоим образом не отменяло часто действительно глубокую религиозность многих американцев, которая, однако, временами носила и по сей день носит несколько заземленный и забытованный характер.

Шел год за годом. Крепко располневшая фигура Формена и его лицо, которое часто озаряла на редкость обаятельная улыбка, регулярно появлялись на страницах Газет и журналов. Джордж стал чем-то вроде эдакого большого папочки, за широкой спиной которого так легко и приятно спрятаться. Новый Формен заставлял вспомнить не мордоворота, который крушил носы и челюсти на ринге, а скорее парня, который по доброте душевной не смог быть уличным грабителем и наконец нашел более подходящее для своего характера занятие.

Весть о том, что Джордж Формен собирается вернуться на ринг, начавшая циркулировать в околобоксерских кругах в начале 1987 года, поразила всех своей нелепостью. Ему ведь было уже под 40, и он так растолстел, что не всякий помост мог его выдержать. И тем не менее он действительно вернулся — 9 марта 1987 года, за восемь дней до того, как должно было исполниться 10 лет с тех пор, как покинул ринг.

Вскоре стало ясно, что он не прогадал. Публика готова много платить за экзотику, к тому же американцы средних лет оказались на редкость благодарной аудиторией. Они видели, как один из них лупит этих наглых юнцов, которые отбирают у них рабочие места, и это им понравилось.

Соперников Формену, которого теперь прозвали Большим Джорджем, конечно, подбирали специально и с умом. Временами это были никому не известные бойцы, а иногда бывшие звезды, но только те из них, от кого ничего не осталось, вроде Джерри Кун, которого Формен нокаутировал уже во втором раунде. Одновременно Большой Джордж смешил публику, поедая несметное количество чизбургеров подряд. Он стал своего рода всеамериканским плюшевым мишкой.

Очень скоро подали голос скептики. Они безапелляционно заявили, что единственная причина, по которой Джордж Формен вернулся на ринг, — деньги. За время, что он не выступал, гонорары многократно возросли. В начале 70-х годов чемпион мира в тяжелом весе получал приблизительно от 2 до 6 миллионов за бой. Сейчас эти деньги стало можно получать и не будучи чемпионом, если только тебя любила публика. Бокс вообще принципиально изменился. Двадцать лет назад он был на три четверти спортом и на четверть развлечением. Теперь процентное соотношение осталось прежним, но приоритеты поменялись. Тогда яркая личность боксера, если он таковой обладал, была лишь приправой к тому, что он делал на ринге. Теперь часто вообще было не очень важно, что он делал на ринге.

Образ добряка — толстяка — священника — пожирателя чизбургеров 192 см ростом, почти 120 кг весом и 40 с чем-то лет от роду оказался как нельзя более кстати в новом боксе, прошедшем обкатку в Голливуде. Этот имидж был не только новым, но и вообще уникальным. Кто мог его повторить? К тому же и на ринге было на что посмотреть. Вооружившись одной любовью к нему американцев, Формен добился права на бой с чемпионом мира Эвандером Холифилдом и 19 апреля 1991 года встретился с ним. Он, конечно, проиграл, но при этом ни разу не побывал в нокадауне, хотя перед боем почти все эксперты были уверены, что он будет нокаутирован уже в первых раундах. Однако оказалось, что в 42 года Формен держит удар лучше-чем в 25.

После этого он одержал три победы подряд, а затем потерпел еще одно поражение — по очкам — в 12 раундах от молодого и очень популярного белого тяжеловеса Томми Моррисона. Это случилось 7 июня 1993 года. Однако любовь публики и поддержка прессы позволили ему уже в следующем бою драться за чемпионский титул. Майкл Мурер, чемпион мира по версиям WBA и IBF (к тому времени множество организаций, главными из которых являются WBA, WBC и IBF, стало объявлять своих чемпионов мира), согласился с ним встретиться. Боксерская общественность решила, что, несмотря на поражение от Моррисона, по причине грандиозности его былых заслуг Формен имеет право напоследок попытать счастья еще раз — все равно ведь никаких шансов у него нет.

Бой состоялся 5 ноября 1994 года. Мурер — боксер очень неплохой, но невероятно ленивый. Временами он попросту спал на ринге, успевая тем не менее методично осыпать медлительного Формена градом ударов. Его тренер Тедди Атлас был тем не менее чем-то недоволен и, надрывая глотку, орал, чтобы Майкл перестал уходить от ударов Формена влево, так как таким образом он может насесть на его встречный правый кросс. Сонный Мурер тем не менее продолжал уходить влево, все время без труда успевая уклониться от удара Формена правой, так что сложилось впечатление, что Атлас зря беспокоится.

Не перетруждаясь, Мурер выиграл едва ли не все первые девять раундов, и все же преимущество его не было сокрушительным. В десятом Формен его хорошенько огрел, и Майкл явно решил закончить раунд на тихой волне. В результате произошло именно то, чего так боялся Тедди Атлас: он прозевал встречный удар Формена правой, буквально насадив свою голову на его кулак, как шашлык на шампур, и оказался в нокауте.

То, что удалось сделать Формену, не укладывалось в голове. Он сумел вернуть себе титул через 20 лет после того, как потерял его. Он стал чемпионом мира в возрасте 45 лет, побив предыдущий рекорд, принадлежавший Джерси Джо Уолкотту, сразу на восемь лет, и вряд ли достижение Большого Джорджа будет когда-нибудь перекрыто.

На какую-то минуту показалось, что Формен сумел даже затмить Мохаммеда Али. Но это только показалось. Во-первых, потому что, как только прошел шок, стало ясно — произошла случайность. Во-вторых, Формен сам взялся за разрушение храма своей славы, и так ретиво, как это не смогли бы сделать его враги.

Понимая, что запас чудес уже исчерпан, Большой Джордж принялся опять самым бессовестным образом подбирать себе соперников. В Германии он откопал некоего Акселя Шульца, которого до того не знал практически никто. Гонорар Формена за этот скандальный бой составил 10 миллионов долларов. WBA лишила его своего титула за отказ драться с Тони Таккером, занимавшим первое место в рейтинге этой организации и имевшим автоматическое право на бой с чемпионом. Однако Формен умудрился еще усугубить скандал: 22 апреля 1995 года он проиграл Шульцу. То есть по мнению всех, кроме судей, отдавших победу Джорджу. Как показал опрос, даже среди американских болельщиков 85 процентов были убеждены, что Формен в этой встрече потерпел поражение. IBF, чей титул Джордж защищал в этом бою, чувствуя назревающий скандал, назначила матч-реванш. Формен от него уклонился, и тогда IBF отобрала у него титул.

Публика не могла долго сердиться на Большого Джорджа и все ему простила, но теперь ему пришлось подбирать себе соперников еще осторожнее. Из-за этого в том же 1995 году Формен пошел на открытый скандал, отказавшись от боя с известным боксером Хасимом Рахманом, несмотря на все достигнутые договоренности. Но тут уже лопнуло терпение у всемогущей сети кабельного телевидения HBO, которая фактически приказала Формену встретиться с достаточно известным боксером Шэнноном Бриггсом. С телевидением не спорят, так как большая часть денежных поступлений идет от него. Перед встречей с Бриггсом Формен наводнил всю прессу вызовами на бой Эвандера Холифилда, чемпиона мира по версиям WBA и IBF, и англичанина Леннокса Льюиса, чемпиона мира по версии WBC, причем эти вызовы были выдержаны в достаточно неуважительной форме. Это выглядело смешно и жалко.

Бриггс, из которого одно время пытались слепить звезду, но уже давно оставили эти попытки, с радостью согласился на бой с Форменом, суливший высокий гонорар. Большой Джордж выиграл как минимум восемь раундов из двенадцати, но двое судей из трех тем не менее отдали победу Бриггсу. Третий определил ничью. Большинство голосов победа была присуждена Шэннону. Формен за любовь к нему американцев получил 5 миллионов долларов.

Как вскоре написало сразу несколько изданий, плохое решение привело к хорошему решению: Формен оставил ринг. Тут же разлюбившая его была публика снова прониклась к Большому Джорджу симпатией. Теперь меньше всего хотелось думать о некрасивом окончании его карьеры, а хотелось вспомнить о том, как он сумел подавить в себе зверя, о том, как в 40 с лишним лет он погнался за своей синей птицей и догнал ее, и это через 20 лет после того, как проиграл главный бой своей жизни. Хотелось вспомнить, как, когда его через много лет спросили об Али и их встрече в Киншасе, Большой Джордж сказал: «Да он попросту высек меня тогда. И, наверно, высек бы меня снова». Побеждать умеют почти все. Мало кто умеет проигрывать. Хотелось вспомнить, как, «проиграв» Бриггсу, Формен, улыбаясь избитым лицом, объяснял всем и каждому, что его не за что жалеть. Хотелось, в конце концов, быть в чем-то

После поражения от Фрезера 8 марта 1971 года Мохаммед Али отнюдь не впал в отчаяние. Он кричал всем и каждому, что произошедшее — результат его отлучения от бокса и он еще покажет и этому Фрезеру и всем остальным, но желающих слушать его заметно поубавилось. Он начал выходить из моды. Не в традициях Америки слишком уж сопереживать побежденным. И Мохаммед решил, что надо снова становиться победителем.

Али быстро понял, что до боя с чемпионом мира его допустят не скоро. Его пустили по большому кругу, заставляя драться с каждым, кто хоть отдаленно походил на претендента. Для начала Али нокаутировал в двенадцатом раунде своего доброго приятеля и «бумажного чемпиона мира» Джимми Эллиса. Тот не затаил на него за это обиды и в скором времени стал его спарринг-партнером. Затем Мохаммед по очкам победил очень уважаемого боксера Бастера Матиса и просто для разминки встретился с немцем Юргеном Блином. Смелый и упрямый Блин пытался дать Мохаммеду бой, и изредка его бесшабашные атаки достигали цели, но Али все равно нокаутировал его в седьмом раунде. На том 1971 год для него и закончился.

В следующем году Али провел еще четыре боя, самым трудным из которых стал первый — матч-реванш с Джорджем Чу-вало. Снова Али бил, а канадец не падал, но победа Мохаммеда сомнений не вызвала. Затем была еще одна победа над Джерри Кворри, нокаутом в седьмом раунде и над не слишком известным Элом Льюисом — в одиннадцатом. Последним в том году стал чемпион мира в полутяжелом весе Боб Фостер, продержавшийся до восьмого раунда, и еще один год остался позади.

В феврале 1973 года Али по очкам победил твердолобого британца венгерского происхождения Джо Багнера и фактически вышел на финишную прямую на пути к бою с только что коронованным новым чемпионом мира Джорджем Форменом или, по крайней мере, со своим бывшим обидчиком Джо Фрезером. Чтобы выйти на один из этих боев, Мохаммеду надо было пройти только набравшего популярность техничного и грамотного боксера Кена Нортон. 31 марта 1973 Али встретился с ним в его родном городе Сан-Диего, штат Калифорния.

Мохаммед не воспринял Нортон особо серьезно в качестве соперника и вышел на ринг даже с некоторым «перевесом», но в первом же раунде случилось непоправимое. Нортон нанес сильный удар левой в челюсть, который, однако, сам по себе не был чреват ничем опасным, если бы не одно случайное совпадение: он пришелся в то место, где у Али не было зуба, десна была ослаблена, и челюсть сломалась. Как когда-то Листон в такой же ситуации, Али сумел уйти от нокаута. Он пробокси-ровал со сломанной челюстью 11, наверно, самых трудных раундов в своей жизни и закончил бой на ногах. Имя победителя не вызывало никаких сомнений до того, как рефери поднял руку Нортон. Чествуя своего домашнего героя, тысячи зрителей стали выкрикивать оскорбления в адрес Али. После поражения от Фрезера его чествовали как героя, который сделал все, что мог. Теперь же его буквально оплевывали. И это было только начало. После того боя подняли головы все, кто его ненавидел. Наконец-то! Нортон закончил то, что начал Фрезер, и теперь с этим проклятым горлопаном будет покончено.

Однако Али не был бы самим собой, если бы не сумел в этих обстоятельствах добиться матча-реванша. Его фотографии со сломанной челюстью и история о том, как, когда и почему это случилось, обошла массу изданий — как спортивных, так и очень далеких от спорта, и не пойти ему навстречу стало просто неудобно. Матч-реванш состоялся почти через полгода, 10 сентября 1973, в Лос-Анджелесе, где Нортон считали почти таким же своим, как и в находящемся также в Калифорнии Сан-Диего.

Бой грянул нешуточный. Инициатива переходила из рук в руки в течение 11 раундов. Позже Али сказал, что серьезно травмировал правую руку в шестом раунде и после этого не мог наносить ею удары в полную силу.

В последнем раунде Али показал, что его шестое чувство работает не только на противника, но и на судей. Он понял, что для победы в этом бою ему надо выиграть этот раунд как можно более убедительно, раз уж он не может нокаутировать Нортон, и он это сделал. Действуя главным образом левой, он обрушил на Кена град ударов и практически ничего не пропустил в ответ.

После боя один судья все же отдал победу Нортону, но двое других вынесли решение в пользу Али, и боксерская общественность скрепя сердце с ними согласилась.

Тем не менее все будущее Али осталось под вопросом. До конца 1973 года он без всяких проблем победил малоизвестного боксера Руди Лубберса. Однако получилось, что за весь этот год он не сделал ни одного нокаута, проиграл восходящей звезде и не слишком уверенно выиграл матч-реванш. Даже многие поклонники Али после этого опустили головы. Времена его непобедимости, когда он был чемпионом мира, остались в уже достаточно далеком прошлом. С тех пор прошло почти семь лет, по накалу страстей вместили в себя несколько бурных человеческих жизней. Вернуться на чемпионский трон после такого перерыва казалось невозможным. Мохаммед Али постепенно становился «вчерашним человеком».

28 января 1974 года состоялся матч-реванш Мохаммеда Али и Джо Фрезера. Бой двух битых экс-чемпионов вызвал лишь тень того интереса, что бой двух небитых чемпионов почти три года назад. Однако поединок получился на славу. Начало боя было за Али, а во втором раунде вообще произошел очень странный эпизод, который, возможно, изменил ход встречи. Секунд за 30 до гонга Мохаммед начал мощную затяжную атаку, которую неожиданно прервал рефери, решивший, что раунд уже закончился. Фрезер был на грани как минимум нокаута, а возможно, и нокаута, как, кстати, решил и комментатор. Рефери достаточно быстро осознал свою ошибку и продолжил бой, но момент был упущен: Джо успел перевести дух и протянул оставшиеся до конца раунда 10—15 секунд.

Фрезер продолжал атаковать, а Али старался эти атаки перехватывать. В девятом раунде для Мохаммеда наступил критический момент: теперь уже он был на грани нокаута, но сумел выйти из этого состояния и выиграл

Эта встреча давала Али право драться с чемпионом мира Джорджем Форменом. Многие, правда, тогда полагали, что Али и Фрезеру следовало бы драться за право не встречаться с Форменом. Через два месяца после своего второго боя с Фрезером, 26 марта 1974 года, Мохаммед Али стал свидетелем того, как Формен едва не убил его старого знакомого Кена Нортон, и даже он не смог скрыть своего потрясения увиденным.

Слава Формена, крепко замешанная на ужасе, после этого взлетела до небес. Его стали бояться даже больше, чем Санни Листона, с которым его постоянно сравнивали, причем далеко не в пользу уже покойного Санни. В конце концов Формен сумел сделать с пуленепробиваемым Фрезером то, что Листон с Паттерсоном, который только в титульных боях в общей сложности 17 раз побывал в нокадауне.

Вообще в то время много занимались сравнениями, например такими. Али по два раза встречался с Фрезером и Нортон, и в обоих случаях проиграл первый бой и с огромным трудом выиграл второй. Формен не победил, даже не нокаутировал, а просто уничтожил обоих за два раунда. Все серьезные поклонники бокса знают, как обманчивы бывают такие сравнения, но в данном случае они казались действительно уместными. И чем неотвратимее становился бой Формен — Али, тем меньшими виделись шансы Мохаммеда в этом поединке.

Бой действительно становился неизбежным. После победы над Фрезером Али возглавил претендентский рейтинг. К тому же он был чуть ли не единственным, кто хотя бы на словах не боялся Формена и готов был с ним встретиться.

Организация такого грандиозного боя заняла много времени. Формен получил на тренировке мелкое рассечение, из-за которого встречу пришлось чуть-чуть отложить. Но она наконец состоялась. Это произошло 30 октября 1974 года в Африке, в столице Заира Киншасе. Промоутеры, скрываясь от налогов, забирались все дальше и дальше. Однако многие увидели в месте события глубокий символический смысл: негр всея земли должен был защищать свою расу в центре Африки. То, что его противник в данном случае тоже негр, ничего не меняло. Это был верноподданный ставленник белых. Формена, который выглядел тогда сущим воплощением спеси, такое положение вещей даже забавляло. «Что этот полукровка так носится со своим цветом кожи? Я в два раза чернее его», — сказал он как-то и попал в самую точку. Али ведь, в сущности, мулат, а не неф, и его белые корни, которые он всегда игнорировал, легко прослеживаются. Его родственники нашлись, в частности, в Ирландии. Однако это тогда никого не волновало. Али давно стал олицетворением сразу двух Америк, интересы которых тогда часто пересекались, Америки черной, и Америки прогрессивной, то есть левой и левацкой.

Сейчас иногда странно читать того же Нормана Мейлера, написавшего прекрасную книгу о бое Али — Формен. То, что Мохаммед где-то между делом обозвал кого-то «грязным христианином», вызывает скрытую, но явную симпатию автора. Правда, Али потом извинялся, но Мейлер, вне всяких сомнений, простил бы его и без этого. А вот что юный Формен не смог стать уличным грабителем, ибо многим его жертвам удавалось легко его разжалобить, так что он тут же все возвращал и убегал, вызывает у писателя, отнюдь не апологета насилия, лишь насмешку. И его позиция была тогда достаточно типична для очень многих американцев и особенно для людей, составлявших цвет нации. В общественном сознании американцев происходила революция, и, как всякая революция, она крушила все без разбора. Еще не существовало понятия «политкор-ректность», но уже родились все ее издержки. Наступила эпоха покаяния за многие века черного рабства и за столетие расовой дискриминации. И как всегда бывает в случаях национального покаяния — каялись совсем не те, кто грешил, а те, кто каялись, не знали никакого удержу.

Последние дни перед боем Али, по своему обыкновению, превратил в бесконечный спектакль, обещая «поплясать и отшлепать Формена». Со своим вечным компаньоном Бундини они устраивали целые феерии. Формен на это никак не реагировал. Похоже, он действительно представить себе не мог, что может проиграть Али.

Бой состоялся рано утром, чтобы американцы смогли посмотреть его в прямом эфире в самые лучшие вечерние часы. Антураж соответствовал событию. В числе комментаторов был и Джо Фрезер как специалист по обоим боксерам. Как и абсолютное большинство экспертов, он не сомневался в победе Формена. Ставки перед боем были от 5 к 2 до 3 к 1 в пользу чемпиона мира.

Выход обоих боксеров был необычайно торжественным, и публика оголтело приветствовала обоих. Минуты тянулись как часы, и ожидание быстро становилось невыносимым. Когда, наконец, прозвучал гонг, тысячи людей на стадионе и десятки миллионов перед телеэкранами облегченно вздохнули.

Формен сразу начинает теснить Али к канатам, тот отступает и неожиданно проводит классическую двойку с акцентом на правом кроссе. Удар очень сильный, и, кажется, он удивляет самого Формена. Он успел привыкнуть к тому, что его боятся, и никак не ожидал от Али такой прыти. Тут же Мохаммед проводит еще одну такую же серию. Он быстро перемещается по рингу, и Джордж пока за ним не поспевает. Однако, когда ему все же удастся прижать Али к канатам, тот не спешит оттуда выходить. Он принимает некоторые удары Формена на корпус, но бережет голову и сам постоянно контратакует. Все же в середине раунда Формену удастся несколько приноровиться к своему верткому противнику, и время от времени ему удаются отдельные удары. Но Али спасает его феноменальное чувство дистанции и невероятный бойцовский инстинкт. Меньше чем за минуту до конца раунда, прижатый к канатам, он чуть-чуть отклоняет голову, и чудовищный апперкот Формена, сыгравший ключевую роль в бою с Фрезером, пролетает мимо его головы. Тут же идет второй, но в нем нет той силы, к тому же Али удается его частично амортизировать. Один раз Формену удастся неплохой левый хук, который отбрасывает Мохаммеда на канаты, но Али опять его видит и уходом снижает эффективность удара. Концовка раунда скомкана, что несколько портит впечатление от работы Али, он много клинчует, но он явно выиграл этот раунд. Фрезер, правда, заявляет, что раунд равный, но так думают немногие.

справа получился особенно мощным. Правда, Али, отклоняясь, в значительной степени погасил его силу, но далеко не полностью. В первой половине раунда Формену удастся еще несколько неплохих ударов, но ни один из них не приходится совсем уж чисто, благодаря чему Али ни разу даже не пошатнулся.

Однако здесь происходит нечто странное — Али как будто не спешит отходить от канатов и даже из углов. Он принимает некоторые удары Формена на корпус и пытается контратаковать в голову. Несколько его левых джебов находят челюсть Формена, и по лицу последнего видно, как это неприятно. Вообще тем, кто думает, что в ударах Али мало силы, следовало бы почитать отзывы о них одного из его противников, очень сильного боксера Рона Лайла. В частности, о его левом джебе он говорил, что по ощущениям по силе он больше походил на правый кросс, и именно это видно сейчас по Формену.

В конце раунда Али несколько раз удачно контратакует. На этот раз концовка за ним, но трудно сказать, приносит ли она ему успех в раунде. Фрезер опять говорит, что раунд равный, и на этот раз с ним трудно не согласиться. В принципе его можно отдать и тому и другому, но лично мне кажется, что пусть с минимальным преимуществом раунд выиграл Формен, так как его атаки в первой половине выглядели чуть более результативными, чем атаки Али во второй.

Комментаторы во главе с Джо Фрезером после второго раунда недоумевают: почему Али не уходит от канатов? Лишь один из них замечает, что он, и не уходя от канатов, умудряется наносить Формену множество ударов, которые рано или поздно на нем скажутся.

Третий раунд. Али удачно контратакует правым кроссом, а через некоторое время повторяет этот удар и наносит двойку, опять-таки с акцентом на кроссе. Формен явно чувствует эти удары, но он яростно огрызается и примерно за минуту до гонга наносит короткий удар правой, затем очень мощную двойку и, наконец, последний правый кросс, очень сильный. В последний момент Али откидывает голову и как-то амортизирует удар. Во всяком случае, он даже не пошатнулся, но, если так будет продолжаться, раунд он проиграет. Какое-то время кажется, что так оно и будет, но, находясь в центре ринга, Мохаммед неожиданно наносит правый кросс, а затем еще двойку. Формен слегка ошеломлен, но бросается за отступившим в угол Али. Там Мохаммед его встречает еще одной мощной двойкой, а потом еще одной. Звучит гонг. Рефери разнимает противников. Последние атаки приносят Али победу в раунде.

В начале четвертого раунда Али опять, как он уже делал много раз, отступает в угол, а затем наносит правый кросс и еще двойку. Последний удар правой очень сильный, и Формен пошатнулся, впервые за весь бой. Какое-то время Али действует активно, а потом перестает идти на обострение. Похоже, это тактика: Али все время активен в начале раунда, потом отдает середину и старается выиграть концовку, что обычно ему удается.

Формен наносит много длинных мощных ударов, которые идут мимо цели. Ближе к концу ему удастся неплохой удар справа, на который Али вскоре отвечает своим. Мохаммед опять выиграл раунд. В перерыве один из организаторов матча, Джон Дейли, говорит фразу, которая впоследствии его прославит: «Потрясающий бой! И по моему, Али выигрывает в одну калитку. Я думаю, что для победы ему понадобится не больше четырех раундов».

Пятый раунд Али начинает с сильного левого джеба, еще раз показав, какая сила скрыта в этом ударе, но продолжения не следует. Начинается какой-то вялый обмен ударами, не причиняющий особого вреда ни тому, ни другому.

На второй минуте Формен прижимает Али к канатам и начинает бомбардировку в стиле американских «летающих крепостей» времен Второй мировой. Джордж бьет и по голове и по корпусу. В голову Мохаммед пропускает только один или два удара, остальные приходятся по защите или летят мимо цели, но по корпусу Формен страшно прикладывает множество раз. Создается впечатление, что Али измотан. Комментатор, который явно ждал победы Формена, решает, что вот она и пришла, и кричит: «Формен выигрывает раунд в одну калитку!»

Между тем атака Формена начинает иссякать, он полностью выложился и измотал себя собственными ударами. Секунд за 45 до конца раунда Али наносит какую-то как будто пробную двойку. Видимо, результат ему понравился, потому что секунд через десять он переходит в непрерывную атаку. Он проводит несколько блестящих серий с акцентом на правом кроссе. Формену удастся между делом провести длинный левый хук, но Али на него никак не реагирует и продолжает атаку, обрушив на голову Джорджа еще множество ударов. Между делом он еще подмигивает кому-то в своем углу и снова берется за голову Формена. Гонг звучит под всеобщий рев зала. Заживо похороненный, Али воскрес и задал своему палачу такого жару, что перечеркнул все, чего Джордж добился до этого.

Комментаторы перебивают друг друга. Всех ставит в тупик тактика Али: это стояние у канатов, которого никто не ожидал. И только здесь Джо Фрезер подает голос: «Это старый трюк профессионалов, и Джордж пал его жертвой». Но Фрезера, похоже, не очень слушают. «Когда я с ним дрался...» — начинает Фрезер, но его бесцеремонно прерывают. Фрезер и его бои сейчас никого не интересуют.

В перерыве команда Формена требует натянуть канаты потуже, так как секундантам все еще чемпиона мира кажется, что Али использует их на выгоду себе. Увидев это, Анджело Данди принимается орать как сумасшедший, требуя, чтобы канаты оставили в покое.

Шестой раунд Формен начинает необычно. Он вспоминает, что когда-то был техничным боксером, прекрасно умевшим пользоваться левым джебом, и несколько раз слегка беспокоит Али этим ударом. Али потребовалось какое-то время, чтобы приспособиться к этой перемене, а потом он раз за разом начинает наносить свой джеб, показывая всему миру, кто лучший в этом компоненте. От каждого удара голова Джорджа дергается, как тренировочная груша. Зал встречает каждый удар Али одобрительным воплем. Формен прижимает Мохаммеда к канатам и бьет по защите. Его

Мохаммед наносит хорошую двойку и добавляет еще. Этого вполне достаточно, чтобы отдать ему раунд. Формен очень измотан.

В перерыве один комментатор, предвосхищая события, говорит, что Али, похоже, станет вторым человеком, который сможет вернуть себе титул чемпиона мира в тяжелом весе. Другой начинает описывать тактику Али, его простаивание у канатов, которое измотало его противника гораздо больше, чем его самого. Вставляет слово Джо Фрезер, который говорит, что Формен дерется глупо, а Али — умно.

В седьмом раунде Мохаммед явно берет выходной. Формен настолько измотан, что под видом ударов просто пихается. Али не делает вообще ничего. Время от времени он наносит один-два удара, но не вкладывается в них. Формен слегка перевел дух и в одном из эпизодов меньше чем за минуту до конца раунда наносит два мощных боковых, которые не достигают цели, а затем неплохой апперкот правой, но Али, как и прежде, не ре-

агирует на эту атаку никак. Формен несколько раз наносит удары по корпусу с тем же отсутствием результата, что и раньше. Али иногда лениво контратакует. Гонг. Видно, что Формен устал за этот раунд гораздо больше, чем Али, но он был чуть активнее, и при очень большой симпатии ему можно отдать этот раунд, хотя на самом деле они были равны, а если судить по нанесенному урону, то вообще победил Али.

В общем-то всем, в том числе и комментаторам, ясно, к чему идет дело, но никто не знает, когда наступит конец. Фрезера спрашивают, может ли еще Формен нокаутировать Али одним ударом. Джо отвечает утвердительно, но по интонации слышно, что в такое развитие событий он сам совершенно не верит.

В начале восьмого раунда Али под рев зала наносит несколько левых джебов и правых кроссов. Формен отвечает своими бешеными ударами со всего размаха — и мажет. В какой-то момент Али проваливает его, и Формен всем телом налетает на стойку ринга и ложится на нее, а Али придавливает его сзади.

Чуть позже Формен проводит на удивление неплохую двойку, причем правый кросс по крайней мере выглядит сильным, но, наверно, это уже только видимость. Джордж проводит неплохой правый апперкот и еще несколько прямых с обеих рук, а затем достает Али еще каким-то полухуком-полупрямым. Али в ответ внимательно смотрит на него. Формен устал, и его удары опять превращаются в вялые толчки. Один из комментаторов догадывается: «Али позволяет ему наносить больше ударов, чем раньше. Он хочет, чтобы Формен сам измотал себя в атаках». Все правильно, только Джордж, похоже, этого не понимает и, как и в течение всего этого боя, безропотно идет на поводу у Али.

Где-то секунд за двадцать до конца Али, находясь в углу, наносит правый кросс, затем еще один, а с третьим ударом правой легко выворачивает из угла и наносит несколько как будто нащупывающих ударов справа, затем проводит двойку, тоже вроде бы пробную и тут же добавляет еще одну: сильный левый подготавливает почву, точнее, мишень на лице Формена, а потом туда влетает мощный правый кросс с сильнейшим акцентом, который Мохаммед и готовил в течение всей концовки раунда.

Формен, согнувшись, описывает заплетающимися ногами какую-то петлю против часовой стрелки. Али висит над ним, как орел над жертвой, прежде чем спикировать на нее, но не добивает, хотя имеет на это право. Все-таки не случайно противники его никогда не боялись.

Джордж наконец падает. Он лежит на спине, слегка приподняв голову. Рефери считает. Формен начинает вставать и поднимается на ногу как раз тогда, когда рефери завершает счет, но арбитр дает сигнал, что бой закончен. Джордж не возражает и, шатаясь, идет в свой угол. Похоже, он даже не очень соображает, что произошло.

Тем временем Али, согласно правилам, стоявший в нейтральном углу, походкой гладиатора, повергнувшего всех врагов и завоевавшего свободу, возвращается в свой угол. Его там ждут. Как ждут! И сколько народу! Похоже, туда устремились все, кто был на стадионе, и охрана в касках еле сдерживает их.

Творится что-то невообразимое, не сравнимое даже с тем, что было 10 лет назад в Майами-Бич, когда Кассиус Клей победил Санни Листона. Тогда этого тоже никто не ожидал. Как ни странно, в двух главных боях своей жизни величайший тяжеловес XX века не казался фаворитом. Более того, большинство считало, что у него в них вообще не было шансов.

Никто не замечает, как с ринга уходит Формен. С ним идут только три или четыре человека. Больше он никому сейчас не нужен. Али уходит в окружении тысяч людей. На пресс-конференции Мохаммед дает душе оторваться, требуя, чтобы журналисты, дававшие свои прогнозы на этот матч, в котором ему отводили роль жертвенного барана, признали свои ошибки. Точно так же он делал и после первого боя с Листоном. Смущенно посмотрев друг на друга, представители прессы начинают каяться, как и десять лет назад, но только теперь все-таки гораздо более охотно. Али снова чемпион, и в этот момент кажется, что навсегда.

После того как улегся шок, вызванный победой Мохамме-да, все бросились объяснять, как же такое могло произойти, как же вышло, что все так обмишурились. Сейчас бывает очень забавно читать эти откровения, особенно если перед этим посмотреть сам бой. Возникает вопрос: о каком же бое пишут все эти эксперты? Все дело в том, что они не столько пытались описать сам поединок, сколько оправдать свои прогнозы и вольно или невольно подтягивали описание под свой прогноз. Нэт Фляйшер, главный редактор и издатель журнала «The Ring», писал, что Али проиграл первых два раунда и вообще его тактика себя очень часто не оправдывала. В целом же из семи раундов Фляй-шер отдал Формену четыре, а Али — три. Нетрудно догадаться, какой прогноз давал он перед боем.

Самое же точное описание боя, со всеми нужными акцентами и всей его психологической подоплекой дал Норман Мей-лер, которого, по-моему, именно за это многие спортивные обозреватели навсегда невзлюбили.

Мохаммед Али — император Америки

Вся история Али после боя с Форменом — это, в сущности, история поклонения, в которой сами бои, кроме одного-единственного, играют очень небольшую роль. Все, что он делал, вызывало восхищение. Десять лет назад Мохаммед Али несколько опережал свое время, что вызывало естественное непонимание современников. Теперь время, в значительной степени созданное им самим, его догнало.

В самом деле, 70-е годы, со многими их положительными и отрицательными чертами, были детищем Али и других ярких общественных фигур того времени. Чемпион мира, отлученный от ринга в 1967-м, он стал культовой фигурой в борьбе за права негров и за несколько лет выполнил работу, которую за него никто не смог бы выполнить и за десятилетие. Конечно, он был не один, но и эта борьба была бы без него совсем другой, куда более долгой и куда менее блестящей. Он был всюду, он смотрел на вас со всех сторон и наглядно показывал: негр может быть не только самым сильным, но еще и самым умным. Его гениальное умение обращать все в свою пользу вызывало откровенную зависть даже у политиков и адвокатов. Али, как никто другой, примирил традиционалистов, составляющих костяк американского общества, с переменами, с новой реальностью, в которой негры перестали смотреть на белых снизу вверх.

Самое любопытное, что Али в пылу своей борьбы за равноправие негров не заметил, как стал своим для белой Америки, и не только Америки. Один из его многочисленных биографов, прекрасный журналист Томас Хаузер приводит фантастический эпизод, имевший место уже в 90-х годах. Он вместе с Али приехал в Лондон на презентацию своей книги о нем. В то время когда Мохаммед ставил автографы на книги, с которыми к нему подходили, одна женщина посмотрела сначала на Али, потом на Хаузера и спросила его: «Вы сын Али?» «Нет, мэм», — ответил Хаузер. «Да? — разочарованно сказала женщина. — А вы очень на него похожи».

Свою реакцию на этот эпизод лучше всего описал сам Хаузер: «Поначалу я подумал, что она не в своем уме. В конце концов, я белый и всего на четыре года моложе Али. Но потом мне пришло в голову, что это был еще один пример того, как люди становятся дальтониками и перестают различать цвет кожи, когда дело доходит до Али. И разумеется, это высочайший комплимент, если кто-нибудь скажет тебе, что ты похож на Али».

Могли кто-то представить себе что-то подобное в 1964 году? А в своей стране еще в 70-е Али стал живым воплощением нестигаемого американского духа и национальным символом куда большим, чем статуя Свободы и все президенты, которые при нем правили Америкой, вместе взятые. И остается им по сей день.

Свой второй титул Али защитил 10 раз, но, как уже говорилось, только один из этих боев занял место в истории.

Первым противником Мохаммеда после Формена стал Чак Уэпнер. Али сам сделал этот бой примечательным, главным образом тем, что не воспринял Уэпнера всерьез и забыл толком потренироваться. Чак, боксер весьма среднего таланта, прыгнул выше головы и показал совершенно героический характер. В девятом раунде он послал Али в нокдаун и вернулся в свой угол, говоря своему тренеру: «Поедем в банк за деньгами. Мы миллионеры». Он полагал, что Али не встанет с пола. Но тренер ответил ему: «Ты лучше обернись назад. Он встал и зол как черт». Этот бой, кстати, вдохновил малоизвестного тогда Сильвестра Сталлоне на постановку прославившего его первого «Рокки». Однако в реальности все было не совсем так. Судьи не выносили несправедливого решения. Уэпнер бой проигрывал, а в пятнадцатом раунде за 19 секунд до финального гонга попал в нокдаун. К тому моменту кровь лилась ручьями из ран вокруг глаз, и рефери остановил встречу.

Затем Али в одиннадцатом раунде нокаутировал мужественного и добродушного Рона Лайла, который был и остался по сей день его поклонником. Потом наступил черед старого знакомого, британского венгра Джо Багнера, который, как и в их первой встрече, сумел продержаться до финального гонга. Все эти бои стали событиями, потому что в них принимал участие Мохаммед Али, но о них в скором времени забыли, так как ни один из этих соперников не имел реального шанса его победить, чего никак нельзя сказать о его следующем противнике — Джо Фрезере.

В третий, и последний, раз они встретились на ринге 1 октября 1975 года в Маниле, но можно сказать, что на самом деле бой начался задолго до этого дня.

История вышла некрасивая, и надо было совсем ослепнуть от любви к Али, чтобы найти для него какие-то оправдания, но большинство американцев тогда именно так к нему и относилось. Он был героем и имел право на все. Победив Формена, он завоевал сердца большинства своих соотечественников навсегда, потому что героя почти невозможно ненавидеть и очень трудно не любить. Гораздо легче и естественнее его обожать, что почти все и делали.

Мохаммед начал артподготовку задолго до сражения. Он не нашел ничего лучше, чем срифмовать три слова: «триллер» (thriller), в его просторечном произношении «трилла» (thrilla), Манила и горилла. Нетрудно догадаться, что сам поединок он назвал Thrilla in Manila, под этим названием он и вошел в историю бокса, а самого Фрезера окрестил гориллой. Более того, он завел маленькую резиновую куклу обезьяны, с которой всюду появлялся и которую, на радость публике, доставал из кармана и колошматил, приговаривая что-то вроде: «Ну давай, горилла, устроим триллер в Маниле». И все это продолжалось не один день и даже не одну неделю. Стоит ли удивляться, что Фрезер никогда его не простил и отказывается фотографироваться вместе с ним по сей день, когда они оказываются на одних и тех же боксерских тусовках.

Позже Али много раз говорил, что в этом не было ничего личного и он просто занимался раскруткой боя. В своей автобиографии и в бесчисленных интервью, которые он дал за годы, прошедшие с того боя, он всегда говорит о Фрезере с огромным уважением и называет его лучшим боксером из всех, с кем он когда-либо встречался, но вместе с

имеет для Джо уже никакого значения. Для него важно только то, что трижды, в 1971, 1974 и 1975 годах, и особенно в последний раз, Мохаммед Али перед всем миром выставлял его идиотом, и мир ему верил. Просто не мог не поверить. Али тогда загипнотизировал весь мир, не говоря уж об Америке. Французы начала XIX века тоже прощали Наполеону что угодно, он был их императором, и он принес им небывалую славу, а Америка 70-х годов XX века все прощала Мохаммеду Али, потому что он был ее императором и, сам того не зная, стал символом ее мощи, вместе с баллистическими ракетами, стратегической авиацией и авианосцами. Но до 1 октября 1975 года был один человек, который все это ставил под сомнение, и, не разобравшись с ним, Али не смог бы долго оставаться на вершине. Мохаммед и не уклонялся от этой встречи. Это было не в его характере. Наполеон ведь тоже не бегал от своих многочисленных противников. Он сам их искал.

Этот бой чаще любого другого называют самым великим в истории бокса. Такое утверждение нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но в любом случае он заслуживает подробного описания.

Бой начался с очередной хохмы Али. На ринг вынесли специальный приз президента Филиппин Маркоса, довольно помпезное не то золотое, не то позолоченное сооружение. После боя его собирались вручить победителю. Но Али, улыбаясь, под хохот зала, ни слова не говоря, сразу же утащил его в свой угол. Приз, конечно, забрали, но публику в зале Мохаммед уже завоевал. Дуракаваляние Али скрасило последние минуты ожидания, которые без этого стали бы просто невыносимыми.

Первый раунд. Фрезер всегда достаточно плохо начинал бой и обычно проигрывал первый раунд. Не форсирует он события и сейчас. Сразу становится ясно, что он совершенно точно знает, что будет делать в этой встрече. Сильно уступая Али в росте, он решает стать еще ниже, став в низкую стойку, так называемый крауч, тем самым в значительной степени нейтрализуя действия джеба Али. Однако Мохаммед, так же решивший никуда не торопиться, время от времени все же находит бреши в защите Фрезера. Ему удается пара неплохих двоек и еще несколько разовых ударов. Фрезер отвечает не слишком убедительными атаками по корпусу. Раунд за Али.

Второй раунд. Первая половина проходит довольно вяло. У Фрезера атака не получается, а Али как будто просто ленится. Время от времени Али вытягивает левую руку, тычет ею в лицо Фрезеру и просто держит его на вытянутой руке. Джо не понимает, зачем он это делает, но Мохаммед вскоре ему разъясняет: в очередной раз вытянув левую руку и закрыв ему обзор, Али неожиданно сильно бьет справа. Фрезер даже слегка присел от этого удара. Али продолжает атаковать, наносит двойку, еще несколько правых кроссов и еще одну серию. Между его атаками Фрезеру удается несколько раз сблизиться. Он атакует почти исключительно по корпусу, и не похоже, чтобы его удары наносили Али какой-то вред. Однако в конце раунда Джо прижимает Али к канатам и проводит очень неплохой левый хук, который Али явно почувствовал. Ему удается уйти от канатов, и в заключительные секунды Мохаммед наносит пару очень острых джебов. Раунд за Али.

Третий раунд. Начинается вяло. Али временами просто держит Фрезера на вытянутой руке, а Джо как-то не слишком настойчиво пытается разорвать дистанцию. Неожиданно Мохаммед наносит левый апперкот в челюсть, а спустя несколько секунд еще один, после чего следует серия, неплохая сама по себе, но ей не хватает остроты. Фрезер на все это отвечает также не слишком сильным левым хуком. В начале второй минуты Фрезер прижимает Али к канатам, и то, что следует дальше, разительно напоминает бой Али — Формен. Фрезер охаживает корпус Али, а тот в ответ что-то постоянно шепчет ему на ухо. Видя не очень большую результативность своих действий, Джо пару раз отходит от Али, но тот тут же манит его к себе руками, что вызывает хохот зала. Секунд за сорок до конца Али взрывается атакой. Ударов много, но в них не хватает акцента. Фрезер тоже пытается не остаться в долгу, и пара его ударов достигает цели. Равный раунд, в зависимости от того, какой бокс вам больше нравится. Победу можно отдать и тому, и другому.

Четвертый раунд. На этот раз все начинается с первых же секунд. Завязывается обмен ударами, который Али легко выигрывает с большим преимуществом, но видно, что удар левой по печени он выдержал не без труда. Фрезер прижимает его к канатам, но здесь действует не как Формен, а гораздо изобретательнее. Он не ставит себе цель немедленно свалить противника, поэтому его удары коротки и не столь сильны, но создается впечатление, что Али к четвертому раунду устал от них больше, чем во встрече с Форменом к восьмому. Постояв у канатов, Али взрывается результативной серией, после чего Фрезер снова прижимает его к канатам и явно непреднамеренно наносит сильный удар значительно ниже пояса, за что получает замечание рефери. В конце раунда снова завязывается обмен ударами примерно с тем же результатом. Али попадает гораздо больше и чаще, но, судя по его выражению лица, редкие удары Фрезера по корпусу сильно ему досаждают. Тем не менее раунд, бесспорно, за Али.

Пятый раунд. Перед началом Али дирижирует публикой, скандирующей его имя, но сам раунд начинается для него неважно. Фрезер всаживает не очень заметный, но, судя по выражению лица Али, очень ощутимый удар по печени. Али наносит двойку в голову, но Фрезер идет вперед и проводит неплохой левый хук. Мохаммед отвечает несколькими ударами, но в них нет акцента, и уже видно, что удары Фрезера по корпусу сделали свое дело: он устал, по крайней мере на этот раунд. Джо тем временем прижимает его к канатам, проводит серию по корпусу, в том числе два удара по печени, и опять по лицу Али видно, что ему очень больно. Завершив комбинацию, Фрезер выходит из угла, но Али, на радость публике, опять жестами зовет его обратно. Джо делает такое одолжение, и вскоре наносит два мощных левых хука, Мохаммед отвечает несколькими ударами, но они явно слабоваты. В самом конце Фрезер проводит еще один левый хук. Безусловно, этот раунд за Фрезером.

Шестой раунд. В начале Фрезер проводит сильный левый хук. Али отвечает серией несильных ударов, которые, с одной стороны, показывают, что он потрясен, а с другой — не могут принести Джо никакого вреда.

Джо наносит еще один левый хук посреди еще одной неуверенной серии Али. В результате — Али еще раз потрясен, а Фрезер, в пылу атаки приоткрывший рот, теряет капу от несильного ответного удара. Фрезер продолжает атаковать, проводит очередной левый хук, пропускает очередную несильную серию Али и снова бьет слева. В самом конце раунда Джо загоняет Мохаммеда в угол и там обрушивает на него очередную серию. Чувствуется, что он устал, но его удары по-прежнему сильны. Еще один раунд за Фрезером. Создается впечатление, что он выравнивает положение.

Седьмой раунд. Али, похоже, полностью восстановился в перерыве. Он с легкостью «танцует назад», как в молодости, и наносит несколько острых ударов Фрезеру. Тот улучает момент у канатов и проводит сильный правый кросс в голову, кажется первый за весь бой. Али через некоторое время наносит джеб и еще двойку. Фрезер бьет левой в корпус и переводом в голову, но не очень сильно. Мохаммед наносит тройку из двух прямых и левого хука. Последнего удара Фрезер и не ожидал и не видел. Как говорится по-английски, его накормили его собственным лекарством. Чувствуя его слабость, Али наносит еще несколько ударов. Фрезер в очередной раз прижимает его к канатам и бьет по корпусу. Али сначала отвечает несколько усталой серией, потом проводит пару неплохих двоек и еще левый хук. Фрезер бьет по печени, но попадает немного ниже пояса. Концовка получается у Али несколько смятой, Джо проводит два-три не очень сильных удара, которые приходится по защите и вскользь, но в этой суматохе Мохаммед проводит за несколько секунд до гонга отличную комбинацию. Он, стоя у канатов, выдергивает Фрезера на себя и наносит очень сильный правый апперкот, которого Джо опять и не видел и не ожидал. Али возвращает себе инициативу. Раунд за ним.

Восьмой раунд. С самого начала он проходит по одной и той же схеме, с маленькими вариациями, которая повторяется множество раз. Али проводит отличную серию, Фрезер отвечает левым хуком, Али — снова серию, Фрезер — снова левый хук, Али — еще одну серию, заканчивающуюся двумя левыми хуками подряд, которые потрясают Фрезера. После паузы Али снова проводит серию, и снова Фрезер отвечает левым хуком. Затем Мохаммед проводит самую длинную серию за раунд. Потрясенный Джо в ответ со второй попытки все-таки проводит длинный левый хук, но он так устал, что, вместо того чтобы продолжить атаку, как делал раньше, начинает впервые в этом бою прикрываться. Отдохнув, Джо прижимает чемпиона к канатам и проводит много ударов, главным образом по корпусу, получая в ответ значительно меньше. Атаки Фрезера не так сильны, но он близок к тому, чтобы выровнять раунд. Али проводит еще одну серию. Фрезер проводит еще один левый хук. Последние секунды проходят в суе у канатов, но Джо явно удаётся в ней несколько раз достать Али. В целом за раунд Фрезер пропустил намного больше, но концовка за ним. Равный раунд.

Девятый раунд. Али начинает с усталой двойки, затем бьет неплохой правый кросс навстречу. Фрезер в очередной раз пытается все решить одним ударом, но его длиннющий левый хук пролетает далеко от головы Али. В суе Мохаммед между делом всаживает свой левый хук — не такой сильный, но чувствительный. Фрезер бьет левой значительно ниже пояса и переводом в голову по защите. Рефери не делает ему замечание, хотя в последнее время Джо все чаще попадает «южнее границы». Вскоре Фрезер загоняет Али в угол, сил атаковать уже не осталось, и он просто пихается. Возникает пауза, в которой оба переводят дух. Переходят ринг и оказываются снова в углу. Фрезер проводит несколько ударов по корпусу, а чуть позже еще левый боковой в голову и правой по корпусу, не очень чисто, но сильно, и Мохаммеду явно досталось. Он выходит из угла и бьет несколько джебов на отходе. Обход углов продолжается. Али снова прижат. Фрезер бьет, Али отвечает лишь одним-двумя ударами. В целом раунд равный, но Фрезер чуть лучше выглядит в конце, что и приносит ему победу.

Десятый раунд. Али проводит несколько ударов, лучший из которых правый кросс навстречу, затем следуют еще три—четыре кросса. Фрезер бьет в ответ, но попадает главным образом по защите. Али проводит отличный левый хук. Кстати, бывает очень смешно читать, что у него в арсенале не было этого удара. Хочется спросить, видели ли авторы хотя бы бой с Фрезером? Али проводит еще пару кроссов, последний очень сильный. Мохаммед обманывает Фрезера: финтит правой и бьет слева. Затем следует еще серия. Еще серия. Фрезер слегка пошатнулся. Последние 30 секунд проходят примерно в равном обмене ударами в углу. Раунд за Али.

Одиннадцатый раунд. За первые 45 секунд раунда Али точно попадает в Фрезера раз 10, а то и больше, на что Джо отвечает лишь одним или двумя более-менее точными ударами. В какой-то момент Али, к удивлению публики и комментаторов, прижимает Фрезера к канатам. Далее соотношение ударов чуть улучшается в пользу Джо, но перевес остается за Али. Где-то в середине раунда Фрезер запирает Али в углу и несколько раз попадает. Самый сильный удар Джо, как ни странно, правый хук в голову, которым он пользуется очень редко. Фрезер бьет еще и снова попадает, хотя удары у него уже явно не те, что в начале боя. Тем не менее, если так продолжится, то он сравняет раунд, а если выиграет концовку, то судьи могут отдать ему и победу в нем. Как и в последние полминуты предыдущего раунда, завязывается обмен ударами, но ведет в нем на этот раз все-таки Али с соотношением примерно 2 к 1 или, по крайней мере, 3 к 2, что в сочетании с блестящим началом раунда приносит ему победу.

Двенадцатый раунд. Али снова начинает с длинной серии, и все удары ложатся в цель. Фрезер находит силы ответить левым по печени, но он явно потрясен. В углу завязывается возня, возникает пауза. Джо прижимает Али к канатам, но у него не осталось сил на атаку, и Али атакует сам с обеих рук, после чего снова завязывается затяжная возня, в которой оба изредка примерно поровну наносят не очень сильные удары. Кажется, что Фрезер начинает сдавать. У него изо рта идет кровь. Али проводит левый хук, а затем правый кросс. Еще кросс. Еще хук. Фрезер невнятно отвечает. Последняя атака за Али. Раунд с большим преимуществом за ним.

Тринадцатый раунд. Оба начинают резво, но бьют мало. Первый серьезный удар принадлежит Али — правый кросс навстречу почти через минуту после начала раунда. Фрезер бьет, прижав Али к канатам, главным образом по защите. К

двойка Али. Правый кросс и левый хук — снова Али. Еще несколько ударов чемпиона, на которые Фрезер отвечает одним, выброшенным из последних сил. Семь ударов Али. Один — Фрезера. Еще семь ударов Али, и опять только один удар Фрезера, совсем слабый, в ответ. Зал скандирует: «Али». После очередного кросса Фрезер пошатнулся. Еще несколько ударов Али. Он поскользывается, стоя в углу, — в перерыве секунданты налили на пол слишком много воды. Рефери на секунду останавливает встречу. Бой возобновляется. Еще серия Али, и усталый удар Фрезера в ответ. Еще серия Али. Прижав Мохаммеда к канатам, Фрезер умудряется провести два боковых слева и справа, которых Али не ожидал, считая, что противник уже совсем выдохся, однако особого вреда они ему не приносят. Почти одновременно с гонгом Фрезеру удается провести еще один левый хук, но это уже совсем не тот удар, хотя и непонятно, как он сохранил силы после всей этой бомбардировки. Раунд за Али с большим преимуществом.

Четырнадцатый раунд. У Фрезера рассечение под глазом, но это не самое страшное. Главное, что глаза у него почти закрылись от бесчисленных ударов Али. Раунд начинается с клинча, на выходе из которого Али наносит мощный правый кросс. Небольшая пауза. Али проводит двойку. Фрезер прижимает его к канатам и пытается нанести удары по корпусу, но делает это не так, как обычно, — короткими и мощными движениями, а так, как это делал Формен в Киншансе, — длинными загребушими хуками, но и в них силы уже нет. Али проводит довольно вялую серию, но Фрезер чувствует ее всем телом. Мохаммед проводит отличную двойку, затем еще одну. Он отступает к канатам и снова контратакует еще одной двойкой. Продолжает бить Фрезера, стоя у канатов, затем начинает надвигаться на него, и Фрезер отступает! Удары Али даже трудно сосчитать. Все ложатся в цель. Как минимум дважды Фрезер пошатнулся. Еще десяток ударов Али с обеих рук. Конец явно близок. Джо не может даже защищаться, не то что отвечать. Из последних сил пытается провести отчаянный левый хук на скачке, но он пролетает мимо: Али без труда вовремя убирает голову. С этим ударом улетучиваются и последние надежды Фрезера на успех. Похоже, с ним его покинули последние силы. Али бьет снова и снова. Мохаммед проводит ударов десять. Фрезер все принимает на себя. Непонятно только одно — каким чудом он все еще держится на ногах. После правого кросса Фрезера снова шатает. Он идет в клинч, и здесь звучит гонг.

Боксеры расходятся по углам. Оба беспредельно измотаны, но уже ни у кого нет сомнений, кто одержит победу в этой встрече. В угол к Фрезеру приходит врач. Там творится что-то не совсем понятное. Точнее, понятное, но зрителям как-то не хочется верить, что пятнадцатого раунда не будет. Тем не менее, так оно и есть. Бой остановлен. Фрезер не может его продолжать. Так решили его секунданты. Потом будут говорить, что Фрезер рвался изо всех сил, но на видеозаписи этого нет. Он просто обреченно смотрит на все, что происходит вокруг. Он отдал все силы, но этого оказалось недостаточно.

Все секунданты и друзья Али бросаются обнимать его, но они, похоже, не понимают, как мало сил у него осталось, и сообщая добиваются того, чего так и не смог добиться Джо Фрезер: заваливают его на пол.

Али встает. Он принимает поздравления и в микрофон передает поздравления всем, но особенно американским мусульманам, говорит, что в десятом раунде был очень удивлен выносливостью Фрезера, что Джо — величайший боец в мире, разумеется после него, как обычно, хвалит себя, потом принимает приз от президента Филиппин Маркоса, тот самый, который перед боем так бесцеремонно утащил к себе в угол. Все тонет в криках. Великий бой уже принадлежит истории.

На пресс-конференцию смог прийти только Али. Никогда он не был менее величествен, менее красив, никогда в нем не было так мало напускного. Еле ворочая языком, он сказал: «Это было как смерть. Я никогда не был ближе к смерти».

В это время его соперник в больнице кричал вошедшему: «Включите свет! Включите свет! — Свет был включен, он просто не мог открыть даже один глаз. — Я наносил ему удары, которые пробили бы крепостные стены, — стонал Фрезер. — Боже! Боже! Он великий чемпион!»

Только сильнейшее потрясение могло заставить Фрезера сказать что-то хорошее об Али. Он не простил его до сих пор. Не за поражения, а за оскорбления. Даже сейчас, когда Мохаммед стал фактически калекой, Фрезер не упускает возможности сказать что-то едкое о нем. Правда, когда Джо позволяет себе сказать что-нибудь нелестное в глаза Али, он остается в дураках. Пускай язык Али сейчас ворочается куда медленнее, чем раньше, но припечатать он им по-прежнему может кого угодно. Когда Фрезер увидел где-то Али вместе с сыном, он не преминул сказать погромче, чтобы услышали представители прессы: «Что-то его сынок больно похож на меня!» Али среагировал тут же: «Не называй моего сына уродом!» Все засмеялись: Фрезера снова побили. Тем не менее теперь пышущий здоровьем Фрезер, глядя на развалину, в которую превратился его победитель, наверняка чувствует себя отомщенным.

Тогда, в 1975 году, весь мир задохнулся, не зная, как выразить Али свое восхищение. Это был пик его славы, и это было начало его конца как боксера: известно, что с вершины любой путь ведет вниз. Али выбрал самый долгий из них, но в результате его жизнь на ринге закончилась так же, как у всех других чемпионов мира в тяжелом весе, кроме Джина Тинни и Рокки Марчиано.

Али больше никогда уже не был прежним, и если бы он покинул ринг в тот момент, как одно время и собирался, вряд ли его слава была бы большей. Ему исполнилось не слишком много лет — всего 33 года, но позади были уже десятки боев, две встречи с Листоном, три с Фрезером, одна с Форменом. Такие поединки называют войнами, так как по накалу страстей они вмещают в себя целую жизнь. А ведь за спиной еще более чем трехлетняя борьба за право вернуться на ринг, которая отняла больше сил, чем десяток боев. Мохаммед слишком долго жил на пределе физических и психических возможностей. Но он не был бы собой, если бы покинул бокс тогда.

сколько его имени. Может быть, он действительно выиграл эти бои, но на ринге уже была только тень Мохаммеда. Дважды он дрался с откровенно слабыми соперниками, Жаном-Пьером Купманом и Ричардом Данном, которых нокаутировал в пятом раунде. Были еще две довольно блеклые победы над Альфредо Эвангелистой и Эрни Шейверсом. Последний предположительно обладал самым сильным разовым ударом в истории бокса. Говорили, что он бил даже сильнее, чем Форман, но этим его достоинства как боксера почти и исчерпывались.

Четко, как никогда раньше, обозначилось все, что отобрало у Али время: руки начали терять свою фантастическую скорость. Ухудшилась реакция, ему стало очень тяжело набирать форму. Между боями он прибавлял в весе 15—20 кг. Но Али всего этого не видел или не хотел видеть, что в данном случае одно и то же.

«Али стал одним из чудес света, — писал журнал «Sports Illustrated», — странствующим театром, который необходимо увидеть, иначе вы можете пропустить представление навсегда». Но тот же журнал писал: «Али находится на тонкой грани, которая лежит между величайшим талантом, магической фигурой и невозможным занудой. Его слишком много показывали, его клоунада приелась...» Последние слова прозвучали после весьма странного поступка Али. Он решил встретиться на ринге с Антонио Иноки, профессиональным борцом. Иноки был здоровенным парнем, неплохо владевшим не только борцовскими приемами, но и ударами карате, особенно ногами. Поэтому об этом поединке часто говорят как о встрече Али с каратистом. Это неверно, так как, по согласованным правилам поединка, Иноки было запрещено наносить удары как руками, так и ногами. Конечно, при таких условиях, учитывая еще, что и борцом он был больше показушным, у него не было ни одного шанса на победу. Он и не пытался ничего сделать, а просто, ползая на спине, пинал Али в ногу. Еще немного — и бой могли бы остановить из-за рассечения колена. Провести этот прием Иноки удалось раз 60. Али ответил на это шестью ударами, нанесенными в те несколько секунд на протяжении всего боя, когда Иноки вставал на ноги. Из всех до цели дошли только два достаточно безобидных джеба. Тем не менее Али получил за бой шесть миллионов — по миллиону за удар, а Иноки — два миллиона, но зрители с полным на то основанием решили, что их надули.

Кстати, по не совсем понятным причинам, в нашей спортивной литературе этот бой часто относят к тому периоду, когда Али уже не был чемпионом, — примерно к 1981 году. На самом деле он состоялся 24 июня 1976 года.

В 1977 году в команде Али назрел кризис. Доктор Ферди Пачеко, тот самый, который чуть ли не единственный в Америке в 1964 году поверил, что молодой нахал по имени Кассиус Клей победит Листона, в ультимативной форме потребовал теперь от него покинуть ринг, иначе он как врач ни за что не отвечает. Али не любил ссориться с друзьями и попытался отшутиться. Тогда Пачеко оставил его команду. Ферди любил Али как сына и именно поэтому, по его собственным словам, не хотел участвовать в его самоуничтожении. Пройдет совсем немного лет — и всем станет ясно, что Пачеко имел в виду. Пока же все увидели то, что давно назревало, но, когда наконец произошло, стало неожиданностью и сенсацией — Али проиграл. И кому!

Интермеццо Леона Спинкса

Леон Спинке родился в 1953 году в Сент-Луисе, штат Монтана. В 1976 году вместе со своим младшим братом Майклом он вошел в олимпийскую сборную. В Монреале братья Спинк-сы выстрелили дуплетом: оба стали олимпийскими чемпионами: Леон — в полутяжелом весе, а Майкл — во втором среднем. Разумеется, сразу после Олимпиады оба перешли в профессионалы. Далее Леон стал автором одной из самых громких сенсаций в истории бокса.

За 1977 год он провел семь боев на профессиональном ринге — шесть выиграл, пять нокаутом, а седьмой свел вничью. 15 февраля 1978 года он вышел на ринг против Мохаммеда Али. Нужен был авторитет Али, чтобы его не подняли на смех за то, что он выбрал в соперники парня, который проводил свой восьмой профессиональный бой.

Дальше случилось то, на что полмира смотрело разинув рот. Али был абсолютно не подготовлен. Он даже толком не согнал вес, а Спинке, увидев, что перед ним не живая легенда, а утомленный, пожилой боксер, прыгнул выше головы. Он не давал Али спуска нигде. Когда Мохаммед уже не из тактических соображений, а от усталости попытался играть с ним на канатах в ту же игру, что с Форменом, Леон налетел на него как коршун и стал пулеметными очередями наносить обводящие удары по почкам. Али и его болельщики надеялись на финишный спурт, но сил на него не осталось. В результате после 15 раундов судьи отдали победу Спинксу.

Матч-реванш состоялся 15 сентября 1978 года. На этот раз они поменялись ролями. Неподготовлен был Спинке, не устоявший перед соблазнами, которые в изобилии обрушились на него, когда он стал чемпионом мира, а Али, наоборот, выжал из своего тела все, что было можно. Бой получился откровенно скучным. Али уверенно, но без всякого блеска переиграл своего малоопытного соперника. По мнению экспертов и двух судей из трех, из 15 раундов он выиграл 10, один свел вничью и четыре проиграл. Третий судья отдал ничейный раунд Али.

Таким образом, Мохаммед впервые в истории стал трехкратным чемпионом мира в тяжелом весе. Достижение это тогда широко разрекламировали, и как-то неудобно было говорить, что гораздо престижнее было бы остаться двукратным чемпионом, но не проигрывать Леону Спинксу, который, строго говоря, и тяжеловесом-то настоящим не был. В самом деле, при росте 187 см он весил 89 кг и перевешивал тогдашний лимит первого тяжелого веса, 195 фунтов — 88,5 кг, всего на один фунт. Как боксер он тоже не представлял ничего особенного. Ну неплохо бил, довольно быстро двигался, но всего этого убийственно мало, чтобы завоевать самый престижный титул в мировом спорте. И все же он это сделал. Однако не понял, что с ним произошло чудо, которое больше никогда не повторится.

В июне 1979 года, будучи опять совершенно не подготовлен и не настроен на бой, он проиграл нокаутом в первом раунде южноафриканцу Джерри Коутзее. Придя в себя, в 1980 году Спинке провел четыре боя, три из которых выиграл, а один закончил вничью. 12 июня 1981 года он встретился с новым чемпионом (по версии WBC) Лэрри Холмсом, очень хорошим боксером, о котором речь пойдет ниже. Здесь Спинке все-таки сумел совершить маленькое чудо — в первом раунде он послал Холмса в нокаунт, но все очень быстро стало на свои места — и в третьем раунде Лэрри рассчитался с ним нокаутом.

Дальнейшее печально. Спинке снова и снова пытался вернуться туда, куда вернуться не мог. Осознав, что в тяжелом весе ему ловить нечего, какое-то время выступал в первом тяжелом, но и здесь его раз за разом били далеко не выдающиеся боксеры, хотя время от времени он и одерживал победы. Потом ему стало трудно делать лимит первого тяжелого веса, и он снова перебазировался в тяжелый. Нужно ли говорить, во что это вылилось. Свою карьеру он закончил только в 1995 году с 26 победами (из них 14 нокаутом), 17 поражениями и 3 ничьими. Но о его скромном послужном списке никто не помнит. В историю он вошел как человек, как-то раз побивший самого Мохаммеда Али. Судьба обошлась с ним как шальная кинозвезда, которая вдруг по прихоти вышла замуж за своего шофера, а через полгода выставила его за дверь, дав еще на прощанье хорошего пинка, от которого он упал носом в пыль. Он встал, отряхнулся и несколько лет ломился в дверь, откуда его так бесцеремонно вытолкали. Но дверь ему так больше никогда и не открыли. Прав оказался Танни Хунсакер, первый противник Али на профессиональном ринге, который сказал о Леоне Спинксе: «Этот парень не имел никакого права быть чемпионом мира».

Мохаммед Али: жизнь после жизни

Весной 1979 года Али объявил, что покидает ринг, но в следующем году снова вернулся. Боксеры, как и балерины, не умеют уходить вовремя. Он хотел встретиться с Лэрри Холмсом,

своим бывшим спарринг-партнером, ставшим чемпионом мира. Холмс хорошо усвоил уроки Али. Это был прекрасный боксер, хороший тактик с неплохим ударом. Он находился в оптимальном для профессионала-тяжеловеса возрасте, 30 лет, когда уже пришла настоящая выносливость, а силы еще как молодые.

В Али верил только он сам. Экс-чемпион мира Флойд Пат-терсон известен тем, что говорит очень редко, но метко. По поводу возвращения Мохаммеда он выдал следующий комментарий: «Али так промывает себе мозги, что начинает верить, что может что-то сделать, и обычно он это делает. Но нельзя так промыть себе мозги, будто станешь снова молодым».

Ему вторил и Холмс: «Не продавай свою гордость за деньги. Дай своим детям возможность гордиться тобой, потому что им есть чем гордиться. Их отец — самый великий боец, который когда-либо жил». Доктор Пачеко предсказывал кошмар.

Почти 20 лет, глядя на Али, люди убеждались, что невозможное возможно, что, пока ты жив, остается надежда на победу, и в конце концов публика полюбила его таким, каким он был: крикун, хвастун, зазнайка, временами хам, но вместе с тем богатырь духа и тела, порядочный человек и благородный соперник. И вот теперь этот герой с теми же шутками и прибаутками шел на плаху. Героя любят, когда он идет на подвиг, но больше всего его любят, когда он идет на собственную казнь. Поэтому сейчас Али любили больше всего. Все понимали, что шансы на победу у него такие же, как у осужденного на казнь против палача.

Бой состоялся 2 октября 1980 года в Лас-Вегасе. Незадолго до выхода на ринг Али заснул, чем показал, что с нервами у него полный порядок. Когда он вышел на ринг, многим показалось, что этому кудеснику все-таки удалось повернуть время вспять: он выглядел поразительно молодым. Но это была лишь видимость. Мохаммед слишком быстро сбросил вес — и этим ослабил себя. Кроме того, он закрасил седину в волосах, но так моложе не станешь.

Прошел только один раунд, а все уже было ясно. «У меня ничего не осталось. Ничего. Я знал, что это безнадежно. Все, о чем я мог думать, это что впереди еще 14 раундов!» — сказал Али после боя.

Знаменитый джеб превратился в усталый толчок, правая рука была лучше, но этого было мало, мало, мало... Несколько раз он сумел достать Холмса правым кроссом, но тот только встряхивал головой и снова бросался в атаку. В девятом раунде Али дважды, отпрянув от Холмса, сгибался пополам и закрывал лицо руками. Это была не глухая защита, а жест боли и отчаяния. Огромный Мохаммед был похож на плачущего ребенка. На это невозможно было смотреть.

Никогда ни один ринг не видел столько плачущих людей. Плакал Дон Кинг, плакал Анджело Данди, который провел в его углу 20 лет, плакали все друзья Али, плакало ползала. В прошлое уходила эпоха, в прошлое уходил символ веры: его все-таки победили. И каждый зритель чувствовал, что победили и его.

После десятого раунда в углу Али разыгрался последний акт драмы. Рыдающий Бундини пытался заставить Данди выпустить Али еще на один раунд. Весь в слезах, Данди закричал: «Все! Я здесь решаю. Он не будет драться». Али никогда не капитулировал, он и сейчас не проронил ни слова.

Едва бой закончился, зарыдал и Холмс. Он бросился в угол к Али и закричал на весь зал: «Я люблю тебя! Я уважаю тебя! Мой дом — твой дом. Когда тебе что-нибудь будет нужно, ты только позови меня, и я приду!»

Зал застонал. Если бы кто-то лет 15 назад предсказал все это, его сочли бы сумасшедшим. Но кто помнил, что было 15 лет назад? Если бы кто-то попытался здесь позлорадствовать, его бы, наверно, растерзали. В этой обстановке только сам Али и сохранил присутствие духа. Холмс, все еще стоявший в его углу, сказал: «Я не хотел делать тебе больно». Али слабо улыбнулся и ответил: «Так чего ж ты делал?»

Потом Холмс зашел к нему в раздевалку и попросил пообещать, что тот больше никогда не выйдет на ринг. Али в ответ выдал пародию на самого себя, еще раз показав, как он требовал, чтобы Холмс вышел против него. Лэрри подавился смехом, а на глазах у него снова выступили слезы. Так он и ушел от Али.

Через год с лишним, 11 декабря 1981 года, Мохаммед вышел на ринг еще раз в городе Нассау на Багамах. Его противником был неплохой боксер Тревор Бербик. Бой продолжался все отведенные на него 10 раундов, но только в седьмом зрители увидели какое-то подобие прежнего Али, но это была лишь вспышка. Последняя. Победа Бербика не вызвала сомнений ни у кого, в том числе и у Али. «Время все-таки догнало меня», — сказал он после боя. Он уже страдал расстройством речи и болезнью Паркинсона в начальной стадии. Через несколько лет она в сочетании с букетом других заболеваний превратит его в развалину.

Но и потеряв свою внешнюю оболочку, превратившись в трясущийся студень, Али остался самим собой. Когда в Лондоне на презентации его биографии, написанной Томасом Хаузе-ром, женщина средних лет, увидев его, расплакалась, Мохаммед подошел к ней и сказал: «Не надо. Господь благословил меня. У меня была прекрасная жизнь, и она по-прежнему хороша. Теперь я развлекаюсь». Женщина перестала плакать и улыбнулась.

Когда взгляд Хаузера упал на него через несколько секунд, Али, соорудив какую-то немислимую рожу, говорил высокому и очень красивому молодому негру: «Ну до чего ж ты страшный! Ты даже страшнее, чем Джо Фрезер!» Парень давился от смеха и протягивал книгу для автографа. Боги не нуждаются в нашей жалости.

В 1996 году ему доверили зажечь олимпийский огонь в Атланта. Зрелище получилось тяжелым. В какие-то мгновения казалось, что Али не справится с этой несложной задачей, но он справился.

17 января 2002 года Америка пышно отметила 60-летие Мохаммеда Али. В голливудской аллее славы была заложена его звезда, и Али потребовал, чтобы ее вмонтировали в стену, а не в мостовую, как все остальные, чтобы «на нее не наступали люди, которые его не уважают». Кого он имел в виду?

Еще Мохаммед Али, родившийся Кассиусом Марцеллиусом Клеем, посетовал на то, что черные американцы по-прежнему дают своим детям «имена белых», а надо давать имена «туземные».

Смотреть на это было тяжело. Юбилей — дело веселое, а здесь все было либо грустно, либо нелепо. Особенно замечание Али об именах. И дело здесь, конечно, не в том, что имя Мохаммед Али такое же «родное», как и Кассиус Клей. И не в том, что Мохаммед Али, как рассказывали люди, знавшие его, и через много лет после принятия ислама понятия не имел о том, что ему нельзя есть свинину.

Был когда-то такой долгоиграющий анекдот. Выходит партизан из леса и спрашивает бабу у дороги: «Немцы далеко?» «Сынок, — отвечает та, — да война-то двадцать (тридцать, сорок, пятьдесят — в зависимости от времени рассказа) лет назад кончилась». «Надо же, — говорит партизан, — а я до сих пор поезда под откос пускаю».

Вот и Али не заметил, что война кончилась и что уже новый расизм, черный, пустил такие глубокие корни, что их еще долго и тяжело придется выкорчевывать в наступившем веке, как бы политики сейчас ни прятались от этой проблемы. А он все поезда под откос пускает. И, видно, будет пускать уже до самого своего конца, заставляя миллионы своих почитателей ежиться от чувства неловкости за него.

И все же, когда все слова, в том числе и самые неуместные, уже произнесены, остается Мохаммед Али, который и сейчас, весь дрожащий, как студень, может сказать о себе: «Люди думают, что я страдаю. Я хочу, чтобы ко мне вернулось здоровье, но я не страдаю. Что, если бы я по-прежнему был суперменом? Что, если бы я выиграл два последних боя, если бы у меня не было проблем со здоровьем? Я бы по-прежнему говорил, как раньше. Пытался бы угнаться за своим собственным имиджем, давал бы интервью, занимался бы рекламой. Я бы, наверно, был несчастен. Я бы не был человеком».

Это все тот же Кассиус Клей, тогда еще Кассиус Клей, который в 1964 году победил свой лютый страх, а вместе с ним и чемпиона мира, страшного Санни Листона. Это все тот же Мохаммед, который в 1974 году нокаутировал еще более страшного Джорджа Формена. Это все тот же Али, который в 1975-м чуть не умер на ринге, но победил Джо Фрезера.

Это все тот же боксер, отлученный от ринга в 1967-м и ставший после этого культовой фигурой в борьбе за права негров, который за несколько лет выполнил работу, которую за него никто не смог бы выполнить и за десятилетие. Конечно, он был не один, но и эта борьба была бы без него совсем другой, куда более долгой и куда менее блестящей.

Али сумел повернуть общественное сознание лицом к себе лично и к своей расе в целом. В 1967 году едва ли существовал человек, которого белая Америка ненавидела больше, чем его.

А в 1980 она рычала вместе с черной Америкой, оплакивая его поражение. Антигерой стал национальным героем. Такого совершить не удавалось еще никому. И вряд ли когда-нибудь еще удастся.

Поэтому не стоит, глядя на развалину, оставшуюся от великого человека, торопиться сказать знаменитое: *Sic transit gloria mundi* (так проходит слава мира). Слава так не проходит. Слава так остается. Вот такая, какая есть, и остается — потерявшая блеск, чуть-чуть нелепая и не вписывающаяся в современность, но все же слава. Настоящая слава.

«Мне жаль, но я не могу быть тем, кем вы, ребята, хотите меня видеть. Я не Мохаммед Али. Я не Джо Луис. Я не Леон Спинке. Я не могу снова и снова доказывать кому-то, что я чего-то стою. Я не родился для того, чтобы быть кем-то из них. Я родился для того, чтобы быть собой — Лэрри Холмсом» — с такими словами он обратился к репортерам, после того как только что одержал главную победу своей жизни над большой белой надеждой Джерри Куни.

Быть чемпионом после Али — задача неблагодарная, но Лэрри Холмс с ней справился. Именно потому, что не попытался быть вторым Али. Он хорошо знал свое место. К тому же почести интересовали его далеко не в первую очередь.

Лэрри родился в городке Катберд, штат Джорджия, 3 ноября 1949 года. В 16 лет он стал отцом. Дело для негритянских кварталов самое обынное. Как правило, виновник торжества в таких обстоятельствах ведет себя как Вовочка из анекдота и говорит только: «А че? А я ниче!» Затем исчезает. Мать с ребенком получают пособие и остаются в нехорошем квартале навсегда, потому что только там на него можно более-менее нормально жить. Однако Холмс и в 16 лет был взрослым мужиком, и он решил, что ни его ребенок, ни мать его ребенка не останутся там, откуда он сам мечтал выбраться. Впоследствии эта взрослость в сочетании с трезвым расчетом не раз позволит ему выходить победителем из таких ситуаций, в которых остальные боксеры только теряли.

Профессионалом Холмс стал достаточно поздно — в 23 года. Первая половина 70-х годов была лучшим временем в истории тяжелого веса. На ринге одновременно выступали Мохаммед Али, Джо Фрезер, Джордж Формен, Кен Нортон, Джордж Чувало, Рон Лайл и многое другие, и, разумеется, никто поначалу не обратил никакого внимания на молодого, крупного тяжа. Более того, его достаточно долго не считали фаворитом даже среди большой группы молодой поросли, отдавая предпочтение Грегу Пейджу.

Однако Лэрри все это не слишком огорчало. Ни в коем случае не жертвуя своей карьерой, он стал спарринг-партнером Мохаммеда Али. Про последнего говорили, что он испортил целое поколение тяжеловесов, которые

под себя: прежде всего его жалящий джеб, правый кросс и некоторые элементы защиты, особенно корпусом. Именно элементы, потому что у него, как и у всех остальных, не было фантастического чувства дистанции и чувства соперника, присущих Мохаммеду и позволявших ему вытворять чудеса, находясь в пределах досягаемости противника.

В результате к концу 70-х Холмс стал великолепно, разносторонним боксером, в равной степени владевшим защитой и нападением, который мог побить кого угодно. В 1973—1977 годах он провел 26 боев, победил во всех, причем в 19 нокаутом.

К этому времени Фрезер и Формен уже сошли с ринга, Али стремительно старел, Грег Пейдж, когда-то подававший такие большие надежды, проиграл бой собственному аппетиту и превратился в обычного обжору, и здесь на Холмса наконец-то обратили должное внимание и заговорили о нем как о возможном будущем чемпионе.

25 марта 1978 года Лэрри встретился с первым в своей жизни по-настоящему именитым соперником. Им оказался Эрни Шейверс, обладатель предположительно самого сильного удара в истории бокса. Тем не менее Эрни не считался выдающимся боксером, хотя публика была от него без ума. Холмс, не особенно рискуя, переиграл его в 12 раундах по очкам и закончил встречу с хорошим преимуществом в свою пользу. Казалось, что до боя за титул ему оставалось еще как минимум год-два, но тут разразился скандал, в результате которого проиграли все, а выиграл только Лэрри Холмс.

15 февраля Мохаммед Али неожиданно проиграл бой и свой чемпионский титул Леону Спинксу, после чего команды обоих боксеров тут же договорились о матче-реванше. Но здесь в дело вмешался еще один игрок, до того сидевший тихо.

К тому времени в боксе уже с десяток лет царило двоевластие. В конце 60-х Всемирная ассоциация бокса (WBA) утратила свою монополию на проведение боев за звание чемпиона мира, так как на сцену вышел Всемирный совет бокса (WBC), который занялся тем же самым. Постепенно их авторитет сравнялся, в результате чего практически во всех весовых категориях стало по два чемпиона — по версиям WBA и WBC, но до поры до времени раскол не касался тяжелого веса, где чемпион был один, Мохаммед Али.

Однако поражение от Леона Спинкса показало, что его чемпионские дни сочтены, даже если он вернет себе титул в матче-реванше, и здесь WBC решил сыграть ва-банк. Руководство организации потребовало от Леона Спинкса, чтобы он прежде всего защитил свой титул в бою против Кена Нортон, занимавшего первое место в ее рейтинге.

В принципе такое правило действительно существовало в кодексах и WBA и WBC, но применялось оно всегда достаточно выборочно, и в данном конкретном случае его вполне можно было не применять, так как ни Спинке, ни Али в принципе не отказывались от встречи с Норманом, но хотели только сначала урегулировать спор между собой.

Однако ни Али, ни Спинке уже не были нужны WBC. Первый — потому что у него все было в прошлом, второй — потому что у него явно ничего не было в будущем. Чиновники WBC решили, что наступил момент, когда их организация де-факто может захватить лидерство в борьбе с WBA. Для этого нужно было заполучить своего доминирующего чемпиона мира в тяжелом весе.

Момент был выбран идеально. WBC лишил Спинкса чемпионского титула по своей версии, и объявил чемпионом Кена Нортон, от боя с которым Спинке отказался. Широкая публика приняла это решение без всякого интереса. С одной стороны, все понимали, что против Нортон шансов у Спинкса очень немного, с другой — ни Нортон, ни Спинке не были особенно нужны боксерской общественности, а нужен был Али, который должен был встретиться со Спинксом 15 сентября 1978 года.

Тем не менее, WBC продолжал гнуть свою линию. Нортон был так называемым «бумажным чемпионом», то есть получившим титул без боя, — значит, нужен бой, и он состоялся 9 июня 1978 года, а соперником Нортон стал Лэрри Холмс. Бой получился на редкость красивым и упорным, и в принципе победу можно было отдать любому боксеру, но двое судей из трех отдали ее Лэрри, который и в самом деле выглядел чуть-чуть лучше.

Провозглашение Холмса чемпионом прошло почти незамеченным. 15 сентября Али победил Спинкса в матче-реванше, и о Холмсе совсем забыли. Авторитет Мохаммеда был так велик, что еще в течение многих лет большинство справочников не указывало, что после победы над Спинксом он владел не титулом абсолютного чемпиона мира, а лишь чемпионом мира по версии WBA. Кому нужны WBC и WBA, когда есть Мохаммед Али?

Однако руководство WBC понимало, что свою битву уже выиграло, и не ошиблось. В начале 1979 года Мохаммед Али покинул ринг. 20 октября 1979 года WBA провела в столице ЮАР Претории бой за вакантный титул в тяжелом весе между американцем Джоном Тейтом и местным белым уроженцем Джерри Коутзее. Выиграл Тейт, но в Штатах этого практически не заметили. Зато заметили, как 31 марта 1980 года в Ноксвилле, штат Теннесси, Тейт проиграл свой титул по версии WBA Майку Уиверу. Тейт выигрывал встречу с большим преимуществом по очкам, но в заключительном, пятнадцатом раунде нарвался на удар и оказался в нокауте. Теперь Лэрри Холмс стал единственным общепризнанным чемпионом мира в тяжелом весе, так как 22 июня 1979 года он встречался с Уивером и нокаутировал его в двенадцатом раунде.

От всей этой путаницы с WBA, WBC, Спинксом, Норманом, Холмсом, Тейтом и Уивером боксерская общественность несколько заскучала. Конечно, после великого Мохаммеда Али эта возня выглядела не слишком увлекательно. Но тут Али объявил о своем возвращении. Как грустно для него закончилось это возвращение, мы уже знаем, однако, победив Али, или, точнее, то, что от него осталось, 2 октября 1980 года, Лэрри Холмс стал наконец-то общепризнанным чемпионом мира в тяжелом весе.

на такое грозное имя. В 1979 году Лэрри во второй раз встретился с Эрни Шейверсом, и в седьмом раунде после удара этого молотобойца еле успел встать до того, как рефери закончил счет, но дальше весь бой контролировал именно Холмс. В десятом и одиннадцатом раунде Шейверс держался на ногах лишь милостью Лэрри, который никак не наносил завершающий удар, хотя мог это сделать в любой момент, и все уговаривал Эрни сложить оружие. Он не хотел бить уже беспомощного человека. Убийцы так себя не ведут.

В чем Лэрри проявил незаурядную смекалку, так это в общении с менеджерами и промоутерами. Он упорно не давал себя грабить. Холмс сам стремился попасть в конюшню к знаменитому промоутеру Дону Кингу, объяснив это следующим образом: «Почему я стал работать с Доном? Потому что знал, что заработаю с ним больше, чем с кем бы то ни было. Любой другой промоутер пообещает тебе, скажем, три миллиона, и в результате эти три миллиона ты и заработаешь. Дон Кинг пообещает тебе десять, пять украдет, но и тебе все-таки останется не три, а пять. Значит, с ним работать выгоднее».

Холмс только не сказал, что он все время лично и через кучу адвокатов контролировал все действия Кинга, так как в противном случае тот украл бы из 10 миллионов все 11. Впрочем, для человека, который стал взрослым в 16 лет, это само собой разумеется. Не доверять же этой бестии, в самом деле.

Однако, став чемпионом, Лэрри не стал героем своей страны. Его безмерно уважали, но его беда, если можно ее назвать бедой, заключалась в том, что он слишком уж точно выражал дух своей страны и своего времени — умный и практичный бизнесмен без капли романтики, которой было хоть отбавляй у его великого предшественника, а люди не хотят видеть на ринге дельца.

Героем того времени стал не Холмс, а полусредневес Рей Леонард. По иронии судьбы, он был дельцом похлеще Лэрри, но у него была обаятельная голливудского типа физиономия и великолепные актерские данные. Рей создал амплу мальчика-обаяшки, которое использовал с большой выгодой для себя. В конце концов он добился невозможного — стал зарабатывать за бой больше, чем чемпион мира в тяжелом весе Лэрри Холмс. Только раз Холмсу удалось подняться до высот Леонарда (правда, все равно не побив его рекорд по заработкам — 10 миллионов против 11,7 у Рея), но и эта заслуга принадлежала не самому Лэрри, а его противнику.

Публика была без ума от американского ирландца Джерри Куни. В расцвете он выглядел как герой боевика — огромный и красивый парень с обаятельной улыбкой для дам и сокрушительным ударом для мужиков, которые имели неосторожность встать у него на пути. Кроме того, на его популярность играл простой факт — он был белым, и временами казалось, что Куни сумеет сделать то, чего не смогли добиться десятки других больших белых надежд со времени Ингемара Юхансона — стать чемпионом мира в тяжелом весе.

В 1980 году Джерри Куни одержал две потрясающие победы, после которых белая Америка впервые за долгие годы всерьез поверила в свою мечту. Сначала Куни нокаутировал в четвертом раунде Джимми Янга, того самого, который едва не выиграл у Али и выиграл у Джорджа Формена, отправив его на пенсию. Это уже было серьезно. Затем Джерри нокаутировал в первом раунде очень сильного тяжеловеса Рона Лайла. Тут уже по всей Америке от удивления поотвисало очень много и черных, и белых челюстей. Наконец, в 1981 году Куни за 51 секунду расправился с Кеном Нортоном, которого он попросту забил.

Последняя победа вызвала шок. Все помнили три упорных и равных боя Али с Нортоном. И уж тем более помнили, как всего три года назад Лэрри Холмс с огромным трудом одолел (а многие считали, что и не одолел) Кена по очкам. Правда, Джордж Формен в 1974 году чуть не убил его. Но на это скептикам возражали, что даже у Формена ушло на это пять минут, а не 51 секунда. Масло в огонь подливало и то, что этнические ирландцы представляют собой одну из самых многочисленных и самую влиятельную национальную группировку в США. Эти люди не забыли, что бокс в Америке начинался с ирландцев, и они надеялись, что Джерри Куни в бою с Лэрри Холмсом наконец удастся сделать то, что не удалось другому ирландцу — Билли Кону во встрече с Джо Луисом в 1941 году.

Надо сказать, что большинство экспертов не разделяло оптимизма поклонников Куни. Джерри, по всей видимости, был скрытым левшой, так как обладал совершенно фантастическим по силе левым хуком, но при этом в недостаточной мере владел правой рукой. Кроме того, он был не слишком силен в защите и ставку делал на ломовую атаку, а специалисты сомневались, что получившееся с состарившимися Лайлом и Нортоном, получится с таким искусным боксером, как Холмс. Короче говоря, они сочли, что левого хука Джерри Куни не хватит, чтобы перевесить все, что умеет Лэрри Холмс.

Тем временем бой Холмс — Куни становился неизбежным. Было ясно, что в случае своей победы Холмс останется просто Холмсом, а Куни станет национальным героем. Лэрри был крайне недоволен, что гонорар Джерри был равен его собственному, что было прямым нарушением боксерской субординации. Однако Холмс смирился и с этим: до сих пор его максимальный гонорар составлял 4 миллиона, а значит, свою чемпионскую обиду надо было послать куда подальше.

Встреча состоялась 11 июня 1982 года в Лас-Вегасе. Джерри, как и положено претенденту, поднялся на ринг первым. Он был подпоясан бело-зелено-оранжевым кушаком, представлявшим цвета ирландского флага. За ним на ринг вышел и Холмс. Чисто внешне Куни смотрелся куда внушительнее. При своих 196 см он был на пять сантиметров выше Лэрри и, кроме того, значительно тяжелее.

Однако реализовать свое преимущество в росте Джерри так и не смог. С первого же раунда Лэрри стал методично доставать его своим джебом. Куни этим ударом владел куда хуже и поэтому не мог удерживать Холмса на нужной для себя дистанции. Первый раунд остался за чемпионом. Во втором Лэрри разбил противнику лицо все тем же коротким

Возможно, Холмс посчитал, что дело уже сделано, но Джерри перешел к более решительным действиям в третьем и четвертом раундах и выиграл их благодаря тому, что, хоть и нечисто, несколько раз достал Лэрри своим коронным левым хуком.

Куни продолжал атаковать и в пятом раунде, но здесь благодаря своей агрессивной тактике он снова напоролся на встречный удар справа. На этот раз Куни не упал, но был потрясен до основания. В шестом раунде Холмс гонял Джерри по всему рингу, достал его мощнейшим правым кроссом, а затем апперкотом выбил у него изо рта капу. Казалось, что только гонг спас ирландца от нокаута.

Однако Джерри, держась на одних нервах, снова бросился в атаку и с минимальным преимуществом выиграл седьмой и восьмой раунды, хотя было ясно, что сам устал от этих атак куда больше Холмса.

В девятом раунде уже толком ничего не видевший Куни дважды ударил Холмса ниже пояса. Во второй раз Лэрри сложился от такого удара пополам. Рефери снял с Джерри два очка. В десятом раунде Джерри в последний раз попытался что-то предпринять и несколько раз не совсем плотно достал Холмса левым боковым, но Лэрри рассчитался с ним тут же и с лихвой. В одиннадцатом раунде Куни снова ударил ниже пояса, и рефери снова снял с него очко. В двенадцатом раунде ирландец в последний раз попытался поспортивляться.

Развязка наступила в тринадцатом раунде. Холмс наносил удар за ударом. Куни удалось просунуть сквозь защиту чемпиона один левый хук, но Лэрри только чуть качнулся, затем снова пошел вперед и обрушил на голову Джерри лавину ударов. Казалось, что Куни не может уже поднять руки даже для защиты. Он только стоял и кричал: «Ну давай, бей меня, бей!» После трехударной комбинации он отлетел на канаты, а потом Холмс свалил его на пол. Куни поднялся, но его тренер выскочил на ринг и закрыл его собой. Бой был остановлен.

После боя особо любопытные зрители, к своему удивлению, узнали, что если бы рефери не снимал с Куни очки за удары ниже пояса, то на момент остановки боя он бы вел по очкам. Так что чемпион не зря постарался не доводить дело до судейских записок.

Это была последняя яркая победа Лэрри Холмса. Его вершина, после которой он пошел вниз. В мае 1983 года он едва не проиграл абсолютно заурядному Тиму Уитерспуну. Двое судей из трех отдали победу Холмсу, но очень многие с ними не согласились.

К тому времени Лэрри стал подбираться к рекорду Рокки Марчиано: 49 боев — 49 побед, и многих очень волновало, устоит ли достижение все еще суперпопулярного чемпиона 50-х годов. Самого Холмса все время об этом спрашивали, на что он как-то ответил: «Рекорд Марчиано для меня — это лишь приправа, а главное — деньги». С такими речами героями своей страны не становятся.

В конце 1983 года Холмс рассорился с руководством WBC. Разумеется, из-за денег. Его лишили звания, и практически тут же недавно образованная Международная федерация бокса (IBF) объявила его чемпионом мира в тяжелом весе. Многие в США тогда с восторгом и, как позже оказалось, сдуру поддержали образование этой новой ассоциации, понадеявшись на то, что она поглотит WBC и WBA. Американцам давило на психику, что штаб-квартиры этих организаций находились соответственно в Мексике и Венесуэле, где они скрывались от налогов, а IBF осталась в США. Однако, для того чтобы съест конкурентов, у новоиспеченной федерации кишка оказалась тонка, и в результате в мировом боксе вместо двоевластия образовался триумvirат.

Однако Лэрри Холмс задачу выполнил — своей уважаемой персоной он придал легитимность IBF, и она быстро добилась равного с WBC и WBA статуса. У этих организаций тогда уже были свои часто менявшиеся чемпионы, но, как писал в то время журнал «Sports Illustrated»: «Каждый сын своей матери в этой стране знает, что есть только один чемпион в тяжелом весе — Лэрри Холмс, даже если этого не знают WBC и WBA».

Междутем после своей сорок восьмой победы 20 мая 1985 года над Карлом Уильямсом Лэрри Холмс подошел вплотную к рекорду Марчиано. Следующим его соперником должен был стать бывший абсолютный чемпион мира в полутяжелом весе младший брат Леона Спинкса Майкл.

Встреча состоялась 21 сентября 1985 года в Лас-Вегасе. После 15 раундов все трое судей отдали победу Майклу Спинксу, ставшему первым в истории бывшим чемпионом в полутяжелом весе, завоевавшим титул и в королевской весовой категории. Он действительно в этом бою выглядел чуть лучше. Лэрри был шокирован, но не сломлен. 19 апреля 1986 года он снова встретился со Спинксом на ринге. На этот раз победу Спинксу отдали только двое судей из трех, но это ничего не меняло: чемпионский титул все равно остался у Майкла. Очень многие тогда сочли, что Холмса засудили. Может быть, хотя в таком бою трудно отдать кому-то предпочтение. Наверно, сыграло свою роль то, что Лэрри, сам того не заметив, стал «вчерашним человеком».

После второго поражения от Спинкса Холмс оставил ринг только для того, чтобы в 1988 году туда вернуться. 22 января его в четвертом раунде нокаутировал Майк Тайсон. Постаревший Холмс был в этой встрече обречен изначально. Когда-то он советовал Мохаммеду Али не продавать свою славу за деньги, а теперь он делал это сам. И, начав ее продавать, уже не смог остановиться. Перечислять его заслуги на таком пути просто не хочется.

На этом фоне очень выделяются три боя. 7 февраля 1991 года Холмс сумел по очкам победить сильного тяжеловеса Рея Мерсера. Затем, 19 июня того же года он встретился с тогдашним чемпионом мира Эвандером Холифилдом. Все ожидали, что тот устроит Лэрри трепку, но Холмс сумел продержаться на ногах до конца встречи, что многие сочли подвигом. Наконец, 8 апреля 1995 года Холмс едва не победил чемпиона мира по версии WBC Оливера Макколла. Он выиграл первую половину боя, но в 45 лет у него просто не хватило пороха на вторую, и он проиграл по очкам.

подписью: «Лэрри Холмс провел поединок с тренировочным мешком! Уступив ему в упорном бою, Холмс заявил, что судьи его ограбили».

Закончилось все откровенным фарсом. 27 июля 2002 года Лэрри вышел на ринг против известного боксера-клоуна Бат-тербина, фигурой напоминающего мыльный пузырь. Лэрри одержал победу в 10 раундах по очкам, но что это было за зрелище! Причем даже сам Холмс не скрывал, что сделал это исключительно из-за денег. Нет, он отнюдь не разорен. Наоборот, свое богатство Холмс не только сохранил, но и преумножил. Просто практичный Лэрри не может удержаться, если видит возможность срубить еще денег. Пусть даже за это надо заплатить позором. Все-таки не случайно он никогда не был героем своей страны и годы его чемпионства стали лишь послесловием к эпохе Али.

РЕКВИЕМ ПО ПЛОХОМУ ПАРНЮ

Предисловие

Вторая часть книги не может быть написана в том же ключе, что первая, по двум причинам, объективной и субъективной. Первая причина: столь же гладкое повествование с переходом от одного чемпиона к другому здесь невозможно. С 1986 по 2002 год Майк Тайсон побывал чемпионом дважды, Майкл Мурер — тоже дважды, Леннокс Льюис — трижды, а Эвандер Холифилд — аж четыре раза, не говоря о добром десятке боксеров, которые занимали чемпионский трон по разу. У этого времени есть, безусловно, свой главный герой — Майк Тайсон, но судьбы чемпионов так переплетены, что о них невозможно говорить по отдельности, переходя от одного к другому.

Вторая причина заключается в том, что для меня это не совсем история, но часть моей собственной жизни. С 1991 года, практически с основания, я работал в газете «Спорт-экспресс» и регулярно освещал жизнь всех этих людей. Кого-то из них я интервьюировал, кого-то видел. Мне нелегко совершенно отстраненно описывать их судьбы, да и нужно ли?..

Осенью 1986 года, за пару месяцев до дембеля, я сидел в ленинской комнате, рассеянно читал все газеты подряд и неожиданно наткнулся на заметку в «Советском спорте». В ней говорилось, что в Америке принято решение провести объединительную серию боев в тяжелом весе для выявления единого чемпиона. С этим согласились все три основные ассоциации профессионального бокса, WBA, WBC и IBF, каждая из которых имела на тот момент своего чемпиона в тяжелом весе. Главными претендентами считаются Майкл Спинке, чемпион мира по версии IBF, и некто Майк Тисон. Ну, кто такой Спинке, я

знал хорошо. Он еще год назад стал чемпионом в тяжелом весе. Полтора года назад Спинке, чемпион мира в полутяжелом весе, готовился к бою с чемпионом мира в тяжелом весе по версии IBF и всего мира Лэрри Холмсом и победил его. Что ж, этого следовало ожидать, учитывая, как плохо выглядел Холмс в последних боях. Но кто такой Тисон? Полтора года назад ни о каком Тисоне и слуху не было. Я мог, зная английский, предположить, что на самом деле его фамилия читается «Тайсон».

В начале ноября, едва добравшись до дома, я узнал, что Ти-сон-Тайсон 22 ноября дерется за титул по версии WBC с чемпионом Тревором Бербиком! Более того, практически никто не сомневался, что он пройдет сквозь Бербика, считавшегося достаточно сильным боксером, как нож сквозь масло. В конце концов, откуда взялось это чудо — Тайсон?

ЧЕМПИОНСКАЯ ЧЕХАРДА

Нам придется вернуться немного назад и вспомнить некоторые события.

К концу 70-х годов чемпионов мира в профессиональном боксе объявляли две примерно равные по своему влиянию организации: Всемирная ассоциация бокса (WBA) и Всемирный совет бокса (WBC). Титул в тяжелом весе был до поры до времени заповедной зоной, на которую чиновники от бокса не могли покушаться, — чемпион был один, и звали его Мохаммед Али.

Статус-кво был нарушен в 1978 году, когда Али неожиданно проиграл безвестному Леону Спинксу. WBC воспользовался ситуацией, чтобы громко заявить о себе, и потребовал от Спинкса встретиться с Кеном Нортонем, занимавшим первое место в претендентском рейтинге этой организации и имевшим автоматическое право на встречу с чемпионом. Однако у Спинкса был заключен контракт на матч-реванш с Али. WBC это не смутило. Он лишил Спинкса своего титула, объявил титул вакантным и провел бой за него между главными претендентами: Кеном Нортонем и Лэрри Холмсом. Холмс победил и стал чемпионом мира по версии WBC.

Спинке затем проиграл матч-реванш Али, чье имя обладало такой магией, что нельзя было подумать, будто он чемпион мира только по версии какой-то WBA. Однако Мохаммед, как и ожидалось, через несколько месяцев заявил, что покидает ринг, и легитимность претензий Холмса на первенство стала куда более весомой.

Этому поспособствовало и стечение некоторых обстоятельств. 20 октября 1979 года в бою за вакантный титул WBA американец Джон Тейт победил белого южноафриканца Джерри Коутзее. Тейт был здоровенным малым ростом 192 см, и казалось, он сможет продержаться на троне достаточно долго. Репутация у него была не намного хуже, чем у Холмса, и на короткое время в тяжелом весе воцарилось двоевластие. Однако всего через пять месяцев, 31 марта 1980 года, Тейт неожиданно проиграл Майку Уиверу. Джон вел дело к победе по очкам с разгромным счетом, но в конце пятнадцатого раунда Уивер поймал его на удар и послал в нокаут.

Публика не приняла Уивера как полноправного чемпиона мира в тяжелом весе, так как менее чем за год, 22 июня 1979 года, Холмс нокаутировал его в двенадцатом раунде. Таким образом, двоевластие в тяжелом весе стало чисто номинальным. Уивер был «бумажным чемпионом», а Холмс «народным». Особенно положение Лэрри укрепилось, когда он победил попытавшегося вернуться на ринг Али.

До 1983 года ситуация в тяжелом весе оставалась стабильной. Этому не помешал даже проигрыш 10 декабря 1982 года Майклом Уивером своего титула WBA Майку Доуксу нокаутом в первом раунде. Собственно, нокаута тогда не было. Был нокаунт, а рефери поторопился остановить встречу. После боя его действия были признаны неправильными, и назначили переигровку. Постепенно авторитет Уивера, выходявшего на ринг реже одного раза в год, упал так низко, что, например, ведущий американский спортивный журнал «Sports Illustrated» посвятил этому событию менее одной страницы! Точнее, опубликовал большую фотографию растерянного и разводящего руками Уивера и развернутую подпись к ней. Вот и все. Публику не интересовало, что Уивер потерял свой титул: по ее мнению,

Однако ситуация в корне изменилась 20 мая 1983 года: Холмс едва выиграл по очкам в 12-раундовом бою у вполне заурядного Тима Уитерспуна (к тому времени WBC отказался от 15-раундовых боев в пользу 12-раундовых). Стало ясно, что Лэрри стремительно стареет, а замены ему что-то не видно.

Ситуация усугубилась к концу 1983 года, когда Холмс насмерть разругался из-за денег с руководством WBC, и эта организация лишила его своего титула. «Под Холмса» создали Международную федерацию бокса (IBF), чье влияние вскоре сравнялось с влиянием WBA и WBC.

Тем временем в WBA события развивались. Почти одновременно с боем Холмса с Уитерспуном состоялся матч-реванш Доукс — Уивер, закончившийся вничью, что позволило Доуксу сохранить титул. На практике это означало только одно: раньше чемпионом не считали Уивера, а теперь не считали Доукса. И видимо, правильно делали. 23 сентября того же 1983 года его в десятом раунде нокаутировал южноафриканец Джерри Коутзее, которого публика также отказывалась признать «чемпионом в законе», так как ранее он проигрывал даже Уиверу. Не помог Коутзее и цвет кожи: впервые с 1960 года на троне (или, по крайней мере, части трона) в тяжелом весе оказался белый, да еще не американец, а этого не заметили. Коутзее просто не дал себя рассмотреть, но о нем чуть позже.

WBC, лишив Холмса своего титула, тоже без чемпиона долго не оставался. 9 марта 1984 года Тим Уитерспун, которому в бою с Холмсом судьи не дали победу, во встрече за вакантный титул WBC по очкам одолел Грегa Пейджа, надежду 70-х годов, которого сгубило обжорство. Уитерспун мог бы считаться легитимным чемпионом, несмотря на некоторую незрелость его боев, особенно учитывая, что Холмсу он, в сущности, не проиграл. Но сердцу не прикажешь, и широкая общественность его не приняла, и, как оказалось, не зря. Всего через пять месяцев, 31 августа, он по очкам безоговорочно проиграл бывшему наркоману, боксеру Пинклону Томасу.

Томас выглядел на ринге лучше Уитерспуна, и в принципе публика готова была его принять, но только когда звезда Лэрри Холмса окончательно зайдет, а она все не заходила. Его усиленно поддерживали, подставляя Лэрри не самых сильных соперников.

Своя мини-драма разгорелась и в WBA. 1 декабря 1984 года только что битый Уитерспуном Грег Пейдж нокаутировал южноафриканца Джерри Коутзее. Произошло это на четвертой минуте восьмого раунда. То ли часы сломались, то ли хронометрист был нетрезв, но видеозапись подтверждает, что, когда Коутзее рухнул на пол после заключительного удара Пейджа, с начала раунда прошло 3 минуты 45 секунд.

В результате Пейдж долго сам не знал, чемпион он или нет, тем более что WBA не торопилась признать его еще по одной причине: перед боем с Коутзее он проиграл две встречи подряд, и было вообще непонятно, как при таких достижениях он умудрился получить право на бой с чемпионом мира. Однако

Пейдж сам позаботился о том, чтобы чиновники WBA не находились, по его милости, в неловком положении: менее чем через пять месяцев (похоже, для новой генерации «чемпионов» этот срок стал роковым), 29 апреля 1985 года он проиграл по очкам Тони Таббсу. Это был, возможно, худший титульный бой в тяжелом весе в истории. Никогда еще за самый престижный титул в мировом боксе не дрались два таких «орла» сразу.

Давайте здесь сделаем паузу. Американская боксерская общественность и особенно пресса тогда совершенно ошалели от такого парада бездарностей. Гонорары их были смехотворны для чемпионских боев в тяжелом весе, что точно отражало интерес к ним публики. Уитерспун говорил, что готов драться за 100 тысяч долларов, в то время как Лэрри Холмс не выходил на ринг меньше чем за пару миллионов, а за бой с Джерри Куни, который тогда был еще на слуху, получил все 10. В печати часто писали, что во времена Джо Луиса любой из этих чемпионов не вошел бы и в число 50 лучших, что, конечно, с одной стороны, доказывает, что представители прессы просто плохо представляли себе, какими были времена Джо Луиса на самом деле, но с другой — демонстрирует раздражение, которое вызывала эта чехарда чемпионов в тяжелом весе.

Летом 1985 года установилось некоторое затишье. Чемпионом по версии WBC был Пинклон Томас, по версии WBA — Тони Таббс, а по версии IBF — по-прежнему Лэрри Холмс. На первого возлагались определенные надежды, на второго не возлагалось никаких надежд, а от Лэрри Холмса ждали повторения рекорда Рокки Марчиано — 49 побед в 49 боях. Все ждали, что этот последний осколок эпохи Мохаммеда Али уйдет с ринга и в тяжелом весе воцарится совсем уж полная неразбериха.

21 сентября 1985 года, в своем сорок девятом бою Лэрри Холмс проиграл чемпиону в полутяжелом весе Майклу Спинк-су. Спинке тогда пользовался большим авторитетом, но в своей весовой категории, а что он сумел наконец осуществить вековую мечту полутяжей и стать чемпионом мира в тяжелом весе, совершенно справедливо объясняли тем, что Холмсу уже пора на покой.

Ощущение, что Спинке — это тоже ненадолго, усилилось 19 апреля 1986 года, когда он фактически проиграл матч-реванш Холмсу, но судьи отдали победу Майклу.

Тем временем произошла очередная смена чемпионов и в

WBA, и в WBC. Титул, по первой из этих версий, 17 января 1986 года старый и уже давно всем надоевший Тим Уитерспун отобрал у Тони Таббса. Надо ли говорить, что бой продолжался все отведенные 15 раундов, на протяжении которых публика свистела, гудела и топала ногами. 22 марта 1986 года Пинклон Томас показал, что если кто на него и надеялся, то зря, и проиграл свой титул WBC по очкам в 12 раундах Тревору Бербику, неплохому боксеру, но, как и все чемпионы тех лет, совершенно не соответствовавшему своему званию.

Впрочем, играшка этих ребят тогда уже почти никого не интересовала. В Америке знал уже каждый мальчишка — в боксе наступала новая эпоха.

КАК ЗАКАЛЯЛСЯ МАЙК

В середине 1985 года ведущие обозреватели по боксу, владельцы телеканалов и тележурналисты начали получать кассеты с записями боев 19-летнего парня. Впечатление он производил сильное, но неоднозначное. Бокс — бизнес большой, и авантюристов в высших его эшелонах днем с огнем не сыщешь, серьезные же люди в массе своей консервативны. А этот молодой боксер представлял собой зрелище не для консерваторов, которые, кстати, раз уже забраковали его, не взяв в олимпийскую сборную. И действительно, сложен как штангист, рост всего 181 см, а зрительно казался еще ниже, что для тяжеловеса совсем уж несолидно, — все эксперты начала 80-х говорили, что у тяжеловеса ростом ниже 190 см на современном ринге нет шансов. Кстати, рост Тайсона по сей день тайна за семью печатями. Данные колеблются от 176,5 до 181 см. По всей видимости, первая цифра ближе к истине, и менеджеры Железного Майка просто пытались сделать его несколько страшнее и прибавили ему роста, как будто в этом чувствовалась необходимость.

На памяти, правда, был пример Джо Фрезера, который выиграл один бой у Мохаммеда Али, а в двух других хоть и проиграл, но перед этим устроил Величайшему настоящий ад на ринге. Но у каждого боксера, как правило, есть свой неудобный соперник. Таким неудобным соперником для Али и был Фрезер, а в двух своих боях с Джорджем Форменом ничего с ним сделать не смог. Но ведь среди поколения тяжеловесов середины 80-х нового Формена явно не было видно. Внимательно посмотрев видеозаписи боев этого парня, которого звали Майк Тайсон, эксперты наперебой заговорили, что это выдающийся талант и не имеет значения, какой у него рост и какое сложение. Гении живут по своим законам, и совершенно неважно, что какие-то кретины не взяли его в олимпийскую сборную.

Очень скоро на высшем телевизионном уровне приняли решение продвигать Тайсона как можно быстрее, тем более что никакой альтернативы ему все равно не наблюдалось. Железный Майк, как его скоро прозвали, оправдал все ожидания: тоску он развеял, причем со временем и в местах весьма удаленных от ринга. Мало не показалось никому.

Браунзвилл

Имя Тайсона так прочно связано со скандалами, что основное его занятие, без которого о нем никто, кроме окружного прокурора и тюремных надзирателей, никогда бы и не услышал, отошло для многих на задний план. Люди, ничего не смыслящие в боксе, хорошо знают, сколько раз он сидел и за что, а также что в следующий раз он обязательно сядет за групповое изнасилование с летальным исходом всех изнасилованных.

Полное хорошо скрытого человеколюбия лицо Тайсона постоянно украшает обложки самых далеких от спорта изданий уже более 15 лет. Железный Майк стал одной из культовых фигур нашего времени. Точнее, не совсем нашего, а последних 15 лет прошлого столетия. В новый век он не вписался и, видимо, уже не впишется. Тайсон, который еще продолжает выступать, начал свой путь в прошлое, и сейчас пришла пора разобраться, каким боксером он был, отделив легенды от реальности. Заодно попытаемся понять, почему он так долго и так прочно занимал совершенно уникальное место в американской жизни и массовой культуре, где на какое-то время воцарилось нечто вроде культа его не совсем здоровой личности.

В 1988 году в ведущем мировом спортивном издании, журнале «Sports Illustrated», появилась статья известного журналиста Гэри Смита «Тайсон робкий, Тайсон ужасный», представлявшая собой поток сознания Железного Майка, который звонит своей невесте Робин Гивенс куда-то на другой конец Америки. Тайсон знает, что ее сейчас нет дома, но он все равно звонит, потому что на него произвела чудовищное впечатление новость, как шесть белых подонков зверски изнасиловали негритянскую девочку. Тайсон, потрясенный злобой мира, снова и снова набирает номер Гивенс, а потому его поток сознания то и дело прерывается фразой: «Робин,ними трубку. Робин,ними трубку». Потом вместе с Гивенс не то во сне, не то наяву он совершает какую-то сомнамбулическую поездку в район своего детства Браунзвилл, где показывает места своих малолетних преступлений. Затем от лица некоего лирического героя, на четверть состоящего из Майка Тайсона, еще на четверть из людей, давно его знающих, и, видимо, на добрую половину из самого Гэри Смита, рассказывает о своем детстве и о том, как он прошел путь от забитого ребенка до чемпиона мира в тяжелом весе. Тайсону понадобилось всего несколько лет, чтобы занять такое место в тогдашней массовой культуре, что отнюдь не последние люди в журналистике принялись, ко всеобщему удовольствию, воспроизводить по собственному разумению его поток сознания на страницах самых популярных американских изданий.

Фактическая база статьи Гэри Смита безупречна, так как основывалась главным образом на интервью людей, близко знавших молодого Тайсона, и на интервью самого Майка, прежде всего тех, которые были опубликованы в том же журнале. Опираясь на эти источники, можно достаточно точно воспроизвести картину детства Тайсона. Довольно обычного, надо сказать, детства человека, выросшего в трущобных кварталах Нью-Йорка.

Местом его рождения часто называют Браунзвилл, возможно самый страшный из страшных районов Нью-Йорка, но это не так. Он родился 30 июня 1966 года в другом районе Нью-Йорка, точнее, Бруклина, который представляет собой город в городе — в Бедфорд-Стайвесанте, а в Браунзвилл переехал только в 10 лет в связи с ухудшившимся финансовым положением семьи. Но правильнее называть его родиной Браунзвилл, так как именно здесь он полностью сформировался как человек.

Браунзвилл, как и другой более известный нью-йоркский район с такой же репутацией, Гарлем, и сотни окраинных городских районов по всей Америке, представляет собой своего рода параллельный мир. Здесь можно снимать фильмы о конце света. Кругом неописуемая и по-своему живописная, как лохмотья бомжей, грязь. Обитаемые

приличными. Здесь кипит своеобразная и малопонятная для пришельца жизнь, которая периодически, подчиняясь каким-то своим неведомым законам, замирает. Улицы полны людей, одетых в такие наряды, которым позавидовал бы самый безумный модельер, если только они были бы хоть чуть-чуть почище. И тут же прямо на улице в исполнении местных мальчишек вы можете увидеть такой степ и услышать такой рэп, которые сделали бы честь любому театру.

Всей уличной жизнью здесь заправляют конкурирующие между собой банды. Если какой-нибудь сумасшедший белый вздумает забрести сюда в любое время суток, можно со стопроцентной уверенностью сказать, что его в лучшем случае ограбят, а вполне возможно, что и убьют, и труп может провалиться на улице несколько дней. И это касается трупов, принадлежащих к любой расе. Дискриминации тут нет. Вообще смерть на улице здесь дело привычное, и ребенок рано привыкает к виду мертвых тел и к тому, что этим смертям непосредственно предшествует, — стрельбе, удару ножом, бейсбольной битой, просто любым предметом, подвернувшимся под руку. Отношение к смерти здесь несколько другое. Наверно, таким оно было у жителей Дикого Запада в 70—80-е годы XIX века. Смерть бродила всегда рядом. Ее не переставали бояться, но привыкали к ее соседству. Нельзя сказать, что в Браунзвилле царит совсем уж полное беззаконие. Нет, какие-то законы есть, но они совсем другие и чужакам непонятны.

Местное население делится на несколько категорий. К первой относится знать, держащая в руках уличные банды. Эти предпочитают ездить на «ягуарах», которые пользуются у них такой же безоговорочной популярностью, как у наших братков «мерседесы». Надо сказать, что у негритянских бандитов вкус получше. Впрочем, их костюмы наводят на ту же мысль. Главное занятие этих людей — торговля наркотиками, в которую втянуто огромное количество народа, составляющего вторую категорию местного населения. Рядовой уличный наркоторговец, или пушер (pusher), зарабатывает гораздо больше среднего американца и не видит для себя никакого смысла в перевоспитании. Если он не слишком честолюбив, у него есть все шансы прожить свою жизнь достаточно безбедно, в то время как владельцы «ягуаров» убивают с редким постоянством.

Таким пушером был, например, один из самых ярких боксеров последних лет Джеймс Тоуни, сам, кстати, никогда наркотики не употреблявший, который отказался от своего изначального ремесла, только когда стал больше зарабатывать на ринге, то есть далеко не в начале своей блестящей карьеры.

Третья категория местных жителей — это так называемые welfare people, то есть люди, живущие на пособие. Девчонка стремится забеременеть от кого ни попадя как можно раньше, чтобы получить пособие как мать-одиночка и никогда не работать. В результате в подобных районах по всей Америке живут семьи, три-четыре поколения которых вообще никогда не работали. За неимением другого дела они размножаются как кролики. Когда количество таких «идейных тунеядцев» стало исчисляться миллионами, политики перед каждыми выборами стали их всячески задабривать — таким многочисленным электоратом нельзя пренебрегать. При этом надо понимать, что никакого раздела между криминальным населением этих районов и государственными тунеядцами нет. Очень многих из них можно сразу отнести к обоим категориям.

Наконец, в этих кварталах живет множество относительно честных трудяг. Ведь должен и здесь кто-то работать, чтобы обеспечить всю эту жизнь. К той же категории можно отнести и всех, кто живет на пособие не от хорошей жизни. Все эти люди просто не смогли вырваться из своей среды.

Такой была и Лорна Тайсон, мать Майка. Муж бросил ее, как раз когда она была беременна. Кроме Майка у нее были еще сын и дочь. Через много лет, когда все трое случайно встретились с отцом на улице, тот дал им какие-то деньги, которые двое старших приняли, а Майк бросил на землю и растоптал. Он так никогда и не простил отца. Жизненная стартовая позиция Железного Майка разительным образом напоминала то, с чего начинал Санни Листон и многие другие американские боксеры.

Мать Майка была человеком крайне мягким. По какой-то странной закономерности подобные ей люди часто живут в местах, где они должны были бы погибнуть, едва появившись на свет. Но, как ни странно, по той же прихоти судьбы, они здесь выживают, хотя все в таких трущобах остается им чуждым.

Зато братец Майка Родни освоился тут замечательно. Маленький мерзавец быстро понял, что все кого-то угнетают, и решил угнетать единственного человека, с которым пока мог справиться, — своего младшего брата. Майк со временем научился прятаться от него за холодильник. Отодвинуть его у брата не было сил, но и пролезть туда вслед за Майком он не мог. Там, за холодильником, маленький Тайсон иногда даже ел. Там же обычно дожидался прихода матери, которая со своей мягкой непреклонностью становилась на его защиту, но у нее не было в характере достаточно жесткости даже для того, чтобы наказать сына-подонка, и, стоило ей уйти из дома, тот принимался за свое.

Так проходили годы. Как ни странно, но в раннем детстве у Майка не хватало агрессивности, чтобы защитить себя, не то что на кого-то нападать. Он никогда не давал обидчикам сдачи, а всегда сбегал от них. Это не выдумка Гэри Смита или какого-то другого журналиста. Тайсон сам рассказывал об этом много раз. Возможно, так отразилось на его психике сидение за холодильником или постоянное присутствие человека, который избивал его, стоило ему только высунуть нос.

В своих первых интервью 1985—1986 годов Тайсон объяснял свою незащищенность в детстве тем, что находился в своей семье под сильным влиянием женщин: матери, лишенной какой бы то ни было агрессивности от природы, и старшей сестры Дениз. От них он усвоил и какую-то чрезмерно мягкую манеру речи, которая прекрасно легла на его природную шепелявость, за что сверстники прозвали его Little Fairy Boy, что можно очень приблизительно перевести как «девчушка». Однако слово fairy (фея) имеет и другой значение — педик (именно в этом варианте), и

Железный Майк сам рассказывал о себе подобные вещи, которые, что характерно, перестали появляться в печати уже в 1987—1988 годах. К тому времени он уже сделался героем, а героев не могут называть «малышами-педиками».

В этой кличке воплотилось отношение к нему сверстников. В одном из своих первых интервью Тайсон скажет: «Они отбирали у меня «сникерсы», одежду, деньги, избивали меня и просто гоняли из угла в угол». Он никогда не дрался с ними. Только убегал, если удавалось. А если не удавалось, скулил как щенок под их ударами.

Единственную радость Майку приносила страсть, оставшаяся с ним по сей день, — голуби. Почему-то в Америке, чем район беднее и чем более жестокие нравы там царят, тем больше там разводят голубей. Абсолютно во всех описаниях детства Тайсона приводятся три эпизода, связанных с голубями, сыгравшими, возможно, ключевую роль в его судьбе.

Как-то Майк вместе с приятелем попытался украсть у одного почти взрослого парня голубей. Их поймали на месте преступления и решили повесить тут же на пожарной лестнице — идея совсем не оригинальная для здешних мест. Веревка у юных линчевателей нашлась только одна — поэтому сначала повесили друга Майка, и принялись ждать, пока он не перестанет дергаться в петле, чтобы затем вытащить его оттуда и повесить Майка. Но этот способ казни требует времени, которого у любителей голубей, с интересом наблюдавших, как умирает мальчиш, не оказалось. Сосед, увидевший казнь в окно, заорал, что сейчас вызовет полицию. Малолетние убийцы оказались столь же трусливыми, сколь и жестокими, и тут же ретировались.

Здесь я бы хотел позволить себе маленькое отступление. Как известно, Достоевского в молодости чуть не казнили за участие в кружке петрашевцев. Дело дошло до надевания на голову черных мешков, но тут объявили о помиловании. Судя по тому, как часто на протяжении жизни он вспоминал этот эпизод и описывал его, Федор Михайлович от него так до конца и не оправился. Какая-то частичка его души всю жизнь прожила в ожидании казни. Может быть, без этого он никогда не написал бы «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых» или «Бесов». Может быть.

Может быть, и Майк Тайсон никогда бы не стал тем, кем стал, если бы когда-то, остолбенев и отупев от ужаса, не смотрел, как дергаются ноги его дружка, висящего в петле, того самого человечка, который только что стоял рядом с ним, и сам не ждал, что через пару минут займет место друга и уже его собственные ноги будут точно так же дергаться под пожарной лестницей.

Так Майк Тайсон в совсем еще нежном возрасте оказался на грани жизни и смерти. Это еще больше запугало его, но не погасило его страсти к голубям. Скорее, наоборот. Страсть, за которую можно заплатить жизнью, для многих обладает особой притягательностью.

Второй эпизод с голубями, который приводят все биографы Тайсона, связан с псом-лабрадором по имени Киллер (killer — убийца), который жил у него в семье. В один прекрасный день пес добрался до клеток с голубями, открыл их и убил всех птиц, одну за другой. Майк только что был счастливым обладателем 25 голубей, его гордостью и его единственным счастьем, — и в несколько минут лишился всего. Пес даже не съел их, а просто задушил.

Гэри Смит в статье от лица Тайсона написал, что, глядя на них, Майк задумался, почему не может быть таким же сильным, жестоким и беспощадным, как его Лабрадор. Может быть, и так, а может, в тот момент Майк испытал только безграничный ужас и тяжесть утраты. Но, наверно, что-то произошло с ним тогда, что-то, чему он сам не нашел определения, иначе бы в своих ранних интервью он не возвращался так часто к этому эпизоду.

Главное событие его детства, также связанное с голубями, произошло на крыше дома Майка, когда ему было лет 11. Какой-то парень, значительно старше Майка (обычно пишут, что на пять лет, хотя, скорее всего, это уже фольклор), добрался до голубей Тайсона, схватил одного из них и сделал вид, что сейчас отвернет ему голову. Майк был там же и умолял его отпустить птицу, но парень, которого слезы маленького Тайсона только раззадорили, то ли из чистого садизма, то ли из невинного желания посмотреть, как бежит птица без головы, все-таки оторвал ей голову.

В ту же секунду Майк бросился на него, и кровь голубя была щедро полита кровью его убийцы. В 1985 году Тайсон сам описал этот эпизод: «Я не знаю, что толкнуло меня в драку, но это была моя первая драка, и я избил его до полусмерти. Когда я начал его бить, мне это понравилось. Так я дал выход своему отчаянию».

Парень ничего не смог сделать с этим маленьким питбулем. Он сам был готов убить только голубя, по крайней мере сегодня, а этот мальчишка был готов убить его самого, и убийца спасовал. Впервые на памяти маленького Майка сбежал не он сам, а его обидчик, точнее, попытался сбежать, но Тайсон не дал ему возможности уйти.

Наверно, рано или поздно агрессивное естество Тайсона, искусственно упряманное вглубь семейными обстоятельствами, должно было вырваться наружу, и если бы не драка, это все равно бы случилось — неделей или месяцем позже. Вполне возможно, что перерождение Майка замедлил старший братец Родни с его атаками на холодильник, и, кабы не он, все произошло бы гораздо раньше.

Любителей нравоучительных историй о мальчишке-Золушке, которого до поры до времени все обижали, потому что он был трусишкой, а потом осмелел, отплатил всем своим обидчикам и при этом остался хорошим и добрым, в случае с Тайсоном ждет разочарование. Майк не сделался хорошим мальчиком, а стал, причем почти мгновенно, за несколько дней, точной копией тех, кто издевался над ним. Это ведь только в сказках, народных и революционных, угнетенные мечтают о справедливости. В жизни угнетенные, как правило, мечтают стать угнетателями и, если им это удастся, становятся самыми страшными угнетателями из всех. Часто они продолжают ощущать себя жертвами, и Тайсон пронесет именно такое самоощущение через всю жизнь.

Пока у него появилась новая забава. Когда его брат Родни крепко спал, Майк мгновенным движением бритвой наносил ему тончайшую, но глубокую царапину на руке. Как известно, при виртуозном владении бритвой это

та, в ужасе от происходящего и от своего братца, давала ему бутылку с чем-то спиртным, выливал ее содержимое на рану Родни, и тот с воплем просыпался от боли. Но он ничего не смел сделать со своим братом, которого теперь как огня боялись ребята гораздо старше его, и, наверно, не раз проклинал себя за то, что загонял его когда-то за холодильник. Что ж, долг платежом красен.

Майк занялся освоением сразу нескольких смежных специальностей: грабителя мелких магазинов, уличного грабителя и карманника. «Он стал получать удовольствие, избивая других ребят, — вспоминает его сестра Дениз. — Все его боялись. Его перестали звать Майком. Все называли его — Майк Тайсон. (В Америке, особенно в нижних слоях общества, это означает крайнюю степень уважения.) Когда ребята приходили к нам домой, они обращались к матери: «Миссис Тайсон, а Майк Тайсон дома?» Он был очень злобным. И он же мог быть самым милым и добрым мальчишкой, которого я только видела. Мать постоянно жила в страхе, что либо он убьет кого-нибудь, либо его убьют».

Мать боялась не зря. Он заходил в магазин и, приставив пистолет к лицу продавца, требовал денег, грабил на улице всех подряд, отбирал кошельки, срывал шапки, избивал людей просто ради удовольствия причинить кому-то боль. В статье Гэри Смита, перечислив свои подвиги, а заодно рассказав 6 мертвых проститутках, валявшихся на тротуаре, которых убили только этой ночью, Тайсон говорит Робин Гивенс: «Какие воспоминания! Хорошие воспоминания! Прекрасные воспоминания! Я был счастливее тогда, чем сейчас. Я получал огромное удовольствие от жизни. Каждый день я ходил по лезвию ножа. Я люблю сюда возвращаться, понимаешь? Здесь я чувствую себя воином!»

Самое смешное, что реальный Тайсон вполне мог сказать то, что сказал Тайсон — Смит, и даже наверняка говорил. Только не надо воспринимать подобные речи всерьез. Мне самому не раз приходилось слышать такие же ностальгические словеса о своем тяжелом и преступном детстве от разных людей в разных странах, в том числе и в Америке. Но у меня сложилось впечатление, что все это была своеобразная игра, игра в ностальгию по тяжелым временам, в которую они иногда начинали верить сами. В жизни они бы просто убили того, кто попытался бы их туда вернуть всерьез.

Через несколько месяцев после опубликования статьи Смита Тайсон на улице подрался с другим боксером, Митчем Грином. Первым же ударом он опрокинул его на землю, но дальше наступило самое интересное. Грин встал, готовый продолжить драку, а Железный Майк неожиданно закричал: «Моя рука! Моя рука!» — сел в свой роскошный автомобиль и стремительно уехал, оставив на улице Грина, смеющегося во всю глотку, несмотря на то что у него уже практически не открывался один глаз.

Майк Не испугался Грина, которого мог легко добить и в таком состоянии. Он испугался за свою руку, свое орудие труда, которое вытаскило его из Браунзвилла. Он готов был пойти на унижительное бегство, только чтобы не подвергать себя риску травмировать руку еще серьезнее (он тогда действительно заработал маленькую трещину). Потому что его рука не давала ему не то что вернуться в Браунзвилл, но просто потерять в финансовом отношении, и Тайсон, уже мультимиллионер, не мог себе позволить из-за какой-то дурацкой гордости подвергать малейшему риску свой главный источник дохода. Так что оставим разговоры о прелестях жизни в Браунзвилле тем, кому они греют душу, и тем, кто в них верит, хочет верить или делает вид, что верит. Никто из тех, кто выбрался из Браунзвилла, не хочет туда вернуться, но есть такие, кто любит играть с мыслью, как там было хорошо. Может быть, только для того, чтобы лишний раз порадоваться, что они оттуда выбрались.

Одновременно с грабежом Майк осваивал и более интеллектуальную профессию. «Он стал лучшим карманником в Браунзвилле, — говорит его сестра Дениз. — Он мог просто пожать тебе руку, а у тебя после этого пропадали часы, кольцо или бумажник».

В 12 лет в течение нескольких месяцев Майк стал настоящим малолетним преступником. Он кочевал из одной исправительной школы в другую, но безрезультатно. Казалось, что он неисправим. Лорна Тайсон была в полном отчаянии. К этому возрасту он значительно опережал сверстников в физическом развитии, и справиться с ним один на один не мог даже крупный взрослый мужчина.

Помощь пришла откуда не ждали. В одной из исправительных школ, куда Тайсон попал за жестокое избиение одноклассника, служил советник по работе с малолетними преступниками, выполнявший также роль учителя физвоспитания. Его звали Бобби Стюарт. Он когда-то был неплохим боксером. В 1974 году он даже выиграл престижный общенациональный любительский турнир «Золотые перчатки» в полутяжелом весе, победив среди прочих и будущего чемпиона мира среди профессионалов в тяжелом весе Майкла Доукса.

Стюарт, однако, не стал переходить в профессионалы, но поддерживал себя в хорошей форме. Видимо, Тайсон однажды увидел его на тренировке и попросил с ним позаниматься. Стюарт согласился, но при условии, что он будет прилично себя вести, добавив, что успеваемость его не волнует. Майк еле умел читать, и многие в школе считали его вообще полудебилем из-за того, что он мало говорил. Тайсон задание Стюарта перевыполнил. Как вспоминал сам Бобби на страницах журнала «Sports Illustrated» в 1986 году, вскоре учителя начали спрашивать его: «Что случилось с этим парнем? Он стал заниматься на уроках и сносно себя вести». У Майка обнаружились вполне приличные способности к разным предметам, а Стюарт, который начал серьезно с ним тренироваться, очень скоро понял, что имеет дело с гением. Как он со смехом вспоминал позже: «Мне приходилось самому тренироваться всерьез, чтобы просто выжить в спаррингах с ним. Он мог убить меня».

В конце концов Стюарт решил позвонить одному своему старому знакомому, жившему в городке Кэтскилл рядом с Нью-Йорком. Это произошло в 1979 году. «У меня тут есть один парень, — сказал Бобби. — Я хочу, чтобы ты на него взглянул». «Тогда привози его», — ответили ему.

13-летний парень боксировал со здоровенным мужиком и очень приличным боксером, по уровню примерно соответствовавшим нашему мастеру спорта, на равных. А временами Стюарту приходилось совсем нелегко. Старик, которого, как сказал Бобби, звали Кас Д'Амато, пристально смотрел на схватку подслеповатыми глазами, потом подошел поближе и наконец дал команду прекратить бой. «Если ты останешься здесь и станешь слушать, что тебе будут говорить, ты однажды сделаешься чемпионом мира в тяжелом весе», — сказал он.

Через несколько недель Тайсон перебрался в Кэтскилл в большой дом, стоявший на холме, с видом на Гудзон. В итальянских семьях бывают своеобразные родственные отношения. Хозяйкой дома была Камиль Юалд, сестра жены Рокко Д'Амато, брата Каса, но фактическим хозяином 14-комнатного особняка был сам Кае. В этот дом стекались молодые боксеры со всей страны. Там их не только тренировали, но и давали им кров, и Камиль как-то подсчитала, что в общей сложности за 15 лет здесь квартировало около 200 человек.

Благодаря своим связям в полиции Кае быстро урегулировал все юридические вопросы, официально оформив опекунство над трудным подростком, и Майк стал жить в доме на горе.

Кас Д'Амато в «защита ку-ку»

«Герой и трус чувствуют одно и то же. Разница в том, что они при этом делают. Ты должен уметь заставить себя делать то, что делает герой, и заставить себя не делать то, что делает трус или так называемый «трус», потому что все мы в большей или меньшей степени трусы».

В Америке трудно найти человека, связанного с боксом, который не знал бы этих слов, и того, кто их сказал. Эта цитата в десятке вариантов, сохраняющих общий смысл, почти так же известна, как слова Али «порхать, как бабочка, и жалить, как пчела». Они принадлежат Касу Д'Амато, одной из самых колоритных личностей в боксе.

Неуравновешенный и неуживчивый мудрец, сыпавший на ходу цитатами, которые не обезобразили бы ни одно самое серьезное литературное произведение, — таким Д'Амато вошел в

историю. Он создал и систематизировал целое учение о страхе, которое положил в основу психологической подготовки своих бойцов. Кае сравнивал страх с огнем, который можно использовать себе на благо, если держать его под контролем, и который сожжет тебя целиком, если дать ему волю. Д'Амато считал, что от страха ни в коем случае нельзя полностью избавляться, так как он несет важнейшую охранительную функцию. Если у тебя совсем нет страха — значит, ты плохо защищен. Вся психологическая подготовка боксера, которой он уделял не меньшее внимание, чем физической, базировалась у него на балансировании между необходимым и недопустимым страхом.

Пик своей тренерской славы Д'Амато пережил в 50—60-е годы, когда воспитал двух чемпионов мира — тяжеловеса Флойда Паттерсона и полутяжа Хосе Торреса, однако Кае не прижился в боксерской элите: прекрасно разбираясь в человеческой психике, он не считал нужным приспосабливаться ни к кому, а в той замкнутой среде, которую всегда представляла собой элитная боксерская тусовка, это было неизбежно. Ты либо приспосабливался, либо уходил, и Д'Амато ушел. Со временем он открыл боксерскую школу в Кэтскилле, в которой небезуспешно занимался с трудными подростками, многие из которых его просто боготворили. Никто не считал, от скольких малолетних преступников Кае спас Америку. Кстати, сама его секция располагалась на втором этаже двухэтажного здания, где на первом было отделение полиции, так что многие ученики просто поднялись к нему в школу с первого этажа на второй. Сейчас иногда даже пишут, что тот же путь проделал и Майк Тайсон, но это было не совсем так.

Д'Амато мог стать великим психологом, собственно, он и был им, но он был еще и великим тренером, создавшим тренерскую школу, некоторые представители которой, как, например, Тедди Атлас, входят в тренерскую элиту по сей день. Впрочем, мало кто в Америке в той или иной степени избежал его влияния, по крайней мере в психологической тренировке. Малоизвестный факт — не раз за помощью к Д'Амато неофициально обращался Мохаммед Али. Видимо, у Величайшего, как и у всех людей на свете, были свои проблемы со страхом, которые лучше Каса не мог решить никто.

Столкнувшись с Д'Амато, Тайсон встретил того, кто был ему нужен. Однако сейчас уже многие позабыли, что Майк далеко не сразу и далеко не полностью подпал под его влияние. На самом деле этот процесс занял примерно три года, и здесь психологический гений Д'Амато проявился изошреннее всего. Жесткий и абсолютно бескомпромиссный человек, он проявил по отношению к молодому Тайсону удивительный такт и сдержанность, вообще-то не слишком ему свойственные. Может быть, дело в том, что он был уже стар и увидел в Майке возможность наконец-то полностью реализовать себя и все свои таланты в жизни. Может быть, к этому злобному и страшно ранимому парню он с самого начала испытывал даже не отцовские, но дедовские чувства. Как говорят в Америке, Майк «залез ему под кожу», то есть Кае по-настоящему привязался к нему.

Вполне возможно, что Д'Амато почувствовал в Тайсоне родственную душу. В 1988 году, когда Гэри Смит написал свою статью, об этом еще говорили, так как прошло слишком мало времени после смерти Д'Амато, но Кае был не совсем здоровым человеком, как это часто бывает с самыми выдающимися психологами. Он страдал острыми приступами маниакально-депрессивного психоза, многие знакомые называли его «параноиком» и «полуслепым и абсолютно сумасшедшим». Он терпеть не мог чужаков, искусственно ограничивая круг общения лишь самыми близкими людьми. Кроме того, Кае страдал манией преследования или навязчивой идеей: по одному ему известной причине он до конца жизни боялся мафии и ее наемных убийц. Вроде нигде с ней не пересекаясь, по крайней мере в последние 20 лет своей жизни, Кае всю жизнь ждал, что его убьет киллер. Сама собой напрашивается гипотеза, которую почему-то очень редко высказывают: может быть, именно поэтому он в 60-е годы оставил большой бокс?

Зная все, что мы знаем о Тайсоне сейчас, с его самоощущением жертвы злых людей и обстоятельств, трудно не заметить в этом много общего с особенностями самого Каса. Это тоже, по всей видимости, сыграло свою роль в том, что Д'Амато позволял Майку гораздо больше, чем любому из своих учеников, что многих раздражало и даже со временем вызвало раскол в его команде.

А Кас действительно многое позволял Майку. Он уже давно тренировался у него и даже жил, так как Д'Амато оформил над ним опеку, но вдруг на неделю мог уехать в Браунзвилл. Там он дрался в свое удовольствие, иногда грабил кого-то и возвращался к Касу: никто не будет жить в Браунзвилле, если у него есть выбор. Получил свои агрессивные удовольствия — и назад.

По его собственному признанию, Тайсон перестал грабить людей только в 15, но проблемы на этом не закончились. Он был очень мнителен, и ему все время казалось, что все его хотят унижить, оскорбить, поэтому он постоянно дрался. Наконец, когда ему исполнилось 16, за драки, а точнее, избиения его исключили из школы. Тедди Атлас, будущий выдающийся тренер, а пока молодой помощник Д'Амато, запретил ему тренироваться на целых две недели. Для Майка это было серьезным наказанием. Д'Амато приказ отменил со словами: «Этот парень — особый

именно он был не согласен в отношении Каса к Тайсону, Тедди ответил, что у него нет и не может быть претензий к тому, как Д'Амато готовил Майка как боксера, но при этом Кас, по его мнению, постоянно шел на недопустимые компромиссы, когда дело касалось воспитания Тайсона как личности. Со временем многочисленные высказывания на эту тему еще помогут ему завоевать репутацию пророка, которая в известной степени остается с ним по сей день.

Когда Тайсону исполнилось 15, подошло время начать боксерскую карьеру, пока, разумеется, любительскую. Вопреки тому, что пишут сейчас многие биографы, она не была такой уж триумфальной, и проиграл он отнюдь не только отборочные соревнования к Олимпиаде 1984 года в Лос-Анджелесе. На данный момент, по-видимому, не существует полного списка любительских боев Майка, точнее, их существует несколько, и они достаточно сильно отличаются друг от друга. Однако с большой степенью достоверности можно сказать, что на любительском ринге Тайсон провел 26 боев и проиграл не менее шести из них, причем один даже нокаутом, но здесь речь, скорее всего, идет либо о техническом нокауте, либо об остановке из-за повреждения.

Строго говоря, Майк не был создан для любительского бокса, который вообще не очень подходит для низкорослых боксеров: всегда велик шанс, что в ходе длительного турнира найдется прыткий и высокий парень, который просто «отбегает» от него три раунда и наберет очки легкими ударами с дистанции. Кроме того, у Тайсона тогда не было практически никакого соревновательного опыта, что тоже делу не помогало.

Но есть еще одна причина. В самых разных биографиях Майка описывается случай, о котором рассказывает и Тедди Атлас, тогда все еще работавший с ним. В одном из первых своих официальных любительских боев Тайсон дважды послал своего соперника в нокаун, и каждый раз бывал уверен, что тот не встанет. Но боевитый парень вставал и пер на него снова. И здесь Майк неожиданно запаниковал. Сначала он в перерыве между раундами сказал Атласу, что сломал руку, но тот продемонстрировал ему, что с рукой у него полный порядок. Тогда в следующем перерыве Тайсон сказал, что не может продолжать бой, и это при том, что во втором раунде снова послал соперника на пол, но тот снова встал. Майк не хотел вообще выходить на третий раунд!

Атлас, человек бешеного темперамента, чье лицо уже тогда было украшено здоровенным шрамом, оставшимся от хорошей поножовщины, практически вытолкнул Майка на ринг с воплем: «Держи себя в руках». Надо думать, Тедди ненавидел его в тот момент: ему самому, талантливому боксеру, пришлось совсем в молодом возрасте отказаться от профессиональной карьеры из-за хронической и неизлечимой травмы спины, а тут человек с такими выдающимися данными и бычьим здоровьем вел себя как барышня.

Тайсон вышел, но он не мог драться, более того, казалось, что он вот-вот упадет. И тогда Атлас впервые в жизни выкинул один из тех номеров, которые с годами принесут ему огромную популярность среди зрителей: на глазах всего зала он практически выскочил на ринг и заорал: «Не смей! Слышишь, не смей!!!»

И Тайсон не посмел. Не посмел капитулировать. Он повис на противнике и дотянул до финального гонга, победив с разгромным счетом по очкам. Потом он обнял Атласа и как заведенный много раз подряд повторил: «Спасибо, спасибо, спасибо...»

У многих молодых, да и не только молодых, боксеров случаются психические срывы, но в данном случае для срыва не было просто никаких оснований. Тогда об этом быстро забыли, тем более что Атлас вскоре покинул команду Д'Амато, но со временем вспомнили, когда выяснилось, что иногда, когда дело оборачивается не так, как ожидал Тайсон, он начинает вести себя, мягко говоря, неадекватно. Сам Атлас этого никогда не забывал и в последующие годы вспоминал тот случай, но ему до поры до времени не очень верили. А чего можно ожидать от тренера, которого выгнали (а именно так большинство воспринимало его уход от Д'Амато) из команды боксера, ставшего затем не просто чемпионом мира в тяжелом весе, но вообще затмившего собой всех. Пусть неудачник плачет.

Однако пока Тайсон еще отнюдь не был звездой даже любительского ринга. Правда, его уже заметили и отметили, но только по одному пункту: у него был чудовищный по силе удар, причем с любой руки и любой удар, благодаря чему абсолютное большинство боев он заканчивал досрочно, в самом начале. Но рост! Где вы видели чемпиона-тяжеловеса ростом 5 футов 10 дюймов (178 см)? Пока в любительском боксе он может выступать в категории до 91 кг, что и делает, но в профессионалах лимит чрезвычайно непопулярного там первого тяжелого веса меньше, и он с его фигурой штангиста просто не сможет туда попасть. Что он будет делать тогда? Пройдет всего несколько лет, все эти эксперты забудут, что они говорили, и откажутся вспоминать, когда им напомнят.

Тем не менее, на тот момент они по-своему оказались правы. Тайсон так и не смог пройти Генри Тиллмана. Дважды, на предолимпийских отборочных турнирах 10 июня и 7 июля 1984 года, он проигрывал ему по очкам, в результате чего на Олимпиаду не попал. Сбывались прогнозы скептиков — время низкорослых тяжеловесов прошло, и никаких новых Марчия-но и новых Фрезеров больше не будет никогда.

Однако Д'Амато не придал большого значения этой неудаче и только в сотый раз повторил Тайсону: «Ты станешь чемпионом мира в тяжелом весе». И Майк ему поверил. Кас был с ним, а он знал, что говорил. На неудачах нельзя заикливаться, их нужно как можно скорее забывать, а иначе ты всю жизнь просидишь на кухне, рассказывая друзьям, каким бы молодцом ты мог быть, если бы да кабы.

6 марта 1985 года 19-летний Майк Тайсон вышел на свой первый профессиональный бой. Его соперник, такой же дебютант, как и он сам, носил звучное имя Эктор Мерседес, вошедшее в историю именно благодаря тому, что он стал первым противником Тайсона на профессиональном ринге. Больше ничего примечательного в нем не было. Бой длился 1 минуту 47 секунд. Можно сказать, что этот «мерседес» оказался «запорожцем», если бы Майк не расправился и с другими своими соперниками с такой же ошеломляющей легкостью. С марта по декабрь 1985 года он провел 15 боев,

К концу года вся Америка его уже знала. Какие-то ребята еще называли себя чемпионами мира по версиям WBC, WBA, IBF или даже ABB, но имя их могильщика, которому было всего 19 лет, всем было известно. Такого стремительного восхождения профессиональный бокс еще не видел, тем более в тяжелом весе.

Надо сказать, что Тайсон образца 1985 года сильно отличался от Тайсона времен подготовки к Олимпийским играм. Сейчас бы он порвал Тиллмана, ставшего для него всего год назад непреодолимой преградой в сборную, как тряпку. Он созрел. Все, что Кас Д'Амато и его ученики, прежде всего Кевин Руни и Тедди Атлас, закладывали в него в течение нескольких лет, наконец, в полной мере дало свои плоды: Майк Тайсон, фантастически одаренный от природы, стал в полном смысле слова великим боксером.

Любой, кто скажет, что Тайсон, по крайней мере молодой, это одна голая сила, и ничего больше, ничего не понимает в боксе. Молодой Тайсон не был похож ни на кого. Это вообще отличительная черта гения, а если у гения нашелся еще и гениальный учитель, то чего можно ожидать от такого альянса?

В 50-е годы Д'Амато в полной мере опробовал на Флойде Паттерсоне свое изобретение, которое назвал peek-a-boo defense, что можно с некоторой натяжкой перевести, как «игра в прятки» или еще лучше «защита ку-ку». С Тайсоном он довел его до совершенства.

Название пришло от игры, в которую мамы всех континентов играют с совсем маленькими детьми: они прячут лицо за ладонями, потом высовывают его оттуда наполовину, говорят «ку-ку» и снова прячутся. Младенцы обычно очень радуются, чего никак нельзя было сказать о противниках Паттерсона, а позже и Тайсона.

Суть этой техники в том, что во время атаки противника боксер все время как бы прячется за своими руками, но не статично, а постоянно раскачиваясь из стороны в сторону и показываясь из-за них, — отсюда и название. Амплитуда движений головы достаточно небольшая, при этом все выполняется по возможности в рваном ритме. Кроме того, боксер не только раскачивается, но и все время слегка приседает под ударами. В результате всех этих движений противник «сбивается с прицела» и постоянно мажет. А если все же попадает, то удар приходится обычно вскользь, так как он бьет не по статичной, а по движущейся мишени. По той же причине в значительной степени гасится и сила удара. Свободно двигающаяся голова легко откидывается назад или в сторону, то есть в направлении удара. Прием этот придумал, разумеется, не Д'Амато, но он сумел его органично интегрировать в свою уникальную систему. «Защита ку-ку» никак не является защитой в чистом виде. Применяющий ее боксер постоянно контратакует и бьет с обеих рук, используя и одиночные удары, и комбинации.

Из этого очень приблизительного описания видно, насколько это сложная техника. Для того чтобы успешно пользоваться ею, кроме очень хорошего чувства дистанции и отличной скорости нужны еще потрясающая координация и двигательная одаренность. Неудивительно, что нашлось очень мало боксеров, способных успешно ее применять. Флойд Паттерсон был, пожалуй, первым, кого нашел Кас Д'Амато. С тех пор «защита ку-ку» перестала быть исключительно секретным оружием школы Д'Амато. Многие пытались ее перенять, но никто не мог работать в ней постоянно. Как правило, ее использовали лишь в коротких эпизодах.

«Защите ку-ку» можно по-настоящему научиться только в ранней молодости. Так что в том, что ученики Д'Амато, Паттерсон и Тайсон, по очереди стали самыми молодыми чемпионами в тяжелом весе, была своя закономерность. Правда, и пользоваться ею в полной мере может только достаточно молодой боксер. Поэтому не случайно, что Паттерсон со временем растерял свои боевые качества, а Тайсон, как и многие другие боксеры, стал использовать ее только в эпизодах.

С другой стороны, если бы не Кас и его «защита ку-ку», тот же Паттерсон, наверно, никогда не стал бы чемпионом мира. У него были и великолепная координация, и двигательная одаренность, и чувство дистанции, но и два больших недостатка: для тяжеловеса он был несколько мелковат и плохо держал удар. Первый до поры до времени ему не очень мешал, а второй мешал всегда, но благодаря «защите ку-ку» он пропускал мало ударов. Никакая другая техника не позволила бы ему этого.

У Тайсона таких недостатков не было. Правда, ростом он был еще меньше Паттерсона, но зато очень мощен в кости и вообще по своим данным настоящий тяжеловес. Кроме того, он обладал феноменальной физической силой и мог бы стать и борцом, и штангистом. Удар он держал просто превосходно, хотя на том этапе его челюсть никто толком так и не смог проверить на прочность.

Было бы несправедливо объяснять феноменально быстрое восхождение Тайсона исключительно его личным талантом и талантом Д'Амато как тренера. У Майка были еще и великолепные менеджеры: Билл Кейтон и Джим Джекобе. Это им принадлежала на тот момент абсолютно новая идея рассылать видеокассеты с боями Тайсона всем самым влиятельным в мире бокса представителям СМИ. Позже Джекобе и Кейтон раскрыли и другой секрет: противники подбирались специально, чтобы Майк мог выглядеть как можно лучше.

Это нельзя понимать так, что Тайсону поставляли только мальчиков для битья. Конечно, среди его первых противников хватало «мешков», на которых он просто показывал свою технику, но встречались и вполне приличные бойцы. Единственные, кого надо было избегать, — это так называемые спойлеры (от англ. to spoil — портить).

Есть такая категория боксеров, которые не столько что-то делают сами, сколько ничего не дают делать своему противнику. Они могут быть очень разными, но в целом делятся на две категории. Первые, как правило, высокие, — прекрасно умеют держать дистанцию, а если противнику удастся ее разорвать, тут же клинчуют. Вторые, которые могут быть любыми по физическим данным, устраивают на ринге какую-то возню и непрерывно вяжут сопернику руки, выводя из себя и его самого, и зрителей.

было избегать, и тандем Кейтон — Джекобе справился с этой задачей блестяще: спойлеров среди соперников Майка в первый год его карьеры не было. Более того, на время даже создалось впечатление, что спойлер на него еще не родился. Со временем окажется, что это не так. Были соперники, против которых плохо смотрелись и Джо Луис, и Рокки Марчиано, и Мохаммед Али. Были такие и у Тайсона.

Его сила казалась несокрушимой и какой-то запредельной. Это отмечали все его соперники. Его одиннадцатый противник Стерлинг Бенджамин рухнул через 58 секунд после начала боя — после серии ударов по корпусу. Он не нашел особо оригинальных сравнений и сказал только: «Этот парень бьет как кувалдой».

В своем двенадцатом бою Майк встретился с Эдди Ричардсоном, вполне приличным боксером, послужной список которого включал 11 побед и только два поражения. Майк нокаутировал его на второй минуте правым кроссом. Когда Ричардсона спросили, доставалось ли ему так когда-нибудь раньше, он ответил: «Да, год назад, когда меня сбил грузовик».

В том же стиле высказался и Сэм Скэфф, четырнадцатый противник Тайсона, которого Майк также нокаутировал на второй минуте левым хуком: «Я спарринговал с Гретом Пейджем. Я продержался четыре раунда против Тима Уитерспуна, но никто и никогда не бил меня с такой силой».

Движения Майка были невероятно экономны. Противники мазали мимо его головы, которая все время оказывалась у них между руками, а его удары были неотразимы и потрясающе точны. Этому Д'Амато уделял особое внимание. С самого начала обучения он требовал от своих учеников бить не абы куда, а по четырем основным, как он считал, точкам: печени, нижнему левому ребру, подбородку и углу челюсти под ухом. Амплитуда удара Тайсона временами была такой короткой, что его было очень трудно увидеть. В американской боксерской литературе есть такое полумифическое понятие, как неотразимый «шестидюймовый удар», то есть удар длиной в шесть дюймов (15 см), который приводит к нокдауну или нокауту. В боях молодого Тайсона этот удар видишь на каждом шагу. Так, например, было в состоявшемся 27 декабря 1985 года бою Майка с Марком Янгом, которого он нокаутировал таким коротким правым боковым, что даже при просмотре видеозаписи в замедленном режиме остается не совсем ясно, как же Янг оказался на полу, и лишь то, что за кулаком, который врезался в челюсть бедолаге, стоял молодой Майк Тайсон, все объясняет. Тем же самым ударом через две недели, 11 января 1986 года, Тайсон нокаутировал Дэвида Яко.

Тайсон потрясающе владел не только двумя традиционно главными орудиями нокаута — левым хуком и правым кроссом, но вообще любым ударом с любой руки, каждый из которых был чреват нокаутом, причем и тогда, когда шел в серии. А эти серии! Удары в них легко и плавно перетекали один в другой как одна волна в другую. Его тренер Кевин Руни говорил ему: «Бей пять-шесть-один». Тайсон выходил на ринг, бил трехударную комбинацию, и противник падал. «Бей три-пять», — говорил Руни. Тайсон бил двухударную комбинацию, и противник падал.

Это тоже была школа Д'Амато. Каждому удару был присвоен свой номер, и Тайсон сам говорил, что ему не надо думать, чтобы понять, чего от него требует Руни, когда называет все эти цифры. Все было доведено до полного автоматизма.

Некоторые комбинации, которыми пользовался молодой Тайсон, вообще были уникальны, по крайней мере для тяжелого веса, как, например, два апперкота правой — по корпусу и в челюсть. Нанося первый удар, Майк как бы использовал тело противника для дополнительной подзарядки руки. Она пружинила, уходила назад и уже оттуда летела в челюсть, прошивая оборону, если у соперника к тому моменту еще была хоть какая-то оборона. Нет, Майк тогда не только бил левый хук и правый кросс лучше всех, как многие писали. Он вообще все делал лучше всех. Лучше всех бил. Лучше и, главное, экономнее всех защищался. И наконец — лучше всех выглядел на ринге. Честно говоря, трудно представить себе более зрелищного бойца, чем молодой Тайсон. Его просто не может быть.

16 февраля 1986 года Тайсон дебютировал на телеканале НВО, то есть на «большом» телевидении. В этой связи Кейтон и Джекобе не могли уж очень вольно подбирать ему соперника, поэтому им стал опытный и хитрый Джесси Ферпосон, до того проигравший только один из своих 15 боев и всегда умудрявшийся выставить своих противников не в лучшем свете. Однако в случае с Тайсоном ему это не удалось.

Почувствовав, что имеет дело с умным бойцом, Майк не стал особенно форсировать события, показал свою «защиту ку-ку» во всей красе, качая маятник под самым носом у Ферпосона и нанося короткие удары, пока наконец в пятом раунде не прижал его к канатам и не провел свою великолепную комбинацию из двух правых апперкотов — по корпусу и в голову. Ферпосон упал, но успел встать до того, как рефери закончил счет, однако всякое желание вести бой у него после этого угасло. В шестом раунде он с таким постоянством зажимал перчатки Майка, не давая ему высвободить руки, что рефери его дисквалифицировал, а позже была объявлена победа Тайсона техническим нокаутом.

Май 1986 года выдался для Майка боевым. 3-го он провел бой с Джеймсом Тиллисом, а 20-го — с Митчем Грином, тем самым, с которым через несколько лет подерется на улице. Оба этих боя необычны тем, что на этот раз его соперники сумели услышать финальный гонг, стоя на ногах.

Один из эпизодов боя с Тиллисом стал классикой. Тайсон фактически сел на корточки и продолжил работать в «защите ку-ку», уходя от ударов соперника. Потом был еще один эпизод, вошедший во все рекламные нарезки боев молодого Тайсона: Майк нырком ушел от удара Тиллиса, и тот «пролетел» чуть ли не ему за спину, а Майк нанес совсем коротенький, шестидюймовый, левый хук, после которого Джеймс оказался на полу. Однако он встал и не оставлял попыток досадить Тайсо-ну до самого конца их встречи. В каком-то смысле ему это удалось. Тогда много

Сомнения укрепил Митч Грин. Тайсон снова великолепно качал маятник, находясь совсем рядом с противником, и контратаковал, но он так и не смог послать его в нокдаун, хотя пару раз было совершенно непонятно, каким образом Митч удерживается на ногах, и так продолжалось до самого конца. Двое судей отдали Грину победу в одном раунде из десяти, а третий — даже в двух. Правда, это можно рассматривать только как поощрение за смелость: в этих раундах Грину досталось куда больше, чем Тайсону, просто на судей совершенно неизгладимое впечатление произвело, что он хоть что-то сумел сделать. И стало обычным делом: если противнику удавалось хоть как-то зацепить Тайсона, ему часто давали победу в раунде. Это мало что меняло, потому что и «проигранных» раундов у Тайсона набегало один-два на десять боев.

видел, чтобы мать была счастлива со мной, — сказал Майк в интервью «Sports Illustrated» в 1985 году, — никогда не слышал, чтобы она с гордостью говорила: «Это мой мальчик, мой младший сын! Она знала меня только как дикого парня, который куролесил по улицам и возвращался домой в новой одежде, за которую, как она знала, он не заплатил. У меня никогда не было возможности толком поговорить с ней и узнать ее получше. Профессионально это на меня не повлияло, но эмоционально это меня гнетет и уничтожает как личность».

Другая смерть оказалась еще страшнее. 4 ноября 1985 года умер Кас Д'Амато. 77-летний старик подхватил на ветру воспаление легких, которое оказалось роковым для его усталого организма.

«Мне страшно его не хватает, — сказал Тайсон вскоре после смерти Д'Амато в том же интервью. — Мы столько лет работали и работали, над тем и над этим. Он был моим хребтом. Все, над чем мы работали, дает такие хорошие плоды сейчас. Если бы он это увидел, он был бы так счастлив. Когда я просыпался утром, он готовил мне завтрак. А теперь его нет рядом. Господи, со мной все будет в порядке, но в конце концов, кого это волнует? Мне нравится моя работа, но победы не приносят мне радости. Я полностью выкладываюсь в боях и показываю все, на что способен, но, когда все кончается, Каса нет рядом, чтобы сказать мне, как я сработал, и нет матери, которой я бы мог показать газетные вырезки о себе».

Камиль Юалд, хозяйка дома, где жил Тайсон, вскоре после смерти Д'Амато рассказывала, как, сидя перед телевизором на диване, она то и дело обнаруживала, что Майк незаметно к ней подкрался и положил свою здоровенную голову ей на колени: «Он мурлычет, как котенок. Он просит его погладить. Ему так нужна нежность и ласка. Ох, как я за него беспокоюсь. Мне не нравится, что люди, с которыми он ходит, не думают ни о чем, кроме того, как получше провести время. Я боюсь, что что-то произойдет, если он разозлится при всех. Я видела его в ярости, и я знаю, о чем говорю. Он научился вести себя на ринге, но не научился вести себя в жизни. Кас умер прежде, чем смог научить его этому».

Камиль Юалд не могла представить себе, как была права и как скоро начнут сбываться ее самые худшие предчувствия. Впрочем, можно ли назвать предчувствием то, что идет от знания?

Здесь нам придется на время забыть все, что мы знаем о Тайсоне сейчас, потому что тогда, в середине 80-х, он был или, точнее, казался другим человеком, прежде всего на ринге. Тогда своим поведением на ринге Тайсон больше всего напоминал товарища Сухова из «Белого солнца пустыни» или, может быть, его верного друга Сайда. Трудно даже представить себе более флегматичного победителя. Как Сухов и Сайд, поубивав всех врагов вокруг себя, теряли всякий интерес к бездыханным телам, так и молодой Тайсон, только что весь воплощенная ярость, после того как обессиленный соперник падал, терял к нему всякий интерес и шел в свой угол. В американском кинематографе на таком отношении к поверженным киноврагам сделал себе имя Клинт Иствуд, американский эквивалент товарища Сухова. А теперь представьте себе, что кто-то так же ведет себя в жизни. Эффектно. Тайсона не учили этому специально. Его учили только мгновенно прятать свою ярость в тот момент, когда она становилась больше не нужна, но получилось красиво.

Бой с Марвисом Фрезером 26 июня 1986 года длился всего 30 секунд. Трудно понять, почему Джо Фрезер выставил своего сына против молодого Тайсона. Он не мог не понимать, чем это закончится. Тем более что у Марвиса уже был опыт встречи с Лэрри Холмсом, который нокаутировал его в первом раунде. Тем не менее бой состоялся. Марвис выглядел так, как будто попал под каток. Возможно, он сломался слишком быстро, быстрее, чем ожидал сам Тайсон, но непосредственно после боя произошло маленькое событие, на которое тогда не обратили особого внимания.

Сразу после остановки встречи, когда вокруг Тайсона стояло много людей, его лицо неожиданно перекосило, он подпрыгнул в воздух, а затем затопал ногами как бешеный конь, глядя на зрителей. Его быстро уняли, но это был срыв, первый срыв на людях. Зверь, которого Кас Д'Амато загнал внутрь, впервые вырвался наружу.

Следующим соперником Майка 17 августа 1986 года стал Хосе Рибальта, крупный и очень неплохой боксер. Поначалу казалось, что все скоро закончится. Во втором раунде Тайсон провел свою коронную комбинацию, всегда вызывавшую дикий восторг зрителей: двойной правый апперкот — по корпусу и в челюсть. Рибальта упал, но встал на ноги.

Развязка наступила только в десятом раунде. После левого бокового Хосе снова оказался на полу, встал и на вопрос рефери, хочет ли он продолжать, ответил: «Да, мать твою, да!» Однако через несколько секунд арбитр все равно остановил встречу, так как Рибальта пропустил правый кросс и еще серию ударов, после чего перестал отвечать на атаки.

ку-ку» стала в этой встрече лишь элементом его техники, а не ее основой. Впрочем, тогда на это практически не обратили внимания. Ну попался крупный и неплохой соперник, вот Майк и разнервничался и попер в прямолинейную атаку, с кем не бывает?

Раньше этого не бывало, прежде всего с ним самим. Он всегда точно знал, что и зачем он делает, а сейчас он просто пошел крушить. Конечно, Майк мог себе это разрешить, но как боксер он сделал первый, пусть самый маленький, шагжок вниз. Просто Майк Тайсон был так талантлив, что он мог себе позволить деградировать более 10 лет, как оно и случилось в действительности, и он все равно еще имел шанс побить кого угодно.

6 сентября 1986 года он провел ничем не примечательный бой с ничем не примечательным Альфонсо Рэтлиффом. Рефери остановил встречу во втором раунде, спасая соперника Майка от тяжелого нокаута.

На этом и закончился претендентский этап карьеры Тайсона. Бой с чемпионом мира по версии WBC Тревором Бербиком был назначен на 22 ноября в Лас-Вегасе на спортивной арене отеля «Хилтон».

НОВАЯ ЭРА

Тревор Бербик был перевозбужден, как юнец, который слишком рано для своей хрупкой психики вышел на самый высокий уровень, а двадцатилетний Тайсон был спокоен, как ветеран. Можно сказать, что победитель был виден еще до боя.

После гонга Тайсон практически без разведки пошел в атаку. Бербик, значительно превосходивший его в росте и чуть-чуть уступавший в весе (189 см против 181 (официально) и 99 кг против 100 соответственно), на нестойких и каких-то мельтешащих ногах отступал. Майк догнал его и всадил левый хук, частично ослабленный тем, что Тревор двигался «задним ходом». Тем не менее создалось впечатление, что удар, обрушившийся на челюсть Бербика, произвел на него удручающее впечатление. Чуть позже Тайсон нанес правый кросс, скорее даже боковой, но Бербик успел в последнюю секунду, а точнее, долю секунды отклониться назад, в результате чего удар прошел вскользь, и тут же контратаковал. Несколько ударов попали в голову Тайсона, но все они были ослаблены частично мелкими, но грамотными движениями самого Тайсона, все той же «защитой ку-ку», частично тем, что Бербик бил из поскака, а не стоя прочно на ногах, и явно боялся слишком вкладываться в удары, чтобы его не занесло. Тем не менее это был его лучший эпизод в бою, единственный, который он выиграл.

На Майка, как и следовало ожидать, все это произвело очень мало впечатления. Вскоре он провел комбинацию из правого кросса и левого хука, оставившие на лице Бербика растерянное выражение. Далее было еще много серий и одиночных ударов: сначала правый боковой, затем несколько сумбурная серия слева и справа, пришедшаяся вскользь, затем левый боковой, наконец еще одна комбинация из правого кросса и левого хука, от которой Тревора, судя по выражению его лица, стало мутить.

К тому времени и зрители, и сам Бербик забыли, когда он в последний раз пытался атаковать. Лучше бы и не вспоминали, по крайней мере Бербик. Где-то за полминуты до конца раунда он попытался нанести длинный левый боковой, но Тайсон нырнул под него и нанес свой левый хук, от которого глаза Бербика чуть не выскочили из орбит. После секундной паузы Тайсон продолжил атаку, и на голову Тревора обрушились один за другим правый кросс, левый хук, еще кросс и еще хук. От последнего удара пятившегося назад Бербика закрутило влево, и он на заплетающихся ногах описал полукруг вдоль канатов. Казалось, что он упадет, но в последнюю секунду он поймал равновесие и удержался на ногах. Тайсон достаточно сумбурно бросился на него, обрушивая один удар за другим, но от спешки попадал неплотно. Бербик же старался только войти в клинч, что пару раз ему удалось. В клинче застал бойцов и гонг. Тайсон какой-то тигриной походкой отправился в угол, а Бербик что-то сказал ему вслед, судя по всему не очень приятное. Майк даже не повернул головы.

Второй раунд, как и первый, начался атакой Тайсона. Майк достал Тревора длинным ударом справа, пришедшимся точно в цель. Чувствуя, что Бербик потрясен, Тайсон продолжил атаку и провел длинную серию. Тревор в панике отступил, некоторые из ударов Майка прошли мимо, но и тех, что попали, хватило с лихвой. После правого кросса Бербик наконец упал. Если бы он задержался на ногах еще на долю секунды, то получил бы еще и левый хук, и это был бы уже точно нокаут, а так получился только нокадаун.

Бербик быстро встал, но всем, и, похоже, ему в том числе, ясно, что это ненадолго, но он хочет бороться до конца, что делает ему честь. Майк атаковал, а Тревор при малейшей возможности клинчевал. Тайсон иногда попадал — и слева и справа, и одиночными ударами и сериями, — но в целом не столько бил по цели, как учил Кас, сколько просто давил своей мощью, как бульдозер. В конце концов он снова достал Бербика ударом справа и завершил атаку серией с акцентом на правом кроссе. Тревор уже держался на одном честном слове.

Майк провел свой двойной апперкот справа, но от второго, в челюсть, Бербик успел отклониться назад. Однако это была серия не из двух, а из трех ударов. Третий, левый хук, нанесенный после мгновенной паузы, которого он не видел и не ожидал, потряс Бербика до основания.

Он упал не сразу, а где-то через секунду, но как упал! Он попытался встать, но упал снова, влево на канаты, встал, сделал несколько заплетающихся шагов и упал снова, на этот раз направо. Популярный рефери Миллз Лейн показал ему, что бой закончен, и сказал: «На сегодня хватит». Бербик попытался встать снова и, если бы не Лейн, упал бы в четвертый раз, но тот его поймал и прижал к канатам, потому что не мог держать самостоятельно.

В 20 лет 4 месяца 22 дня от роду Тайсон стал самым молодым в истории чемпионом мира в тяжелом весе, побив рекорд Флойда Паттерсона более чем на полтора года. Пусть пока он только чемпион по версии WBC, это никого не волнует. Зашедшийся от восхищения увиденным, телеведущий сказал: «В боксе наступила новая эра». И это

никакое не преувеличение. Только теперь эпоха Али наконец закончилась и наступила эпоха Тай-сона, совсем другая эпоха совсем с другим героем.

Впрочем, пока еще Майк Тайсон не в полной мере вышел за рамки бокса, он просто заполнил собой весь бокс, хотя тогда даже заработки его были далеки до заработков звезд прошлого и настоящего. Так, за бой с Бербиком он получил 1,5 миллиона долларов — на 600 тысяч меньше самого экс-чемпиона и на 10 миллионов меньше, чем самая яркая звезда того времени полусредневеса Рей Леонард получил в 1981 году за бой с Томасом Хернсом. Но теперь все эти звезды вдруг разом ушли в прошлое. Тайсон в мгновение ока затмил их всех и уже через два года побил все их рекорды по заработкам, потому что это была его эпоха, а не их. И Леонард, и Херне, и великий средневеса Марвин Хэглер — все вдруг разом отошли на второй план, а на первом в одиночестве оказался Тайсон, который пока еще очень медленно и не слишком заметно для окружающих, начал забывать все, чему его научил Кас Д'Амато — и в боксе, и в жизни.

Тогда, в конце 1986 года, критиковать Тайсона было не принято. Победителей, тем более таких, не судят, но все же бой с Бербиком наглядно показал, что кое-что из своей блестящей техники он уже потерял или, точнее, начал терять. Мысль эта мне самому показалась несколько спорной, и я обратился к нашему эксперту, выдающемуся тяжеловесу 70-х Игорю Высоцкому.

В начале 2002 года мы вместе с ним несколько часов смотрели бои Железного Майка разных лет, после чего Игорь сказал: «Тайсон очень менялся со временем. Лучше всего он был в самом начале, еще до того, как стал чемпионом мира. Потенциал физический у него, конечно, колоссальный, удар сильнейший. Это было у него всегда. Есть и сейчас. Но в молодые годы он лучше умел выйти на нужную ему дистанцию, ударить и попасть. Защита у него была гораздо лучше, чем сейчас. Уклоны и нырки он выполнял просто великолепно, а сейчас этого не видно. Да и бил он тогда гораздо резче, и удары его были покороче. Потом появилась размашистость. Уже в первом его бою за титул, с Тревором Бербиком в 1986 году, он совсем другой стал, дальше — больше. Это просто агрессор: он идет и бьет — и больше ничего не делает. Прет как на стенку, давит, ломает соперника. Вообще и раньше, и сейчас он работает не совсем так, как невысокие тяжи. Обычно как — если соперник крепко выше тебя, стой и жди, выдергивай его на себя, а потом контратакуй, а Тайсон сам шквал устраивает. Он чувствует свою силу, но ведь на каждое действие есть противодействие».

Тогда саморазрушительный процесс был еще только в самом начале, и нет ничего удивительного, что этого практически никто не заметил. Майк по-прежнему был не то что на голову, а на десять голов выше всех своих противников. Впервые о том, что Тайсон стал что-то терять как боксер, заговорят только в 1989 году, когда это уже станет очевидным, но пока до 1989 еще было далеко.

По общему мнению, 22 ноября 1986 года Майк Тайсон стал единственным чемпионом мира в тяжелом весе, но формально ему принадлежал только один главный титул из трех. Титулы WBA и IBF принадлежали... Кстати, а кому они принадлежали?

12 декабря 1986 года Джеймс Смит по прозвищу Костолом нокаутировал в первом раунде Тима Уитерспуна и стал чемпионом мира по версии WBA. Интерес это вызвало минимальный. Даже то, что твердолобый Уитерспун, фактически победивший Лэрри Холмса всего три с половиной года назад, сломался так быстро в бою с боксером, которого только полгода назад победил по очкам, привлекло мало внимания. Наркоманил, наверно? Или случайность? Да какая разница? Кому теперь нужны и Смит, и Уитерспун?

Однако все, в чем принимал участие Майк Тайсон, интерес вызывало самый оживленный, и уж тем более бой, в котором он должен был получить в свои руки второй из трех чемпионских титулов в тяжелом весе. 7 марта 1987 года на той же арене отеля «Хилтон» в Лас-Вегасе, где он победил Тревоу Бербика, Тайсон встретился с Костолом Смитом.

Кличка Смита вроде бы обещала увлекательное зрелище, к тому же в последнем бою он нокаутировал не последнего человека в боксе Тима Уитерспуна уже в первом раунде, но прогнозы и ожидания не оправдались. Это был, безусловно, самый скучный бой Тайсона за все время его профессиональной карьеры. В чемпионских боях невозможно подбирать себе противников, и в результате Железный Майк напоролся в лице Смита на настоящего спойлера. Костолом не столько дрался, сколько обнимался, то есть постоянно клинчевал. Тайсон выигрывал раунд за раундом, но выглядел при этом неважно, потому что никак не мог толком ударить.

Смит, как и положено спойлеру, выявил некоторые изъяны в технике Тайсона: он в недостаточной мере владел ближним боем и потому был крайне неэффективен в клинче, к которому так стремился Костолом, и он как будто начал забывать некоторые приемы ведения боя, которым его научил Кас Д'Амато. Майк с упорством, достойным лучшего применения, все пытался поймать Смита на тяжелый нокаутирующий удар, причем делал это достаточно простодушно. Уже в течение нескольких боев никто не видел коротких и точных ударов Тайсона, которые еще год-полтора назад были его фирменным знаком. Как сказал Игорь Высоцкий, он становился чистым агрессором, а виртуозные приемы — это не из арсенала агрессора.

Тайсон, конечно, победил Смита. Более того, он не проиграл ни одного раунда, однако Костолом, начавший бой как спойлер, остался спойлером до последних секунд. В самом конце заключительного, двенадцатого раунда он провел мощнейший удар справа, от которого Железного Майка сильно качнуло назад, а потом продолжил атаку, и снова отнюдь небезуспешно. Не стоит преувеличивать значение этого финишного спурта: Тайсон отнюдь не был потрясен, и ни о каком нокауте речи там не было, но Смит наглядно показал, что боксер с весьма скромным послужным

немедленно вызвал пересуды на тему: а так ли страшен Тайсон, как его малюют? Спокойнее всех на это отреагировал сам Майк, признавший, что ему еще многому нужно учиться.

Оставался последний титул, по версии IBF, который Тайсон еще ни у кого не отобрал, но здесь вышла заминка по той простой причине, что отбирать его было пока не у кого. Майкл Спинке, которому он принадлежал с 1985 года, потерял его без боя в начале 1987 года за то, что решил провести «внеплановый» поединок со все еще популярным белым тяжеловесом Джерри Куни. Руководство IBF, связанное обязательствами со всеми участниками, организовавшими объединительную серию боев за титул абсолютного чемпиона в тяжелом весе, не могло и не хотело затягивать этот процесс ради того, чтобы Спинке заработал несколько лишних миллионов, и оно лишило его титула. Майкл отнесся к этому спокойно: с титулом или без него, он все равно считался самым сильным потенциальным соперником Тайсона и знал, что с бой с ним от него не уйдет. А пока, 15 июня 1987 года, он провел встречу с Джерри Куни и нокаутировал его в пятом раунде.

Новый чемпион по версии IBF определился чуть раньше. Бой за вакантный титул этой федерации был проведен 30 мая 1987 года в Лас-Вегасе между Тони Таккером и Джеймсом Бас-тером Дагласом. В целом равный поединок закончился тем, что в десятом раунде у Дагласа «кончился бензин», он резко сбросил обороты, чем воспользовался Таккер, и рефери остановил бой, так как Даглас перестал оказывать сопротивление. Тони Таккер стал чемпионом мира в тяжелом весе по версии IBF, а о Бастере Дагласе тут же забыли, тем более что у многих зрителей создалось впечатление, что он просто струсил и сдал матч, исход в котором отнюдь не был ясен. Кто тогда мог подумать, что всего через два с половиной года этот самый «трус» станет автором самой громкой сенсации в истории бокса?

Возникает естественный вопрос: а почему, собственно, за вакантный титул по версии IBF не мог драться сам Тайсон с тем же Таккером или Дагласом? Как ни странно, по чисто бюрократическим причинам, которыми нельзя пожертвовать даже сейчас: как чемпион по другим версиям, Тайсон не входил в рейтинг IBF. Следовательно, он как бы не существовал для этой организации и не мог драться за ее пустующий трон. Другое дело, когда у нее будет свой чемпион: встречи между чемпионами по разным версиям не нарушают никакой бюрократической логики.

Железный Майк уже успел стать денежным печатным станком для очень многих людей, а потому не должен был простаивать. В тот же день 30 мая 1987 года, когда Таккер дрался с Дагласом, в том же Лас-Вегасе, но на другой спортивной арене, в ставшем для него привычным зале отеля «Хилтон», Тайсон встречался с экс-чемпионом мира Пинклоном Томасом. Надо ли говорить, какой из двух боев в тот день привлек больше внимания? Кроме того, Томас, несмотря на свое наркотическое прошлое, считался довольно сильным боксером, и, когда он в 1984 году завладел титулом WBC, многие эксперты сочли, что это, наверно, надолго, тем более что о Тайсоне никто тогда и слыхом не слыхивал. Правда, как это часто бывает с бывшими наркоманами, Томас не отличался стабильностью и проиграл объективно гораздо более слабому Бербику, к бою с которым не подготовился должным образом. Все же к поединку с Майком Тайсоном Томас подготовился как следует и дал бой, чего многие совершенно не ожидали. Подогревало интерес к этой встрече и то, что Томаса тренировал Анджело Данди, самым знаменитым учеником которого был Мохаммед Али.

Начало боя не предвещало для Томаса ничего хорошего. В первом же раунде он напропускал столько самых разнообразных ударов, что только его лошадиное здоровье, когда-то не давшее ему умереть от передозировки, удержало его на ногах. Пинклон пытался работать «из-за джеба», как Али, но ему явно не хватало подвижности на ногах, он не владел уходами в сторону так, как Мохаммед, а потому Майк то и дело его догонял. Тем не менее, стоило Тайсону чуть-чуть сбросить обороты, как Пинклон стал вести с ним чуть ли не равный бой. Он даже сумел выиграть или по крайней мере не проиграть пару раундов. Однако после пятого, в котором Томас выглядел очень прилично, стало видно, что он очень устал.

Конец наступил в шестом раунде. Очередной наезд Тайсо-на кончился тем, что Томас пропустил левый боковой, после которого потерял ориентацию. Тем не менее он упал далеко не сразу и выдержал на ногах затяжную серию ударов Майка, пока наконец не рухнул. Он попытался встать, но не успел и поднялся на шаткие ноги уже после того, как рефери закончил счет.

Тайсона все время сравнивали с Мохаммедом Али, не в плане техники, здесь они были уж очень различны, а в том, насколько они возвышались над своими современниками на ринге. После несколько противоречивого для его репутации боя с Томасом, которого к тому же тренировал бывший тренер Али, эти разговоры усилились. В самом деле, а что было бы, если бы на месте Томаса был сам Мохаммед Али? Вскоре после боя, летом 1987 года, было опубликовано быстро обошедшее чуть ли не всю мировую спортивную прессу, интервью Мохаммеда Али. Мало кто сомневался, что он не поставит Тайсона на один уровень с собой, но все же интересовались, что именно он скажет.

«Он, может, и новый чемпион, — сказал Али, — лучший среди тех, кто сейчас есть, но ему еще очень далеко до того, чтобы стать одним из великих. Ему еще многому надо научиться в боксе. Если сравнить его с великими боксерами, такими как Шугар Рей Робинсон или Шугар Рей Леонард, то он просто грубый ломовик. В настоящий момент все, что у него есть, это удар. Но этого у него не отнять. Если он ударил, то в себя противник уже не приходит. Это точно». Потом Али добавил: «У Тайсона есть данные, чтобы стать одной из легенд бокса, но ему еще надо доказать это. Чтобы стать легендой, нужно выигрывать 10 лет подряд. С тех пор как я ушел, бокс долго катился по наклонной плоскости. Джо Фрезер, Джордж Формен, Кен Нортон, Эрни Шейверс, Джордж Чувало... Они все могли драться. Тайсону просто не хватило бы длины рук и умения, чтобы победить большинство из них. Он совершенно точно не смог бы побить Джо Фрезера в его лучшие времена».

интервью Али мелькнуло что-то от него прежнего: «Чтобы Тайсон смог побить меня? Вы шути ^е. Он никогда бы не смог побить меня. Об этом даже не стоит говорить. Я по-прежнему лучший тяжеловес во всемирной истории — настоящая легенда».

Между прочим, с этим тогда не спорил и сам Тайсон. «Я изучал историю бокса и знаю, кто стал легендой в боксе, и знаю, что они сделали, чтобы стать таковыми. По-моему, лучшими во все времена были Джо Луис и Али. Трудно выбрать между ними. Оба были великими мастерами, но мне больше нравится Али. Я надеюсь, что когда-нибудь меня сравнят с ними обоими. Но было бы смешно назвать себя великим сейчас. Моя карьера только началась. Дайте мне еще несколько лет, мне ведь только 21 год. У истории еще есть время решить, является ли Майк Тайсон одним из великих или нет».

Сейчас кажется, что Тайсон никогда не мог сказать ничего подобного. Весной 2002 года, уже неоднократно битый и давно переживший свои лучшие годы, он заявил, что он более великий боксер, чем Али, на том основании, что он больше заработал. Как будто он не понимал, что дело здесь не в таланте, а в бурном расцвете кабельного телевидения, которое подняло гонорары лучших боксеров до заоблачных высот. Однако, находясь на подходе к пику своей славы в 1987 году, он говорил иначе. Все-таки чему-то Кас Д'Амато научил его, чему-то кроме бокса, и дух отца еще не совсем покинул его приемного сына.

Бой с чемпионом по версии IBF Тони Таккером состоялся 1 августа 1987 года в зале отеля «Хилтон» в Лас-Вегасе, который стал для Железного Майка чуть ли не родным домом.

Начало получилось парадоксальным. Тайсон, как обычно, на первых же секундах набросился на очень высокого Таккера (196 см), но тот грамотно ушел от него влево по кругу, а затем, уже будучи почти в углу, выкинул правую руку, словно пытаясь нанести кросс. Может быть, это и был кросс, а может быть, Так-кер просто очень правдоподобно финтил. Тайсон нырнул под удар, не собираясь останавливать свою атаку, а Тони, неожиданно не доведя удар правой до конца, ударил левой снизу. Удар пришелся точно в челюсть. Майку еще повезло, что он уже начал выпрямляться. Если бы он «поймал» этот апперкот на встречном движении головой вниз, дело вполне могло бы закончиться нокаутом. Тайсон и так, слегка потрясенный ударом, сделал несколько мелких шагов назад.

Майк тут же контратаковал, но не слишком удачно. В целом первый раунд прошел в достаточно равной борьбе, но, несмотря на успешный спурт Тайсона в конце, выиграл его все же Таккер, который не дал себя смять и вместо этого дал отпор. Тони был первым и на долгое время остался единственным боксером, который сумел прервать стартовый рывок Железного Майка.

Однако левый апперкот в первом раунде так и остался лучшим достижением Таккера в этом бою. Таккер всегда утверждал, что во втором раунде он повредил правую руку и из-за этого у него сломался весь рисунок боя. Может быть, и так, хотя на видеозаписи этого не видно. Тони еще очень неплохо провел следующие три-четыре раунда. Несколько раз он провел ту же комбинацию из ложного правого кросса и подлинного левого апперкота, но уже без особого эффекта. Тем не менее его апперкоты, причем с обеих рук, время от времени прошивали защиту Тайсона.

Во второй половине боя Таккер сбросил обороты и думал главным образом о своей безопасности. В определенной степени он в этом преуспел. Тони отходил и отбивался от Майка дже-бом, а когда тому удавалось разорвать дистанцию, немедленно клинчевал. Начиная с шестого раунда он только это и делал. Иногда Тайсон догонял его, но ему ни разу не удалось поставить Таккера в опасное положение. Более того, к концу боя Тони оживился и очень неплохо провел двенадцатый раунд.

Все трое судей совершенно справедливо отдали победу Тайсону соответственно со счетом: 119:111, 118:113 и 116:112. Первые две судейские карты достаточно точно отражают расклад в этой встрече.

Часто говорят, что те, кто побеждал Тайсона позже, никогда не смогли бы ничего сделать с ним в молодости. Не знаю, может быть, так оно и есть, но при этом как-то сами собой напрашиваются некоторые аналогии. В 2002 году чемпион мира Леннокс Льюис разгромил Тайсона, от которого на тот момент действительно мало что осталось. Все поклонники Железного Майка справедливо указывали на этот факт и, разумеется, утверждали, что с «тем» Тайсоном Льюис ничего не смог бы поделать. Конечно, в таких случаях ничего нельзя утверждать наверняка, но некоторые вещи сами бросаются в глаза: Леннокс Льюис так же высок, как Таккер (кстати, они тоже встречались, и Льюис также победил Таккера по очкам, но, в отличие от Тайсона, сумел дважды послать его в нокаунт), но он более тяжелый и гораздо более сильный физически. Кроме того, он обладает куда более сильным ударом, чем Таккер. Наконец, он прекрасно владеет апперкотом, ударом, всегда приносившим Тай-сону самые большие проблемы, в том числе и в реальном бою с Льюисом в 2002 году. Так, может быть, у Льюиса был бы шанс и против молодого Тайсона?

Я ни в коем случае не хочу поставить под сомнение величие Железного Майка, но, может быть, не стоит приписывать ему некую мистическую силу и заведомо отдавать ему победу в виртуальных боях с соперниками выше его на голову и тяжелее килограммов на 10—15? Впрочем, в 1987 году Льюис был еще любителем и только готовился к Олимпиаде в Сеуле, так что на ринге они встретиться тогда никак не могли.

В 1987 году Тайсон провел еще один бой, который выявил что-то новое в его характере или, точнее, хорошо забытое старое. Впрочем, забывал ли он когда-то это свое «старое», или Кас Д'Амато просто сумел на какое-то время так глубоко запрятать его где-то в подсознании Майка, что оно никак не могло снова вырваться наружу в течение двух лет после его смерти?

Олимпийский чемпион 1984 года в супертяжелом весе Тайрелл Биггс всегда вызывал у меня крайне мало симпатий по простой причине: он дважды вне всяких сомнений проигрывал нашему Валерию Абаджяну, причем с

вполне возможно, что там Биггс действительно был лучшим, но что для профессионального ринга он не годился, по моему, было совершенно очевидно. Как ни странно, Тайрелл Биггс котировался очень высоко, и многие полагали, в том числе и очень уважаемые в боксе люди, что у него даже есть некоторые шансы на победу в бою с Тайсоном.

В профессиональном боксе, и прежде всего американском, существуют свои мифы. Например, мифы исторические. К таковым относится миф под названием «Рокки Марчиано», который пытался, но не смог разоблачить сам Мохаммед Али, справедливо указывавший, что самые серьезные противники Рокки на момент встречи с ним либо давно пережили свои лучшие годы, либо были, в сущности, полутяжауи, либо и то и другое. Есть миф «Санни Листон», поклонники которого смотрят на своего кумира замороженными глазами свидетелей двух его побед над Флоридом Паттерсоном. Они отказываются вспоминать, как он не смог нокаутировать Эдди Мэкена, и по сей день считают, что Кассиус Клей, ставший затем Мохаммедом Али, добился победы над Листоном с помощью закулисных интриг.

Есть мифы другого рода — тактические. Самый главный из них — «миф о джебе». Разумеется, прямой удар с передней руки, с помощью которого боксер удерживает дистанцию, примери-

вается к цели на лице соперника и делает еще многое другое, являясь одной из основ бокса, но именно «одной из», и не более того. Создателем этого мифа, сам того не желая, стал Мохаммед Али. Он много лет говорил об огромной роли этого удара в любом бою и наглядно демонстрировал то, что говорил.

Видимо, тренеры молодого Биггса, свято верили в этот миф, а в итоге вся техника Тайрелла сводилась к очень ловкому прыганию задним ходом по рингу, с периодическими уходами в стороны и безостановочным левым джебом. Очень хорошо помню, сколько неприятностей доставил этот действительно доведенный в его исполнении почти до совершенства удар Абаджану, но, когда Валерий все-таки сквозь него прорывался, выяснялось, что больше ничего Биггс не умеет, и ему приходилось очень туго. Перейдя в профессионалы, Тайрелл не изменил своей манере ведения боя и так и остался чистым джебистом.

Мохаммед Али был гением, и поэтому он сам не всегда точно знал, что и как он делает, так как действовал на уровне инстинкта. Его джеб был бесподобен, но еще более бесподобен был его правый кросс. Можно сколько угодно говорить, что бил он слабее и Фрезера, и Формена, и многих других, но он бил точнее и своевременнее, что узнал в их второй, да и первой встрече Санни Листон. Али умел достаточно сильно бить справа на отходе и даже умудрялся посылать соперников на пол в такой ситуации, которая вообще в голове не укладывается. Одним левым джебом он никогда бы не смог удержать того же Листона на нужной ему дистанции.

А у Биггса правой руки в боксерском смысле практически «не было». То, что он собирался побить Майка Тайсона в буквальном смысле «одной левой», кажется чистейшим безумием, но он в это верил, и, как ни странно, в это верили многие другие. Перед боем Биггс в каждом интервью уничижительно отзывался о Тайсоне и снова и снова рассказывал, как с помощью своего потрясающего джеба он разделает Тайсона под орех. 16 октября 1987 года на ринге в Атлантик-Сити такой серьезный шутник, как Майк Тайсон, заставил его с лихвой расплатиться за все, что он наговорил.

В первом раунде Биггс, явно пугая себя с Мохаммедом Али, попытался воспроизвести первый раунд его боя с Санни Листоном, и до некоторой степени это ему удалось, но никаких сомнений в конечном исходе матча не было. Биггс выпендривался как Али, но его передвижения по рингу, пусть и очень

быстрые, были хаотичны, и, в отличие от Мохаммеда, всегда; знавшего, что и зачем он делает, Тайрелл просто тратил силы. К тому же бросалось в глаза, что правой рукой он практически вообще ничего не делает.

Тайсон стал догонять его уже в первом раунде, а потом делал это все чаще и чаще. Выяснилось, что правой рукой Биггс не умеет не только бить, но даже толком защищаться, в результате он частенько пропускал страшный левый хук Тайсона, правда пока за счет постоянных передвижений не очень плотно.

В третьем раунде Тайсон много раз доставал Биггса и слева, и справа, и сериями, и казалось, что тот дозрел до нокаута, но Майк не спешил. Развязка наступила только в седьмом раунде. Сначала Тайсон левым хуком отправил Биггса в нокаун. Тайрелл встал и продолжил бой, хотя ему и без всяких ударов нелегко было держать равновесие. Тайсон провел серию, закончившуюся левым хуком, и мучения Биггса закончились.

После боя Майк подтвердил, что действительно понял, что может легко нокаутировать Биггса уже в третьем раунде, но решил «продержать» его на ринге еще несколько раундов, для того чтобы заставить полностью заплатить за все, что он говорил перед боем. Нельзя сказать, чтобы Тайсон был совсем не прав, Биггс действительно переступил в своих предматчевых заявлениях определенную грань, но здесь было важно не столько то, что Тайсон говорил, сколько как он это делал. Раньше поверженный противник переставал для него существовать. Теперь, разделившись с ним, Майк все еще его ненавидел и словно сожалел, что не может продолжать избивать и унижать его вечно.

Тень Каса Д'Амато окончательно покинула его. Он вновь стал собой прежним.

Не стоит думать, что этот процесс был одномоментным. Его явным началом стал тот момент за год с небольшим до боя с Биггсом, когда он затопал ногами после победы над злосчастным Марвисом Фрезером, негодуя, что противник оказался слишком слабосильным и свалился раньше, чем он успел выплеснуть на него всю свою злобу.

Его браунзвиллское естество снова дало себя знать, когда Тайсон между делом как-то изрек фразу, которую затем журналисты и он сам повторяли такое множество раз, что просто невозможно сейчас установить, когда она прозвучала впервые. Майк сказал, что мечтает так точно ударить соперника в кончик носа, чтобы кость ушла в мозг. Поначалу он говорил об этом с таким же безразличием, с каким мясник обучает молодого помощника забивать

какая-то маниакальная злоба, о которой рассказывали те, кто знал его в ранней молодости, и которая была почти полностью скрыта от миллионов зрителей его боев в первые годы. Камилль Юалд оказалась права: Д'Амато действительно не успел научить его очень многому и от еще большего не смог его отучить. Да и возможно ли это было? Возможно, прав был Тедди Атлас, считавший, что Кас потворствует своему приемному сыну и это не доведет Майка до добра.

Однако популярность Тайсона по мере проявления его людоедского начала только росла. Более того, лишь теперь он окончательно вышел за рамки собственно бокса и стал подлинным героем всей Америки.

Политкорректность стала одной из главных реалий общественной жизни Америки в 70-е годы, когда более чем через сто лет после Гражданской войны, покончившей с рабством, было наконец покончено и с сегрегацией в южных штатах страны. В России политкорректность была много раз осмеяна. При этом ее самые крайние, действительно нелепые проявления, о которых речь пойдет позже, выдавались за все ее содержание.

На самом деле, сущность политкорректности составляют несколько совершенно разумных постулатов. Первый и главный из них гласит: ты можешь не любить негров, евреев, индусов, латиноамериканцев, гомосексуалистов, лесбиянок или просто женщин в брючных костюмах сколько тебе угодно, но это не дает тебе права оскорблять и унижать кого бы то ни было из них. Все остальные правила политкорректности являются производными от этого главного. Например, ты можешь сколько хочешь ненавидеть, скажем, китайцев, но это не дает тебе права не брать на работу китайца, если он действительно лучший специалист. И тем более ты не имеешь права его уволить только потому, что он китаец. При этом тебя никто не обязывает общаться с китайцами во вне рабочее время. Это уже твоя частная жизнь, которая никого не касается.

Политкорректность быстро завоевывала Америку, хотя по сути своей она не слишком хорошо сочетается с ее национальным характером, целеустремленным, напористым и довольно бесцеремонным. Идеалом здесь всегда был как раз человек, который живет по своим правилам и заставляет окружающих уважать их, а политкорректность требовала обратного.

К середине 80-х политкорректность, уже достаточно укрепившаяся в своих правах, доросла до подросткового возраста, то есть как раз до того, чтобы поднять бунт против самой себя. В этой обстановке героями стали те, кто противостоял политкорректности, жил по собственным законам и не считался с чужим мнением, короче говоря, делал то, на что у других не хватало пороку — был самим собой, любимым.

Однако бунт против политкорректности, в сущности, был бунтом в стакане воды. Не русским, бессмысленным и беспощадным бунтом, а чисто американским, то есть очень законопослушным и не потрясающим основ той самой политкорректности, против которой он был поднят.

Тем не менее это все-таки был бунт. Люди как-то не могли сразу привыкнуть не обижать тех, кого обижали всегда. Их неволеванная и, более того, запретная отныне агрессивность осталась не у дел. При этом белые не стали больше любить черных, а те их и подавно. Никто на самом деле не проникся теплым чувством к гомосексуалистам. Для проверки спросите среднего американца, что бы он сказал, если бы президентом США стал «голубой», а в роли первой леди выступал второй мужик, весь разукрашенный, как елка. Может быть, справившись с собой, он, пряча глаза, и даст вам вполне политкорректный ответ, но перед этим вы полюбуетесь совершенно непередаваемой гаммой чувств на его лице.

В этих условиях агрессивность в самых различных формах стала сладким запретным плодом, а ее носители — кумирами. В моду вошла своеобразная игра с пороком. Пионером этого движения сделалась всегда державшая нос по ветру певица Мадонна, которая поначалу не очень хорошо умела петь, зато могла доходчиво объяснить всем и каждому, как ей наплевать на то, что он, она или оно о ней думает. За Мадонной потянулись и остальные. Затем актриса Шэрон Стоун сыграла главную героиню «Основного инстинкта». До этого она десяток лет обивала голливудские пороги, но даже ее внешность не казалась тогда никому особо привлекательной. А стоило ей сыграть абсолютно нереальную стерву и маньячку, плюющую на всех, вся и все, как популярность сама упала актрисе на голову.

Личности попроще и повульгарнее вроде слепленной из силикона, ожившей героини комиксов Памелы Андерсон принялись преувеличенно громко рассуждать об огромных членах и непередаваемых оргазмах. Настоящим гением своего времени стал режиссер Квентин Тарантино, заливший экраны бутафорской кровью, смотреть на которую не слишком страшно именно потому, что он дал тебе почувствовать, что и кровь, и все действие происходят как-то невсерьез, что это своего рода игра, то, что у нас принято называть словом «стеб».

Но Мадонна, Шэрон Стоун, Памела Андерсон и герои Тарантино были абсолютно искусственными характерами, а народу хотелось чего-то настоящего. Ничего более подлинного, чем Майк Тайсон в Америке, естественно, не нашлось. Он весь был сделан как бы из одного куска. Он был собой, и никем другим быть не мог. Его агрессивность и злобность оказались в то время самой твердой валютой. А когда он принимался чуть ли не в каждом интервью рассуждать, как бы ударить противника в кончик носа так, чтобы у него кость ушла в мозг, вся Америка завороченно слушала эти людоедские изыски и политкорректно объясняла их трудным детством, как это делал Гэри Смит в своей знаменитой статье «Тайсон робкий, Тайсон ужасный».

Разумеется, Тайсона заметили бы в любую эпоху из-за какой-то магнетической агрессивности и злобы, исходивших от него. На Железного Майка нельзя было не обратить внимания как на приближающийся тайфун, который несет опасность для всех. Один мой случайный американский знакомый, сам человек весьма неробкий,

только для своего противника на ринге, его охватывало ощущение своеобразной сладкой жути, игры с опасностью, которой на самом деле не было, но которую он видел собственными глазами.

Не надо думать, что Тайсон в этом отношении был уникален. Все тот же мой американский знакомый как-то заметил: «Когда я впервые увидел Тайсона, я сразу сказал себе: да это же Лиштон». Пуля из автомата Калашникова слегка покорежила ему челюсть, так что дикция оставляет желать лучшего. Он имел в виду, конечно, Санни Листона.

Но Листон правил в тяжелом весе совсем в другое время, когда злобный и агрессивный неф не имел ни малейшего шанса стать кумиром нации. Более того, в каком-то смысле пик своей популярности он «пережил» уже после смерти, когда в конце 80-х и начале 90-х одна за другой стали выходить его биогра-

фии и он стал почти культовой фигурой. Конечно, в это время Санни вспомнили именно по аналогии с Тайсоном, и Железному Майку досталось все то, что не досталось Листону.

Так Майк Тайсон, сам того не ведая и не желая, стал капитаном бутафорского корабля, чья команда подняла бунт против политкорректности, а его помощницами стали Мадонна и Шэрон Стоун. Комсостав получился хоть куда. На судне с таким командованием можно пускаться в любое плавание.

Этот год стал в жизни Тайсона определяющим. Тогда он достиг пика своей славы, и тогда же произошли события, роковым образом повлиявшие на всю его последующую жизнь.

Бой с пророком Лэрри

Началось все с боя с выдающимся экс-чемпионом Лэрри Холмсом, состоявшегося 22 января в Атлантик-Сити. Точнее, все началось даже перед боем, потому что Холмс, никогда не считавшийся интересным оратором, особенно на фоне Мохам-меда Али, неожиданно заговорил, и остановить его, как часто бывает с долго молчавшими людьми, уже ничто не могло.

«Это я войду в историю, а не Майк Тайсон. Он войдет в историю как сукин сын. Даже если он выиграет у меня, то в конце концов все равно сам себя уничтожит» — эту фразу на разные лады Лэрри повторял чуть ли не на всех пресс-конференциях, и каждый раз произносил ее все злее и злее, и еще все время добавлял: «Он кончит в тюрьме».

Многие недоумевали, зачем он это делал. Уже то, что Холмс в свои 38 лет после почти двухлетнего перерыва решил вернуться на ринг и встретиться с самым сильным противником в своей жизни, казалось достаточной глупостью, а он еще, похоже, решил довести Тайсона перед боем до неистовства. Все еще помнили, чем подобное поведение обошлось Тайреллу Бигтсу. Но Лэрри не мог или не хотел остановиться и все говорил, говорил и говорил, подогрев тем самым и без того огромный интерес к матчу. Наконец наступил день, когда ему пришлось ответить за свои слова.

Первый раунд не внушил болельщикам Холмса большого оптимизма. Это была живая иллюстрация известного изречения Джо Луиса: «Он может бегать, но он не сможет спрятаться». Холмс быстро пятился назад, часто просто вытянув вперед левую руку, а Тайсон спокойно и методично шел на него или, точнее, за ним, и было ясно, что слишком долго это продолжаться не может. Если ему удавалось разорвать дистанцию, Холмс тут же клинчевал, но Железный Майк показал, что хорошо усвоил уроки боев со Смитом, Таккером и Биггсом. Теперь он вырывался из клинча, а не ждал, пока рефери разведет его с противником, а так как физически он был гораздо сильнее Холмса и намного моложе, Лэрри это очень изматывало.

Второй раунд был в общем и целом похож на первый, а в третьем Холмс активизировался. Его джеб приобрел какую-то остроту, а временами он подключал к контратакам и правую руку. Зал оживился, ожидая, что экс-чемпион предпримет еще что-то, а Тайсон понял, что его час вот-вот настанет. После боя Майк так охарактеризовал этот момент боя: «Он попытался бить левый джеб, "и зал воодушевился и зашумел. Когда зал начинал затихать, Холмс тут же наращивал обороты. Он пошел на поводу у своего самолюбия. И я подумал: ну сейчас он у меня получит».

Третий раунд закончился мощным ударом Тайсона справа, который «болтанул» Холмса, но у Майка не осталось времени воспользоваться плодами своего успеха. В четвертом раунде Холмс активизировался еще больше. Возможно, он поверил, что у него есть какой-то шанс, а может быть, просто от отчаяния решил пойти на штурм. В бою с молодым Тайсоном, если ты не бегал от него как заяц, это уже считалось штурмом.

Холмс по большей части по-прежнему отбивался джебом на отходе, но иногда останавливался и добавлял еще удар справа, несильный и несмелый, но все-таки удар. Похоже, что Холмс перед боем много раз посмотрел первый бой Али с Листоном. Во всяком случае, его манера ведения боя наводила на такие мысли, особенно когда он стал опускать руки, как Мохаммед в молодости. Лэрри действительно временами в этом бою разительно напоминал Али, но не образца 1964 года, а образца 1980-го, когда 38-летний Мохаммед вернулся на ринг, чтобы встретиться с ним. Холмс прекрасно понимал тогда, что Али не стоило так поступать, но он почему-то не понял того о себе.

В конце первой минуты четвертого раунда Тайсон на мгновение прижал Холмса к канатам и нанес правый по корпусу и левый хук в голову. Холмса «болтануло», и, похоже, что-то в нем сломалось именно в этот момент. Может быть, он окончательно понял, что ему сегодня не победить. Еще секунд через двадцать Тайсону удался мощный левый хук. Холмс снова начинает клинчевать при любой возможности. В середине раунда Тайсон провел двухударную комбинацию, которую иначе как маленьким шедевром не назовешь. Он провел левый джеб, но не в голову Холмса, а по его левой руке, прикрывавшей голову, отбив ее в сторону и полностью раскрыв лицо Холмса под удар, и тут же нанес удар правой в разрез. Лэрри свалился всем своим немалым весом на спину. Удивительно, но после такого нокдауна он еще встал. В том, что бой закончится в этом раунде, сомнений уже ни у кого не было.

Майк понял, что дело в шляпе и, желая поскорее все закончить, бросился в несколько суматошную атаку, которая завершилась тем не менее очень точным, хотя и длинным ударом справа. Холмс упал на бок, выполнив какой-то кулбит в сторону, и снова встал. Правда, едва он поднялся на ноги, он тут же потерял равновесие и упал бы снова, если бы не опрокинулся спиной на канаты. До конца раунда оставалась еще минута.

Тайсон снова провел затяжную серию, точнее, это уже была одна непрекращающаяся атака. Удар следовал за ударом. Вот Майк провел хороший хук слева, потом после нескольких неплотных ударов еще левый хук и правый кросс, затем еще мощнейший удар справа. Но Холмс все стоял. Теперь, когда самое страшное уже случилось, он, похоже, стал бояться Тайсона меньше, а не больше. Майк провел еще два правых кросса, еще левый хук и еще кросс. Холмс все стоял.

Раунд подходил к концу, и создавалось впечатление, что Лэрри удастся совершить невозможное — отстоять этот раунд до конца, но чуда, как обычно, не произошло. Тайсон прижал Холмса к канатам и провел совсем уж безумный по силе правый кросс. Если бы не канаты, Холмс бы обязательно упал, но, на свою беду, остался на ногах. Тайсон не терял времени, чуя, что его осталось совсем мало. Он провел еще одну, последнюю, серию, завершившуюся правым кроссом, которого Холмс уже выдержать не смог. Он упал на спину, и рефери остановил встречу, даже не

Холмс с этим не смирился, хотя ему было трудно даже пошевелиться. Он сказал рефери: «Дайте мне встать». Поняв, что отсюда помощи не дождешься, он обратился к доктору, выскочившему на ринг: «Пожалуйста, помогите мне встать». Снова в ответ тишина. Тогда Холмс обратился к своему тренеру Ричи Джакетти: «Ричи, подними меня с этого чертова пола».

Холмсу в конце концов помогли встать. Едва очухавшись, он отправился в угол к Тайсону и сказал отдыхавшему Майку: «F... you, ты великий чемпион». «Спасибо, — ответил Тайсон, — Ты тоже великий чемпион».

После боя все, что говорил Холмс до встречи с Тайсоном на ринге, как-то быстро забылось. Кого интересует, что сказал нещадно битый бывший чемпион? Об этом вспомнили через много лет, да и то далеко не все. А вот о другой истории судачили долго, от чего она после каждого пересказа звучала все легендарнее и легендарнее.

По пути на ринг Майк, разминаясь, на ходу ударил правой рукой в стену, представлявшую собой стальную арматуру, заполненную слоем гипсового наполнителя и облицованную с обеих сторон. Толщина ее была примерно два сантиметра.

От удара Тайсона, пришедшегося точно в середину межарматурной ячейки, вся эта не слишком крепкая конструкция разрушилась — и его кулак в перчатке вылетел на улицу. Знаменитый обозреватель журнала «Sports Illustrated» Пэт Патнам описал эту сцену так: кто-то, увидев это, сказал: «О, господи!», — а Тайсон голосом мальчика, которого поймали за тем, что он стащил булочку, сказал: «Извините». Фотография этой дырки в стене, сделанной рукой Тайсона, обошла потом всю мировую прессу. Железный Майк окончательно стал живой легендой.

Через некоторое время после боя Холмс сказал еще одну вещь, на которую тогда тоже не обратили внимания, но вспомнили через несколько лет: «Как и все низкорослые тяжеловесы с короткими руками, Тайсон быстро прогорит. Слишком много ему приходится тратить энергии, чтобы сблизиться с противником». Ну что еще мог сказать этот старый и уже мало кому нужный Холмс? И кого это тогда интересовало? Вопрос тогда уже ставился иначе: где взять соперников для Железного Майка, которые смогут на ринге против него показать хоть что-нибудь.

Уже 21 марта Тайсон снова вышел на ринг и во втором раунде нокаутировал одного из чемпионов безвременья Тони Таб-бса. Произошло это в Токио в зале «Токио доум». И этот город, и этот зал еще станут для Железного Майка роковым местом, с которого всего через пару лет начнется его длинный путь с вершины вниз, но пока он этого не знал и купался в своей славе. Тайсон понятия не имел о том, что он такая знаменитость в этой странной, но до ужаса гостеприимной стране, где все были от него без ума.

Теперь Майку предстоял бой с Майклом Спинксом, которого еще два года назад считали единственным человеком, который сможет оказать ему серьезное сопротивление. Однако сейчас число верящих в такой исход резко поубавилось. Похоже, не очень-то верил в него и сам Спинке. Бой никак не могли организовать из-за финансовых разногласий сторон, и тогда кто-то сказал Спинксу: «А почему бы тебе не предложить Майку подраться просто так?» В принципе это дежурная острота, которую можно услышать едва ли не перед каждым матчем, но ответ Спинкса на нее нельзя назвать совсем уж шуточным. «Нет уж, — сказал он, — Майк такой парень, что он может легко на это согласиться». С таким настроением не побеждают. Тем не менее матч очень ждали в надежде, что Спинке хотя бы не сломается так быстро, как его предшественники.

Однако бокс в тот момент неожиданно стал далеко не самым главным в жизни Тайсона, и, прежде чем рассказать о бое со Спинксом, состоявшемся 27 июня 1988 года, стоит разобраться со всем, что происходило в жизни Железного Майка за пределами ринга в течение всего того рокового года. Иначе просто невозможно полностью понять развитие его характера и биографии.

Тайсон в Робин

Здесь на сцену выходит еще один персонаж — начинающая актриса Робин Гивенс, снявшаяся в популярной мыльной опере. Это ей в статье Гэри Смита, о которой уже шла речь, Тайсон из всех сил пытался дозвониться. Когда в 1988 году люди зачитывались этой статьей, они из всех сил желали Майку, чтобы Робин наконец пришла домой и сняла трубку. Сейчас, если бы что-то можно было пожелать задним числом, то те же люди пожелали бы Железному Майку, чтобы он ее никогда не встречал.

Что Тайсон способен кого бы то ни было любить, широкая общественность долго не догадывалась. Тем сильнее было ее потрясение.

Даже любовь приводившего в Одессу шаланды, полные кефали, Кости-моряка к так своевременно направившей к берегу баркас рыбачке Соне не была более внезапной и неожиданной для окружающих, чем любовь отправлявшего противников на заслуженный отдых Железного Майка к Робин Гивенс. Там, где они появлялись, сразу отвисало столько челюстей, сколько Тайсон не выбил и не сломал за всю свою жизнь. Даже сгорающий от любви тиранозавр не выглядел бы более странно, чем Железный Майк, млеющий от страсти нежной. Накануне боя со Спинксом он чуть не забыл о тренировках. «Все из-за этой женщины, — сказал о Робин Гивенс один из членов команды Тайсона — Стив Лотт. — Он просто помешан на ней». Майк теперь все время торчал в Калифорнии, неподалеку от Голливуда, где работала Гивенс, и в тысячах километров от своего тренировочного лагеря. Конечно, в теории мы все знаем, что стрелы амура залетают в самые неожиданные места, но, черт возьми, не в такие же неожиданные, как сердце Тайсона.

В феврале 1988-го, после почти года знакомства, они поженились. И сразу разразился первый скандал. В марте умер Джим Джекобе, который вместе с другим менеджером, Биллом Кей-тоном, вел все дела Тайсона. Тут же выяснилось, что у Кейтона появилось множество конкурентов на должность управляющего делами Железного Майка. Главный из них, конечно, Дон Кинг, о котором речь пойдет чуть позже. Но пока им вплотную занялись другие люди.

Едва женившись, Тайсон узнал, что, как говорят в Америке, получил двух женщин по цене одной. Второй была теща — Рут Роупер. Первым делом этот дуэт проявил необузданный интерес к финансовым делам Майка и отправил Биллу Кейто-ну письмо, в котором в грубой форме затребовал от него финансовый отчет. Предлогом для этого послужила покупка дома стоимостью 4,5 миллиона долларов, которым за счет Тайсона решила облагодетельствовать новобрачных теща.

Кейтон предоставил все, что от него требовали, но счел себя обиженным, о чем сообщил Тайсону. Тот сказал, что не имеет к этому отношения, и извинился за своих женщин, но, когда эта история получила огласку, сказал известному журналисту Филу Бергеру из «Нью-Йорк тайме»: «Я люблю свою жену больше всего на свете. Другие мужчины хотят, чтобы их жены оставались в тени. Я не такой. Все раздувают историю из того, что моя жена захотела узнать, сколько я зарабатываю. Если моя жена о чем-то просит — дайте ей то, что она хочет. Послушайте, если бы она захотела получить с моего счета все деньги до последнего доллара, я бы ей их отдал без всяких вопросов».

Кейтон по этому поводу сказал: «Майк влюблен, а у женщины, которую он любит, есть свои планы». 69-летний менеджер изо всех сил пытался наладить отношения с двумя женщинами, но у него мало что получилось. Жена с тещей совали свои носы во все, что их совершенно не касалось, и превратили жизнь команды Тайсона в сущий ад. Как ехидно написал перед боем Железного Майка с Майклом Спинксом Пэт Патнам из «Sports Illustrated»: «Если кто интересуется, жена и теща Тайсона *не выйдут* на ринг вместе с ним».

Кроме того, пресса наполнилась информацией и о скандалах другого рода. 17 июня, за десять дней до боя Тайсона со Спинксом, как раз когда Майк завершал подготовку к нему, Робин, яростно поддерживаемая своей мамой, впервые официально заявила о том, что Майк ее избивает. Впоследствии она сделала еще много подобных заявлений. Зная будущее Тайсона, можно смело предположить, что обвинения, которыми сыпали две дамы, не были совсем уж беспочвенными, но абсолютно достоверно известно, что Робин, мягко говоря, сгущала краски.

Самый громкий из разрекламированных Гивенс «скандалов» произошел в Москве, в гостинице «Международная», когда Тайсон очень ненадолго приехал в столицу тогда еще СССР, чтобы принять участие в открытии первого в нашей стране гольф-клуба. По словам Робин, Тайсон учинил в «Международной» настоящий дебош, и в его усмирении приняла участие вся служба охраны отеля, которая, однако, этого не подтвердила. Вполне возможно, что Робин, как истинная американка, считала, что Москва от Америки так же далеко, как Марс или Венера. А кто может точно сказать, что там происходит? Значит, можно говорить все что угодно. Я сам в то время работал в Центре международной торговли как переводчик и также могу подтвердить, что ни о каких скандалах с Тайсоном там не говорили, хотя с охотой обсуждали куда менее громкие истории о куда менее известных постояльцах.

Другой шумный и очень странный скандал, о котором говорила вся Америка, произошел 8 мая 1988 года. Тайсон вместе с женой и тещей, которая, похоже, не оставляла молодых вдвоем никогда, ехал из Нью-Йорка в свой новый дом в Нью-Джерси. По дороге его «бентли» врезался в припаркованную машину. По версии Гивенс, это произошло из-за того, что Майк пожалел выбежавшую на дорогу кошку и слишком сильно выкрутил руль. По другой версии, Тайсон поругался с женой, из-за чего она потеряла контроль над собой и отвесила ему несколько оплеух, а он потерял контроль над машиной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Конец этой истории был совсем уж странным. Тайсон подарил свой «бентли» стоимостью 183 тысячи долларов приехавшим полицейским, сказав им, что ему «все время не везло с этой машиной». На свою беду, полицейские, поартачившись, приняли подарок, который начальство у них вскоре все равно отобрало и вернуло Тайсону, а самих полицейских примерно наказало.

Кстати, ехала вся эта веселая компания в тот самый дом, который Рут купила для Майка и Робин за 4,5 миллиона долларов, заплатив, разумеется, из кошелька Тайсона. Между тем многие члены команды Майка предполагали, что теща при строительстве дома обманывала его на каждом шагу и сумела прикарманить круглую сумму, так что на самом деле никто точно не знал, во что он обошелся.

В общем и целом создавалось впечатление, что и мама и дочка не рассчитывают на долгий брак и пытаются, как всякие временщики, дорвавшиеся до кормушки, в самые сжатые сроки урвать у Майка как можно больше. Дело кончилось тем, что всего через несколько месяцев, 7 октября все того же 1988 года, Робин Гивенс подала на развод.

За неделю до этого, 30 сентября, Тайсон и Гивенс выступили вместе в одной телепрограмме. Их усадили рядом, и неотразимая Робин красивым и проникновенным голосом стала смешивать Тайсона с грязью перед многомиллионной аудиторией. Он молчал и время от времени смотрел на нее затравленными, какими-то болезненно влюбленными глазами. Бедняга все еще млел от этого голоса, от этого лица и от этого тела — и ничего не мог сказать в свою защиту. Иногда он робко шевелил губами, словно пытаясь что-то произнести, но вместо слов у него получалась все та же растерянная улыбка влюбленного подростка. Было ясно, что если он и сделал что-то из того, в чем она его обвиняла, то только потому, что безумно любил женщину, которая, как он знал совершенно точно, не только не любила его, но еще и обирала. Столкнувшись с такой правдой жизни, можно и с ума сойти. Тайсон, когда понял это, вполне возмож-

но, действительно пару раз поколотил Робин, но, судя по всему, не слишком сильно. Иначе просто не понятно, как она осталась живой, да еще целой и невредимой.

В результате Робин Гивенс и ее мама получили все деньги, на которые рассчитывали, а симпатии публики достались Майку. Он подтвердил простую истину, что силы без слабости не бывает, и показал, что стоит ближе к человеку, чемк вышеупомянутому тиранозавру, на которого так похож внешне. Но внешность, как известно,

Тайсон и Король

Внешность другого человека не обманывала никого, зато сам он обманывал всех. Это был, конечно, Дон Кинг, о котором сейчас самое время рассказать чуть подробнее.

Будущий приватизатор мирового бокса родился в Кливленде, штат Огайо, в 1932 году. В 50-е занялся полулегальным игорным бизнесом. Впрочем, чем он занимался тогда, точно, наверно, не знает уже и сам Дон. Вся его деятельность того времени обросла таким количеством легенд, в том числе и с подачи самого Кинга, что стало невозможно отличить правду от вымысла. Говорили о каких-то подпольных, то есть не обкладывавшихся налогом, лотереях и о чем-то еще в этом роде. Есть и неподтвержденный слух, согласно которому в конце 50-х годов Дон принял участие в одной перестрелке и якобы убил своего противника. Последние лет 30 Кинг предпочитает неубедительно опровергать эту историю, то есть опровергать так, чтобы у всех остались сомнения. В делах репутация убийцы ему никогда не мешала.

Однако на его счету есть и подлинное убийство, которое он совершил в 1966 году. Тогда некто Сэм Гэрретт, на свою беду, задолжал ему деньги. Когда все сроки истекли, высокий и сильный Кинг набросился на хилого Гэрретта, который, судя по всему, был наркоманом, и принялся избивать его. Он бил своего беззащитного противника как маньяк. Когда приехала полиция, Дон уже добивал Сэма. Согласно легенде, последними словами Гэрретта были: «Я отдам тебе все, что должен, Дон». Впрочем, скорее всего, это уже фольклор, что-то вроде наших блатных песен. Так или иначе, но Гэрретт ничего ему не отдал и умер на месте, а Дону пришлось отправиться в тюрьму. Срок он получил на удивление маленький, и опять потом много говорили о подкупе судьи, но ничего доказать так и не смогли. Уже в 1971 году Дон оказался на свободе. А через два года стал миллионером. Возможно, правда, что он уже был им и до посадки в тюрьму, просто теперь он сменил основной вид деятельности и оказался на виду у публики.

Промоутерским бизнесом Кинг занимался понемногу и раньше. В этом не было ничего удивительного. Профессиональный бокс в то время стоял очень близко к игорному бизнесу и в значительной мере контролировался организованной преступностью. Еще не канули в Лету те времена, когда организацией боев занимались знаменитые мафиози Фрэнки Карбо и Блинки Палермо. Американцы любят говорить, что с мафией был связан один из чемпионов 30-х годов итальянец Примо Карне-ра, но не любят вспоминать о контактах с той же организацией очень популярного Рокки Марчиано, чемпиона мира в тяжелом весе 1952—1956 годов, а это уже совсем близко ко времени Кинга.

Договорных боев тогда было больше, чем сейчас договорных матчей по футболу. Мафиози и просто информированные личности делали на открытом и подпольном тотализаторе колоссальные деньги, ставя против заведомого фаворита, который, как они твердо знали, должен был сегодня проиграть. Мог ли Дон остаться в стороне от такого замечательного дела? Впрочем, большие деньги можно было заработать и совершенно легально, просто организуя матчи, вызывавшие большой интерес публики. Можно было сочетать одно с другим, что Дон и делал.

Вложив большие деньги, Кинг быстро сосредоточил в своих руках немалую силу. Дону помогли несколько его незаменимых качеств. Во-первых, профессиональное обаяние. Он как никто умел втереться в доверие к боксеру, особенно негру, широко используя при этом расовый фактор. Во-вторых, он обещал боксеру больше, чем любой другой промоутер, и делал это так, что ему было трудно не верить. В-третьих, никакое обещание никоим образом его не сковывало. Если бы он мог безнаказанно убивать своих конкурентов, он бы с легкостью это делал. Дон принадлежит к числу людей, которых даже нельзя назвать аморальными, так как они существуют вне всякой морали, то есть действуют не вопреки морали, а независимо от нее. Так, в январе 1973 года он приехал в Кингстон на Ямайку вместе со своим подопечным, чемпионом мира в тяжелом весе Джо Фрезером. Тот проиграл Джорджу Формену, и уезжал Кинг уже с победителем. Когда Формен проиграл Мохаммеду Али, Кинг сумел втереться в доверие и к нему. То, что промоутер проигравшего чемпиона получает права на устройство матчей чемпиона нового — обычная практика, но есть определенный кодекс, который нарушать не принято, есть, наконец, правила приличия, согласно которым нельзя так открыто бросать проигравшего боксера. Для Кинга всех этих правил и норм нет.

Дон грабил всех боксеров, с которыми работал, но почему же тогда они шли к нему? Все очень просто. Как сказал один из его подопечных, Лэрри Холмс: «Я работаю с ним, потому что он больше платит». В этом нет ничего невозможного. Никто не умеет так раскрутить боксера, как Кинг. Потом, когда боксер поднимется достаточно высоко, Дон сам с собой передоговаривается и платит ему гораздо меньше, чем тот ожидал. В контракте всегда находится обтекаемая формулировочка, допускающая двойное или тройное толкование, в результате чего гонорары боксера сильно урезаются, однако и в этом случае боксер до недавнего прошлого часто получал у Кинга больше, чем у любого другого промоутера. Так что недостатка в кадрах Дон никогда не испытывал. В 80-е годы Кинг набрал колоссальную силу. Тяжелый вес стал его вотчиной. Под его знаменами тогда выступал в числе многих прочих и единственный пользовавшийся в то время авторитетом чемпион мира в тяжелом весе Лэрри Холмс.

Стоило Тайсону только появиться на горизонте, как Кинг его заприметил и стал виться вокруг него, словно муха. Его видели на всех матчах Тайсона. Более того, большую часть из них он сам и организовал или, по крайней мере, имел отношение к их организации. Когда 22 ноября 1986 года Майк победил Бер-бика и стал чемпионом мира, Дон Кинг на виду у всех поднял его на руки. Тайсон, похоже, не был этому особенно рад, но первый шаг к овладению его кошельком Кинг сделал.

После смерти Д'Амато в 1985 году мало кто сомневался, что рано или поздно Дон доберется до Тайсона, несмотря на все защитные кордоны вокруг него, которые Кас оставил после себя. Костяк первой команды Тайсона, оставшейся в наследство от Д'Амато, составляли трое: менеджеры Билл Кейтон и Джим Джекобе и тренер Кевин

менеджером, но и чем-то вроде мамки, в чем Железный Майк, как ни странно, очень нуждался, так как, несмотря на всю свою физическую мощь, по психологическому складу он, скорее, не ведущий, а ведомый. Авторитет Руни не выходил за пределы тренировочного зала, а в одиночку сухой Кейтон, мало подходивший для роли не то что мамки, но даже папки, не смог сдержать атак Дона Кинга, который, почувствовав слабинку в рядах противника, резко усилил напор.

Дон Кинг решил использовать старый, простой и безотказный прием, который в политкорректной Америке получал все большее распространение. Долгое время считалось, что расизм бывает только белым. Однако, по мере того как он отступал, все более и более прочные позиции стал занимать расизм черный. Эту-то карту и задумал разыграть Дон Кинг. Лейтмотив его речей был прост и понятен. Зачем тебе эти белые? От них нам никогда не будет никакого добра. Надо держаться своих. Черный черному глаз не выклюет.

Просто до безобразия. Может быть, потому и работает. Сработало и с Тайсоном. Парадокс ситуации заключался в том, что Железному Майку белые ничего плохого не сделали. Как раз наоборот — почти все хорошее, что он видел в этой жизни, исходило от белых: Каса Д'Амато, Камиль Юалд, Джекобса, Руни и многих других. До поры до времени понимал это и сам Майк. Камиль он писал трогательные поздравительные открытки, которые подписывал «твой черный сын Майк». Да и вообще, расовый вопрос его не беспокоил. Уж на что в доме Д'Амато точно не обращали никакого внимания, так это на цвет кожи. Не совсем понятно, каким же чудом Дон Кинг сумел своими примитивными речами разбудить черно-расистские настроения у человека, который никогда не страдал от расизма белого?

Но Дон Кинг если и примитивен, то примитивен до гениальности. Сам выходец из трущоб, он прекрасно понимает, что для человека, выросшего в Браунсвилле, мир лоснящихся людей и сверкающих небоскребов, расположенных в считанных километрах от его дома, есть мир белых. И этот мир он ненавидит по определению, потому что с раннего детства знает, что вход туда ему заказан. А уж если он каким-то чудом в него пробился, то начинает ненавидеть его еще больше, так как не может отделаться от ощущения, что попал сюда контрабандой, что здесь его считают чужаком и спят и видят, как бы отправить обратно. Если рядом нашелся человек, который сумеет эти настроения подогреть и, так сказать, систематизировать, то дело в шляпе — черный расист готов.

И все-таки Майк никак не мог решиться на последний шаг. Летом 1988 года он подписал несколько документов о сотрудничестве с Доном, но пока не подписал с ним промоутерское соглашение. Нужен был какой-то толчок. И он случился, только это был мощнейший пинок под зад, от которого и сам Майк, и вся его жизнь много лет летели кувыркком.

В конце лета 1988 года Робин Гивенс фактически бросила Тайсона и устроила из этого представление на всю Америку, рассказывая всюду, с каким чудовищем ей довелось жить, и тонко намекая на то, как много нужно заплатить за каждый день этой тяжелой жизни. Несколько раз ее прямо уличали во лжи, но в стране победившего феминизма это не играет особой роли.

Тайсон был женат не на одной стерве, а на двух, точнее, трех сразу: Робин Гивенс и ее матери Рут. Последняя была такой стервой, что ее можно считать за двух. Мама с дочкой получили всю казну Тайсона в свое распоряжение и распорядились ею как казнокрады. Что не удалось украсть, они потом попытались получить по суду. Чтобы не выглядеть в глазах общественности совсем уж одиозными грабительницами, обе без усталости поливали Тайсона грязью. Память обеих дам обнаружила одно странное свойство: с течением времени они не забывали подробности, как происходит со всеми нормальными людьми, а вспоминали все новые и новые. «Они хотят унижить меня как мужчину, — сказал тогда Тайсон, — они хотят сделать так, чтобы ни одна женщина никогда больше не захотела со мной жить». В то время Майк гораздо больше говорил, что его унизили, а не что его ограбили. Видимо, урон, нанесенный самолюбию, был сильнее урона, нанесенного кошельку.

Все это время Дон Кинг сидел как сыч, ждал своего часа и, наверно, потешался, глядя, как Робин Гивенс с мамашей, сами того не ведая, работали на него. Кейтон и Руни, искренне расположенные к Тайсону, не ладили с ними. Дон Кинг тоже мечтал от них избавиться. В результате в самом конце июня или начале июля 1988 года, после боя со Спинксом, Тайсон уволил обоих. Кто здесь больше постарался, Робин с мамой или Дон Кинг, сказать трудно. Цели своей они добились — Тайсон остался без последних преданных ему друзей. Попутно Майк сделал еще одну несусветную глупость — нанял в качестве советчика миллиардера Дональда Трампа, видимо понадеявшись на то, что такому богатому человеку грабить его незачем. Через несколько месяцев Трамп за свои липовые услуги содрал с Майка два миллиона долларов.

Разумеется, Кейтона, в отличие от Руни, нельзя было просто так уволить. Тайсон подал на него иск в суд с требованием разорвать контракт. Кейтон (ранее вместе с Джекобсом) получал от Майка треть со всех его гонораров, что, конечно, было очень много, но не выходило за рамки общепринятой практики. Билл попытался сохранить отношения с Майком, согласившись снизить свою ставку до 20 процентов. Тайсон согласился, но фактически это ничего не изменило: после боя со Спинксом он больше не работал с Кейтоном ни одного дня.

Еще до разрыва с Кейтоном и Руни отношения Тайсона с его ведьмами стали давать трещину. 17 июня, то есть всего за 10 дней до боя со Спинксом, когда Майк как раз заканчивал подготовку к нему, Робин, всесторонне поддержанная своей мамой, впервые публично обвинила Тайсона в избиениях. Поначалу Майку казалось, что все еще можно исправить, но Дон Кинг не мог не понимать, что брак Тайсона обречен изначально, так как сразу же распознал в дамах собратьев по ремеслу, правда довольно мелких. Его не очень волновало, сколько они украдут у Майка, так как

Увидев, что семейная жизнь Тайсона разваливается, Дон Кинг понял: настал самый лучший момент, чтобы подчинить его себе. Прикинувшись мягким и пушистым, он под знаменем любви и дружбы бросился на Майка в атаку, пока тот был еще тепленький, и шаг за шагом стал добиваться своего, пока наконец в октябре 1988 года, через четыре месяца после боя с Майклом Спинксом, Тайсон не подписал с ним промоутерс-кич контракт. Мышеловка захлопнулась.

Если бы Кинг только грабил Тайсона — это было бы еще полбеды. Но он разрушал его как личность, причем делал это абсолютно сознательно и корыстно. Тайсон-человек был для него лишь упаковкой для Тайсона-боксера, своего рода фантиком от конфеты. Кого волнует судьба фантика, особенно когда сама конфета уже съедена?

В принципе именно так относятся к боксерам практически все промоутеры, но Дон и здесь вышел на иной качественный уровень, причем именно с Тайсоном. Возможно, он понял, что Америка, слишком быстро для самой себя ставшая политкорректной, нуждалась в героях, попиравших политкорректность, а может быть, действовал интуитивно, но, так или иначе, он почувствовал, что стране сейчас нужен не просто Железный

Майк, а Бешеный Майк. Ему требовалось, чтобы Тайсон сыграл себя на полную катушку, вернувшись к своим корням. И неважно, если после этого он окажется в тюрьме или сумасшедшем доме. Раньше Д'Амато и его люди делали все что могли, чтобы зверь, сидевший в Тайсоне, был под контролем. Дон Кинг сделал все от него зависящее, чтобы этот зверь сорвался с цепи, потому что именно такого зверя хотела видеть публика.

Результаты работы Кинга начали сказываться очень скоро: Тайсон все чаще срывался на людях, чего за ним раньше не замечалось, и попадал в истории, завершившиеся в конце концов самым печальным образом.

Восхождение на Эверест

В конце 80-х Тайсон возвышался над всем боксом, как Гималаи, но и в Гималаях есть свой Эверест, возвышающийся над остальными вершинами. Таким Эверестом для Железного Майка стал его бой с Майклом Спинксом 27 июня 1988 года в Атлантик-Сити. В этот день он встретился с последним человеком, который, как полагали, сможет оказать ему сопротивление.

Майкл Спинке шел на этот бой, как солдат Швейк на войну, то есть, цепляясь за любой повод, чтобы оттянуть свое свидание с Тайсоном на ринге. Спинке, будучи абсолютно трезвым человеком, понимал, как мало у него шансов в этом бою. Понимая, что, скорее всего, его карьера на этом завершится, он стремился по пути заработать все деньги, какие только возможно. Потому и решил провести неурочный бой с Джерри Куни, стоивший ему титула IBF.

В самом деле, на что мог рассчитывать в бою с Тайсоном тонкокостный бывший полутяж? Да, ему удалось на излете карьеры поймать Холмса, но Тайсон? У Майкла был один соперник, отдаленно напоминавший Тайсона: в 1983 году он дрался с Дуайтом Брэкстоном, которого позже, после принятия ислама, стали звать Дуайт Мухаммад Кави. Рост Брэкстона был всего 170 см против 189 у Спинкса, и он не превосходил его в скорости. Спинке «отбегал» от него все 15 раундов, набирая очки главным образом левой рукой. Но ведь он не мог не понимать, что с Тайсоном такой номер не пройдет.

Менеджеры Спинкса торговались с командой Тайсона как на восточном базаре и в конце концов сумели выбить оптимальные условия. Рекорд Рея Леонарда по гонорару за один бой,

11,7 миллиона долларов, наконец-то должен был пасть, причем сразу дважды. Точная сумма перед боем была неизвестна, так как она зависела от того, сколько соберет кабельное телевидение. Забегая вперед, скажу, что сборы превзошли все ожидания, в результате чего Спинке получил за бой 13,5 миллиона долларов, а Тайсон — около 22.

Помимо максимального гонорара команда Спинкса пыталась добиться также и максимальной продолжительности боя. В это время как раз заканчивался переход с 15-раундовых боев на 12-раундовые. Начал его еще в 1982 году WBC, затем поддержала WBA, и, наконец, IBF тоже стала готовиться к тому же, но еще не сделала этого окончательно. Спинке не скрывал своих планов максимально измотать Тайсона в первой половине боя и спуртовать во второй, поэтому он и считал, что чем больше у него будет раундов, тем лучше.

Бой начался еще до боя, с того, что Тайсона предельно разозлили. Промоутер Спинкса Бутч Льюис обратил внимание на большую выпуклость на запястье левой перчатки Тайсона. Ему продемонстрировали, что под клейкой лентой не скрывается ничего, кроме узла шнуровки, но он все равно никак не мог успокоиться и требовал, чтобы этот узел убрали. В конце концов тренер Спинкса Эдди Футч сказал, что у него нет претензий, и уговорил Льюиса сделать то же самое. Когда они наконец ушли и Тайсон приготовился идти на ринг, он сказал Кевину Руни: «Этому парню (Спинксу) будет очень больно».

Льюис не был истериком. Он просто хорошо знал, что не слишком чистые боксеры, к числу которых с полным на то основанием тогда уже относили и Тайсона, в клинче часто дают сопернику на горло такими выпуклостями, и он хотел этого избежать.

Майкл Спинке вышел на ринг сухим, а боксер обязательно должен быть разогрет и покрыт слоем пота еще до боя, так как в противном случае в самом начале будет чуть-чуть скован. Известно множество случаев, когда такое чуть-чуть оборачивалось нокаутом, и уж тем более этого нельзя было допустить перед боем с Тайсоном, который начинал свою штормовую атаку одновременно с гонгом, но Спинке был в таком нервном напряжении, что никак не «давал» пот. Пришлось выходить так.

Как и ожидалось, Тайсон набросился на Спинкса сразу и атаковал навалом. Большинству его ударов не хватало точности, но уже на первых секундах он провел один за другим как

минимум три левых хука, под каждым из которых Спинке слегка просел, совсем чуть-чуть, но все же заметно. Возможно, внутри себя он проиграл уже в этот момент, если только не проиграл задолго до выхода на ринг. Это впечатление еще усиливалось от боязливых и каких-то панических ударов, которые пытался наносить Спинке. Его коронный правый кросс больше походил на простое отмахивание, но даже им он не мог попасть в цель, а рассекал воздух.

Тем временем, уже угостив Спинкса слева, Тайсон еще пару раз угостил его в комбинациях справа.

На ринге есть два пассивных способа спасения от сильного противника: отступление и клинч. Спинке, видимо не полагаясь на то, что сможет двигаться назад быстрее, чем Тайсон вперед, выбрал последний и прогадал. Бывшему полутяжу, в отличие от, скажем, здорового Костолома Смита, элементарно не хватало физической силы, чтобы сдерживать своими объятиями такого богатыря, как Железный Майк. Он стал вырываться и уперся запястьем в горло Спинксу, а затем, как раз когда заметивший это рефери стал делать замечание, резко дернул локоть вверх и довольно крепко саданул им Спинксу в челюсть.

Потом Спинксу удавалось секунд десять уходить, но все только для того, чтобы пропустить очень сильный полухук-по-лупрямой в разрез, от которого его качнуло. Майкл попытался ответить пугливой двойкой. Лучше бы он этого не делал. Тайсон тут же вернул отличный правый кросс, а затем нанес по отступающей цели еще один удар справа, после чего догнал Спинкса целой серией.

Потрясенный Спинке стал уходить вдоль канатов, но Тайсон поймал его и там и нанес мощнейший удар левой снизу-сбоку, отбросивший голову Майкла назад, а после секундной паузы Железный Майк провел еще удар правой под сердце, один из излюбленных приемов Д'Амато. Спинке опустился на одно колено, и, хотя он тут же встал, было ясно, что скоро для него все на сегодня закончится.

Встав с пола, Спинке попытался атаковать справа, но промазал и сильно завернулся вниз и влево, оставшись стоять к Тайсону правым боком. Железный Майк тут же засадил жуткий правый кросс, который из-за несколько необычного положения Спинкса прошел над его правой рукой и влетел в правую же сторону челюсти. Спинке упал и от силы удара еще слегка проехался на спине. Он честно попытался встать, но поте-

рлял равновесие, даже стоя на четвереньках, и его голова каким-то бодающим движением прошла между двумя нижними канатами и въехала в пол уже за ними, после чего он свалился на бок. Весь бой продолжался 91 секунду.

Сегодня кажется странным, что ставки перед боем заключались из расчета только 3,5 к 1 в пользу Тайсона. Логичнее было бы 10 к 1 или даже 20 к 1. Но Майкл Спинке казался тогда больше, чем он был на самом деле. Даже сейчас многие историки бокса придают слишком большое значение двум его победам над состарившимся Холмсом. Поэтому молниеносная победа Тайсона над Спинксом подняла Железного Майка на совсем уж заоблачную высоту. Практически все, что писалось о нем в те времена, было проникнуто каким-то священным трепетом. Некоторые эксперты осмеливались с этим как-то бороться, но у них мало что получалось, хотя бы потому, что они были не в состоянии скрыть собственного безграничного восхищения перед ним, даже когда пытались его критиковать. Это был пик славы Тайсона, выше которого он не поднялся уже никогда.

Сам предмет восхищения тем временем погружался в глубочайшую депрессию по поводу разваливавшейся у него на глазах жизни с Робин Гивенс. Может быть, поэтому он пошел на временное примирение с Кейтоном через месяц после боя со Спинксом. Тайсон и неприятности никогда не существовали порознь подолгу. Если они не находили его, то он находил их, и сейчас уже непонятно, кто кого искал. Конец самого триумфального года в жизни Тайсона выдался веселым. Некоторые события из тех, о которых речь пойдет дальше, уже описывались в других главах, но я приведу их снова — просто для того, чтобы не терялась хронологическая нить жизни Тайсона.

23 августа 1988 года в четыре часа утра возле какого-то гар-лемского кабака Тайсон подрался с Митчем Грином и первым же ударом сломал себе правую руку. Как мы помним, Митч встал с земли и, к своему удивлению, увидел, как Железный Майк с криком «Моя рука! Моя рука!» прыгнул в машину и ретировался. Разумеется, не из-за страха перед Грином, а испугавшись, что сломалось его главное оружие труда.

4 сентября Майк на своем «БМВ» врезался в дерево. Через три дня в газете «Нью-Йорк дейли ньюз» появилась статья, в которой утверждалось, что это была попытка самоубийства, предпринятая под воздействием «химического дисбаланса», в результате которого Майк стал чрезмерно агрессивным, а его поведение — иррациональным. Что имелось в виду под этой таинственной формулировкой — то ли алкоголь, то ли лекарственные препараты, то ли наркотики, — остается только гадать.

12 сентября произошло событие, абсолютно забытое сейчас, но наделавшее много шума тогда. В этот день Железный Майк послал теннисистке Лори Макнил тысячу роз, пытаясь загладить какой-то свой проступок по отношению к ней.

21 сентября Тайсон поругался с телерепортером, который делал съемки возле его дома. Майк угрожал ему и в довершение всего бросил в него плеер.

30 сентября состоялось знаменитое совместное телевыступление Майка и его фактически уже бывшей жены Робин Ги-венс, в ходе которого выступала одна Гивенс, без устали поливавшая его грязью, а Майк молчал и смотрел на нее глазами влюбленного щенка. Робин, в частности, сказала, что он маниакально-депрессивный психопат и она боится жить с ним.

2 октября, чтобы Робин не было так страшно, Майк выставил ее из дома вместе с мамой и стал выкидывать в окна мебель. Приехавшая полиция его немного успокоила.

14 октября Тайсон в свою очередь тоже подал на развод. Началась игра в стиле «это я с тобой развелась, нет, это я с тобой развелся».

26 октября Железный Майк наконец подписал промоутер-ский контракт с Доном Кингом, который взял его тепленьким. Дон выбрал самый подходящий момент для подчинения себе Майка. Вряд ли Тайсон понимал, что он делает и что подписывает. Теперь он принадлежал Кингу если не душой и телом, то кошельком. Об этом решении ему еще предстояло пожалеть.

16 ноября Робин Гивенс подала на Тайсона иск в суд по обвинению в клевете за то, что Майк в интервью газете «Нью-Йорк пост» назвал ее и ее мать «мразью среди мрази» (slime of the slime). В качестве компенсации за обиду Робин потребовала 125 миллионов долларов. Обида такой хорошей девушки стоит дорого.

23 ноября сам Тайсон снова подал иск в суд на Кейтона с целью окончательно разорвать с ним отношения.

30 ноября владелец магазина меховых изделий подал в суд на Тайсона за то, что так и не получил 92 000 долларов (это не описка) за шубу из русского соболя, которая предназначалась в качестве подарка ко дню рождения теще Железного Майка.

12 декабря девушка по имени Сандра Миллер из Нью-Йорка подала иск в суд на Тайсона за то, что он хватал ее за интимные места и делал ей непристойные предложения в ночном клубе. Какие предложения считаются непристойными в ночном клубе?

15 декабря другая девушка, по имени Лори Дэвис, находившаяся в том же ночном клубе и в ту же ночь, что и Сандра Миллер, подала в суд на Тайсона за то, что он хватал ее за бедра во время танца.

До боев ли было при такой жизни, когда она вся превратилась в сплошную судебную баталию на разных фронтах? Наименьшей проблемой из всех, с которыми Тайсон столкнулся в этом году, казались судебные иски «оскорбленных» девушек. По крайней мере, так наверняка считал сам Майк. Например, Сандра Миллер выиграла дело, и Тайсона приговорили к уплате аж 100 долларов за оскорбление действием. Однако настанет день, и уже очень скоро, когда все эти мелочи еще аукнутся Железному Майку и сыграют свою роль в его жизни.

Ему припомнят все, о чем он сам давно забыл. Как 20 февраля 1986 года он предложил немедленно переспать с ним продавщице магазина в городе Олбани, штат Нью-Йорк, после чего стал оскорблять ее, когда она отказала. Как в тот же день его выгнали из кинотеатра за аналогичные действия по отношению к другой девушке. Тогда прошло всего три с половиной месяца со дня смерти Д'Амато, а у Майка уже начались проблемы.

Припомнят ему и как 21 июня 1987 года он ни с того ни с сего расцеловал служащую парковки, совсем не желавшую этого, а потом ударил ее коллегу-мужчину, который попытался призвать его к порядку. Они тогда подали в суд, но Майк согласился заплатить 105 тысяч долларов, после чего они отозвали свой иск. Для них на этом все кончилось, но не для него.

И уж конечно ему не забудут, как 11 января уже 1989 года во время слушаний дела по иску Тайсона о расторжении контракта с Биллом Кейтоном Майк нанес словесное оскорбление сексуального характера женщине-адвокату и сделал непристойный жест в ее сторону. Юристы народ злопамятный и такие вещи не забывают и не прощают.

Но до следующих по-настоящему печальных событий в жизни Тайсона еще оставалось время. Немного времени.

СОВСЕМ НЕПОБЕДИМЫЙ

В следующий раз на ринг Тайсон вышел только 25 февраля 1989 года. За 11 дней до этого он наконец официально оформил свой развод с Робин Гивенс в Доминиканской Республике. Его соперником на этот раз стал здоровенный, сложенный как культурист британский неф Фрэнк Бруно. Надо сказать, что в Америке давно сформировалось довольно ироничное отношение к английским тяжеловесам. Считалось, что все они неплохо бьют, но при этом сами удар не держат и быстро оказываются в нокауте. В результате их прозвали «горизонтальными тяжеловесами». От Фрэнка Бруно, который за несколько лет до этого проиграл нокаутом в двенадцатом раунде Тиму Уитерс-пуну, никаких чудес не ждали. Если Холмс продержался четыре раунда, а Спинке один, то сколько простоит на ногах Бруно? Минуту? Две?

Фрэнк оказался на полу уже через 12 секунд после первого удара гонга. После короткого удара правой он не упал сразу, а на заплетающихся ногах отступил к канатам, и Майк успел всадить еще несколько ударов, последний из которых пришелся в голову Бруно, когда он уже стоял на колене.

К удивлению всех, включая Тайсона, Фрэнк встал. Более того, в том же раунде он сумел несколько раз крепко приложиться к челюсти Тайсона справа и даже слегка потрясти его левым хуком. Майк потом признавал, что последний удар был очень сильным. Скорее всего, именно он спас Бруно от нокаута. Потом Бруно много клинчевал, благодаря чему дотянул до пятого раунда, в середине которого пропустил мощный удар по печени. Это было начало конца. Тайсон провел еще серию правый-левый, взял небольшую паузу, сделал вид, что будет бить боковой слева, а ударил справа, сначала один раз, потом другой. Упрямый Бруно все стоял на ногах. Тогда Майк набросился на него с целой серией ударов по лицу. Бруно не мог защищаться, но почему-то никак не падал. Его спас рефери, остановивший избиение.

После этого боя Тайсона, впервые за последние полтора года, немного критиковали. Прежде всего за то, что он полностью забыл о защите. Обозреватель «Sports Illustrated» Пэт Патнам напомнил тогда всем, что Железный Майк раньше был не только мастером атаки, но и защиты. Спинке в бою с ним девять раз попытался провести свой

стороны в сторону, сбивал с прицела и защищался. Короче говоря, показал, что не забыл фирменную «защиту ку-ку» Каса Д'Амато. Правда, в то время он уже, как правило, применял ее главным образом в первом раунде, а потом лишь в эпизодах, но со Спинксом дело дальше первого раунда и не пошло. А вот с Бруно пошло, и Майк превратился в стопроцентного агрессора, не думающего о защите вообще. С Фрэнком все обошлось, но будь на его месте кто-нибудь другой... А кто другой? Об этот вопрос вся критика и разбивалась. Предположить, что кто-то из тогдашних тяжеловесов сможет воспользоваться огрехами в защите Тайсона, было невозможно. Они цепенели от ужаса, едва выйдя на ринг. Ни Спинке, ни даже Холмс не сумели проконтролировать свой страх, когда оказались на ринге перед Тайсоном, как это учил делать Д'Амато. Их страх был парализующий, цепенящий.

Правда, поговаривали, что бывший абсолютный чемпион мира в первом тяжелом весе (до 86,2 кг) Эвандер Холифилд, перешедший в тяжелый вес и уже нокаутировавший в 1988 году двух тяжелей, включая и вполне уважаемого Пинклтона Томаса, имеет против Тайсона какие-то шансы, но с каждым днем эти предположения казались все более нереальными. Какие шансы против Тайсона могут быть у кого бы то ни было? Казалось, что Железного Майка мог победить только кто-то из гигантов прошлого. Вот тогда все кому не лень стали моделировать компьютерные бои Тайсона с великими чемпионами ушедших времен.

Тайсон и великие

В ноябре 1988 года журнал «Boxing Illustrated» опубликовал наиболее полный список таких виртуальных боев, обсуждавшихся потом в течение всего последующего года. Вот что там получилось (победитель назван первым):

Тайсон — Джо Фрезер (технический нокаут в пятом раунде)

Тайсон — Рокки Марчиано (технический нокаут из-за рассечений у последнего в десятом раунде)

Мохаммед Али — Тайсон (по очкам)

Джек Джонсон — Тайсон (нокаут в одиннадцатом раунде)

Джо Луис — Тайсон (нокаут в восьмом раунде)

Санни Листон — Тайсон (нокаут в четвертом раунде)

Джек Демпси — Тайсон (нокаут в третьем раунде)

Джин Тинни — Тайсон (по очкам)

На первый взгляд создается впечатление, что авторы просто отыгрались в этих виртуальных боях за все победы Железного Майка в реальной жизни. Собственно, а как они их сравнивали? Например, техника в начале XX века была принципиально иной, и я сильно сомневаюсь, что Джонсон или Демпси, работая соответственно каждый в своем стиле, многого добились бы на сегодняшнем ринге. Кроме того, раньше тяжеловесы были значительно мельче. Демпси, Джин Тинни или Рокки Марчиано сейчас бы выступали с Тайсоном даже в разных весовых категориях. До 1980 года тяжеловесом считался боксер, весящий больше 175 фунтов (79,4 кг), но потом WBC, а затем WBA и только что образованная IBF ввели категорию до 190 фунтов (86,2 кг). Как же сравнивать?

Здесь есть два метода: первый — брать боксеров прошлого такими, какими они были; второй — попытаться прикинуть, какими бы они стали, если бы родились в наше время. И кто нам, собственно, может помешать устроить виртуальные бои, Тайсона образца 1988 года с великими чемпионами, используя оба метода? Так что попробуем, понимая всю условность этого сравнения и не претендуя на особую объективность.

Тайсон — Фрезер

Нынешний Фрезер был бы точно таким же, каким в 70-е годы, разве что подрос бы на пару сантиметров и стал килограмма на три тяжелее, но этим можно пренебречь, так что здесь задача упрощается. Во встречном бою двух сорвавшихся с цепи питбулей победил бы более разнообразный в атаках Тайсон.

Тайсон — Марчиано

Вариант первый (Марчиано каким он был). Никаких вариантов. Тайсон просто раздавил бы его. Если Арчи Мур, полу-тяж преклонных лет, сумел послать Рокки в нокаут, то Тайсон послал бы его куда дальше.

Вариант второй (Марчиано, «обработанный временем»). Тоже думаю, что дело не дошло бы до десятого раунда. Нынешний Рокки был бы совсем немного крупнее, ведь он был маловат и для своего времени, но он бы не сделался быстрее. Мне кажется, что хрупкие надбровные дуги Марчиано не сыграли бы в его бою с Тайсоном никакой роли: Железный Майк нокаутировал бы его раньше, чем они начали сильно кровоточить. По рисунку и по исходу этот бой был бы очень похож на встречу Тайсона с Джо Фрезером.

Али — Тайсон

Как и в случае с Фрезером, я здесь буду рассматривать только один вариант, хотя это и не совсем корректно. Технически Али в конце 80-х был бы тем же самым, что и в середине 60-х, а именно этого Али, времен победы над Листоном и чуть позже, я и беру для сравнения. Однако средний рост в Америке с тех пор вырос сантиметров на пять. Али со своими 190 см был очень крупным тяжелым для своего времени. В эпоху Тайсона он наверняка был бы еще больше — где-то 195 см — и килограммов на 7—10 тяжелее.

Я тоже думаю, что молодой Али сумел бы победить молодого Тайсона, хотя он оказался бы для него более трудным соперником, чем Листон. Своими бесподобными передвижениями по рингу вкупе с умением сильно бить на отходах и своевременно клинчевать Мохаммед вымотал бы Тайсона в начальных раундах, а потом перешел к более решительным действиям. Скорее всего, дело закончилось бы нокаутом, потому что расквирепевший от постоянных промахов Тайсон стал бы откровенно гоняться за Али, во время своих, очень часто бесплодных атак «сжигая бензин», и его бы просто не хватило на последние раунды. Кроме того, мы сейчас знаем о Тайсоне больше, чем знали

последних раундах, особенно если физически «модернизировать» Мохаммеда в соответствии с изменившимся временем. Впрочем, думаю, что и «старая версия» Величайшего справилась бы с Железным Майком точно так же.

Джонсон — Тайсон

А вот здесь разница между первым и вторым вариантами будет принципиальной.

Вариант первый (Тайсон — Джонсон). Сам Тайсон говорил, что во времена Джека Джонсона тяжеловесы не наносили серии, а только одиночные удары, которые Джонсон просто ловил в воздухе. В наше время, по мнению Майка, с которым невозможно не согласиться, он бы не смог этого сделать. Скорости тогда тоже были иными. Тем не менее Джонсон был такой бестией, что он и в тогдашнем своем варианте сумел бы что-то противопоставить Тайсону. Прежде всего он мгновенно бы его «вычислил» и стал работать с ним принципиально иным образом, но в конечном счете это бы его не спасло — слишком большим было бы физическое и техническое превосходство Железного Майка, который победил бы нокаутом где-нибудь в чет-вертом-пятом раундах.

Вариант второй (Джонсон — Тайсон). Джонсон и в своем подлинном виде не был малышом, а сегодня он был бы куда крупнее. С его фантастической двигательной одаренностью и координацией он без труда бы освоил нынешний комбинаторный бокс, который бы ему идеально подошел. Если прибавить его фантастическую хитрость и чувство соперника, то у Железного Майка все меньше остается шансов на успех. Короче говоря, вариант авторов журнала, то есть победа Джека нокаутом в одиннадцатом раунде кажется мне очень вероятным.

Луис — Тайсон

И здесь разница между первым и вторым вариантами будет принципиальной.

Вариант первый (Тайсон — Луис). У великого Джо был один недостаток — как ни странно, он не слишком хорошо держал удар. Просто он настолько превосходил современников, что им очень редко удавалось по-настоящему попробовать его на прочность, но Тайсону это бы удалось. Кроме того, бокс тогда был куда медленнее, что еще больше поднимает шансы Тайсона. В общем, мне кажется, что Майк победил бы Луиса нокаутом где-то не позже пятого раунда.

Вариант второй (Луис — Тайсон). В конце 80-х Луис был бы и крупнее и быстрее, и вот у этого Джо шансов против Тайсона было бы куда больше. Поэтому победил бы Луис, вполне возможно, именно так, как написали авторы VI, — нокаутом в восьмом раунде или, может быть, на один-два раунда позже.

Тайсон — Листон

Именно с Листона началась эпоха больших тяжеловесов. К 80-м он бы еще немного подрос, и тем не менее я бы хотел рассмотреть здесь один вариант боя с некоторыми оговорками. Сам Тайсон признавался, что он с трудом представляет себе, как бы он решил проблему джеба Листона. Ее, правда, решил Али, но он был намного выше Майка. В общем, мне кажется, что это был бы бой абсолютно равных противников, особенно учитывая поправку на время, в котором тот или другой победил бы нокаутом где-то раунде в шестом — восьмом. Если бы от меня потребовали однозначный ответ, я бы все-таки поставил на Тайсона — из-за его скорости и «защиты ку-ку».

Тайсон — Демпси

Демпси так изменился в течение своих чемпионских лет, что стал просто другим боксером. Обозреватели журнала взяли за основу Демпси образца 1918—1919 годов, что мне кажется ошибкой. Достаточно посмотреть бой Демпси — Уиллард, чтобы понять, что этого Демпси с его вечно опущенными руками Тайсон нокаутировал бы не то что в первом раунде, а на первых секундах первой минуты. А вот Джек образца 1923—1926 годов — это дело другое. По крайней мере, почти другое.

Вариант первый (Тайсон — Демпси). Тайсон раздавил бы этого Демпси просто за счет своего физического превосходства и скорости и нокаутировал бы не позже третьего раунда.

Вариант второй (Демпси — Тайсон). Демпси в 80-е был бы значительно крупнее. Кроме того, он показал себя очень талантливым человеком, который мог учиться новым вещам, когда ему уже было под 30. А если бы он прошел хорошую подготовку, скажем у того же Каса Д'Амато? Вполне возможно, что он бы одолел Тайсона где-то раунде в шестом — восьмом, но я бы все же поставил на Железного Майка в тех же самых раундах.

Тайсон — Тинни

Здесь ситуация схожая: очень многое решили бы физические габариты.

Вариант первый (Тайсон — Тинни). Тайсон настолько мощнее Тинни, что тот просто не смог бы сдержать его натиск и оказался бы в нокауте в первом-втором раундах.

Вариант второй (Тинни — Тайсон). В конце 80-х Тинни был бы куда больше и быстрее, но мне, в отличие от авторов журнала, кажется, что этого все-таки не хватило бы для победы. Более вероятным мне кажется, что Тайсон победил бы нокаутом в пятом — седьмом раундах.

«Boxing Illustrated» не проводил виртуальные бои Тайсона с еще двумя боксерами, но я бы хотел это сделать. Речь идет о Джордже Формене и Лэрри Холмсе не 38 лет от роду, с которым Тайсон на самом деле дрался, а лет 30.

Формен — Тайсон

Учитывая, что Формен сделал с Фрезером, мне кажется, что он, скорее всего, справился бы и с Тайсоном, но далеко не так легко. Формен, кстати, умел не только идти напролом, но и очень технично работать. Кроме того, он был настоящим спецом по низкорослым боксерам. Так что, думаю, он нокаутировал бы Тайсона раунде в пятом — седьмом, хотя такой вариант мне и не представляется единственно возможным.

Тайсон — Холмс

Молодой Холмс был куда быстрее старого, и он бы изрядно помучил Майка, пока тот бы его достал. Кстати, не исключено, что этого бы так и не произошло. Но мне все-таки кажется, что произошло бы раунде в восьмом — десятом, и тогда конец матча был бы тот же, что и в реальности.

Реальная жизнь тем временем шла своим чередом. Робин Гивенс забрала свой иск на 125 миллионов. То ли не хотела выглядеть полной идиоткой, понимая, что шансов выиграть это дело у нее нет никаких, то ли Тайсон умастил ее какой-то меньшей суммой.

Потом Майк влепил три пощечины работнику парковки ночного клуба в Лос-Анджелесе за то, что тот не разрешил ему ставить его «мерседес» на место, предназначенное для автомобиля хозяина клуба. Парень подал в суд, но потом отказался свидетельствовать против Тайсона. Видимо, Майк договорился и с ним.

Потом было еще два эпизода, связанные с более чем двукратным превышением скорости. Железный Майк купил себе новую игрушку, «ламборджини», и на короткое время увлекся драг-рейсингом¹. В апреле и мае 1989 года его дважды задерживали за этим занятием, когда он с приятелями соревновался в гонках по ночному городку Олбани, штат Нью-Йорк. Все кончилось штрафом в 300 долларов, и укрепило многих во мнении, что Железный Майк стал совершенно неуправляемым и общественно опасным субъектом.

Наконец в июне 1989 Тайсон окончательно оформил свой развод с Робин Гивенс. На том Майк вроде бы и успокоился. Во всяком случае, ни о каких крупных скандалах во второй половине 1989 года слышно не было.

На ринг он в этом году вышел еще один раз — 21 июля против Карла Уильямса. Бой закончился в первом же раунде после нокаута Уильямса и был примечателен единственно тем, что рефери, по общему мнению, явно поспешил остановить встречу. Вполне вероятно, что он лишил Уильямса прекрасной возможности упасть еще пару раз. Достойных соперников для Майка по-прежнему видно не было, о чем писала вся боксерская пресса, подводя итог 1989 года. Предварительно на 18 июня 1990 года был назначен бой Тайсона с Эвандером Хо-лифилдом, которому теперь уже никто не давал практически никаких шансов во встрече с Тайсоном, так как в своем последнем бою с молодым боксером Алексом Стюартом он выглядел не слишком убедительно.

Сам Тайсон собирался, чтобы размяться, провести бой с Бастером Дагласом, который был намечен на 11 февраля 1990 года и должен был пройти в уже знакомом Железному Майку зале «Токио доум» в столице Японии.

И невозможное возможно

В середине января 1990 года, незадолго до боя Тайсона с Дагласом, всю мировую прессу обошла фотография, на которой было запечатлено то, чего не могло быть: Майк Тайсон лежал на полу, а другой боксер возвышался над ним. Практически одновременно появилась и видеозапись этого эпизода: Тайсон во время своей атаки пропустил правый кросс навстречу, после чего упал и тут же встал. Выглядел он при этом совершенно спокойным.

Обидчиком Тайсона был Грег Пейдж, так и не взошедшая звезда конца 70-х, о котором говорили, что он проиграл бой холодильнику или своему аппетиту. Оба боксера были не в боевом облачении, а в тренировочном, в защитных масках и специальных костюмах, что объяснялось очень просто: это произошло во время одного из рутинных спаррингов Тайсона, готовившегося к бою с Дагласом. Больше всех случившимся был потрясен Пейдж. «Сам не знаю, как это произошло», — растерянно сказал он.

Тайсон отреагировал на это спокойно: кто не падал во время тренировочных спаррингов? Почти все с ним согласились, и все же что-то изменилось. В мифе о несокрушимом монстре Тайсоне появилась первая трещинка: Железный Майк, как и все, оказался человеком, и он тоже мог упасть от точного удара. Если это произошло на тренировке, то почему не могло произойти и во время боя? Но тогда казалось, что обо всех этих предположениях забудут сразу же после боя Тайсона с Дагласом, которого Железный Майк конечно же разорвет в одном из первых раундов.

Среди множества американцев, приехавших в Токио на матч, был и Эвандер Холифилд, которому предстояло встретиться с Железным Майком в следующем бою. Мне немного жаль, что эти времена стоят так близко к нашим, и еще не стали историей. Едва ли не все читатели отлично знают, чем закончилось соперничество Тайсона и Холифилда. Мы сейчас находимся в положении человека, сначала посмотревшего концовку увлекательнейшего триллера, а потом севшего смотреть его с начала. Но тогда до кульминационного момента их противостояния оставалось еще более шести лет, хотя ни тот, ни другой об этом не знали. Они думали, что встретятся всего через четыре месяца, 18 июня 1990 года, а сейчас Холифилд просто приехал посмотреть, как Тайсон готовится к бою с ним.

Надо сказать, что Эвандер с самого начала относился к Тайсону не то чтобы скептически, но без всякого трепета, и это разительно отличалось и от честного ужаса одних, и от бравады, отдававшей истерикой, других. Холифилд просто его не боялся. Ему тогда не очень верили, но со временем всем пришлось убедиться, что Эвандер не лгал.

Смотрел бой Тайсона с Дагласом и бывший тренер Железного Майка Кевин Руни, служивший ему как верный пес, а потом изгнанный им. Любопытно, что Холифилд и Руни кардинально расходятся в оценке морального состояния Бастера Дагласа перед боем. Холифилд, едва увидев его, сказал: «Хоть раз Тайсону придется драться с человеком, который его не боится». Кевин Руни, напротив, сказал, что в начале боя Даглас выглядел как «перепуганный боец». Лично я больше согласен с Холифилдом — во-первых, потому что это соответствует моим личным впечатлениям, во-вторых, потому что Эвандер, в отличие от Руни, был беспристрастен.

Первый раунд. Бой сразу же пошел по непривычному сценарию. Поначалу Даглас выглядел как более массивный Тай-релл Биггс (вес Бастера — около 105 кг), но с двумя бьющими руками: его правая работала не хуже,

см против 181, по официальным данным, у Тайсона, и останавливать его напор. Железному Майку пришлось поневоле сбросить обороты уже секунд через 40 после начала боя. Даглас, до того отлично двигавшийся и уходивший от наступавшего Майка назад и вбок, то вправо, то влево, при этом постоянно отстреливаясь джебом и изредка кроссом, переместился спиной к канатам, но здесь, в отличие от предыдущих соперников Тайсона, вместо того чтобы запаниковать, дал бой. В завязавшемся коротком размене Бас-тер нанес хороший правый кросс навстречу. Тайсон чуть отступил, Даглас нанес еще один правый вдогонку, но он лишь чиркнул по голове Майка. Удары самого Тайсона в этом эпизоде и во многих других по большей части либо увязали в защите, либо свистели мимо, так как оказалось, что здоровенный Даглас умеет защищаться корпусом не хуже компактного Тайсона. Майку потребовалось некоторое время, чтобы полностью прийти в себя после пропущенного удара, и снова он по-настоящему активизировался лишь на заключительной минуте раунда. Но кончилось это тем, что секунд за 50 до конца раунда Даглас провел еще один очень мощный правый кросс. Тайсон сумел ответить лишь не слишком хорошо удавшимся левым боковым, и все равно эпизод остался за Дагласом.

В самом конце раунда произошел еще один похожий эпизод. Снова Даглас провел хороший правый кросс, а Тайсон ответил не совсем внятным левым сбоку. В результате Бастер в блестящем стиле выиграл первый раунд. Одно это уже было сенсацией. Последним такого успеха добился Тони Таккер в 1987 году. Популярный комментатор канала НВО Лэрри Мер-чент сказал, что уже встречались бойцы, которые хорошо проводили против Тайсона первый раунд, но на этом все и кончалось. Правда, сказанное скорее относилось не к Таккеру, который прилично выглядел не только в первом раунде, а к боксерам вроде Тони Таббса, которые действительно с перепугу выплескивали в первом раунде все, что у них было, но потом быстро скисали и проигрывали нокаутом.

Когда Дагласа перед боем спросили, какой тактики он будет придерживаться, он ответил: «Думаю, я просто буду его бить. По-моему, Тайсона никто до сих пор не бил достаточно сильно, для того чтобы завоевать его уважение».

Второй раунд. Даглас знал, что говорил. Во втором раунде это стало очевидным: Майк по-прежнему бросался в атаку, но в его действиях чувствовалась какая-то оглядка на противника, которой раньше не было. Тайсон в большинстве случаев не мог разорвать дистанцию: четкий джеб в сочетании с правым кроссом не давали ему этого сделать. Во время одной из таких попыток прорыва Тайсон пропустил несколько сильных ударов Дагласа. Их не хватило, чтобы его остановить, но когда Майк уже вышел на ударную дистанцию, он смог провести только один неплотный левый хук, ослабленный предыдущей бомбардировкой Бастера. Затем при попытке Тайсона прижать его к канатам Даглас нанес сильнейший правый кросс навстречу, а затем с левым хуком и правым апперкотом ушел от канатов влево, показав высший боксерский пилотаж.

Все, что удалось Тайсону, — нанести еще один не очень точный левый хук. Затем попытка Майка завязать размен закончилась для него плачевно: он сначала пропустил мощный правый кросс и левый снизу. В конце раунда Тайсону снова удался левый хук, но уже совсем под занавес. Даглас рассчитался с ним сполна: он начал с отличного апперкота справа, тут же подкрепил его правым кроссом, а затем провел длинную серию из пяти-шести ударов, как минимум два из которых легли точно в цель. В этом раунде комментаторы стали говорить, что Тайсон хорошо держит удар: раньше Майк не давал никому возможности делать такие наблюдения. Даже если бы Тайсон нокаутировал Дагласа в третьем раунде, отношение к Железному Майку наверняка бы изменилось. Бастер уже продемонстрировал, что с ним можно бороться, и даже показал как.

Третий раунд. Как и предыдущие, начался с наскока Тайсона, и опять неудачно. Ближе к концу первой минуты Даглас насадил его голову на правый кросс, а после паузы провел еще один, но вскользь. Майк рвался вперед и сам налетел на встречный джеб. Он все равно прорвался на нужную для себя дистанцию, но смог лишь перевести дело в клинч. Даглас, оторвавшись, нанес еще правый кросс, потом еще джеб и комбинацию из правого кросса и левого бокового. Все эти удары Тайсон нахватал за 15 секунд.

Взрыв измотал обоих. В середине раунда Майк провел неплохой удар справа, а секунд за 40 до конца раунда еще левый хук на скачке. Удары пришлись в цель, но Даглас сумел их ослабить защитными движениями корпуса, и эффект был не очень сильным. К тому же Бастер не собирался оставаться в долгу и в конце раунда провел сначала джеб, затем еще правый апперкот и выиграл раунд.

Четвертый раунд. Прошел в том же ключе. Первый наскок Тайсона уже не был таким безоглядным. Даглас достаточно долго удерживал его на дистанции быстрыми и точными джебами. Майк, похоже, взял небольшую паузу, но он все равно постоянно пытался разорвать дистанцию. Во время одного из коротких сближений Даглас как-то ввинтил незаметный, но сильный правый апперкот, после чего опять возникла довольно продолжительная пауза. Очередную попытку Тайсона обострить бой Бастер пресек правым кроссом, а следующую попытку атаковать сорвал своевременным джебом. Все, что Тайсон смог, это достать Дагласа двумя не слишком точными и плотными левыми боковыми. Но уже следующую атаку Тайсона Бастер встретил во всеоружии: двойка с акцентом на правом кроссе застала Тайсона врасплох. На последних секундах раунда завязался размен, но Бастер выиграл и его, причем практически всухую. Снова его джебы и кроссы сделали свое дело. Лэрри Мерчент голосом человека, который не совсем уверен в том, что он не спит и не видит все это во сне, сказал, что согласен с теми, кто отдал победу Дагласу во всех четырех раундах.

Пятый раунд. Тайсон бросился вперед, но он представлял собой уже далеко не тот сгусток агрессии, каким был вначале. Секунд через 20 Даглас снова встретил его правым кроссом, а спустя секунд 15, размяв Майка джебами, нанес еще один кросс. Сколько этих мощнейших ударов Тайсон уже пропустил! И сколько еще пропустит.

длинный левый прямой, который получился очень сильным из-за того, что в момент начала удара корпус Бастера был развернут влево после правого красса. Голова Тайсона снова дернулась.

Чуть придя в себя, Железный Майк огрызнулся левым хуком, который пришелся высоко. Потом боксеры обменялись любезностями: Даглас нанес правый апперкот, а Тайсон левый хук, — даже трудно сказать, кому пришлось тяжелее. Потом слегка оживившийся Майк нанес неплохой правый по корпусу, но финальный размен ударами снова выиграл Даглас. Собственно, это не был размен в полном смысле слова, так как только удары Бастера легли в цель. Еще один раунд за Дагласом.

Шестой раунд. Тайсон стартовал как в начале: бросился на Дагласа, но попал в клинч, однако умудрился, наполовину связанный, нанести хороший левый хук. Но этот порыв его самого крепко измотал. Возникла пауза. Потом, снова в клинче, соперники обменялись апперкотами, Даглас — слева, а Тайсон справа.

После бурного начала раунд пошел достаточно тихо. Где-то в середине противники обменялись джебами. Оба очень устали. Левый глаз Тайсона совершенно затек от бесконечных ударов Дагласа справа. Даглас провел правый апперкот, затем еще джеб. Тайсон ответил левым хуком, который не столько попал в голову Дагласа, сколько зацепил ее. Это первый раунд, который Тайсон не проиграл. Строго говоря, он его и не выиграл, но на фоне катастрофических предыдущих так и тянет дать ему победу хотя бы в этой трехминутке.

Седьмой раунд. Начало получилось каким-то невразумительным. Все-таки боксеры очень измотаны. Но уже скоро Даглас провел отличную и немного необычную комбинацию. После правого красса он нанес два левых хука — по корпусу и в голову. От последнего удара правая нога Тайсона оторвалась от пола. Затем Даглас встретил атаку Майка точной двойкой. Далее Тайсон еще дважды налетел на джебы Бастера. А потом налетел и на правый красс. Больно. Но, похоже, это сейчас Тайсону и нужно. Он перехватил инициативу. Сначала в размене нанес левый хук и выиграл эпизод. Даглас всадил правый красс, но Тайсон на скачке достал его левым хуком. Даглас снова провел красс, а потом еще два джеба. Оба устали и клинчуют, но Тайсон дважды в этих клинчах провел левый апперкот. В самом конце раунда Майк еще провел хорошую комбинацию, правый по корпусу — левый хук в голову. Если считать удары, то преимущество за Дагласом, но Тайсон уверенно выиграл концовку, и потому вполне логичным будет отдать победу в раунде ему, хотя это и не единственно верное решение.

Восьмой раунд. Поначалу показалось, что Тайсон, может быть, в конце концов и победит в этом бою. Даглас затормозился, и Майк этим тут же воспользовался. Сначала он выиграл небольшой размен, потом провел серию по корпусу. Чуть позже между делом всунул левый хук, а в другом эпизоде правый красс. Правда, он нарвался на джеб Дагласа, усиленный своим встречным движением, но вскоре провел правый красс. Однако это не произвело особого впечатления ни на Бастера, ни на комментаторов, один из которых задал риторический вопрос, словно силясь поверить в то, что он говорит: «Бастер Даглас — абсолютный чемпион мира в тяжелом весе?»

Словно отвечая ему, Даглас перехватил инициативу. Для начала он дважды насадил голову рвущегося вперед Тайсона на джебы, тут же провел правый красс, но не дотянулся следующим в серии левым боковым. Ничего — один красс Дагласа до цели дошел. Потом еще пара джебов. Еще джеб. На выходе из клинча Бастер провел правый красс. Потом Даглас обрушил на голову Тайсону длинную комбинацию из двух джебов, правого апперкота, левого хука и правого красса. Тайсон на мгновение пошатнулся. Даглас провел еще серию из хуков и крассов. Прошли практически все.

«Чужа фарт», Даглас на мгновение потерял бдительность. Тайсон уклонился от его джеба движением корпуса вправо. Бастер, находясь в ударной зоне Майка, довольно небрежно вернул руку назад. И тут, за шесть секунд до конца раунда, Тайсон слегка подсел под вытянутую вперед и согнутую в локте левую руку Дагласа и из-под нее нанес великолепный правый апперкот. Железный Майк вложился в него полностью, и Даглас рухнул на пол и еще проехался на заднице. Однако он явно был в сознании. Он буквально секунду пролежал на спине, а потом перевернулся и лег набок, опираясь на правый локоть, а левой с досады крепко ударил по настилу ринга. Рефери задержался со счетом, пока отводил Тайсона в нейтральный угол (почти так, как это было во втором бою Джека Демпси и Джинна Танни), забыл свериться с хронометристом и начал счет с опозданием в две-три секунды.

Даглас внимательно следил за счетом и, когда рефери дошел до «восьми», начал подниматься, а на «десять» полностью встал. Тем не менее, на самом деле, он пролежал как минимум 12 секунд. Могли он встать раньше? Большинство, и я в том числе, считают, что мог. Все его поведение на полу говорит, что он был в состоянии встать чуть раньше, но, как опытный и, что очень важно, уже не раз битый боксер, вылежал паузу до конца.

Смог бы он продолжить бой, если бы пролежал на полу на пару секунд меньше? В данном контексте этот вопрос не имеет значения. По правилам, если боксер попал в нокаунт менее чем за 10 секунд до конца раунда, как это и было в данном случае, после того как он встанет, бой будет продлен еще на одну секунду. Это чистая формальность, за секунду боксеры не успевают даже сойтись. Кстати, когда Бастер встал, так и получилось.

Поднявшись, Даглас еще нетвердо стоял на ногах, но, возможно, что, даже если бы нокаунт случился и не в самом конце раунда, он смог бы продолжить бой, хотя, скорее всего, через несколько секунд снова оказался бы в нокауне, но использовал бы это время для того, чтобы окончательно прийти в себя. Однако это все гадание на кофейной гуще. Реальность была такова, что Даглас встал, раунд закончился, и у него осталась минута, чтобы прийти в себя.

Когда Даглас упал, Тайсон посмотрел на него с нескрываемым облегчением. Может быть, он все еще думал, что самое трудное на сегодня уже позади. Когда Бастер поднялся на ноги, большинство людей и в зале, и перед

пор, было чем-то неестественным, нарушением привычного порядка вещей, а вот теперь все пошло как положено. Но Бастер посмеялся над всеми устоями еще раз.

Девятый раунд. Вначале Тайсон, как и ожидалось, ринулся в атаку, но как же мало сил у него осталось! Майк провел несколько нечистых ударов, достал Дагласа парой грязноватых по исполнению левых хуков, затем провел свою коронную сцепку из двух правых апперкотов — по корпусу и в голову, но в эту самую секунду Даглас перехватил атаку. И как! Он начал с двух джебов, которыми остановил измотанного Тайсона, потом нанес сильнейший правый кросс, отбросивший его назад, длинный левый прямой, затем промазал ударом справа, а левой попал по защите, но следующий правый кросс опять пришелся в цель, а за ним еще длинный удар слева. Тайсон сумел уйти в клинч. Едва рефери развел их, Тайсон провел левый апперкот, а еще через некоторое время правый кросс, от которого Дагласа болтануло, но на этом порыв Железного Майка и закончился: слишком много ему досталось, и развивать атаку сил у него не было, тем более что Даглас мгновенно пришел в себя. Еще через некоторое время Тайсон чиркнул длинным левым боковым по голове Дагласа, но удар не причинил ему ни малейшего вреда.

Оба много клинчевали, но в действиях Тайсона было какое-то отчаяние. Когда соперники сошлись в очередном клинче, рефери бросился было разнимать их, но не успел. Даглас провел мощный левый апперкот, а за ним тут же правый кросс, левый хук и еще кросс. Тайсон почти отбежал от него, наполовину развернувшись спиной. Даглас после секундной заминки достал его в углу правым кроссом и левым хуком, а потом провел затяжную серию, в основном из кроссов и хуков у канатов. Тайсон между делом сумел нанести один сильный левый апперкот в челюсть, от которого Дагласа болтануло, но он навалился на Майка, и продолжил серию с прежней яростью.

Рефери развел противников, но Дагласа было уже не остановить. Он провел еще комбинацию из правого кросса и левого полухука-полупрямого, а затем еще два боковых, справа и слева. На этот раз гонг прозвучал вовремя для Тайсона.

Десятый раунд. Едва выйдя из угла, Тайсон пробил отличный правый кросс, но Даглас перешел в клинч и «отвиселся» на Майке, а у того просто не было сил его с себя сбросить. Затем Даглас пробил два не очень сильных левых хука, снова перешел в клинч, а на выходе ударил сильный правый боковой. Через несколько секунд противники обменялись правыми апперкотами, но если удар Дагласа пришелся точно в цель, то удар Тайсона прошел вскользь. Затем Бастер провел еще несколько джебов и кроссов, а затем наступил конец.

Даглас провел длинную серию из джебов, как будто пристреливаясь, а потом ударил из главного калибра. Это был правый апперкот, после которого Тайсон потерял всякую ориентацию. Он совершенно точно не видел этого удара. Вполне возможно из-за того, что левый глаз к тому моменту был у него полностью закрыт. Тут же последовал еще правый кросс, левый хук, еще кросс и, наконец, последний левый хук, который опрокинул Железного Майка на спину. От удара об пол у него изо рта вылетела капля.

Через несколько секунд Тайсон сумел перевернуться, встал на четвереньки, нашел капу и криво вставил ее в рот, так что она торчала одним концом из его рта. Так, закусив зубами торчащую изо рта капу, он и встал на нетвердые ноги, как раз когда рефери заканчивал счет. Тайсона качнуло, и арбитр поймал его, показав перед этим руками, что бой закончен. Тайсон явно еще не пришел в себя. Глаза его блуждали. Сомневаюсь, что он может вспомнить, что происходило с ним сразу после нокаута.

Как выяснилось уже после боя, судьи оказались не готовы к такому ходу поединка. По двум судейским картам из трех после девяти раундов Тайсон вел со счетом 87:86. Оба этих арбитра заслужили пожизненную дисквалификацию. Вполне возможно, что они были «подзаряжены» Доном Кингом или по крайней мере ожидали от него некоторого вознаграждения за свою близорукость после боя.

Третий судья поставил 88:82. Это означало, что, по его мнению, Тайсон выиграл только один раунд, восьмой, за который благодаря нокауту получил 10:8. В целом равные шестой и седьмой раунды этот судья отдал Дагласу, что в принципе справедливо, однако по крайней мере один из них можно было отдать и Тайсону.

Впрочем, Дон Кинг не для того провернул хитроумнейшую комбинацию с целью переманить к себе Тайсона, чтобы просто смотреть, как его главное сокровище обесценивается у него на глазах. Он, разумеется, не упустил своего шанса и заявил, что из-за того, что рефери в восьмом раунде затянул время с отсчетом нокаута, победил в этой встрече Майк Тайсон. Если бы это был кто другой, наверно, такое заявление можно было бы назвать жестом отчаяния, но только не в случае с Доном. Он просто доигрывал партию до конца, как картежник с безнадежными картами не сдается, а тянет время.

Однако здесь Дона ждало разочарование. Боксерский мир устал от него и вовсе не спешил вставать во фрунт. Боксер на ринге не должен слушать никого, кроме рефери. Бастер его и послушался. Кроме того, просмотр видеозаписи показал, по мнению членов многочисленных комиссий, что Даглас действительно мог встать раньше. В результате все три ведущие организации, выдавшие свои санкции на этот бой, WBA, WBC и IBF, одна за другой утвердили результат матча. Последним сдался президент WBC Хосе Сулейман, о котором тогда говорили, что он в кармане у Дона Кинга. Но хитрейший Сулейман своим чутким носом уловил происходившие тогда в мировом боксе перемены, и в частности что его неофициальный хозяин начал понемногу терять влияние. В результате глава WBC, поначалу говоривший о противоречивости ситуации и что по крайней мере матч-реванш необходимо провести в самые кратчайшие сроки, с легкостью базарного торговца отказался от своих слов и присоединился к решению остальных президентов федераций, а Кингу пришлось возвращаться домой несолоно хлебавши.

Америка, еще не знавшая атак пилотов-камикадзе на свои небоскребы, кипела. Казалось, ничто не могло

И не могли понять. Однако все поняли, что с этим поражением кончилось время «Тайсона непобедимого», до конца самой эпохи Тайсона еще далеко.

Майк попытался было подпнуть Дону Кингу, но тут стало ясно, что популярностью такие взгляды не пользуются. Проиграл так проиграл — и не скули. Все же Дон останавливаться не собирался. Он стал требовать немедленного матча-реванша, и ему снова отказали. Даже президент WBC Хосе Сулейман, на которого он очень рассчитывал, счел за благо еще больше вылезти из его кармана и никак не поддержал требования Дона. В результате все три организации, которые никогда ни о чем не могли договориться друг с другом, пришли к единодушному решению не давать Тайсону права на немедленный реванш. Все-властие Кинга дало трещину в самый неподходящий для Железного Майка момент. Вполне возможно, что ему не дали провести с Дагласом матч-реванш в первую очередь для того, чтобы насолить Кингу, который с незапамятных для чиновников времен прибрал тяжелый вес к рукам и стриг купоны самостоятельно, ни с кем не делись.

ЭКСПРОМТ БАСТЕРА ДАГЛАСА

История Бастера Дагласа как чемпиона мира в тяжелом весе — это, в сущности, история одного боя и того, как нужный человек оказался в нужное время в нужном месте.

Со временем и местом все более-менее ясно. Вполне возможно, что 11 февраля 1990 года в Токио Майка Тайсона мог победить не только Бастер Даглас. Скорее всего, смог бы это сделать и находившийся в зале Эвандер Холифилд, который, судя по выражению его лица, это прекрасно понимал, как и то, что бой с Майком, до которого только что было рукой подать, уплывал от него в весьма туманное будущее. Но он даже представить себе не мог, насколько далеко это будущее и какие эскапады на пути к встрече с Таксоном ждут его самого.

Однако Майк был готов к бою с Дагласом ничуть не лучше, чем к бою, скажем, с Фрэнком Бруно, считавшимся в то время бойцом примерно того же уровня, что и Бастер. Но во встрече с Бруно не было сомнений в том, кто в конечном счете победит. А в бою с Дагласом с самого начала все пошло как-то не так. Значит, нельзя все списать на плохую форму. К тому же была ли она такой уж плохой? Психологически — безусловно, но это касалось не только этого боя, а всего периода жизни Тайсона во время брака с Робин Гивенс, и особенно после развода с ней. В конце концов, Тайсон был в отвратительном психическом состоянии и во время боя с Майклом Спинксом, и если бы тот не сломался так быстро, а выстоял четыре-пять раундов, еще неизвестно, как бы все пошло. Тедди Атлас отмечал, что Железный Майк всегда, еще даже будучи любителем, терялся, если противник отказывался падать. В дальнейшем это еще сыграет свою роль в его жизни.

Что же касается физической формы Тайсона, то она в бою с Дагласом была вполне приличной. Оптимальный для тех лет вес — чуть меньше 100 кг и вообще, он не производил впечатления человека, который тренировался лежа на боку. Нокдаун от Пейджа во время тренировки? Такое рано или поздно случается практически с каждым. Нет, нам все-таки не удастся всю вину за поражение списать на самого Железного Майка. Было что-то необычное и в его противнике. По крайней мере, в тот день и в том месте, что, может быть, больше никогда не повторилось.

Но какую неожиданность мог преподнести боец, которому через два месяца исполнялось 30 лет, из которых последние девять он провел на виду у всех на профессиональном ринге и за все это время никого и ничем не удивил? А после этого сотворил самую громкую сенсацию в истории профессионального бокса. Это не фигура речи, а факт. Никогда ни до, ни после не одерживал победу боксер, ставки против которого перед боем заключались из расчета 42 к 1. Победа Кассиуса Клея над Сан-ни Пистоном в их первом бою рассматривалась как фантастическая неожиданность, но перед боем на Санни ставили всего 7 к 1. Было несколько боев в истории, в которых побеждал боксер, против которого ставили 20 к 1, но 42 к 1 — никогда. Если принять во внимание, что это был бой за титул абсолютного чемпиона в тяжелом весе, а драться пришлось против чемпиона, считавшегося абсолютно непобедимым, то тем, кто не помнит этих событий непосредственно, просто невозможно представить себе, какая получилась сенсация.

Бастер Даглас родился 7 апреля 1960 года в Колумбусе, штат Огайо. Профессиональную карьеру начал в мае 1981 года и практически сразу получил репутацию боксера, у которого «психика» не догоняет «физику», то есть данные у него выдающиеся, но в характере нет необходимой жесткости, в результате чего его карьера была очень неровной. Свое первое поражение, нокаутом во втором раунде он потерпел уже в шестом бою в ноябре 1981 года от дебютанта Дэвида Бея, здоровенного, но абсолютно заурядного боксера, как показала его дальнейшая карьера.

На тренировках Даглас не выкладывался и особенно не жаловал общефизическую подготовку. Из-за этого долгое время при своем здоровенном росте весил около 95 кг и ему просто не хватало силы и выносливости, чтобы выступать на приличном уровне. В общем, это был талантливый, но ленивый и, судя по

всему, не очень сильный духом боец, каких в Америке в любой весовой категории можно насчитать не один десяток. Кроме того, у Дагласа наблюдалась одна страстишка, сгубившая не одного потенциального чемпиона, — склонность к обжорству. По причине простого обжорства в конце 1982 года он «потерпел ничью» от неплохого, но мелкого бойца Стеффена Танг-стада. На бой против него Бастер вышел со здоровенным, трясущимся брюхом и жировыми складками на спине. После этого «блистательного» выступления менеджеры Дагласа сочли за благо посадить его на целых два года на «мешочную диету», то есть давали ему в качестве противников откровенных мальчиков или, точнее, дяденек для битвы.

В следующий раз проверить Бастера на гиб и излом решились только в ноябре 1984 года. На этот раз ему подобрали очень приличного противника — Рэнделла Кобба, имя которого обычно меняли на прозвище Текс. Это довольно обычная практика в США. Кличка Бастер тому же Дагласу в конечном счете заменила его имя Джеймс.

Текс Кобб к тому времени имел на своем счету довольно почетное поражение от Лэрри Холмса. Это произошло в том же 1982 году, когда Лэрри наголову разбил Джерри Куни, но Кобб, в отличие от Куни, сумел продержаться все 15 раундов. Текс был довольно оригинальным персонажем, чьи комментарии иногда заставляли врасплох не только журналистов, но и коллег. В середине 80-х в Америке проводилась большая кампания, требовавшая запретить бокс из соображений гуманности. Кобб в ответ на эти попытки защитить его от людской жестокости сказал: «Я проститутка, которая продает не свою..., а свои кости и мышцы».

Бой длился все отведенные на него 10 раундов, в течение которых инициатива постоянно переходила из одних рук в другие. После финального удара гонга двое судей отдали победу Дагласу, а третий поставил ничью.

Победа над Тексом Коббом, который за последнее время проигрывал только Холмсу, подняла Бастера достаточно высоко, но тем больше ему было оттуда падать. Правда, в следующем бою он в первом же раунде одним ударом, правым кроссом, тем самым, который доставит столько неприятностей Тай-сону, нокаутировал не знавшего до того поражений Диона Симпсона, но в мае 1985 года проиграл перспективному тяжеловесу Джесси Фергюссону. И на этот раз один судья поставил ничью, но двое других теперь отдали свои голоса противнику Дагласа.

Однако на этот раз Бастер, похоже, решил довести дело до конца. Он выиграл все три боя с достаточно сильными соперниками в 1986 году, а 30 мая 1987 года встретился с Тони Таккером в бою за вакантный титул IBF. Даглас начал неплохо, но если по физическим и техническим параметрам он был ровней Таккеру, то в отношении выносливости и воли сильно ему уступал. Когда выносливость подошла к концу, воля сломалась с опережением. В десятом раунде Даглас перестал сопротивляться, когда Таккер прижал его к канатам, где стал методично избивать, и рефери остановил встречу. Большинство экспертов и зрителей сочло, что Бастер просто капитулировал. После боя Дагласа прочно списали со счетов.

С июня 1987 года по январь 1990 года Даглас провел шесть боев, победил во всех, но противники оставляли желать лучшего. Последним среди них в июле 1989 года стал некто Оливер Мак-колл, не очень крупный, но крепкий мальчик, которого Даглас одолел в 10 раундах по очкам единогласным решением судей.

Вот с таким багажом, 29 победами, 4 поражениями, 1 ничьей, и репутацией человека, который ломается под давлением, Даглас вышел на ринг против Тайсона. Менее чем через час он покинул его, сотворив самую большую сенсацию в истории мирового спорта. Забегая вперед, скажу, что ничего хотя бы приближающегося к этому он больше никогда не показал. Так что же произошло с Бастером Дагласом 11 февраля 1990 года на токийском ринге?

Прежде всего, он на 100 процентов реализовал свой огромный потенциал. Даглас выглядел в тот день как Мохаммед Али для бедных. Точнее будет даже сказать «для не слишком бедных», причем Мохаммед Али не 70-х, а середины 60-х. Кстати, главным образом, именно на основании этого боя я безусловно отдаю предпочтение Али в его виртуальном бою с Тайсоном. Конечно, Майк был подготовлен в тот день не лучшим образом и сильно уступал самому себе и образца 1986, и образца 1988 годов, но Даглас, прыгнувший выше собственной головы, до Мо-хаммеда Али 1967 года далеко не допрыгнул.

Однако в том, что касается техники, все произошедшее в бою Тайсон — Даглас вызывает мало вопросов — просто очень одаренный человек наконец-то реализовал весь свой потенциал. А вот почему он смог сделать это только раз в жизни — дело другое.

Здесь нет никакой тайны. За 23 дня до боя умерла мать Дагласа. Бастер боготворил ее. Почему-то такая беспредельная любовь к матери — явление очень распространенное среди боксеров. Так относился к матери Чарльз Листон, имя которому заменила кличка Санни (Сыночек), полученная за любовь к матери. Так же относился к матери Мохаммед Али. Так же обожал мать Майк Тайсон. Так же относится к матери и нынешний чемпион Леннокс Льюис. И вдруг в самый ответственный момент в его жизни Бастер остался без поддержки матери, которая всегда была рядом. Даглас не мог сдерживать слез даже в присутствии чужих людей. «Как я это переживу?» — обращался он не то к собеседнику, не то к самому себе.

Но это было еще далеко не все. Уже прямо перед самым боем с серьезнейшим заболеванием почек попала в больницу его жена. Врачи не скрыли от Бастера, что они не уверены, что ее удастся спасти.

Наверно, Бастер тогда почувствовал, что получить по морде, даже от Тайсона, не самое страшное, что может случиться в жизни. Этим, скорее всего, и объясняется его спокойствие перед боем. Он только что получил удар, который был сильнее всего, что мог преподнести ему Железный Майк, а следом еще один.

В одном из послематчевых интервью Даглас так вспоминал обстановку перед боем: «Я думаю, Тайсон сразу понял, что я его не боюсь. Он там что-то рычал, но я не обращал на это внимания. А потом я спросил себя: «Да что в нем находят другие бойцы? Может, у него рога растут?» Но у него не было никаких рогов. Он показался мне обычным человеком».

Впоследствии обозреватели, которые говорили с Дагласом перед боем, вспоминали, что ни у самого Бастера, ни у его тренера, похоже, не было какого-то конкретного плана на бой. Оба говорили примерно одно и то же, что-то вроде: «Выйдем и будем бить». Так Бастер и сделал: вышел и стал бить. Он не боялся Тайсона, был психологически расслаблен и к тому же почувствовал, что здесь можно дать выход своим эмоциям. Так получилось, что Железный Майк ответил за смерть матери и болезнь жены Бастера Дагласа.

Между прочим, был один человек, который предсказал победу Дагласа в этом бою, причем он полагал, что именно все несчастья, которые обрушились на голову Дагласа, сделают его совсем другим бойцом. На его слова тогда обратили мало внимания. Во-первых, потому что они казались верхом нелепости. Во-вторых, потому что они

Dispatch» Тиму Мэю, который жил в том же городе Колумбусе, штат Огайо, что и сам Даглас. Пусть теперь говорят, что нет пророка в своем отечестве.

После боя все вскоре стало на свои места. Жена выздоровела, пришла слава, а с ней и деньги, и выяснилось, что жизнь, в сущности, не так уж и плоха, и Бастер снова стал самим собой. Он проиграл свой титул уже в следующем бою в октябре 1990 года, получив за это почти 24 миллиона долларов (за победу над Тайсоном он заработал только 1,3 миллиона), после чего покинул ринг. Затем он заболел сам и даже пережил диабетическую кому. Снова вернулся в бокс, но ни славы, ни денег это ему больше не принесло. С 1996 по 1999 год он провел девять боев, победил в восьми из них, но единственный более-менее серьезный соперник, Лу Саварезе, нокаутировал его в первом раунде 25 июня 1998 года. После этого Даглас провел еще два боя с откровенными «мешками», у последнего из которых был вообще уникальный послужной список, 8 побед, 50 поражений и 3 ничьих. Он нокаутировал обоих в первом раунде и вторично оставил бокс.

И все-таки, несмотря на то что за всю свою долгую профессиональную карьеру прекрасный боксер и любящий сын и муж Бастер Даглас показал все., на что был способен, только раз он навсегда вошел в историю. По-своему он счастливчик. Майкл Спинке, например, одержал в своей жизни множество побед и потерпел только одно поражение — от Майка Тайсона. И теперь, если его вспоминают, то, как правило, именно в связи с этим поражением. Бастер проигрывал не раз, но вспоминают только о его самой главной победе. Потому что он победил Майка Тайсона — и сделал это первым.

«Он, наверно, самый смелый человек в истории бокса. Он настоящий спортсмен. Он всегда такой тихий и спокойный, но он настоящий зверь. Просто зверь, разъяренное чудовище, дьявол, который дает себе волю на ринге».

Это сказал не какой-то экзальтированный мастер пера, а Майк Тайсон. А говорил он об Эвандере Холифилде, том самом, который 11 февраля 1990 года сидел в зале в Токио и мечтал быть на месте Бастера Дагласа, который отобрал у него возможность стать первым человеком, побившим Железного Майка.

Впрочем, возможно, что к бою с Холифилдом Тайсон подготовился бы иначе. Хватило бы этого для победы над Эвандером в 1990 году? Каждый здесь вправе строить любые предположения. Лично мне кажется, что Холифилд имел хороший шанс победить Тайсона в любое время по той простой причине, что он был единственным человеком, который *никогда* не боялся Железного Майка, и, чтобы не бояться его, Эвандеру были не нужны какие-то экстремальные жизненные обстоятельства. Он вообще, похоже, относится к тому редчайшему и, наверно, уходящему атавистическому типу людей, которые ничего не боятся. Тем, кого выдающийся американский писатель XX века Томас Вулф относил к «типу солдата». Прозвище он себе выбрал тоже соответствующее — Real Deal. К сожалению, это словосочетание невозможно адекватно перевести на русский. Смысл его — подлинный, настоящий, то, что надо. Однако у него есть и второй, теневой смысл — тот, кто тебя хорошо отдубасит. Глагол to deal, который используется здесь в виде отглагольного существительного, имеет также значение «раздавать удары». То есть Real Deal может переводиться и как раздатчик ударов. В общем, и в том и в другом значении — вполне солдатское прозвище.

А начиналось все в тихом городке Атморе, штат Алабама, где Эвандер Холифилд родился 19 октября 1962 года. Позже он перебрался в столицу штата Джорджия Атланту, где окончательно обосновался. С детства был образцом неагрессивного мужества — ни на кого не нападал первым, но тут же давал отпор, если нападали на него, и такой отпор, что повторять подобные попытки никто не решался. Позже, когда Эвандер вошел в боксерскую элиту, журналисты часто сокрушались: ну что за парень такой? Никаких тебе приводов в полицию, исправительных школ, ограблений магазинов, удавленных и неудавшихся попыток изнасилования. Неужели этот тихоня даже ни разу не шлепнул какую-нибудь крепко сбитую одноклассницу по заднице? Просто не к чему придраться. Нормально учился, нормально себя вел, никаких наркотиков. Школа и спортзал — вот и вся жизнь.

Боксом Эвандер занялся уже в 8 лет, и сразу же его судьба была решена. Есть такие люди, естество которых требует войны, хотя ни жестокостью, ни кровожадностью они не отличаются, и, если войны нет, они просто умирают со скуки, а не идут бить мирных граждан на улицу. Таким был Мохаммед Али. Таким был и Эвандер Холифилд.

На любительском ринге он быстро добился успеха, но в особо ярких звездах не ходил. Тем не менее, в 1983 году он завоевал место в олимпийской сборной США в весовой категории до 81 кг. На предолимпийских турнирах он часто сталкивался с другим кандидатом в сборную, в категории до 91 кг, Майком Тайсоном, который в окончательный состав не попал.

На олимпийском турнире в Лос-Анджелесе в 1984 году Холифилд без труда прошел до полуфинала, но здесь он споткнулся или, может быть, его «споткнули»? У новозеландца Кевина Бэрри изначально не было никаких шансов на победу. Это понимали все. В одном эпизоде рефери дал команду «брейк», но Эвандер в пылу не успел остановиться и закончил атаку, в результате которой Бэрри оказался в нокауте, за что рефери тут же дисквалифицировал Холифилда и отдал победу новозеландцу.

Вроде бы в этой истории придраться не к чему — сам виноват, но есть в ней один момент, на который сразу же обратили внимание. Рефери в бою Холифилда с Бэрри был из Югославии, как и боксер, уже вышедший в финал. В случае дисквалификации Холифилда он без боя получал золотую медаль, так как после фактического нокаута новозеландец не мог быть допущен к финальному бою. В общем, ситуация была скользкая.

Эвандер очень переживал эту неудачу, справедливо полагая, что в будущем никто и не вспомнит об обстоятельствах его олимпийского полуфинального боя, и во всех справочниках о нем просто будет сказано, что он

любительском ринге Холифилд одержал 160 побед, из них 75 нокаутом, и потерпел 14 поражений. Результат хороший, но невыдающийся.

Два тихих царствования

После Олимпиады Эвандер перешел в профессионалы. Выступать он начал в первом тяжелом весе.

Статус этой категории всегда был невысок, а в те годы особенно — у нее тогда даже не было единого для всех федераций весового лимита. Одни проводили соревнования в весе до 190 фунтов (86,2 кг), другие — до 195 фунтов (88,5 кг). Но не в этом главная причина ее непопулярности. В течение многих лет, до появления в начале 80-х первого тяжелого веса, так же относились к полутяжелой категории. Ее прозвали «bastard division» (незаконнорожденная категория), а к ее представителям стали относиться как к людям, которые прячутся за весовой лимит от боев с самыми сильными противниками — тяжеловесами. Отношение это вопиюще несправедливо, но оно еще и абсолютно иррационально, поэтому его так и не удалось искоренить.

Время шло, между полутяжелым и тяжелым весом образовался вакуум. Появилось множество боксеров, которые не могли вписаться в лимит полутяжелого веса (79,4 кг), а для тяжелого недотягивали. Тогда и юзник первый тяжелый вес. Теперь традиционное неуважительное отношение к полутяжам перешло на представителей новой весовой категории, и оно по-прежнему было несправедливым. Да, «младшие тяжи» ростом часто не уступали «старшим», но они были относительно тонкокостными, что делало набор веса нецелесообразным, так как «младшие» все равно не могли на равных конкурировать с более мощными от природы «старшими братьями».

Эвандеру не очень улыбалось выступать в этой категории, но надо было с чего-то начинать, а весил он в то время 82—83 кг. Так что другого выбора у него не было.

Однако Холифилду удалось сделать невозможное: он вдохнул жизнь в «незаконнорожденную категорию», по крайней мере в те бои, в которых участвовал сам. С ноября 1984 года по май 1986-го он провел 11 боев. Только трое из его противников подпадали под определение «тренировочные мешки», а остальные были вполне приличными боксерами, но все-таки первую настоящую «проверку на вшивость» Холифилд прошел только в своем первом титульном бою.

12 июля 1986 года Эвандер вышел на ринг против Дуайта Мухаммада Кави, до принятия ислама — Брэкстона. Этот поединок единодушно называют лучшим боем в первом тяжелом весе за всю историю этой категории.

Обладавший чудовищной физической силой, бывший уголовник Кави, отсидевший пять с половиной лет за вооруженное ограбление, был крепким орешком для кого угодно. Майкл Спинке, победивший его в бою за звание абсолютного чемпиона мира в полутяжелом весе, просто отбегал от него, отстреливаясь джебом, но Холифилду такая манера была абсолютно чужда. Он всегда был не столько боксером, сколько бойцом, и тактические игры унижали его достоинство. Он «опустился» до них только раз, и в 1986 году это было еще в далеком будущем.

С Кави он провел тяжелый встречный бой, в котором каждый был готов скорее умереть, чем отступить. Так он начался, так продолжался все 15 раундов, так и закончился. Создавалось впечатление, что Холифилд все-таки победил, хотя после пяти раундов почему-то резко сбросил обороты. Все с напряжением ждали судейского решения. Один арбитр отдал победу Холифилду с большим преимуществом 147:138, второй — ему же, но уже со счетом всего 144! 140, а третий отдал победу Кави со счетом 143:141. Ближе всех к истине, по-моему, был второй судья, хотя и он чуть-чуть пожадничал, однако первый арбитр был слишком щедр. Вполне возможно, что в решении третьего судьи сказалась симпатия к такому классическому мордобойцу в стиле 20—30-х годов, как Дуайт. Эвандер не уступал ему в настойчивости, но он никогда не был «бешеным быком». Он не просто от души рубился, а всегда знал, что и зачем делает. Его комбинации были выверены и отточены. Пожалуй, в нем было что-то от Джо Луиса, что, кстати, очень нравилось американской публике.

8 ноября 1986 года Майк Тайсон, нокаутировав во втором раунде Тревора Бербика, тоже завоевал свой первый титул — в тяжелом весе по версии WBC, и вскоре эксперты заговорили о том, что если кто в ближайшем будущем сможет составить конкуренцию Майку Тайсону, который тогда еще не был даже чемпионом, то только Холифилд. Однако Эвандер пока продолжал свое победное шествие по первому тяжелому весу. Дважды отстояв свой титул, в том числе и против Генри Тиллмана, преградившего Тайсону путь в олимпийскую сборную, которого он нокаутировал в седьмом раунде, Холифилд вышел на бой с чемпионом по версии IBF Рикки Парки. 15 мая 1987 года он нокаутировал его в третьем раунде, еще раз вдохновив довольно многочисленную часть американской публики, которая была не в восторге от того, что такой монстр, как Тайсон, похоже, расположился на чемпионском троне в тяжелом весе навсегда.

5 декабря 1987 года Холифилд провел матч-реванш с Кави, но, как выяснилось, Эвандер психологически сломал этого непобедимого бойца тюремных застенков в их первом бою. На этот раз он нокаутировал Кави уже в четвертом раунде. Так, может быть, он сможет сделать то же самое с Тайсоном? Ну не в четвертом раунде, конечно, но все же! После двух не слишком удачных боев Железного Майка с Костоломом Смитом и Тони Таккером такое предположение не казалось особенно безумным.

Наконец 9 апреля 1988 года Холифилд встретился с сильным и недооцененным боксером Карлосом Де Леоном, чемпионом мира в первом тяжелом весе по версии WBC. В восьмом раунде тот сложил оружие, и рефери остановил бой.

Юлий Цезарь говорил, что лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме. Первый тяжелый вес и был в боксе такой галльской деревушкой, и, объединив в своих руках титулы по версиям WBA, WBC и

селении. Больше ему здесь доказывать было нечего. Холифилд ни разу не защитил свой абсолютный титул, а сразу перешел в тяжелый вес.

Биография Холифилда, особенно в начале его пути, это биография солдата или, может быть, полководца. В ней нет ничего, кроме битв: тогда-то разбил такую-то армию при такой-то деревне, а потом другую армию — при другой. Все четко и очень профессионально. Достоинство, конечно, но скучновато, особенно на фоне Тайсона, чьи эскапады уже начались. Именно тогда к Эвандеру начали относиться как к зануде, скучному положительному герою, который по обаянию и рядом не стоял с героем отрицательным — все тем же Железным Майком. Кроме того, на дворе был лучший в карьере Тайсона 1988 год, и те, кто еще недавно уповали на победу Холифилда над ним в обозримом будущем, потихоньку стали вешать носы. Нет, побить это чудовище не сможет никто и никогда. И уж тем более этот «младший тяж». К тому времени все попытки выходцев из этой весовой категории добиться чего-нибудь серьезного среди «настоящих» тяжеловесов закончились плачевно. Однако сам Эвандер к тому времени физически сильно изменился. Он относится к типу долго матеряющих мужчин. В 1984 году он выглядел как полутяж, контрабандой пролезший в первый тяжелый вес, а через четыре года он уже с трудом «делал» этот вес. Ему еще не повезло: к тому времени лимит этой категории был окончательно утвержден как 190 фунтов (86,2 кг).

И все же он не был настоящим тяжеловесом и хорошо это понимал. Рост у него был для этой категории нормальным — 189 см (хотя один очень информированный американец, принимавший участие в организации, наверно, сотен матчей, при личном контакте говорил мне, что на самом деле рост Эвандера не превышает 185 см). Но у него были слишком тонкие кости и сухие, не склонные к раздуванию мышцы. Сейчас, когда Холифилд по праву считается одним из величайших бойцов в истории, об этом говорить как-то не принято, но в конце 80-х журналисты то и дело жаловались в своих статьях, что «этот зануда» все не расстается с какими-то бутылочками с питательными смесями и вообще в разговоре то и дело съезжает на такую интересную тему, как диета, пищевые добавки и все такое прочее. Очень увлекательно. Особенно после Тайсона.

Тем не менее Холифилд знал, что делает. Он собрал уникальную команду, в которую входили специалисты по бодибилдингу и диетологи. В ней были тренеры, занимающиеся общефизической подготовкой, и даже преподаватель балета Мэрайя Кеннетт, которой было уже за 60. Тогда над этим было принято смеяться. На самом деле Эвандер просто опередил свое время.

Все эти специалисты стали постепенно делать из Холифилда тяжеловеса. Однако времени на раскачку у Эвандера не хватило, и свой первый бой в новой категории он провел уже 16 июля 1988 года. Его противником был достаточно уважаемый тяжеловес Джеймс Тиллис. Холифилд без больших проблем разобрался с ним за пять раундов. Вес Эвандера в том бою составлял всего 91,6 кг. В принципе он еще не успел ничего с собой сделать и пока оставался все тем же «младшим тяжем», не согнавшим вес. Тем не менее дебют Холифилда в тяжелом весе надо признать удачным.

Еще более удачным оказалось продолжение. 9 декабря 1988 года он встретился с Пинклоном Томасом. После своего поражения Тайсону Томас не выходил на ринг полгода, и вот теперь Он решил выступить против этого выскочки. Семь раундов Холифилд избивал его, а на восьмой Томаса не выпустили его же секунданты. Победа эта произвела сильное впечатление на боксерскую общественность, которая, однако, решила, что всю работу за Холифилда в этом бою сделал Тайсон, расправившийся с Пинклоном. Говорить, даже гипотетически, что кто-то из современников может победить Тайсона, в конце 1988 года было очень большой смелостью. Любого высказавшего такое предположение клеймили как человека, который пытается быть оригинальным.

11 марта 1989 года Холифилд встретился с экс-чемпионом мира Майклом Доуксом, на которого как раз в тот день снизошло вдохновение. С ним произошло примерно то же самое, что с Бастером Дагласом в бою с Тайсоном, — он впервые в жизни выложился на 100 процентов. Правда, его 100 процентов сильно отличались от 100 процентов Бастера, и для победы над Холифилдом их не хватило. Мнения по поводу этого боя разделились. Одни сочли, что Эвандер подтвердил свою силу. Другие, те, кто исходил не из того, каким Доукс был в этот день, а из того, каким он был вообще, остались недовольны.

Кроме того, к тому времени сложилось мнение, что для тяжеловеса Холифилд бьет недостаточно сильно, что такого удара хватит для большинства ребят из этого дивизиона, но что этот недостаток может помешать ему победить не только Тайсона, но и кого-то еще из самых сильных тяжелей. Как бы в ответ на подобные речи 15 июля 1989 года Холифилд во втором раунде послал очень приличного тяжеловеса Эдилсона Родригеса в такой нокаут, что тот не мог прийти в себя несколько минут. Критики на время замолкли, но только затем, чтобы через несколько месяцев в унисон запеть Холифилду самый настоящий «отходняк».

4 ноября 1989 года Эвандер встретился с молодым и очень перспективным тяжеловесом Алексом Стюартом. После побед над Доуксом и Родригесом Холифилд котировался настолько высоко, что ставки перед боем заключались из расчета 10 к 1 в его пользу. Поначалу все складывалось именно так, как и ожидалось. За 12 секунд до конца второго раунда Эвандер провел сильный удар справа, а за ним еще серию. Ему не хватило двух-трех секунд, чтобы добить Стюарта. Но после этого Холифилд как-то увял, и его атаки в третьем и четвертом раундах были слегка невнятными. А в пятом едва не разразилась сенсация, и отнюдь не в пользу Эвандера. Стюарт провел правый кросс, который потряс Холифилда. За ним последовали еще четыре кросса. Непонятно, как Эвандер устоял, но он устоял.

Сейчас забавно читать репортажи с того боя. Ощущение, что читаешь старые газеты, в которых журналисты измываются над каким-то мелким, как они были уверены, политическим деятелем, каким-нибудь корсиканским выскочкой Буонапарте. Ты-то знаешь, — через несколько лет эти же самые люди будут писать о том же неудачнике

Обозреватели не разглядели в Холифилде будущего Наполеона ринга. Они всерьез полагали, что Стюарт мог свалить его в пятом раунде. В одном из отчетов так и написано: «Казалось, сенсация назревает. Но если даже в Холифилде нет ничего особенного, то хотя бы в упорстве ему не откажешь». Конечно, не откажешь. Но что взять с репортеров, если Холифилд напугал своих секундантов и тренеров. Они тоже тогда еще не знали, с кем имеют дело. «Ты упускаешь бой с Тайсоном! Помни о Тай-соне», — сказал в перерыве между пятым и шестым раундами Лу Дува, тренер Эвандера. Договоренность о бое с Тайсоном 18 июня 1990 года тогда уже существовала. Холифилду нужно было только до тех пор не проиграть. Того, что за это время может проиграть не Холифилд, а Тайсон, не мог себе представить никто.

В шестом раунде Эвандер провел несколько правых апперкотов, которые охладили пыл Стюарта, а в седьмом у Стюарта ручейком потекла кровь из рассечения на веке, которое он заработал еще во втором раунде. В восьмом раунде Холифилд бил уже на выбор, но Стюарт не сдавался. Однако за девять секунд до конца этого раунда рефери по настоянию врача остановил встречу — рассечение стало уже опасным.

В прессе последовала на редкость жесткая и единодушная реакция на это выступление Холифилда. Известный обозреватель «Лос-Анджелес тайме» Уоллес Мэтьюз писал тогда: «Иногда победа не лучше поражения. Именно так получилось с Эван-дером Холифилдом, который оказался на волоске от позорного поражения Алексу Стюарту нокаутом». Не отставал от коллеги и Джон Сарасено из «USA Today»: «Может быть, Real Deal — это и не совсем то, что надо. По крайней мере, если мы говорим о потенциальном сопернике для Тайсона». Чак Бент-сон из «Атлантик-Сити пресс» писал: «У Эвандера Холифилда скульптурное тело, которое можно использовать для рекламы оздоровительных курортов. У него также на счету 23 победы и нет поражений благодаря тому, что он все-таки победил смелого Алекса Стюарта техническим нокаутом в восьмом раунде в зале Конвеншн-центр в Атлантик-Сити. Однако чего у него нет, так это большего, чем у других, шанса победить Майка Тайсона». И это еще далеко не самые жесткие высказывания отнюдь не из бульварных изданий.

На таком фоне необъяснимо пророческим кажется письмо простого поклонника бокса Брюса Эдельстайна, которое он прислал в редакцию журнала «World Boxing». «Не вызывает сомнения, что большинство экспертов будут критиковать выступление Эвандера Холифилда в его увлекательном бою с Алексом Стюартом. Хотя у него был и неудачный день, Холифилд продемонстрировал смелость и мастерство, достойные чемпиона», — писал Эдельстайн. Далее он подробно разобрал подоплеку боя и пришел к совершенно правильному выводу, что публика осталась бы недовольна, что бы Эвандер ни показал в этом бою, а закончил свое письмо так: «Я считаю, что Холифилд уже имеет в своем активе победу над бойцом, который в день боя был лучше любого из соперников Тайсона. Это Майкл Доукс. Я искренне верю в то, что Холифилд — тот человек, который в конце концов побьет Майка Тайсона».

Кажется, обозревателями по боксу становятся не те люди.

Холифилд отреагировал на критику сдержанно и признал, что это был не лучший день в его карьере. Как мы уже знаем, через два месяца, в ноябре 1990 года, он отправился в Токио, чтобы в последний раз перед встречей с Железным Майком посмотреть, как он боксирует, но увидел только, как его, казалось бы, верный шанс встретиться с Тайсоном уплыл в неопределенное будущее. Однако никто тогда не мог предположить, как не скоро это будет и сколько самых разных событий произойдет в судьбах их обоих, прежде чем они все-таки сойдутся на ринге.

Трудно однозначно сказать, почему матч-реванш Тайсон — Даглас не состоялся. Возможно, главную роль в этом сыграло желание WBC, WBA и IBF несколько урезонить всевластного Дона Кинга, который сам дал для этого лишний повод, развязав кампанию за пересмотр результата матча. Вообще это выступление было серьезной ошибкой Дона, причем не тактической, а стратегической. Пожалуй, с этого момента влияние Кинга и пошло на убыль, хотя в значительной степени он сохранил свои позиции до сих пор.

Тайсона пустили «по большому кругу». От него потребовали провести бой с кем-нибудь из боксеров первой десятки и только после этого ему быши готовы предоставить право на матч-реванш с Дагласом или, если Бастер тем временем проиграет, с его преемником. Выбора у Железного Майка не было, и он согласился. Бастеру тем временем предписали выполнить оставшееся ему в наследство от Тайсона обязательство встретиться с Эвандером Холифилдом. После всех проволочек бой состоялся 25 октября 1990 года в Лас-Вегасе.

За несколько месяцев до этого пресса и публика стали обращать внимание на то, что Даглас, сделавшийся очень популярным и появлявшийся на разных публичных мероприятиях, начал набирать вес. Перед боем с Тайсоном в начале февраля он весил около 105 кг, а клету, по слухам, 131,5 кг! В начале июня один из его тренеров, Джон Рассел, забил тревогу и заставил Дагласа заняться сгонкой веса. Но то, что он сбрасывал в зале, Даглас тут же почти в полном объеме восполнял в ресторане или на каком-нибудь фуршете либо банкете в свою честь. Кроме того, друзья говорили, что любой желающий мог поплакаться ему в жилетку, а желающих было много. Широкой души Дагласа хватало на всех, но времени на поддержку себя в форме не оставалось.

В тренировочный лагерь он уехал только в начале сентября, всего за полтора месяца до боя — срок почти минимальный, но и там приходилось много времени уделять не столько боевой, сколько общефизической подготовке, и времени не хватило. На предматчевом взвешивании оплывший Даглас потянул аж 111,5 кг, на 6,5 кг больше, чем перед боем с Тайсоном. Но это было еще полбеды. Он выглядел просто неготовым.

Холифилд, напротив, выглядел превосходно. Он по-прежнему был легковат, всего 93,4 кг, но очень атлетичен, пожалуй, даже слишком атлетичен — так обычно выглядят так называемые «надутые» тяжеловесы, которые специально накачивали мышцы, чтобы набрать необходимый вес. Впрочем, на это обращали внимание с тех

Разница в подготовке двух бойцов стала особенно очевидной, когда они вышли на ринг. В первом раунде они, как обычно, пристреливались друг по другу с помощью джебов, и эту дуэль выиграл Холифилд, а Бастер запыхался к концу первой трехминутки. Во втором раунде Эвандер уже бил на выбор. Кроме того, он и его тренеры перед боем очень внимательно изучили все видеозаписи боев Дагласа и специально готовились к его «коронкам». В результате правый кросс Бастера все время летел чуть-чуть мимо цели, а его правый апперкот, с которого началась последняя серия в бою с Тайсоном, Эвандер вообще то и дело использовал себе во благо. На этот удар Дагласа у него была своя домашняя заготовка. Он чуть отгибался, делая полшага назад, и тут же контратаковал правым прямым. В третьем раунде именно таким образом Холифилд отправил Бастера в нокаут. Одним ударом. Ферди Пачеко, врач и друг Мохаммеда Али, а ныне телекомментатор и замечательный психолог ринга, сказал после боя о Дагласе: «В нем нет огня, который горит в великих чемпионах. Подсознательно он хотел проиграть».

Эвандер Холифилд хотел выиграть, и сознательно и подсознательно, и он выиграл, произведя при этом хорошее впечатление, которое, однако, скоро испортилось. От него ждали боя с Тайсоном — и ничего другого, а он выбрал соперником другого экс-чемпиона мира — сорокадвухлетнего Джорджа Формена, который за четыре года до того вернулся на ринг с единственной целью — заработать денег. Тайсон же был пока недоступен, так как еще не провел предписанный ему бой с боксером из первой десятки, но по каким-то иррациональным законам общественного сознания винили в этом почему-то Холифилда.

То, что Эвандер решил сразиться с человеком, ставшим чемпионом мира, когда ему самому было 11 лет, вызывало удивление и интерес — не к нему самому, а к Формену. Бой получился очень выгодным с финансовой точки зрения, но абсолютно невыгодным для популяризации нового чемпиона. В то время американская пресса кишела совершенно верными доводами на эту тему. Из них в память врезались два, уже не помню, кому принадлежавших: «Вступая в бой с обаятельным, добродушным Форменом, такой образец для подражания, как Эвандер Холифилд, впервые в жизни оказался в несвойственной для него роли «плохого парня». «Нельзя стать популярным, избивая пожилых граждан». Кроме того, от Холифилда ожидали только одного — быстрой победы нокаутом — что-то вроде того, что он показал во встрече с Дагласом. Никакой другой вариант даже не рассматривался.

Бой состоялся 19 апреля 1991 года в Атлантик-Сити. Перед началом к Формену подошел Мохаммед Али, обнял его и пожелал ему удачи. Первый раунд прошел с большим преимуществом Холифилда, но во втором Формен сумел несколько раз слегка потрясти Эвандера, сначала парой левых хуков, а потом серией ударов справа. В третьем раунде Холифилда снова болтануло от левого хука Формена, но чуть позже, уйдя от левого апперкота Большого Джорджа, Эвандер сам нанес отличный левый боковой. У Формена чуть не разъехались ноги, но он устоял.

В том же упорном ключе бой продолжался до конца последнего раунда. Холифилд выиграл четвертый, но в пятом и шестом Формен снова много атаковал, хотя нельзя сказать, чтобы особенно точно. В седьмом инициатива переходила из рук в руки несколько раз. Буквально на первых секундах Джордж провел удар справа, а потом еще серию. Эвандер крепко стоял на ногах, хотя, судя по его выражению лица, ему приходилось туго, но неожиданно контратаковал, после чего то же отсутствующее выражение появилось уже на лице у Формена. Холифилд бил и бил его, пока не наварлся на правый апперкот, после которого слегка заскучал. На том раунд и закончился.

В восьмом Холифилд выглядел значительно лучше Формена, а в самом конце девятого чуть не опрокинул его, нанеся подряд несколько правых кроссов. Возможно, что только гонг спас Большого Джорджа от больших неприятностей. Но в десятом Формен опять достал Холифилда, на этот раз классической двойкой. Впрочем, Джорджу в этом раунде тоже крепко досталось. Вообще бой было очень трудно воспринимать объективно. Даже если ты болел за Холифилда, ты не мог не сочувствовать Формену, и его атаки обращали на себя больше внимания и лучше запоминались. Если ему в каком-то раунде удавалась хотя бы одна атака, так и тянуло отдать этот раунд ему.

Однако и объективная картина была не совсем в пользу Холифилда. Последние два раунда он явно тянул время, не форсируя события и рассчитывая, что судьи не будут слишком предвзяты. Они его не разочаровали. Все трое отдали победу Эван-деру со счетом: 117:110, 116:111 и 115:112. Большинство экспертов сочло последнюю судейскую карту самой близкой к действительности, хотя, возможно, здесь сказалась и их вполне объяснимая симпатия к Большому Джорджу. Разница в очках действительно не особенно внушительна, особенно если учесть, что в одиннадцатом раунде с Формена сняли очко за удары ниже пояса.

Первая реакция на выступление Холифилда была сдержанно положительной, может быть потому, что говорили больше о Формене, вызвавшем всеобщее восхищение. Джордж показал фантастическую стойкость и выносливость. Он даже не садился на стул между раундами. Но, если отношение к Формену по прошествии нескольких месяцев после боя стало только лучше, то этого никак нельзя сказать о Холифилде. Подробности того боя скоро забылись, а в сухом остатке было, что Эвандер с огромным трудом и небольшим перевесом по очкам победил соперника, годившегося ему в несовершеннолетние отцы. Сейчас, зная все последующие события, легко быть умным, а тогда все выглядело именно так. Люди ведь не знали в то время, что Формен через три с половиной года станет чемпионом мира, что он будет выступать до 1997 года и что никто так и не сможет послать его даже в нокдаун. Не знали они и будущей биографии Холифилда, а потому так мало внимания обратили на слова Формена, сказанные после матча: «Ты бьешь его, и, когда тебе начинает казаться, что ты вот-вот с ним покончишь, он чуть не кончает с тобой».

Вообще Большой Джордж прямо сыпал комплиментами в адрес Холифилда, восторгаясь и его техникой, и умением держать удар, и характером. «Если уж проигрывать, — сказал Формен в заключение, — то только такому приятному джентльмену, как Эвандер Холифилд. Тем не менее большинство экспертов окончательно пришло к

Раддоком, о чем речь пойдет позже, то он уже был бы готов к бою с Холифилдом, а так от него потребовали провести матч-реванш, который состоялся 28 июня 1991 года и который Тайсон выиграл, устранив тем самым последние препятствия на пути к бою с чемпионом мира. Осталось устранить только самого чемпиона мира.

Их бой был назначен на 8 ноября. Все вроде бы шло к тому, что казалось неизбежным, но Эвандер Холифилд почему-то испытывал сомнения, что этот бой произойдет, хотя явно его хотел. Он несколько раз на людях повторил фразу, оказавшуюся пророческой: «Там, где Тайсон, всегда что-то происходит».

И произошло.

ТАЙСОН МЕЖДУ ПОРАЖЕНИЕМ И ТЮРЬМОЙ

Если бы я писал эту книгу через 100 лет, то обязательно навел бы тень на плетень, чтобы создать эффект неожиданности, но сейчас это не имеет смысла. Все знают, куда попал Тайсон в начале 90-х. В тюрьму. И все знают за что. За изнасилование.

Где-то в начале 1 ноября 1991 года я пришел в только что появившуюся газету «Спорт-экспресс» и принес свою первую статью, в которой пытался доказать, что Эвандер Холифилд имеет совсем непризрачные шансы победить через неделю Тай-сона. Мне казалось, что если Холифилд выдержит первый натиск Железного Майка и сможет перевести бой в затяжное русло, то вполне может победить его по очкам или нокаутом ближе к концу.

Статью мою приняли, но сказали, что начало, где говорилось о предстоящем матче, придется изменить. Дело в том, что его отложили на пару месяцев, так как Тайсон на тренировке получил серьезную травму ребра. Я помню, что с тоской вспомнил пророчество Холифилда. Но, как мы сейчас все знаем, это была лишь присказка, а сказка оказалась впереди. И какая сказка! Однако, прежде чем перейти к ней, вспомним, чем занимался Железный Майк после своего поражения Дагласу 11 февраля 1990 года и вплоть до конца следующего 1991 года.

Его жизнь за пределами ринга до поры до времени проходила спокойно, если не считать двух инцидентов. В декабре 1990 года он по решению суда выплатил штраф в размере 100 долларов за то, что два года назад схватил за задницу девушку по имени Сандра Миллер, а в конце марта 1991 года признал, что является отцом восьмимесячного ребенка, родившегося у некой Кимберли Скарборо. Негусто, конечно, но публика была благодарна ему и за это: все же интереснее, чем бутылочки Холифилда с питательными смесями.

На ринге все тоже шло совсем неплохо. 16 июня 1990 года Тайсон дрался с Генри Тиллманом, который когда-то преградил ему дорогу в олимпийскую команду, а 8 декабря того же года с Алексом Стюартом. Первый был запуган до полусмерти, а второй до смерти, в результате чего оба проиграли нокаутом в первом же раунде. Публика на эти победы особого внимания не обратила. 30-летний низкорослый Тиллман пережил свои лучшие дни любителем в начале 80-х, на тот момент котиrowался на боксерской бирже очень невысоко, а Стюарт, неплохо зарекомендовавший себя во встрече с Холифилдом, на этот раз явно проиграл еще до боя.

18 марта 1991 года Тайсон встретился с канадцем Донова-ном Раддоком. Этот бой показывали по нашему телевидению в «полупрямом» эфире, то есть на следующий день. Многие в России тогда впервые увидели Тайсона живьем. Одни были ошеломлены, другие — разочарованы.

На самом деле это был очень интересный и показательный бой. Здоровенный канадец (рост — 191 см, вес — 103,5 кг), конечно, боялся Тайсона, но не до такой степени, чтобы сразу падать, как Тиллман или Стюарт. Скорее всего, Раддок был скрытым левшой, то есть левшой, стоящим в обычной левосторонней стойке. В целом неплохой, но очень ограниченный боксер. Вся его техника сводилась к тому, чтобы выйти на свой коронный удар левой, что-то среднее между хуком и апперкотом. Но удар у него, вне всяких сомнений, был. Тайсон узнал об этом в первом же раунде. Как и ожидалось, он попытался взять Раддока с наскока, но Донован сначала поуходил и повязал ему руки, а потом неожиданно ударил свой левый снизу-сбоку. Тайсон был слегка потрясен. Вполне возможно, что Раддок этого не понял, так как Тайсон постарался не подать виду, а может быть, не решился перейти в атаку. Майк сбросил обороты и стал атаковать более осмотрительно, и раунд в целом прошел под его диктовку.

Во втором раунде, проходившем в том же ключе, рефери встречи Ричард Стил допустил очевидную ошибку. Тайсон провел левый хук, на который Раддок ответил своим левым снизу-сбоку, который точно пришелся в цель. Не желая давать Доновану пространства для удара, Майк рванул вперёд, и, когда они сошлись совсем близко, не то преднамеренно, не то не очень, выполнил что-то вроде подсечки в сочетании с броском через бедро. Нокдауна не было, но рефери открыл счет. Ошибка была не катастрофической, но она потом сыграла свою роль в подведении итогов матча.

В третьем раунде Раддок немного зазевался, после того как провел свой удар слева и пропустил левый хук Тайсона. На этот раз нокдаун был настоящий. Четвертый, пятый и две с половиной минуты шестого раунда прошли с большим, но не ошеломляющим преимуществом Тайсона, а затем Тайсон чуть не оказался на полу. В одном боевом эпизоде Раддок чуть отклонился назад, отвел левую руку в сторону и, вложив весь вес своего тела, нанес хук в челюсть Тайсону. Майк оказался совершенно не готов к нему, именно потому, что канадец изменил угол атаки: удар был не снизу-сбоку, а чистый боковой. Тайсона сильно качнуло. Раддок пошел на добивание, но Майк сумел его связать, а потом и сам контратаковал. Тем не менее он «плыл», и Раддок, видя это, продолжил атаку и сумел еще несколько раз ударить, и слева, и справа. Разъяренный Тайсон слегка стукнул сам себя перчаткой по лицу, как бы показывая Раддоку цель, куда он никак не может попасть, и Донован тут же ударил справа — и попал. Потом была короткая возня, и наконец прозвучал гонг. Это был единственный раунд, который Раддок выиграл.

В седьмом раунде Тайсон восстановил свое преимущество, а ближе к концу, опять воспользовавшись тем, что

очередь переводить бой в возню, что он и сделал, но не очень удачно. Вскоре Тайсон провел отличную комбинацию, правый снизу по корпусу и акцентированный левый хук. Раддок от удара потерял равновесие и стал ловить его, перебирая ногами назад. Тайсон бросился за ним вдогонку, нанося удары с обеих рук, два-три из которых пришлось в цель, но канадец все не падал, он облокотился на канаты и, перекинув одну руку через них, удержался, чтобы не упасть, и в этот момент Ричард Стал остановил бой. «Что?!» — спросил Раддок, больше ошеломленный решением рефери, чем ударами Тайсона.

В принципе рефери имел полное право сделать то, что сделал: если бы Тайсон нагнал Раддока, с одной рукой, перекинутой через канаты, а он бы это обязательно сделал, не вмешайся рефери, Донован оказался бы совершенно беззащитен перед его ударами, а канаты бы еще искусственно удерживали его на весу, не давая упасть и делая из него просто мишень. Дело наверняка кончилось бы тяжелейшим нокаутом.

Однако рефери мог и просто открыть счет Раддоку. По правилам боксера, висящего на канатах, можно считать находящимся в нокдауне. В общем, ситуация была очень спорной, но два обстоятельства сыграли здесь против Ричарда Стала: во-первых, очевидная ошибка во втором раунде, а во-вторых, один эпизод из его биографии.

17 марта 1990 года Стал судил бой между мексиканцем Хулио Сесаром Чавесом и американцем Меддриком Тейлором, чемпионами в первом полусреднем весе по версиям WBC и IBF соответственно. По очкам вел Тейлор, который наносил больше ударов, но Чавес бил сильнее и точнее, в результате чего лицо Меддрика представляло собой настоящее поле битвы. К концу двенадцатого раунда стала вырисовываться довольно неприятная ситуация, когда победу придется давать бойцу, которому явно досталось больше, то есть Тейлору. Однако за несколько секунд до финального гонга Чавес послал его в нокдаун. Тейлор успел встать до того, как Стал закончил счет, но он не ответил на вопрос рефери, после чего тот остановил бой за две секунды до конца встречи, в результате чего победителем стал мексиканец Чавес.

Американская боксерская общественность приняла это решение очень тяжело и не простила Стала до сих пор, а в 1991 году она просто рвала и метала при одном упоминании его имени. Чавес был боксером Дона Кинга, и Стала обвиняли в том, что он работал на всемогущего промоутера. Тайсон тоже сражался под знаменами Кинга, и снова Стал принял решение в его интересах. Долгое время тема отношений между Кингом и Силом муссировалась чуть ли не во всех телепередачах и печатных изданиях, после чего было принято решение о проведении повторного матча Тайсон — Раддок.

Однако, как мне кажется, дело было не в Силе, а в Доне Кинге, который к 1991 году изрядно всем надоел. Этим же объяснялось и то, что он не смог добиться матча-реванша после поражения Тайсона от Дагласа. А пострадавшей стороной опять стал Железный Майк: ему пришлось проводить совершенно не нужный ему бой, вместо того чтобы драться за чемпионский титул.

Матч-реванш был назначен на 28 июня 1991 года. Между двумя боями с Раддоком в поведении Тайсона произошли разительные перемены. Собственно, ничего особенного именно в это время Майк не совершил. Просто наступил момент перехода количества в качество. В мае на пресс-конференции, посвященной матчу-реваншу, Тайсон впервые принялся оскорблять будущего соперника. Ни с того ни с сего он назвал Раддо-ка трансвеститом, пообещал сделать его своей подружкой и сказал: «Не могу дождаться, когда же ты поцелуешь меня своими толстыми губками».

Хосе Торрес, другой чемпион мира, выращенный Касом Д'Амато, по этому поводу сказал: «Обычная тюремная манера вести разговор. Сильный оскорбляет слабого. На этом примере можно увидеть, как Дон Кинг обработал его, как он им управляет. Он отправляет Майка в его собственное детство, хочет, чтобы он снова стал той агрессивной шпаной, которой тот был». Ему вторил Билл Кейтон: «Дон Кинг испортил и уничтожил того, кто мог бы стать самым великим боксером в истории».

«Кинг понимает его психологию, именно поэтому он и держит Тайсона в своей портативной тюрьме», — сказал Хосе Торрес, который никак не мог остановиться, когда речь заходила об отношениях Тайсона и Кинга. Торрес утверждал, что Тайсона больше волнуют 100 тысяч долларов наличными, которые выдает ему Кинг и которые он немедленно тратит, чем лишние три-четыре миллиона, которые мог бы получить по контракту за бой.

Наверно, все дело в том, что где-то в глубине души нищий навсегда останется нищим и ему будут сниться сны, в которых он голодает. А тут — чемодан денег, как в фильмах о мафии. Есть от чего сойти с ума. Сухарь Кейтон, выходец из обеспеченных слоев, обещавший Тайсону лишние 50 миллионов по контрактам на бои, этого не понимал. Для Майка миллионы на счету были все еще чем-то виртуально-нереальным, а вот чемодан с хрустящими купюрами — это совсем другое дело. Дон Кинг, сам поднявшийся из низов, понимал это прекрасно. Понимал это и Торрес.

Кстати, выходцы из одного и того же гнезда Д'Амато Тайсон и Торрес давно поссорились. Хосе написал книгу о Тайсо-не под названием, которое говорит само за себя, — «Огонь и страх». В ней он, в частности, пишет, что Железный Майк периодически испытывает приступы сильнейшего страха. Торрес, верный ученик Д'Амато, развивал главную тему работы своего учителя — тему страха и его преодоления на материале Железного Майка, и делал это достаточно ядовито. Тайсон, как и следовало ожидать, страшно оскорбился и выступил с опровержением откровений Торреса. Тогда Хосе устроил публичное прослушивание аудиокассет, и все услышали, как Тайсон своим характерным глуховатым голосом, слегка шепелявя, сам рассказывает все, о чем писал Хосе Торрес. Возможно, что когда Торрес издавал свою книгу, он руководствовался не самыми высокими мотивами, но не исключено, что таким образом Хосе просто отомстил Майку. Тайсон сам предал всех тех, с кем он начинал, всех друзей Каса Д'Амато. Преданные не прощают, а если они о тебе еще много знают, то тем более не жди от них пощады.

говорит: «Я был однажды беден, я смогу снова стать бедным». Он не говорит: я никогда не потеряю то, что у меня есть. Он говорит прямо противоположное — я могу потерять все, и я это переживу. Как будто он знает, что он уязвим, и сам готовит себя к тяжелым дням».

Вместо непобедимого Тайсона у публики начал вырабатываться образ тревожного психопата, агрессивность которого является не столько продолжением его силы, сколько его слабости. Человека, который позволяет, чтобы им манипулировали.

Однако теперь под сомнение ставилась не только психика Железного Майка, но и его боксерское мастерство. Бой с Раддоком убедил боксерскую общественность только в том, что Тайсон уже не тот, что был, и, скорее всего, никогда уже не станет прежним. «Защита ку-ку» осталась лишь в эпизодах, а из-за статичности да еще при своем небольшом росте он стал много пропускать. У Раддока просто не хватило таланта этим воспользоваться, а у Дагласа хватило. Железный Майк почти отказался от серий, делая ставку на разовый удар. Кстати, и ударный арсенал стал куда более ограниченным, например начисто исчезли короткие, незаметные «шестидюймовые» удары, которые раньше отличали его ото всех. Он стал значительно меньше работать по корпусу, что раньше было одним из его коньков. Зато он много клинчевал и практически перестал работать в ближнем бою. Наконец, Тайсон начал терять скорость, а это было жизненно важно для него.

«Я никогда не думал, что он будет добиваться успеха, когда ему перевалит за 26, — сказал Эммануэль Стюард, один из самых выдающихся тренеров современности. — Его стиль основывался на молодости и на инстинкте, благодаря которым он проходил сквозь противников как нож сквозь масло. Такой стиль не может стать залогом долгой карьеры. Вся эта молодость, агрессия, атака с открытой для ответного удара головой — в ту секунду, когда ты замедлишься, по какой бы то ни было причине, ты проиграл, потому что ты не успеваешь увести голову, находящуюся на 10 дюймов ближе к противнику, чем надо, как ты это делал, когда был быстрее и моложе. Тебе это теперь просто больше не сходит с рук». Еще Стюард добавил: «Посмотрите, как он выходит из клинча. Ему требуется несколько секунд на то, чтобы сгруппироваться снова, а после этого он наносит только один удар. Он никогда уже не станет прежним».

Другой выдающийся тренер, Эдди Фатч, отметил, что стиль Тайсона стал очень прямолинейным, а удары слишком размашистыми и неточными. «Раньше ценность ударов Тайсона повышалась, когда он наносил их сериями. Он добивал противника после того, как потрясал его. Теперь он пытается добиться того же одним ударом», — подвел итог своим размышлениям Фатч.

Пожалуй, красочнее всех высказался Бутч Льюис, весьма колоритный персонаж, одевавшийся в нормальной жизни как танцор варьете, бывший менеджером Майкла Спинкса, когда тот проиграл Тайсону в первом же раунде: «Он был в постоянном движении. Он никогда не стоял прямо перед тобой. Всегда его голова ходила из стороны в сторону, твои удары приходились ему в плечи, которые он все время подставлял. И еще этот маленький сукин сын все время тебя бил, и ты сам не знал, чем он тебя ударил. Теперь он просто стоит перед тобой. Даглас это наглядно продемонстрировал».

Многие тогда обратили внимание, что в бою с Донованом Раддоком Железный Майк стал все время «фолить». Никогда раньше в его действиях не было столько грязи. Он постоянно бил ниже пояса, совершенно сознательно бил после гонга, игнорировал команду «брейк», после которой, тоже совершенно осознанно, старался нанести удар, особенно если противник успевал расслабиться. И рефери Ричард Стал всему этому не то чтобы потворствовал, но недостаточно мешал, что действительно наводит на некоторые размышления на его счет. Даже в неудачном для себя бою с Дагласом Тайсон ничего подобного себе не позволял. Там, возможно, Бастер даже опережал его по грязи. Чего стоит хотя бы то, что он постоянно отпихивал Тайсона локтем в лицо. Правда, и Тайсон особо в долгу не оставался, но все-таки тогда грязь с обеих сторон носила неосознанный характер и вытекала из каждого конкретного боевого эпизода. Теперь же Тайсон совершенно точно знал, что делал: нарушал правила, видя в этом лишний залог победы, и был совершенно уверен, что это сойдет ему с рук.

Второй бой Тайсон — Раддок состоялся 28 июня 1991 года. Никто тогда и подумать не мог, что в следующий раз увидит Тайсона на ринге только через четыре года. Впрочем, интерес к этому бою и так был очень велик, хотя все видели в нем лишь прелюдию к бою Железного Майка с Эвандером Холифилдом, отношение к которому тем временем несколько стабилизировалось. Если непосредственно после боя Эвандера с Форменом его больше хвалили, чем ругали, потом — больше ругали, чем хвалили, то теперь достаточно трезво говорили, что он соперник, конечно, куда сильнее Раддока и какие-то шансы на победу у него есть.

Второй бой прошел в целом в том же ключе, что и первый, но с некоторыми вариациями. На этот раз Раддок попал в нокдаун уже во втором раунде после классического правого кросса Тайсона. В четвертом раунде он нарвался на встречный правый кросс и снова упал, но в обоих случаях он быстро вставал на ноги и без особых проблем выдерживал наскоки Тайсона, пытавшегося его добить.

Железный Майк работал в том же ключе, что и в первый раз, и снова критики совершенно справедливо говорили, что он почти перестал пользоваться «защитой ку-ку», что пропускает много ударов из-за дыр в обороне, делает ставку на один удар и почти не пользуется комбинациями. Правда, в этом бою он больше работал по корпусу. Однако на этот раз Раддок услышал финальный гонг стоя. Более того, во второй половине боя он выглядел намного лучше, чем в первой. После боя стало известно, что большую часть времени Донован дрался со сломанной челюстью. Чтобы кто-то мог со сломанной челюстью драться с Тайсоном? Такое раньше даже представить себе было невозможно.

репутацию «лучшего по профессии». В данном бою это вылилось в то, что он снял три очка с Тайсона, два за удары ниже пояса, еще одно за удар после гонга и еще одно с Раддока — тоже за удар после гонга.

Все трое судей отдали победу Тайсону с хорошим, но несокрушительным преимуществом в очках: 114:108 (двое) и 113:109, то есть Раддок выиграл максимум два-три раунда, однако на следующий день на пресс-конференции Тайсон сказал: «Я чувствую себя так, как будто меня избили 20 парней».

В середине июля 1991 года, через две с половиной недели после боя с Раддоком, нелегкая занесла Тайсона в Индианаполис на выставку «Black Expo» — что-то вроде Выставки достижений черных американцев. В ходе этого мероприятия проводилось и другое — конкурс красоты Мисс Черная Америка. Тайсон был приглашен в Индианаполис, где среди всех достижений черных американцев его больше всего интересовали именно участницы конкурса красоты, среди которых он по большей части и ошивался. В общем, оказался среди роз один Барбос. Находясь вблизи красоток, Тайсон постоянно млеял, то тихо, с какой-то детской улыбкой, то агрессивно, и тогда он начинал приставать ко всем красавицам, без спросу хватая их за все выпуклости и впадины. Сексуальная жизнь Майка в этих благодатных местах отличалась разнообразием и напряженностью. Так, он потом никак не мог вспомнить, как переспал с некоей певичкой, которая зато замечательно запомнила его, без особой благодарности, но и без всякой неприязни.

В ночь с 18 на 19 июля Майк позвонил одной из участниц конкурса, восемнадцатилетней Дезирэ Вашингтон, и пригласил, по ее словам, покататься на машине по городу, по его — заняться куда более увлекательным делом. На машине они, правда, покатались. Оба не отрицают, что там Железный Майк стал ее лапать. По ее словам, она возражала, по его — нет, и, кроме того, именно в машине он сделал ей совершенно недвусмысленное предложение, на которое она согласилась. По ее словам, ничего подобного он ей не предлагал, а ей самой и в голову не пришло, чего от нее хочет этот страшный человек.

В два часа ночи они приехали к нему в отель «Кентербери», и прекрасная Дезирэ добровольно поднялась к нему в номер. Сказать, что она это сделала из-под палки, она не могла, так как здесь были свидетели. Однако цель визита Вашингтон к Тайсону он и она опять трактуют совершенно по-разному. Майк настаивает, что он собирался заняться с ней сексом, о чем ей было прекрасно известно. Дезирэ утверждает, что поднялась к нему в номер с единственной целью — «посмотреть телевизор».

В гостиной номера люкс стоял огромный телевизор, но Дезирэ, как девушка невинная, предпочла посмотреть маленький телевизор в спальне. Перед этим она зашла в ванную, где кое-что сняла с себя, в том числе и трусики, что было доказано потом на суде и от чего она, по здравом размышлении, отпираться не стала. Ну и что особенного? Говорят, что именно в таком виде самые невинные девушки смотрят телевизор в спальне у малознакомых мужчин.

На этом смотр невинности и закончился. Тайсон, грязное животное, не постигший, зачем эта чистая душа поднялась к нему в номер в столь поздний час, не дал ей посмотреть телевизор. В последний момент Дезирэ стала говорить «нет», чего Железный Майк не отрицал, но принял это за «предсмертное кокетство». Сделав свое черное дело, Тайсон предложил ей остаться, но, узнав, что она хочет уйти, почти выставил ее и отказался проводить вниз до дверей. Не откажись он это сделать, возможно, вся его жизнь пошла бы иначе.

Невинная девушка подумала сутки и решила, что Майк ее изнасиловал, после чего подала иск в суд. Началось разбирательство, которое обещало быть долгим. Тайсон поначалу не очень серьезно ко всему этому отнесся и продолжал готовиться к бою с Холифилдом, который должен был состояться 8 ноября, но получил довольно серьезную и болезненную травму ребра, и бой был перенесен ориентировочно на январь.

Бой действительно состоялся, но не с Холифилдом, а в суде. Майку было не до чемпионских титулов. Дело запахло жареным, когда была определена кандидатура судьи. Патриция Ги-форд, убежденная феминистка и мужененавистница, всю свою долгую юридическую жизнь проработала обвинителем по делам об изнасилованиях и проиграла только одно дело. Кто знает специфику подобных дел, где ничего невозможно доказать, так как свидетели, как правило, отсутствуют, согласится, что это серьезное и несколько пугающее достижение, особенно для страны, где, по крайней мере формально, презумпция невиновности все еще существует не только для женщин, но и для мужчин. Разумеется, эта милая дама провела суд сообразно своим убеждениям, то есть на протяжении всего процесса выполняла роль второго, более строгого, обвинителя. Присяжные тоже были подобраны ей под стать.

Винсент Фуллер, адвокат Тайсона, получавший от него 5000 долларов в день, в качестве защиты своего клиента выбрал довольно простую и не лишенную логики линию. Он вытащил наружу все грязное белье Тайсона, все скандальные истории, которые были на слуху, так как последние несколько лет репортеры ходили за Тайсоном по пятам и знакомили всю страну с его похождениями. Фуллер собрал их всех воедино и вывалил этот мусорный бак на головы присяжным. Он пытался доказать таким образом, что в Америке просто не могло быть девушки, которая бы не знала, кто такой Тайсон и на каком расстоянии от него надо держаться, если хочешь остаться целой и невредимой. В ответ ему сказали, что такая девушка есть, и вот она сидит и плачет. Тогда адвокат привел свидетельства других участниц конкурса красоты, которые не отличались единством: некоторые явно занимали сторону Дезирэ, но никто из них не стал отрицать главного — Тайсон часто вел себя грубо и никаких сомнений в его намерениях ни у кого не могло возникнуть. Тем не менее невинность Дезирэ не вызвала у присяжных никаких сомнений, чего никак не скажешь о Тайсоне.

Сам Майк на суде по-прежнему утверждал, что «это» произошло по обоюдному согласию, хотя и признал, что обошелся с девушкой, по его собственным словам, «по-хамски», не особенно уточняя, что он имел в виду. Очень может быть, что хамство в исполнении Железного Майка и можно приравнять к изнасилованию, причём групповому.

что знала вся Америка: Тайсон — агрессивный и сексуально озабоченный психопат, и ни одна нормальная женщина не могла не понимать, что ее ждет, когда в два часа ночи поднималась к нему в номер. Но Фуллер никого не убедил. Судья была суха и тверда, а присяжные оказались сентиментальны, как кисейные барышни. Будучи вынуждены выбирать между страшным мужчиной и красивой женщиной, они выбрали последнюю. В результате Тайсон получил шесть лет тюрьмы с возможностью выхода через три с половиной года в случае примерного поведения.

Уже после суда стало известно, что без меры невинная Дезирэ еще в школе пыталась засадить аналогичным образом одного своего преподавателя, и тогда ее уличили во лжи. Кто-то из присяжных вслух посожалел, что поверил в свое время доводам обвинения, и сказал, что сейчас бы он не принял такого решения. Было предпринято несколько попыток пересмотреть приговор, но все они были отклонены. Фемида никогда и нигде старается не признавать свои ошибки.

Во время процесса Вашингтон явно переигрывала, сладким голосом рассказывая репортерам, что ее главная задача — «помочь Майку». Я смотрел одну из этих программ. Честно говоря, более лицемерной и лживой, хотя и очень красивой, физиономии я никогда не видел.

Скандал ненадолго привлек к Дезирэ Вашингтон очень большое внимание. Она появилась в очень популярной телепередаче «20/20», и ее портрет был помещен на обложке одного из самых читаемых журналов — «People», но заработать на своем изнасиловании ей не удалось. После удачного для себя завершения судебного разбирательства Дезирэ сделала несколько осторожных попыток продать свою историю беллетристам и сценаристам, но многомиллионная армия поклонников Тайсона стояла на страже и тут же привлекала всеобщее внимание к каждому ее шагу в этом направлении, после чего снова воскресали разговоры, что Дезирэ сама спровоцировала Тайсона с целью так или иначе хорошенько заработать на этом. Якобы она даже несколько раз сама проболталась об этом подругам, что, однако, никогда не было доказано. В итоге, несмотря на решение суда, а может быть именно благодаря ему, Дезирэ Вашингтон не удалось повторить финансовый успех бывшей жены Тайсона Робин Гивенс. Кстати, Дезирэ не то чтобы похожа на Робин, но относится к тому же типу, причем, судя по всему, не только внешне.

Кроме того, уже после осуждения Тайсона стали известны некоторые детали жизни Дезирэ до встречи с Майком. Ничем не примечательные подробности жизни обычной современной девушки, которые, однако, никак не предполагали тот монашеский стиль, на который она претендовала. В этих обстоятельствах Дезирэ решила больше не «помогать» Тайсону и «ушла в тину», так как почувствовала, что дело может принять совсем неудачный для нее оборот. Чем дальше, тем больше сомнений вызывало решение суда, и в этих условиях, чтобы не сболтнуть лишнего и не попасть впросак, лучше всего было помолчать.

И все-таки почему суд принял решение не в пользу Тайсона, несмотря на всю сомнительность доводов обвинения? В первую очередь, большую роль здесь сыграла все та же полит-корректность, бунт против которой, сам того не зная, в то время возглавлял Тайсон. Только на этот раз он стал ее жертвой. Феминизм тогда еще не набрал тех оборотов, что сейчас, но уже был готов к бою. Именно этим объясняется и выбор судьи, и подбор присяжных, и та, которой они поверили.

В начале августа 1993 года, когда Тайсон уже полтора года сидел в тюрьме, в прессе появились статьи с кричащими заголовками, в которых говорилось, что Железный Майк проиграл еще один бой, правда на этот раз не нокаутом, а только по очкам, да еще при разногласии судей — один все же отдал «победу» ему, а двое других — его противнику.

Речь шла, разумеется, не о каком-то бое на тюремном ринге, а об итогах апелляционного суда. Главным основанием для апелляции послужили два обстоятельства. Во-первых, во время судебного процесса, закончившегося приговором Тайсону, судья Патриция Гиффорд отказалась даже выслушать трех свидетелей защиты, которые якобы наблюдали за любовными играми Железного Майка и Дезирэ Вашингтон в машине. Во-вторых, Гиффорд во время того же процесса отказалась даже рассматривать версию защиты, согласно которой Дезирэ Вашингтон вступила в сексуальные отношения с Тайсоном добровольно.

Двое судей из трех согласились с Патрицией Гиффорд, что защита предъявила тех трех свидетелей слишком поздно, чтобы их показания можно было приобщить к делу. Тем не менее они не возражали, чтобы рассмотреть их сейчас.

В ходе повторного разбирательства было доказано, что по крайней мере в одном Дезирэ Вашингтон однозначно солгала — она не отвергала, так сказать, ухаживания Тайсона так решительно, как о том заявляла на суде. Однако все те же двое судей из трех пришли к выводу, что факт, будто Дезирэ Вашингтон не сопротивлялась, когда Тайсон целовал ее в машине, все равно ничего не доказывает. Что касается версии защиты о добровольности действий Дезирэ, те же самые судьи ее просто отменили. «У Майка Тайсона нет абсолютно никаких оснований утверждать, что он неправильно истолковал действия Дезирэ Вашингтон». Вот так все просто.

В тот момент вся карьера Патриции Гиффорд висела на волоске. Она как минимум показала себя крайне предвзятым служителем правосудия. Опросы показывали, что число верящих Тайсону значительно возросло. Но Гиффорд удержалась. Видимо, те, от кого это зависело, побоялись шумного феминистского бунта, который неизбежно разразился бы, если бы ее решение было пересмотрено. Женщина-судья ошибаться не может. Кроме того, надо было спасти и честь мундира. Если признать, что один из самых известных людей в стране полтора года просидел по ложному обвинению, разразится такой скандал, который похоронит под собой карьеру очень многих влиятельных людей. Так что не Патрицией единой живо было американское правосудие,

доказать, что герой Дугласа ее изнасиловал, хотя на самом деле инициатива агрессивно-сексуального поведения принадлежала ей самой. Адвокату «Дугласа», очень приятной женщине (и здесь политкорректность: плохой женский образ должен уравниваться хорошим), удастся вытащить кучу фактов, которые косвенно доказывают невиновность ее клиента. Но это не убеждает судью, который безоговорочно верит насквозь неправдоподобным доводам

«Дэми Мур». После бесконечных мытарств «Дугласу» и его адвокату удастся доказать его невиновность благодаря тому, что «изнасилование», точнее, звуки, его сопровождавшие, случайно оказались записаны на пленку телефонного автоответчика, и бедный «Дуглас», с которого снимали штаны, без устали кричал: «Нет! Нет!» То есть изнасилование или по крайней мере попытка оно было налицо, но агрессор и жертва поменялись местами.

Когда «Дэми Мур» изобличают, на лице у нее появляется выражение, которое можно расшифровать как: «Да, неудобно как-то получилось». Все, суд закончен. Никаких опасений, что ее обвинят в клевете, она не испытывает: ну ошиблась женщина, с кем не бывает? В самом деле, насиловал — не насиловал, кто тут разберет? А потом еще в самом конце фильма она говорит «Дугласу», что все равно мужчины во всем виноваты, это они создали такие «правила игры» и навязали их ей, а она, невинная женщина, им только следовала. Ведь всю эту кашу заварил начальник «Дугласа», и история с изнасилованием была лишь частью крупной махинации. Женщина всегда ни в чем не виновата, что бы она ни говорила и что бы ни делала.

Фильм этот явно был снят под влиянием судебного процесса над Тайсоном и множества других подобных процессов в Америке, и очень многие это поняли. Наверно, все-таки Тайсон зря винил своего адвоката. У него ведь не было пленки автоответчика, который случайно записал то, что происходило в номере 606 отеля «Кентербери» в Индианаполисе. Что бы ни говорили сам Майк и его адвокат и что бы они ни делали, создается впечатление, что все решено заранее. У Тайсона в этом «бою» изначально не было шансов. Дезирэ Вашингтон, одна на всю Америку, не знала, как ведет себя Тайсон с женщинами. Она единственная среди участниц конкурса красоты не видела, как он обращался с ее подругами, а все, в чем она была виновата, так это в том, что в два часа ночи ей захотелось без трусов посмотреть телевизор в спальне в гостиничном номере одного очень хорошо воспитанного господина, который, к ее ужасу, оказался совсем невоспитанным и совершенно неправильно ее понял. Вот такая история, которой поверила феминистская Америка.

СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИЛД-2

Потеряв Тайсона, публика теперь уже всерьез и надолго невзлюбила Холифилда, и он сам дал к этому повод, а точнее, даже два повода. После отмены боя с Тайсоном 8 ноября 1991 года было решено из чисто коммерческих соображений организовать Эвандеру какой-нибудь бой. В срочном темпе нашли соперника, довольно сносного тяжеловеса Берта Купера, который готовился к матчу аж шесть дней, после чего 23 ноября его выпустили на ринг против Холифилда. Санкцию на этот матч выдали только WBA и IBF, а руководство WBC сочло, что нельзя давать добро на бой чемпиона мира с боксером, не входящим в рейтинговую десятку.

Поначалу все складывалось для Холифилда нормально. Уже в первом раунде после трехударной комбинации, двух прямых в голову и левой по печени, Купер оказался в нокауне. Однако добить его чемпион не сумел, а в третьем раунде вообще оконфузился, пропустив сильный правый боковой. Холифилда повело в сторону, и упасть ему не дали канаты, но рефери совершенно справедливо открыл ему счет. Это был первый нокаун за всю профессиональную карьеру Холифилда.

Потом все стало на свои места, и в седьмом раунде рефери остановил встречу, когда Купер перестал отвечать на атаки Эвандера, но от боя остался неприятный осадок. И этот человек собирался побить Тайсона? Никого не волновало, что Хо-лифилд вышел на ринг страшно разочарованным и не настроенным на бой. А как могло быть иначе, если вместо Тайсона против него выставили боксера, который едва годился ему в спарринг-партнеры? Он и дрался с ним как со спарринг-партнером, в первый и последний раз в жизни позволив себе с прохладцей отнестись к сопернику. Попытки некоторых поклонников Холифилда напомнить в этой связи о поражении Тайсо-на Дагласу успеха не имели. Что дозволено Тайсону, то не дозволено кому бы то ни было еще. Этот двойной стандарт зародился именно в те годы. И все-таки приходится признать, что Холифилд во встрече с Бертом Купером выглядел не слишком убедительно. По крайней мере, не так, как должен был выглядеть боксер, бросающий вызов Тайсону. Даже та скромная популярность, которая была у Холифилда до сих пор, резко пошла на убыль, тем более что он не баловал публику частыми появлениями. В следующий раз он вышел на ринг только 19 июня 1992 года против экс-чемпиона мира 42-летнего Лэрри Холмса.

Иногда решения промоутеров, в данном случае семейного промоутерского клана Дува, кажутся необъяснимыми. Что, кроме потери популярности, мог принести бой со вторым за короткое время перестарком? Вполне возможно, что Дува исходили из того, что бой с Форменом принес большую прибыль, но любой мало-мальски подготовленный спортивный журналист или телекомментатор, не говоря уже о менеджерах и про-моутерах, понимал, что общего у Формена и Холмса — только возраст. На то были по крайней мере две причины. Первая — незаурядное личностное обаяние пожилого Формена, его улыбка доброго гиганта из детской сказки и тепло, которое от него исходило. Всего этого у Холмса не было и в помине. Вторая причина заключалась в том, что Холмс, в отличие от не битого после возвращения на ринг Формена, как это было до его боя с Холифилдом, тащил за собой шлейф сокрушительного поражения от Тайсона в 1988 году, и избавиться от этого печального наследия было невозможно, тем более что за четыре с половиной года, прошедших с тех пор, ни моложе, ни лучше он не стал.

Наконец, Холифилду совершенно неправильно подобрали тренера — Джорджа Бентона, который лучше всех сам сформулировал основной принцип своей работы: «Выиграй этот бой, а хорошо выглядеть ты будешь в следующем». На практике это сводилось к абсолютно рассудочным и чересчур выверенным действиям на ринге, от которых зрители начинали скучать уже в первом раунде.

Когда смотришь видеозапись боя Холифилда с Холмсом сейчас, то он кажется совсем не таким плохим, как о нем писали в 1992 году. Но ведь его делали для тогдашнего зрителя, а не нынешнего, зритель же 1992 года скучал по Тайсону и хотел увидеть хоть что-то похожее на то, что Майк устраивал на ринге. Ни Холифилд, ни Холмс ничего подобного дать не могли. Эвандеру для этого не хватало физической мощи, а Лэрри был слишком отягощен годами, лишним весом и памятью о поражении Тайсону.

Холифилд неплохо начал и из первых шести раундов выиграл, пожалуй, все, кроме второго, но преимущество его не было тотальным. Он просто опережал и переигрывал старого бойца. А в конце шестого раунда произошел крайне неприятный эпизод, который изменил в худшую сторону весь рисунок и без того не слишком увлекательного боя. Прижатый к канатам, Холмс отбивался от наседавшего Холифилда, когда правая перчатка Лэрри прошла мимо головы поднырнувшего под удар Холифилда, но следовавший за кулаком локоть впечатался со всей силы в угол брови Эвандера. Рассечение было очень глубоким. Даже непонятно, как Холифилд за последующие шесть раундов не истек кровью.

Видеозапись не дает однозначного ответа, сделал Холмс рассечение нарочно или случайно, но для Холифилда это уже не имело особого значения. Теперь ему приходилось опасаться не только Холмса, но и своего рассечения, из-за которого бой могли остановить. Ситуация осложнялась еще тем, что у Холифилда это была первая травма такого рода и он просто не очень знал, как ему теперь себя вести.

Последние шесть раундов прошли в более-менее равной борьбе, может быть, с некоторым преимуществом Холмса. Правда, удары Холифилда явно имели больший эффект, но эксчемпион зато много попадал. Его джеб был, конечно, не таким, как в лучшие годы, но он все еще позволял Лэрри худо-бедно контролировать дистанцию. Правый кросс Холмса, который хорошо маскировался, был почти по-прежнему опасен, а в конце одиннадцатого раунда Лэрри по-настоящему огорошил Эвандера правым боковым, точно таким же, как удар Купера, который привел к нокауну, но сила у Холмса была не та, и Холифилд без труда устоял на ногах, хотя раунд проиграл вчистую.

Двенадцатый раунд прошел в обоюдных атаках. Количество нанесенных ударов было примерно равным* но «тоннаж» ударов Эвандера был явно выше. Судьи вынесли именно тот вердикт, который и ожидали зрители. Все трое отдали победу Холифилду со счетом 116:112 (двое) и 117:111, но на самом деле можно сказать, что в этой встрече проиграли оба.

Репутация Холифилда после такого боя упала ниже некуда. Сейчас об этом вспоминать не принято, слишком уж большим героем он стал с тех пор, но в 1992 году в прессе шло настоящее необъявленное соревнование, кто даст ему самое хлесткое определение. Лично у меня в памяти остались два высказывания: «Вместо чемпиона мира в тяжелом весе у нас теперь Эвандер Холифилд» и «По харизматичности среди всех чемпионов мира в тяжелом весе Холифилд уступает только Тони Таббсу». К сожалению, не помню, кому они принадлежат. Если кто забыл, Таббс — один из главных кандидатов на звание самого недостойного чемпиона мира в тяжелом весе.

Тем не менее, боксерская общественность надеялась, что скоро избавится от Холифилда. Летом — осенью 1992 года в промоутерских кругах созрела и оформилась идея проведения суперсерии боев между четырьмя сильнейшими тяжеловесами. Первый — это, разумеется, сам Холифилд, второй — уже известный нам Раддок. А третий и четвертый — относительно новые, но уже хорошо известные люди — американец Риддик Боу и человек неясного происхождения по имени Леннокс Льюис, соответственно серебряный и золотой призеры Олимпиады 1988 года, уже почти четыре года шедшие без поражений на профессиональном ринге.

ИЗМЕННИК НА КОРАБЛЕ

Ранней осенью 1988 года я сидел дома и смотрел по телевизору все подряд, что происходило на Олимпийских играх в Сеуле, разумеется уделяя особое внимание боксу. Больше делать мне было нечего, так как всего за пару недель до того я вернулся из больницы, весь запакованный в гипс. Настроение у меня, мягко говоря, было неважное.

Олимпиада шла к концу, а тоска и страх за будущее все не уходили, и Олимпиада стала единственным, что отвлекало меня от мыслей о себе, бедном и несчастном. В таком грустном настроении я и уселся смотреть олимпийские финалы по боксу. Было интересно, но я все ждал, когда же дело дойдет до тяжей, так как мне хотелось увидеть, есть ли среди молодых боксеров хоть кто-то, кто в обозримом будущем сможет побить Тайсона. На ринг тем временем вышли два совершенно огромных мужика, для которых, казалось, нужен другой ринг, побольше. Это были американец Риддик Боу и канадец Леннокс Льюис. Не помню, почему мне не понравился Боу. Может быть, потому, что он выбил из турнира нашего Мирошниченко. Так или иначе, но еще до первого удара гонга я стал болеть за Льюиса.

В трудные минуты мы часто начинаем искать себе какую-то мистическую поддержку, даже если не очень в нее верим. Так случилось и со мной, когда неожиданно для самого себя я загадал: если Льюис победит, я поправлюсь и у меня все будет в порядке. Леннокс победил, и я понял, что буду болеть за этого парня всегда, даже если он решит драться с моим родным братом.

К счастью, у меня нет родных братьев, тем более боксеров-тяжеловесов, и испытывать силу родственных чувств мне не пришлось. Представить себе тогда, что через 10 лет я встречу с Льюисом живьем, я не мог даже во сне. Когда я брал у него интервью в конце марта 1998 года, меня так и подмывало рассказать ему, какую необычную роль он сыграл в моей жизни, но я не решился. Льюис оказался более надежным пророком, чем наши астрологи, и скоро я забыл о своей травме, за что остался навсегда ему благодарен. Даже больше чем врачам, вопреки всякой логике.

Тот олимпийский финал принес Льюису золотую медаль в настоящем и множество проблем в будущем, о которых он тогда, конечно, не знал.

Попробую описать тот бой так, как он мне запомнился. Леннокс Льюис и Риддик Боу были такими огромными, что даже как-то подавляли своими размерами. Помню, мне показалось, что канадец лучше настроен на бой, а Боу выглядел слегка несобраным, хотя, может быть, такое впечатление и сложилось постфактум. Где-то минуту или две первого раунда бой был примерно равным, впрочем, это был еще не сам бой, а разведка боем. Льюис довольно скоро «выложил» на ринг свой главный козырь — отточенный правый кросс, от чего Боу сразу растерялся и так и не пришел в себя.

Первый нокаун, в который Риддик попал от правого кросса Льюиса, не гарантировал победу. Мирошниченко тоже посылал Боу в нокаун, причем дважды, а потом был нокаутирован. Однако отчетливо помню, что, когда бой возобновили, у Рид-дика был совершенно обескураженный вид. Второй нокаун не заставил себя долго ждать, а затем и третий, и бой остановили во втором раунде.

Риддик Боу был совершенно избит, даже не столько физически, сколько морально. У него был вид обиженного ребенка, побитого во дворе, которого мама ведет домой. Тем забавнее было через несколько лет читать воспоминания Боу об олимпийском финале. Там было непонятно, кто вообще побывал три раза в нокауне, и, конечно, много рассуждений на тему, что рефери поспешил остановить встречу. Не поспешил. Да и Боу тогда в Сеуле ему возражал только для вида.

Однако если Боу после Олимпиады все время был на виду, то Льюис исчез. То есть исчез для американцев, для большинства из которых границы их страны являются границами мира. А Льюис вернулся в Великобританию, именно вернулся, так как он был родом оттуда. Здесь придется остановиться подробнее на его происхождении.

Леннокс Льюис родился 2 сентября 1965 года в Вест-Хэме, недалеко от Лондона, в семье выходцев с Ямайки. Отец рано бросил семью, и Леннокс остался со своей матерью Вайолет.

Ямайцы — это совершенно особый народ. Когда из Африки в Америку шли корабли с рабами, на Ямайке по традиции избавлялись от самых бузотеристых. Здесь многие из них бежали с плантаций и со временем основали в центральной части острова общины, членов которых называли марунами. Власти так ничего и не смогли с ними поделаться. Вдохновленные их примером, местные негры добились свободы раньше соплеменников в других странах, а освободившись окончательно, прежде всего научились ничего не делать и блаженствовать. Национальная ямайская музыка рэгги прекрасно отражает этот не самый вредный взгляд на жизнь.

Когда я интервьюировал Льюиса, у меня создалось впечатление, что блаженство ничегонеделания знакомо ему не понаслышке. Ощущение это усиливалось от остатков характерного тягучего карибского акцента, который не смогло выбить долгое проживание в трудолюбивых Англии и Канаде. Леннокс известен своим усердием на тренировках, но несколько раз он давал волю своей ямайской натуре. Эта особенность еще сыграет с ним не одну злую шутку.

Представления об удовольствиях у него тоже были вполне ямайские с несколько деятельно-интеллектуальным уклоном. Когда я спросил Леннокса, чем он занимается в свободное время, он ответил: «Играю в шахматы», и глаза его при этом блеснули, как у алкоголика, которого спросили о бутылке. Еще он сказал, что очень любит путешествовать и наслаждаться сменой обстановки.

Однако впервые Ленноксу пришлось сменить обстановку не от любви к перемене мест. Просто когда ему было 12 лет, его семья переехала в Канаду, и у него неожиданно начались серьезные проблемы с ровесниками. Причиной

послужил его лон-донско-карибский акцент и чисто английские школьные жаргонные выражения, которых здесь просто не понимали. Часто его слова вызывали смех, и он искренне не мог понять, над чем смеются его одноклассники.

Поодиночке досажать ему не решались, так как он был едва ли не самым крупным парнем своего возраста в школе, но, объединившись, иногда начинали по-настоящему травить. Именно из-за этого Леннокс и начал заниматься боксом. Проблемы в школе это решило, но какой-то барьер между ним и местными ребятами остался навсегда. Зато в спортзале его талант стал ясен сразу. Кроме того, как когда-то Мохаммед Али, он мог до смерти замучить тренера, расспрашивая обо всем, что казалось ему важным.

Леннокс потихоньку осваивался в Канаде, обзаводился друзьями, но все-таки оставался не до конца своим. Это будет преследовать его всю жизнь. Он уже никогда и нигде не будет до конца своим, но трудно найти человека, которого бы это меньше беспокоило.

Льюис стал выступать на любительском ринге, легко пробился в олимпийскую сборную 1984 года, но во втором бою по очкам проиграл будущему чемпиону Олимпийских игр американцу Тайреллу Бигтсу. Надо сказать, что Льюис относится к бойцам «позднего созревания», как и Эвандер Холифилд, поэтому не стоит удивляться, что в 20 лет он не бил всех подряд, как Тайсон.

Льюис отказался от многих предложений о переходе в профессионалы и пока остался любителем. Между двумя Олимпиадами он выступил на множестве турниров, далеко не всегда удачно. Среди прочих он проигрывал нашим тяжеловесам Вячеславу Яковлеву и Валерию Абаджяну, но постепенно набирал форму. В неудачно для него начавшемся 1987 году он проиграл по очкам кубинцу Хорхе Луису Гонсалесу на Панамериканских играх и немцу из доживавшей последние годы ГДР Улли Каде-ну на Кубке мира. С Гонсалесом он рассчитался в конце того же года, а с Каде-ном — уже на Олимпиаде в Сеуле. Надо думать, бедный немец очень удивился, когда Леннокс нокаутировал его в первом раунде. Это был уже совсем другой Льюис. Он созрел. Количество наконец перешло в качество. До этого в первом бою он нокаутировал во втором раунде кенийца Одеру. В полуфинале поляк Заренкевич на ринг не вышел, а в финале Льюиса ждал Риддик Боу, и когда дождался, то горько пожалел об этом. На том затянувшаяся любительская карьера Льюиса и закончилась.

Американцы не любят вспоминать что-то неприятное, потому они быстро забыли неведомого канадца, который огорчил их в олимпийском финале, а Льюис о себе не особенно и напоминал. Он решил вернуться в Англию. Почему? Я не могу ответить на этот вопрос. Все плюсы этого поступка с чисто практической точки зрения не перевешивают минусов. Леннокс не мог не понимать, что на родине ему никогда не простят, что на Олимпиаде он завоевал золото, выступая за Канаду, и отношение к нему будет соответствующим. К тому же, едва вернувшись в Великобританию, он столкнулся со старой проблемой — языковой. Британцы любят американский акцент даже меньше, чем американцы британский, а 11 лет жизни в Канаде дали себя знать — в дополнение к Карибскому протяжному прононсу в речи Льюиса появилась и характерная заокеанская гнусавость. Ему стали пенять на то, что он не сохранил не только родину, но и язык. В ответ Льюис только пожимал плечами и рассказывал, как в Канаде его доставали сверстники за британский акцент. Так он стал чужим среди своих, а своим среди чужих он никогда и не был. Его можно было пожалеть, если бы его самого это хоть чуть-чуть печалило. Фрэнк Малоуни, бывший менеджером Льюиса больше 10 лет, говорил мне, что это он, Малоуни, сделал его англичанином и что сам Леннокс — убежденный космополит и национальные проблемы не просто не волнуют его, а вообще для него не существуют.

Тогда возникает вопрос: зачем он вернулся в Великобританию и остался британцем, хотя чем дальше, тем больше неудобств ему это причиняло? Непонятно. В свое время американская пресса много писала, что Льюис вернулся в Англию из чисто корыстных соображений. Какая корысть, если это создавало ему такие проблемы? Тяжелый вес — национальная вотчина американцев, и чужаков там не терпят, Льюису еще предстояло не один год помучиться из-за этого. И ладно бы родина его любила! Нет, она так по-настоящему и не приняла его до сих пор. Тогда зачем? Леннокс в ответ на этот вопрос только улыбается.

Наверно, ямайская душа Леннокса требовала отдыха после Олимпиады, и свой первый профессиональный бой он провел только 27 июня 1989 года в Лондоне с неким Элом Малколмом, у которого поражений было больше, чем побед. После знакомства с Льюисом прибавилось еще одно: Леннокс нокаутировал его во втором раунде. В этом году он провел еще пять боев. Четверо из его противников были такими же «мешками», как и первый, но последний, Грег Горрелл, считался неплохим боксером — потому, наверно, и продержался дольше всех — до пятого раунда.

Следующий год тоже получился очень тихим. Льюис по-прежнему встречался с «мешками» и побеждал их. В 1990 году таковых было восемь, и только одному из них, нещадно битому, удалось дотянуть до финального гонга. В последнем бою этого года, с весьма скромным бойцом из Франции Жаном Шене, Льюис завоевал титул чемпиона Европы.

За все это время Льюис дрался в США только один раз, в своем втором бою, и еще два раза в Канаде, а все остальные бои провел в Великобритании. В Америке его совершенно забыли, так как его титул чемпиона Европы значит там не больше, чем титул чемпиона Атлантиды. Но Льюис скоро всем о себе напомнил.

6 марта 1991 года в Лондоне Льюис встретился с известным британским боксером Гэри Мейзоном. Это был бой на выживание, не в смысле физическом, а в смысле перспективы. Оба шли без поражений, и Мейзон даже входил в рейтинговые десятки ведущих организаций. Поражение для любого из них означало, что он навсегда или по крайней мере очень надолго останется в лучшем случае провинциальной звездой.

Американские эксперты того времени знали Мейзона, так как он отколошматил нескольких американских

Как, какой-то другой англичанин нокаутировал Мейзона, имевшего на счету только 35 побед, и ничего больше? А кто? Тот самый Льюис, который нокаутировал Риддика Боу в олимпийском финале? Он еще жив? Где он был все это время? В Англии? Что он там делал?

Он там учился, пригласив для этого выдающегося, но недооцененного американского тренера Джона Дэвенпорта, чей тяжелый и неуживчивый характер создал ему множество проблем, но с Ленноксом они поладили, по крайней мере на какое-то время. Именно Дэвенпорт полностью перековал его и заложил все, что остальные потом только развивали. Льюис перестал стоять, будто аршин проглотил, начал много работать корпусом. Тренер сделал огромного парня пластичным и гибким, научил расслаблять шею при пропущенном ударе и таким образом амортизировать его. Дэвенпорт поработал и над его ударной техникой. С правым кроссом ничего делать было не надо, но он сделал джеб Льюиса сильнее, поставил ему хороший левый боковой и апперкот с обеих рук. Нельзя сказать, что раньше этих ударов у Леннокса не было, но он ими явно недостаточно пользовался. Только сделав все это, Дэвенпорт счел, что Леннокс готов к серьезным испытаниям. Первым из них и стал Гэри Мейзон, а вторым — экс-чемпион мира Майкл Уивер, бой с которым состоялся 12 июля 1991 года в Америке в городе Стейтлайн, штат Невада.

Сам поединок получился не очень интересным, чего не скажешь о финале. Льюис, проводивший, по существу, свой дебютный бой в США, не хотел рисковать и пять с половиной раундов всаживал в физиономию Уивера один джеб за другим, но стоило Майклу в шестом раунде на долю секунды опустить левую руку, открыв челюсть, как туда влетел правый кросс Льюиса. Нокаут.

23 ноября 1991 года Льюис заплатил Тайреллу Бигтсу олимпийский долг семилетней давности. В третьем раунде он трижды посылал Бигтса на пол, пока рефери не остановил встречу. В общем, новый, 1992 год он встретил уже достаточно уважаемым в Америке бойцом, хотя ей было тогда не до него и даже не до чемпиона Холифилда. А как же — Тайсона сажали!

Ленноксу было нелегко найти соперников в Америке. Восходящие звезды драться с ним не хотели. Приходилось драться с теми, кто мог. Он провел два незначительных боя в апреле и августе, после чего ему, что называется, обломилось.

Промоутерам надо было как-то разогревать публику, раз уж не было Тайсона, который разогревал ее до точки кипения. Созрела идея провести суперсерию боев между четырьмя сильнейшими тяжеловесами. Первым был, естественно, чемпион мира Эвандер Холифилд, от которого очень хотели избавиться, вторым — Donovan Raddok, завоевавший свое место благодаря двум несокрушительным поражениям от Тайсона, самый перспективный из молодых американских тяжелейших Риддик Боу, которого Льюис нокаутировал на Олимпиаде, но который хорошо зарекомендовал себя с тех пор на профессиональном ринге, и, наконец, сам Льюис.

Надо думать, что Леннокса взяли «до кучи», хотя, возможно, свою роль здесь сыграла его победа над Боу в олимпийском финале. Странно включать в суперсерию самого Боу и не брать боксера, который побеждал его, пусть и в любителях. Тем более что это поражение все помнили. Тем не менее американцы очень мало верили, что Льюис сумеет повторить свой олимпийский успех с новым Риддиком и что он сможет победить кого бы то ни было из этой троицы. Был проведен опрос, и оказалось, что только 8 процентов болельщиков считали, что именно Леннокс Льюис выйдет победителем суперсерии.

Промоутеры долго совещались между собой и с телевидением, в результате чего была наконец достигнута договоренность, что Эвандер Холифилд будет защищать свой титул против Риддика Боу, а Donovan Raddok драться с Ленноксом Льюисом, после чего победители обеих пар встретятся между собой. Что Раддоку предписали провести своего рода отборочный матч, было совершенно справедливо — все-таки неудобно давать боксеру драться за титул после двух поражений подряд. Правда, Раддок постоянно говорил о них так, как будто он победил в обоих боях, но дела это не меняло.

В том, что против Холифилда дрался не Льюис, а Боу, тоже была своя логика, но не спортивная, а коммерческая. Льюис здесь, в Америке, чужой, и по популярности значительно уступал Боу, что не могло не отразиться на кассе. Впрочем, Льюис не жаловался — с Раддоком так с Раддоком. Тем более что с ним у него были старые счеты. 12 лет назад он проиграл Раддоку юниорский любительский бой, когда трое судей из пяти отдали предпочтение Donovanу, о чем тот теперь рассказывал каждому встречному и поперечному.

Момент истины для Леннокса Льюиса и Donovan Raddok-а, а также момент прозрения для многих миллионов поклонников бокса настал 31 октября 1992 года. Для некоторых он пришел даже раньше. Раддок явно очень нервничал перед боем, что выливалось в ряд пренебрежительных, а иногда и оскорбительных высказываний в адрес Льюиса, но тот оставался совершенно спокоен. Его поведение произвело сильное впечатление на Лу Дуву, тренера Эвандера Холифилда, который сказал: «Леннокс произвел на меня сильнейшее впечатление. Он может просто взять и нокаутировать Раддока».

Так они и вышли на лондонский ринг: Льюис, спокойный, как удав, и Раддок, выкрикивающий последние оскорбления. Наконец бой начался. Раддок налетел на Льюиса, но тот держал его на своем джебе на нужной дистанции, не давая нанести свой коронный полухук-полуапперкот. В какой-то момент Раддоку удалось загнать Льюиса в угол, но тут Леннокс проявил необычную для человека его габаритов прыть и, обернувшись вокруг противника, как вокруг столба, оказался в центре ринга.

Леннокс явно чего-то ждал. Чего именно, он сказал после боя. Льюис просмотрел множество боев Раддока и обратил внимание, что тот часто опускает левую руку, особенно когда собирается нанести свой коронный удар, и

За восемь секунд до конца первого раунда Льюис выбросил свою правую руку точно в челюсть поверх чуть опустившейся руки Раддока, и тот рухнул на пол. Канадец успел встать до того, как рефери закончил счет, но все равно от нокаута его спас только гонг.

Во втором раунде Льюис сразу обрушился на Раддока. После его серии из левого хука и правого кросса канадец снова оказался в нокдауне. Раддок быстро встал и попытался атаковать, но его левый хук и правый апперкот просвистели мимо цели. Льюис ответил на это двумя прямыми и коротким левым боковым. Раддок упал снова, и на этот раз рефери даже не потрудился открыть счет. Это был нокаут.

Льюис, как и весь остальной мир в тот день, еще не знал, что стал чемпионом мира. Это выяснилось только через месяц. А пока всегда такой спокойный и уравновешенный Леннокс, которого много раз упрекали за излишнюю рассудительность на ринге, придя после победы к себе домой, к удивлению соседей, от полноты чувств вышиб дверь, сорвав ее с петель. Надо отдать должное его миролюбию. Футбольные болельщики обычно обращают и свою ярость, и радость, которая мало чем от нее отличается, на чужую собственность. Леннокс Льюис, показав себя поистине цивилизованным человеком, в момент крайнего возбуждения, расколошматил собственную очень крепкую дверь.

Тем временем к своему бою готовился и Эвандер Холифилд, и впервые за долгое время публика с интересом ждала, как он защитит свой титул. Общее настроение было примерно такое: ну наконец-то Холифилд будет драться с кем-то моложе 42 и не с первым попавшимся парнем с улицы. С того момента, как Холифилд завоевал свой титул, прошел только год, но его репутация за это время сильно упала. Все отдавали должное его характеру, но те же люди полагали, что у него просто не хватит физических данных, чтобы долго удерживаться на троне.

О Риддике Боу говорили с точностью до наоборот. Там с физическими данными все обстояло лучше некуда: рост — 196 см, вес — обычно 103—104 кг, но вот душевная организация оставляла желать лучшего. После Олимпиады 1988 года ведущие промоутеры наотрез отказались иметь с ним дело, и вовсе не потому, что он проиграл в финале, а потому, как он это сделал. Все сочли его одаренным, но совершенно безвольным малым, который психологически сломался после первого же серьезного пропущенного удара и «слил» бой.

Тогда Риддика Боу в буквальном смысле подобрал некто Рок Ньюман, выскочка и чудовищный наглец, который хотел пробиться в элиту боксерского бизнеса, не имея для этого ничего, кроме подходящего для таких свершений характера, но многим до него этого хватило с лихвой.

Видимо, Боу нуждался именно в таком руководителе, потому что он по-человечески очень привязался к нему. Риддик провел детство в том же районе Браунзвилл, что и Майк Тай-сон, и даже одно время учился с ним в одной школе, хотя они и не были лично знакомы. Единственное, что помнил о знаменитом однокашнике Боу, который был на год младше, — он родился 10 августа 1967 года, это что Тайсон все время ходил с кульком каких-то сладостей, то ли печенья, то ли домашней выпечки своей матери.

Боу вырос в той же среде, но, в отличие от Тайсона, он не нарывался на неприятности и довольно спокойно дождался до взрослого состояния. Как и все, он мечтал выбраться из Браунзвилла, как и все, выбирающиеся оттуда, он чувствовал себя жертвой. Именно поэтому он так болезненно воспринял отказ маститых промоутеров взять его под свое крыло, и, наверно, поэтому он так привязался к Року Ньюману.

Вполне возможно, что поначалу Ньюман связался с ним не от хорошей жизни. Потом он увидел, что из парня все-таки может выйти толк, а потом тоже привязался к нему. Вообще, несколько опережая события, скажу, что отношения этих двоих — еще одно подтверждение той простой истины, что взаимоотношения промоутера и боксера далеко не всегда складываются по формуле щука — карась.

Почувствовав поддержку, в которой он так нуждался, Боу был готов выпрыгнуть из штанов, чтобы чего-то добиться. Свой первый профессиональный бой он провел 6 марта 1989 года, когда Леннокс Льюис все еще отдыхал после Олимпиады, и до конца этого года в общей сложности провел 13 боев. Если Ньюман говорил, что надо так, Боу так и делал. В сентябре 1989 года он даже провел два боя с интервалом в четыре дня.

Его, разумеется, заметили и стали за ним следить. Ведущие промоутеры почували в нем перемену и начали проявлять определенный интерес, но Боу не хотел никого, кроме Ньюмана.

В 1990 году Риддик набирал победы в свой послужной список. Среди прочих он нокаутировал в восьмом раунде экс-чемпиона Пинклтона Томаса, правда, это был уже не тот Томас, и во втором раунде Берта Купера, который в следующем году попортил кровь Эвандеру Холифилду.

В следующем году Боу начали воспринимать как будущего чемпиона, и поначалу все складывалось хорошо. В начале марта 1991 года Боу встретился с Тайреллом Биггсом, олимпийским чемпионом 1984 года. К тому времени Биггс уже не претендовал на роль звезды и начал работать в амплуа «швейцара» (gatekeeper), то есть боксера, на котором пробуют перспективных новичков. Побил — путь в элиту открыт, проиграл — иди обратно. Боу нокаутировал его в восьмом раунде и вошел в узкий круг, но здесь его подстерегала неожиданность. Его следующий соперник, давно вышедший в тираж экс-чемпион мира Тони Таббс, смешной здоровяк, фигурой напоминавший мичуринский гибрид груши и ананаса, отказался падать. Более того, он навязал ему свой бой, затолкал, запихал и ничего не дал толком сделать, а сам в этой суе насовал много несильных и тягучих, но все вполне ощутимых ударов. Все трое судей отдали победу Риддику, но зал встретил это решение затяжным гулом.

Боу частично реабилитировал себя тремя быстрыми нокаутами, но неприятный осадок от его боя с Таббсом у экспертов остался. Один из ведущих комментаторов, Ферди Пачеко, тот самый врач, который в 1964 году был среди

характеристику: «Огромный талант, но абсолютно никакой психологической устойчивости». Боу это страшно задело, а еще больше задело Рока Ньюмана.

В октябре 1991 года в бою с Элайджей Тиллери у Боу произошел курьезный случай. Тиллери крепко перепало на последних секундах первого раунда у канатов, и он попал в нокаунт. Правда, тут же встал. Здесь произошла какая-то заминка. Раунд закончился, но то ли гонг не дали, то ли из-за шума в зале его не все услышали, и рефери дал команду продолжить бой, судя по всему, к большому удивлению Тиллери. Раунд продолжался лишних 13 секунд, после чего гонг наконец прозвучал. Боксеры пошли каждый в свой угол, и в этот момент Тиллери свернул со своего пути и направился к Боу, явно говоря что-то оскорбительное. Риддик тут же ответил несильным прямым ударом слева, скорее отмахиваясь от Тиллери, чем стремясь нанести ему серьезный урон. Тогда Тиллери слегка боязливо набросился на Боу, чередуя удары руками с ударами ногами, которыми он явно метил в то место, в которое и верхними конечностями в боксе бить запрещено. Боу прижал его спиной к канатам с явным намерением там добить, но тут еще неожиданно-негаданно ему пришла подмога. Рок Ньюман подбежал к Тиллери сзади, обхватил его за шею и перетащил к себе за канаты, а Риддик при этом продолжал наносить удары. Тиллери крепко стукнулся спиной об пол, но, как ни странно, никакого неудовольствия действиями Ньюмана не выказал. Может быть, полагал, что на ринге ему пришлось бы еще хуже.

Тиллери дисквалифицировали как инициатора ссоры, но был назначен матч-реванш. Он состоялся в декабре, и на этот раз без всяких эксцессов Боу нокаутировал его в четвертом раунде.

В 1992 году Боу и Ньюман стали ждать боя за титул и без нужды не рисковали. Риддик нокаутировал двух «мешков», но потом IBF приказала ему встретиться с неплохим южноафриканцем Пьером Коутзером, а в случае отказа угрожала не дать права драться с чемпионом. Скрепя сердце Ньюман согласился, но Боу этот бой пошел только на пользу. Вдоволь поразминавшись, он в седьмом раунде отправил Коутзера в нокаут. Путь к бою с чемпионом мира Эвандером Холифилдом был открыт.

К тому времени Боу вместе с Льюисом, Раддоком и Холифилдом уже входил в четверку, которой предстояло провести суперсерию за чемпионский титул. Как самый популярный и раскрученный боец из всей претендентской тройки, Боу сразу вышел на матч с чемпионом мира Эвандером Холифилдом.

Их бой состоялся 13 ноября 1992 года в Лас-Вегасе. Тогда казалось, что этот поединок войдет в историю, но сейчас его уже мало кто вспоминает — слишком много всего произошло с тех пор. И совершенно несправедливо, потому что это был один из самых выдающихся боев всего прошлого столетия. Он был даже лучше лучших боев Тайсона, потому что в тех был только один боксер, Тайсон, и его перепуганная живая мишень, а здесь два боксера. И каких боксера!

Написать стенограмму этого боя невозможно, как невозможно монотонно с буквоедской точностью бухгалтерским языком описать торнадо. На ринге в тот день выясняли отношения не боксеры, а какие-то две стихийные силы, два вихря, и что-то предвещало это с самого начала, когда они только вышли на ринг. Первое впечатление оказалось не в пользу Эвандера Холифилда. Сразу было видно, кто здесь тяжеловес настоящий, а кто «сделанный». Никогда еще Эвандер не казался таким маленьким. Вес Боу был 106,6 кг, а Холифилда — 93,5 кг, да и ростом Риддик был выше почти на 10 см.

Первый раунд активнее начал Холифилд. Он часто опережал Боу, бил красивые двойки и уходил на дистанцию, хорошо наносил удары в разрез — в общем, переигрывал своего более крупного соперника. Риддик тоже не ходил без дела. Для начала он показал длинный и, судя по всему, очень сильный джеб, который время от времени ставил Эвандера в тупик, неплохо бил правой навстречу, а когда они сближались, великолепно бил хуки и апперкоты, особенно последние. И все же преимущество Холифилда было ощутимым.

Но во втором раунде рисунок боя совершенно сломался и уже больше не менялся до конца. Стоило Холифилду чуть-чуть сбросить скорость, как активизировался Риддик и начиналась рубка, но не рубка двух мужиков у пивного ларька, а рубка виртуозов боксерского дела, в темпе, которому бы позавидовали многие легковесы. То, что здесь так долго обходилось без нокаутов, показывает высочайший уровень бокса, который в тот день демонстрировали оба соперника.

Удары сыпались градом, и если бы Холифилд и Боу не владели в совершенстве защитой корпусом, то есть умением уклониться от атаки на самую малость, они бы падали по очереди, как ваньки-встаньки. Если уж удары доходили до цели, то они их видели и успевали расслабить шею и откинуть голову, чтобы не принять на себя всю его мощь. Да и удары сами по себе были очень любопытны. Оба работали сериями, стараясь спрятать в них самый сильный акцентированный удар.

Во втором, третьем и четвертом раундах Боу захватил инициативу, главным образом за счет преимущества в весе и силе. Потихоньку стало выясняться, что эта тактика все-таки более выгодна Риддику. Пятый раунд Боу удачно начал, а Холифилд удачно закончил. Если дотошно считать очки, то победу надо отдать Риддику, но по ощущениям победил Эвандер. В шестом раунде Боу имел преимущество. Холифилд после многочисленных пропущенных ударов «проплавал» всю последнюю минуту, но не дал сопернику этим воспользоваться. Более того, в таком состоянии он еще контратаковал.

Седьмой и восьмой раунды прошли по уже знакомому сценарию — Боу выиграл первые две минуты, а Холифилд — третью. Первый из них все-таки следует отдать Боу, так как его удары были значительно тяжелее и было их побольше, а второй можно отдать Холифилду, хотя это и небесспорно. Все-таки он играл в чужую игру. Более-менее

В 1992 году казалось, что десятый раунд этого боя войдет в историю навсегда, но сейчас он почти забыт, как и все остальное. Начался он с того, что Холифилд не нашелся, что ответить на многочисленные правые кроссы и апперкоты Боу. Потом от джеба Риддика у Эвандера на секунду подкосились ноги. За-

тем, находясь в клинче, Боу провел сильнейший правый апперкот, затем, промазав справа, левым прямым Боу отбросил Холифилда на канаты, которые удержали Эвандера и не дали ему упасть. После этого последовала совершенно безумная серия Риддика, под которой Холифилд качался, как ива на ветру, но не падал. Между делом в клинче он нанес Боу пару правых апперкотов, как это в начале раунда сделал сам Риддик, в результате чего наступила его очередь немного поскучать. Вся концовка раунда за Холифилдом. Опять-таки если считать удары, то раунд, вне всяких сомнений, выиграл Боу, но Эвандер одержал моральную победу, не дав себя сломать и тем безмерно удивив соперника.

И все-таки этот раунд отобрал слишком много сил у чемпиона. Одиннадцатый он начал с атаки, провел несколько неплохих ударов, но пропустил сильнейший левый боковой Риддика и последовавшую за ней серию. Эвандер отлетел к канатам лицом вперед, Риддик виртуозно описал полукруг и как молотом ударил правой под ухо. Есть удары, которые не может выдержать и Холифилд, и он упал. Но встал! Оба очень устали и закончили раунд на тихой волне.

Двенадцатый раунд был похож на многие другие в этой встрече. Холифилд устал, Боу бил больше и точнее. Последнюю минуту Холифилд фактически «проплавал», но опять очухался к концу, и финальный гонг застал обоих в атаке. Гонга они не слышали, и общими усилиями их разняли.

Ринг-эннаунсер зачитал судейские карты: 115:113 и два раза — 117:110. Затем он сделал паузу, и Холифилд показал в сторону Боу. Все правильно — заслуженную победу отдали Риддику. Первым делом Боу расцеловал и обнял Ньюмана, затем к нему подошла мать, выглядевшая намного старше своих лет, и визжащая жена с безумной прической — из тех, что делают себе только очень недавно разбогатевшие люди. Холифилд тем временем тихо ушел с ринга, а эйфория вокруг Боу продолжалась. Он это заслужил. Затем к нему подошел официальный интервьюер с телеканала. А дальше...

Боу был достоин своего титула всего несколько минут. После нескольких обязательных вопросов его спросили о следующем сопернике, явно ожидая, что он вызовет на бой Леннокса Льюиса. Тут же оператор показал Льюиса, который комментировал бой для британского телевидения, и улыбающийся до ушей Леннокс с чувством поздравил Боу. Но Риддик в ответ только сказал, что он сейчас не хочет думать ни о каких следующих противниках и переадресовал все вопросы своему менеджеру. У Льюиса вытянулось лицо.

Ньюман тут же выступил с заявлением, которое на следующий день назвали «декларацией независимости»: «Мы найдем самый выгодный вариант для Риддика Боу. Мы подумаем и решим. Мы никому не позволим диктовать нам условия. Мы завоевали свое право быть здесь, и мы будем все делать по-своему». Выскочки умеют быть отвратительными. Раз пошла такая пьянка, сказал свое веское слово и Боу: «Шелли Финкель, Бутч Льюис! — закричал он, выбрав почему-то именно этих известных менеджеров из множества тех, которые отказались с ним работать после Олимпиады, — вы кретины. Вы дураки. Вы дали мне ускользнуть от вас. Я то что надо. Я чемпион. Смотрите, что у меня есть!» И он показал свои чемпионские пояса, которыми был обмотан от пояса до шеи.

Когда Боу и Ньюман уходили с ринга, они наткнулись на Льюиса, Боу тут же обрушил на него бесконечный поток угроз и оскорблений. Льюис весьма спесиво улыбнулся в ответ и сказал: «Ты цыпленок, Боу». «Цыпленок» на уличном жаргоне по обе стороны океана означает трус. И, несмотря на только что одержанную Риддиком победу, это замечание показалось на редкость уместным. Насколько уместным — весь мир узнает уже через несколько недель.

Бесславное царствование Риддика Боу началось.

Скандал разразился нешуточный. Помимо всех существовавших письменных и устных договоренностей, что победитель боя Холифилд — Боу будет драться с победителем встречи Льюис — Раддок, были ведь еще и все три федерации, WBC, WBA и IBF, со своими правилами, по которым чемпион обязан защищать свой титул против претендента, занимающего первую строку в рейтинге этих организаций. Леннокс Льюис стоял первым номером во всех трех рейтингах и являлся официальным претендентом от всех трех, но из них только WBC стал требовать от Боу встретиться с ним. Почему остальные съели такое оскорбление, речь пойдет чуть позже. Боу несколько раз выступил с довольно странным заявлением, суть которого сводилась к тому, что Льюис — полное ничтожество, которое он разнесет в пух и прах, но драться с ним при этом не будет. Еще Боу без устали рассказывал свою версию того, что произошло в олимпийском финале, и от одного рассказа к другому его победа становилась все убедительнее и убедительнее. Иногда его заявления становились настолько странными, что начинало казаться, что он сам верит в то, что говорит. Но тогда после сеульской Олимпиады прошло всего четыре года, и многие еще помнили жалкий вид Боу, который чуть не плакал прямо на ринге.

Вдоволь наслушавшись этих речей, руководство WBC выступило с заявлением, по которому давало Боу срок до декабря определиться с тем, будет ли он драться с Ленноксом Льюисом, угрожая в случае отказа лишить его титула. Ближе к концу этого срока Боу собрал множество журналистов и перед теле- и фотокамерами торжественно бросил чемпионский пояс WBC (а точнее, его дешевую копию) в мусорный ящик, за что тут же был официально лишен этого титула, который был присвоен Ленноксу Льюису по итогам его боя с Донованом Раддоком.

Америке было стыдно, но она не подала виду. Более того, стыд, как это часто бывает, побудил ее встать на защиту своего нерадивого сына. Льюиса окрестили в американской прессе «бумажным чемпионом» и по какой-то

между Соединенными Штатами Америки и Ленноксом Льюисом, которая, как известно, закончилась победой последнего, но в 1992 году до этого было еще очень далеко.

Тем временем Рок Ньюман нашел подходящего соперника для своего подопечного. Им оказался экс-чемпион мира Майкл Доукс, переживший свои лучшие годы 10 лет назад, а в то время уже неизлечимый наркоман, пробавлявшийся боями с «мешками». Встреча состоялась 6 февраля 1993 года и завершилась победой Боу нокаутом в первом же раунде. Америке опять стало стыдно, и с тем большим остервенением она набросилась на Леннокса Льюиса.

Ньюману показалось этого мало. 22 мая 1993 года он организовал бой Риддика Боу еще с одной старой развалиной, Джесси Ферпосоном, который из последних трех боев проиграл два, и его Боу нокаутировал во втором раунде. Леннокс Льюис в это время защищал свой титул WBC против крайне неудобного и очень мастеровитого Тони Таккера, который в свое время продержался до финального гонга против Майка Тайсона. То же самое он сумел сделать и в бою с Льюисом, хотя и безоговорочно проиграл. Но Ньюману это не помешало смешать Льюиса с грязью. Он заявил, что британец должен был сделать с Таккером то же, что его подопечный с Ферпосоном, поставив тем самым знак равенства между слоном и москвой.

Америке было так стыдно, что она какое-то время молчала. А потом, конечно, выступила. Октябрьский номер журнала «The Ring» за 1993 год опубликовал большую статью под длиннейшим заголовком: «Если Риддик Боу позорит титул чемпиона мира в тяжелом весе... тогда то же самое делали Демпси, Луис, Марчиано и Али». В этом опусе на голубом глазу доказывалось, что все эти великие чемпионы делали то же самое, что и Боу. Было стыдно не только писать, но и читать. Все эти великие чемпионы действительно иногда проводили проходные бои, но они никогда не были у них единственными, и все они, за исключением Демпси, ни разу не уклонялись от боя с самыми сильными соперниками.

Луис, уже бывший чемпионом мира, требовал, чтобы никто его так не называл, пока он не побьет в матче-реванше Макса Шмелинга, победившего его раньше. Марчиано рвался к матчу-реваншу с Эззардом Чарльзом только потому, что в первом бою не смог его нокаутировать. Али готов был пройти сквозь пекло только для того, чтобы завоевать право снова встретиться на ринге с Фрезером и Нортоном, побеждавшими его. И разумеется, в статье «Если Боу...» не нашлось места сказать, что вообще-то WBA и IBF должны были лишить Боу своих титулов уже во второй раз, так как, по правилам этих организаций, чемпион не имеет права драться с боксерами, не входящими в рейтинговую десятку, а Доукс и Ферпосон были от нее очень далеки.

Риддик Боу присвоил себе кличку Большой Папочка. На самом деле вся Америка играла теперь роль его большой мамочки, которая покрывала его грешки. Но Боу и Ньюман, сами того не зная, играли с огнем. Страна начинала их тихо ненавидеть. Не лишенный чуткости Ньюман почувствовал, что все самые идиотские аргументы в защиту Риддика уже истрачены и третьего подобного боя ему не простят. Тот же журнал «The Ring» услужливо подсказал, что можно провести матч-реванш с Холифилдом. Он в последнее время выглядел откровенно неважно, и у сладкой парочки Боу и Ньюмана были все основания полагать, что матч-реванш с ним будет легче, чем первый бой. К тому же у Боу был ключ к победе над ним или по крайней мере он считал, что ключ есть.

О том, чтобы встретиться с Ленноксом Льюисом, речь так ни разу и не зашла, да и никто в Америке особо этого не требовал, так как Леннокс Льюис — англичанин, а чемпион мира в тяжелом весе в Америке, по определению Нормана Мейлера, вынесенному в заглавие этой книги, — второй человек в стране после президента. Но иностранец не может быть вторым человеком в Америке по определению. Для среднего американца образца 1992 года это было так же нелепо, как если бы статуя Свободы своим ходом отправилась через океан, пусть даже когда-то ее оттуда и привезли. Не английское это дело, быть чемпионом мира в тяжелом весе. Это дело чисто американское. И если не нашлось никого более достойного, чем Риддик Боу, то пусть будет Боу. Все лучше, чем этот ямаец-канадец-британец в одном флаконе. Ведь еще Джон Л. Салливан считал, что «чемпионский титул в тяжелом весе — это национальное достояние, которое не может принадлежать кому попало», и поэтому отказывался драться с неграми. А Боу отказался драться с иностранцем — только и всего.

СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИЛД-3

Вернувшись в свою раздевалку после поражения Риддику Боу, Эвандер Холифилд сказал: «Значит, так тому и быть».

Ко всем прочим неприятностям, у Эвандера в то время разваливалась семья. Его жену многие обвиняли тогда в излишнем корыстолюбии и в том, что она нашла для развода не самый подходящий момент. Она на это никак не отвечала. Сам Эвандер тоже хранил молчание. Эта, как казалось, грустная история имела неожиданное продолжение через много лет, и финал ее был просто анекдотичным.

Отношение боксерской общественности к Холифилду теперь резко изменилось. Поражение дало ему наконец то, что до сих пор не давали победы — уважение. Технически он ведь не проиграл бой с Риддиком Боу. Он просто совершил тактическую ошибку, попытавшись перерубить во встречном бою противника гораздо крупнее и сильнее себя. И все-таки в его возвращение на трон никто особенно не верил. Нельзя научиться быть выше ростом. Эвандера оставил его старый тренер Джордж Бентон, сказав на прощание, что в 30 лет нельзя научиться чему-то новому и тем более сильнее бить. Новым тренером Холи-филда стал Эммануэль Стюарт, известный в то время главным образом как человек, подготовивший легендарного чемпиона мира в четырех весовых категориях — Томаса Хернса. Стюарт отзывался о перспективах Эвандера с осторожным оптимизмом.

На все эти передеряги ушло много времени, и в следующий раз Холифилд вышел на ринг только 26 июня 1993 года против старого знакомого — Алекса Стюарта, и тот снова, как и в их первом бою, в 1989 году, испортил ему репутацию. У многих боксеров есть такой неудобный соперник, который представляет проблему именно для них, в то время как другие расправляются с ним достаточно легко. У Мохаммеда Али таким был Кен Нортон, не представлявший никаких проблем для Джорджа Формена. У Холифилда — Алекс Стюарт.

Публика встретила выход Холифилда на ринг овациями, которые быстро стихли, когда начался бой, а вскоре перешли в неодобрительный гул. Зрители увидели не нового Холифилда, а старого, да еще не в лучшем виде. Время от времени, например в третьем раунде, ему удавалось проводить длинные серии ударов, но особого эффекта они не имели. Алекс Стюарт вел бой на неплохом для себя уровне, но публика пришла смотреть не на него, а экс-чемпион не показывал ничего достойного внимания. Почти в каждом раунде Эвандер имел солидный перевес, но от него ждали не перевеса, а нокаута, и имели на это все основания, так как противник оставлял желать лучшего. Обещанного удара у Холифилда не появилось. Это было особенно очевидно, когда его кулаки попадали в цель, что случалось отнюдь не редко. Его излюбленные апперкоты да и другие удары регулярно прошивали защиту Стюарта, но тот не падал. В одиннадцатом раунде, казалось, наступил долгожданный момент, и Холифилд наконец-то нокаутирует своего соперника, но этого опять не произошло. Бой закончился под улюлюканье зрителей. Судьи единогласно отдали голоса Холифилду: один со счетом 119:110 и двое — 118:110, что достаточно точно отражало соотношение сил в данной встрече, однако этот результат не удовлетворил никого.

«Краткая эра Эвандера Холифилда — теперь это можно сказать совершенно определенно — уходит в прошлое. Ясно и то, какое место он займет в истории бокса. В своеобразном рейтинге чемпионов всех времен он будет не в первом ряду, и, скорее всего, не во втором. Его место — рядом с Джеймсом Брэд-доком, Эззардом Чарльзом и многими другими, которых вряд ли помнит кто-нибудь, кроме специалистов. Все они были прекрасными боксерами, но чемпионами стали только потому, что в тот момент в тяжелом весе не было яркой личности. Едва она появлялась — они уходили в тень. Холифилду не понадобилось и этого. Ведь не считать же Бауи яркой личностью».

Это слова из моей собственной статьи, написанной в конце июня 1993 года по следам боя Холифилд — Стюарт. Вот таким неважным пророком я оказался. Себе в оправдание могу сказать, что по крайней мере попал в хорошую компанию, так как тогда все ведущие обозреватели и эксперты писали примерно то же самое.

Казалось, что Боу и Ньюману нечего бояться, они и не побоялись. Матч-реванш состоялся 6 ноября 1993 года там же, в Лас-Вегасе. На предматчевой пресс-конференции Риддик вел себя подчеркнуто по-хамски, не давая Холифилду говорить и то и дело его перебивая. Судя по всему, он вообще относится к тем людям, кому необходимо скандалить, чтобы почувствовать свою силу. Свое довольно истеричное выступление Боу подытожил так: «В прошлый раз я угостил его только закуской. На этот раз — накормлю полным обедом». Потом был бой, который все и, главное, всех расставил на свои места. Некоторых даже на всю оставшуюся жизнь.

Риддик Боу явно полагал, что первый раунд их второго боя станет, по существу, тринадцатым раундом первого. Едва вылетев из своего угла, он нанес Холифилду правый прямой, тот отступил и чуть не поскользнулся. Боу бросился на него, но Эвандер ушел от атаки. Зато пропустил следующую, и ему на челюсть обрушились правый апперкот и левый хук. Все полагали, что он тут же полезет в рубку, но он, ко всеобщему удивлению, этого не сделал. Стало ясно, что Холифилд не собирается повторять свою ошибку их первого боя и не будет пытаться перерубить своего здорового противника. Однако первый раунд он все равно проиграл.

В начале второго раунда Холифилд слегка подвернул ногу, и Риддик, отбросив всякое джентльменство, решил этим воспользоваться, но Эвандер ушел от атаки. И все же Риддик нанес в этом раунде значительно больше ударов, чем Холифилд.

Третий раунд начался с того, что Эвандер красиво ударил правой в разрез, но скоро Боу вернул себе инициативу. Где-то между делом он провел двойку с акцентом на правом кроссе, от которого Эвандера пошатнуло. Увидев это, Боу добавил еще хук слева и два правых апперкота — по корпусу и после паузы в челюсть, но Холифилд устоял. Раунд остался за чемпионом.

Что-то похожее на перелом наметилось в четвертом раунде, который выглядел как раунд из их первого боя. Боу уверенно выигрывал его в течение двух с лишним минут, а потом Холифилд неожиданно спуртовал и затеял рубку, в которой имел ощутимый перевес над вдруг уставшим Риддиком. Этот раунд можно было отдать и тому, и другому: Боу в целом нанес больше ударов, зато Холифилд безоговорочно выиграл концовку, а заодно и постконцовку. Боксеры так увлеклись, что не стали обращать внимания на такой пустяк, как гонг, и с увлечением продолжили выяснять отношения дальше, пока их не разняли секунданты вместе с рефери.

Боу получил в этом раунде несколько рассечений и на пятый вышел каким-то несобранным, чем тут же воспользовался Холифилд. Он провел много отличных ударов справа, и впервые за их два боя ему удалось слегка потрясти здорового Боу, который в этом бою весил еще больше, чем в прошлом, — 111,5 кг. Холифилд, между прочим, тоже не полегчал — 98,5 кг.

Шестой раунд остался за Холифилдом, который был несколько точнее чемпиона. Создавалось впечатление, что Боу не так хорошо готов к этому матчу, как был готов к предыдущему. Тем не менее седьмой раунд он начал крайне агрессивно: провел левый боковой и правый кросс, которые потрясли Холифилда, затем еще серию, а когда утомился, стал держать его на джебе. Холифилд поначалу, видимо, не ожидал такого поворота, но он быстро пришел в себя.

Противники сошлись в клинче, Эвандер невольно посмотрел Боу за спину и вдруг оторвался от него и резво отбежал на пару шагов назад к канатам. Боу был явно озадачен, но через секунду увидел, что произошло. А все остальные на открытой арене Сизарс-пэлас давно уже смотрели хоть и на ринг, но не на боксеров.

Посреди боя с неба на ринг опустился Карлсон или по крайней мере, как у нас говорят, «человек, похожий на него». У него за плечами был мотор с пропеллером, которого, разумеется, было недостаточно для того, чтобы удержать его в воздухе, поэтому на нем был еще и парашют типа крыло. «Карлсон» опустился на канаты ринга и запутался в них, парашют, который начал складываться, ситуацию тоже не облегчал. Вид все это имело абсолютно дикий. Бой был, разумеется, тут же остановлен. По-боевому настроенные секьюрити вместе с людьми из первых рядов, то есть почетных гостей и людей, заплативших большие деньги за билеты, стянули парашютиста с канатов и без всякой паузы стали вдохновенно бить. Все это происходило рядом с беременной женой Боу, которая потеряла сознание, и ее чуть позже увели в отель. Холифилд и Боу тем временем, чуть оправившись от потрясения, надели халаты и принялись прыгать, пытаясь не остыть, добавляя еще одну сюрреалистическую ноту в это и без того безумное зрелище.

Позже Холифилд объяснил, почему он побежал. В то время на слуху была история с ранением теннисистки Моники Селеш, которую ударил ножом болельщик другой теннисистки — Штеффи Граф, и Эвандер подумал, что это тоже какой-то придурковатый и, скорее всего, вооруженный террорист.

Как ни странно, та же самая мысль пришла в голову и Року Ньюману, который, однако, боялся не за боксеров, а за одного из почетных гостей, чудовищное порождение политкорректности — черного расиста и не менее черного фашиста Луиса Фар-рахана, которого он лично пригласил на матч. Ньюман испугался, что безумный Карлсон спустился с неба специально для того, чтобы убить этого нужного стране человека, и успокоился лишь тогда, когда понял, что речь в данном случае идет не о политическом убийце, а об обычном великовозрастном придурке.

Чтобы привести в чувство зрителей и убрать последствия воцарившегося бардака потребовалось больше 20 минут. Наконец все более-менее успокоились, и было решено продолжить бой. В оставшейся части раунда лучше выглядел Холифилд. Он провел тройку левый-правый-левый, слегка потрясшую Боу, а через некоторое время еще и левый хук, который тоже со стороны Риддика не прошел незамеченным. Это был еще один раунд, победу в котором можно было дать и в ту, и в другую сторону.

Восьмой раунд остался за Холифилдом. Он опять был лучше в конце, но Боу вначале сделал слишком мало, чтобы это повлияло на общий результат. Эвандер сумел в жестком размене нанести лучший удар — правый апперкот, а в конце ему еще удалась отличная тройка правый-левый-правый.

В девятом раунде Боу был лучше на протяжении почти всего времени схватки. Холифилд ненадолго перехватил инициативу в середине, но концовка была за Риддиком. Если Боу рассчитывал, что Холифилд сломался, то в десятом раунде его ждало разочарование. Риддик сумел выиграть только первый размен, а дальше все шло под диктовку Эвандера. Его двойки и боковые с обеих рук принесли ему победу в раунде.

Одиннадцатый раунд Эвандер начал с правого кросса, слегка обескуражившего противника. Боу пострелял джебами какое-то время, но Холифилд разорвал дистанцию и начал здесь хозяйничать, а закончил раунд совсем уже фантастической пя-тиударной комбинацией из трех правых и двух левых боковых. Раунд за ним.

В начале двенадцатого раунда Боу провел сильнейший левый по печени, который на секунду подломил корпус Холифилда. Эвандер собрался, но Боу успел ударить вдогонку и где-то еще минуту уверенно лидировал. Холифилд остановил его порыв, проведя несколько правых кроссов, один из которых потряс Боу. Концовка почти равная, но все-таки этот раунд за чемпионом. Или уже не чемпионом? Соперники не смогли остановиться после гонга, на ринг выскочил Эммануэль Стюард и в броске опрокинул Холифилда на пол, в то время как рефери, миниатюрный Миллз Лейн, почти повис на Боу.

Рефери зачитал судейские карты. Один судья дал ничью — 114:114, второй и третий отдали победу Холифилду, соответственно 115:113 и 115:114. На моей «карте» тоже получилась ничья 114:114, но я ни в коем случае не в претензии на судей. Компьютерный подсчет ударов показал очень большой перевес в пользу Боу —

Победу Холифилда подтвердил и человек, от которого ожидали, что он будет громче всех ее оспаривать. Завоевав титул, Риддик Боу был достоин его всего несколько минут, а потом он свое достоинство потерял и прекрасно обходился без него весь свой чемпионский год. Через несколько минут после того, как Холифилд отобрал у него титул, достоинство вернулось к Рид-дику. Он подошел к Эвандеру и сказал: «Я говорил, что я первый, а ты второй. Так вот, это я второй».

После поражения от Боу Америка впервые по-настоящему зауважала Эвандера Холифилда. Теперь она его наконец полюбила. Страна оказалась в положении капризной жены, которая в один прекрасный день, увидев, как другие женщины реагируют на ее мужа, влюбляется в него сама.

Риддика Боу и Рока Ньюмана после сладкого года чемпионства ждало жесточайшее похмелье. WBA и IBF, об которых они так самозабвенно вытирали ноги в ответ на то, что эти федерации покрывали все их грехи, теперь просто осатанели. Сначала в своих рейтингах они поставили Боу издевательски низко, а потом, выждав паузу, вообще выкинули его оттуда. Риддик Боу просто перестал для них существовать, а для WBC он уже не существовал с того самого дня, как выкинул пояс этой организации в мусорную корзину. Кроме того, Ньюман переругался со всеми ведущими промоутерами, которые терпеть не могли этого выскочку, попытавшегося перевернуть с ног на голову всю систему мирового бокса, которая создавалась годами. В общем, вскоре Риддику было в самый раз идти драться на ярмарку, как Джону Л. Салливану за сто с лишним лет до этого. Он не сдался без боя, но что-то в нем сломалось окончательно через несколько месяцев после потери титула. Боу много раз и многие предлагали выход из положения — расстаться с Нью-маном, но Риддик каждый раз отказывался, показав, что умеет ценить добро. В конечном счете это стоило ему карьеры.

А на улице Эвандера Холифилда наступил настоящий праздник. Америка радовалась вместе с ним, а Леннокс Льюис бросил ему вызов. Его в очередной раз проигнорировали, это стало доброй традицией: в ответ на вызов британца делать вид, что никто ничего не говорил. Однако мало кто сомневался, что в конце концов Эвандер выйдет против него и обязательно разобьет. Но пока герой устал и имел право на отдых. А потом он имел право на легкий бой, что вполне разумно, — тяжелые бои должны чередоваться с проходными, иначе ни один чемпион не сможет постоянно выдерживать такое напряжение.

Легкий бой Эвандера состоялся 22 апреля 1994 года. Противником его был очень неплохой боксер Майкл Мурер, бывший полутяж. Впервые с тех пор, как он перешел в тяжелый вес, Холифилду предстояло драться с противником одних с собой габаритов. Все остальные были или крупнее, или намного крупнее. Однако судьба решила еще раз попробовать Эвандера на сгиб и излом, о чем он узнал только на ринге.

Бой начался так, как должен был, — Холифилд захватил инициативу и в конце второго раунда трехударной серией левый-правый-левый отправил Мурера в нокдаун. Тот довольно бойко встал на колено, дождался, пока рефери досчитал до «восьми», и встал. Но, начиная со следующего раунда с Холифилдом что-то случилось, ему как будто вдруг стало на 10 лет больше. Все он делал правильно, но как-то замедленно и устало. Безусловно, ему несколько мешало, что Майкл боксировал в правосторонней стойке, как левша (именно «как левша», потому что Мурер на самом деле относится к редкому типу «скрытого правши», то есть правши, стоящего в той же стойке, что и левша), но только этим никак нельзя было объяснить то, как он выглядел в этом бою. Ему как будто подвесили гири и на ноги и на руки, и Эвандер с огромным трудом заставлял себя драться.

Как ни странно, к этому оказался не готов сам Мурер, который боксировал до крайности лениво, чем приводил в бешенство своего тренера Тедди Атласа, который когда-то тренировал Майка Тайсона в школе Каса Д'Амато. Атлас, одна из самых колоритных личностей американской боксерской тусовки, человек бешеного темперамента с молодежьим лицом, перечеркнутым здоровенным шрамом от ножевого ранения, в перерывах между раундами и во время боя орал Муреру: «Этот парень хочет отдать тебе титул, а ты не можешь его взять». Однако Мурер все никак не мог заставить себя что-то делать. Наконец терпение у Атласа лопнуло. Когда после восьмого раунда Мурер пришел к себе в угол, Тедди поставил для него табуретку... и, к восторгу заскучавшего было зала, сел на нее сам. Мурер ошарашенно на него уставился, и Атлас взорвался. «Ты хочешь, чтобы я с ним дрался вместо тебя? — заорал он. — Если ты не хочешь выиграть этот бой, то я хочу его выиграть, так что сбегай принеси мне водички. Не хочешь драться, так посиди здесь, а я пойду драться». Атлас не унимался: «С этим парнем покончено. Ты сам себя обманываешь и завтра будешь раскаиваться. Ты упускаешь свой шанс. Он здесь у тебя под носом лежит, тебе нужно только взять. Вместо того чтобы проиграть этот бой тебе, он проиграет следующий, но уже не тебе!»

Мурер внял внушению Атласа и концовку провел неплохо, но не более того. Судьям Майкл настолько не понравился, что один из них даже поставил ничью — 114:114, а двое других отдали ему победу только со счетом 116:112 и 115:114, хотя по справедливости надо было бы поставить где-то 118:111, как сделали несколько независимых экспертов, однако сути дела это не меняло. Холифилд проиграл свои титулы по версиям WBA и IBF.

Об этом как-то забыли, но во время своего второго недолгого правления Эвандер уже не был абсолютным чемпионом. Риддик Боу даже не смог вернуть себе то, что взял, потеряв по дороге из-за собственной трусости пояс WBC, который достался Ленноксу Льюису. Кстати, менеджер последнего, Фрэнк Малоуни, был в тот день в зале, видел, как проиграл Холифилд, и выразил общее мнение, сказав: «Проиграли все, кроме Мурера».

И все же что-то сомнительное было в этом бою. Случается, что боксеры вот так внезапно стареют, но для Холифилда это было явно рановато, ему шел только 32-й год. Все стало известно через несколько дней.

После боя Эвандера отвезли в больницу с травмой, как считали, плеча и с явными симптомами обезвоживания

мощностью, наоборот, не поспевает. «В этот момент, — сказал чуть позже доктор Стивенс, личный врач Холифилда, — мы поняли, что у него что-то с сердцем». Дальнейшее обследование показало, что у Эвандера недостаточно развит левый желудочек сердца, который снабжает кровью все тело (правый желудочек снабжает кровью легкие). Одним из основных симптомов этого заболевания является сильная усталость.

«Мистер Холифилд, — подытожил доктор Стивене, — провел бой в состоянии сердечной недостаточности. Это настоящее чудо, что он сумел продержаться все двенадцать раундов». При этом он добавил, что ранее при обычном обследовании обнаружить это заболевание было невозможно. Однако жизни Эвандера оно не угрожало, хотя он мог потерять сознание. Мнение доктора Стивенса подтвердил и кардиолог Даглас Моррис: «Нельзя сказать, что он сидел на бомбе с часовым механизмом. Просто его сердце работало не на полную мощность. Мы не считаем, что его жизнь находилась в опасности». Однако врачи заявили, что, хотя Холифилд и остается практически здоровым человеком, ему отныне противопоказаны перегрузки, которые, разумеется, неизбежны на ринге. Так что о продолжении боксерской карьеры, казалось, не могло быть и речи.

Пресс-конференция врачей проходила в больнице, где лежал Холифилд. Через некоторое время появился и он сам. Всегда с иголки одетый, Эвандер на этот раз вышел к журналистам в черном тренировочном костюме и тапочках, он шел очень медленно, и под руку его поддерживала медсестра.

«Когда доктор Стивене сказал мне, что произошло, — сказал Холифилд, — мне было нетрудно принять решение. Я буду очень скучать по рингу, но я верю в то, что Бог не случайно связал мою жизнь с боксом. Я очень любил его и с помощью бокса улучшил и свою жизнь, и жизнь своей семьи».

Холифилд также рассказал, что проблемы со здоровьем начались у него не вчера. Впервые он почувствовал необъяснимую усталость, когда готовился к бою с Бастером Дагласом за звание чемпиона мира в тяжелом весе осенью 1990 года. «Последние два года я все время думал: почему я так устаю, — рассказал Холифилд журналистам, — почему мне так тяжело восстанавливаться после тренировок и боев? Когда врач сказал мне, в чем дело, я сразу все понял. Перед боем с Дагласом я почувствовал себя плохо и пожаловался ребятам из моей команды. Они назвали меня плаксой. Я нокаутировал Дагласа, и все были очень рады. Перед встречей с Форменом я снова пожаловался на самочувствие, и они опять обозвали меня плаксой. Я снова выиграл, и снова все были очень рады». Слушатели засмеялись. То же самое произошло, когда он готовился к бою с Бертом Купером в ноябре 1991 года и к бою с Лэрри Холмсом в июне 1992. Однако Эвандер не пожелал списывать свое поражение Риддику Боу в ноябре 1992 года на плохое самочувствие. «Я был тупицей и не слушал чужих советов», — сказал он.

Как ни странно, никто тогда не вспомнил действительно первый случай, когда Эвандер испытал такой приступ необъяснимой усталости. Это произошло во время его боя с Дуайтом Кави в 1987 году. Тогда после пятого раунда Холифилда как будто подменили, тем не менее он сумел оставшиеся 10 (!) раундов провести на уровне и выиграть.

Когда Холифилд уже направлялся к лифту, чтобы подняться в свою палату, его спросили, не кажется ли ему этот день грустным. Эвандер ответил: «Нет. Это очень хороший день. Я дышу, и я здоров».

Перед боем с Холифилдом Майкл Мурер сказал: «У него сердце чемпиона». Он даже сам не знал, как был прав.

С Майкла Мурера начинается период «недостойного чемпионства», который продолжался около двух лет, а титулы по всем трем основным версиям переходили из одних рук в другие, ни у кого подолгу не задерживаясь. Было ясно, что Мурер завладел своим титулом случайно. Если бы не Тедди Атлас, вполне возможно, что он так и не «накатил» бы на Холифилда, и снисходительные судьи отдали бы победу Эвандеру. После боя говорили, что, по справедливости, пояс надо вручить Атласу, а не Муреру.

До того как стать чемпионом мира в тяжелом весе, Мурер прославился двумя вещами. Во-первых, он был совершенно несокрушимым полутяжем и, хотя ему принадлежал только титул по второстепенной версии WBO, никто не оспаривал там его первенство. «Перевернутый» правша, он так мощно бил правый боковой, что ни один полутяж не закончил бой с ним на ногах. Именно исходя из силы удара, он перепрыгнул через первый тяжелый вес и стал выступать в самой тяжелой категории. Однако здесь ребята были уже совсем другими, и своими ударами он мало кого мог удивить.

Еще Мурер прославился бесконечными проблемами с полицией. В 1989 году он получил 18 месяцев условного заключения за очень серьезную драку. Едва они истекли, как в 1991 году его снова арестовали. На этот раз он сломал челюсть полицейскому. Впрочем, сам он все отрицал. То ли полицейский был сам не безупречен, то ли еще по какой-либо причине, но наказание оказалось мягким: два года условно. По слухам, эта история обошлась Муреру в 250 тысяч долларов. Наконец, за четыре месяца до встречи с Холифилдом Майкл подрался в баре. На его счастье, конфликт урегулировали без суда, но подобные проблемы возникали и позже.

Было совершенно очевидно, что на чемпионском троне Мурер долго не продержится. Во-первых, не тот характер. В полутяжах он мог побеждать не напрягаясь, но в тяжелом весе ситуация принципиально другая. Не мог же Атлас в каждом бою повторять свой номер в перерыве между раундами. Во-вторых, Муреру просто не хватало физических данных, чтобы ровно выступать среди «больших ребят». При росте 188 см он весил около 97 кг, но это был искусственный вес, не столько даже накачанный, как у Холифилда, сколько наеденный. В общем, его поражения ждали, но никто даже представить себе не мог, насколько оно близко и каким позорным будет.

5 ноября 1994 года, собираясь впервые защитить свой чемпионский титул по версиям WBA и IBF, Мурер встретился с Джорджем Форменом, которому было уже 45 лет.

огрызался, и несколько раз Мурера даже слегка повело. Тем не менее Формену досталось явно больше. У него практически закрылся левый глаз, временами его мучила одышка. И все это время, и в перерывах и во время боя, Тедди Атлас орал Муреру: «Не уходи влево! Не уходи влево!» Атлас как огня боялся удара Формена справа. Иногда Мурер его слушал, но чаще уходил как раз влево. Бой проходил в очень замедленном темпе, и зрители откровенно скучали, ожидая, когда же он закончится и Мурера объявят победителем. Тем не менее Формен иногда попадал в него, и это настораживало. Их поединок оброс легендами, и о нем часто пишут, что Большому Джорджу не удавалось вообще ничего, но это не совсем так.

Десятый раунд начался тихо, а затем Формену удалось провести несколько неплохих атак и слегка потрясти молодого чемпиона (все еще чемпиона). Об этом тоже почему-то часто забывают и представляют последовавший вскоре финал встречи как совершенно неожиданный. На самом деле Большой Джордж выигрывал этот раунд. Затем хитрый Формен провел несильную двойку. Мурер спокойно стоял и ждал, что будет дальше, видимо взяв небольшую передышку, чтобы очухаться. В этот момент он не уходил влево, как часто пишут, если не считать микроскопического движения корпусом и головой, а просто стоял на месте, как почти неподвижная мишень. А дальше Формен слегка отвел левую руку, как будто собирался ударить ею сбоку, но потом, словно передумав, нанес джеб в разрез между перчатками, за которым тут же последовал правый прямой в ту же точку, но под другим углом. Видимо, последний удар был чудовищным по силе, так как Мурер упал замертво и не мог встать далеко не десять секунд. Бить Формен за 20 с лишним лет не разучился.

Отдавая должное победе Большого Джорджа и его фантастическому достижению, которое вряд ли когда-нибудь будет повторено, нужно сказать, что все-таки это не столько Формен выиграл, сколько Мурер проиграл. Джордж в том бою был гораздо хуже, чем он был три года назад во встрече с Холифилдом. Но его последняя двойка была настоящим шедевром. Представитель старой гвардии Формен показал в течение двух секунд высший пилотаж, который перевесил и двадцатилетнее преимущество Мурера в возрасте, и чуть ли не двукратное в скорости, а заодно показал и уровень молодого чемпиона. Наверно, против Формена образца 1973 года Майкл Мурер не продержался бы больше одного раунда.

Однако на протяжении почти всего этого времени был еще один чемпион, о котором в Америке старались не думать, — Леннокс Льюис. Ему по-прежнему принадлежал титул по версии WBC. Правда, Холифилд собирался с ним встретиться, но проиграл Муреру. Льюис, до того вызывавший на бой Холифилда, тут же вызвал и Мурера, и в ответ не услышал вообще ничего.

Но и у Льюиса дела обстояли, что называется, не фонтан. Победив в блестящем стиле Раддока, Леннокс поднял планку очень высоко и теперь сам никак не мог повторить свой старый результат, а ждали от него именно этого.

В первый раз свой титул он защитил 8 мая 1993 года в Лас-Вегасе. Его противником был долговязый и неудобный Тони Таккер, которого за шесть лет до этого Тайсон так и не смог послать даже в нокдаун, хотя и одержал безоговорочную победу. Правда, теперь Таккеру было уже 34, но после Железного Майка он больше никому не проигрывал и по праву занимал первое место в претендентском рейтинге WBC.

Сейчас уже трудно понять, чем же американцы остались тогда недовольны, так как пресса у этого боя в США была очень неважная. Скорее всего, они просто увидели то, что хотели увидеть: Льюис ни в чем не превосходит Риддика Боу, который готов был опозориться на весь мир, но только не драться с британцем.

В бою с Таккером никто не выглядел хорошо, даже Тайсон. Не удалось это в полной мере и Льюису, хотя он явно доминировал на протяжении всего боя. В третьем и девятом раундах ему удалось то, что не вышло у Железного Майка, — послать Таккера в нокдаун, но публика требовала нокаута и не получила его. Судьи отдали победу Льюису со счетом 118:111, 117:111 и 116:112. Куда смотрел во время боя последний арбитр, не совсем ясно.

Именно после этой встречи в Америке окончательно сформировалось антильюисовское лобби, которое отныне будет освистывать его на каждом шагу, медленно, но верно утверждая рядового зрителя в мысли, что Льюис никто, зовут его никак и вообще еще неизвестно, кто отказался от боя, Риддик Боу или сам Льюис. Кажется, все-таки Льюис. И на Олимпиаде в Сеуле тоже победил, скорее, Боу. Это просто рефери не разобрался, кто из соперников трижды побывал в нокдауне. Самое смешное, что здесь нет чрезмерного преувеличения, если сравнить с тем, что на самом деле писала о Льюисе американская пресса с конца 1992 года по начало 1999-го.

А вот 1 октября 1993 года Льюис подпортил себе репутацию уже самостоятельно. В Кардиффе, в Уэльсе, он встретился с соотечественником Фрэнком Бруно.

За всю историю профессионального бокса не было случая, чтобы за титул чемпиона мира в тяжелом весе драли два англичанина. Бой проходил на открытом стадионе и едва не сорвался из-за дождя. Было довольно прохладно, и, видимо, на Льюисе это сказалось в большей степени, чем на Бруно. Во всяком случае, так после боя он объяснял не совсем удачное для себя начало. Возможно также, что на него повлияла и открытая неприязнь публики. Бруно в Великобритании играл роль любимого всей страной плюшевого мишки, Винни Пуха в боксерских перчатках. Вообще его любили все. Даже отколошмативший его Тайсон много раз говорил: «Бруно мне нравится» — и тепло улыбался при этом. А уж о популярности Фрэнка в Англии рассказывать можно часами. Одна из основных причин — его незаурядный талант комического актера и безмерное обаяние, пусть даже язык у него иногда работает без всякого контакта с головой, что с ехидством отмечали многие журналисты. В этом тоже было что-то милое, от Винни Пуха. К Льюису же по-прежнему относились весьма холодно.

Что с ним случилось в тот день, сказать трудно, но Бруно выступил на уровне, которого от него никто не

апперкот и правый прямой, после которых Бруно уже не восстановился. Любопытно, что после шести раундов двое американских судей выставили соперникам равные очки — 57:57, а британский судья показал очень значительное преимущество любимца английской публики — 59:55.

Так и не придя в себя от трепки в предыдущем раунде, в начале седьмого Бруно ринулся в атаку, понимая, что это его последний шанс. Он загнал Леннокса в угол и стал один за другим наносить мощные, но не достигающие цели апперкоты. Льюис, не потерявший способности соображать в пылу боя, увидев, что удары повторяются, и заметив, что правая рука Бруно пошла вниз, «заряжая» себя на следующий апперкот, нанес левый хук на опережение, удар, которым до знакомства с Дэвен-портом он практически не владел. Фрэнк остался на ногах, но сделался совершенно беспомощен, и, когда Льюис бросился в шквальную атаку на добивание, рефери остановил бой. Бруно позже признал правильность его действий.

После боя все заметили регресс в технике Льюиса. Как я узнал через много лет из разговора с Фрэнком Малоуни, менеджером Леннокса с момента его перехода в профессионалы, те же самые разговоры ходили и в его команде. Дело в том, что с неуживчивым и властным тренером Джоном Дэвенпортом Льюис к тому времени давно расстался. Дэвенпорта не было в углу Леннокса уже тогда, когда он разгромил Радцока, но все, чему он его научил, еще было при Льюисе. На место Дэвенпорта взяли не слишком известного тренера — Пепе Корреа. Со временем, как сказал Малоуни, выяснилось, что Корреа вообще не тянул на звание тренера, зато был блестящим лидером группы поддержки, который мог своей эффектной истерикой завести множество людей вокруг. Это особенно отчетливо проявилось в следующем бою Льюиса с Филом Джексоном — 6 мая 1994 года. На этот раз противник был такой, что он вообще ничего не сумел противопоставить Ленноксу, но тот, послав его в нокдаун уже через 12 секунд после первого удара гонга, до восьмого раунда никак не мог его добить, что выглядело почти жалко.

Избавиться от Пепе Корреа решили как можно скорее. Малоуни требовал сделать это немедленно, но Льюис, видимо испытывая слабость к своему самому преданному болельщику, настоял, чтобы это сделали после следующего боя. Тем более что противник, неоднократно битый американец Оливер Мак-колл, подрабатывавший одно время у Тайсона спарринг-партнером, не производил впечатление грозной силы. Скрепя сердце Малоуни согласился. Ладно, пусть остается — только на один бой. Как впоследствии оказалось, больше было и не надо.

Вокруг этого боя, который решили провести в Лондоне, с самого начала сложилась совершенно нездоровая и несвойственная для Леннокса Льюиса атмосфера, и создателем ее был все тот же Пепе Корреа, который в своем болельщическом угаре перешел все допустимые грани. На предматчевой пресс-конференции он бросил Макколлу женский пояс с резинками для чулок бордельной расцветки и заорал: «Это единственный чемпионский пояс, который ты будешь носить». Льюис и другие члены его команды не знали, куда глаза девать. Это было нечто вроде угроз Тайсона расцеловать Раддока в его толстые губы. Единственный человек, который хорошо себя чувствовал в такой обстановке, был только сам Пепе Корреа.

Бой состоялся 24 сентября 1994 года. С самого начала все складывалось неважно. В первом раунде во всех действиях Льюиса чувствовалась неловкость и неподготовленность. Похоже, он только на ринге обнаружил, что Макколл обладает большой физической силой, и крайне неуютно чувствовал себя с ним в клинчах. Оливер тоже звезд с неба не хватал, но время от времени огрызался. Противники обменивались какими-то размазанными ударами. Перевес в этих ситуациях имел Льюис, но очень небольшой.

На последних секундах первого раунда Льюис попытался с дистанции провести свой коронный правый кросс. Достал, но неплотно. Леннокс тут же нанес длинный левый прямой на скачке, сам по себе, конечно, не такой сильный, как первый удар, но зато лучше достигший цели. В результате раунд он выиграл с небольшим, но ощутимым перевесом.

Видимо окрыленный этим небольшим успехом, второй раунд Леннокс начал с атаки. Он провел очень неплохую двойку, а затем нанес еще один длинный левый прямой на скачке, который опять пришелся точно в цель. Льюис снова пошел вперед. Макколл слегка запаниковал. Во всяком случае, когда Леннокс нанес длинный левый боковой, Оливер плотно зажмурился, уводя голову от удара, но тут же вслепую выбросил свой левый хук. Льюис увидел этот удар и откинул голову и верхнюю часть корпуса назад и влево, оказавшись, таким образом, в достаточно неловкой и неустойчивой позе. Тем не менее, он продолжил атаку и запустил свой правый кросс. Однако Макколл подбил эту ракету на взлете.

Дело в том, что, нанося левый боковой, Макколл закрутил свой корпус вправо, оказавшись в идеальной позиции для нанесения правого кросса, чего никак нельзя сказать о неловкой

позе Льюиса. Поэтому, когда Оливер «выстрелил» справа, его удар достиг цели, в то время как удар Леннокса еще только начинал свой полет к челюсти Макколла. Полет, который ему не суждено было закончить из-за упреждающего удара Оливера.

Удар был страшный. Его эффект еще усилился от неустойчивой, со смещенным центром тяжести, позы Льюиса. Ирония заключалась в том, что Макколл, возможно, нанес роковой удар вслепую или полувслепую, так как он, похоже, не успел полностью раскрыть глаза, которые зажмурил, уходя от удара Льюиса.

Когда Леннокс падал, было уже ясно, что это не нокдаун, а нокаут. Он успел встать до того, как рефери закончил счет, но его шатало. Уже когда тот сделал знак, показывающий, что бой закончен, Льюиса болтануло назад, что показало правильность решения арбитра, которое теперь уже экс-чемпион попытался оспорить. Но правда, как и судьба, была в тот день не на его стороне.

она была доведена до инстинктивного автоматизма. Именно поэтому он и провел ее фактически с закрытыми глазами. Создавалось впечатление, что это была домашняя заготовка, вполне возможно подготовленная специально под Льюиса.

Позже ту же комбинацию, в той же самой вариации и часто с тем же самым эффектом можно было не раз увидеть в исполнении Льюиса. Дело в том, что после этого боя он расстался с Пепе Корреа и пригласил тренера своего бывшего противника Эммануэля Стюарда. Стюард тогда еще не считался лучшим тренером современности, но был уже на пути к этому. Это он привел Льюиса к его самым громким победам, но в 1994 году до них было пока далеко.

Через месяц с небольшим после боя Майкл Мурер еще более неожиданно проиграл Джорджу Формену. В том году на ринге вообще творилось что-то неладное. Фавориты проигрывали один за другим. Это была какая-то эпидемия, которой, казалось, не будет конца. 1994 год так и вошел в историю как «год апсетов» (upset year). Слово «upset» в данном случае означает не расстройство, а неожиданный результат боя. Только в тяжелом весе таких было три: в боях Холифилд — Мурер, Льюис — Макколл и Мурер — Формен, а всего в титульных боях в том году более 10.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Тем, кому казалось, что более безумной, чем в 1994 году, ситуация в тяжелом весе уже быть не может, в следующем году под давлением обстоятельств пришлось изменить свое мнение.

Началось с того, что Джордж Формен, которому принадлежали два титула из трех, по версиям WBA и IBF, задурил. Большой Джордж прекрасно понимал, что чудо два раза не повторяется и что победа над Майклом Мурером — самое настоящее чудо, судя по его дальнейшим действиям, Формен прекрасно понимал. Завладев титулами, самый почитаемый в Америке любитель пиццы и гамбургеров занялся такой селекцией будущих соперников, какой позавидовали бы Боу с Ньюманом. Формен заявил, что проведет свой следующий бой с немцем Акселем Шульцем. В Америке даже среди экспертов трудно было найти человека, который бы знал, кто это такой.

Руководство WBA, подумав здраво, решило лишить Большого Джорджа своего титула, объявило его вакантным и, не откладывая дела в долгий ящик, 8 апреля 1995 года в Лас-Вегасе провело бой за него между Тони Таккером и Брюсом Селдоном. За два года, которые прошли после его боя с Льюисом, 36-летний Таккер потерял все, что имел. В активе у Селдона был один-единственный удар, левый джеб. Его-то он и всаживал на протяжении семи раундов, пока вся область вокруг глаз не превратилась у Таккера в сплошные припухлости и рассечения. Большого Селдон сделать не мог, но большего и не требовалось, и была объявлена его победа техническим нокаутом. Чемпион получился еще тот. За четыре года до этого Риддик Боу нокаутировал его в первом раунде, а Оливер Макколл непосредственно перед этим в девятом. В 1992 году Селдона победил такой знатный экс-чемпион, как Тони Таббс. Потом Селдон, правда, не проигрывал, но и противники у него были хоть куда. В общем, ничего, кроме раздражения, этот чемпион вызвать не мог.

В тот же день и на той же спортивной арене в Лас-Вегасе чуть не потерял свой титул и Оливер Макколл. 45-летний Лэрри Холмс выиграл первую половину боя, но на вторую в его толстом и усталом теле просто не хватило не то пороха, не то бензина. Тем не менее он продержался до конца. Все трое судей отдали свои голоса Макколлу, но сами очки говорят, насколько равным был этот поединок, — 115:112, 115:114, 114:113. Если у кого-то оставались сомнения в том, что Макколл — чемпион случайный, то теперь они рассеялись.

Уже в следующем бою Макколу удалось то, что не получилось в первом, — он все-таки потерял свой титул по версии WBC. Произошло это в Лондоне 2 сентября 1995 года, а соперником его был Фрэнк Бруно. Надо отдать ему должное: Бруно в бою выглядел очень пристойно, но это еще не значит, что он готов стать чемпионом мира. Просто в тот день Макколл был достоин титула еще меньше. Из двух недостойных победил менее недостойный. Фрэнк, которому всегда не хватало выносливости, как и Холмс, безоговорочно выиграл первую половину боя, однако, в отличие от Холмса, вторую половину хоть и проиграл, но не успел растерять всего, что набрал в первой. Судьи отдали заслуженную победу Бруно со счетом 117:111 (двое) и 115:113.

Самая любопытная интрига развернулась в IBF при участии Джорджа Формена. 22 апреля 1995 года в Лас-Вегасе он встретился с найденным им Акселем Шульцем, и немец его одолел с преимуществом как минимум в три-четыре раунда, но только для того, чтобы его самого одолели судьи, двое из которых отдали победу Формену со счетом 115:113, а третий поставил ничью — 114:114.

У Большого Джорджа, побитого и мрачного, не было никаких сомнений в том, кто победил, когда он возвращался в свой угол, как и у Шульца, который победно вскинул руки вверх. Но уже через несколько минут победитель и побежденный поменялись местами. Разразился скандал. Чтобы погасить его, IBF назначила матч-реванш, но Формен от него категорически отказался. Тогда IBF отобрала у него титул и назначила бой за звание чемпиона между тем же Акселем Шульцем и южноафриканцем Франсом Ботой.

Бота на тот момент не имел на своем счету ничего, кроме 35 побед, но только потому, что он не дрался ни с одним серьезным противником. Бой между столь странными претендентами состоялся 9 декабря 1995 года. Джо Луис перевернулся в гробу, когда эти соколы ясные вышли драться за треть того титула, которым владел он. Потому что любой из них составлял не одну треть от него самого, а меньше одной тридцать третьей.

Многострадального Шульца засудили и на этот раз, хотя не так нагло, как в прошлый. Двое судей из трех отдали победу Боте со счетом 118:111 и 116:112, а третий совершенно справедливо счел, что в бою двух посредственностей победил все-таки немец со счетом 115:113.

Бота, однако, пробыл чемпионом совсем недолго, так как после боя у него в анализах обнаружили анаболические стероиды, после чего руководство IBF пошло на беспрецедентный шаг: оно НЕ лишило Боту титула, и

тяжелом весе — Фрэнком Бруно и Брюсом Селдоном. Фотографию опубликовали в журнале «The Ring» с замечательной подписью: «Кто эти ребята?»

Однако американский суд счел, что это чересчур, и лишил Боту титула. 22 июня 1996 года Аксель Шульц снова вышел драться за звание чемпиона по версии IBF. На этот раз его противником был Майкл Мурер. Но, что называется, не судьба. Снова двое судей из трех отдали предпочтение противнику Шульца со счетом 116:113 и 115:114. Третий судья, видимо, сочувствуя страданиям Акселя, дал ему победу со счетом 116:113, но он, строго говоря, был не совсем прав. Впрочем, на тот момент ни сам Шульц, ни его титул никого не волновали. Тайсон уже год как вышел из тюрьмы и крушил все, вся и всех на своем пути.

Когда представители администрации тюрьмы Индианаполиса незадолго перед рассветом 25 марта вошли в камеру к Майку Тайсону, он читал журнал «The Ring». Подняв глаза на вошедших, он сказал одному из них, помощнику суперинтенданта Слейвенсу, что надеется больше не попадать в тюрьму. Слей-венс вежливо ответил, что и не думает, будто подобное может повториться. Затем Тайсон подписал несколько документов и в последний раз прошел по тюремному коридору. Едва за Майком закрылись ворота тюрьмы, несколько друзей и телохранителей во главе с Доном Кингом взяли его в круг, оберегая от фотографов, подвели к черному лимузину и увезли в аэропорт. Там на частном самолете Майк отправился в Янгстоун, штат Огайо, где находился его дом. По пути Тайсон заехал в близлежащую мечеть, так как два года назад, уже находясь в тюрьме, принял ислам. Фотографов внутрь не пустили: Майк не собирался делать шоу из своей молитвы. Он провел в мечети около часа. Его сопровождали Мохаммед Али и рэп-певец Эм. Си. Хам-мер. Это была первая встреча Али и Тайсона за три года. Объясняя своему старому знакомому и кумиру, почему он не приглашал навестить его в тюрьме, Тайсон сказал: «Ты человек, которым я восхищаюсь больше всех. Мне легче умереть, чем допустить, чтобы ты меня там увидел».

Поговорить с Тайсоном никому из журналистов так и не удалось. Они только получили лист бумаги, на котором за подписью Тайсона шел следующий текст: «Я очень рад, что вышел на свободу и еду домой. Большое спасибо всем за поддержку. Несколько позже поговорим подробнее. До скорой встречи». В общем, выход Тайсона из тюрьмы оказался похож на сумрачный день, когда все ждали бури, а вместо нее прошел пятиминутный моросящий дождичек.

Сказать, что его выхода из тюрьмы ждали, значит не сказать ничего. Америка просто сохла по Майку. Ее любовный роман с Тайсоном был в самом разгаре и только перешел из острой фазы в хроническую. За три года разлуки отношение к нему менялось несколько раз, но тоска всегда оставалась. На протяжении большей части 1992 года она была почти невыносимой. Потом, когда состоялся бой Холифилд — Боу, тоска резко притупилась. Оказалось, что бокс существует и помимо Тайсона. Так, брошенная верная жена, решив после года разлуки завести наконец роман, с удивлением делает для себя открытие, что на свете есть и другие мужчины, причем ничуть не хуже ее блудливого супруга, который был для нее пупом земли. Роль заменителя Тайсона поручили Риддику Боу, который умел не только сильно бить, но еще и веселить публику. Риддик обладал потрясающей способностью подражать голосам, и, когда он голосом Рейгана начинал нести искрометную околесицу, слушатели умирали со смеху. Но клоун никогда не заменит brutального героя, так что попытка была обречена с самого начала. Но тогда казалось, что это вполне можно сделать.

Очень интересна статья под названием «Что было бы, если бы Майк Тайсон не оказался за решеткой» в декабрьском номере журнала «The Ring» за 1993 год. Необходимо учесть странную особенность этого журнала. Он поступает в продажу примерно недель за шесть-семь до начала месяца, который указан на обложке, а информация в нем отстает еще на пару месяцев. Таким образом, декабрьский номер поступил в продажу в начале октября, а последние новости в нем относились к концу июля. Это важно, потому что матч-реванш Холифилд — Боу состоялся 6 ноября 1993 года, то есть авторы еще не знали о поражении Риддика, а то они бы наверняка написали статью иначе или не стали бы писать вовсе. Авторы попытались представить себе, как бы развивались события, если бы Тайсон не сел в тюрьму. Итак...

13 марта 1992 года. Матч между чемпионом мира Эванде-ром Холифилдом и экс-чемпионом мира Майком Тайсоном, который должен был состояться 8 ноября 1991 года, но отложен из-за травмы Тайсона, наконец-то становится реальностью. Это самый кассовый бой в истории. Фаворитом считается Тайсон, но все ожидают, что Холифилд даст ему бой.

Ожидания оправдываются. В течение шести раундов идет довольно ровная борьба, и все задают себе вопрос: сколько еще времени Холифилд сможет это выдержать? В начале седьмого раунда левый хук Тайсона потрясает Холифилда, а правый прямой бросает его на пол. Эвандер поднимается на счет «четыре» и продолжает сражаться, но защитить себя уже не способен, и рефери через несколько секунд останавливает бой.

25 апреля 1992 года. Проводятся встречи Леннокс Льюис — Донован Раддок и Риддик Боу — Майкл Мурер. Льюис нокаутирует Раддока во втором раунде (как это и произошло на самом деле), а Боу Мурера — в пятом.

22 августа 1992 года. Тайсон по собственному почину дерется с Оливером Макколлом, сильным тяжеловесом, которому уделяют меньше внимания, чем он того заслуживает. Макколл сумел продержаться до девятого раунда. (Здесь надо отдать должное прозорливости авторов «The Ring», давших достаточно высокую оценку Макколлу. Ведь это писалось более чем за год до того, как он нокаутировал Льюиса.)

6 ноября 1992 года. Против Тайсона выходит англичанин Леннокс Льюис. Как известно, у него великолепный правый кросс, которым он внезапно уже в первом раунде посылает Тайсона на пол. Майк мгновенно

кроме защиты. Конец наступает в четвертом раунде. Тайсон посылает Льюиса в нокдаун левым хуком, затем повторяет это еще дважды, и рефери останавливает бой.

3 мая 1993 года. Бой, которого ждала вся Америка: Тайсон — Боу. Хотя на Тайсона перед боем ставили 4 к 1, Боу с самого начала поворачивает бой в свою пользу. Прекрасные удары Боу справа не дают Тайсону покоя. Майк получает рассечение в пятом раунде, а в седьмом из носа у него обильно течет кровь. В девятом раунде комбинация левый-правый Риддика Боу отправляет Тайсона между канатов, он изо всех сил пытается встать, но рефери все равно останавливает бой. После боя Тайсон говорит, что не знает, будет ли еще выступать на ринге.

2 октября 1993 года. Начинаются переговоры о матч-реванше Боу — Тайсон.

Конечно, легко быть крепким задним умом и смеяться над неоправдавшимися прогнозами, но некоторая их несуразность бросалась в глаза уже тогда. Разберемся по порядку.

Забудем, что мы знаем результат боя Холифилда с Тайсоном, который на самом деле состоялся в 1996 году. Кроме того, никто не знает, как проходил бы бой, если бы он прошел в 1992-м. Я думаю, что точно так же, но настаивать не буду. Оставим мнение экспертов ринга без комментариев.

А вот описание боя Тайсон — Льюис вызывает массу возражений.. Прежде всего, оно явно основывалось на том, что Льюис в недостаточной мере владеет левой рукой. К тому же трудно не обратить внимание на то, что Льюис рассматривается как самый легкий соперник для Тайсона. Создается впечатление, что «The Ring» просто не сумел преодолеть традиционную неприязнь американцев к англичанину Льюису. Их реальный матч 2002 года, по-моему, принимать в расчет не стоит: оба слишком изменились между виртуальным и реальными боями. С другой стороны, и мы знаем о Ленноксе сейчас гораздо больше, чем в 1993 году. Ни в каком году он никогда бы не стал бросаться на Тайсона в первом раунде. Так что никакого нокдауна, скорее всего, не было бы.

Британский боксер Глен Маккрори, который дрался с Льюисом и работал спарринг-партнером у Тайсона, именно в 1993 году в разговоре со мной оценивал их шансы в бою друг с другом как абсолютно равные. Однако не стоит забывать, что в углу Льюиса в 1993 году стоял незабвенный Пепе Корреа, что могло бы иметь катастрофические последствия. Тем не менее в бою с Тайсоном Льюис никогда бы не позволил себе так расслабиться, как с Макколлом, и результат, приведенный в «The Ring», кажется маловероятным.

Что касается боя Тайсон — Боу, то здесь нереально почти все. Никто не спорит, что физические данные Боу близки к оптимальным. Но Тайсон всегда давил психологически, а у Боу не хватило духа противостоять Холифилду, которого он уже побеждал и которого абсолютно не боялся, не говоря о его непреходящем страхе перед Ленноксом Льюисом.

Джесси Фергюсон, последний соперник Боу перед Холи-филдом, ранее дрался с Тайсоном. Неудивительно, что его спрашивали, кто победит в их очной встрече, Боу или Тайсон. Джесси отвечал однозначно: победит Тайсон, причем без проблем.

Не оставляет ощущение, что «The Ring» с упорством, достойным лучшего применения, просто продолжал раскручивать

Боу, который ко времени написания этой статьи давно показал свою несостоятельность. И здесь я.экспертам «The Ring» не завидую. Декабрьский номер 1993 года как раз появился в продаже за неделю до того, как Боу проиграл Холифилду.

Победа Холифилда над Боу в матче-реванше тоже несколько отвлекла публику от Тайсона, но катастрофический 1994 год, когда проиграли и Холифилд, и Льюис, заставил вспомнить Майка с новой тоской. В общем, походив по рукам, бывшая жена своего мужа решила, что все-таки никого лучше, пусть и со всеми закидонами, не было и нет, и принялась ждать его возвращения, тем более что ждать осталось недолго.

А что делал сам Тайсон, когда другие строили на его счет разные гипотезы, писали виртуальные сценарии и просто тосковали по нему? Здесь мы вступаем в такую зону слухов и «сплетен в виде версий», что разобраться просто невозможно. Тут есть все: и рассказы, как Тайсону в лучших традициях наших тюрем и армии попытались устроить «прописку», а он всех героически раскидал, и о том, как Тайсон одним ударом нокаутировал огромного предводителя тюремной банды, который бросил ему вызов, или, наоборот, как местные авторитеты объяснили поначалу непонятливому Майку, что большой и страшный он там, за стенами тюрьмы, а здесь он чмо болотное, место его у параша и его замочат в сортире, если он посмеет послушаться, а Железный Майк в ответ все-таки сумел себя отстоять, но добился только статуса быка при авторитетах и на протяжении всего своего срока выбивал для них долги из других заключенных, отличаясь при этом крайней жестокостью, и многое другое в том же роде.

Чтобы понять, в какой мир попал Тайсон, обратимся к воспоминаниям другого боксерского сидельца, абсолютного чемпиона мира в среднем весе Бернарда Хопкинса, который, будучи кандидатом в олимпийскую сборную, получил срок за 10 лет до Тайсона: «Едва попадаешь в тюрьму, как все тамошние акулы начинают ждать, что ты как-то выдашь свой страх. Мне было 17 лет. Я был окружен убийцами, насильниками, скинхедами, парнями из мафии — так что попал в опасную ситуацию. Я видел, как парня зарезали заточкой из-за пачки сигарет. Я видел, как людей насилюют. Даже в душевую нельзя было войти голым. Душ приходилось принимать в трусах, потому что, как бы силен ты ни был, с четырьмя-пятью парнями тебе все равно не справиться».

Молодость Тайсона разительно напоминала молодость Хопкинса с той только разницей, что Бернард жил не в Браунзвил-ле, а в аналогичном районе Филадельфии. Обстановка, в которую они попали в тюрьме, тоже, надо думать, была схожей. Однако между безвестным пацаном с хорошими боксерскими данными, каким был Хопкинс на

властные структуры, этого не понимали. Если бы Хоп-кинса зарезали в тюрьме, это не вызвало бы никакого шума. Если бы убили Тайсона — шум пошел бы на всю Америку, а те, кто это сделал, были бы с самого начала обречены: если уж не полиция, то представители браунзвиллского братства их наверняка бы достали не то что в тюрьме, а на краю земли. Видимо, все эти истории с «пропиской» — бред. Тайсона, разумеется, проверяли на сгиб и излом. Вот что он сам говорил в интервью журналу «Плейбой»:

«Плейбой». Тюрьма оказалась хуже, чем вы ожидали?

Тайсон. К ней привыкаешь. Ты не можешь дожидаться, когда же доберешься до дома. Я был просто рад прожить день без того, чтобы не попасть в черный список (список нарушителей, в американских тюрьмах принципиально важно в него не попадать, так как в этом случае день тебе идет за два; так, Тайсон, который в этот список почти не попадал, отсидел вместо шести лет по приговору — три. — А Б.). Это были удачные дни. Если ты дожид до следующего дня без осложнений и услышал последний удар гонга — бум! — значит, прошел еще один день и ты не попал в черный список.

«Плейбой». На вас когда-нибудь нападали в тюрьме?

Тайсон. Люди тебя испытывают. Они испытывают самых сильных. Ты должен быть мужчиной. Они испытывают всех. Они начинают с того, что острят на твой счет, говорят что-то саркастическое, чтобы увидеть, как далеко они с тобой могут зайти. Но ты должен давить такое в зародыше. Никому не должны сходить с рук остроты или саркастические замечания на твой счет. Ты должен сразу показать, кто ты такой. Это я и делаю всегда. Я такой и есть. Я поселенец (в этом значении употребляется также слово «скваттер» — термин из американской истории, означает человека, который приходит в дикие, необжитые земли и, несмотря на враждебное окружение, завоевывает свое право жить там. — А Б.). Я лучше всего чувствую себя в таких местах. Хаос кругом. Да, меня испытывали несколько раз.

«Плейбой». Вам угрожали ножом?

Тайсон. У них были ножи, но у них не было ничего такого, чего не было бы у меня.

«Плейбой». Вы видели, чтобы кого-нибудь насильовали?

Тайсон. Да кругом. Я не вмешивался. Это было не мое дело. Вы что думаете, кто-нибудь вмешался, если бы меня е... или насильовали? (Видимо, общеизвестный термин, как это часто бывает и в русском языке, в данном случае означает не сексуальное насилие, как об этом Тайсон говорит дальше, а какие-то издевательства. — А Б.). Нет. Моя задача была отсидеть свой срок, а не чей-то еще.

«Плейбой». Вы сидели и в одиночке. Это особенно трудно?

Тайсон. Одиночка была отличным местом.

«Плейбой». Вы не возражали против того, чтобы остаться в одиночестве?

Тайсон. Нет. Камера была моим спасением.

«Плейбой». Высказывались предположения, что вы немного тронулись рассудком в одиночке и именно поэтому откусили Холифилду ухо.

Тайсон. Нет. Одиночка никогда не сведет вас с ума (Тайсон явно имеет в виду себя. — А Б.). Мне нравится быть одному. Я такой. Я должен быть устремлен внутрь себя, чтобы разобраться с тем, что происходит вокруг меня.

По-моему, из того, что сказал Тайсон, очевидно, что он без особых проблем отстоял себя, если на его интересы вообще кто-то покушался, и ему это не показалось и что он не стремился занять какое-то серьезное место в тюремной иерархии. Пусть сейчас он был только заключенным номер 922335 и проживал в камере размером 3 x 2,4 м, но это была не его жизнь. Он просто попал сюда и стремился как можно скорее отсюда выйти, поэтому сильно сомневаюсь, что Тайсон пошел на службу к авторитетам и выбивал для них у других заключенных деньги, сигареты и еще что-то в этом роде.

Достоверно известно, что у него было немало проблем в начале отбывания срока. Первые месяцы Тайсон провел в глубочайшей депрессии, вылившейся в полную апатию. Потом она

прошла, причем, похоже, не сама по себе, а с помощью волевых усилий самого Майка, который снова взялся за себя всерьез. Прежде всего он согнал вес, который набрал за время своей тоски: со 123 кг до 102. Стал много тренироваться, ежедневно бегал и работал с тенью, однако в тюрьме нет никаких боксерских снарядов, а спарринг-партнеры хоть и были в изобилии, работать с ним не особенно хочется. В этих условиях, да еще без тренера, поддерживать нормальную физическую форму нелегко.

Рупором Майка, через который он общался из тюрьмы с публикой, стал его промоутер Дон Кинг. «Как и я, Майк использует срок заключения с пользой для себя, — как-то изрек Дон, сам отсидевший приличный срок за убийство. — Майк просто великолепен, — сказал он о том, как Майк преодолевает свалившиеся на него невзгоды. По словам того же Кинга, Тайсон стал много читать, в основном, как это ни неожиданно, книги по истории, философии и религии.

Единственным окном в большой мир для Тайсона стал телефон, которым он пользовался при малейшей возможности. Говорят, он долгое время избегал говорить о боксе, но то и дело не выдерживал и отвечивал колкие замечания в адрес тех, кто, как он считал, узурпировал «его» трон, Риддика Боу и Леннок-са Льюиса. Когда Боу дрался с Холифилдом, его симпатии были на стороне Риддика, с которым он учился в одной школе, но он очень разочаровал Майка тем, что отказался встретиться с Льюисом. Но и что Льюис принял доставшийся ему таким образом чемпионский пояс, не показалось Тайсону слишком достойным.

Майк все время страдал от резких спадов настроения. Особенно явно это было в октябре 1992 года, когда умер

дополнительно к своему сроку за потасовку с охранниками и одним заключенным. Впрочем, Майк явно не усердствовал, так как его противники почти не пострадали.

Конфликт произошел из-за того, что Тайсон покупал у других заключенных право на пользование телефоном за сигареты и сладости. По распоряжку, каждый заключенный мог сделать по два звонка в день, до пятнадцати минут каждый. Майку этого было мало, и он организовал своего рода торговлю. Однако, не все остались довольны этим «обменом». Скорее всего, многим просто было трудно отказать Тайсону, когда он о чем-то просил, и они пожаловались охране, после чего и произошла стычка.

Однако со временем Тайсону этот штраф скостили, а потом и простили, как и многое другое. Первоначально указывалось, что самое раннее, когда он сможет выйти, будет 9 мая 1995 года. Но он вышел еще раньше — 25 марта. Вполне возможно, что именно история с «бартером» в дальнейшем послужила основанием для рассказов, как Железный Майк что-то выбивал из других заключенных. Хотя вполне возможно, что и эти рассказы соответствуют действительности. Я не утверждаю, что этого точно не было. Я только говорю, что нет прямых доказательств того, что это было, и в серьезных изданиях я не видел тому свидетельств.

По всей видимости, Тайсон не соврал, когда сказал, что к тюрьме привыкаешь, потому что за последние два года его заключения оттуда не приходило никакой информации о каких-то серьезных проблемах, связанных с ним. Но опять-таки это не значит, что их не было. Возможно, кому-то просто очень не хотелось, чтобы о них стало известно. Я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем всю правду об этом периоде жизни Тайсона, причем менее всего я склонен верить его сокамерникам, если они вдруг решат написать мемуары, а кто-нибудь из моих коллег решит им помочь. На мой взгляд, это будет говорить только о том, что люди хотят заработать, а как заработаешь в жанре сенсационной литературы без сенсаций?

Все с нетерпением ждали первой пресс-конференции Тайсона после выхода из тюрьмы. Она состоялась 30 марта в Кливленде, но свелась к тому, что Майк просто прочел следующее заявление по бумажке:

«Добрый вечер. В последние три года у меня была возможность подумать о своей жизни, и в будущем я постараюсь стать лучше и смогу помогать другим. Однако в данный момент я нахожусь здесь, чтобы сделать заявление относительно моего будущего как профессионала. Высказывалось много различных соображений по поводу моих планов. Они таковы: я продолжу выступления на ринге и подтверждаю, что моими менеджерами по-прежнему будут Джон Хорн и Рори Холлоуей. В течение многих лет Джон и Рори были не только моими самыми близкими друзьями, но и давали очень ценные профессиональные советы относительно моей карьеры. Поэтому они останутся моими менеджерами. Я также подтверждаю, что Дон Кинг по-прежнему будет промоутером моих боев. Как мы все знаем, Дон — самый великий промоутер в мире. Мои бои будут транслироваться по телесети «Showtime». Я получил большое удовольствие от работы с этой телесетью в качестве и боксера, и комментатора боксерских матчей. Я также решил проводить бои на ринге нового здания отеля «MGM Grand» в Лас-Вегасе и хочу встретиться с самыми сильными бойцами. Я с нетерпением жду этого. До скорой встречи».

Общее впечатление от его тронной речи было: негусто. Слушатели не знали, что за семь месяцев до этого, 16 августа 1994 года, еще находясь в тюрьме, Тайсон подписал контракт, по которому Дон Кинг получал 30 процентов от его заработков, а Хорн и Холлоуей — еще по 10 каждый. Если учесть, что двое последних, вместо того чтобы защищать интересы своего подопечного перед промоутером, на самом деле были лишь агентами самого Дона, лишенными какой бы то ни было самостоятельности и лишь выполнявшими его указания, Майк попал в ту еще кабалу, хотя он этого пока не знал, так как подписал все практически не глядя.

А что бои он будет проводить в «MGM Grand», было для него однозначно выгодно. Впоследствии ему заплатили 15 миллионов долларов только за то, чтобы именно там он провел свой первый бой после выхода из тюрьмы.

Между тем ожидание этого боя затянулось, по мнению публики. Наконец пришла информация, что соперником Тайсона будет большой белый увалень Питер Макнили и что бой состоится 19 августа 1995 года. С кем Тайсон собрался драться, внимания тогда обратили меньше всего, важно было только, что его наконец-то увидят. Понятно, что на первый раз соперник у него будет не очень, ну и что? Дошли сведения, что за первый свой бой Тайсон получит 25 миллионов, 10 из них непосредственно за сам бой, а остальное, как уже говорилось, от «MGM Grand». Один художник откликнулся на это карикатурой, на которой судья спрашивал оскалившегося, как Кинг-Конг, Тайсона: «Ну и что, сынок, ты понял в тюрьме?» «Что время — деньги!» — отвечал Тайсон.

Наконец наступило 19 августа. Тайсон не был на ринге чуть более четырех лет. За это время приходили и уходили другие чемпионы, а он как был, так и остался единственным в своем роде, и, когда он выходил на бой с никому не известным тюфяком, его приветствовали, как героя-гладиатора, который идет на главный бой своей жизни. Торс Железного Майка украшали несколько неожиданные для мусульманина татуировки: портрет Мартина Лютера Кинга (христианского священника) и Мао Цзэдуна. Через некоторое время к ним присоединился еще и Че Гевара, но во время боя с Макнили его не было.

Дальше начался фарс. Бежать с ринга было некуда, поэтому Макнили побежал прямо на Тайсона, именно побежал, видимо надеясь таким образом смутить его. Майк отреагировал на это крайне флегматично, и уже его второй короткий правый кросс пришелся точно в цель, и Макнили упал. Правда, он, скорее, просто потерял равновесие, чем был потрясен. Он тут же вскочил и описал что-то вроде круга почета по рингу, то ли показывая всем, что это был не настоящий нокдаун, то ли просто скакал с перепугу.

Рефери Миллз Лейн остановил его и отсчитал ему нокдаун. Потом все быстро закончилось. Макнили махал

вывалили на ринг оказывать ему помощь, за что Макнили, в точном соответствии с правилами, тут же дисквалифицировали. С начала боя прошло 89 секунд. Тайсон поставил до сих пор не побитый рекорд скорости зарабатывания денег — 280898 долларов и 88 центов в секунду. Впрочем, львиную долю этих денег заработал не он, но Майк об этом не знал.

Люди сочли, что их ограбили, и точно знали, кто это сделал — Дон Кинг. Все это напоминает столь популярные в Америке иски заядлых курильщиков к табачным компаниям за то, что те ввели их во искушение и отравили — можно подумать, что в течение последних сорока лет им не сообщали по сто раз в день, что курить вредно. Так и с влюбленной в Тайсона публикой — чего она хотела? До боя было прекрасно известно, кто такой Макнили, о нем кричали во всю глотку все эксперты, а для публики все произошедшее оказалось полной неожиданностью.

Начало было положено, а продолжение не заставило себя долго ждать. 16 декабря 1995 года Тайсон провел еще один разминочный матч — на этот раз с довольно приличным боксером Бастером Матисом, которого нокаутировал в третьем раунде, а затем наступил черед чемпионов. Точнее, тех, кто исполнял их обязанности, и исполнял плохо.

Так случилось, что Тайсону дважды на протяжении его карьеры, в середине 80-х и в середине 90-х, довелось разгрести авгиевы конюшни в тяжелом весе, но если в первый раз его появление было полной неожиданностью, то во второй его ждали. Уже в конце 1994-го настроение публики можно было охарактеризовать чуть-чуть перевернутой цитатой: «Вот приедет барин, барин вам покажет». Срок настал, барин приехал и решил разобраться с теми, кто попытался хозяйничать в его отсутствие.

Первым ему попался под руку старый знакомый, англичанин Фрэнк Бруно, чемпион мира по версии WBC. Это случилось 16 марта 1996 года в Лас-Вегасе. Сейчас трудно понять, почему многие серьезные люди полагали, что у Бруно будут в этом бою какие-то шансы. Его победа над Макколлом доказывала лишь, что Оливер в том бою был очень плох. То, что Фрэнк в первом бою с Тайсоном сумел продержаться до пятого раунда, конечно, делало ему честь, но не могло послужить основой для надежды на победу и в этот раз.

Надежды действительно не было. Все стало ясно, когда Тайсон уже на первых секундах приложился к голове Бруно справа. После этого целью британца стало лишь уйти с ринга более-менее целым, а не победить. Он начал клинчевать при первой возможности и никак не хотел выпускать Тайсона из своих объятий. Это помогло ему продержаться первый раунд, но уже начало выводить из себя рефери Миллза Лейна. А вот Железный Майк выглядел в этом раунде куда лучше, чем в своих последних боях перед тюрьмой. Он даже продемонстрировал «защиту ку-ку», пропустив мимо головы пять ударов Бруно подряд, потом перешел в атаку сам, и уж его удары легли в цель.

Во втором раунде Бруно столько обнимался, что Миллз Лейн вынес ему предупреждение, причем так, что дело пахло дисквалификацией. Сам Тайсон выразил свое отношение к этой «тактике» раздосадованным выражением лица. Тем не менее именно она помогла Бруно продержаться и второй раунд. В третьем все наконец стало на свои места. Очередная попытка не выпустить Тайсона из объятий закончилась тем, что рефери сделал англичанину замечание таким тоном и подтвердил такой жестикуляцией, что все зрители почувствовали, — его терпение на исходе. Впрочем, ему недолго осталось терпеть.

К исходу первой минуты раунда Бруно зачем-то поменял стойку, видимо просто не знал, что делать, и выбросил длинный удар слева. Тайсон присел, пропустил его над головой и тут же контратаковал правым по корпусу, левым хуком в челюсть, а затем провел длинную серию с обеих рук, закончившуюся несколькими апперкотами справа. Любопытно, но к этому моменту Майк тоже поменял стойку, что делал крайне редко. Бруно провалился в канаты, которые удержали его на ногах, и рефери спас его от дальнейшего избиения, а чемпионский титул WBC перешел к Тайсону. Через несколько дней должен был исполниться всего год с тех пор, как Тайсон вышел из тюрьмы.

Хозяин вернулся. Это признали все и сразу, в том числе и чемпион по версии WBA Брюс Селдон. Их бой состоялся там же, в Лас-Вегасе, 7 сентября 1996 года. Перед боем Селдон говорил все, что положено в таких случаях: что он покажет Железному Майку кузькину мать и все такое, но на ринге на первой же минуте упал без всякого удара, во всяком случае, его никто не видел. Рефери Ричард Стал сделал руками жест, означающий, что нокаута не было, но Селдон отказался вставать. Тогда растерянный Стил открыл ему счет. Селдон встал, но только для того, чтобы почти тут же лечь снова после левого хука Майка, который никому не показался особенно сильным. На этот раз рефери пришлось отсчитать нокаут, так как вставать Селдон отказался наотрез. После начала боя прошла всего 1 минута и 49 секунд, а Тайсон уже присоединил к своему чемпионскому титулу WBC еще и пояс WBA. Британский журнал «Boxing Monthly» вышел с надписью на обложке: «Есть Тайсон, и есть все остальные», и это при том, что их соотечественник Леннокс Льюис, по идее, должен был драться с Тайсоном в следующем бою.

Как и почти 10 лет назад, казалось, что все будущее тяжелого веса, и надолго, находится в руках Тайсона. Тогда в этом сомневались, кажется, только два человека: все тот же Леннокс Льюис и Эвандер Холифилд, который давно уже вернулся на ринг со здоровым, как он сам утверждал, сердцем, и врачи, как ни странно, не нашли, что ему на это возразить.

СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИЛД-4

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, как жил Тайсон в тюрьме, и также вряд ли узнаем, что же было с сердцем у Эвандера Холифилда в бою с Мурером.

Совсем недолго пробыв на пенсии, Эвандер заявил, что возвращается на ринг. Ему напомнили о сердце, и

огромным уважением, но здесь ему не поверили и потребовали обследоваться. Эвандер с легкостью согласился, потому что, по его словам, уже сам это сделал, но готов повторить ради достоверности. Результаты показали, что у него абсолютно здоровое сердце. Никаких препятствий к возвращению на ринг не было, и чуть больше чем через год после боя с Мурером, 20 мая 1995 года, Эвандер Холифилд встретился на ринге с Реем Мерсером.

Если был среди тяжеловесов 90-х годов нераскрывшийся талант, это Мерсер. Армейский сержант, габаритами напоминающий Тайсона, решил всерьез заняться боксом, когда ему было уже за 20. Чего бы он достиг, если бы такая мысль посетила его лет на 10 раньше, трудно сказать. Но и так получилось неплохо. В 27 лет он завоевал золотую медаль в категории до 91 кг на Олимпиаде в Сеуле в 1988 году. Кстати, в олимпийской деревне он жил в одной комнате с Риддиком Боу, о котором потом на каждом углу рассказывал как о конченном трусе.

Перейдя в профессионалы, он в скором времени задал трепку популярному белому тяжеловесу Томми Моррисону. Однако Мерсеру не хватало стабильности. В результате он проиграл престарелому ветерану Лэрри Холмсу. А на бой с вполне заурядным Джесси Фергюсоном Мерсер вышел абсолютно неготовым и, когда почувствовал, что проигрывает, предложил ему 100 тысяч, чтобы он сдал бой. Фергюсон отказался, а после боя в лучших американских традициях заложил Мерсера. Тот попытался все отрицать, но Фергюсон уточнил, когда именно это было, и предложил разобраться. Было заведено расследование, пленку боя прокрутили, нашли момент боя, указанный Фергюсоном, и увидели, что Мерсер там действительно что-то говорит. Позвали специалистов по чтению по губам, и оказалось, что Джесси не врал, и у Рея потом были серьезные проблемы.

Однако, когда Мерсер был готов к бою, он делался по-настоящему грозной силой, а к бою с Эвандером он подготовился. Холифилд после годичного перерыва выбрал себе противника, с которым никто не хотел драться, и такой шаг говорил о многом. О еще большем говорило, что он его победил в 10 раундах по очкам, впервые в жизни Мерсера послав того в нокдаун.

Однако широкая публика того боя почти не заметила, так как только что из тюрьмы вернулся Тайсон, и людям было не до Мерсера и не до Холифилда. По той же причине почти не заметили и третьего боя Холифилда с Риддиком Боу, который состоялся 4 ноября 1995 года. Многие даже в Америке по сей день убеждены, что они встретились только дважды.

Это был странный бой. Уже во втором раунде стало казаться, что Холифилд устал и вообще был непохож на себя. Точнее, похож на себя в бою с Мурером. Может быть, с сердцем у него что-то действительно не так? В четвертом и пятом раундах он стал тяжело дышать. Или просто страдал от какой-то вирусной инфекции, как потом говорил? Среди прочих этот бой комментировал Джордж Формен, который, глядя на Холифилда, сказал: «Этот человек болен».

Больной или здоровый, но в шестом раунде Холифилд послал Боу в нокдаун левым боковым. Риддик встал, но казалось, продолжить бой уже не сможет. Холифилд бросился его добивать, но... силы совсем его оставили. Боу достоял шестой раунд, перехватил инициативу в седьмом, а в восьмом послал уже Холифилда в нокдаун правым кроссом в челюсть. Эвандер встал очень тяжело только на счет «девять» и не понял рефери, когда тот попросил его сделать несколько шагов вперед. Тем не менее рефери дал команду продолжить бой. Буквально через несколько секунд Холифилд упал снова, фактически от двух ударов Боу по перчаткам.

После этого боя на Холифилде в очередной раз поставили очередной крест. После того как он 10 мая 1996 года нокаутировал в пятом раунде экс-чемпиона мира в первом тяжелом весе Бобби Чиза, все эксперты только укрепились в своем мнении: мол, чего так долго возился-то? Однако все соглашались, что Холифилд заслужил право выступить в титульном бою еще раз, тем более что его бой с Тайсоном должен был состояться еще в 1991 году, и сорвался не по его вине. На том и порешили.

Но здесь возникло неожиданное препятствие. Официальным претендентом по всем версиям опять был британец Лен-нокс Льюис, два года назад потерявший чемпионский титул WBC. Тайсон не боялся Льюиса как соперника. Скорее всего, для него он был тогда только жертвой Макколла, и не более того, но он хотел провести гораздо более выгодный с финансовой точки зрения бой с Холифилдом. Майк, точнее, конечно, Дон Кинг от его имени предложил Льюису 4 миллиона отступных плюс гарантированное право на то, что следующий бой Тайсона будет именно с ним. Британец согласился, но не согласился WBC, который лишил Тайсона своего титула, оставив его таким образом только чемпионом мира по версии WBA. Но о каких версиях можно говорить, когда речь о Тайсоне? Так что для всех Железный Майк как был, так и остался единственным и неоспоримым чемпионом мира в тяжелом весе. В общем, дорога к бою Тайсон — Холифилд была открыта, и его назначили на 9 ноября 1996 года, а местом проведения стал, разумеется, «MGM Grand» в Лас-Вегасе.

Перед боем 48 из 49 опрошенных экспертов заявили, что победит Тайсон. На вопрос, в каком раунде, самым популярным был ответ «в четвертом». Осталось только проверить свои прогнозы.

Первый раунд. Едва противники сходятся, Тайсон наносит правый прямой в разрез, Холифилд отступает, и ему вдогонку летит еще левый боковой. Эвандер чуть отступает, но успевает поймать равновесие, прежде чем на него снова начинает насаждать Тайсон. Следующую его атаку навалом Холифилд уже встречает правым боковым, который слегка гасит наступательный порыв Майка. Затем Эвандер наносит еще удар левой по печени, от которого Тайсона на долю секунды сгибает, но он тут же выпрямляется. Железный Майк наносит правый кросс, Холифилд клинчит, а чуть позже опережает атаку Тайсона своей. Майк снова попадает правой в разрез, но Холифилд отвечает трехударной комбинацией из двух левых хуков с правым апперкотом между ними. Тайсон проводит сначала один правый кросс, а затем еще очень сильный второй. На последних секундах Майк достает Холифилда еще одним правым кроссом,

концовки. Первый раунд можно занести и в актив Холифилду: он не дал себя раздавить и показал, что у него есть ответы на все, что может предложить Тайсон, а это уже полдела. До сих пор так в первом раунде выглядел только Бастер Даглас. Аналогия напрашивается сама собой, хотя манерой боя Холифилд и Даглас совершенно не похожи.

Между раундами Дон Тернер, тренер Холифилда, говорит своему подопечному: «Оставайся спокойным, и ты победишь. Ты же все видишь».

Второй раунд. Холифилд показывает, что он приноровился к агрессивной тактике Тайсона. Он пропускает правый Тайсона мимо головы и наносит свой удар правой снизу, который застает Майка несколько врасплох. Потом опять на долю секунды сгибает Тайсона: на этот раз правым по корпусу. Чуть позже Майк отвечает парой левых хуков. Холифилд держит, а потом наносит правый боковой в голову. Тайсон не то чтобы потрясен, но он прочувствовал этот удар всем телом. Чуть позже Эвандер проводит четырехударную комбинацию из правого апперкота по корпусу и трех боковых. На этот раз держать приходится Тайсону, и он держит, а потом наносит левый хук. Это последний удар, который удастся ему в этом раунде. Он снова бросается в атаку и нанизывает свою голову на левый джеб Холифилда. Больно. Раунд заканчивается. Все обращают внимание, что в свой угол Тайсон возвращается каким-то разочарованным и обескураженным: он не привык, чтобы противники не ломались под его ударами. Раунд за Холифилдом: и по очкам, и, что еще важнее, психологически.

Третий раунд. Холифилд снова лучше. Он наносит больше ударов и точнее попадает. Ярость с обеих сторон закипает такая, что рефери вынужден предупредить обоих, чтобы они слушались его команд.

Четвертый раунд. Холифилд проводит серию, Тайсон пригибается, и она приходится по макушке, не причиняя ему особого вреда, но Эвандер тогда проводит правый по корпусу, а затем еще очень сильный правый в голову, который Тайсону удастся смягчить плечом. После этого Майк ненадолго перехватывает инициативу. Он наносит один за другим два очень мощных левых хука. Затем пропускает правый кросс Холифилда, но отвечает своим. Опять равный раунд. Если вы отдали первый Тайсону, то этот отдайте Холифилду или наоборот. Так, по-моему, будет справедливо.

Пятый раунд. После относительного успеха в предыдущем раунде Тайсон оживляется и бросается в атаку. Наверно, у многих зрителей в этот момент в памяти встал бой Холифилда с Мурером и третий бой с Риддиком Боу. Неужели он проиграет бой, который в психологическом плане уже выиграл? Тайсон проводит свою коронную комбинацию из двух правых апперкотов, по корпусу и в челюсть. Холифилд держит, и снова у Майка появляется на лице озадаченное выражение. Да что он, бетонную стену пытается нокаутировать, что ли? Раунд за Тайсоном, но, кажется, это пиррова победа, так как она нанесла ему самому куда больший моральный урон, чем Холифилду физический.

Шестой раунд. Генеральное сражение, которое предопределяет исход всей кампании. Тайсон атакует с обеих рук, но попадает лишь вскользь. Холифилд бьет правой в разрез и клинчует, а потом удачно встречает атаку Тайсона левым прямым. Майк проводит одну из своих излюбленных комбинаций: правый по корпусу и левый хук в голову, но в последующем размене уже лучше выглядит Холифилд, который проводит правый кросс, а затем левый боковой. Тайсон снова перехватывает инициативу на несколько секунд и наносит два правых кросса и левый хук. После этого снова завязывается долгий размен, перемежающийся паузами. Пожалуй, Тайсон проводит в нем чуть больше ударов, но и устает он тоже больше. В этой ситуации абсолютно логичным выглядит сильнейший правый боковой, который проводит Холифилд. Тайсон потрясен, но не подает вида. Он уходит вниз, маскируя этим движением, что отводит левую руку назад, чтобы со всей силы нанести ею левый хук, но Холифилд все видит и разгадывает его маневр. Он внезапно сближается, уходит от удара, бьет левый апперкот, и Тайсон оказывается в нокдауне! Удар был, конечно, очень сильным, но виртуозность его исполнения не сводится к силе. Своим внезапным движением вперед Холифилд поставил Тайсона в очень неудобное положение. У него ноги оказались впереди корпуса, в этих условиях его свалил бы и куда более слабый удар. Но удар, как уже говорилось, был сильный. Тайсон падает и где-то еще метр-полтора проезжает по настилу ринга на заднице. Он встает и даже лезет в размен, но Холифилд в нем берет верх. Гонг. Эвандер получает за этот раунд 10—8.

«Я даже не помню, как я упал, — скажет Тайсон после боя. — Я ничего не помню, начиная с третьего раунда. В третьем или четвертом раунде он ударил меня, и я потерял сознание (Тайсон сказал именно так. — А. Б.). Я не знал, где я нахожусь. Я вообще ничего не знал».

Седьмой раунд. После таких битв берут паузу. Именно это оба и делают, но если Холифилд просто отдыхает, к тому же время от времени взрываясь и атакуя, то Тайсон уже ничего не может сделать, хотя автоматически отвечает. В какой-то момент Холифилд подходит к нему и с улыбкой говорит: «Ну давай же!» Потом Майк снова пытается уйти от атаки вниз — и боксеры сталкиваются головами. У Тайсона уже несколько раундов обильно кровоточит бровь, которую ему все время обрабатывают между раундами, но теперь она открывается снова, и рефери приглашает врача, который после паузы разрешает продолжить бой. Последние надежды болельщиков Тайсона, верящих, что их любимец еще может воспрянуть духом, тают, как лед на солнце.

Восьмой раунд. Почти ничего не происходит. Оба много клинчуют, а в редких разменах Холифилд показывает свое полное превосходство. Третий раунд подряд за Эвандером, хотя в последнем из них сделано так мало, что его трудно кому-то отдать.

Девятый раунд. Преимущество Холифилда постепенно становится тотальным. Эвандер бьет серии, причем не только двойки, но и, например, левый апперкот — левый хук — правый кросс. Тайсон где-то между делом

заканчивается разменом, в котором опять лучше выглядит Эвандер. Если бы на месте Тайсона был любой другой, бой уже давно бы закончился.

Десятый раунд. Тайсон пытается провести правый кросс, но он лишь задевает голову Холифилда. Затем в размене Холифилд проводит два правых апперкота, на которые Тайсон едва отвечает одним. Эвандер читает все его действия. Когда давно уже не железный Майк решает броситься в атаку, Эвандер буквально насаживает его на свой встречный правый прямой. Тайсон в ответ проводит правый кросс и левый хук, но в них нет силы. Майк нагибается, уходя от встречного удара Холифилда, и напарывается как раз на него. Тайсон инстинктом, потому что ничего, кроме инстинкта, у него давно уже нет, чувствовал, что Холифилд ударит правый кросс, а Эвандер нанес какой-то полуапперкот-полупрямой как раз навстречу лицу Тайсона. Майк потрясен и тут же пропускает еще и правый кросс, которого боялся. Где-то секунд за 30 до конца Холифилд наносит правый кросс, за которым навалом следуют три боковых — левый-правый-левый. Майк потрясен уже не в первый раз за этот раунд, но держится. Холифилд продолжает серию. Тайсон пытается провести правый кросс, в который вкладывает все оставшиеся силы, но заканчивается это катастрофой: Холифилд слегка подныривает под его удар и наносит свой правый прямой под рукой Тайсона, который тот сам очень усиливает своим встречным движением. Это называется «попасть правой на правую». Железный Майк совершенно ошеломлен. Он спиной на заплетаящихся ногах отбегает к канатам. Бегущий Тайсон — это зрелище. Холифилд догоняет и, как по мишени, наносит ударов 10. Он чуть поторопился и слишком сблизился, поэтому не смог полностью вложиться в эти удары, и Тайсон устоял, но уже держится на ногах даже не на своем честном слове, а на честном слове своей бабушки. От нокаута его спасает гонг.

В перерыве Майк не может даже прямо сидеть, но он все-таки еще чемпион, и он по-прежнему Тайсон, поэтому не может проиграть бой сидя и, когда звучит гонг, снова выходит на ринг, ставший для него сегодня плахой.

Одиннадцатый раунд. Холифилд присматривается к Тайсо-ну, как удав к кролику, а тот честно, хотя и на полном автопилоте, пытается хоть что-нибудь сделать, но его удары либо летят мимо, либо увязают в защите Холифилда, который как бы нехотя отвечает. Наконец Эвандер наносит четыре пробных удара, три джеба и кросс: созрел плод или еще не созрел? Созрел! Холифилд наносит подряд три левых хука и правый кросс, затем еще четыре удара, три из которых достигают цели. Тайсон опять бежит спиной вперед к канатам, Холифилд догоняет и всаживает еще один правый кросс, а потом вдогонку еще один, но здесь путь к Тайсону ему преграждает рефери, который влезает между ними и показывает, что бой закончен. С начала раунда прошло всего 37 секунд.

Когда Тайсону дали слово на послематчевой пресс-конференции, он неожиданно обратился к Холифилду и сказал: «Я просто хочу пожать тебе руку. Мы так долго шли к этому. Я просто хочу дотронуться до тебя. Большое спасибо тебе. Я отношусь к тебе с огромным уважением».

Ему заплодировали. Это было уже второе потрясение за один день. Оказывается, Тайсон умеет себя вести по-рыцарски, а не только как взбесившийся кабан. Но Железному Майку этого показалось мало, и он сказал еще несколько очень важных слов: «Я считаю, что Эвандер Холифилд как боец лучше Бастера Дагласа. Ко встрече с Дагласом я совсем не готовился, а на этот раз я был в хорошей форме». Ему заплодировали еще раз.

А дальше Америка принялась извиняться перед Холифилдом. Оказывается, великий боец все эти годы жил рядом, но о нем никто и не думал. Все считали великим другого и, оказывается, ошибались. Холифилд переиграл Тайсона в его игре. Он не бегал, не пытался обыграть на дистанции, пользуясь преимуществом в росте. Он при любой возможности шел вперед и бил. И забил. Вообще весь этот поединок в чем-то разительно напоминал последний бой американского боевика между Главным Хорошим Парнем и Главным Плохим. Он был долгим и тяжелым, Хорошему Парню поначалу доставалось, но потом он вернул все Плохому с лихвой и остался один над поверженным врагом в свете не то восходящего солнца, не то горящего склада, на котором проходил бой.

Это было славное царствование. У Тайсона, конечно, всегда хватало почитателей, но и среди них было много людей, которые хотели, чтобы его в конце концов побили. Вряд ли кто-нибудь откажется посмотреть на монстра из безопасного укрытия, но желать ему победы трудно.

Сам Холифилд объяснял всем и каждому, что это Бог победил его руками. Сначала его не очень слушали: мол, мели, Еме-ля, то есть чемпион, твоя неделя. Потом кто-то из журналистов заметил, что к подобным заявлениям можно относиться как угодно, но Холифилд действительно верит, что Бог не позволил бы кому-то вроде Тайсона побить его. Так под победу Холифилда было подведено еще и религиозное обоснование. Многие даже увидели какой-то знак в том, что Эвандер перед боем всегда слушает и поет безумные по красоте негритянские религиозные песнопения — спиричуэлсы.

Очень скоро Америка опять заскучала и затосковала. Так разбитная бабенка лет 30 с гаком, выйдя замуж за хорошего, положительного во всех отношениях мужика, скоро начинает тосковать по бесшабашному бойфренду, который не изменял ей только с телеграфным столбом, да и то по причине его, столба, неясной сексуальной принадлежности. Зато был веселым и ни одного дня не проходило без приключений.

Тайсон, конечно, веселым не был, но и скучно с ним тоже не бывало. История Холифилда, как практически любого другого боксера, это прежде всего история его боев. Между боями он был обычным гражданином, далеко не самым интересным (впрочем, на этот счет тогда еще предстояло сделать одно любопытное открытие). Тайсон же заполнял паузы между боями такой интересной информацией о себе, что бои давно уже перестали быть самым важным. Время бунта против политкорректности давно прошло, но Железный Майк, опять-таки сам того не зная, сменил амплуа. Точнее, ему сменили амплуа. Раньше он был лидером бунта, американским Стенькой Разиным в борьбе

посмотреть, как я мастурбирую». Но в 1997 году до таких откровений он еще не дошел. Люди хотели развлечений, а Тайсон, как когда-то говорили в СССР, «делал им красиво». То, что люди не признавались даже себе, что именно это «было им красиво», дела не меняло. Билеты они все равно покупали и все равно садились перед телевизорами, а большего и не требовалось. В общем, Америка по-прежнему хотела видеть Железного Майка, но пока боялась себе в этом признаться. Так или иначе, но Тайсона страна должна была получить. В договоре на бой Тайсон — Холифилд содержалось условие, по которому Эвандер в случае своей победы должен был дать матч-реванш.

Может показаться странным, но фаворитом в матче-реванше снова считался Тайсон. И это несмотря на то, что все хоть сколько-нибудь разбиравшиеся в боксе люди понимали, что в первом бою Железный Майк проиграл отнюдь не случайно. Все-таки Тайсон был и до некоторой степени остается по сей день магической фигурой. Однако его проблемой было то, что на Эвандера Холифилда его магия не действовала. Никак.

КРОВЬ, ПОТ И ЗУБЫ

Как показывает опыт Тайсона, рожденный ползать летать все-таки может, но недолго и невысоко. Майк прекрасно вел себя на пресс-конференции после поражения Холифилду, отдавая ему должное. Когда его спросили про рассечение, которое он получил от удара головой, Тайсон ответил: «Да, он бил головой, но я, наверно, делал то же самое».

Эвандер, как всегда, не то чтобы бил головой, он просто шел вперед, выставляя свою пуленепробиваемую макушку, и если на ее пути попадалась бровь Тайсона, то это была его печаль. Нельзя сказать, что он сознательно нарушал правила, но все время действовал на грани фолла. Налицо было весьма небрежное отношение к сопернику, но Тайсон и сам был не образцом соблюдения правил, и сразу после боя Железный Майк не стал объяснять свое поражение тем, что Холифилд ударил его головой.

Однако прошло совсем немного времени, и это стало едва ли не главной темой любого разговора с ним. Очень подогревали у него такие настроения его менеджеры Джон Хорн и Рори Холлоуей, которые в две луженые глотки орали на каждом шагу, что Холифилд победил нечестно, и заражали своим настроением Майка. Между тем засланные казачки Хорн и Холлоуей ничего не делали просто так и меньше всего пеклись об интересах и хрупкой психике Тайсона. Они верой и правдой служили Дону Кингу, и их задачей было любой ценой разогреть народ к матч-реваншу. Конечно, интерес к этому бою был и так огромным, но интереса, как и денег, много не бывает. К тому же Дон Кинг всегда делал ставку на ненависть как на гарант финансового успеха матча, и он совершенно сознательно хотел еще до боя довести Тайсона до иступления. Ему это вполне удалось.

Матч-реванш состоялся 28 июня 1997 года в Лас-Вегасе. Тайсон вышел на ринг спокойным, как и Холифилд. Гораздо больше были возбуждены зрители. Один из комментаторов телеканала «Showtime» почти прокричал за несколько секунд до первого удара гонга: «Ожидание закончено! Все разговоры позади. Сейчас будет матч-реванш».

Первый раунд. Тайсон начал второй бой, как и первый, с атаки правым кроссом, но на этот раз Холифилд ушел от него. Затем Эвандер провел несколько джебов, но первый сильный удар принадлежал все-таки Тайсону: его левый хук пришелся чуть-чуть вскользь, но Холифилду все равно слегка «перепало». Разумеется, его это не смутило, и скоро он провел хороший правый кросс, а затем еще двойку.

Тайсон пытался ответить и даже временами попадал, но как-то неплотно. Холифилд нанес почти незаметный удар левой по печени, но Тайсон его почувствовал и тем более почувствовал то, что последовало за этим. Холифилд перевел удар левой на голову и нанес в общей сложности шесть боковых ударов, как минимум четыре из которых легли в цель. После этого оба на последние 20 секунд взяли паузу. Вот и гонг. Раунд за чемпионом.

Тайсон явно потрясен последней серией Холифилда. У Майка был тот самый обескураженный вид, который в их первом матче появился у него после второго раунда. Ну а теперь уже и после первого.

Второй раунд. Почти в самом начале произошел довольно любопытный эпизод. Тайсон встал перед Холифилдом и попытался вытянуть его на атаку, но тот на провокации не поддавался. Создавалось впечатление, что Майк боится атаковать. Что-то подобное даже трудно припомнить. В конце первой минуты раунда Тайсон получил рассечение. Он наносил правый кросс, а Холифилд, как он уже сделал в этом бою много раз, поднырнул под удар и двинулся чуть вперед, оставляя таким образом кулак Тайсона выше и позади себя, и именно в этот момент он врезался головой в бровь Майка. Со стороны это действие не казалось преднамеренным, но всю правду здесь знает только сам Холифилд. Тем не менее я бы сказал о данном эпизоде только то, что Холифилд берег свою челюсть больше, чем бровь Тайсона. Кто будет его осуждать за это?

Тайсон осудил, он даже пожаловался рефери Миллзу Лейну. Чуть больше чем через полминуты, когда боксеры сошлись в клинче и Холифилд снова въехал ему в бровь, Тайсон, прямо не выходя из клинча, опять пожаловался Миллзу Лейну. Тот отнесся к этому довольно спокойно, сказал что-то, и бой продолжился.

Холифилд провел неплохой левый хук, а потом после небольшой паузы правый кросс и левый по печени. А секунд за 45 до конца раунда произошел один эпизод, который потом совершенно забыли, а зря. Железный Майк зажал правую руку Холифилда где-то у своего пояса так, чтобы перчатка не давала Эвандеру возможности выдернуть ее, а сам тем временем попытался упереться затянутым перчаткой запястьем во внешнюю сторону локтя уже фактически выпрямленной руки и согнуть ее против кости, то есть попросту сломать руку. Но Холифилд тоже дрался на улице. Он вырвал руку и еще засадил Тайсону со зла неплохой правый кросс. В этот момент диктор обратил внимание, что Тайсон выглядит очень обескураженным. Этого было трудно не заметить. Второй раунд тоже за Холифилдом.

В перерыве Тайсон довольно громко вскрикнул, когда так называемый «cutman», то есть секундант, специально следящий за рассечениями, начал обрабатывать ему бровь. И все-таки ничто не предвещало того, что произошло в следующем раунде.

Третий раунд. Тайсон начал с атаки, и на этот раз она ему удалась. Его двойка из двух прямых прошла, за ней левый по печени и левый хук. Холифилд видел все удары и в последний момент успевал подыграть головой и туловищем так, чтобы максимально их самортизировать, но на этом наступательный порыв Тайсона не был исчерпан. Он нанес хороший правый кросс. Видно, что его душит злоба и в одном из клинчей он совершенно откровенно стал давить Холифилду локтем на горло. Рефери расцепил их, как раз когда Эвандер явно собирался сделать что-то тоже выходящее за рамки правил. Тайсон провел еще один правый кросс. Но здесь Холифилд ему наконец ответил. Он нанес левый по печени и переводом левым же боковым в голову, а затем добавил еще и правый кросс. Тайсон расвирипел и растерялся от этой атаки одновременно. Столько сил затрачено, а Холифилд, оказывается, и не думал ломаться. Железный Майк выбросил левый хук, который застал Холифилда врасплох, а затем еще двойку из джеба и кросса. От последних двух ударов Эвандера даже не пошатнуло. Он опять и не подумал падать. Оказалось, что Тайсону нечем свалить этого мужика. Он нанес джеб, на который Холифилд ответил тремя. Первый — совсем слабый, второй — уже ощутимый, а третий — навстречу ринувшемуся в атаку Тайсону, отчего эффект третьего удара был как от правого кросса. Железный Майк все-таки разорвал дистанцию, но только для того, чтобы войти в клинч, и здесь он каким-то чисто собачьим движением закусил правое ухо Холифилда. Пораженный Эвандер оторвался от него и в бешенстве прыгнул вокруг своей оси. Рефери Миллз Лейн слегка растерялся, но не совсем потерял нить. Холифилд направился к себе в угол, видимо для того чтобы кого-то позвать и показать, что сделал Тайсон (позже выяснится, что Тайсон откусил ему кусок правого уха, который потом нашли на ринге и пришили обратно). Майк бросился за ним и толкнул его в спину. Миллз Лейн быстро опомнился, остановил бой и направился к канатам.

Здесь я бы хотел сделать паузу. Вокруг ринга, как ни странно, было полно улыбающихся, счастливых лиц. *Они видели это!!! Они будут рассказывать об этом всю свою жизнь!!! Какое счастье!* Эти люди, а их большинство, и сделали Тайсона Тайсо-ном. Не надо все списывать на Дона Кинга. Он лишь чутко улавливал их желания и давал им то, что они хотели. Если бы они этого не хотели, то не было бы и феномена Майка Тайсона.

Тем временем Миллз Лейн обратился к главному здесь человеку, исполнительному директору Атлетической комиссии штата Невада Марку Ратнеру. Рефери сказал, что хочет дисквалифицировать Тайсона. Выражение лица Ратнера явно показало, что он этого совершенно не хочет. Одновременно с этим ухо Холифилда осмотрел врач и пришел к заключению, что чемпион может продолжить бой! Ратнер снова всем своим видом показал, что согласен с этим мнением, и явно дал команду или, точнее, команду в виде предложения возобновить поединок. Спрашивается, что должен был сделать Тайсон, чтобы заслужить дисквалификацию? Пристрелить Холифилда на ринге?

Честный и глубоко порядочный Лейн был ошеломлен, но не посмел послушаться. Он снял с Тайсона два очка и раз 20 прокричал об этом во всех углах ринга. У Холифилда и его команды это, как и следовало ожидать, энтузиазма не вызвало. Тем не менее бой был возобновлен через несколько минут после того, как его остановили. До конца раунда осталось чуть меньше 40 секунд.

С обеих сторон последовала яростная, но сумбурная атака без чистых ударов. Чувствовалось, что Холифилд опасался слишком сблизиться с Тайсоном, но уклониться от этого не удалось. С комбинацией левой по корпусу и правой в голову он вошел в клинч. Первый удар более-менее пришелся в цель, хотя и не возымел эффекта, а второй прошел мимо, но голова Тайсона оказалась рядом с теперь уже левым ухом Холифилда, в которое он тут же вцепился зубами. Эвандер в бешенстве пригнул его и ударил сверху, а Тайсон оттолкнул всем телом. Холифилд отлетел и от собственной ярости еще раз подпрыгнул. Рефери опять чуть замешкался, а потом дал команду продолжить бой! Тайсон перед этим жестом призвал Холифилда сразиться, видимо, теперь уже на зубах. Эвандер нехотя пошел в атаку, Тайсон тоже. Чистых ударов опять не было. Тайсон промазал апперкотом справа или, точнее, рука Холифилда хорошо прикрывала его лицо снизу, и Тайсон волей-неволей пробил мимо. Майк попытался сделать еще что-то, но здесь посреди всей этой суеты раздался гонг, который дали на пару секунд раньше срока. Видимо, до Марка Ратнера и остальных наконец дошло, что такой бой нельзя продолжать, о чем менее чем через минуту и сообщили: Тайсон дисквалифицирован.

На ринг высыпало много здоровенных мужиков в униформе — все они скоро понадобились. Тайсон решил прорваться к Холифилду и продолжить бой уже по собственному почину. Он метался из стороны в сторону, как какой-то сгусток безумия. Его остановили 20 человек. Чуть усыпив их бдительность, Тайсон снова взорвался и стал распахивать всех, но секьюрити снова оттеснили его своими телами. Через некоторое время Железный Майк предпринял третью попытку, уже не столь активную. Выражение лица у него при этом было такое, какое бывает у буйных сумасшедших, когда приступ безудержной ярости может внезапно смениться приступом таких же безудержных слез. Глубоко потрясенного Холифилда тем временем увели с ринга. Вслед за ним вскоре увели и Тайсона. Напоследок он предпринял еще одну неясную попытку сделать непонятно что, но его быстро успокоили. На сегодня и, как вскоре выяснится, на полтора года вперед он отвоевался.

Почему Тайсон пустил в ход зубы, что неминуемо должно было привести к дисквалификации, в бою, который далеко не был проигран, более того, в третьем раунде? Железный Майк явно лидировал, причем с большим отрывом!

По-моему, как раз потому, что на самом деле бой уже был проигран. Тайсон выбросил все, что у него было, провел третий раунд так, как будто четвертый и не планировался, а Холифилд даже не пошатнулся. У Тайсона с самого

ему не по зубам. Иначе как объяснить то отчаянное выражение, которое появилось у него на лице в первом бою — после второго раунда, а во втором — уже после первого? При этом у Майка было серьезнейшее рассечение, которое ставило под сомнение, что он сможет отбок-сировать бой до конца.

Общепринятая версия, с которой я согласен, заключается в том, что Тайсон, может быть, не мозгом, а только инстинктом почувствовал, что этот бой ему не выиграть, так как он явно шел по сценарию первого. Третий раунд второго боя в целом напоминал пятый раунд первого, после которого и наступил перелом в первой встрече. Все выложено, никаких козырей в рукаве не осталось, а противник все перед твоим носом. И в этих условиях Тайсон нашел, точнее вспомнил, старый способ выйти из боя красиво, то есть не лежа на полу и не слушая, как эннаунсер¹ зачитывает очки не в твою пользу, а, что называется, с понтом. То есть когда кто-то может объявить твоего противника победителем, но на самом деле ты ему так закатаешь, что у него навсегда от этой победы останутся только самые горькие воспоминания.

Вполне возможно, что Тайсон, чувствуя, что все идет не так, решил рискнуть и взорвать ситуацию, чтобы половить рыбу в мутной воде: вдруг чего получится? Вдруг Холифилд испугается и начнет пропускать всерьез? Однако этот вариант кажется мне куда менее вероятным, хотя попытка в конце второго раунда сломать Холифилду руку вроде бы говорит в его пользу.

Слишком уж спонтанными выглядели кусательные движения Тайсона и слишком безумными его глаза, когда все уже закончилось. Наверно, он действительно хотел просто выйти из игры непобежденным или побежденным только на бумаге. Одно несомненно: он на самом деле считал, что Холифилд преднамеренно работал с ним нечестно, и это развязывает ему руки, точнее, зубы.

Холифилд был не прочь встретиться с Тайсоном еще раз, после того как ему пришили подобранный с ринга кусок уха. Но, как и следовало ожидать, Железный Майк получил бессрочную дисквалификацию. Никто не сомневался, что довольно скоро она закончится, но надо было соблюсти приличия. Другой вопрос, сколько времени их собирались соблюдать. Оказалось, что достаточно долго, а пока безоговорочным королем тяжелого веса стал Холифилд. Почти безоговорочным.

ИЗМЕННИК НА КОРАБЛЕ-3

«Это поражение было для меня как урок, как часть боксерской школьной программы, которую надо пройти целиком. Бокс вообще напоминает учебный процесс. Ты идешь от простого к сложному, поднимаешься вверх. По ходу тебе предстоит пережить и не самые приятные минуты. Этот бой очень многому научил меня. После него я стал лучше организовывать свою команду, собрал вокруг себя всех действительно близких людей, которые никогда не теряли в меня веру. Главное — я научился возвращаться на поле боя после поражения и начинать все сначала. Научился преодолевать себя и свое прошлое, — сказал Леннокс Льюис в интервью, которое дал мне весной 1998 года в Нью-Йорке. Помню еще, что его искренний тон не вызывал никаких сомнений, и члены его свиты, которые собрались вокруг, довольно переглянулись между собой, гордые своим королем. Наверно, так оно и было. У меня, по крайней мере, нет оснований сомневаться. Но думаю, что это пришло не сразу.

Льюис проиграл Макколлу 24 сентября 1994 года, а в следующий раз вышел на ринг только 13 мая 1995-го. К этому времени он полностью оправился от произошедшего, а Эммануэль Стюард хорошо с ним позанимался, в частности и над ошибкой, которая стоила ему титула. Его соперником был американец Лайонел Батлер, занимавший тогда первую строку в рейтинге WBC. В случае своей победы Леннокс становился официальным претендентом этой организации и получал автоматическое право на встречу с чемпионом, то есть на матч-реванш с Оливером Макколлом.

Батлер по кличке Поезд прожил на ринге странную жизнь. В начале карьеры он не попал в руки к хорошему промоутеру, что привело к тому, что его, вопреки прозвищу, самого постоянно бросали под поезд, то есть под соперников, против которых у него на тот момент не было шансов. Батлер потерпел 10 поражений в первых 17 боях. Однако он прошел уникальную школу и в результате из следующих 17 боев выиграл 16, а один поединок был остановлен в третьем раунде ввиду травмы. По правилам WBC, если травма в результате неумышленного нарушения, например удара головой, приведшего к сильному рассечению, была получена в течение первых четырех раундов, результат боя объявляется аннулированным.

Внешне напоминающий бочку, Лайонел Батлер (рост — 180 см, вес в бою с Льюисом — 118 кг) считался в то время очень опасным противником. Из своих последних 16 побед 15 он одержал нокаутом, а один соперник был дисквалифицирован. Причем восемь человек он нокаутировал уже в первом раунде, по одному — во втором, третьем, четвертом и седьмом и троих в пятом. Короче говоря, Батлер был одним из тех противников, которых никогда не выбирают для боксера, который потерпел поражение нокаутом в последнем бою. Но Льюису права выбора не предоставили.

Уже в первом раунде стало ясно, что Батлер внимательнейшим образом изучил бой Льюиса с Макколлом, потому что он честно пытался повторить комбинацию, которой тот нокаутировал Леннокса. Но Стюард свой хлеб ел не даром. Сначала он научил Макколла, как нокаутировать Льюиса, а теперь научил самого Льюиса средствам защиты от этого приема.

Леннокс заставил Батлера много бегать за собой. Это тоже было не спонтанно, а придумано им совместно со Стюардом. Они исходили из того, что человек с таким лишним весом быстро растеряет силы в беготне, и не ошиблись — Батлер действительно стал сдавать. К тому же Льюис не просто бегал, а все время бил с обеих рук, в основном прямыми, которые приходились то над руками, то в разрез.

На пятый раунд Лайонел вышел с видом героя, идущего на расстрел. Сил у него не было, и, если Льюис не атаковал, он просто стоял. Леннокс тоже не перенапрягался, а Батлера уже всего сотрясало даже от его джебов. Публика начала гудеть, но тут на последних секундах раунда она получила то, что хотела.

Леннокс нанес сильный джеб, от которого Батлера перетряхнуло, а затем правый кросс. Американца повело, и он отступил к канатам. Льюис догнал и всадил еще удар справа, после чего Батлер просто сел на один из канатов, который, видимо, был хорошо натянут, если выдержал такой вес. Фактически это был уже нокадаун, если не нокаут, но рефери не дал команды или не успел ее дать, Леннокс пошел на добивание, и здесь бой был, наконец, остановлен.

Как Льюис потом рассказывал, он не сомневался, что вот-вот встретится с Макколлом за чемпионский титул. Чтобы не дать себе остыть, Леннокс 2 июля 1995 года встретился в Дублине с австралийцем Джастинем Форчуном, которому в четвертом раунде чуть не оторвал голову тремя правыми апперкотами подряд. Все, вроде бы, никаких препятствий к бою с чемпионом не осталось, но тут в дело опять вмешались судьба в лице Макколла и боксерская политика.

2 сентября 1995 года Макколл неожиданно для всех проиграл, и кому! Старому знакомому Льюиса британцу Фрэнку Бруно. Видимо, Оливер не слишком жаждал матча-реванша с Льюисом, раз затеял переговоры с командой Бруно, когда Леннокс уже был вполне свободен и ждал встречи с ним. Но чемпионом вместо Льюиса стал Бруно. А Леннокс 7 октября 1995 года встретился с известным бельем американским боксером Томми Мор-рисоном, который в предыдущем бою нокаутировал Донована Раддока в шестом раунде. Теперь уже его самого в том же шестом раунде нокаутировал Льюис. Обозреватели тогда обратили внимание, что Моррисон побывал на полу четыре раза от четырех разных ударов. Мало кто может похвастаться таким нокаутирующим арсеналом.

Бруно, получив титул, распорядился им по-своему. Он решил встретиться с Тайсоном. Вряд ли он боялся Железного Майка меньше, чем Леннокса. Скорее, дело в другом. Бывший обозреватель британской газеты «Times» Срикумар Сен как-то сказал мне, что Бруно — не совсем соответствует своему имиджу простака-добряка-шутника, а человек довольно-таки расчетливый. Это и сыграло главную роль. Бруно не мог не понимать, что шансов у него нет ни против того, ни против другого, и решил продать свой титул подороже. С финансовой точки зрения бой с Тайсоном был куда выгоднее, потому Бруно и остановил свой выбор на Майке, которому бесславно проиграл 16 марта 1996 года.

Льюис провел бой с известным американским тяжеловесом Реем Мерсером, и он состоялся 10 мая 1996 года в Нью-Йорке.

Все в том же интервью, которое Льюис дал мне в 1998 году, он сказал: «Самым трудным для меня испытанием на смелость был бой с Реем Мерсером. Это был как бы поединок в чужом квартале, где все против тебя. Кругом одни его болельщики и все орут как бешеные. Кроме того, по контракту все было устроено в том бою под него. Мы дрались на восемнадцатифутовом ринге, чтобы ему было удобно, он ведь невысокий (стандартный профессиональный ринг имеет размер 20 x 20 футов, то есть 6,1 x 6,1 м. Однако это не является обязательным. Иногда бои проводятся и на меньших, и на больших рингах. В бою Льюис — Мерсер ринг был размером 18 x 18 футов, то есть 5,5 x 5,5 и. — А Б.). Я боксирую как обычно, делаю два шага назад, а там канаты. Все мои инстинкты говорят, что их там не может быть, а они есть. И он лезет на меня как танк».

Здесь налицо очевидный просчет команды Льюиса. Нельзя было идти на подобную уступку. С другой стороны, судя по всему, Леннокс опять недооценил соперника. Мерсер всегда отличался неровностью выступлений, но в то время казалось, что с ним уже все кончено. Дрался он тогда не чаще раза в год. В июне 1994 года встретился с Мэрионом Уилсоном, чей послужной список на тот момент состоял из семи побед, девяти поражений и двух ничьих. Впоследствии Уилсон стал уникалом ринга, проигравшим десятки боев, но при этом ни разу не побывавшим на полу, хотя в каждом из них он раскачивался, как ива на ветру, точнее, как дуб, который вдруг обрел гибкость ивы. У Мерсера он выиграл, но судьи определили ничью.

Следующий бой, в мае 1995 года, Мерсер провел против Эвандера Холифилда и безоговорочно проиграл. Более того, в восьмом раунде он впервые побывал на полу, и вот после почти годичного перерыва он снова вышел на ринг против Леннокса Льюиса. Ну кто мог ожидать от него чудес?

Однако Мерсер, боксер талантливый, реализовавшийся в своей карьере меньше чем наполовину, провел лучший бой своей жизни. Началось с того, что он выиграл первый раунд. Мерсер, видимо, считал, что Льюис плохо держит удар, раз Макколл сумел свалить его, и постоянно напирал, начиная атаки с очень мощного джеба, который постоянно проходил из-за того, что Леннокс низко ватно держал правую руку. Но, хуже того, он постоянно доставал Льюиса и силовыми ударами, в основном левыми хуками и правыми кроссами, а это уже просто никуда не годилось.

Льюис выиграл второй раунд. Однако и здесь все шло не по j плану. Он не мог остановить или даже приостановить атаку Мерсера, чей рост был всего 185 см, левым джебом. Поэтому Льюис встречал его правыми кроссами и апперкотами, что, конечно, очень эффективно, но требует куда больше сил.

Третий раунд прошел туда-сюда, а четвертый получился невероятно зрелищным. В начале второй минуты Льюис провел правый апперкот, а вскоре еще и комбинацию, которую, как считалось, не мог выполнить никто, кроме Тайсона, — два правых апперкота, по корпусу и в челюсть. Затем потряс Мерсера еще одним ударом справа. Но Рэй устоял и взорвался ответной атакой. Сначала он провел двойку, затем еще удар справа и наконец ринулся вперед, как бык на красную тряпку. Но Леннокс ответил такой тройкой, что непонятно, как Мерсер после этого вообще остался на ногах. Рей опять собрался с силами и до гонга провел еще пару ударов. Тем не менее раунд по справедливости надо

Пятый раунд был более-менее ровным, а шестой опять прошел с заметным преимуществом Мерсера. В перерыве Стюард кричал Ленноксу: «Ты проигрываешь по очкам. Он наносит больше ударов, чем ты, — вот и все. Когда парень бьет тебя такими сериями, ты должен ответить ему тем же и выиграть раунд. Он уже был измотан, но ты этим не воспользовался. Давай бей же его!»

Льюис послушался. Седьмой раунд прошел в рубке, которую однозначно выиграл Льюис. Восьмой тоже остался за ним. В девятом стало чувствоваться, что оба очень устали, но лучше опять-таки был Леннокс, который привел нос Мерсера совершенно в непотребное состояние.

Американские рефери славятся тем, что часто подзадоривают бойцов, и некоторые их фразы даже становятся крылатыми, как, например, выражение Миллза Лейна, которое он произносил перед каждым боем: «Let's get it on» (в очень приблизительном переводе «поехали»). Вот и Артур Мерканте, который выполнял обязанности рефери в этом матче, тоже не обошелся без красного словца. «Ну, ребята, вперед! Кто больше хочет победить?»

Однако впечатление создавалось такое, что и Льюис, и Мерсер больше всего хотели, чтобы все скорее закончилось. Тем не менее Леннокс оказался чуть точнее. Гонг. Зал с нетерпением ожидал решения судей, и оно последовало. Один дал ничью — 95:95, а двое других отдали победу Льюису — 96:95 и 96:94.

Разумеется, Мерсер с этим решением не согласился. Льюис, впрочем, тоже. Он считал, что победил с куда большим отрывом, а судьи пошли на поводу у Мерсера, который применил старый трюк: старался любой ценой выиграть концовки раундов. Этим приемом, как мы знаем, в несколько другой, хотя тоже очень боевой ситуации пользовался Штирлиц, который знал, что лучше всего запоминается конец разговора. Так и судьи иногда хорошо запоминают концовки и не помнят, что было перед этим.

Тем не менее судьи отдали победу над своим соотечественником крайне непопулярному в Америке британцу Льюису. И это произошло в Нью-Йорке, что лучше всего говорит, кто победил в этой встрече. Американский журнал «The Ring», который никогда не грешил излишней симпатией к Ленноксу, также вынес вердикт в его пользу со счетом 96:94. Это не мешает авторам того же журнала уже много лет писать, что Льюис тот бой скорее проиграл, чем выиграл. Все-таки любовь к своим — великая сила.

Итак, после поражения Макколлу Льюис вместо, как ожидалось, одного промежуточного боя, вслед за которым он должен был снова драться за титул, провел четыре. В то время Тай-сон уже год с лишним как вышел из тюрьмы и занялся разборкой с чемпионами. Как мы помним, 16 марта 1996 года он расправился с Фрэнком Бруно и вернул себе титул по версии WBC, а на второе решил съесть чемпиона WBA Брюса Селдона. Бой с ним сначала был намечен на 13 июля, а потом отложен на 7 сентября 1996 года.

Однако с этим категорически не согласилось руководство WBC, которое заявило, что Тайсон должен прежде всего защитить свой титул по версии этой организации против первого номера в претендентском рейтинге, то есть Леннокса Льюиса. Дон Кинг от лица Тайсона предложил команде Льюиса 4 миллиона отступных за то, чтобы он не подавал дело в суд. Льюису было обещано, что в ближайшем будущем Тайсон встретится и с ним. Леннокс на это согласился, и вроде бы конфликт был улажен. Однако WBC ни с чем подобным не согласился, и в результате в бою с Селдоном ставкой был только принадлежавший Брюсу пояс WBA, а WBC не имел к этой встрече никакого отношения.

В принципе Льюису платили отступные не «под Селдона», а «под Холифилда», матч с которым уже маячил впереди, и он действительно состоялся всего через два месяца после боя с Брюсом Селдоном — 9 ноября 1996 года. Возможно, последнее «ослушание» окончательно переполнило чашу терпения президента WBC Хосе Сулеймана, возможно, Панос Элиадес, промоутер Льюиса, нашел какие-то доводы для руководства WBC, но эта организация лишила Тайсона своего титула. Поэтому, когда Железный Майк проиграл Холифилду, то отдал ему только титул WBA, а титул WBC был в тот момент уже вакантным. После этого WBC объявил, что за него, как положено в таких случаях, будут драться первый и второй номер претендентско-го рейтинга этой организации, то есть соответственно Леннокс Льюис и Оливер Макколл. Таким образом, их матч-реванш все-таки состоялся, хотя и с большим опозданием — 7 февраля 1997 года в Лас-Вегасе.

Этот бой вошел в историю как один из самых странных и необъяснимых, и, как часто бывает со странным и необъяснимым, его начало ничего подобного не предвещало.

Леннокс вышел на ринг первым. Макколл сделал это через несколько секунд очень эффектным образом. Он в окружении своей команды подбежал к рингу, а потом буквально выскочил на него. Впечатление было такое, словно это бежало стадо бизонов, а потом от него отделился вожак и горделиво посмотрел вокруг себя. Не знаю, произвело ли это впечатление на Льюиса, но бой он начал крайне осторожно. Макколл же, напротив, почти сразу попытался достать его двойкой с акцентом на правом кроссе, но Леннокс уклонился. Потом противники сошлись в клинче, и здесь британец чуть не бросил Макколла через бедро, остановившись в последний момент. Еще один клинч с обоюдным захватом произошел буквально через несколько секунд.

Уже в середине первого раунда произошел странный эпизод, на который в тот момент никто не обратил внимания. Уходя от атаки Льюиса, Макколл вдруг зажмурился, а потом часто заморгал. Боксеров специально учат не «хлопать глазами», потому что так можно в самом прямом смысле слова проморгать удар, точнее, его начальную фазу, и вдруг такая иллюминация глазами, как у паренька, которого в первый раз поставили работать в паре! Конечно, рефлексам не прикажешь, и практически никто не может похвастаться тем, что ни разу не моргнул в критический момент, но все-таки не так явно. Правда, с Макколлом это случалось и раньше. В конце концов и Льюиса он послал в нокаут зажмурившись. Так что же, он рассчитывал на это во второй раз? Вряд ли. Скорее, тут было что-то другое.

Ближе к концу первого раунда Льюис в ответ на атаку Макколла ушел в сторону и нанес два удара, левый хук и правый кросс. Можно было бы назвать это высшим пилотажем, но он только провалил Макколла, а к голове его приложился не слишком плотно. Макколл провел неплохой джеб, а затем попытался пойти в атаку, но при этом он опять зажмурился! Нет, что-то все-таки с ним было не так в тот день с самого начала. Атака успехом не увенчалась, а Льюис до конца раунда успел нанести еще несколько джебов и, безусловно, выиграл его.

Во втором раунде Леннокс для начала достал Макколла очень неприятным двойным джебом, после чего несколько раз с паузами вбил ему в голову еще несколько прямых с левой руки. Казалось, что Макколл подавлен, но тут он внезапно взорвался, да так, что заставил забыть все свои игры в жмурки в первом раунде. Оливер совершенно неожиданно нанес очень быстрый, хотя и очень длинный удар справа со всего маха. Льюис в самый последний миг успел отскочить и отвести голову. Макколл попытался тут же провести еще один правый под левой рукой Леннокса, но тот снова уклонился. Все-таки воспоминания о первом бое не давали Макколлу покоя. Он явно рассчитывал, что и в этот раз получится что-то в том же духе.

Атака не удалась, и Макколл зажал Льюиса в углу, попытавшись надавить ему предплечьем на горло, но у самого Оливера кончился бензин, слишком утомила его эта сумасшедшая атака, и он ослабил давление. После этого противники обменялись джебами, а затем Макколл неплотно достал голову Льюиса двойкой из правого кросса и джеба. И тут Леннокс решил показать, кто на ринге хозяин, и провел совершенно фантастическую по силе двойку из тех же ударов, но в обратном порядке. От правого кросса Макколла всего перетряхнуло. Более того, удар вызвал у него короткий приступ бешенства. Он топнул ногой и бросился на Льюиса, но нарвался на правый апперкот. Потрясенный, но влекомый собственным рывком, Макколл зажал Льюиса в углу, навалился на него и попытался локтем надавить на горло. Прежде чем Леннокс успел ответить чем-то в том же духе, рефери Миллз Лейн разнял боксеров. В следующем клинче, в котором они опять оказались после еще одного правого апперкота Льюиса, уже британец принялся незамысловато душить Оливера. И тут Макколл стал жаловаться рефери, как будто не сам начал так работать на ринге.

Во второй половине раунда создалось впечатление, что Льюис совсем освоился. Макколл попытался ударить его левой сбоку на скачке, Льюис ушел от удара и сверху ударил провалившегося Макколла справа, а вскоре добавил еще пару джебов и правый апперкот. На все это Макколл смог ответить только двумя бестолковыми атаками навалом, не причинившими Ленноксу никакого вреда.

После долгого клинча Льюис еще раз провел правый кросс и несколько джебов. Макколл опять стал жмуриться. Леннокс провел правый апперкот и вошел в клинч, на выходе из которого Макколл неожиданно ударил левый хук, который, однако, не произвел на Льюиса никакого впечатления. Второй раунд тоже остался за ним.

Третий раунд Льюис начал с нескольких джебов, а потом вместо прямого ударил с левой руки не совсем классический, но, судя по всему, очень сильный полубоковой. Макколл ответил только сумбурными и практически безрезультатными атаками, в одной из которых пропустил сильный правый кросс Льюиса, который неожиданно контратаковал. В общем и целом складывалось впечатление, что Леннокс вел дело к Победе, возможно даже нокаут. Конечно, Макколл никогда в жизни не падал, но невозможно же без конца пропускать все эти удары.

В конце первой минуты третьего раунда Льюис провел двойку, завершившуюся мощнейшим правым кроссом. Уже пропустив удар, Макколл неожиданно отскочил. Вроде бы движение естественное, как будто Оливер хотел уйти от последующей атаки, но что-то в нем настораживало. Во-первых, это было не в стиле Макколла, во-вторых, как-то уж очень далеко он ускакал. Льюису было не до этих рассуждений. Он нанес левый хук, Макколл снова далеко отскочил без всякой попытки контратаковать. Леннокс провел двойку. Макколл отскочил и развел руками. Вид у него при этом был очень странный.

Потом последовало еще много самых разнообразных ударов со стороны Льюиса, и почти все они дошли до цели. Макколл один раз внезапно, но неубедительно попытался провести левый хук, но промазал, а Леннокс в ответ нанес сокрушительный правый кросс. Макколл пошатнулся. Льюис провел двойку. Макколл отскочил и неожиданно исполнил какой-то неуклюжий медвежий танец. Льюис нанес правый над рукой. Макколл снова исполнил свой танец немного в другой вариации и стал смотреть по сторонам. Потом попытался нанести левый хук, которым неплотно достал голову Льюиса. Леннокс практически не почувствовал удара и несколько ошалело посмотрел на противника, словно сомневаясь, в своем ли он уме, а потом вернулся к работе и провел мощную трехударную серию. Макколл снова станцевал что-то. Вид к этому моменту у него был совершенно безумный. На том раунд и закончился. Льюис, конечно, его выиграл, но все больше становилось ясно, что Макколлу нужен не чемпионский титул, а врач.

Странности продолжились в перерыве. Макколл не стал садиться, а принялся ходить по рингу с видом печального сумасшедшего. Девушка, которая несла табличку с номером ринга, опасливо обогнула его, при этом ее лучезарная улыбка стала какой-то совсем уж натянутой. Тренер попытался позвать Оливера в угол, потом махнул рукой и отвернулся. Никто не мог понять, что же происходит. Рефери Миллз Лейн тоже не понимал, что ему делать. Вроде бы в правилах не написано, что боксер не имеет права болтаться в перерыве по рингу, а если свихнулся, так это пока вроде бы не доказано. Знал бы Миллз Лейн тогда, что его ждет во втором бою Холифилда с Тайсоном, который состоялся через четыре с половиной месяца и который он также судил, он, наверно, удивлялся бы поменьше. Но пока ему еще было не с чем сравнивать дикую ситуацию, которая сложилась на ринге.

В четвертом раунде безумие вышло на новый уровень. После левого хука и правого кросса Льюиса Макколл

очень уверен, что он правильно себя ведет, нанес еще несколько ударов, и Макколл опять с отсутствующим видом пошел гулять. Так и прошел весь раунд: Льюис время от времени нехотя бил, а Макколл гулял.

В перерыве Оливер опять не отправился в свой угол, а продолжал слоняться по рингу и вдруг начал плакать. Весь мир видел, что именно слезы, а не пот были у него на лице. Наконец членам его команды удалось уговорить его сесть на стул. К нему подошел Миллз Лейн и спросил, хочет ли он продолжить бой. Макколл вроде бы ответил утвердительно.

В пятом раунде картина повторилась. Льюис все с тем же неуверенным видом время от времени бил, а Макколл отворачивался и шел бродить по рингу. На исходе первой минуты раунда очередная прогулка закончилась тем, что Миллз Лейн наконец прекратил бой, и Леннокс Льюис во второй раз завоевал титул чемпиона мира в тяжелом весе по версии WBC. И во второй раз при не самых обычных обстоятельствах.

Макколл, в момент остановки боя шедший вдоль канатов прогулочным шагом, даже не остановился, и тогда рефери, как большого ребенка, отвел его к нему в угол, после чего Оливер очень быстро покинул ринг. На пресс-конференции он чуть ли не час рассказывал, как рефери не дал ему осуществить его коварный замысел, который состоял в том, чтобы измотать Льюиса и потом заставить его врасплох. Его слушали, пряча глаза. Наконец лицо Макколла скривилось, и он снова заплакал.

Потом много говорили, что нервный срыв был как-то связан с наркотиками. Скорее всего, так оно и было. Но, возможно, свою роль сыграло то, что в какой-то момент он почувствовал — бой ему не выиграть.

Через год с небольшим во время интервью я спросил Льюиса:

— Сладкой была месть или он ее испортил своим странным поведением?

— Мсть оказалось никакой, — ответил Леннокс, — я был готов к чему угодно, но не к тому, что он вдруг сломается и заплачет. Когда мне теперь говорят, вот, Макколл тебя побил, я им отвечаю, может быть, но это я в конечном счете заставил его плакать.

— А как ты думаешь, что с ним тогда произошло?

— По-моему, здесь следует обратить внимание на промоу-теров и менеджеров. Как они могут выпускать на ринг человека, ну не то чтобы психически больного, но явно с какими-то проблемами в этой области, и к тому же наркомана, и давателю драться за звание чемпиона мира в тяжелом весе? Это возмутительно, что они готовы поставить своего боксера в такое положение. Им надо заработать деньги, и ради этого они готовы выпихнуть на ринг больного и не готового ни для какого боя человека.

В Америке после этого боя много говорили, что трудно признать боксера, избившего плачущего человека в состоянии нервного срыва, чемпионом мира, и с этим трудно было не согласиться, хотя первые два с половиной раунда Макколл и дрался в полную силу.

Но на этом злоключения Льюиса не кончились. 12 июля 1997 года его следующий противник, британец нигерийского происхождения Генри Акинванде во время боя с ним в городе Стейтлайн, при любой возможности бросался обнимать Леннокса, как влюбленная невеста. В пятом раунде рефери решил, что и с него, и со зрителей, и с самого Льюиса хватит, и дисквалифицировал Акинванде. Но следующий соперник у нового чемпиона по версии WBC был хоть куда. Здесь придется сделать отступление, потому что без этого персонажа история тяжелого веса второй половины 90-х годов не может быть полной.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЯСНОВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ГОЛОТЫ

Если бы еще несколько лет назад кто-нибудь спросил меня, может ли человек удостоиться аудиенции высшего лица государства только за то, что отбил другому человеку, не совершившему никакого преступления, гениталии, я бы подумал, что у спросившего не все в порядке с головой. Однако с тех пор мое знание жизни шагнуло далеко вперед, и теперь я не сомневаюсь, что такое бывает. Более того, глава государства может даже, не пригласить этого мордоворота в свою резиденцию, а как бедный родственник пойдет к нему сам. Все-таки в странном мире мы живем.

Речь идет о польском боксере-тяжеловесе Анджее Голоте. А визит ему нанес президент Польши Квасьневский. Впрочем, подвиг, который заслужил такую высокую оценку лидера страны, был далеко не первым в блистательной карьере душки Ан-джея, но все они были выдержаны, в едином суровом мужском духе.

Как поссорились пан Бялостоцкий с паном Голотой

Одноклассники Анджея пока не написали мемуаров, иначе мы узнали бы, чем развлекался этот милый отрок в совсем уж нежном возрасте, но пока любителям подобной литературы остается лишь мечтать об этом.

Свой первый документально подтвержденный подвиг бывший член олимпийской сборной по боксу Анджей Голота совершил в 1990 году. В ночном клубе польского города Влоцла-века он поссорился с неким Бялостоцким. Недолго думая, Голота избил его, затащил в туалет и приказал снять одежду, после чего забрал ее и смылся из туалета клуба, а затем и Польши, узнав, что ему грозит пять или шесть лет отсидки за его ночной подвиг.

Воспользовавшись тем, что у него была американская виза, Голота рванул за океан. Если он рассчитывал, что кто-то в Америке запомнил его неплохое выступление в Сеуле два года назад, ему пришлось разочароваться: никто о нем и слыхом не слыхивал. Однако Голоту, который к тому же практически не знал английского, это мало смутило. Он знал, что делать. Анджей быстро отыскал какой-то боксерский клуб, вошел в тренировочный зал, не обращая внимания на удивленные взгляды, и предложил себя. В клубе не очень точно знали, где находится Польша, в Европе или в Латинской Америке, но по достоинству оценили и его внешность серийного маньяка-убийцы, и сносную технику, и выдающиеся данные.

Слава об огромном поляке, который, в отличие от большинства белых тяжелей, умеет драться, мгновенно разошлась по боксерской тусовке, и им заинтересовался промоутерский клан Дува, на тот момент один из трех главных столпов боксерского бизнеса Америки и мира. Осмотр доверили старейшине клана тренеру Лу Дуве, по прозвищу Капитан Лу. Тот проэкзаменовал Анджее, взявшего для удобства имя Эндрю, по всем статьям и пришел в полный восторг от счастливого приобретения. Капитан Лу в жизни не видел такого сильного белого тяжеловеса, а талантливый белый тяжеловес — это очень большие деньги.

Профессиональный дебют Голоты состоялся 7 февраля 1992 года. Его соперник Рузвельт Шулер был нокаутирован в третьем раунде. Следующие трое легли уже в первом. Будущее казалось счастливым и обеспеченным.

Лицо Голоты как-то не наводит на мысль о способности его обладателя мыслить абстрактно, но внешность бывает обманчива, и, возможно, Анджее не раз думал о превратностях судьбы: ведь не вздуй он Бялостоцкого в ночном клубе, так бы и сгнил заживо в провинциальном Влоцлавеке.

Как пан Голота сражался за морем-океаном

С 1992 по 1995 год Голота провел на профессиональном ринге 26 боев, во всех победил, причем в 23 — нокаутом. Более того, 13 раз встреча заканчивалась уже в первом раунде. Не заметить

такое чудо, разумеется, не могли, тем более что чудо за это время проявило себя так, что заставило говорить о себе буквально всех. И дело было далеко не только в выдающихся боксерских данных.

На профессиональном ринге всегда было много грязных бойцов, среди которых попадались и самые великие, и самые популярные. Так, очень грязным боксером был Рокки Марчиано. Эвандер Холифилд — тоже не святой. Список можно продолжать бесконечно. Однако Голота — это явление несколько другого порядка. Грязные приемы в его исполнении часто выглядели как самоцель, а не результат жестокого и бескомпромиссного боя. Он все время старался зацепить лицо противника локтем или залепить в глаз большим пальцем перчатки, бил ниже пояса после гонга, в общем, использовал весь джентльменский арсенал. 16 мая 1995 года в бою с Самсоном Поуа Анджеей вышел на новый уровень — находясь в клинче, вцепился в плечо сопернику зубами. Так что не только Тайсон подключает к атаке челюсти.

К 1996 году у Голоты осталась только одна проблема: практически ни один элитный боксер не хотел с ним встречаться. В этих условиях клан Дува пошел на довольно смелый шаг. Некоронованным чемпионом мира считался тогда Риддик Боу, переживавший тяжелые времена после того, как он и его менеджер Рок Ньюман рассорились со всеми боксерскими чиновниками и промоутерами. Все федерации выкинули его из своих рейтингов и сделали вид, что боксера по имени Риддик Боу больше не существует, несмотря на то что почти вся американская боксерская пресса продолжала рассматривать его в качестве сильнейшего тяжеловеса. За два года такого отношения к себе Боу дошел до ручки и готов был драться хоть с чертом лысым, чтобы получить хоть какой-нибудь титул. Роль лысого черта клан Дува и доверил Анджее Голоте.

стоянно бил ниже пояса. В третьем раунде рефери предупредил, что в следующий раз снимет с него очко.

Первый настоящий кризис случился в четвертом раунде. Голота его очень уверенно выигрывал, и казалось, Боу вот-вот окажется на полу. Он и оказался, после того как симпатия Анджее треснул его что было сил намного ниже пояса или, как говорят американцы, к югу от границы. Боу приходил в себя пять минут, а рефери снял с Голоты первое очко. В шестом раунде Риддик снова отправился отдыхать на пол после очередного удара ниже пояса, и рефери снова снял с поляка очко.

На второй минуте седьмого раунда Голота опять уларил Боу значительно ниже пояса, и рефери снял с него третье очко. Это, однако, не остановило буйного Анджее, и в конце раунда он нанес свой коронный удар в пах, и Боу снова рухнул на настил ринга. На этот раз рефери дисквалифицировал Голоту. Его тренер Капитан Лу в сердцах не нашел ничего лучше, чем сказать, что Боу заслужил Оскара за то, как притворялся, изображая немыслимую боль.

Ни о какой непреднамеренности ударов Голоты говорить не приходится: часто он бил не просто чуть ниже пояса, а в самое что ни на есть ой-ой-ой. Действия его были мало понятны, ведь он явно лидировал в этом бою и вел его к победе. Так или иначе, но в глазах безжалостной публики Голота этот бой выиграл и его известность в США возросла многократно. О нем стали говорить как о новом потенциальном чемпионе мира, но прежде всего ему надо было победить Боу «по-честному».

Матч-реванш состоялся 14 декабря 1996 года. Это был по-настоящему захватывающий бой. Голота явно выиграл первый раунд, а во втором классической двойкой, левый-правый, послал Боу в нокдаун. Казалось, что Боу может даже не успеть встать до тех пор, когда рефери закончит счет, но он встал и продолжил бой. Голота бросился его добивать, но у него не вышло. Тогда он ударил Риддика головой. И на старуху бывает проруха: в результате своей бараньей атаки Анджеей сам получил сильное рассечение, а рефери еще снял с него очко.

В третьем раунде Боу перехватил инициативу, а в четвертом послал Голоту в нокдаун. Это была его последняя вспышка. Встав с пола, крошка Анджеей не нашел ничего лучше, чем по привычке дважды вклепить изо всех сил в то место, которое мужчины ценят больше всего. В пятом раунде Голота загнал Боу в угол и снова послал в нокдаун. В седьмом — он уже просто избивал державшегося на честном слове Риддика. Но Боу сумел устоять на ногах и даже слегка очухался в восьмом раунде. Все, что было нужно сделать Голоте для победы, — продержаться до конца последнего, десятого раунда.

Анджей закончил бой на ногах, а Риддик Боу — на полу. Тем не менее, победу присудили именно ему. В девятом раунде во время достаточно вялого и тягучего обмена ударами, не представлявшими особой опасности, Голота неожиданно провел трехударную серию по нижнему, точнее даже сказать подвальному, этажу американца. Это уже были просто удары между ног. Боу свалился на пол, а рефери немедленно дисквалифицировал Голоту. На этот раз даже Капитан Лу не нашелся, что сказать в защиту своего подопечного. «Я его спрошу, хочет ли он продолжать свою боксерскую карьеру», — мрачно сказал Дува журналистам.

Сам Голота тем временем стоял в своей раздевалке и лупил самого себя по голове со словами: «Я идиот! Я идиот!» Лучше бы он ударил себя туда, куда бил Боу. Может быть, тогда бы дошло.

Как пан Квасьневскжй простил пана Голоту

В славные времена битв Голоты с Боу по своим президентским делам в Америку приехал президент Польши Квасьневский. Как ни странно, он нашел время повстречаться с добрым Анджеем и попросил его приехать в Польшу, где обещал ему справедливый суд. В переводе с президентского языка на человеческий это значит: вернись, я все прощу.

Государственный поступок Квасьневского можно понять. У себя на родине Голота стал национальным героем. В Америке он тоже добился колоссальной популярности. Его победные поражения произвели такое ошеломляющее впечатление на экспертов, что журнал «The Ring» свел в компьютерном поединке Голоту с Тайсоном и Холифилдом. Вердикт компьютера гласил: Голота нокаутирует Тайсона в четвертом раунде, а Холифилда — в девятом. Наиболее авторитетный в мире бокса журнал объявил его самым сильным тяжеловесом современности.

В январе 1997 года в тихом Влоцлавеке произошло событие, которое вспоминают там по сей день. К зданию суда подъехал безразмерный вишневым «линкольн». Его ждали не только граждане города, но и многочисленные приезжие из самой Варшавы и даже какие-то иностранцы. Толпа ринулась к машине, но ее оттеснили. Под восторженные вопли из автомобиля вышел огромный молодой человек с запоминающейся внешностью откормленного эсэсовца. Великолепный костюм не скрывал могучих мышц и бычьей шеи. Конечно, это был Голота, самый популярный преступник в Польше. Помахав рукой поклонникам и поклонницам, он вошел в распахнутые для него двери и прошел на свое место — обвиняемого. Все, включая и прокурора, смотрели на него с нескрываемым благоговением. И когда в зале раздались слова некогда потерпевшего пана Бя-лостоцкого, все радостно закивали. Именно такого выступления от него и ждали зрители, пришедшие на это представление. «Я прощаю его, — сказал потерпевший пан, обращаясь не столько к самому подсудимому, на которого вообще старался не смотреть, сколько к публике. — Он был молод, и мы должны это понять».

Великодушно прощенный сумрачно улыбнулся. Суд внял просьбе потерпевшего и приговорил юношу лишь к двум годам условно и штрафу в семь тысяч долларов. На прощанье сурово осужденный сказал, что его поступок все эти годы «камнем лежал на его совести», помахал рукой поклонникам, сел в свой «линкольн» и уехал.

Как пан Льюис обидел пана Голоту

В момент пика славы Голоты эксперты журнала «The Ring» вообще не считали нужным сравнивать с Голотой Льюиса и проводить между ними виртуальный поединок. 4 октября 1997 года в Атлантик-Сити этот пробел был восполнен, причем не в компьютере, а в реальности.

В начале первого раунда Голоте удалось загнать Льюиса в угол, но тот исполнил свой известный трюк: с неожиданной для такого гиганта ловкостью вошел в клинч и повернулся вокруг противника, как вокруг столба. Поляк даже толком не понял, что произошло. А уже через несколько секунд Голота пропустил роковой удар. Уходя от левого джеба, он слегка присел, и тут Льюис ударил справа над рукой. Попал в точку. Глаза у Голоты в ту же секунду остекленели, словно их обладатель получил по голове копытом, и он попятился. Льюис не отставал и бил без устали с обеих рук. Голота наконец свалился в углу, судя по выражению лица, потрясенный до самых глубин своей честной натуры, затем встал, но, не будучи в состоянии держать равновесие, побежал по рингу. Рефери Джо Кортес не обратил внимания на то, что положенные десять секунд давно прошли и пауза явно затянулась, но Голоте это мало помогло. Вскоре он снова упал, и на этот раз рефери пришлось остановить встречу.

После победы над таким противником американцам все-таки пришлось заметить Льюиса, тем более что Тайсон уже обкусал уши Холифилду и был дисквалифицирован на неопределенный срок. Теперь Льюису принадлежал титул WBC, а Холифилду — WBA. Был еще, правда, Майкл Мурер, которому уже год как принадлежал титул по версии IBF, но он по-прежнему никого не интересовал, так как для большинства остался боксером, проигравшим 45-летнему Формену. Однако теперь он приобрел неожиданную ценность, так как идея снова объединить все титулы в одних руках витала в воздухе.

Эвандер не стал откладывать дело в долгий ящик, тем более что у него был счет к Муреру. Бой состоялся 8 ноября 1997 года в Лас-Вегасе. Сразу скажу, что никакой интриги не получилось. Холифилд просто разнес Мурера в пух и прах, при том что Майкл в кои-то веки настроился на бой. Эвандер легко приспособился к правосторонней стойке Мурера, он постоянно сокращал дистанцию, а на близком расстоянии не так уж важно, левша твой противник или правша.

Первые четыре раунда прошли в целом под диктовку Холифилда. Количество перешло в качество в пятом раунде, когда Эвандер в первый раз послал Майкла в нокдаун. В шестом Холифилд взял паузу, чем немного усыпил бдительность Мурера, а в седьмом снова дважды отправлял его на пол, но Майкл вставал. В восьмом раунде Эвандер еще дважды послал его в нокдаун, но Мурер успевал подняться до того, как рефери заканчивал счет. Тем не менее под

конец раунда состояние Мурера так ему не понравилось, что он позвал врача. Тот осмотрел Мурера и посоветовал остановить встречу, что рефери и сделал. Холифилд стал чемпионом мира по двум версиям — WBA и IBF.

Помимо Мурера в этом бою оказался еще один проигравший. Это, как ни странно, был Дон Кинг. По контракту еще на первый матч Холифилд — Тайсон в случае победы Эвандера он получал на него промоутерские права. Бой Холифилд — Тайсон-2 принес ему фантастические барыши, но здесь Дон допустил, возможно, самую большую коммерческую ошибку в своей жизни. Он решил, что двукратный победитель Тайсона может его заменить. В результате гонорары за бой Холифилд — Мурер были сильно завышены. Только Эвандер получил около 20 миллионов, а публика на бой не пошла и телевизоры по большей части тоже не включила, пожалев 50 долларов, которые надо было выложить за просмотр матча в прямом эфире. В результате Кинг потерял 11 миллионов, что стало широко известно и вызвало массу злорадства. Великий жулик наконец-то обманул сам себя. Однако это не затмило того, что ни Холифилд, ни кто бы то ни было еще не сможет заменить Тайсона. Битый или небитый, но он интересовал публику больше, чем все остальные тяжеловесы, вместе взятые. Теперь это стало ясно раз и навсегда. Продолжалась эпоха Тайсона.

Тем не менее, своя интрига плелась и без Майка. По-прежнему раздражающим фактором существовал чемпион мира по версии WBC Леннокс Льюис, матч Холифилда с которым напрашивался сам собой. Однако далеко не все его хотели. Дело в том, что все помнили три тяжелейших боя Эвандера с Ридди-ком Боу, два из которых он проиграл. Шансы не крупного Холифилда против Льюиса, который по физическим параметрам был полным аналогом Боу, казались не очень высокими. И бог с ним, пусть бы проиграл, но Льюис — *иностранец*. Статуя Свободы не может вплавь отправиться во Францию, откуда ее когда-то привезли, Голливуд оторваться от Западного побережья и отплыть в Японию, а абсолютный чемпион мира в тяжелом весе не может быть иностранцем. Это еще была Америка XX века, Америка до 11 сентября 2001 года. Она пока что жила несколько в другом измерении и по другим понятиям. Короче говоря, Леннокс еще раз заставил всю американскую прессу затянуть старую песню о главном. Журналисты постарались не на шутку. Можно привести сотни примеров того, что писала о нем спортивная, околоспортивная и совсем не спортивная пресса, но достаточно будет и одной цитаты.

30 ноября 1997 года, вскоре после победы Холифилда над Мурером, когда матч с Льюисом стал логически неизбежным, солидная газета «Вашингтон пост» опубликовала поразительно хамскую статью о Ленноксе, до которой опустился бы не всякий таблоид. Лейтмотив ее был прост: Холифилду совершенно незачем встречаться с Льюисом, так как тот «в лучшем случае лишь сомнительный претендент». Далее шел вообще восхитительный пассаж, который стоит того, чтобы привести его целиком: «Титул по версии WBC, которым он (Леннокс Льюис. — Л. Б.) обладает, не пользуется уважением. Однажды он унаследовал его от Риддика Боу, который так презирал пояс чемпиона WBC, что выбросил его в ближайшую урну и предложил Льюису взять его оттуда».

Еще раз повторяюсь: это пишет такое солидное издание, как «Вашингтон пост», а не стенгазета сумасшедшего дома, которую в рамках занятия трудотерапией под неусыпным надзором врачей создают шизофреники и параноики, которым из медицинских соображений позволяют некоторые вольности. Можно себе представить, что писали остальные. На этом фоне боксерские издания, которые, как, например, известный журнал «International Boxing Digest», выходили с портретом Леннокса на обложке и подписью «Льюис — еще одна длинная английская сказка?», выглядели даже прилично.

Самое смешное, что эта дорога все равно вела на ринг. Можно что угодно говорить об американцах, но они не проиграли ни одной войны и уж тем более не привыкли капитулировать без боя. Момент, когда они сами стали бы выталкивать Холифилда на ринг с Льюисом, должен был настать, но в 1998 году иногда казалось, что это может так и не произойти.

Позволю себе процитировать еще один большой кусок интервью с Ленноксом Льюисом, которое я взял у него в Нью-Йорке как раз в то время:

«— А тебя огорчают негативные статьи о себе?

— Меня даже удивляет: столько репортеров так долго пишут обо мне гадости, и им все еще есть что сказать. Как не устали только?

— Я очень хорошо помню, как в начале 90-х о Холифилде писали, что он самый яркий чемпион мира, в блеске уступающий только Тони Таббсу. Тем не менее ты не думаешь, что тебе будет трудно заключить контракт на выгодный бой в Штатах без такой популярности?

— Меня только воодушевляет, что все против меня. Против меня пресса, против меня суперпатриотичная американская публика, тем не менее я дерусь здесь, в Америке, и иду против их истеблишмента. Они ведь считают, что европейский боксер — никто, вот они, американцы, это да! И то, что я нахожу в себе силы бороться с ними и даже опровергать их рассказы, как мне кажется, делает меня более достойным человеком.

— Когда говоришь с Ленноксом Льюисом, то неизбежно возникает вопрос об Эвандере Холифилде. Как думаешь, ты встретишься с ним на ринге?

— Я настроен оптимистично. Думаю, что бой все-таки состоится. Он не произойдет, только если Бог не написал этого в своем сценарии моей жизни.

— И как ты расцениваешь свои шансы?

— Я считаю, что я лучший тяжеловес в мире, и мне кажется, публика должна требовать этого боя. Должен быть только один чемпион. Я считаю, что Холифилд обязан встретиться со мной, это его долг перед американской

Так что вся американская публика взирает теперь на него как на своего, народного, чемпиона. Поэтому, как я уже сказал, это его долг перед ними — встретиться со мной.

— А что ты думаешь о нем как о боксере и как о человеке?

— Он, конечно, замечательный боец, очень много работал, чтобы добиться того, что имеет. Большинство его боев были настоящими войнами. А как о человеке о нем нельзя сказать ничего плохого, кроме того, что он уклоняется от встречи со мной.

— Ты думаешь, это его команда или он сам?

— Если я хочу с кем-то драться, то я говорю своей команде, чтобы они организовали мне эту встречу. Они должны делать то, что я им говорю, потому что это не я на них работаю, а они на меня. А Холифилд после боя с Майклом Мурером говорит мне: «Я подведу Дона Кинга, если встречу с тобой». Ты чемпион мира в тяжелом весе — кого и о чем ты должен спрашивать, если ты этого хочешь? На протяжении всей твоей карьеры Дона Кинга с тобой рядом не было. Почему это он вдруг должен подбирать тебе соперников? И потом, ты делаешь то, что тебе велит Бог или Дон Кинг?»

Это интервью было опубликовано в майском номере журнала «Спорт-экспресс» за 1998 год. Сейчас уже не помню почему, но там не нашлось места для описания моего собственного опыта в Америке, непосредственно касавшегося Леннокса Льюиса.

Я прилетел в Нью-Йорк, кажется, 27 марта 1998 года. Интервью было назначено на 31 марта, а 28-го Льюис проводил в Атлантик-Сити бой с известным американским тяжеловесом Шэнноном Бриггсом. Момент для боя был выбран удивительно неудачно. Это время называется в Америке «March madness» (мартовское безумие), так как в эти дни проводится крайне популярный турнир по баскетболу среди студенческих команд. Из-за турнира мне не удалось даже забронировать гостиницу из Москвы, так как в Нью-Йорке все было забито. Я попросил это сделать своего друга-американца, но и он сумел забронировать только номер в отеле на Стейтен-айленде, то есть очень далеко от отеля на Манхэттене, где остановился Льюис.

В аэропорту меня сразу «срисовал» оборотистый бывший соотечественник Миша, который со словами «Поедешь, как мафия!» засадил меня в «кадиллак» с затемненными стеклами и повез на Манхэттен, пообещав, что устроит меня в отель в нужном месте и нечего мне ехать в эти выселки под названием Стейтен-айленд. Миша, вопреки расхожему представлению о «наших американцах», меня не обманул и даже не очень дорого взял за свои поистине бесценные услуги. Он привез меня в небольшой отель буквально в нескольких сотнях метров от отеля Льюиса, перемигнулся с каким-то пуэрториканцем, и в мгновение ока меня засунули в только что освободившийся номер. Чтобы застолбиться, я даже отвез туда на всякий случай свои вещи. Так проблема с проживанием была решена.

А на следующий день вечером я отправился в тур по Нью-Йорку в поисках бара, где есть канал НВО, по которому будут показывать бой Льюиса с Бриггсом, так как в моем отеле его не было. Я обошел штук 50 баров, но во всех мне сказали, что сегодня здесь будут смотреть «бэкетбол». Пару раз при упоминании имени Льюиса на меня еще не слишком доброжелательно посмотрели.

Наконец какой-то латино с хитрой мордой, трясая черной гривой волос, указал мне бар, где, как он сказал, сегодня «точно будут смотреть бокс». Улыбочка у него при этом была такая, что только полный идиот не почувствовал бы подвоха, но я решил, что это просто такая латинская любезность, и, не ведая сомнений, отправился по указанному адресу.

Рыжий бармен встретил меня немного странно.

— Значит, ты, англичанин, — сказал он, — хочешь, чтобы мы все тут сели и смотрели вместе с тобой, как ваш большой парень избивает нашего бедного маленького мальчика из Бруклина, да?

Второй раз в жизни мне выходил боком мой неплохо поставленный британский акцент, благодаря которому меня обычно принимают за англичанина. Впервые это случилось в Париже лет пять назад, где патристически настроенная официантка, до тех пор крайне вежливая, после первых моих слов стала обслуживать меня так, словно битва при Азенкуре, позорно проигранная французами англичанам в 1415 году, произошла вчера.

Парни, которые стояли рядом у стойки, стали как-то нехорошо подхихикивать и даже слегка сдвигаться в мою сторону, и мне показалось, что бой сегодня состоится не только у Льюиса, но и у его «соотечественника», причем в успехе последнего я сомневался гораздо больше ввиду многочисленности и крепкого сложения потенциальных противников.

Но тут бармен неожиданно сменил гнев на милость:

— Впрочем, если заплатишь сотню (a hundred) — смотри сколько хочешь.

Сдвигавшаяся компания чуть заметно перемигнулась. Я решил рискнуть остаться, тем более что мне говорили, что на Манхэттене, в отличие от многих других районов Нью-Йорка, по морде обычно не дают.

Я уже даже готов был выложить требуемую сумму, хотя она была вопиюще нелепа, так как знал, что официальная плата составляет где-то около 40 долларов, но что поделаешь: дорого яичко ко Христову дню, и тут все же решил поторговаться.

— Сотню? (A hundred?) — переспросил я, надеясь скостить сумму вдвое.

— Нет, *восемьсот* (eight hundred). — Эта фраза от ранее сказанной отличалась всего лишь одним звуком — «эйт хандред».

Те, кто знает американский английский, уже, наверно, поняли, как он меня поддел. В первый раз бармен

— Восемьсот? — ошалело произнес я.

— Нет, *восемнаццайст* (*eighteen hundred*), англичанин, *во-семнаццайст* (в английском указание количества сотен в таких числительных, как 1300, 1800 или 2700 — норма), — сказал бармен, прибавив еще два неуловимых звука (эйтин, *eighteen*), — ты же должен понимать — это коммерческий канал, он денег стоит, вот наш бэскетбол даже ты можешь здесь сидеть и смотреть сколько твоей душе угодно совершенно бесплатно. Ну как?

В ответ я спросил его, не работал ли он раньше налоговым инспектором. Шутку приняли, и я ретировался. Придя в отель, я обратился к тому самому пожилому пуэрториканцу, который меня туда устроил, и спросил, что все это значило. Он спросил меня, в какой бар я ходил. Название я забыл, но улицу и внешний вид вспомнил. Мужик рассмеялся и сказал: «Рыжий, говоришь? Да ты же попал в ирландский бар. С таким британским акцентом, как у тебя, туда ходить не рекомендуется. Они по традиции очень не любят англичан. Если бы узнали, что ты русский, могли бы и показать. Хотя у нас здесь Льюиса не любят не только ирландцы, потому что боятся, что в конце концов он побьет Холифилда».

Так я на собственном опыте узнал, что ирландцы так и не простили англичан, которые в течение нескольких веков фактически проводили политику геноцида по отношению к ним. Только почему за англичан должен был отвечать я?

Тот бой тогда я так и не посмотрел. Оставалось только сидеть в номере, думая, с какой легкостью я бы посмотрел его в Москве по НТВ+, и ждать новостей.

Когда поздно вечером, наконец, показали первый отрывок уже закончившегося боя, меня чуть кондратий не хватил. Схвативший в первом раунде крепкую плюху Льюис летел куда-то по рингу вдоль канатов. Оказалось, что это лишь один неприятный эпизод боя. Леннокс не упал, а бой выиграл нокаутом в пятом раунде, и мое интервью с ним было спасено, так как если бы Льюис вдруг проиграл Бригтсу, то сомневаюсь, что он бы встретился со мной уже через три дня.

Несмотря на весь свой ужас при виде готовившегося упасть Льюиса, я все же не мог не обратить внимания, что он скорее потерял равновесие, чем был потрясен ударом, так как пропустил его, находясь в очень неустойчивом положении. Но американский комментатор, вопреки очевидному, говорил, что Лен-

нокс на грани нокаута. Так в Штатах встречали его любое не вполне удачное действие. Однако Льюис американцев больше ничем не порадовал — далее он принялся ронять Бригтса до тех пор, пока рефери не остановил встречу.

В том году Льюис провел еще только один бой с малоизвестным хорватом Желко Мавровичем, 26 сентября в городе Ун-кавилле, штат Коннектикут. Примечателен он был единственно тем, что Леннокс, похоже, вообще не тренировался перед этой встречей, а потому выиграл ее только по очкам, да и то с не слишком большим отрывом.

Неделей ранее, 19 сентября, у себя дома в Атланте Эвандер Холифилд тоже без всякого блеска, по очкам победил очень неудобного спойлера Бона Бита. Однако о незрелищности этой победы американская пресса тогда почти не говорила, хотя и подчеркивала, как плохо смотрелся Льюис против Мавровича. Так или иначе, но время заклинаний подходило к концу. Бой Холифилд — Льюис становился неизбежным.

В самый разгар обсуждения в прессе предстоящего боя всплыли некоторые любопытные факты из жизни Эвандера Холифилда. До сих пор считалось, что он проводил полжизни на тренировках, а еще полжизни в церкви. И в самом деле, мне довелось говорить со множеством людей, хорошо знавших Холифилда, которые подтверждали, что такого тренировочного ритма, как у него, они больше никогда не видели. О том, что Эвандер очень набожен и может часами распевать в церкви поразительные по красоте, главным образом негритянские религиозные гимны, знали все и всегда. И тут вдруг оказалось, что между спортом и церковью он умудряется посещать и другие места.

Под давлением неведомым путем добытых неопровержимых фактов Эвандер неожиданно признался, что у него имеется пятеро незаконных детей от четырех женщин, не считая еще двух вполне законных от первой жены, и одного — от второй. Тут же последовало заявление его первой жены, которую все эти годы считали расчетливой стервой, выдоившей чемпиона. «Жизнь с ним была сущим ужасом. Он не пропускал ни одной бабы», — сказала она кому-то из репортеров.

Первой реакцией на это было веселое удивление. Как — не пропускал? Да когда он это делал? Как он все успевал? Где брал силы? Разумеется, помянули фольклорный персонаж амери-

канских анекдотов *Quickly Gonzalez* (Быстрый Гонсалес). Чтобы объяснить, кто это такой, нужно рассказать древний, как Америка, неприличный анекдот.

Муж и жена приехали в мотель, но им сказали, что свободна только одна комната, сидеть в которой им настоятельно не рекомендуют. На удивленный вопрос мужа почему, ему ответили, что в соседней комнате остановился *Quickly Gonzalez*. «Ну и что?» — спросил мужчина. «Дело ваше, — ответили ему, — но, если вы там поселитесь, он обязательно отымет вашу жену». Мужчина в ответ только рассмеялся и взял номер. Однако едва супруги легли спать, как ему стало не по себе, и на всякий слу, чай он положил руку между ног своей уже тихо спящей супруге. Все бы хорошо, но тут прилетел комар, сел ему на лоб и принялся сосать кровь. Мужчина долго терпел, но потом все-таки решился хлопнуть его, однако когда он через долю секунды попытался вернуть руку туда, откуда ее только что убрал, то наткнулся на голый зад Быстрого Гонсалеса, который уже делал с его женой именно то, что ему обещали. Вот с кем теперь сравнивали героического победителя Тайсона, примерного гражданина и неустанного богомольца

В стране, где феминистки правят бал, так себя вести не рекомендуется. Однако угнетенное мужское племя было даже благодарно Эвандеру. Незадолго до выяснения подробностей личной жизни чемпиона Америка была поглощена изучением убогого орально-сексуального романа своего президента Билла Клинтона с Моникой Левински. Холифилд тогда пожалел бедолагу с высоты своих куда более затейливых приключений, о которых пока еще ничего не было известно, и сказал: «Не могу понять, как можно всерьез винить человека за то, что делают все крутом?»

Теперь ему припомнили эти слова, но, как и Клинтону, любовные эскапады неожиданно для многих принесли Ходифилду только дополнительную популярность. Раньше журналисты сокрушались по поводу его излишней правильности и отсутствия изюминки в его имидже. Выяснилось, изюминка была всегда, да еще размером с арбуз, но ее просто очень хорошо прятали от посторонних глаз. Эвандер оказался живым воплощением мужской силы во всех ее проявлениях.

Любопытно, что дамы тоже были от него в восторге. Даже самые ретивые феминистки не могли не оценить, что ни одна из многочисленных подруг Холифилда, а родившие детей представляли только верхушку айсберга из всех его женщин, не попыталась объявить себя жертвой сексуального насилия и никогда не подавала никаких жалоб. В стране, где за несанкционированный шлепок по оказавшейся под рукой женской заднице тебе могут вчинить миллионный иск, такое безропотное поведение боевых подруг вызывает понятное удивление и уважение. У представителей обоих полов, и угнетателей, и угнетенных, совершенно естественно возник вопрос: чем же он так их умаслил? В общем, репутация Холифилда в результате этой истории только укрепилась.

Подготовка к бою Холифилд — Льюис тем временем шла своим чередом. Последние месяцы 1998 года и январь — февраль 1999 года прошли под знаком ожидания, которое в Америке иногда начинало носить характер какой-то истерики.

В истории бокса было несколько случаев, когда чемпион мира, по мнению общественности, не имел права на поражение. Так было в 1938 году, когда Джо Луис дрался с немцем Максом Шмелингом, которого в Америке воспринимали только как представителя нацистской Германии, и Луис победил нокаутом в первом раунде.

Потом эта же история, но совершенно в другом контексте повторилась в 1962 году, когда чемпион мира Флойд Паттерсон защищал свой титул против бывшего уголовника Санни Листона. Америка не могла стерпеть, что самым почетным титулом в мировом спорте будет обладать человек с криминальным прошлым, к тому же ни в чем не раскаявшийся. Сам президент Кеннеди желал Флойду победы, но Паттерсон проиграл. Также нокаутом в первом раунде. Его простили только через много лет.

В 1999 году ставки в матче Холифилд — Льюис в глазах американцев были также высоки, как в 1938-м и в 1962-м. Впервые за последние сорок лет иностранец может стать абсолютным чемпионом мира в тяжелом весе. Американцы привыкли считать этот титул своим национальным символом, который никуда не может от них деться, и вдруг нате. Что Льюису совершенно искусственно не давали провести бой за этот титул в течение семи лет, разумеется, никто вспоминать не хотел. Легче и приятнее было представлять его себе выскочкой, явившимся ниоткуда, которого Эвандер прямиком с ринга отправит обратно в никуда.

От Холифилда требовали победы. Журнал «The Ring» провозгласил его сильнейшим чемпионом мира в истории после Мохаммеда Али и Джо Луиса. Он был великим укротителем зверя по имени Тайсон. Он был трехкратным чемпионом мира. Он был воплощением американской мечты. Наконец, он был образцом рыцаря без страха и упрека и, как выяснилось незадолго до этого, еще и героем-любовником, таким нежным мачо, которого не выдавали женщины, с которыми он грешил. В общем, права на поражение он не имел.

У Леннокса Льюиса положение было много хуже. В случае победы он не избежал бы участи самого непопулярного чемпиона за долгое время. А в случае поражения... Нет, лучше ему не проигрывать. Тогда бы в Англии ему тут же припомнили, как это было после его поражения Макколлу, что он с 12 лет жил в Канаде и вообще выступал в 1988 году на Олимпиаде в Сеуле за Канаду, и никакой он не англичанин, а обычный канадский дровосек, который столько времени нагло делал вид, что имеет какое-то отношение к этому благословенному острову, населенному смелыми людьми, не чета ему. А мама и папа у него вообще с Ямайки.

Но это еще цветочки. «Фактор Льюиса» существовал в американском профессиональном боксе с 1992 года, с тех пор как новоиспеченный чемпион мира Риддик Боу отказался защищать свой титул против Леннокса, а Америка, прячась за трусливые и унижительные формулировки, его в этом поддержала. И вот теперь, если бы Льюис проиграл и выяснилось, что вся Америка в течение семи лет зря боялась британской угрозы, над ним бы стали без устали издеваться все кому не лень, так как стало бы стыдно за свой страх и особенно за то, что со страху наговорили.

Пока говорили сами участники предстоящего матча. «Я нокаутирую Льюиса в третьем раунде», — пообещал Эвандер Холифилд. Его спросили: «А если бой затянется, у вас есть какой-либо план, что делать?» «Никаких «если» не будет», — ответил он. Льюис в ответ на это посоветовал Холифилду «проснуться и извиниться» за глупости, которые он наговорил.

Скепсис Льюиса был понятен. В последний раз нокаутировать противника в третьем раунде Холифилд сумел в 1990 году, но тогда у него был совсем другой соперник — растренированный и толстый Бастер Даглас, который пришел на ринг только за гонораром. Эвандер не обладает особо мощным разовым ударом, и просто непонятно, как он рассчитывал нокаутировать Леннокса так быстро.

Однако Холифилд, как и перед боем с Тайсоном, подводил религиозное обоснование под свою предстоящую победу. «Я христианин, который обрел новую жизнь, — сказал он, — и верю в слово Божье (несколько вольный

Эвандер всегда обожал подобные малопонятные тирады. Впрочем, для него они исполнены смысла. Во время интервью Леннокс Льюис сказал фразу, которую я тогда, честно говоря, не очень понял: «Холифилд считает себя представителем Бога». Только теперь, во время подготовки к бою Холифилд — Льюис, я понял, что имел в виду Леннокс. Эвандер совершенно уверен, что он представляет собой добро, которое борется со злом, а потому Бог всегда на его стороне. Возможно, это также дальний отголосок знаменитой крылатой фразы Джо Луиса времен Второй мировой войны: «Мы победим, потому что мы на стороне Бога». Только если у Джо Луиса американский мессианский комплекс был выражен не слишком сильно и применительно ко Второй мировой войне абсолютно оправдан, то у Холифилда он уже носил слегка безумный характер, тем более что если Тайсона еще можно было считать олицетворением сил зла, то Льюис на эту роль подходил мало.

Местом проведения матча выбрали не Лас-Вегас, а знаменитый зал Медисон-сквер-гарден в Нью-Йорке. Это тоже было симптоматично. Америка, которую представлял Холифилд, не должна защищать свою национальную честь в казино. Овеянный славой Медисон-сквер-гарден, где Луис расправился со Шмелингом, подходил для эпической битвы Америки с Неамерикой куда лучше. Бой состоялся там 13 марта 1999 года.

Первый раунд был в общем и целом похож на неудачные для Холифилда раунды его боев с Боу. Он просто не доставал своего рослого соперника, а осторожный Льюис расстреливал его главным образом с дистанции длинными прямыми ударами с обеих рук. На последних секундах произошел некрасивый эпизод, который хорошо показал, насколько взвинчены бойцы. Холифилд ушел от ударов Льюиса вниз, и тогда Леннокс «лег» на него сверху. Эвандер ответил тем, что взял его рукой под колено и поднял. Льюис упал бы, если бы его не поддержал рефери. Прием, который использовал британец, относится к числу грязных, но не «запредельных». То, что сделал Холифилд, — это уже что-то из разряда атак Тайсона зубами. Так как ничего другого Эвандеру в первом раунде не удалось, его однозначно выиграл Льюис.

Второй раунд для Холифилда оказался еще хуже. Льюис по-прежнему расстреливал его с дистанции. Британец стал чувствовать себя совершенно свободно. Несколько его ударов справа, особенно правой сверху по согнувшемуся Холифилду, причинили Эвандеру массу неприятностей. Временами дело начинало пахнуть разгромом.

Пришло время третьего раунда, в котором Холифилд обещал нокаутировать Льюиса. Правда, начался он с того, что Льюис раз 10 достал Эвандера прямыми ударами с обеих рук. Но вот здесь-то Холифилд и показал, чего он стоит. Ему удалось провести один неплохой удар справа, после чего он просто полез на Льюиса и прижал его к канатам. Завязалась рубка, которую выиграл, хоть и с не очень большим преимуществом, Холифилд. В какой-то момент он просто отбросил Леннокса от себя. Велика была его вера, что в этом раунде он сделает что обещал. Эвандер провел еще один длинный удар справа, но Леннокс, который отнюдь не был потрясен, ответил прямыми с обеих рук. Тогда Холифилд слегка болтанул его довольно коротким правым боковым. Льюис между делом где-то всунул апперкот, а потом еще несколько прямых. От этого раунда осталось четкое впечатление, что победил в нем Холифилд. Однако в угол он возвращался каким-то потерянным. Как же сильно он верил, что нокаутирует Льюиса! А не получилось даже нокдауна, и сил израсходовано море.

Холифилд проиграл и четвертый раунд, а в пятом Леннокс устроил ему настоящий разгром, но об этом раунде еще предстоит особый разговор. Эвандеру крепко досталось и в шестом. Вообще было непонятно, как он удержался на ногах после правого апперкота Леннокса, а ведь много ударов он пропустил и после этого. Льюис начал даже несколько играть на публику.

Итак, первая половина боя осталась, безусловно, за Льюисом, который выиграл пять раундов из шести. К тому же он как будто приноровился к Холифилду и пристрелялся по нему. Временами начинало казаться, что Эвандер, скорее всего, не дотянет до финального гонга. Но в перерыве Стюард несколько раз настойчиво сказал Льюису: «Бой еще не закончен».

В начале седьмого раунда Холифилд сделал что-то вроде борцовского прохода в ноги, после чего оба упали. Вставая, раздосадованный Леннокс слегка пихнул Эвандера. Рефери призвал обоих «вести себя как чемпионы». В целом же раунд полностью прошел под диктовку Льюиса, который нанес огромное количество ударов, почти ничего не пропустив в ответ. Дважды, правым в разрез и кроссом он серьезно потряс Холифилда, и, безусловно, раунд остался за ним.

Видимо, Льюис посчитал, что дело уже сделано, и в восьмом и девятом раундах взял некоторую паузу, почувствовав которую оживился Холифилд. В принципе оба раунда можно отдать и в ту, и в другую сторону. Льюис попадал чуть чаще, но по сравнению с предыдущими раундами его преимущество было ничтожным, если оно вообще было.

Однако Холифилд почувствовал, что все еще можно изменить в свою пользу. В десятом раунде он стал насаждать, Льюис отбивался джебами и изредка отвечал кроссами и апперкотами. Если считать удары, может быть, выиграл и Льюис, но навскидку безусловным победителем в раунде выглядел Холифилд. Эта же картина почти полностью повторилась и в одиннадцатом раунде, после которого Стюард крепко наорал на Льюиса.

Леннокс внял сказанному. И в двенадцатом раунде неплохо выложился, хотя работал по большей части вторым номером. Он бил справа, бил джебы, провел двойку, потом снова кучу джебов, еще справа, еще с обеих рук, мощный правый прямой. Еще несколько ударов справа, после одного из которых Холифилд крепко качнуло. На все это Эвандер не ответил практически ничем. Раунд, вне всяких сомнений, за Льюисом.

В результате Леннокс безоговорочно, с большим преимуществом выиграл как минимум семь раундов из 12.

После небольшой паузы эннаунсер зачитывает, что насчитали судьи. Американка Юджиния Уильяме отдает победу Холифилду со счетом 115:113! Зал гудит, Льюис ошарашен. Юж-ноафриканец Стенли Кристоуду отдает победу Ленноксу со счетом 116:113. Симпатия к Холифилду, конечно, налицо, но не выходящая за рамки приличий. Последним судьей был британец Лэрри О'Коннелл. Казалось, что Льюис уже чемпион, но эннаунсер делает какую-то нехорошую паузу, после чего объявляет: 115:115. Ничья! Кажется, зал взорвется. Вzbешенный Льюис почти тут же покидает ринг. Знаменитый телеобозреватель Лэрри Мерчент бросается к Холифилду и пытается выбить у него признание победы Льюиса. Не вышло. Холифилд говорит, что, по его мнению, действительно ничья и, наверно впервые в жизни, выглядит довольно жалко.

Самый великий, по общему мнению, боксер современности Рой Джонс, на тот момент чемпион мира в полутяжелом весе по версиям WBC и WBA, сказал после матча: «Мне стыдно за свою страну. Мне стыдно за то, как мы обошлись с англичанином Ленноксом Льюисом». Лэрри Мерчент сказал, что это «худшее судейское решение, которое он когда-либо видел». Старейшина цеха журналистов, пишущих о боксе, Берт Шугар, назвал Льюиса народным чемпионом и подтвердил, что его победа не вызывает никаких сомнений. Экс-чемпион Джордж Формен сказал, что от судейского решения «смердит». В общем и целом, *ни один* эксперт не согласился с мнением судей. Компьютерный анализ показал, что за весь бой до цели дошли 348 ударов Льюиса против 130 у Холифилда. Кому досталось в этом бою больше, красноречию говорили и лица боксеров, почти нетронутое Льюиса и все опухшее Холифилда.

После боя на фоне хмурых лиц резко выделялась сияющая физиономия промоутера матча Дона Кинга. Он был единственным, кто в тот день победил. Команда Льюиса умудрилась составить контракт на бой так, что, вопреки обыкновению, в случае победы чужого боксера, то есть в данном случае Леннокса Льюиса, Дон Кинг не получал на него промоутерских прав. Пусть так, но с паршивой овцы хоть шерсти клок, и выигрышем Кинга стал неминуемый матч-реванш, который он теперь должен был организовать.

То, что случилось дальше, стало для многих полной неожиданностью. Америка оказалась лучше и честнее, чем о ней принято думать. Она не приняла этой ничьей. Ни один эксперт не поддержал британского и тем более американского арбитра.

Возмутились как-то все и разом. В этой обстановке английский арбитр Лэрри О'Коннелл занервничал и выступил с заявлением. «Мне жаль, что я допустил ошибку, — сказал он корреспонденту газеты «The Sun». — Я считал, что Льюис выиграл. Когда мне сказали, что в сумме выставленные мной очки дали ничейный результат, у меня сердце упало. Я был так же удивлен, как и все остальные».

В отличие от него упертая американка продолжала стоять на своем. «У людей есть право на собственное мнение, — сказала она, — я выставяла очки в соответствии с тем, что видела». Однако, похоже, она видела какой-то другой бой. Например, она отдала пятый раунд Холифилду, в то время как это был лучший раунд Льюиса: на 11 ударов Эвандера он ответил 43 своими, причем куда более увесистыми. Однако леди настаивала на своем. «У меня нет никаких проблем с этим боем», — сказала она. Больше всех на этот образчик справедливости взъелись феминистки, которые считают, что женщинам не дают ходу в спортивных организациях, что в какой-то степени верно, а Юджиния Уильяме дала в руки их противникам сильный козырь.

Позже журналисты выяснили, что и у Лэрри О'Коннелла, и у Юджинии Уильяме были серьезные финансовые проблемы до боя Льюис — Холифилд, но после него они их каким-то таинственным образом счастливо разрешили. Однако ничего так и не было доказано. Правда, имя Юджинии Уильяме стало в боксерском мире нарицательным для обозначения крайне некомпетентного или предположительно «заряженного» судьи.

Матч-реванш был намечен на 13 ноября 1999 года. Однако интерес к нему оказался не так велик, как ожидалось. Америка ждала его с некоторой апатией, несколько показной, как скоро стало ясно, но все-таки апатией. Свой национальный символ она уже потеряла, теперь осталось только констатировать факт.

Со временем, однако, выяснилось, что потерять национальный символ совсем не так страшно, как потерять работу. Привыкли к этому быстрее, чем думали. Но на месте исчезнувшего символа осталась пустота, вакуум, который был тем более ощутим, что ранее его роль выполнял такой достойный человек, как Холифилд. Тайсон при всей его бешеной популярности вызывал некоторое чувство неловкости. Национальный символ все-таки не должен быть похож на Кинг-Конга, и именно поэтому широкая публика не огорчилась, когда сначала в 1990 году его лишил титула Бастер Даглас, а затем в 1996 — Эвандер Холифилд, который в жизни сыграл роль Рокки, оставив Тайсону играть роль Ивана Драго с соответствующим исходом. Когда в матче-реванше новоявленный Драго совершенно по-драконовски попытался откусить супротивнику голову или, по крайней мере, ту ее часть, на которую у него хватало зубов, это только укрепило репутацию Холифилда. Он поднялся теперь на недостижимую высоту. Он оказался так велик, что против него просто невозможно драться честно. А то, что он оказался вдобавок кобелем, так репутация бабника еще никому не мешала. Даже среди феминисток. Они ведь выступают только против того, чтобы их шлепали по задницам в общественных местах, а не против того, чтобы их хорошо удовлетворяли в постели. В том, что Холифилд делает это хорошо, сомнений не было. Слишком уж симптоматичным было героическое молчание его подруг. К тому же он их явно не обижал, раз они даже не пытались слупить с него деньги.

И вот на месте такого матерого человечика, воплощения мощи американского духа и тела оказался какой-то англичанин, запойный шахматист и любитель путешествий. Впрочем, Леннокс Льюис не занял его место. Психологическая самозащита американцев не позволила ему встать на пьедестал поверженного Холифилда. Просто пьедестал опустел, а англичанин стал лишь обладателем некоего спортивного титула, к тому же неофициального.

отдавался целиком, причем это могло с ним случиться и в «тренировочный сезон». Со временем стал известен поистине комический случай, как Льюиса едва оторвали от партии, когда ему уже давно надо было ехать на бой с Голотой. К тому же тренер, может быть и небеспочвенно, полагал, что шахматы неправильно влияют на него как на бойца, делая его слишком расчетливым и временами скучноватым, который разыгрывает партию на ринге до верной победы. Стюарду вторили многие другие, особенно после боя с Холифилдом. «Антишахматисты» говорили тогда, что, если бы он не считал набранные очки в перерывах между раундами и во время самого боя, то отдался бы делу с большей страстью, и судьи не смогли бы его ограбить.

По-моему, последнее утверждение очень сомнительно. Например, в пятом раунде он отдался делу со всей страстью и имел большой успех, что не помешало Юджинии Уильяме отдать победу в этой трехминутке Холифилду. Если деньги заплачены, их надо отрабатывать. А если выставляешь очки «патриотически» — никакая страсть тебе не помешает: не упал, значит, победил.

Мало кто в Америке ждал предстоящий 13 ноября матч с нетерпением. Бокс, конечно, абсолютно непредсказуем, но все же победа Холифилда казалась совсем уж нереальной. Можно научиться всему, но нельзя научиться быть выше ростом, а именно этого Эвандеру так драматически не хватало во время первой встречи. Надежды на то, что Льюис забудет потренироваться, тоже не было. К тому же Льюиса тренировал тот самый Эммануэль Стюард, который когда-то тренировал самого Холифилда. Своего бывшего ученика Стюард знал как облупленного, и если Холифилд мог еще преподнести сюрприз одному Льюису, то англичанина вместе с таким тренером ему не обмануть. Стюард знал наперед все, что мог придумать Холифилд со товарищи. Проще говоря, шансов на победу «своего» оставалось прискорбно мало.

Со времен Гражданской войны 1861—1865 годов в Америке существует некий водораздел между Севером и Югом. Думаю, никто из южан, кроме нескольких сумасшедших, не сожалеет, что рабство давно отменено. Но поражения где-то в глубине души они не могут простить по сей день. Южане, если условно рассматривать их как отдельную нацию, это единственный народ в Америке, чей исторический опыт включает в себя поражение. США как страна никогда не проигрывала никаких войн. Север, победивший в Гражданской войне, несет в себе эту глубоко укоренившуюся идеологию непобедимости. Северное мышление, безусловно преобладающее в стране и захватившее огромное количество людей и на юге, исключает саму возможность поражения — если не для себя лично, то для своей страны. Южане когда-то были заражены этой идеологией еще больше. Они отправлялись на войну, в которой у них заведомо не было никаких шансов, свято веря в победу. Но оказалось, что легковес может быть сколь угодно храбрым — тяжеловес все равно побьет его, сколько бы ударов он ни пропустил в начале встречи. Сила свое всегда возьмет.

Перед матчем-реваншем между Холифилдом и Льюисом американцы оказались в противоестественном для себя положении. Их боец, скорее всего, проиграет. И что, они должны болеть за него, за того, кто проиграет? Но это же нелепо. Пускай проигрывает себе сколько угодно, мы-то тут при чем? Болеть за аутсайдера американцы не могут. Они нация победителей, и мазохизм, в отличие от нас, вечно плачущих по поводу 326-го подряд «неожиданного» поражения наших футболистов, им тоже несвойствен. Болеть за аутсайдера, пусть он хоть десять раз свой, американцы не будут. Так что на этот раз Холифилду приходилось драться в одиночку. Он был теперь не столько представителем своей страны, сколько просто ее откомандированным невесть куда гражданином, которому предстояло утрясти сугубо личное дело. Правда, если бы он победил, то Америка, конечно, победила бы вместе с ним и вскоре бы выяснилось, что только эта великая страна может рождать таких героев. А если ему предстояло проиграть, то это должно было стать просто поражением некоего частного лица по имени Эвандер Холифилд.

Большинство спортивных изданий Америки летом и осенью 1999 года исподволь проводило мысль, что в принципе даже повторное поражение Холифилда не имеет большого значения. Ну выиграет Льюис, и что дальше? Ему тоже уже 34 года, и долго он не продержится. Да он и так ненастоящий чемпион мира: не потому что не победил, а потому что не американец, но ведь это ненадолго. Это случайность, временное искривление нормального хода вещей, и только. Да это и не Льюис вовсе выиграл, а Холифилд проиграл. Переоценили его просто. Ошибку никогда не поздно исправить.

Ноябрьский номер журнала «The Ring» за 1999 год предваряла, как всегда, небольшая передовица главного редактора Найджела Коллинза, в которой он обычно дает общий обзор ситуации в мировом боксе. На этот раз он написал: «Любопытная ситуация складывается в тяжелом весе. В июле, когда заинтересованные стороны пытались договориться о проведении матча-реванша между Холифилдом и Льюисом, ведущие претенденты Аик Ибеабучи и Майкл Грант были близки к договору о бое между собой. Если исключить возможность еще одного фиаско, в результате повторной встречи Холифилда и Льюиса должен будет появиться абсолютный чемпион в тяжелом весе. Однако в глазах очень многих победитель не станет сильнейшим тяжеловесом в мире. Им будут считать победителя встречи Грант — Ибеабучи».

Однако тут случилась маленькая незадача. Нигерийца Айка Ибеабучи связывало нечто мистическое с Майком Тайсоном: едва тот выходил из тюрьмы, как Ибеабучи туда садился. Впрочем, этот колоритный персонаж, которого американцы хотели видеть на троне вместо Льюиса, достоин небольшого лирического отступления. Что до Майкла Гранта, то ему еще предстояло встретиться с Льюисом. На свою беду.

АЙ-АЙ-АЙК

Нигериец Аик Ибеабучи по прозвищу Президент, давно и прочно осевший в Техасе, дважды заявлял о себе как

сразу после этого оказывался за решеткой. Сейчас, в 2003 году, уже очевидно, что, не потерпев ни одного поражения на ринге, Аик уже окончательно проиграл и карьеру, и жизнь.

В июне 1997 года Ибеабучи, бывший до тех пор лишь одним из многих подающих надежды тяжелей, вдруг поднялся над ними всеми. Он провел бой с Дэвидом Туа, выходцем с островов Самоа, осевшим в Новой Зеландии. Поединок привлек большое внимание, так как американская публика души не чаяла в Туа. Этот низкорослый потомок людоедов (Туа утверждает, что происходит из рода знаменитого в Западном Самоа воина Талиматаси, который вместе со своим племенем как-то отобедал миссионером, приехавшим наставить их на путь истинный) признавал только атаку, да еще в самом крайнем ее проявлении. Кроме того, у него была стальная челюсть, которая держала любой удар, весьма оригинальная внешность и левый боковой такой силы, что некоторые его противники не смогли покинуть ринг без посторонней помощи. Победенных теперь не едят, поэтому Туа мгновенно терял интерес к поверженному противнику, уходил с ринга и отправлялся писать стихи. Да, в промежутках между боями он пишет стихи такого замечательного качества, что по их прочтении возникает вопрос, почему Винни Пуху до сих пор не дали Нобелевскую премию по литературе.

Вот против такой колоритной личности и должен был драться Аик Ибеабучи. Бой продолжался все 12 раундов. Пользуясь преимуществом в росте, 188 см против 178, Президент почти все время держал самоанского гуманиста на дистанции и не давал ему нанести свой сокрушительный удар. Несколько раз Туа вроде бы удавалось дотянуться до Айка, но обычного эффекта его удары не достигали. Ибеабучи набирал очки в основном прямыми, которыми подолгу и держал противника на дистанции. Это был один из тех боев, где чрезвычайно трудно определить победителя. Многим обозревателям показалось, что Туа все-таки выиграл, но судьи отдали победу Ибеабучи, видимо руководствуясь тем, что раз он не дал себя съесть, значит, уже победил. По-моему, Ибеабучи действительно победил. После боя о нигерийце сразу же заговорили, а спустя несколько дней заговорили еще громче, но уже несколько в другом ключе.

Еще классик американской литературы Норман Мейлер лет 30 назад подметил, что среди элитных тяжеловесов много весьма своеобразных личностей. Нынешнее поколение взялось доказать этот тезис окончательно. Есть оригиналы на все вкусы: с одной стороны — мутирующий в бультерьера Майк Тайсон и специалист по отшибанию гениталий Анджей Голота, с другой — блистательный имитатор голосов Риддик Боу, поэт-людоед Дэвид Туа, классический пианист и певец Майкл Грант и запойный шахматист Леннокс Льюис, а с третьей — разоблаченный тихоня, истовый христианин и неистовый бабник Эвандер Холифилд, успевавший по дороге из тренировочного зала в церковь и из церкви домой осчастливить несметное количество женщин, а некоторым из них еще и подарить детей.

Но даже на этом достойном фоне Аик Ибеабучи сумел выделиться, показав подлинные африканские страсти. Поссорившись со своей любовницей, почти годившейся ему в матери, он силой засадил в машину ее 15-летнего сына и, предварительно разогнав автомобиль, явно преднамеренно разбил его о цементное ограждение на автомагистрали. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Мальчишка несколько лет лечился от последствий аварии, но так до конца и не оправился.

Кто-то, видно, очень влиятельный попросил за боксера, и неподкупная американская фемида засадила Президента за это преступление всего на несколько месяцев. Аик на тот момент стал представлять большую ценность, и желающих заработать на нем было предостаточно. Однако люди, близко знавшие нигерийца, сильно сомневались, что с ним вообще можно иметь дело.

Уже второй бой после отсидки Ибеабучи провел с другой восходящей звездой — Крисом Бердом, также не знавшим поражений. Это был достаточно необычный шаг. Небитых молодых боксеров, особенно тяжеловесов, обычно «ведут» очень осторожно от противника к противнику, ни в коем случае не сводя друг с другом. Однако эту традицию в последнее время стали нарушать, возможно под давлением прессы, с подачи которой зрители быстро теряют интерес к так называемым «защищенным» бойцам, которым не дают встречаться с сильными противниками.

Криса Берда тогда часто называли Уитакером среди тяжеловесов. Такое сравнение надо заслужить. С 1989 по 1995 год Пирнелл Уитакер завоевал чемпионские титулы в четырех весах: легком, первом полусреднем, полусреднем и первом среднем. И если бы не наркотики, продержался бы на вершине гораздо дольше.

У Берда был тот же главный недостаток, что и у Уитакера, — относительно слабый удар, однако в своих достоинствах он был лишь его жалким подобием. В свои лучшие годы Пирнелл мог за 12 раундов не пропустить ни одного серьезного удара, при том что был намного ниже ростом абсолютного большинства своих соперников. Берд тоже пропускал мало ударов, но калибр соперников был несколько другой. Кроме того, Берд не является природным тяжеловесом. Когда-то он выступал в среднем (!) весе, его раскатали, но намного сильнее физически он не стал. В общем и целом Крис был величиной несколько другой, и в команде Ибеабучи это знали.

В ходе их боя, состоявшегося 20 марта, все выяснилось. Четыре раунда прошли в абсолютно равной борьбе. Берд мог изображать из себя неуязвимую мишень с середняками, но с Ибеабучи это оказалось несколько сложнее, тем более что на его удары нигериец практически никак не реагировал. Тем не менее в первых четырех раундах Крис выглядел чуть предпочтительнее. Однако в пятом Берд пропустил мощный удар справа. Затем секунд через двадцать все еще потрясенный Крис пропустил сильнейший удар левой снизу-сбоку, после которого его руки повисли. Последним в серии ударом справа Ибеабучи послал Берда на пол. Тот сумел встать, но вскоре поскользнулся, и рефери счел это нокаутом, дав тем самым Берду возможность перевести дух. Но это ему не помогло. Последовала еще одна атака Президента, и рефери остановил бой.

Из Ибеабучи стали тут же лепить звезду. Ведущие боксерские журналы поставили его на третье место среди всех тяжеловесов после Льюиса и Холифилда. Для нигерийца все складывалось просто прекрасно, но одновременно с восторженными публикациями стали распространяться слухи о его полной неуправляемости.

Еще во время подготовки к бою с Бердом, получив во время тренировочного боя со спарринг-партнером Эрой Селлерсом маленькое рассечение, Ибеабучи напал на него с яростью носорога, нанося при этом удары не только руками, но и ногами, а в довершение всего попытался попросту придушить. Затем он переключил свой гнев на попытавшегося остановить его помощника тренера Джея Уилсона. Перепало и ему. Оба подали на Ибеабучи в суд, но дело замяли. Скорее всего, Ибеабучи просто щедро оплатил их душевные и физические раны.

Затем стало известно, что руководители могущественной кабельной телесети НВО захотели встретиться с Ибеабучи. Обед в ресторане закончился диким скандалом, после которого НВО больше не проявляло к нигерийцу никакого интереса. Так что случившееся в конце июля 1999 года ни в коем случае не стало неожиданностью.

Началось все со скандала в отеле. Служащая в отеле танцовщица поднялась к нему в номер, чтобы станцевать там стриптиз персонально для Президента. В хороших отелях за отдельную плату предоставляют и такие услуги. Однако сексуальный контакт при этом подразумевается не в большей мере, чем на нудистском пляже. Любительницы подзаработать иным образом, конечно, есть, но в любом случае танцовщицы по вызову, в отличие от девочек по вызову, отдаваться не обязаны. Это, кстати, не всегда понимали не только разбогатевшие нигерийские боксеры, но и детки арабских нефтяных шейхов, и «новые русские».

Платить за такие персональные танцы принято наличными. Дама затребовала свою таксу — 150 долларов. Президент предложил оплатить услуги чеком. Тогда она отказалась танцевать и направилась к выходу. После чего Ибеабучи на нее напал и попытался изнасиловать.

В наши дни в ситуации, если американка заявляет, что ее изнасиловали и тем более пытались изнасиловать, принято понимающе улыбаться. В самом деле, в стране, где женщина подает в суд, заявляя, что ее коллеги-мужчины в рабочее время смотрят порнографию в Интернете и это оскорбляет ее женское достоинство, причем за поруганную гордость требует компенсацию, превышающую ее зарплату за всю жизнь, и выигрывает дело, мужчине трудно рассчитывать на справедливый суд. Однако в данном случае излишне проницательным сторонникам мужского равноправия придется воздержаться от комментариев. Если проститутку силой заставляют вступать в сексуальный контакт, тем более бесплатно, — это тоже изнасилование, а эта женщина все-таки не была проституткой, несмотря на известную сомнительность ее профессии. В соседнем номере услышали ее истошные вопли буквально через минуту после того, как она вошла к Ибеабучи, и именно соседи вызвали службу охраны, так что версия, что пострадавшая сама все придумала, отпадает сразу.

Президента арестовали. По закону его могли выпустить под залог. Судья назвал сумму залога — 2 миллиона долларов, чем вызвал у Айка нескончаемый поток ненормативной лексики как на английском, так и на родном для нигерийца наречии. Но на этом его злключения не закончились. Вскоре еще три женщины обвинили его в «сексуальном нападении». Кроме того, припомнили старое дело, и тогда судья повысил сумму залога до 3 миллионов. Это было чистой формальностью, так как ни двух, ни трех миллионов у Ибеабучи не было, и ему не оставалось ничего другого, кроме как еще раз обматерить всех и вся.

Психологическое состояние боксера оставляло желать лучшего. И нервный срыв не заставил себя долго ждать. 8 августа 1999 года он напал на офицера тюрьмы. Окружной прокурор Мэри Кей Холтхус на этот счет заметила, выразив заодно своими словами и всю сущность Айка Ибеабучи: «Даже находясь под контролем, он остается неконтролируемым».

С тех пор Президенту ищут подходящую резиденцию и никак не могут выбрать между сумасшедшим домом и тюрьмой. Иногда он оказывается на свободе, но ненадолго. Одно время им хотел заняться известный промоутер Боб Арум, но, пообщавшись с ним совсем немного, сказал, что лишь потратил деньги, так как Ибеабучи всю оставшуюся жизнь проведет за решеткой.

Что же касается его боксерских данных, то, как мне кажется, сейчас их сильно преувеличивают. Потерянное всегда кажется лучше, чем оно было на самом деле. Ибеабучи, безусловно, был очень хорошим боксером, но ни тяжелый бой с Туа, ни победа над безударным Бердом никоим образом не доказали, что он лучше Холифилда или Льюиса. Посмотрев все основные бои Президента, я остаюсь при мнении, что и тот, и другой хорошо бы его вздули, и, возможно, оказавшись под таким прессингом, он вполне мог выкинуть номер, перед которым поблекли бы подвиги Тайсона.

Мнение Найджелла Коллинза и многих других о нем, по-моему, объясняется далекими от бокса причинами. Просто тогда нужно было найти ВРИО чемпиона мира, раз уж было принято решение не считать Льюиса настоящим чемпионом, даже если он выиграет матч-реванш с Холифилдом, а более подходящих кандидатур, чем Ибеабучи и Грант, просто не нашлось.

Меня одно время озадачивало, что американцы считают нигерийца Ибеабучи более своим, чем Льюиса. О причинах такого разного отношения я спросил одного знакомого англичанина. «А этот, ну как его, в общем Аик, где он живет? — спросил мой не слишком сильный в нигерийских именах приятель. — Наверно, в Америке?» «Да, в Техасе, и довольно давно». «Так чего ж ты хочешь? Конечно, он для них свой. Это же чисто американский взгляд на вещи: взять где угодно в мире что-то хорошее, притащить к себе и объявить своим. Леннокс же не едет к ним жить и не говорит, что останется там навеки. Потому он и чужой и всегда таким будет».

Матч-реванш Льюис — Холифилд прошел в Лас-Вегасе 13 ноября 1999 года. Перед боем много говорили, что Дон Кинг просчитался, что интерес к матчу будет незначительным и он «влетит на деньги», но это было самым обычным лицемерием. Просто надежд на победу Холифилда было уж очень мало, но в день боя все как миленькие поплелись к телевизорам и раскупили билеты в зал, обеспечив хороший доход и Дону Кингу, и боксерам.

Непосредственно перед боем Леннокс Льюис много говорил, что на этот раз он не доверит судьям решать судьбу его абсолютного чемпионского титула, но уже на первых минутах встречи стало совершенно ясно, что это был чистейший блеф. Умный и осторожный англичанин решил не полагаться на случай и избрал ту же тактику, что и в первом бою, то есть не рисковать и, используя свое преимущество в росте, по возможности расстреливать Холифилда с дистанции. Леннокс своими мозгами шахматиста прекрасно понимал, что на повторный скандал американские судьи не пойдут. Более того, они на этот раз будут к нему снисходительны, чтобы компенсировать выходку их коллег семь месяцев назад. Кроме того, тогда шел процесс по обвинению во взяточничестве руководства IBF, и у всех людей, связанных с боксом, никакого желания «баловать» не было.

Первые два раунда остались за Льюисом, который просто держал Холифилда на нужной ему дистанции и благодаря этому больше и точнее бил. В третьем все складывалось также совсем неплохо до последних секунд, когда Холифилд нанес великолепный удар правой через руку. Льюис покачнулся. Эван-дер бросился его добивать, провел еще один неплохой хук справа, но Леннокс его все-таки связал и замотал. К тому же тут раздался гонг. Те, кто полагал, что Леннокс серьезно потрясен, наверняка были разочарованы, увидев, какой спокойной и ровной походкой он отправился к себе в угол. Холифилд только выиграл раунд. Вот и все.

В четвертом раунде Холифилду удался неплохой левый хук на скачке, который, однако, пришелся неплотно, так как Льюис не стоял на месте и видел удар, но больше ничего особенного Эвандеру не удалось, а с дистанции Леннокс попадал больше и чаще. Снова раунд за ним.

Пятый раунд Холифилд резво начал с мощного левого хука, но Льюис ответил трехударной комбинацией с акцентом на правом кроссе, а затем еще добавил правый сбоку. Холифилд сжал его в клинче, но Леннокс тогда просто навалился всем телом, оттеснил противника к канатам, положил его на них, а сам лег сверху. Зрелище было комичное, но Холифилду действительно пришлось нелегко, и, когда рефери разнял их, он был очень зол.

Строго говоря, сердиться ему было особенно не на что. Эвандер, как всегда, работал в ринге достаточно грязно. Он много и эффективно бил и бодался своей бритой наголо головой, и, как всегда, со стороны это выглядело как простая небрежность. Однако после боя Льюис сказал, что он предпочитал отсиживаться на дистанции именно из-за того, что, едва они сходились, Эвандер очень эффективно пускал в ход голову. По-моему, Леннокс не лукавил. Но почувствовав, что со стороны рефери помощи ему не дожидаться, сам Льюис стал достаточно эффективно пользоваться локтями, и тогда Холифилду тоже пришлось несладко. Во второй половине раунда Льюис опять был лучше и, как мне кажется, выиграл его.

В шестом раунде Холифилд ринулся на штурм. Так в битве при Ватерлоо, когда она уже была фактически проиграна, в атаку пошла старая гвардия Наполеона. Тем не менее Льюис выдержал его напор и сам несколько раз ответил точными контратаками. В принципе раунд был абсолютно ничейным, и в зависимости отличных симпатий его можно было отдать и тому, и другому, но большинству показалось, что победил Холифилд.

Самым красивым раундом боя, собственно единственным по-настоящему красивым раундом, стал седьмой. Льюис начал его с нескольких хороших ударов справа, а потом засадил страшный апперкот с той же руки. Вообще правый апперкот стал ключевым ударом в этом бою. Холифилд пошел в клинч, но рефери разнял боксеров. Эвандер отошел назад, и тут он слегка потерял равновесие — и его повело в сторону. Почему-то Льюис не воспользовался этим и чуть опоздал со своей атакой. Через некоторое время ему пришлось об этом пожалеть. После паузы в рубке Холифилд нанес левый хук, от которого повело, хотя и не так сильно, уже Льюиса. Эвандер стал насаждать и закатил еще несколько ударов, правда в большинстве своем не совсем точных. Они рубились до самого конца раунда, но Леннокс сумел каким-то образом восстановиться и на последних секундах выглядел лучше. По справедливости раунд надо было бы отдать ему, но я отчетливо помню, что, когда смотрел бой в прямом эфире, у меня сложилось четкое впечатление, что раунд выиграл Холифилд, и у меня есть собственная статья, которая подтверждает, что именно так мне тогда и показалось. Почему? Кажется, сейчас я знаю ответ на вопрос, но вернусь к нему несколько позже.

Восьмой раунд был довольно равным. Льюис был чуть результативнее, но раунд вполне можно было отдать и Холифилду. Система подсчета очков в профессиональном боксе имеет свои недостатки. Победитель в раунде получает за него 10 очков, побежденный — 9, если был нокаун — то 8, два нокауна — 7 и так далее (впрочем, «так далее» бывает крайне редко — обычно рефери вмешивается и останавливает бой). Но если боксер А выиграл у боксера Б один раунд с очень большим преимуществом, но без нокаунов, а потом боксер Б выиграл у А следующий раунд, нанеся на один джеб больше, они после подсчета очков оказываются в равном положении. Однако бой, как правило, длится далеко не два раунда, и у судей есть свои приемы для восстановления справедливости. Самый распространенный из них — это запоминать, что, скажем, в седьмом раунде А был очень хорош и потом, например в достаточно равном девятом, дать победу ему. Часто, когда сравниваешь судейские записки с одного боя, просто диву даешься, почему в целом арбитры выставляют равные или близкие очки, но победы по раундам распределяются у них совершенно по-разному. А все дело в том, что они «восстанавливали справедливость» в разных раундах.

В раундах с девятого по одиннадцатый восстанавливать справедливость арбитрам не пришлось: Льюис был однозначно лучше. В девятом и в десятом он засадил в Холифилда такие апперкоты справа, что Эвандер на какое-то

В заключительном, двенадцатом раунде Леннокс откровенно не рвался. Холифилду удалось провести несколько неплохих ударов, после чего завязалась усталая рубка, в которой преимущества не было уже ни у кого. Тем не менее Эвандер заслужил победу в этом раунде, но только в раунде.

Льюис почти не сомневался в победе, а Холифилд явно сомневался. Все трое арбитров отдали победу Льюису со счетом 117:111, 116:112 и 115:113. Лично мне самым верным кажется решение второго арбитра.

«Я выиграл бой!» — прокричал вскоре после этого Холифилд. И у него почти сразу обнаружилось достаточно много сторонников, а некоторые из них по сей день твердят, что он победил в той встрече. Тогда же самые ретивые представители этой группы на каждом углу вопили, что Холифилда засудили, что Льюис трус, что матч судили предатели, на взятку которым скинулась вся Британия.

В части подсчета очков некоторые эксперты, которые, правда, даже в Америке были в подавляющем меньшинстве, их тогда поддерживали, как, например, обозреватель канала CNN и бывший главный редактор журнала «The Ring» Стив Фархад, который сказал, что Холифилд победил с разницей в одно очко. Известный боксер, чемпион мира в первом легком весе Флойд Мэйуэзер, сказал, что самым справедливым результатом была бы ничья. Так же полагал обозреватель «The Ring» Эрик Раскин. В одной из своих статей я тоже тогда написал, что, объяви судьи ничью, на этот раз возмущаться бы никто не стал. Однако большинство американских экспертов, среди них официальный обозреватель телеканала TVKO, по которому транслировался бой, Харольд Ледерман, как и обозреватели почти всех ведущих газет, сочли, что победил все-таки Льюис. Ледерман, отдавший победу Льюису со счетом 116:112 даже сказал, что в этом бою ему было легче считать очки, чем в любом другом за всю его жизнь.

В общем, поднять волну сторонникам Холифилда не удалось. Однако сейчас, после просмотра видеозаписи этого боя, хочется спросить, почему она вообще возникла. И почему тебе самому тогда показалось, что Холифилд был гораздо ближе к победе, чем кажется сейчас после просмотра видеозаписи? В самом деле — почему?

Компьютерный подсчет ударов показал, что Льюис нанес за бой 195 ударов, из них 119 силовых и 76 джебов, а Холифилд — 137 и соответственно 85 и 52. После боя многие говорили, что самые сильные удары нанес все-таки Эвандер, но достаточно пересмотреть видеозапись, чтобы убедиться, что это не так.

Наверно, многим показалось, что Холифилд выиграл бой, потому что он был во много раз эмоциональнее Льюиса. Он рвался сам и готов был порвать все на своем пути, а Леннокс разыгрывал партию, и он ее выиграл, кто бы что ни говорил, в том числе и Холифилд. Льюис победил и стал абсолютным чемпионом мира в тяжелом весе без всяких там «по версии». Впрочем, с этим почти сразу же возникли проблемы.

За минуту до начала матча представитель IBF (Международной боксерской федерации) Уолтер Стоун заявил, что только что получил указание «свыше», согласно которому Льюис в случае его победы не будет признан чемпионом по версии этой организации, так как не заплатил в ее казну 300 тысяч долларов, причитающихся ей за «санкционирование матча», то есть за то, что чиновники осенили его своим благословением. Льюис узнал об этом через полчаса после боя и не слишком огорчился, только удивился: денежный конфликт вроде бы был разрешен незадолго до матча, и потом: зачем руководству IBF, находящемуся сейчас под судом за взяточничество и махинации при составлении рейтингов, привлекать к себе лишнее внимание? Однако руководство IBF не унималось и вскоре сообщило, что Льюис должен им уже 450 тысяч. Кажется, американские жулики от бокса вполне в новорусском стиле решили поставить Леннокса на счетчик.

Сейчас уже трудно сказать, что за всем этим стояло. Может быть, IBF, всегда придерживавшаяся самых проамериканских позиций, так неуклюже пыталась угодить заокеанской общественности, которая тяжело переживала потерю своего национального символа, чемпиона в тяжелом весе. Может быть, руководство федерации имело далеко идущие планы о проведении матча за свой титул между очень популярным в США самоанцем Дэвидом Туа, которого здесь считают своим, так как он постоянно живет в Америке, и каким-нибудь другим претендентом.

Возможно, правда, и то, что руководство IBF просто занялось своим любимым делом — вымогательством, только в этот раз на вполне легальной основе. В такой обстановке достаточно неприятно для них прозвучало заявление одного из сопро-моутеров матча Паноса Элиадеса, который сказал, что Льюис, возможно, сам откажется от титула IBF. Для федерации вполне реально высвечивалась перспектива оказаться в роли невестребованной невесты. Одно дело лишиться титула, а другое — когда тебе плюют в физиономию, особенно если положение у тебя в данный момент далеко не блестящее.

Видимо, Леннокс через Элиадеса просто припугнул IBF, так как деньги, правда 300 тысяч, а не 450, вскоре поступили на счет федерации. Руководство IBF, похоже, было так радо этому, что тут же сочло конфликт урегулированным. Так что 13 ноября 1999 года британец Леннокс Льюис все-таки стал абсолютным чемпионом мира.

ИЗМЕННИК НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Льюис не пробыл абсолютным чемпионом и нескольких минут, как в Америке ему стали предсказывать скорое падение. Его объявили чемпионом пересменка. Леннокс, как полагали в Штатах, призван был просто заполнить случайную непредвиденную паузу, как когда-то паузу между Джо Луисом и Рокки Марчиано заполнили Эззард Чарльз и Джерси Джо Уолкотт. Осталось только дожидаться нового Марчиано. Или в крайнем случае старого — то есть Железного Майка, который уже почти год как снова выступал на ринге и даже успел между делом и между боями отсидеть второй срок, составивший, правда, всего три с половиной месяца. Но пока Тайсон предпочитал грозить Льюису расправой, после чего заявлял, что ему нужно еще набрать форму для встречи с ним.

Подыскивая следующего соперника, Леннокс остановил свой выбор на Майкле Гранте, который уже

поблекли. Дело в том, что в ноябре 1999 года он встретился с Анджеем Голотой (об этом поединке речь пойдет чуть позже) и, хотя и выиграл, но показал себя недоучкой, который до сих пор побеждал второразрядных соперников исключительно благодаря своим выдающимся физическим данным. Леннокса тут же обвинили, что он выбрал себе легкого соперника и уклоняется от боя с единственным боксером, который действительно может задать ему трепку, — Дэвидом Туа, но что-то в этих антилюисовских заклинаниях, которые сотрясали боксерскую Америку уже семь лет, начало, похоже, надоедать самим заклинателям: они лишились былого блеска и стали напоминать ворчание вечно чем-то недовольной старухи.

Тем не менее один бой Леннокс в начале 2000 года все-таки проиграл. По количеству побед, одержанных над самыми сильными боксерами мира, первое место, безусловно, принадлежит промоутеру Дону Кингу. На этот раз он одолел и Люиса.

Вкратце история конфликта такова. В контракте, заключенном еще перед первым боем Люиса с Эвандером Холифилдом, которому тогда принадлежали титулы по версиям WBA и IBF, есть условие, по которому победитель должен будет встретиться с первым номером рейтинга WBA в следующем бою. Однако бой Люиса с Холифилдом закончился ничьей, после чего был назначен повторный матч, завершившийся победой Леннокса. Люис и его промоутер Панос Элиадес посчитали, что матч-реванш аннулировал условие по бою с первым номером WBA. Надо сказать, что они всеми силами пытались избежать этого боя. Первую строчку в рейтинге WBA занимал тогда Генри Акинванде, тот самый, который в 1997 году обнимал его на ринге, как жена капитана дальнего плавания, дождавшаяся своего супруга. Акинванде панически боялся Люиса и пытался единственным доступным для себя способом уйти от боя, за что и был дисквалифицирован в пятом раунде.

Каким образом руководство WBA сумело в 1999 году поставить Акинванде на первое место в своем рейтинге после такого позора — тайна, покрытая мраком. По мнению большинства экспертов, он не заслужил не то что первого, но даже десятого места. Люис и Элиадес не были заинтересованы в бое с Акинванде прежде всего по финансовым причинам — «продать» такой матч зрителям, не испытывающим к нему ни малейшего интереса, без убытка для себя практически невозможно. И тут у Акинванде обнаружили гепатит, и вопрос о матче с ним отпал сам собой. Воспользовавшись ситуацией, они и заключили контракт на бой с Майклом Грантом.

Тем временем руководство WBA вывело на первое место в своем рейтинге Джона Руиса, который, кстати, к тому времени уже был первым номером и в рейтинге WBC. Неоправданные симпатии чиновников от бокса к этому заурядному середняку объяснялись тем, что тот принадлежал к конюшне Дона Кинга. Тем не менее Руис не мог претендовать на встречу с Люисом, так как стал первым номером после того, как британец подписал контракт на бой с Грантом.

Казалось, конфликт исчерпан. Но Дон Кинг, лоббировавший до того интересы Акинванде, а точнее, свои собственные, думал иначе. Он потребовал от WBA лишить Люиса титула, бой за который хотел провести между двумя своими боксерами — Эвандером Холифилдом и Джоном Руисом. Чиновники WBA думали долго, но в конце концов отказали Кингу. Тогда Дон подал в суд, и тот, как ни странно, принял решение в его пользу. Это тем более странно, так как Люис не отказывался от встречи с Руисом. Более того, он обещал провести бой с ним уже в июле, менее чем через три месяца после боя с Грантом. Но судья был непреклонен: либо отказывайся от боя с Грантом, что повлекло бы за собой выплату огромных неустоек, либо от титула WBA. Как видно, Дон Кинг умеет манипулировать не только судьями у ринга. Леннокс продолжил готовиться к бою с Грантом, после чего WBA лишила его своего титула. Однако если Дон Кинг рассчитывал на поддержку боксерской общественности, то он просчитался. Для нее Люис так и остался хотя и нелюбимым, но абсолютным чемпионом мира в тяжелом весе. Может быть, все дело в том, что Кинг надоел ей даже больше Люиса. А может, в том, что нельзя до бесконечности вести уже проигранную войну. Семь лет Америка воевала с Ленноксом, унижая себя и возвышая его этой некрасивой ситуацией. Больше она этого делать не могла и не хотела. В результате от потери титула WBA репутация Люиса ничуть не пострадала. Для него даже придумали специальный полуофициальный титул, которым пользовались ведущие боксерских шоу, объявлявшие о выходе Леннокса на ринг — «общепризнанный абсолютный чемпион мира» (universally recognized undisputed champion of the world), а титул WBA в тяжелом весе отправился на периферию мирового бокса.

Перед боем Люиса с Грантом, который состоялся 29 апреля 2000 года в Нью-Йорке, было много разговоров, что, возможно, он получится очень скучным. И Люис, и Грант — люди в жизни абсолютно беззлобные, да и хобби у них своеобразные: если Леннокс — заядлый, почти маниакальный шахматист, то Грант — прекрасный пианист-любитель, предпочитающий классику и джаз. Ну и какой бой может получиться между шахматистом и пианистом? Разве что нелепая интеллигентская склока, когда один будет колошматить другого пачкой нот, а тот в ответ попытается заехать ему шахматной доской. А поскольку на ринг нельзя выходить с таким опасным оружием, значит, будет еще скучнее. За пару недель до боя мне довелось поговорить с Бертом Уотсоном, известным метчмейкером (организатором матчей) из Филадельфии. Когда я спросил его, что он думает о предстоящем матче Люис — Грант, Берт сказал: «Как бы они не заснули там прямо на ринге, а мы в зале и перед телевизорами. — Потом помолчал и добавил: — Хотя, может, получится и очень интересно». И глаза его сверкнули надеждой. Не столько на интересный бой, конечно, сколько на победу Гранта.

Получилось интересно.

Грант явно не справился с нервами. Он был перевозбужден и после первого же удара гонга бросился на Люиса как очумелый. Зрелище, надо сказать, было впечатляющее: ринг казался маленьким для этих двухметровых гигантов,

Американцу удалось пару раз достать Льюиса довольно сильными ударами справа, но тот и глазом не моргнул. Хладнокровный британец затаился и стал ждать своего момента, который наступил в середине раунда, когда любимым правым апперкотом Льюис неожиданно опрокинул Гранта на спину. Майкл был потрясен — если не физически, то психологически. Однако в предыдущем бою Голота тоже посылал его на пол в первом раунде, причем дважды, а он все-таки победил. Так что в зале пока увяли не все надежды.

Впрочем, жить им оставалось недолго. Льюис набросился на Гранта как гигантская черная пантера. Скоро последовал второй нокаунт, причем от нокаута Майкла спас американский рефери Артур Мерканте. Он считал, что прижатый к канатам Грант уже находится в нокауте, и оттащил Леннокса, не дав ему добить противника. Майкл действительно опустился на пол, но можно с уверенностью сказать, что, поменяйся боксеры ролями, рефери бы не вмешался. Третий нокаунт случился за несколько секунд до конца раунда. На этот раз Майкла выручил гонг. Он успел встать до того, как Мерканте закончил счет, и неуверенной походкой пошел в свой угол.

Во втором раунде чувствовалось, что оба несколько устали: один — от своих атак, другой — от чужих. К тому же рефери постоянно встревал, мешая Льюису атаковать. Но на последней минуте раунда произошло неизбежное. Уклоняясь от очередной атаки Льюиса, Грант согнулся пополам и нарвался на мощнейший встречный правый апперкот британца, после которого сначала разогнулся, а потом рухнул на настил ринга. Нокаут.

Между прочим, Льюис здесь инстинктивно несколько нарушил правила. Он слегка прижал голову Гранта левой рукой, когда наносил последний удар. Рефери, помогавший американцу в течение всего боя, этого не заметил. К чести Майкла надо сказать, что он не стал поднимать скандал по этому поводу и принял поражение достойно, чего никак не скажешь об американской прессе, многие представители которой попытались было свести весь бой к этому эпизоду, но, не почувствовав поддержки, быстро смолкли. Тем не менее была предпринята как раз вполне удавшаяся попытка принизить значение победы Льюиса. Так, популярный обозреватель влиятельной газеты «New York Post» Уоллес Мэтьюз сравнил этот бой с поединком двух новичков-любителей на юношеском турнире «Золотые перчатки». А другой известный обозреватель, Марк Кригер, из не менее влиятельной газеты «New York Daily News» написал, что этот поединок напомнил ему «бой» здоровяков-кетчистов. Политкорректность была соблюдена. Строго говоря, Кригер не назвал кетчистов кетчистами, но все поняли, что он имел в виду. Интересно, какие слова он бы нашел для этого боя, если бы победил Грант. Думаю, совсем другие.

Помню, я в то время читал много разных американских боксерских форумов, которые произвели на меня совершенно тошнотворное впечатление. Даже если сделать скидку на то, что в таких местах собирается, скажем так, довольно своеобразная публика, которая естественным образом выдавливают оттуда всех себе неподобных, приходилось констатировать, что ненависть к Ленноксу Льюису достигла своего пика. В принципе это были лишь очищенные от политкорректного коммюльса речи тех же Уоллеса и Кригера. Но будущее не казалось им всем таким уже безрадостным. Они верили, что есть боксер, который может побить Льюиса, и утверждали, что Леннокс «косит» от боя с ним. Они имели в виду обамериканившегося до предела Дэвида Туа, обладавшего предположительно самым сильным ударом в современном боксе. Так, Джона Руиса, от боя с которым Льюис вынужден был отказаться ради встречи с Грантом, он послал в глубочайший нокаунт за 19 секунд. Правда, Туа проиграл Ибеабучи, но это был равный бой. К тому же исчезнувшего в сумерках исправительных заведений для психически больных преступников Ибеабучи возвеличили к тому моменту чуть ли не до уровня Мохаммеда Али. Желавшие верить сами доводили себя до иступления, говоря, что Льюис не годился Ибеабучи в подметки, а значит, не годился и Туа.

Бой с Туа решено было провести в ноябре 2000 года, а пока Льюис отправился в Англию, где хотел в разминочном бою встретиться с южноафриканцем Франсом Ботой. Тут же многие горячие головы вспомнили, как в 1994 году Леннокс также отправился на родину, чтобы провести разминочный бой с Оливером Макколлом, но особых надежд на Боту все же не возлагали: у южноафриканца не было того единственного, что теоретически могло принести победу над британцем, — сильного удара.

Пессимисты оказались правы. 15 июля 2000 года в Лондоне Льюис буквально уничтожил Боту, как и Гранта, в двух раундах. Единственной интригой этого боя было то, что у него имелся третий, незримый участник. В январе 1999 года свой первый бой после полуторагодичной дисквалификации Тайсон провел именно с Ботой, и южноафриканец выиграл у него четыре первых раунда, но напоролся на удар в пятом и был нокаутирован. То, что Льюис расправился с Ботой, куда убедительнее, чем Тайсон, произвело впечатление даже на тех, кто не хотел этого признавать. Однако впереди маячил бой с Дэвидом Туа, и надежды вновь наполнили сердца американцев. Тем более что Туа пообещал «вернуть титул абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе в Америку». Довольно смелое заявление для новозеландца самоанского происхождения, но в Штатах ему были за это благодарны: будь ты кто угодно, только скажи, что ты за нас. Туа и сказал. О том, что он страшно скучает по дому и проговаривает сумасшедшие деньги по телефону, общаясь с родными, Дэвид, разумеется, умолчал. Журналисты, конечно, позаботились о том, чтобы это стало широко известно, но никакого особого внимания тоска по дому поэта-мордоворота из бывших людоедов не привлекла.

Декабрьский номер журнала «The Ring» за 2000 год, который поступил в продажу в октябре, то есть за месяц до боя, вышел с портретами Льюиса и Туа и подписью к ним: «Черт с Тай-соном, Туа — тот человек, который мог бы побить Льюиса». Правда, в редакционной статье надежд на победу Туа было куда меньше, и это тоже очень характерно: Леннокс научил Америку уважать себя, и она наконец начала уставать от собственной ненависти к нему. Страна все еще болела против него, но уже как-то немного машинально. Она все еще делала громкие заявления вроде подписи на обложке «The Ring», но уже не дурела от собственных болельщических криков и сохраняла способность рассуждать

Их долгожданная встреча состоялась 11 ноября 2000 года в Лас-Вегасе. Для начала соплеменники Туа сыграли что-то любопытное на морских раковинах, а он поднялся на ринг, излучая уверенность в себе. Голову его украшала прическа из стоячих прядей волос. Она, кстати, вызвала нарекания со стороны команды Льюиса, так как там опасались, что Дэвид будет в клинчах тыкать этими космами Ленноксу в глаза, но вопрос был как-то урегулирован.

Чемпион не заставил себя долго ждать: сначала откуда ни возьмись появилась целая группа воинов, одетых в средневековые доспехи, а затем из стилизованных ворот замка вышел и сам отважный рыцарь сэр Леннокс. Возможно, это был прозрачный намек британской королеве, что самого знаменитого на сегодняшний день британца неплохо бы посвятить в рыцари, о чем давно уже ходили слухи. Пока он провозгласил себя рыцарем сам. Наверно, король Артур и его рыцари Круглого стола на том свете впали в буйство от такого родственничка. В этой жизни они сами приняли бы его не за себе подобного, а, скорее, за одного из тех драконов, с которыми сражались в своих горячечных мечтах. На самом деле Леннокс приятный и далеко не безобразный мужик, просто древние рыцари, в отличие от крестоносцев, никогда не видели негра, тем более таких размеров.

Затем обладатель самой знаменитой луженой глотки в Америке, ведущий телеканала НВО Майкл Баффер, голосом, который был слышен на всей территории США, объявил, что сейчас состоится бой за титул «общепризнанного абсолютного чемпиона мира».

Льюис и Туа выглядели на ринге как Пат и Паташон. Леннокс был настолько выше своего соперника, что, казалось, он, как и положено рыцарю, сидит верхом на коне и своей длинной, словно копье, левой рукой отбивает нахальные наскоки Туа, своей прической и впрямь похожего на дикаря. В общем, битва крестоносца с язычником, да и только.

Уже в первом раунде обозначилась канва боя. Туа рассчитывал на свой коронный левый боковой, который он то и дело на скачке пытался обрушить на челюсть Льюиса, а британец, пользуясь преимуществом в росте, левым джебом держал его на дистанции, время от времени подключая правый кросс, от которого Туа каждый раз слегка встряхивало. Пробриться сквозь эти разящие длинные руки новозеландцу удавалось очень редко. За весь поединок его левый боковой достиг цели лишь несколько раз* да и то с грехом пополам — Льюиса качнуло, но и только. Нокадауном, не говоря уж о нокауте, который Туа обещал перед боем, здесь и не пахло. Самого Туа от ударов Льюиса качало куда больше и куда чаще.

По-моему, Дэвид толком не выиграл ни одного раунда, хотя при очень большой симпатии к его смелости и жалости к его полной беспомощности можно было отдать ему победу в третьем и шестом раундах, когда Туа пару раз удалось достать Льюиса своим единственным эффективным ударом. Впрочем, и в этих раундах Дэвиду досталось больше, чем сопернику.

После шестого раунда Туа выглядел совершенно дезориентированным и обескураженным. Он явно почувствовал, что на этом ринге бить умеет не только он, а Льюису вполне хватало того преимущества, которое он раунд за раундом набирал без особого для себя риска. Практически ни разу за весь бой он не использовал свой мощнейший правый апперкот, который сыграл ключевую роль в бою с Майклом Грантом. Видимо, осторожный Леннокс не хотел ни на секунду открывать для коронного удара Туа правую сторону своей головы. Зачем рисковать, если своего можно победить и так?

Зрителям все это мало нравилось. Они пришли посмотреть бойню, а увидели выверенный тактический бой. В конце встречи Туа выглядел как маленький толстый мальчишка, который связался с долговязым старшеклассником. В двенадцатом раунде он в отчаянном прыжке вновь попытался достать Льюиса. Лучше бы Дэвид этого не делал: Льюис увернулся от его атаки, как матадор, а Туа, как бык, забодал головой стойку ринга.

Все трое судей, разумеется, отдали победу Льюису соответственно со счетом 119:109, 118:110 и 117:111. Последнего арбитра вполне можно было заподозрить в излишней симпатии к перевоспитавшимся людоедам.

После этой победы Льюис наконец де-факто стал общепризнанным абсолютным чемпионом мира. Но любить его от этого больше не стали. Зато и ненависть как-то зачала. То, что только наметилось перед боем с Туа, сейчас подтвердилось:

Америка устала ненавидеть Льюиса. В своем отношении к нему она начала руководствоваться старым женским принципом: лучше отдаться зануде, чем объяснять ему, почему ты этого делать не хочешь, и она отдалась, правда безо всякой любви и со скучающей миной. Сразу в нескольких авторитетных изданиях прозвучала на разные лады фраза: «Нам надо научиться любить Леннокса Льюиса». Так яркая, темпераментная стерва лет в сорок смиряется с тем, что, кажется, кроме этого лысого господина, которого она, к несчастью, имеет в мужьях, у нее уже больше никого не будет. Все в прошлом. Однако впереди у стервы был еще один роман, причем именно такой, каким он бывает у стареющих женщин в жизни, а не в кино: быстротечный, глуповатый, немного нелепый и не оставивший после себя ничего, кроме жесточайшего разочарования и вопроса: зачем все это произошло?

210 ДНЕЙ ХАСИМА РАХМАНА

Американский тяжеловес Хасим Рахман приезжал в Москву в марте 1998 года на один из международных турниров, который организовал тогда промоутер Лэнни Баранчак, то есть бывший советский гражданин Леонид Баранчук. Я тогда дважды разговаривал с Рахманом.

Когда я подошел к нему после пресс-конференции, он говорил кому-то из журналистов: «В Москве я впервые и ничего здесь пока не видел, кроме снега. И это после Флориды, где сейчас 80 градусов (это по Фаренгейту, приблизительно 27 — по Цельсию). Что? Откуда эти шрамы? Нет, на ринге меня никто так отделать бы не смог. В

Потом мы довольно долго обсуждали разных боксеров, с которыми Рахман дрался, спарринговал или просто встречался, пока не дошли до Мелвина Фостера, с которым ему предстояло драться в Москве.

— Ты уверен в своей победе? — спросил я Хасима.

— Уверен, — ответил он, — хотя наперед не скажешь, как тебе эта победа достанется.

— А в нокауте ты когда-нибудь бывал? Или отправить тебя туда может только грузовик?

— Нет, не бывал.

— Я могу легко исправить это прямо сейчас, — сказал Мелвин Фостер, который пробежал мимо нас.

Хасим заразительно рассмеялся.

В целом первое впечатление было приятным: открытый парень, с чувством юмора, смешливый, добродушный. Внешне особо мощного впечатления не производил — некрупный тяж ростом примерно с Холифилда, но чуть помощнее в кости, за счет чего тяжелее. Еще, помню, обратил внимание на иссиня-черный цвет кожи. Пожалуй, Рахман был самым черным негром, которого я видел в жизни.

На следующий день на турнире он честно «протаскал» Фостера весь первый раунд. Со стор.,оны это было очень хорошо видно. Однако Мелвин ничего не понял и обрел совершенно ложную веру в свои силы. Во втором раунде он начал наседать, но Хасим быстро остановил его порыв. А потом как-то очень легко и непринужденно выбросил свою длиннющую правую руку вдогонку отступавшему Фостеру, и тот рухнул на пол. Он встал и даже сумел немного очухаться, но после бесподобной по чистоте исполнения комбинации левый-правый сопротивляться уже не мог.

Публика как-то примолкла после этой демонстрации силы. Вообще Рахман понравился зрителям. Один из них с весьма зычным голосом окрестил его «Серегой» и под хохот зала поддерживал все полтора раунда.

Победа явно не обрадовала Рахмана, и с ринга он сошел каким-то разобраным. Потом я его встретил в коридоре, и мы еще немного поговорили. Хасим уже фактически начал сознаваться, что щадил Фостера в первом раунде, но тут в дело вмешался его тренер и наговорил кучу обязательных банальностей, что Хасим «подергал» противника, а потом нокаутировал. Какое «подергал», когда он просто не хотел его бить и начал это делать, только когда Фостер его к этому вынудил!

Вообще мне показалось, что настроение у Рахмана неважное. Кто-то мне рассказал, что буквально за несколько минут до моего разговора с ним в коридоре там был и Фостер. Рахман подошел к нему и стал извиняться, но Мелвин, весь разобиженный, махнул рукой и ушел, что совершенно испортило настроение Рахману.

Нелогичность поведения Фостера, который сам напросился на нокаут, меня не удивила. В команде ходили слухи, которые дошли и до меня, что он конченый наркоман. Вот, собственно, и все личные воспоминания о Хасиме Рахмане.

Потом он выступал достаточно успешно, но ему не повезло. В конце 1998 года во время боя с Дэвидом Туа, который Рахман уверенно выигрывал по очкам, самоанец нанес ему свой коронный удар после гонга, возвестившего о конце восьмого раунда. Рахман был потрясен, но бой продолжил. Лучше б он этого не делал, тогда бы Туа дисквалифицировали, и Хасим одержал бы победу. А так он, уже совсем никакой, продолжил бой, который рефери остановил в десятом раунде. Сам Хасим считал, что преждевременно, так как он мог еще сопротивляться, но со стороны так не казалось. Матча-реванша Туа ему тогда не дал.

Через год слегка зарвавшегося Рахмана в восьмом раунде буквально вышиб с ринга выступающий в Америке российский боксер Олег Маскаев. Хасим упал за канатами на стол, который сломал своим нелегким телом и увлек за собой на пол еще и стоявший на столе компьютер. Тогда казалось, что серьезная карьера Рахмана на этом и закончится, но он сумел собраться и выиграл несколько боев.

Тем не менее в начале 2001 года Рахман котирировался среди тяжеловесов не очень высоко, и Льюис выбрал его в качестве разминочного соперника перед предполагаемым боем с Тайсо-ном. Ввиду не слишком большого интереса к этому бою в Америке, местом его проведения была выбрана Южная Африка, где он состоялся 22 апреля (в Америке было еще 21-е) в пригороде Йоханнесбурга.

Где-то недели за две до боя букмекеры оценивали шансы в этом бою как 20 к 1 в пользу Льюиса, но непосредственно перед боем ситуация ощутимо изменилась, и в разных американских изданиях между строк то и дело проскальзывало нечто напоминающее надежду на чудо: а может, все-таки...

Повод к этому дал сам Леннокс Льюис. В течение нескольких месяцев перед боем он занимался чем угодно, но не тренировками, и главным образом вместе с украинскими тяжеловесами братьями Кличко снимался в фильме «Ocean 11». В Йоханнесбург Льюис прилетел только за неделю до боя, в то время как Рахман там провел к тому моменту уже почти месяц и прекрасно акклиматизировался. Он правильно сделал: местные условия требовали именно такого подхода — высота около 2000 м над уровнем моря очень обманчива. Разреженность воздуха начинает чувствоваться далеко не сразу, зато сильно. Существует два способа приготовить себя к работе в такой атмосфере, хороший и плохой. Хороший заключается в том, чтобы сделать то, что сделал Рахман, то есть приехать загодя и постепенно адаптироваться. Плохой — приехать сразу на матч и понадеяться, что твой организм пронесет тебя еще на старой волне. Леннокс выбрал плохой способ. Он приехал за неделю, что считается оптимально плохим сроком: организм как раз успевает предельно разболтаться от этих новых для себя условий, но еще даже не начинает к ним адаптироваться. Позже менеджер Льюиса Фрэнк Малоуни недоумевал: как Эммануэль Стюард мог такое позволить?

Кроме того, при одном взгляде на чемпиона становилось ясно, что тренировками он себя в последнее время не изнурял. Льюис весил 122 кг, тогда как до сих пор его максимальный боевой вес не превышал 115. Как-то сами собой

он откровенно недооценил. И все же казалось, что его колоссальный запас прочности позволит ему без особых проблем разобратся с Рахманом.

Но Льюис решил на этот раз сделать все возможные ошибки. Чтобы наверстать упущенное, он стал изнурять себя тренировками непосредственно перед боем и сбросил за неделю около семи килограммов, а такая радикальная сгонка веса, как известно, очень ослабляет. Все же победа его казалась почти неизбежной.

Когда Рахман вышел на ринг, вид у него был подавленный. Внешне, по крайней мере, он никак не походил на боксера, которому предстояло сотворить самую большую сенсацию с тех пор, как Бастер Даглас нокаутировал Тайсона 11 февраля 1990 года. А вот Льюис был абсолютно спокоен и совсем не волновался, как это было перед боем с Дэвидом Туа в ноябре 2001 года. Вот уж точно: не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Льюис с самого начала боя выбрал обычную для себя, несколько ленивую тактику — не спешить, не форсировать события, а дожидаться момента и вцепить свою мощнейшую плечу справа. Ну а если такой возможности не представится, то хватит и очков, набранных главным образом левой и изредка правой. Однако сейчас эта тактика была вынужденной, так как ни на что другое у него просто не было сил. К тому же он периодически казался уж слишком ленивым, а временами ему явно не хватало воздуха.

В первых трех раундах Льюис выглядел все-таки получше Рахмана. Во втором ему удалось слегка потрясти Хасима, однако развивать успех он не стал. Или не смог? А может, действительно берег силы, которых было не так уж и много.

В четвертом раунде Рахман был активнее, хотя пропускал

по-прежнему больше. Видимо, Льюис почувствовал, что надо как-то изменить рисунок боя, и пятый раунд начал пободрее. Рахман к тому времени тоже выглядел усталым и, судя по всему, не очень надеялся на победу. Создавалось впечатление, что план Льюиса, если у него вообще был какой-то план, в конце концов сработает: через пару раундов уставший Рахман раскроется, Льюис нанесет свой коронный правый кросс или апперкот, и на этом все закончится. Но...

Пятый раунд уже подходил к концу, когда Льюис, как он это часто делал на протяжении всего боя, попятился назад, как бы выманивая Рахмана на атаку. Правда, перед этим Леннокс совершенно точно пропустил довольно сильный удар, хотя, судя по всему, он его не потряс. Рахман почти побегал за ним. Льюис уперся в канаты и, видимо, собирался уйти в сторону, что он вообще-то мастерски делает. Так в бою с Туа, используя этот прием на последних секундах боя, он заставил противника провалиться и забодать головой стойку ринга.

И тут... Вполне возможно, датчики сейсмоактивности в окрестностях Йоханнесбурга зафиксировали в это мгновение подземный толчок. Если так, то они ошиблись. Это Льюис рухнул на настил ринга. Отчаянно длинный — чуть ли не из-за спины — удар Рахмана справа просвистел между перчаток британца и обрушился сбоку на его челюсть. Леннокс сам усилил воздействие удара тем, что именно в этот момент стал смещаться влево, то есть навстречу удару.

Вот так, неожиданно, все и закончилось. Рахман был, наверное, предпоследним человеком в зале, который понял, что произошло. Уже было ясно, что Льюис не успеет встать до того, как рефери закончит счет, а он все не верил своей удаче. Самым последним осознал случившееся сам Льюис. Он долго и тяжело вставал, как человек, который никак не может прийти в себя после дурного сна, и смотрел по сторонам каким-то остановившимся, недоумевающим взглядом. Наверное, ждал, что кто-нибудь скажет ему, что это просто бред и он по-прежнему чемпион мира,

Далее события стали развиваться интересно. Рахман разорвал отношения со своим промоутером Седриком Кушнером, плакавшим от радости за него после боя, и перешел под знамена Дона Кинга. Зачем он это сделал, тогда никто не мог понять: Кушнер, в отличие от Кинга, имеет репутацию порядочного человека, который умеет отстаивать интересы своих бойцов. Может быть, Рахман решил, что Кушнер — недостаточно «чемпионский» промоутер для него, такого великого и ужасного?

Дальше — больше. От внезапной победы Рахмана Америка восприняла как невеста, которой удалось в последний момент слить от нелюбимого жениха, но здесь вышел прокол. В контракте на бой с Рахманом было условие, по которому тот в случае победы должен был дать Льюису матч-реванш. Рахман, правда, попытался от этого уклониться, а американские СМИ дошли до того, что стали прямо утверждать: не всякие условия и далеко не всякого контракта надо соблюдать. Читать *такое* в американской прессе, а не в каком-нибудь листке наших ЛДПР или КПРФ было совершенно дико. Леннокс, однако, подал в суд.

Дон Кинг, как всегда в подобных случаях, нанял прекрасных адвокатов и сделал все от него зависящее, чтобы не допустить матча-реванша. Он хотел для начала подобрать своему подопечному пару «мешков» для бития. Однако американский суд все-таки решил, что условия контракта должны выполнять все, и даже обладатели таких лохматых и умных голов, как Дон Кинг, и предписал Рахману провести бой с Льюисом. Дон знает, когда надо бороться, а когда уступать. Вскоре была опубликована фотография, на которой были запечатлены Льюис и Рахман с мохнатой головой Кинга между ними. Как правило, появление такого группового портрета означает скорый бой. Так было и в этот раз, а датой поединка было назначено 17 ноября 2001 года.

Вскоре в городе Анахайм, штат Калифорния, проходила пресс-конференция, посвященная предстоящему матчу, в которой приняли участие Льюис и Рахман. Поначалу ничто не предвещало скандала, кроме скверного настроения Льюиса, который неожиданно спросил Рахмана, почему в одном из своих радиоинтервью тот обозвал его геем. Хасим ответил, что не называл его геем, а только сказал, что он повел себя, как гей, когда подал на него в суд. Почему Рахман решил, что подавать в суд — это по-гейски, а уклоняться от боя не по-гейски, остается загадкой.

вскочили на ноги, пихнули друг друга грудными клетками, как школьники перед дракой, а потом перешли к делу или, точнее, почти к делу, так как ни одного удара не было нанесено, а весь «бой» продолжался несколько секунд.

Льюису мешал тесный костюм, а Рахман был одет как для драки и потому проявил чуть больше прыти. Он встал так, что у Льюиса за спиной оказался стол, на который ему удалось толкнуть Леннокса, которому из-за тесноты и подпиравшего его сзади стола не удалось даже встать в какое-то подобие стойки. Из такого положения упал бы кто угодно. Леннокс повалился на стол, и он тут же сломался. Льюис упал, но не растерялся и стал лихо лягать Рахмана ногами, готовясь встать, и здесь их разняли. После «схватки» по-настоящему взбешенный Льюис заявил, что дошел до нужной кондиции, для того чтобы задать трепку Рахману.

Множество американских газет и журналов написали после этого, что теперь счет боев Льюиса и Рахмана стал 2:0 в пользу последнего, отказываясь признать даже, что падение Леннокса в той ситуации не говорило ровным счетом ничего о его умении драться.

Кстати, Рахман затронул тему, которая давно обсуждалась по обе стороны океана. Льюис тщательно скрывал свою личную жизнь, и, как часто бывает в подобных случаях, были выдвинуты предположения, которые с большой охотой подхватила желтая пресса. Вообще-то подруги Льюиса, в последнее время это были, как правило, темнокожие фотомодели, были хорошо известны, но как можно не поговорить на такую интересную тему? Тут же вспомнили, как Риддик Боу в запале обзывал Льюиса «большим пидором», но это так же мало говорит о сексуальной ориентации оскорбляемого, как когда наши мужики, перед тем как подраться или вместо того чтобы подраться, тоже обзывают друг друга пидорами.

Тем не менее, эта тема гуляет по СМИ уже много лет. Сам Леннокс несколько раз спокойно заявил, что любит женщин, только женщин и никого, кроме женщин. Папарацци следили за каждым его шагом, но никаких порочащих связей за ним так и не обнаружили. Тем не менее очень влиятельное и многочисленное американское «голубое» сообщество не оставляет надежд на то, что Льюис один из них. Каюсь, когда я в первый раз брал интервью у Фрэнка Малоуни, я спросил его о сексуальной ориентации Льюиса, так как, хоть это и очень неpolitкорректно, само предположение, что я столько лет болел за «голубого», отнюдь не репероляло меня счастьем.

Малоуни на тот момент был уже давно в «разводе» с Льюисом и страшно на него обижен. В ответ он хитро улыбнулся и сказал: «То, чем занимается Леннокс, — это его дело». Желая все-таки получить более конкретный ответ, я сказал: «Но ведь нежелание отвечать тоже можно трактовать как ответ?» Малоуни очень довольно улыбнулся. Мне показалось, что хитрый Фрэнк, который уже до этого наговорил много всего нехорошего о Льюисе, специально попытался создать такое впечатление. Более того, я вполне допускаю, что сам этот слух мог быть инициирован преднамеренно, причем, и командой Льюиса, и тем же Малоуни, пожелавшим привлечь влиятельное и добывающееся всего, чего оно хочет, «голубое» сообщество на свою сторону, или кем-то из лагеря противников в целях дискредитации, так как в нашем мире сейчас совершенно непонятно, что выгоднее, быть гетеросексуалом или гомосексуалистом. Но в одно мне как-то не верится: в то, что при таком количестве сексуальных следопытов, желающих покопаться в белье Льюиса и к тому же знающих все способы разоблачения скрытых гомосексуалистов, Ленноксу в течение стольких лет удалось скрывать от них свою гомосексуальность, если бы он действительно был геем. Так что я все-таки полагаю, что это просто сплетня, причем, скорее всего, американская сплетня, пущенная совершенно преднамеренно, для того чтобы дискредитировать иностранца, который столько лет досаждал Америке самым фактом своего существования.

Бой тем временем назревал, и американские СМИ наполнились какими-то вымученно оптимистичными прогнозами. Победу Рахману предсказали популярный обозреватель телеканала ESPN Макс Келлерман, бывший тренер Мохаммеда Али и один из самых выдающихся тренеров в истории Анджело Дан-ди. Из пяти ведущих специалистов журнала «The Ring» отдали свои голоса Рахману трое: главный редактор Найджел Коллинз предрек его победу нокаутом в десятом раунде, обосновав свою уверенность тем, что «если он сделал это раз, то сможет сделать еще раз»; штатный скандалист «The Ring» Джефф Раян также заявил, что Рахман нокаутирует Льюиса в десятом раунде; а Эрик Раскин, тот самый, который поставил ничейные очки во втором бою Льюиса с Холифилдом, вообще заявил, что Рахман нокаутирует Льюиса уже во втором раунде.

Однако все эти прогнозы, как мне кажется, были не вполне искренни. Желających поставить деньги на Рахмана оказалось совсем не так много, как тех, кто верил в его победу на словах, и перед боем у букмекеров безусловным фаворитом был Льюис.

Когда до боя остаются считанные секунды и напряжение в комнате, в которой я сижу перед телевизором, достигает какого-то запредельного градуса, раздается звонок моего мобильного. Звонит из Америки мой приятель, который перебрался туда лет 10 назад и неожиданно для своей жены и себя в 32 года увлекся боксом — и теоретически, и практически. Теперь перед каждым боем мы с ним обмениваемся прогнозами.

— Рахман уже проиграл! — орет он, чтобы перекричать оба наши телевизора. — С таким фейсом еще никто не побеждал! — и поскорее бросает трубку, чтобы не отвлекаться от предстоящего зрелища. (Едва бой закончится, он мне с удовольствием перезвонит, очень гордый своим пророчеством.)

...Мой друг повторил именно то, что подумал я сам, когда увидел, как Рахман шел к рингу. Да, с таким «фейсом» действительно выиграть трудно. Хасим шел как будто на поединок с палачом, да еще попутно устроил мини-истеричку своей команде по поводу того, что она неправильно несла его чемпионские пояса. Трудно было не подумать в тот момент, что владеть ими Рахману осталось совсем недолго.

пределы того, что обычно говорят друг другу два подростка перед дракой в школьном туалете. Смешно, конечно, но все-таки обидно. Когда после взвешивания, доведенный этими самыми высказываниями до бешенства, Льюис отказался фотографироваться с Рахманом, тот прокричал через весь зал: «Не бойся, Леннокс, до субботы я тебя бить не буду!»

Теперь же на Рахмана просто жалко смотреть. Контраст тем более удивительный, что минутой раньше вышел Льюис, спокойный, как катафалк. И такой же убедительный. Вот он — стоит в углу и невозмутимо ждет.

Тянутся последние, самые томительные секунды. Певица с драгоценным именем Джуэл (в переводе jewel — драгоценность), копной крашенных белых волос, столь любимых в Америке и России, хорошей фигурой, что несколько скрашивает ожидание, и прекрасным голосом поет проникновенную песню про звездно-полосатый флаг. В данном случае, однако, это звучит несколько неуместно, так как один из героев дня представляет другую страну, о которой тоже не мешало бы спеть, хотя бы из соображений столь любимой в Америке политкорректное™.

Выходя на ринг, Рахман обычно судорожно сжимает в руках американский флажок. Так солдат перед атакой, в которой он может погибнуть, хватается за какие-то символы. Это может быть и кольцо, данное женой, и знамя родной страны. Тег перья флажка у Рахмана нет, но на нем звездно-полосатые штаны шириной с Миссисипи. Ох и далеко же великая американская река от Лас-Вегаса, и никак она ему сегодня не поможет. Ему сегодня вообще ничто не поможет. Когда боксер выходит на ринг, все, включая и родину, остается за канатами.

Рахман почему-то все топчется в своем углу и все не снимает с себя майку. Похоже, он не очень торопится в центр ринга, где его уже ждут Льюис, никак не выдающийся нетерпения, и рефери Джо Кортес, наоборот, всячески это нетерпение выдающийся. Наконец Рахман выходит. Больше тянуть время просто невозможно. Рефери делает участникам боя традиционные наставления, которые несколько неожиданно заканчивает словами: «Боже, храни вас и Америку», и, хотя к Великобритании я имею такое же отдаленное отношение, как и к США, меня так и подмывает спросить телевизор: «А что, Англию хранить не надо?»

Впрочем, вполне возможно, что ни Джуэл, ни рефери не хотели обидеть Льюиса и Великобританию. Просто после атаки на небоскребы 11 сентября американцы узнали про свою страну то, что европейцы знают про свои уже пару тысяч лет: их держава тоже уязвима — несмотря на всю свою мощь.

Первый раунд. Понеслось. Нет, не понеслось. Сначала просто поехало, причем ни шатко ни валко. Идет затяжная дуэль на джебах, которую, как ни странно, Рахман ведет почти на равных с куда более высоким Льюисом, временами даже лидирует в ней. Хасим перед боем много говорил, что его джеб — это не просто короткий тычок левой рукой, а серьезный увесистый удар, и, судя по тому, как временами дергается голова Леннокса, Рахман не преувеличил. Но и ему самому достается, причем, если внимательно считать удары, несколько чаще, чем британцу. Раз или два Льюис достает его ударами справа. Больно. Очень больно. И все же прыть более мелкого американца наверняка у многих создает совершенно неправильное впечатление, что он выиграл этот раунд.

Второй раунд. Опять идет дуэль на джебах. Но теперь всем ясно, кто в ней побеждает. Рахман выглядит все более неуверенно. И этот человек обещал нокаутировать Льюиса во второй раз? Сейчас непонятно, как это у него получилось в первый. Но о тотальном преимуществе Леннокса пока говорить не приходится, хотя в редких случаях, когда он бьет справа, могучее тело Хасима начинает ходить ходуном. Ясно только, что британец может на этой тихой волне провести все 12 раундов, хотя очень не хотелось бы. Льюис явно способен на большее.

Третий раунд. Опять продолжается дуэль на джебах. Все-таки драться с человеком, который тебя когда-то нокаутировал, — не самая легкая задача даже для такого мастера своего дела, как Льюис. Но Леннокс все чаще взрывается и более серьезными атаками. Он наносит хороший удар справа. Вот проходит мощный левый хук в его же исполнении. Затем небольшая пауза — и снова очень эффектная комбинация в исполнении британца: левый боковой, который проходит вскользь, лишь чуть-чуть разворачивая голову Рахмана, и сильнейший правый кросс, после которого Хасим пятится назад к канатам. Глаза раскрыты так широко, словно он пытается загипнотизировать Льюиса, в них выражение ужаса и боли. Хасим беспомощно вытягивает вперед руки, пытаясь отгородиться ими от Льюиса. Бедняга забыл, что британец намного выше его, а дальнобойность льюисовских пушек такова, что он может обстреливать противника, сам оставаясь вне досягаемости для его ар-тиллерии.

Но здесь Леннокс ведет себя непонятно. Впрочем, что можно ожидать от человека, про которого его тренер Эммануэль Стюард говорил, что никогда не знает, каким его подопечный выйдет на бой: то ли это будет терминатор, который уничтожил Анджее Голоту или Майкла Гранта, то ли холодный и спокойный шахматист, который дважды обыграл Холифилда.

По одному ему известным причинам Льюис не идет на добивание. Что это — не хочет рисковать в бою, который уже практически выигран, или просто решил покайфовать подольше, наслаждаясь беспомощностью противника? А может быть, Леннокс задумал не просто победить Рахмана, а сделать это красиво, эффектно, как тот расправился с ним самим полгода назад? Если так, то до конца третьего раунда ему это не удастся. Строго говоря, он не очень к этому и стремится.

Четвертый раунд. Опять все то же самое. Дуэль на джебах, которую отнюдь не всухую выигрывает Льюис, и несколько мощных ударов справа. Похоже, что-то назревает, но еще не в этом раунде. Уж слишком британец рассудителен...

И вдруг Льюис проводит ту же комбинацию, которая едва не закончила бой в третьем раунде: левый боковой проходит вскользь, не причиняя особого вреда Рахману, но разворачивает ему голову, а затем туда ложится

струйка крови. Становится немного не по себе: именно так умирают плохие парни в американских боевиках. Но на этот раз, слава богу, никто не умер. Просто нокаут.

Всем ясно, что это нокаут, но Рахман мужественно пытается встать, хотя рефери уже заканчивает счет. Он с трудом отрывает руки и колени от пола, словно к ним привязаны гири, делает несколько заплетающихся шагов на согнутых, почти как для гусиного шага, ногах — и падает снова, уже лицом вперед. Рефери при желании мог бы сосчитать до десяти не один раз.

На все хамские выпады Рахмана, которыми тот полгода наводнял прессу, Льюис после боя ответил только одним, но сделал это по-царски. «Его теперь надо переименовать, — сказал Леннокс. — Он теперь не Хасим, а Has Been (бывший)».

Найджел Коллинз является главным редактором не только журнала «The Ring», но и дочернего издания, в апрельском номере за 2002 год которого выходит редакторская колонка под заголовком «Почему я ошибся». Все ее содержание можно свести к фразе из второго абзаца: «Иногда мы принимаем желаемое за действительное. Так произошло и со мной». Но это не главное послание Льюису. Главное содержится в апрельском номере «The Ring». Там выходит статья под названием «Льюис снова король», с подзаголовком «но в глазах большинства он не будет признан им до тех пор, пока не победит Тайсона».

Шовинизм здесь ни при чем. Это действительно так и есть. На дворе по-прежнему стоит эпоха Тайсона, и если ты не победил его, какой же ты король?

Через пару недель после того, как 28 июня 1997 года он откусил Холифилду кусок уха, Тайсон все-таки решил извиниться. Эвандер, который к тому времени стал относиться к этой истории с юмором, сказал на это: «Ну что было — то было». На вопрос, готов ли он встретиться с Железным Майком в третий раз, Холифилд ответил утвердительно.

Однако пока Атлетическая комиссия штата Невада все никак не могла решить, как же Майка наказать. Для начала Тай-сона оштрафовали на 10 процентов от его гонорара за бой с Холифилдом, что составило 3 миллиона долларов. Хотели оштрафовать больше, но оказалось, что в правилах нет пункта, предусматривающего более жесткое наказание: Правда, дисквалификация оставалась по-прежнему в силе, и таким образом Тайсон остался не у дел, что, возможно, было для него хуже всего. И все-таки ему приходилось не так плохо, как могло бы. Дело в том, что еще в апреле, за два месяца до злосчастного боя с Холифилдом, Тайсон женился на красивой и умной женщине по имени Моника Тернер, уважаемом враче-педиатре, и она подобрала какие-то ключи к его натуре. Железному Майку очень давило на психику одно обстоятельство: постепенно выяснялось, что скоро с него дисквалификацию не снимут. Никто не хотел отлучать его от бокса, но просто не видели возможности этого не сделать: Америка — страна, где соблюдают приличия, что бы об этом ни думали у нас, а Тайсон их нарушил. Значит, он должен был быть наказан. И его наказали.

29 октября 1997 года Тайсон на мотоцикле наехал на горку песка, таким, по крайней мере, было официальное объяснение, и его мотоцикл вместе с ним сполз с шоссе в кювет. Майк сломал ребро и травмировал легкие.

После этого на какое-то время неприятности оставили Тай-сона в покое, а потом наступило время открытий. Видимо, Майк получил уведомление из банка или сам решил, скорее всего с подачи жены, проверить свои счета. То, что он там обнаружил, потрясло его до глубины души. Он не обнаружил ничего, кроме долга в 20 миллионов. Под имя Тайсона давали большой кредит. А как было не дать, когда только с 1995 по 1997 год он заработал около 140 миллионов долларов?

Даже учитывая феноменальное мотовство Железного Майка, невозможно было объяснить, куда делась львиная доля этих денег. За 33 месяца после своего освобождения из тюрьмы Тайсон заплатил налогов на 32,4 миллиона долларов, накупил машин на 4 с половиной миллиона (пятнадцать женщин и двое мужчин получили от него в подарок автомобили), потратил более 400 тысяч на голубей и домашних животных, устроил себе празднование дня рождения в 1996 году более чем на 400 тысяч, ежемесячно тратил в среднем более 236 тысяч на бытовые нужды и еще около 95 тысяч на одежду и драгоценности, много тратил на уже имевшуюся у него недвижимость — только на обработку лужаек вокруг трех его домов ушло более 300 тысяч долларов... И все же точный подсчет показывает, что его безумные заработки должны были с лихвой покрыть эти безумные же траты. Но не покрыли.

Майк, похоже, только теперь узнал, что, оказывается, он отдавал 50 процентов своих заработков совершенно официально. 30 получал Дон Кинг, и еще по 10 — его подставные менеджеры Джон Хорн и Рори Холлоуей. Когда-то в детстве, если это можно назвать детством, Тайсон был потрясающим карманником и умел во время дружеской беседы обобрать кого угодно, но Дон Кинг показал такой класс, который и не снился злобному, но наивному пареньку из Браунзвилла. Дон обчистил его карманы, даже не притронувшись к ним. Майк все отдал ему сам.

После того как он со всем худо-бедно разобрался, Тайсон, как утверждают, при встрече дал Дону Кингу мощный пинок под зад, но никакой официальной информации на этот счет не было. Впрочем, какая может быть официальная информация о пинке под зад?

5 марта 1998 года Тайсон подал на Кинга иск в суд на сумму в 112 миллионов долларов, а еще через четыре дня — на Хорна и Холлоуея. Кинг выдержал уже более 100 процессов — и все либо выиграл, либо отделался уплатой небольших для себя сумм, и он в ответ подал на Тайсона встречный иск на 113 миллионов. По этому поводу Майк мрачно пошутил: «Кажется, я недостаточно быстро отдавал им свои деньги». Решений по этим делам к 2003 году не было.

А через несколько лет Тайсону довелось испытать настоящий шок: он обнаружил, что Кас Д'Амато оставил для

существование этого счета. «Значит, Кас знал, что когда-нибудь я останусь без денег! — все повторял он тогда. — Значит, он знал это наперед».

Старый, мудрый Кас. Конечно, он все знал. Знал он и то, что его приемному сыну не уйти от Дона Кинга и его загребуших рук.

На выручку, отнюдь не бескорыстно, Тайсону пришел телевизионный канал «Showtime», по которому транслировались его бои. Он взял на себя его долги, которые Железный Майк стал выплачивать со своих гонораров за бои. Как именно это происходит, никогда не разглашалось. Судя по тому, как свободно он продолжает тратить деньги, руководство «Showtime» рассчитывает на долгое сотрудничество, а возможно, просто полагает, что как должника Тайсона легче будет держать в руках, и потому не слишком ограничивает его в тратах.

Незадолго до того как Тайсон разобрался в своем финансовом положении, он как-то сказал: «Наверно, здесь есть что-то мрачное и нездоровое, но мне часто кажется, что моя жизнь и жизнь Санни Листона — одна и та же жизнь. Я думаю, он хотел, чтобы люди уважали и любили его, а это так и не произошло. Понимаете, что я хочу сказать? — А потом добавил: — Всю мою жизнь мною пользовались. Меня оскорбляли. Меня лишали человеческого облика. Меня унижали. И меня предавали».

Любопытно, что две главные и такие разные фигуры массовой культуры последних полутора десятков лет прошлого века, Майк Тайсон и покойная принцесса Диана, страдали от психического недуга, который в английском языке имеет очень точное название — victimhood (от victim — жертва) — ощущение себя жертвой. И Тайсон был в этой жизни далеко не только жертвой, и Диана отнюдь не святой, но так они себя ощущали.

И здесь даже не очень важно, правы они были на 97,54,28 или только на 2,5 процента. В ощущениях человека вообще мало правоты. Для них оказалось важно, что так они себя чувствовали, и это причиняло им боль. Так что Бог им судья.

Тем временем медленно тянулось и дело о прощении Тайсона. Его лишили лицензии 9 июля 1997 года, и ровно через год он имел право подать апелляцию. Тайсон чуть-чуть задержался с этим, так как тогда у него заканчивалось судебное разбирательство с бывшим тренером Кевином Руни. Тайсон дело проиграл, и суд приговорил его к выплате Руни 4,4 миллиона долларов. Однако уже в конце июля 1998 года Майк подал апелляцию на возвращение ему боксерской лицензии, только по не совсем понятным причинам сделал это не в штате Невада, где он оскандалился, а в Нью-Джерси.

29 июля Тайсон пришел на заседание правления Атлетического управления штата Нью-Джерси. Визит был однозначно странным. Тайсон пробыл там всего 35 минут, в течение которых настроение у него резко сменилось. Сначала он, сглатывая слезы (это не фигура речи), извинялся за то, что покусал Холи-филда. Однако, когда ему стали задавать вопросы об этом инциденте, он с невероятной скоростью распалился и начал выкрикивать оскорбления.

Видимо не рассчитывая теперь получить прощение, 13 августа Тайсон неожиданно отозвал свое заявление. Вскоре по этому поводу была опубликована карикатура, на которой вскочивший на стол Тайсон тряс, схватив за грудки, пожилого члена комиссии и орал ему: «Я не представляю опасности и не склонен к внезапному насилию! Понял, чмо?»

Команда Тайсона решила возобновить процесс получения лицензии в штате Невада. Представителей местной Атлетической комиссии не смутило только что опубликованное интервью в журнале «Плейбой», где содержались, например, такие перлы: «Я знаю, что в один прекрасный день я взорвусь. Я сейчас очень зол. Очень, очень зол!» По этому поводу психолог Роберт Батеруорт сказал: «Если он сам говорит, что это с ним произойдет, то мы будем просто идиотами, если не прислушаемся к нему». Другой известный врач, Тони Леонетти, в этой связи сказал, что такие речи Тайсона, в сущности, крик о помощи и что ему требуется продолжить психическое обследование.

В то же время Майк, как всегда, продолжал ощущать себя жертвой и в том же интервью журналу в частности сказал: «Я думаю, что со мной произойдет самое худшее. Я думаю, что в один прекрасный день кто-нибудь пулей вышибет мне мозги».

Не смутили комиссию и два последних на тот момент инцидента из жизни Железного Майка. 9 марта 1998 года две девушки, Шерри Коул и Шевель Баттс, подали на Тайсона иск на 22 миллиона. Девушки утверждали, что Тайсон приставал к одной из них, а когда получил отказ, оскорбил словом и действием. Сумма иска не могла не вызвать улыбку, и Железного Майка лишний раз обозвали «серийным щипателем задниц». На этом в общем-то все и закончилось.

А вот эпизод, произошедший 31 августа в городе Геттисберг, штат Мэриленд, хоть и не напугал представителей Атлетической комиссии штата Невада, но в конечном счете имел серьезные последствия для Тайсона. Это был копеечный дорожный инцидент, в ходе которого то ли машина Тайсона, за рулем которой была его жена Моника, разворачиваясь, въехала задом в машину человека по имени Ричард Хардик, то ли, наоборот, машина Хардика врезалась в машину Тайсона. Собственно, было два столкновения, но стороны не пришли к единому выводу относительно того, кто кого пихнул первым.

После этого Тайсон вышел из машины и ударил 50-летнего Хардика ногой в пах. В конфликте принял участие и водитель еще одной машины, 62-летний Абальмиек Сауседо, которого Железный Майк ударил кулаком в лицо. Положение спасли телохранители, которых главным образом и держали на такой случай. Они общими усилиями скрутили своего босса и не дали ему совершить более тяжкое преступление. Тем не менее через несколько дней Хардик и Сауседо подали на Тайсона в суд. Железный Майк вскоре нашел у себя в кошельке доводы, для того чтобы они в скором времени отзывали свои иски, но суд настоял, что рассмотрит это дело до конца.

известно, что Тайсон в разное время крепко поскандалил с двумя врачами, а одному из них еще и чем-то пригрозил. В бесподобной юридической формулировке это звучало «выразил желание причинить боль». После этого один из членов комиссии, доктор Дэвид Медофф, написал, что ему Тайсон никак не угрожал и не было такого момента, когда при общении с ним он чувствовал себя в опасности. Все это разительно напоминает медицинскую комиссию в советском военкомате, которая любому говорила «годен».

Правда, эскулапы признали наличие у Тайсона серьезных проблем с психикой и рекомендовали регулярно принимать психотропные средства и консультироваться с психотерапевтом, но сути дела это не меняло. Прогноз на будущее тоже звучал довольно своеобразно. Доктора не выразили жесткой уверенности, но сказали, что, скорее всего, Тайсон больше не сорвется, как это случилось с ним в бою с Холифилдом. В это время уже было хорошо известно, как несклонный к таким выходкам Тайсон избил двух пожилых водителей. В результате 19 октября 1998 года Атлетическая комиссия штата Невада четырьмя голосами против одного приняла решение вернуть Тайсону боксерскую лицензию.

Более честные и независимые специалисты из Нью-Джерси не забыли поведения Тайсона. Доктор Рональд Камм, проработавший со спортсменами 25 лет, сказал: «Его поведение крайне нестабильно. Мы это знаем из того, как он повел себя в Геттисберге во время дорожного инцидента и здесь, в Нью-Джерси, во время заседания Атлетической комиссии».

В общем и целом решение Атлетической комиссии штата Невада можно сравнить с ситуацией после боксерского поединка, когда весь зал и вся телеаудитория считают безусловным победителем одного бойца, а судьи — другого, и только их решение в конечном счете имеет силу. Но здесь есть одна существенная разница — почти все, кто не поверил комиссии, жаждали, чтобы она вынесла именно такое решение, потому что они хотели видеть Тайсона на ринге. Очень хотели. И речь здесь идет не о том узком круге лиц, который зарабатывал деньги на выступлениях Тайсона, а о самом что ни на есть широком круге зрителей во всем мире.

Окончательно Тайсон вернулся на ринг 16 января 1999 года в Лас-Вегасе, когда состоялся его бой с южноафриканцем Франсом Ботой. Если кто-то еще сомневался в необоснованности решения Атлетической комиссии штата Невада, то Тайсон сделал все от него зависящее, чтобы как можно скорее убедить их в этом. Словно стараясь доказать врачам комиссии, как они не правы, Тайсон сорвался уже в первом раунде.

На самых последних секундах раунда Тайсон зажал руку Боты под мышкой, пользуясь тем, что перчатка не давала Франсу выдернуть ее оттуда, а стал бить его по голове свободной рукой. Одновременно он распрямил зажатую руку Боты в локте и стал сгибать ее «против хода», уперев свое запястье во внешнюю сторону локтя южноафриканца. Точно так же, как он попытался сделать это с Холифилдом во втором бою до того, как принялся за его ухо. Бота закричал, и, воспользовавшись тем, что уже прозвучал гонг, секунданты Тайсона в полном составе и кто-то из службы безопасности вылетели на ринг и оттащили своего бойца, как разъяренного пса во время собачьих боев. Создалось впечатление, что они были готовы к чему-то подобному в любой момент. Когда в перерыве рефери Ричард Стал пришел в угол к Тайсону, чтобы сделать ему внушение, слушали его в основном секунданты, а Майк сидел с отсутствующим видом.

После боя Бота заявил, что Тайсон хотел сломать ему руку. Когда Железному Майку передали эти слова, он сказал: «Совершенно верно». Видимо, все дело в том, что у него не получилось сломать соперника ни физически, ни психологически, Бота, боксер весьма средний, но опытный и смелый, без особого труда выдержал первый натиск Тайсона и стал набирать очки. Силы в его ударах было немного, но попадал он гораздо чаще Железного Майка. При этом Франс отнюдь не прыгнул выше головы. Он явно хорошо изучил бои Холифилда с Тайсоном и лишь повторял действия Эвандера, то есть наносил один-два удара с дистанции, пользуясь преимуществом в росте, и клинчевал. Здесь-то хрупкая психика Тайсона дала сбой. В мозгу что-то «коротнуло», и он потерял контроль над собой.

Во втором раунде Тайсон снова ринулся в атаку, которая для любого боксера, кроме двух-трех, еще пару лет назад закончилась бы нокаутом, но это был уже не прежний Железный Майк. Он мазал, а когда не мазал, удар приходился вскользь. Франс ни разу не был всерьез потрясен его атаками. Это была последняя вспышка, последняя попытка стать собой настоящим, которую предпринял Тайсон в тот вечер. Из первых четырех раундов он проиграл как минимум три, а может, и все четыре.

В пятом раунде произошло то, что почти всегда происходит со средними бойцами, когда они вдруг начинают бить вчерашних звезд: Бота зарвался. Как рассказывали оба после боя, он все время спрашивал Тайсона: «Это все, что ты можешь?» Нет, не все. Когда Бота пошел в атаку, Майк встретил его великолепным правым кроссом, которым и поставил точку в этом бою. Нокаут. Бота не должен был забывать, с кем имеет дело.

Все, что произошло в пятом раунде, не было случайностью. Более того, этого не могло не произойти. Бота — боксер простой — делал все время одно и то же. Тайсон «просчитал» его, скорее даже на уровне инстинкта, чем мысли, и сделал то, что было нужно.

Публика ревела от восторга на протяжении почти всего боя, а при виде нокаута просто зашлась. Ее любимая бешеная игрушка вернулась. Врачи из Атлетической комиссии штата Невада знали, что делали, когда давали добро на возврат Тайсону лицензии. Правда, интерес к матчу был все-таки несколько меньшим, чем ожидали, но ненамного. А потом произошла еще одна драма.

5 февраля 1999 года. Судья читает приговор. Подсудимый отрешенно смотрит перед собой. Заплаканная жена пытается прорваться к осужденному, на которого через несколько минут наденут наручники. Картина столь же печальная, сколь и обычная для всех стран и континентов.

Дело об избииении двух автомобилистов все-таки довели до конца, и Тайсона приговорили к двум годам тюремного заключения, из которых один он должен был отсидеть, а второй ему дали условно. Но все эти сроки можно скостить в несколько раз за счет «примерного поведения».

Намеренно замалчивая роль телохранителей, адвокаты Тайсона неловко попытались доказать, что, раз Майк не искалечил двух немолодых мужчин, значит, он бил не слишком сильно. Если бы Железный Майк жил в нашей стране, ему бы, наверно, поставили в заслугу и то, что он не заставил пожилого, небогатого человека (один из избитых автомобилистов, Абаль-миек Сауседо, был по профессии медбратом) продавать квартиру за царапину на своей машине. Но в Америке такое великодушие не ценят. Обвинитель Даглас Гэнслер назвал Тайсона «бомбой с часовым механизмом, лежащей у нас в саду». Майку припомнили все то же интервью журналу «Плейбой», в котором он назвал себя «отвратительным человеком» и обещал обязательно взорваться. Многим тогда показалось, что карьера Тайсона на этом и закончится. Стрейший историк бокса Берт Шу-гар сказал тогда о Железном Майке: «Его лучшие дни остались так далеко позади, что их можно увидеть только в зеркало заднего вида». Шугар был, конечно, прав, но дело в том, что интерес и к худшим дням Тайсона был по-прежнему большим, чем к лучшим дням кого угодно другого.

Тайсон отсидел всего три с половиной месяца и 24 мая 1999 года был отпущен за примерное поведение, которое включало в себя разбивание тюремного телевизора о решетку. У каждого свое представление о том, что такое примерное поведение. На тюремных харчах Майка разнесло до 130 килограммов, и ему потребовалось довольно много времени, чтобы прийти в форму.

На этот раз соперника Железному Майку искали долго. Одно из спортивных изданий опубликовало летом 1999 года якобы от имени Тайсона такое объявление: «Требуется тяжеловес, не умеющий бить. Должен падать по приказу. Должен быть готов работать за минимальную плату. Должен быть в очень плохой форме. Хорошие уши не требуются».

Такой тяжеловес нашелся. Собственно, он не был даже настоящим тяжеловесом. Орлин Норрис провел лучшие свои годы в первом тяжелом весе и недолго был чемпионом мира, но даже в той весовой категории он считался «небьющим». К тому же ростом он был еще ниже Тайсона. Раньше Железный Майк таких не брал даже в спарринг-партнеры, но времена изменились.

Перед боем Тайсон, как всегда, страдал от резких перепадов настроения. Корреспонденту «Лос-Анджелес тайме» не повезло (или, наоборот, повезло?) застать его в очень плохом, и окончательно он его испортил Майку тем, что спросил, не пустит ли он в ход зубы во время встречи с Орлином Норрисом. Тайсон в ответ выдал довольно типичную для себя тираду: «Я сделаю это снова, если бой будет проходить как в прошлый раз. Я вижу мир таким, какой он есть. Я не плакса и не нытик. Но меня все отказываются слушать. Никто и никогда не испытывает ко мне ни симпатии, ни жалости, и я плачу им тем, что даю сдачи. Никто за меня драться не будет. Я сам должен себя защищать. Человек имеет право себя защищать, а я никогда в жизни не пасовал».

Но так было не все время. На одну из последних тренировок Тайсона перед боем с Норрисом пригласили журналистов, и многим тогда показалось, что он отдаленно напоминает себя прежнего, правда, только напоминает. Тайсон и сам это признавал. «Хотел бы я быть таким бойцом, каким, как говорят, я когда-то был», — сказал он. Вообще на этот раз он произвел благоприятное впечатление на гостей. Репортерам удалось увидеть то, чего они не видели давно: улыбающегося Тайсона, который к тому же не лез за словом в карман. Когда один из них спросил, почему он так некрасиво вел себя в последнее время, Майк ответил: «У меня отобрали все средства к существованию. Если бы у тебя отобрали твою журналистику, ты бы, наверно, сидел дома и кропал какие-нибудь садистские историйки». Тайсону заплотировали, а он засиял, как блин на сковородке. Его ответ так понравился представителям прессы, что они даже позабыли спросить, кто и когда отбирал у него средства к существованию.

Журналисты написали несколько довольно теплых статей о Майке. Возможно, благодаря им обстановка непосредственно перед боем сложилась довольно благодушная, и все надеялись, что на этот раз обойдется без скандала. Надежды, как известно, питают не только юношей, но и старцев. Не надеялся только будущий соперник, Орлин Норрис. Незадолго перед боем он сказал одному журналисту. «Я не думаю, что Тайсон попытается сломать мне руку или укусить. Я ожидаю чего-то другого». «Чего-то столь же грязного?» — спросил журналист. «Да», — ответил Норрис, улыбаясь.

Бой состоялся 23 октября 1999 года в Лас-Вегасе. На первой же минуте боя стало ясно, что шансов на победу у Норриса нет, зато есть все шансы дать Майку возможность выиграть красиво, но не слишком легко. В общем, как раз то, что требовалось в тот момент. До конца раунда оставались считанные секунды, когда противники вдруг сцепились в клинче. Рефери Ричард Стал, стоявший чуть в стороне, пошел их разнимать, когда раздался гонг. Он успел подойти и просунуть руку между боксерами, когда Тайсон, освободившись от захвата, нанес короткий левый боковой, после которого Норрис свалился так, как будто из-под него выдернули его собственные ноги. При этом, падая, он неловко подогнул колено. Рефери разозлился на Тайсона и сказал ему что-то резкое, потом направился в его угол и сказал, что снимает с Майка два очка. Орлин тем временем встал и легкой походкой направился в свой угол.

Минута перерыва истекла. Тайсон направился к центру ринга, а Норрис почему-то остался сидеть в своем углу, безучастно глядя по сторонам. В принципе Тайсон находился на милости Норриса, так как в случае его невыхода на второй раунд, судьи должны были бы дисквалифицировать Майка. Норрис и не вышел. К нему подошел врач, который, посветив ему фонариком в глаза, затем почему-то сосредоточил все внимание на его ноге. Чуть позже оказалось, что, падая, Норрис очень неудачно подвернул колено и сейчас не мог даже встать. Однако Тайсон в травму

Обстановка все больше нагнеталась, и в ожидании беспорядков к рингу направились здоровенные секьюрити, из которых можно было бы набрать роту почетного караула. К счастью, опасения не подтвердились. Наконец судьи собрались с духом и вынесли свое решение. No contest, то есть бой как бы объявили несостоявшимся.

После боя у Железного Майка оказалось на удивление мало защитников. Лэрри Мерчент, выразив общее мнение, спросил исполнительного директора Атлетической комиссии штата Невада Марка Ратнера: когда же чиновники от бокса начнут относиться к Тайсону так же, как к любому другому боксеру? Действительно, любого другого в такой ситуации просто бы дисквалифицировали, не вдаваясь в подробности. Ратнер от ответа уклонился.

Картина возвращения Железного Майка складывалась неважная: два скандальных боя и тюремное заключение между ними. К тому же бои все-таки не вызвали того интереса, которого от них ждали. Лас-Вегас устал от Тайсона с его закидонами, и Майк был объявлен здесь персоной нон грата, то есть ему сказали, что в ближайшее время проводить бои он тут не будет. В ответ на это Тайсон решил больше не проводить бои не только в Неваде, но и вообще в Америке. Не знаю, было ли это решение спонтанным и кому оно вообще принадлежало, но, как показали дальнейшие события, это был по-настоящему мудрый шаг.

В следующий раз Майк всплыл в Англии в январе 2000 года. Время выбрано оптимально для того, чтобы показать всем и каждому, кто в боксе хозяин, хотя вряд ли это было целью Тайсона. Леннокс Льюис всего два месяца назад стал абсолютным чемпионом мира, а на его родине Тайсона встречали как национального героя. Старшее поколение журналистов тут же написало, что ничего подобного не видело со времен «Битлз». Признание, которого Льюис долго добивался, но так и не добился, теперь падало на голову Железного Майка даром, как манна небесная. Тайсон совершенно разомлел и стал говорить каждому репортеру, что, если бы мог, навсегда бы остался в Великобритании, а не жил в этой грубой и враждебной по отношению к нему Америке, где его травят как собаку.

Тем временем встречное движение нарастало и в США. Вся страна от океана до океана и от Аляски до Флориды отчаянно заскучала по нему и даже приревновала к Великобритании, как брошенная подруга. Другому в США никогда бы не простили таких слов в адрес звезднополосатой родины, но вместо этого здесь, изнемогая от тоски по своей любимой игрушке, стали проклинать чистоплюев из Атлетической комиссии штата Невада, которые запретили Тайсону проводить бои в Лас-Вегасе, а Тайсону сказали что-то вроде: «Вернись, я все прощу». Итог этим настроениям подвел известный комментатор телеканала ESPN Тим Грэм: «У меня остался только один вопрос: «Майк, когда же ты вернешься?»»

Строго говоря, Тайсон приехал в Англию драться, но об этом почти забыли. 29 января он должен был встретиться в Манчестере с местным боксером Джулиусом Фрэнсисом, о котором в Америке не знали ничего, а в Великобритании почти ничего. По крайней мере, широкая публика. Если бы Льюис когда бы то ни было выбрал себе такого противника, его смешили бы с грязью и американцы, и соотечественники, а Тайсону можно все. Более того, за бой с боксером, который вряд ли входил в первую пятидесятку тяжеловесов, он должен был получить 12 миллионов долларов, то есть на 3 миллиона меньше, чем Льюис и Холифилд получили за бой друг с другом. Как говорят в рекламе, почувствуйте разницу. Организовавший матч британский промоутер Фрэнк Уоррен сокрушался, что не решился провести его на каком-нибудь стотысячном футбольном стадионе, но даже он не мог представить себе масштаб истерии, которой Железный Майк был окружен в Великобритании.

В свою очередь Фрэнсис просто жаждал быть избитым. За поражение он должен был получить около полумиллиона долларов, что было ненамного меньше его суммарного гонорара за все его 28 профессиональных боев, проведенных ранее. Фрэнсис оказался дошлым малым и без устали предлагал себя различным компаниям в рекламных целях. За 20 тысяч фунтов он разместил рекламу газеты «Daily Mirror» на подошвах своих боксерок, а за несколько дней до боя то ли в шутку, то ли всерьез предлагал разместить какую-нибудь рекламу и на своей макушке.

В Англии была только одна группа недовольных приездом Тайсона — местные феминистки. Тайсон в ответ походя обозвал их «разочарованными женщинами, которые хотят быть мужиками», что местное мужское население, внешне соблюдающее нормы политкорректное™, встретило дружным гыгыка-ньем: Тайсон сказал то, что они сказать не посмели.

В этой благодатной обстановке Железного Майка, как обычно, потянуло в магазин, но не за бутылкой, а за дорогими игрушками. После долгих жалоб всем в Великобритании на то, как много он всем кругом должен, Майк выложил 1 миллион за формулический болид «Макларен» и 1,6 миллиона за бриллиантовый набор, из тех, которые в Англии держат специально для арабских нефтяных королей и особенно их деток-мажоров. Он состоял из часов, о которых даже нельзя было сказать, что они «усыпаны бриллиантами», так как казалось, что они просто из бриллиантов сделаны, толстого, как унитазная цепь, бриллиантового браслета, и еще более толстого бриллиантового ошейника, который язык не поворачивался назвать ожерельем.

Самым незначительным эпизодом в набеге Тайсона на Альбион был его бой с Джулиусом Фрэнсисом. Первые две минуты первого раунда Джулиус честно посопровивлялся, а на третьей произошло то, чего с нетерпением ожидало руководство газеты «Daily Mirror»: после короткой трехударной серии Фрэнсис оказался на полу и встал только на счет «девять», возможно отрабатывая рекламное время. До конца раунда он успел побывать в нокдауне еще раз и поднялся уже после гонга. Не было никаких сомнений, что второй раунд станет последним в этом бою. Он и стал. Трех нокдаунов за одну минуту хватило и Фрэнсису, и рефери, который остановил встречу, даже не открывая счет, после того как британец в пятый раз рухнул на пол и показал свои подошвы всему миру. По-моему, «Daily Mirror» следовало бы выплатить ему надбавку за такой ударный и самоотверженный труд.

Свой следующий бой Тайсон снова провел в Великобритании, и снова повеселился от души. Это произошло в июне 2000 года. Но если его предыдущий визит носил подчеркнуто мирный характер, то второй прошел в лучших традициях.

Началось все с драки с промоутером Фрэнком Уорреном. О результатах поединка британские таблоиды писали, что Тайсон своротил Уоррену скулу, сломал три ребра и угрожал выбросить его из окна седьмого этажа. Уоррен не пришел на пресс-конференцию, состоявшуюся в Глазго, так как задержался в Лондоне, готовя иски против газет, опубликовавших статьи о его избиении. Позже он появился на матче. Таблоиды, конечно, преувеличили, но, видимо, не наврали все от начала до конца. Вид у Уоррена был на редкость грустный, а один глаз совершенно затек кровью.

О содержании конфликта с промоутером известно очень хорошо, и эта информация подтверждена документально. Во время своего предыдущего приезда в Великобританию, который, если бы не такое незначительное событие, как бой с Джулиусом Фрэнсисом, можно было бы назвать просто шоп-туром, Железный Майк не заплатил известному лондонскому ювелиру Лоренсу Граффу 630 тысяч долларов за что-то из своего бриллиантового набора. Предположительно он полагал, что заплатить должен Уоррен не то из гонорара за бой, не то из собственного кармана. Почему — загадка. Графф обратился к Уоррену, тот платить отказался. Тогда ювелир подал в суд на Тайсона.

Когда Майк приехал в Англию, Уоррен обратился к нему и... Подробностей поединка мы никогда не узнаем. Мы знаем только о последствиях — Фрэнк Уоррен навсегда отказался вести какие бы то ни было дела с Майком Тайсоном и долгое время даже не любил, когда упоминалось его имя. А еще говорят, что промоутеры ради денег готовы на все. Не на все.

Вообще в тот раз настроение у Тайсона было самое скверное. Из Филадельфии к нему вызвали известного мечмейкера

Берта Уотсона, с которым я немного знаком. Он рассказывал, что до боя ему так толком и не удалось поговорить с Железным Майком, так как все сношения с ним осуществлялись посредством записочек, которые подсовывали под дверь.

24 июня 2000 года на стадионе в шотландском городе Глазго разбушевались сразу два природных катаклизма — чудовищный ливень и Майк Тайсон, сначала один, потом другой. Ливень почти прекратился непосредственно перед выходом Тайсона на ринг. Видимо, стихии просто уважают друг друга. Отсыревшие зрители, сидевшие под дождем все предварительные бои, робко высунули носы из-под клеенок и приготовились смотреть главное действо. Майк Тайсон и его противник, весьма приличный американский тяжеловес Лу Савареze, вышли на ринг. Оба выглядели очень неплохо. Тайсон был совершенно расслаблен, а Савареze по крайней мере не выглядел испуганным.

Ударил гонг. Боксеры сделали всего несколько шагов по рингу, когда Тайсон нанес свой первый удар: довольно безвредный джеб. Но почти тут же за ним последовал чудовищный левый хук на скачке. Он пришелся по защите, то есть на подставленную перчатку, но пробил ее и обрушился на голову Савареze повыше правого виска. Савареze рухнул на настил и еще проехался по нему. Ему, кстати, повезло, что он упал так быстро. В противном случае мощнейшим ударом справа, посланным вдогонку, Тайсон просто оторвал бы ему голову, а так он пролетел над целью.

Было ясно, что бойдля Савареze практически уже закончен, хотя он и поднялся до того, как рефери закончил счет. Тайсон тут же продолжил атаку и обрушил на бедную голову Савареze еще град ударов, самым сильным из которых был опять левый хук, пришедшийся теперь точно в челюсть. Как ни странно, но на этот раз Савареze, хотя практически не оказывал никакого сопротивления, не упал. Рефери принял правильное решение остановить встречу, но не тут-то было. Арбитр как-то бочком влез между сражавшимися боксерами, явно опасаясь за собственную безопасность. Тайсон проигнорировал его телодвижения и продолжил атаку. Зажатый между боксерами, как кусок ветчины между двумя кусками хлеба, рефери робко гнул свою линию, когда запутался у них между ногами. Тайсон в это время наносил очередной удар и внутренней стороной локтя слегка задел потерявшего равновесие рефери, который упал, в отличие от устоявшего на ногах Савареze. Казалось, что Лу слегка очухался, воспользовавшись тем, что судья помешал Тайсо-ну завершить атаку. Однако вскочивший на ноги рефери, к неудовольствию Лу, бой остановил. С момента его начала прошло всего 38 секунд.

На пресс-конференцию ни тот, ни другой не пришли, но сразу после боя Тайсон ответил на несколько вопросов или, скорее, выступил с программным заявлением. «Я самый безжалостный и жестокий чемпион в истории. Я Санни Листон и Джек Дэмпи в одном лице. Никто не может со мной сравниться», — сказал Железный Майк. Когда его спросили о Ленноксе Льюисе, Тайсон сказал, видимо обращаясь к духу Льюиса за неимением его самого: «Я хочу получить твое сердце. Я хочу съесть твоих детей. — После чего последовало несколько неожиданное продолжение. — Я проржавел, — признал Железный Майк, — и пока не готов к встрече с Льюисом. Но когда подготовлюсь, он ничего со мной не сможет сделать. Я его просто уничтожу. Я вырву у него из груди сердце и заставлю его съесть». Кажется, даже у древних ацтеков не было ничего подобного. И последнее по поводу того боя: Британское контрольное боксерское управление оштрафовало Тайсона на 187 500 долларов за то, что он опрокинул рефери. Правда, неизвестно, заплатил ли их Тайсон.

2000 год вышел для Железного Майка боевым. До его окончания он успел провести еще один бой, но на этот раз, хоть Тайсон и одержал полную победу, главным героем стал не он, а его противник. Это при том, что Железный Майк вернулся на родину и впервые после годичного перерыва провел бой в США. И вовсе не потому, что его противник показал в поражении совершенно героический характер. Как раз наоборот. Просто если ты проиграешь каким-нибудь

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЯСНОВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ГОЛОТЫ-2

После своего сокрушительного поражения Ленноксу Льюису в октябре 1997 года Анджей Голота всем рассказывал историю о том, что прямо перед боем ему сделали обезболивающий укол в колено, что якобы и имело такие трагические для него последствия. Мало кто поверил его объяснениям, тем более что в последующих боях он выглядел бледной тенью себя прежнего.

Следующая серьезная возможность заявить о себе представилась Голоте только через два года — 20 ноября 1999 года. За неделю до боя его-давний обидчик Леннокс Льюис, победив Эвандера Холифилда, объединил все три основные версии титула в тяжелом весе в своих руках. Среди молодых тяжеловесов самым вероятным будущим чемпионом считался Майкл Грант, и именно с ним встретился Голота.

Поляк начал бой так, словно у него рожала жена и он не мог особенно задерживаться на ринге. Грант оказался к этому не готов. Вскоре после удара правой Майкл рухнул на пол. Он вскочил и продолжил бой, но практически одновременно с гонгом снова оказался на полу. Возможно, Голоте не хватило нескольких секунд, чтобы нокаутировать его в первом раунде. Однако Грант очухался, и со второго раунда бой принял затяжной характер, хотя Голота медленно, но верно наращивал преимущество в очках. Грант рядом с ним выглядел недоучкой. После девятого раунда отрыв поляка от соперника стал таким, что Гранту для победы был нужен нокаут.

Прошла первая минута десятого раунда, и тут Грант всадил Голоте правый в челюсть. На свою беду, поляк не упал, а попятился в угол, где американец догнал его и провел серию мощ-

ных ударов. Теперь Голота все-таки упал, но встал уже на счет «два». Рефери закончил счет и задал ему дежурный вопрос, который арбитры обычно задают после нокаута: «Ты хочешь продолжить?» Это было чистой формальностью, так как Голота, судя по его виду, мог драться сколько угодно. «Нет», — неожиданно ответил он. Ошарашенный рефери повторил свой вопрос еще несколько раз, но ответ оставался прежним. Тогда арбитр объявил победу Гранта техническим нокаутом.

После боя Голота не сумел вразумительно объяснить, чем был вызван этот внезапный приступ великодушия. Большинство экспертов, среди которых было много бывших и нынешних чемпионов мира, пришли к нелестному для поляка выводу, что за его могучим фасадом скрывается банальный психопат, который ломается под давлением.

Возможность подтвердить или опровергнуть эту точку зрения представилась бывшему хулигану из Влоцлавека 20 октября 2000 года, когда ему предстоял бой с персонажем вроде себя — Майком Тайсоном. Некоторые некровожадные поклонники бокса высказывали тогда мнение, что два таких психа на одном ринге — это перебор, однако значительно большая часть публики ждала зрелища со все возрастающим нетерпением и надеялась увидеть нечто вроде собачьего боя, но в человеческом исполнении. Журналисты гадали, как будут называться их отчеты об этом матче: «Тайсон загрыз Голоту!» или: «Голота отбил Тайсону яйца!» Но реальность превзошла все ожидания, и для следующей главы из хроники, повествующей о безгрешной и полной праведных трудов жизни ясновельможного пана Го-лоты, пришлось придумывать совсем другое название.

Как пан Голота оказался паном Паниковским

Что-то не удалось в тот день в пригороде Детройта Оберн-Хиллз, где Тайсон должен был встретиться с Голотой. В одном из предварительных боев все испортила грубая и, похоже, преднамеренная ошибка рефери. Другой бой не задался с самого начала, но пока оставалась надежда, что хотя бы главный бой вечера не подкачает. Но он подкачал.

После традиционного обмена взглядами в центре ринга Тайсон немедленно перешел к делу. Он попробовал провести ту же атаку, от которой Лу Саварезе в прошлом бою оказался на полу.

Не вышло. Голота был очень осторожен. Временами Анджей несколько пугливо контратаковал, но с каждой секундой выглядел все увереннее. Однако в самом конце раунда Голота проморгал правый кросс Тайсона, очень похожий на тот, которым Майк закончил бой с Ботой, и оказался на полу. Тайсон явно просчитал его, как и незамысловатого Боту, и просто дождался, когда Голота сам выйдет на его удар.

Тем не менее Анджей не был так уж потрясен этим ударом. Падая, а точнее, садясь на пол, Голота подставил обе руки, чтобы смягчить приземление на пятую точку. Как и следовало ожидать, Голота сразу же поднялся и без труда достоял последние секунды раунда. Оставалось только надеяться, что он не капитулирует в перерыве.

Во втором раунде показалось, что при более-менее удачном раскладе у Голоты есть шанс пережить еще несколько раундов, а дальше будет легче: известно, что после шестого раунда Тайсон обычно немного устает. Видимо, на это и делала ставку команда Голоты: продержаться первую половину боя, а во второй перейти в наступление. Два-три раза за раунд Анджей пропускал ощутимые удары, но и сам в долгу не оставался: несколько его собственных ударов справа достигли цели. Тайсон пытался немедленно нокаутировать Голоту и раскрывался. Анджей часто клинчевал. В общем, раунд прошел спокойно, хотя и с приличным преимуществом Тайсона.

За несколько секунд до окончания перерыва между вторым и третьим раундами Голота неожиданно направился к рефери. «Вернись в свой угол», — сказал судья. Но Голота его не слушал. Он только сказал: «Я больше не дерусь». Рефери ничего не понял и решил разъяснить боксеру все более подробно: «Минута еще не прошла. Вернись в свой угол». «Зачем? — ответил Голота. — Я больше не дерусь».

О содержании диалога стало известно позднее, а со стороны действия Анджея казались просто непонятными. Выражение лица у него было какое-то плаксиво-агрессивное. Тренеру Элу Серто удалось увести своего подопечного в угол, где он попытался засунуть Голоте в рот капу, но Анджей сжал челюсти, и эту попытку пришлось оставить.

Больше всего это было похоже на то, как упрямый младенец выплевывает соску, которую уставшая от его ора мамаша пытается запихнуть ему в рот.

Однако на этом представление не закончилось. Голота проявил изрядную агрессивность, отстаивая свое право закончить бой. Он довольно грубо оттолкнул тренера и рефери, которые пытались заставить его продолжить бой, и вылез с ринга. Перед этим Тайсон успел его крепко обругать, и вся публика разделяла гнев разъяренного Железного Майка.

Когда Анджей начал свой бесславный уход с ринга, зал взбесился. Люди, выложившие за билеты от 75 до 2500 долларов, пришли сюда не за таким концом боя. Они вполне справедливо полагали, что человек, который за сегодняшний день должен был заработать 2,2 миллиона долларов, их надул и попросту отлынивает от работы. ВТолоту полетело все подряд, но каким-то образом большая часть пластиковых бутылок и струй с различными жидкостями пролетели мимо. Свое он все же получил. Перед самым выходом с ринга на него вылили пару литров не то томатного сока, не то кетчупа, который эффектными разводами стал стекать с его могучих плеч. Но спасение в виде двери уже было близко.

При виде бегущего с поля боя Голоты как-то само собой всплыло в памяти бессмертное выражение Паниковского «жалкая, ничтожная личность», которое этот убогий соратник Ос-тапа Бендера применял ко всем, кроме себя. У здорового Голоты оказалась душа Паниковского. Для полноты картины ему осталось только украсть гуся.

Последние новости об этом замечательном человеке поступили в декабре 2002 года из Польши. Анджей опять избил какого-то мужика вдвое меньше и почти вдвое старше себя, в результате чего тот заработал сотрясение мозга. Бить людей, у которых против него нет никаких шансов, Голота всегда умел.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЛОХОГО ПАРНЯ-2

Перед боем с Голотой Тайсон заявил журналистам: «Эван-дер Холифилд — отличный парень. Леннокс Льюис — тоже отличный парень. Но они не умеют продавать билеты, а я умею». Спорить с ним никто не решился. Глупо спорить с очевидным. Однако накануне матча стало известно, что не все билеты распроданы, и организаторы даже серьезно снизили цены на них. Самые дорогие билеты продавались теперь не по 2500 долларов, а всего за 1500. Тоже немало, но когда случалось, чтобы на матчи с участием Тайсона снижали цены на билеты? Это все равно что снижать цены на хлеб в голодный год. Такого просто не может быть. Тем более на матч, где его соперником выступает столь же непредсказуемый и грязный боксер.

С телетрансляцией Дела тоже обстояли из рук вон плохо. Ожидали, что бой посмотрит около миллиона абонентов, а получили только 400 тысяч. И это при том, что еще несколько месяцев все так просили Тайсона вернуться в Америку. Ну вот вернулся, и что? Было заведомо ясно, что бой Леннокса Льюиса с Дэвидом Туа, который должен состояться через месяц, будет куда более выгодным с финансовой точки зрения.

Внезапно оказалось, что Америка уже не готова смотреть любой бой с участием Тайсона. Она хотела видеть его на ринге против совершенно определенных людей. В 2000 году это был Леннокс Льюис, а все остальные бои волновали ее постольку-поскольку. Тем не менее Железный Майк очень хорошо смотрелся в этом бою, и это давало надежду его поклонникам, что он сможет победить Льюиса. К тому же на оптимистичный лад настраивало и то, что, хотя скандала в полной мере избежать не удалось, Тайсон не имел к нему отношения. Случившееся само по себе заслуживало внимания. Однако скандал, причем непосредственно связанный с Тайсоном и его участием в этом матче, все-таки разразился. Только несколько позднее.

В бесконечной череде происшествий, которую представляет собой вся жизнь Тайсона, было все, кроме истории с наркотиками. После боя с Голотой пробел ликвидировал сам Тайсон. Теперь коллекцию можно было считать полной.

Все, конечно, равны перед законом, но Тайсон все-таки равнее других. Как позже выяснилось, перед боем с Анджеем Голотой Железный Майк наотрез отказался сдать анализ на допинг. После этого организация со звучным названием Атлетическое контрольное правление штата Мичиган должна была немедленно отменить матч, но она этого почему-то не сделала. Никто не проговорился, утечку информации удалось предотвратить, и бой состоялся. После него Тайсон все-таки согласился сдать требуемый анализ, и в нем обнаружили следы марихуаны. И опять это не предали огласке. Однако к концу 2000 года история все-таки выплыла наружу. В результате 16 января 2001 года бой Тайсон — Голота был признан несостоявшимся (no contest), а самого Железного Майка приговорили к трехмесячной дисквалификации, два из которых к тому моменту уже прошли, штрафу в 5 тысяч долларов и выплате 200 тысяч долларов благотворительным организациям. На том скандал и был исчерпан или, точнее, змят.

Тут же последовали другие. Много других. Собственно, они никогда и не прекращались. Десятки женщин самых разных возрастов подавали иски в суд на то, что Тайсон их изнасиловал, приставал с грязными намерениями или по крайней мере лапал. Это приняло характер эпидемии. Стоило Железному Майку где-нибудь появиться, как со всех сторон раздавались крики: «Насилуют!» Суммы требовали такие, что, если собрать их воедино, они образовали бы бюджет не самого маленького государства. Вот как нынче дорого стоит в Америке женская честь. Правда, доказать в последние годы никому ничего не удалось, но бедный Майк дошел до того, что, когда в баре к нему направилась стриптизерша, специализирующаяся на зажигательных танцах, сидя на коленях у посетителей, Тайсон заорал благам матом: «Не подходи ко мне! Не трогай меня!» После этого девушка подала на Тайсона в суд за то, что он ее толкнул. Ей не повезло. Хозяин бара, сидевший рядом, вместе с остальными свидетелями заявил в суде, что Тайсон ее не толкал. Кончилось дело тем, что танцовщицу уволили.

Однако у Железного Майка хватало и реальных походов налево, которые все больше огорчали его жену Монику, и дело медленно, но верно шло к разводу. Впрочем, похоже, самого Тайсона это не слишком огорчало.

В следующий раз он вышел на ринг только через год после боя с Голотой. Выбор места и противника был совершенно неожиданный. В 2001 году еще очень мало американцев знали о существовании страны под названием Дания, еще меньше было среди них эрудитов, которые слышали о Копенгагене и почти никто ничего не подозревал о существовании тяжеловеса Брай-на Нильсена. Тайсон все эти пробелы ликвидировал, сыграв тем самым серьезную роль в повышении уровня всеамериканского образования и продолжив тем самым уже в XXI веке эпоху великих географических открытий.

Игрушечный Копенгаген Тайсону понравился, как и его соперник, на которого он, правда, почти не мог смотреть без улыбки. Майк, наверно, меньше всего предполагал, что этот здоровенный добродушный толстяк, тщетно пытавшийся придать своему лицу хоть сколько-нибудь грозное выражение, крепко подпортит ему репутацию.

В боксерских кругах Нильсен прославился прежде всего тем, что пытался всеми правдами и неправдами побить рекорд Рок-ки Марчиано — 49 побед в 49 боях. Для этого из года в год ему находили таких противников, чтобы шанс проиграть был минимальным. В результате повторить рекорд Марчиано Нильсену удалось, а вот превзойти — нет. В своем 50-м по счету бою в июне 1999 года Брайн был нокаутирован в десятом раунде неизвестным американцем Диком Раяном. С тех пор соперников Нильсену подбирали еще осторожнее, и больше он не проигрывал. Теперь на его счету было аж 62 победы и то самое поражение от Дика Раяна. Никто не сомневался, что 13 октября 2001 года его послужной список пополнится еще одним поражением.

Железный Майк в этом бою был не толстым, а каким-то оплывшим, что неудивительно, так как он весил килограммов на восемь больше, чем обычно. И все же, когда он в начале первого раунда набросился на бледного викинга, показалось, что он его попросту снесет. Но не тут-то было: Нильсен напоминал тренировочный мешок не только фигурой, но и своей устойчивостью, и сбить его с ног оказалось не проще, чем сбить мешок с крюка, на котором он подвешен. Кроме того, Тайсон много и успешно атаковал по корпусу, но Брайн показал завидную нечувствительность к этим атакам. Если пули вязнут в бронежилете, то удары Железного Майка безнадежно увязали в жире-жилете Нильсена, а голова от ударов только гудела, как котел. Гул от ударов был слышен только самому датчанину. И все-таки в третьем раунде Тайсон сумел послать его на пол, но Брайн продолжил бой.

Перед боем Нильсен обещал нокаутировать Тайсона, но, по всей видимости, думал, что ему разрешат выйти на ринг с пивной кружкой, которой он и огреет Железного Майка по кумпо-лу, так как иначе непонятно, на что он рассчитывал: у него просто не было в арсенале сколько-нибудь сильного удара, а большое количество нокаутов в послужном списке говорило только о качестве его противников.

Все же никакой мешок не мог выдержать той бомбардировки, которой подверг Нильсена Майк. После шестого раунда он не стал выходить из своего угла: и мешок может запросить о пощаде.

Большинство экспертов раскритиковало выступление Тайсона: и толстый, и медленный, и все растерял — в общем, заржавел наш Железный Майк. Действительно заржавел, но ведь ржавчину можно и счистить. Перед этим боем Тайсон не выходил на ринг более года. Он явно не изнурил себя тренировками, так как ни во что не ставил своего будущего соперника. Неважно Железный Майк выглядел и в январе 1999 года против Франса Боты, такого же смелого, безударного мешка, как и Нильсен, разве что чуть более обученного. А потом были бои с Саварезе и Голотой.

Бросилась в глаза еще одна деталь. Датские болельщики встретили Тайсона, нацепив на головы огромные пластиковые уши, однако Майк прекрасно владел собой. Единственное серьезное нарушение он допустил в третьем раунде, уже после того, как Нильсен встал с пола, ударив его ниже пояса. Впрочем, и это нарушение было достаточно сомнительным. Тайсон ударил точно в резинку трусов, другое дело, что означенные трусы слегка съехали с глобусообразного живота датчанина, но тут Майк был не виноват.

Всегда честный, Тайсон признал, что несколько растерял форму и вообще, для того чтобы снова драться за чемпионский титул, ему нужно провести еще пару боев.

Резким диссонансом с общим вердиктом по поводу выступления Тайсона прозвучали слова Эммануэля Стюарда, тренера тогда еще будущего чемпиона мира в тяжелом весе Леннокса Льюиса, который сказал, что в бою против Нильсена Тайсон смотрелся хорошо. Однако в то время это поняли как то, что Стюард просто пытается выманить Тайсона на бой с Льюисом, которому всего через месяц, 17 ноября, предстоял матч-реванш с Хасимом Рахманом. Что Льюис победит Рахмана, Стюард, как он потом признавал, не сомневался, а самым лучшим и, строго говоря, единственным соперником, на встрече с которым можно было заработать хорошие деньги, был Тайсон.

Бой с Нильсеном собрал неплохую, но все же достаточно умеренную кассу, и стало наконец окончательно ясно, что публика уже не готова обеспечить Железному Майку минимальный, по его понятиям, десятиллионный гонорар за бой с кем угодно. Все хотели его боя с Ленноксом Льюисом, независимо от того, считает он себя к нему готовым или нет. Кстати, на одну из последних людоедских тирад Тайсона в свой адрес Льюис бросил: «Ты либо дерись, либо заткнись». Публика и Льюис не оставили Железному Майку выбора. Он должен был драться с Ленноксом, хотя явно не очень этого хотел. И бой состоялся, правда, не 6 апреля 2002 года, как было предварительно намечено, а несколько позже, и до него произошло еще много чего интересного.

Новый, 2002 год Железный Майк начал со скандала, причем прямо 1 января, показав, что он остался все тем же степным орлом и лихим казаком, каким был всю жизнь. На этот раз Тайсон умудрился наскандалить там, где

медленно меняться лишь в последние годы, но и теперь американцам съездить на Кубу почти так же легко, как лет 20 назад рядовому советскому гражданину, не имеющему отношения к органам опасности и безопасности, попасть в Америку.

Однако для Тайсона сделали исключение, и в новогоднюю ночь он оказался в Гаване, в отеле «Мелиа Хабана». Разумеется, местная пресса и аккредитованные на Кубе иностранные журналисты, которых престарелый местный эксцентрик Фидель Кастро радуется уже не так часто, как в былые годы, не могли пропустить такое событие и слетелись на Железного Майка как мухи на мед. Тайсон оправдал все ожидания.

Видимо, он надеялся, что уж на Кубе-то его оставят в покое. Сплетники поговаривали даже, что, как и почти все остальные заехавшие на Остров (сексуальной) свободы туристы мужеска пола, он рассчитывал насладиться обществом крайне стоворчивых местных комсомолок, а то в Америке он не мог уже подойти к женщине, без того чтобы она не вчинила ему иск миллионов на 20 за попытку изнасилования и за поругание ее женского достоинства.

Однако представители второй древнейшей профессии не желали делить своего кормильца ни с кем, даже, вопреки субординации, с представительницами первой. Из-за них шоколадным крутобедрым комсомолкам так ничего ни от Тайсона, ни от его денег не досталось.

Небольшая группа репортеров направилась к Майку, едва увидела его в холле отеля. В ответ он стал швырять в них елочными игрушками, корзина с которыми как раз стояла здесь в честь праздника. Тем не менее одному из журналистов удалось под обстрелом добраться до тела Железного Майка, и в результате он получил несильный удар в затылок. Судя по локализации повреждения, в последнюю секунду журналист пожалел о своей прыти и собирался обратиться в бегство, но Тайсон, в точности соблюдая устав караульной службы, «открыл огонь» по обратившемуся в бегство противнику, пытавшемуся нарушить неприкосновенность объекта, — то есть в данном случае, его самого.

На рассвете 2 января 2002 года Железный Майк покинул Кубу даже более спешно, чем американские десантники в 1961 -м. Тогда высказывались серьезные опасения, что эта история может привести к отсрочке боя с Ленноксом Льюисом, которого Тайсон явно не хотел, но скоро все затихло. И все-таки бой был отсрочен, но только в результате следующего скандала, о котором чуть позже.

Кстати, перед самым Новым годом королева Великобритании чуть было опять не возвела Льюиса в рыцарский сан, но, видимо в очередной раз вспомнив о том, что олимпийское золото в 1988 году он выиграл, выступая за Канаду, ограничилась лишь присвоением звания командора ордена Британской империи. Однако, пусть лишь командор, Льюис уже два года как настоящий рыцарь самым благородным образом вызывал Тай-сона на бой. В Средние века трубодуры спели бы об этом примерно так: рыцарь Леннокс подъезжает к замку дракона Тайсона и предлагает сразиться. На этом сходство и заканчивается. Настоящие драконы никогда не заставляли просить себя дважды и, пару раз поплевав в рыцаря пламенем и увидев, что он не убоился, выходили за стены только для того, чтобы быть убитыми во славу какой-нибудь прекрасной дамы. Рыцарь Леннокс стоял под стенами замка дракона Тайсона уже третий год, а тот по-прежнему только плевал пламенем и ругался. Наступало время заняться делом, а то покоренные жители крепости, в которой засел дракон Тайсон, то есть зрители, могли перестать платить ему дань в виде билетов на бои и оплаты услуг кабельного телевидения, по которому бои транслировались, и просто выкинули бы его к чертям собачьим на помойку. Несчастному дракону осталось бы только поджигать ее своим адским пламенем.

После того как Тайсон закидал журналистов елочными игрушками в Гаване, он, видимо, чувствовал себя неловко. Такое мог устроить и трехлетний ребенок за новогодним столом, который по недосмотру родителей потихоньку наклюкался из чужой рюмки. В этой акции не было подлинного тайсоновского размаха. Железный Майк решил реабилитироваться в глазах общественности.

22 января 2002 года в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция, посвященная бою Тайсона с чемпионом мира по версиям WBC и IBF Ленноксом Льюисом, который предполагали провести 6 апреля в Лас-Вегасе. В самом начале Железного Майка представили публике, но, как показали дальнейшие события, у него, видимо, остались сомнения в том, что публика осознала, кто именно стоит перед ней. После Тайсона, согласно регламенту, начали представлять Льюиса. В этот момент Майк сорвался с места и направился к нему. Один из телохранителей чемпиона попытался преградить ему дорогу, на что Тайсон ответил ударом слева. В дело с необычайной прытью, показавшей, что он многому научился со времен не слишком удачной стычки с Рахманом, вмешался Льюис и нанес Майку правый кросс, от которого тот слегка просел. Продолжить им не дали. В ту же секунду множество людей навалилось на них со всех сторон — и образовалась свалка, в которой приняли участие уже не только боксеры, но и все, кто был поблизости.

Когда главных участников паркетного побоища удалось растащить, зрители увидели на лице Тайсона явные следы битвы. Рядом с левым виском у него вздулась неплохая шишка, а на лбу кровоточила небольшая ранка. Похоже, Льюис действительно попал в цель. На лице Леннокса не было ничего, кроме удивления. «Этот парень укусил меня за ногу! Поверить не могу!» — сказал он.

Однако номер Тайсона еще не закончился. Лишенный возможности добраться до Льюиса снова, он принялся выкрикивать оскорбления в адрес чемпиона. При этом Майк почему-то схватился за собственные гениталии, словно они были неким секретным оружием, которым он собирался нанести противнику непоправимый урон. Правда, не одного Льюиса ненавидел Майк в этом зале, и, сказав Ленноксу все, что он о нем думает, Тайсон, по-прежнему не отпуская гениталий, обратился к представителям прессы, которые узнали, что о них Майк думает примерно то же самое. Наверно, если бы ему предоставили возможность обратиться ко всему человечеству, то и ему бы он ничего

против воли последнего, и вступит снова, причем многократно, и уничтожит его с помощью своего секретного оружия, если оно, человечество, его еще раз достанет.

Между тем президента WBC, 70-летнего Хосе Сулеймана, отправили в больницу. Во время потасовки Сулейман находился за занавесом, но кто-то из участников драки отлетел в ту сторону, и президент упал, крепко ударившись головой, и даже на некоторое время потерял сознание. Однако все кончилось благополучно, Сулейман вскоре покинул больницу и выступил с заявлением, что он чувствует себя хорошо.

Несколько успокоившись после боя, Тайсон сказал, что собирался только, в соответствии с договоренностями, подойти к Льюису и обменяться с ним угрожающими взглядами, как это принято на пресс-конференциях, а телохранитель Льюиса запаниковал. Видимо решив, что взгляд Тайсона был более угрожающим, чем это предусматривалось регламентом. Однако тогда не совсем понятно, почему Железный Майк ударил телохранителя. Ведь достаточно было только в двух словах объяснить цель своего маневра. Кроме того, обмен взглядами обычно происходит значительно позже, а не тогда, когда еще не закончилось официальное представление. Душевный порыв Тайсона выглядел как несанкционированный пуск ракеты, и телохранитель, точно в соответствии с инструкциями, отправился на перехват.

Самое забавное в этой истории то, что одной из главных целей пресс-конференции было убедить Атлетическую комиссию штата Невада, что Тайсону можно вернуть боксерскую лицензию штата, отобранную у него после откусывания уха Эван-деру Холифилду. Железный Майк наглядно подтвердил, что заслужил прощение. Нога — это ведь не ухо. Это совсем другое дело.

Вскоре после пресс-конференции Майк Тайсон выступил со следующим заявлением: «Между нашими командами возникло недопонимание относительно того, как должен проходить «обмен взглядами», из-за чего образовался хаос. После нашей драки кто-то из аудитории спровоцировал меня, и я стал адекватно, по своему разумению, защищаться. В ходе этого я, возможно, обидел людей, сидевших в зале. Этим людям я приношу свои извинения. Как уже говорил раньше, я приехал в Нью-Йорк, чтобы содействовать организации боя, который хочу провести и который хотят увидеть поклонники бокса. Я не образец для подражания и не мистер Политкорректность. Я боксер, и начиная с настоящего момента только мое боксерское мастерство будет говорить за меня».

Однако Тайсон забыл сказать, что на самом деле серьезно нарушил согласованную процедуру «обмена взглядами». На сцене находилось две небольших платформы. На одной из них стоял Льюис, а Тайсон должен был встать на вторую. Вместо этого он полез на ту платформу, где уже находился Льюис. Так что действия охраны были абсолютно правильными.

Железный Майк не сказал, что за четыре дня до пресс-конференции его жена Моника Тернер подала на развод. Хотя, возможно, совсем не развод послужил причиной его срыва. Фактически их брак распался раньше.

Вскоре Тайсона вызвали на заседание Атлетической комиссии штата Невада для окончательного рассмотрения вопроса о возвращении ему боксерской лицензии штата. Началось оно с того, что Боб Файсс, адвокат Тайсона, попытался представить дело так, что в драке на пресс-конференции Железный Майк лишь исполнял свою роль в театрализованном представлении, предназначенном для раскрутки матча. Тайсон, стоявший рядом, подтвердил слова адвоката, а затем изложил свою версию предыдущих некрасивых историй, в которых был замешан за последние несколько лет. Выяснилось, что:

двое пожилых людей, которых он избил на дороге после мелкого дорожного инцидента, его оболгали и он совершенно ни за что отсидел почти четыре месяца в тюрьме;

Франс Бота, которому 16 января 1999 года в первом раунде их встречи Тайсон попытался сломать руку и сломал бы, если бы не коллективные действия рефери и его собственных секундантов, сам во всем виноват, так как боксировал очень грязно; рефери, которого Тайсон сшиб с ног, когда тот пытался остановить его бой с Лу Саварезе, также виноват во всем сам, так как действовал «не должным образом»;

Орлин Норрис, который не смог продолжить бой, после того как Тайсон ударил его вслед за ударом гонга и он, падая, подвернул ногу, на самом деле мог продолжить бой, а сам Тайсон, разумеется, как всегда, ни в чем не виноват, так как в ту секунду, когда прозвучал гонг, удар уже был в полете и остановить его оказалось невозможно;

что журналисты, которых на пресс-конференции Тайсон оскорбил, сами во всем виноваты, так как они сделали несколько обидных замечаний в его адрес.

К этому оставалось только добавить, что Холифилд сам себя укусил за ухо, а Льюис за ногу, — и список стал бы полным.

Четырех членов комиссии из пяти все эти блистательные доводы, напоминающие те, что высказывает в свою защиту шкодливый школяр, стоя перед директором школы, ни в чем не убедили, и они вынесли решение отказать Тайсону в возврате лицензии. Самого Железного Майка заблаговременно вывели из комнаты, где зачитывалось решение комиссии. В противном случае к перечню происшествий, в которых Тайсон был замешан, но не был виноват, вполне возможно, добавилось бы еще одно: члены комиссии сами виноваты в том, что у них оторваны руки и ноги, так как вынесли неправильное решение. Продиктовано оно, разумеется, расизмом, так как единственный черный член комиссии вынес правильное решение в пользу Тайсона.

Тем временем Леннокс Льюис на своей пресс-конференции официально подтвердил, что во время свалки на пресс-конференции Тайсон укусил его за ногу, причем прокусил штанину и даже сумел что-то там оттяпать под штанами. Леннокс сказал, что не сделал этого заявления раньше, чтобы не оказывать давления на членов комиссии. Он

Не знаю, но мне кажется, что в те дни американские кондитеры страшно сокрушались по поводу того, что Тайсон укусил Льюиса за ногу, а не за что-нибудь менее объемное. После того как Железный Майк откусил Холифилду кусок уха, они" нажили большие деньги, продав несметное количество шоколадных ушей. Шоколадные ноги тоже, скорее всего, нашли бы своего покупателя, несмотря на размеры и стоимость, но в таком случае оставалось только пожалеть, что Тайсон не укусил, скажем, Наоми Кэмпбелл. Шоколадная нога Наоми, притом примерно такого же цвета, что и оригинал, со следами зубов Тайсона наверняка пользовалась бы неплохим спросом. На ноги Льюиса никакого спроса точно бы не было.

Льюис, как и ожидалось, от боя с Тайсоном не отказался, но его все равно пришлось переносить, так как провести 6 апреля стало невозможно. Во-первых, нужно найти новое место проведения, во-вторых, в Лас-Вегасе все уже было практически готово, а теперь приходилось начинать новые переговоры с новыми партнерами с нуля. Ориентировочной датой поединка стало 8 июня.

В Нью-Йорке Тайсону в выдаче лицензии так же отказали, как и в некоторых других штатах, но смешно ожидать, что этому примеру последовали бы все. Нельзя сказать, что предложения посыпались как из рога изобилия, но выбирать было из чего. В конце концов осталось два главных кандидата — Вашингтон и Мемфис. Команда Тайсона соглашалась на оба, отдавая небольшое предпочтение Вашингтону, известному тем, что местное многочисленное негритянское сообщество всегда яростно болело за Железного Майка.

Комиссия по боксу и борьбе округа Колумбия, в котором находится американская столица, без всяких проволочек выдала Тайсону боксерскую лицензию. Все три члена комиссии приняли это решение единогласно.

Происходившее на заседании комиссии более всего напоминало чемпионат по лицемерию. За два часа выступило свыше 50 человек. Все они высказались в поддержку Тайсона. При этом выдвигались самые разные причины, а главная, финансовая выгода от проведения матча Льюис — Тайсон, упоминалась только вскользь. Некоторые ораторы дошли до того, что заявили, что отказ в выдаче Тайсону лицензии — проявление расизма. Что ж, это действительно так: если бы какой угодно белый боксер вырвал зубами кусок кожи своему будущему противнику на пресс-конференции, как это сделал Тайсон с Льюисом, ему бы лицензию не выдали никогда.

Сам Тайсон по этому поводу сказал: «Я очень рад получить лицензию в Вашингтоне. Я приветствую это решение и обещаю показать болельщикам округа (Колумбия) тот бой, которого они заслуживают. Они получают шанс увидеть, как в июне я нокаутирую Леннокса Льюиса».

Однако болельщики округа Колумбия такого шанса не получили, так как команда Льюиса отказалась проводить бой в цитадели американского черного расизма, где Льюиса не считали не то что за негра, но даже за человека, что, впрочем, для этой аудитории часто означает одно и то же. Тогда выбор остановили на Мемфисе. На том и порешили. Теперь и место и дата окончательно утверждены — Мемфис, 8 июня 2002 года. Оставалось только ждать.

Разговоры вокруг матча не затихали ни на секунду. Представители прессы были заинтригованы сообщением тренера Тайсона Ронни Шилдса, что пять из шести спарринг-партнеров сбежали из тренировочного лагеря Железного Майка. Конечно, скорее всего, Шилдс просто подрабатывал рекламным агентом, но ведь спарринг-партнеры действительно оттуда уехали, и среди них далеко не последние боксеры.

В начале мая, когда репортеры приехали в лагерь на пресс-конференцию, Тайсон сумел потрясти их новым заявлением. Он сказал: «Жаль, что никто из вас, ребята, не привез сюда своих детей, чтобы я мог надавать им ногами по задницам (слова, сказанные Тайсоном имеют двойное толкование, вполне возможно, что Тайсон имел в виду, что в полицейских протоколах именуется «изнасилование противоестественным образом») и отдавить им ногами яички, чтобы вы могли почувствовать мою боль». Когда девушка-репортер попросила его об интервью, Тайсон сказал: «Я обычно не даю интервью женщинам, если не сплю с ними». Журналисты были потрясены, а многие из тех, кто решил не смотреть его по телевидению, передумали.

Время шло. Льюис и Тайсон приехали в Мемфис, потом туда потянулись и туристы. До боя оставались считанные дни. Вместо того чтобы дать журналистам обещанную пресс-конференцию, Тайсон только заявил: «Я готов к бою. Я убью его». На показательной тренировке он тоже ничего не сказал и очень мало показал. Однако было очевидно, что он в хорошей форме, возможно, лучшей за последние годы.

Леннокс Льюис оказался более словоохотлив. На своей пресс-конференции он рассказал, как, еще будучи любителем, спарринговал с Тайсоном в 1983 году. По его воспоминаниям, оба тогда остались примерно «при своих». За спаррингами наблюдал Кас Д'Амато, который сказал Ленноксу: «Когда-нибудь вы обязательно встретитесь на ринге». На показательной тренировке Льюис выглядел очень хорошо.

Вот наконец все сказано, и до боя остаются уже не дни, а часы... потом один час... потом счет идет на минуты...

Напряжение в зале достигает точки кипения задолго до начала боя. Тысячи людей стоят, они не в силах сидеть. Многие кричат. В ответ на появление Тайсона раздается дикий рев, по сравнению с которым шум, стоявший здесь раньше, кажется соловьиной трелью. Сразу становится ясно, за кого будут болеть трибуны.

Майк абсолютно спокоен и как будто грустен. По сравнению с собой прежним выглядит слегка оплывшим: вроде мышцы те же, но тронуты жирком. На взвешивании он потянул 106 кг, немного больше, чем в лучшие годы, а Льюис — 113 кг. Его оптимальный вес.

Вскоре к рингу направляется и он. Леннокса встречают неодобрительным гулом, на который он никак не реагирует. Льюис предельно сосредоточен и слегка нервничает. А кто не нервничал перед боем с Тайсоном? Это же

Между тем на ринге творится что-то странное. Его по диагонали перегородили здоровенные мужики в желтых рубашках, которые, видимо, призваны предотвратить возможную драку между ненавидящими друг друга боксерами до боя. Это, конечно, часть шоу,, как и их ненависть друг к другу, но кто знает, где у Тайсона кончается шоу и начинается зверинец?

Ведущие телеканалов HBO и «Showtime», транслирующих этот бой, Майкл Баффер и Джимми Леннон представляют участников поединка, устроив из этой процедуры фрагмент ненаписанной оперы. Больше всего это напоминает дуэт Лучано Паваротти и Пласидо Доминго. Голоса их тонко вибрируют, выводя не дававшиеся доселе рулады. Похоже, у этих двух самых луженых и самых золотых глоток Америки сегодня свой бой. Я бы отдал Бафферу победу по очкам с приличным отрывом.

Со своей задачей — довести зал до иступления — они справляются успешно, ничего другого от них и не требуется. Тайсона объявляют «единственным в своем роде», что соответствует действительности, а Льюиса — «общепризнанным абсолютным чемпионом мира», что тоже правда.

Наконец наступает черед Льюиса и Тайсона сказать свое слово, ради которого десятки тысяч людей собрались в зале и еще десятки миллионов — перед телевизорами. Рефери Эдди Коттон тянет несколько лишних секунд, долгих, как полет над пропастью, прежде чем дает сигнал к началу боя. Его ладонь резко рубит воздух одновременно с ударом гонга.

Первый раунд. Тайсон не бросается сразу на противника, как он это делал всегда, он лишь чуть активнее, чем Льюис, который явно нервничает. Майк просовывает сквозь защиту Льюиса пару джебов. Едва ему удастся разорвать дистанцию, британец клинчует. При выходе из клинча Льюис достаёт его несколькими нервными и, судя по всему, не слишком сильными ударами. А через некоторое время Леннокс выкидывает свою главную домашнюю заготовку — мощнейший правый апперкот, который приходится точно в челюсть Тайсону. Льюис наносит этот апперкот так, словно пробивает им себе путь из чрева матери.

Тайсон пытается нанести левый крюк на скачке, которым он столько своих противников отправил в нокаут. Нет на свете головы, которая может выдержать этот удар, но он идет мимо.

Льюис много клинчует и каждый раз, пользуясь огромным преимуществом в росте, наваливается на Тайсона, капля за каплей выдавливая из него силу.

Раунд идет к концу, а ни одного серьезного удара Майк пока не провел. Он вязнет в защите Льюиса как в болоте. Вот вскользь проходит его левый хук, но Леннокс и носом не ведет. Гонг. Раунд за Льюисом. Хотя британец только начал справляться со своими нервами, он все-таки нанес несколько чувствительных ударов, чего не скажешь о его противнике.

В целом первый раунд боя с Тайсоном напоминает его же первый раунд боя с другим нокаутером — Дэвидом Туа. Та же, может быть излишняя, осторожность. И то же постепенное овладение собой. Страх Ленноксу ведом, однако он умеет его контролировать. Это тот самый страх, который Кас Д'Амато считал полезным.

(Судьи единодушно отдают этот раунд Тайсону. Один из американских репортеров назвал это «прощальным подарком Тайсону».)¹

Второй раунд. Тайсон начинает с налета, но вновь вязнет в защите Леннокса. Рефери делает замечание британцу за то, что он держит соперника. Тайсон дважды пытается провести левый крюк на скачке, и дважды это не получается. Зато сколько сил потрачено вхолостую. Льюис проводит правый апперкот в голову и вяжет ему руки.

Наконец Льюис вспоминает о своем джебе, которым устанавливает удобную для себя дистанцию. Тайсон снова пытается достать его левым крюком на скачке — и снова не достаёт. Льюис опять проводит правый апперкот. Иногда кажется, что такой удар просто снесет противнику голову с плеч. Если Майк не найдет какое-то противоядие от этого кошмарного апперкота, все может кончиться очень скоро.

Льюис наносит еще один удар снизу, на этот раз по корпусу. В паузах он все время клинчует, и рефери опять делает ему замечание. Апперкот Льюиса снова достигает цели. Джеб, еще джеб — тоже точно. Тайсон пытается достать Леннокса правым кроссом. Одного такого удара чуть меньше двух лет назад хватило, чтобы заставить Анджее Голоту сначала рухнуть на пол, а потом бежать с ринга, поджав хвост. Но сегодня у Майка другой соперник, и удар идет мимо. Льюис стал держаться ближе к Тайсону. Он наносит очередной правый апперкот, после которого следует левый хук. Пауза — и еще один апперкот. Раунд за Льюисом. Более того, становится ясно, что, если Тайсон каким-то чудом не свалит его в ближайшие пару раундов, Льюис его дождет.

(После боя Эммануэль Стюард сказал, что такого слабого спарринг-партнера, как Тайсон, он бы выгнал из тренировочного лагеря.

Тогда же во втором раунде произошло и одно банальное, но роковое для Железного Майка событие: он пропустил очень сильный удар. Сам он даже точно не помнил, в каком это было раунде, только сказал, что «в начале боя», но его тренер Рон Шиддс подтвердил, что именно во втором и пропущенный удар был апперкотом. По его словам, после этого раунда Тайсон, вернувшись в угол, сказал ему: «Мне больно». Вот так просто, по-человечески.)

Сидя в углу, Тайсон выглядит очень подавленным. Это не монстр. Это усталый боец средних лет, и только. Правда, со следами былого величия. Льюис дерется не с Железным Майком, а с его тенью.

Третий раунд. Опять начинается с броска Тайсона и клинча. Льюис пытается провести правый кросс, но безрезультатно. Бой идет в прежнем ключе: стоит Майку разорвать дистанцию, как Леннокс клинчует. Тайсон предпринимает робкую попытку стать собой прежним. Он начинает двигаться вперед, слегка раскачивая корпус вправо

Британец уходит на дистанцию и наносит один джеб за другим. В клинче Тайсон, оказавшись чуть ли не под мышкой у Льюиса, бьет по почкам справа. Зал его не одобряет, а судья молчит. Леннокс наносит еще несколько джебов, а в клинче наваливается на Майка всем корпусом.

Тайсону удастся нанести один удар вскользь, зал приветствует его, и зря. Льюису вскоре удастся очередной неплохой удар справа. Леннокс окончательно расслабился. Он начинает опускать левую руку, оставляя себя открытым для атак Тайсона. Он его больше не боится. Раунд за Льюисом. Похоже, Тайсона не спасет и чудо. Он уже выдохся.

Четвертый раунд. Тайсон опять начинает очень резво, но его удары не достигают цели, и он быстро устает. В ответ Льюис наносит очень мощный правый кросс. Дальше раунд проходит полностью под его диктовку. Леннокс постоянно бьет, и слева и справа. Основную ставку Леннокс теперь делает на кросс, но он наносит также удары и вразрез, и сбоку. У Тайсона не получается ничего. Это избиение становится монотонным.

В самом конце раунда Льюис проводит правый кросс, Тайсон сгибается под ударом, а Льюис придавливает его сверху всей тяжестью своих многочисленных килограммов. Тайсон падает! В сущности, это нокдаун, однако Леннокс перехитрил сам себя: рефери трактует ситуацию в пользу Тайсона, он считает, что тот упал от давления корпусом, а не от удара, и выносит Льюису предупреждение, на которое тот реагирует с тем же пренебрежением, что и Вовочка из анекдота на требование училки Марь-ванны выйти из класса. Ну и что, если теперь выигранный раунд будет считаться равным? Он все равно побеждает. Гонг прозвучал, и Вовочка-Леннокс идет «из класса», а точнее, в свой угол с видом победителя. Тайсон встает с большим трудом.

Раунды с пятого по седьмой проходят в том же духе. Майк изредка пытается провести левый крюк на скачке, просто левый крюк и правый кросс, но не достает. Все, что ему удается, это поставить небольшой синяк Льюису под левым глазом, в то время как у него самого кровь хлещет из нескольких рассечений и носа и все лицо отекает.

Леннокс же бьет на выбор. Иногда создается впечатление, что он просто отрабатывает разные удары. Убедившись, что правый апперкот проходит, начал бить правый кросс, изредка пользуется и левым хуком. Очень удачно, кстати, так как этого удара Тайсон от него явно не ждет. Когда есть желание остаться на дистанции, отбивается от Майка хлестким джебом. Непонятно, как Тайсон под этой бомбардировкой держится на ногах. На него просто жалко смотреть. Иногда возникает ощущение, что Льюис зарывается, но его здесь некому наказать. Конец близок.

(Перед тем как выйти на восьмой раунд, Тайсон сказал тренеру: «У меня нет сил».)

Развязка наступает в восьмом раунде. Тайсон вспоминает, что у противника есть не только голова, но и корпус и, к некоторому удивлению Льюиса, несколько раз досаждает ему ударами по нижнему этажу, но и только.

Ближе к концу раунда Льюис неожиданно наносит очень сильный апперкот левой. Тайсон от него приседает, он не касается пола ни рукой, ни коленом, и в принципе Льюис имеет право его добить, что он и пытается сделать, но ему преграждает дорогу рефери, который открывает Майку счет и тем самым спасает его от нокаута. Однако ненадолго.

Тайсон встает, и почти тут же Льюис обрушивает на него правый апперкот, затем правый боковой, еще один правый апперкот, еще удар справа. Тайсон пытается нанести отчаянный правый кросс, но отчаянные удары в большинстве своем летят мимо цели, и этот не стал исключением. Оказывается, Льюис был начеку.

Тайсон слегка смещается влево, а Льюис, возможно видя это движение, чуть ли не со всего маху наносит страшный правый боковой навстречу его движению. Майк как бы зависает в воздухе. Льюис уже по привычке слегка придавливает его корпусом. Мог бы и не стараться. Тайсон все равно бы упал. Рефери считает. Это нокаут.

(Чуть позже Тайсон скажет: «Я рад, что Леннокс не убил меня».)

«Я бы никогда не смог его побить. Он слишком большой и сильный для меня», — кто еще несколько дней назад мог себе представить, что Тайсон произнесет такое?

Или такое: «Я уважаю этого человека как брата. Я люблю его и его мать. Я бы никогда не сделал ничего неуважительного по отношению к нему». Недавний укус за бедро а-ля Мухтар, видимо, также был признаком особого расположения и братской любви. Но Майк сейчас говорит такой сиротской искренностью, что об этом не хочется вспоминать. Нет, об этом хочется просто забыть, раз и навсегда, чтобы ты не смог вспомнить, даже если бы захотел.

«Он потрясающий, великолепный боксер. Снимаю перед ним руку», — Майк, разумеется, имел в виду шляпу. Он просто оговорился, сказав «hand» вместо «hat». Непривычные слова даются тяжело. Впрочем, если бы «автопилот» Тайсона был чуть-чуть лучше и он продержался бы еще пару раундов, вполне возможно, что после такого боя он смог бы снять перед Льюисом шляпу вместе с головой. Большинство боксеров, погибших на ринге, становились жертвами именно собственной выносливости и смелости.

Еще Железный Майк извинялся. Больше, чем за всю предыдущую жизнь. Не сомневаюсь, что он вышиб в это время море слез по всему миру, в том числе и из глаз, которые редко плачут. Извинялся за то, что покусал Льюиса, за то, что обещал съесть его детей, за то, что говорил, что он недостойный и ненастоящий чемпион мира... Этому не было конца. Казалось, еще немного — и он станет извиняться за то, что родился на свет. Вдобавок Тайсон расцеловал мать Льюиса. Или это она его расцеловала? И наконец Тайсон сделал нечто совсем уж невообразимое: когда Леннокс давал свое послематчевое интервью, Железный Майк неожиданно протянул руку и стер с лица своего мучителя не то пот, не то кровь, вполне возможно, что свою собственную. При этом жесте Тайсона десяток телохранителей, стоявших вокруг, вздрогнули и приготовились к прыжку, а потом только удивленно переглядывались.

Когда слово дали Тайсону, его было не остановить. Кроме всех комплиментов, о которых уже говорилось, он сказал, что ему никогда бы и в голову не пришло прибегать к грязным приемам в бою с Льюисом, потому что британец сам боец чистый, а он использует грязную тактику только с такими же грязными бойцами, как Холифилд и Бота.

играть не может. Или, наверное, так естественно может играть как раз только непрофессиональный актер? Многие основоположники итальянского неореализма принципиально отказались от услуг профессиональных актеров — и не прогадали.

Нет, я верю Тайсону. Будь ты хоть десять раз непрофессионалом или, наоборот, суперпрофессионалом, играть что бы то ни было и тем более играть так здорово после той порки, что устроил ему Льюис, невозможно. Какая игра, если Майк перепутал руку со шляпой. Он не мог даже стоять прямо. В его согбенной позе в сочетании со смиренными речами было что-то от гоголевского Акакия Акакиевича, у которого только что украли шинель. Но даже Акакий Акакиевич не благодарил своих грабителей.

А ведь Льюис действительно обобрал Тайсона, пускай и самым честным и благородным образом. Он лишил его славы. Через несколько часов Майк скажет: «Меня теперь, наверно, предадут забвению. Мне некуда идти и нечем заняться».

Тайсон многократно просил Льюиса о матче-реванше, не понимая, что своими комментариями в стиле «мне никогда его не побить» сам лишал себя этого шанса. И кто-то еще говорит (а говорят многие) об игре? Что может играть Акакий Акакиевич? Он может только просить вернуть ему шинель, без которой не может жить.

«Мне не нужны деньги. Мне нужно быть великим. Деньги для меня как песок: я стискиваю их в руке, и они утекают между пальцами. Точно так же и с женщинами. Иногда я сжимаю их в своих объятиях слишком сильно, потом смотрю вокруг — а их уже рядом со мной нет». Конечно, Акакий Акакиевич ничего подобного сказать бы не смог, но, с другой стороны, вся разница заключается в том, что у каждого есть своя шинель, без которой он не может жить.

ВРЕМЕННЫЙ ЭПИЛОГ

В следующий раз Тайсон вышел на ринг только 22 марта 2003 года. Ему нужно было хоть немного реабилитировать себя после поражения Льюису, и для этого ему подобрали соответствующего противника — Клиффа Этьена, агрессивного, но безударного, не обладающего никакой защитой и плохо держащего удар. Как и было запланировано, Железный Майк нокаутировал его в первом же раунде.

Этот бой окружала такая же безумная обстановка, как любой из последних боев Тайсона. Достаточно сказать, что за пару недель до выхода на ринг Майк украсил свое лицо обширной татуировкой. Сам он был уверен, что она восходит к одному из воинственных африканских племен. Однако эксперты заявили, что подобным лицевым орнаментом пользуются на самом деле племена людоедов маори из Новой Зеландии, люди тоже, конечно, достаточно воинственные, но с которыми Тайсон явно не имеет никакого кровного родства. Похоже, его подвело, что художники из тату-салона плохо знали этнографию.

Все ожидали, что такое же безумие будет твориться и на ринге. Многие, как всегда, пришли «на безумие», рассчитывая увидеть какой-то новый номер от Тайсона, но на ринге ничего подобного не случилось. Тем не менее Железный Майк не разочаровал. Демонстрация силы была впечатляющей. Правда, осталось ощущение, что Клифф очень не хотел вставать до того, как рефери закончит счет. Когда стало ясно, что бой закончен, Тайсон подскочил к поверженному Этьену и помог ему встать, а когда позже его спросили, почему он это сделал, Майк ответил: «Потому что я стал одомашненным животным».

Вообще его речи после этого боя были удивительны. Здесь — без комментариев, они просто не нужны:

«Я запутался. Мне нужно разобраться в моей жизни»;

«Я люблю разные вещи. Люблю развлекаться, люблю общаться с моими детьми. Люблю выпить»;

«Мне кое с чем нужно разобраться. У меня душа болит, и я борюсь с сильными демонами»;

«Шугар Рей Робинсон в детстве преклонялся перед Генри Армстронгом (двое из величайших боксеров в истории. — А Б.). Однажды, когда Армстронг уже был стариком, он подошел к Робинсону на улице и сказал ему: «Если я твой кумир, почему ты со мной не дерешься? Давай вместе сделаем деньги». Именно так бойцы заботятся друг о друге»;

«Льюис и Холифилд сделали себе имена на том, что побили меня. Бог так спланировал, что я должен был позаботиться о них»;

«Я больше верю в свои силы, чем в прошлом году. Но я не готов сейчас драться с Ленноксом Льюисом, уверенным в своих силах, сильным бойцом с точным ударом. Мне нужны еще бои. Может быть, два, может быть, три — не знаю. Драться с ним прямо сейчас, чтобы он меня опять избил, мне неинтересно. Через неделю я возвращаюсь в спортзал»;

«Я даже не знаю, хочу ли я еще драться. Если в следующем бою я встречу с Ленноксом Льюисом, после этого я больше не смогу драться. Я не хочу драться с Льюисом прямо сейчас»;

«В бою меня не волнуют никакие татуировки. Я просто дерусь. Воины и все такое — я ничего об этом не знаю. Я этим зарабатываю себе на жизнь. Я занимаюсь делом, где люди друг другу причиняют боль. И никого не должно волновать, больно ли мне на ринге и не умру ли я там, потому что это наша работа».

На многократные прямые вызовы Леннокса Льюиса на матч-реванш Тайсон пока ответил молчанием. В конце концов Льюис заявил, что отказывается от боя с ним навсегда.

К сожалению, украинские тяжеловесы братья Виталий и Владимир Кличко не стали героями этой книги. Титул по версии WBO (Всемирной боксерской организации), которым они владели в разное время, не обладает таким авторитетом, чтобы их можно было считать полноценными чемпионами мира в тяжелом весе. Старший из братьев, Виталий, завоевал его 26 июня 1999 года, нокаутировав во втором раунде британца Херби Хайда, а 1 апреля 2000 года

третьем раунде получил тяжелую травму плеча, впоследствии потребовавшую полтора часов операции под общим наркозом. Во время боя его рука постепенно стала терять подвижность, а боль все усиливалась, пока не стала невыносимой. Тем не менее после девяти раундов Виталий вел по очкам с огромным отрывом, но на десятый уже выйти не смог.

Через полгода, 14 октября 2000 года, его младший брат Владимир разгромил Берда, с большим преимуществом выиграв у него каждый из 12 раундов, и вернул титул WBO «назад в семью». Однако 8 марта 2003 года Владимир проиграл нокаутом во втором раунде южноафриканцу Корри Сандерсу. Поражение это было тем более неожиданным и обидным, что Владимир на тот момент считался наиболее вероятным «престолонаследником» Леннокса Льюиса.

Виталий в 2002 году возглавил претендентский рейтинг WBC, а в 2003 году — и WBA 21 июня 2003 года он наконец встретился на ринге в Лос-Анджелесе с Ленноксом Льюисом, к чему давно стремился, и проиграл техническим нокаутом в шестом раунде.

После того как в апреле 2000 года Дон Кинг отсудил у Леннокса Льюиса титул по версии WBA, он 12 августа того же года провел бой за него между двумя своими боксерами — Эвандером Холифилдом и Джоном Руисом. Когда-то великий Эван-дер с трудом победил середняка Руиса и снова стал чемпионом, но боксерская общественность его таковым не признала. Американцы, конечно, хотели видеть чемпионом мира соотечественника, но их национальная гордость не позволяет принимать подачек, тем более от Дона Кинга. Эвандеру Холифилду, официально в тот момент владевшему титулом WBA и присутствовавшему в зале на бое Льюис — Туа, пришлось своими ушами услышать, как ведущий телеканала HBO Майкл Баффер, объявляя о выходе Леннокса, назвал его «общепризнанным чемпионом мира в тяжелом весе». Горькую пилюлю, как и положено, Эвандер проглотил с кислой миной. На предложение Дона Кинга встретиться с Холифилдом еще раз Льюис ответил: «Сколько раз еще я должен его побить, чтобы меня признали абсолютным чемпионом мира?»

Дальше было хуже. 3 марта 2001 года Холифилд проиграл матч-реванш Джону Руису, который теперь занял его непочетное место никому не нужного чемпиона по версии WBA 15 декабря 2001 года они встретились в третий раз. Холифилд, вне всяких сомнений, победил, но судьи объявили ничью. Так арбитры забрали у Эвандера аванс, который выдали ему в его первом бою с Ленноксом Льюисом.

Сам «общепризнанный чемпион мира» Льюис, который на момент боя с Тайсоном официально владел титулами по версиям WBC и IBF, потом обленился и год не выходил на ринг. В конце 2002 года IBF потребовала от него защитить свой титул в бою против Криса Берда. Берд, хоть и нещадно битый Владимиром Клич-ко, завоевал первую строку в рейтинге IBF благодаря неожиданной победе над Дэвидом Туа. Самый «небьющий» из нынешнего поколения тяжеловесов сумел обыграть самого бьющего.

Однако Льюис наотрез отказался от боя с Бердом по финансовым соображениям: Тайсон «разбаловал» его, и он теперь уже не хотел драться «за копейки». Впрочем, учитывая непопулярность Берда, трудно представить себе, что Льюис мог на этом бое заработать хоть что-то. Разговоры о том, что Леннокс уклонился от боя с Бердом из страха проиграть, просто нелепы. Сравнительно невысокий и абсолютно безударный Берд не представлял для огромного Леннокса, в отличие от низкорослого Туа, никакой опасности. Он просто не сумел бы к нему подобраться.

Столкнувшись с непреклонностью Льюиса, IBF лишила его своего титула, объявила его вакантным и провела за него бой между Крисом Бердом и все тем же неразменным Эвандером Холифилдом, который решил попытаться стать чемпионом мира в тяжелом весе в пятый раз. Бой состоялся 14 декабря 2002 года. Единогласным решением судей победителем был объявлен Берд. Он действительно победил, показав, как мало осталось от великого Холифилда. Льюису остался только один из всех его титулов — поверсии WBC. Разумеется, кроме титула «общепризнанного абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе».

Тем временем с титулом WBA приключилась совсем любопытная история. 1 марта 2003 года абсолютный чемпион мира в полутяжелом весе (до 79,4 кг), а ранее чемпион мира в суперсреднем (76,2 кг) и среднем (до 72,6 кг) весе, американец Рой Джонс, возможно самый великий боксер всех времен, наголову разбил Джона Руиса и стал чемпионом мира в тяжелом весе по версии WBA. Достижение абсолютно беспрецедентное, не имеющее аналогов. Его нельзя сравнивать с победой средневеса Боба Фитцсиммонса над чемпионом мира в тяжелом весе Джимом Корбеттом в 1897 году. Тяжеловесы конца XIX века

были гораздо меньше нынешних, и разница в габаритах между Фитцсиммонсом и Корбеттом на самом деле была незначительна. Не выдерживает сравнения с Роем Джонсом и другой полу-тяж — Майкл Спинке, победивший в 1985 году Лэрри Холмса. Спинке по своим исходным физическим данным гораздо крупнее Джонса, который, в сущности, никогда не был даже настоящим полутяжем и пришел в эту категорию из-за полного отсутствия конкуренции в своей.

Разумеется, человека, победившего по очкам Джона Руиса, как-то трудно назвать чемпионом мира, однако достижение Роя Джонса все равно остается абсолютно выдающимся. По последним на июнь 2003 года сведениям, Рой решил продолжить выступать в тяжелом весе, однако на предложение встретиться с Ленноксом Льюисом ответил: «Зачем? Он же мне ничего плохого не сделал». Свой предел есть и для гениев.

Однако, отдавая должное таланту Роя Джонса, все же приходится сказать, что появление на одном из официальных тронов в тяжелом весе такой фигуры свидетельствует об очередном кризисе в тяжелом весе, тем более что Ленноксу Льюису в 2003 году исполнится 38 лет — и он неизбежно скоро покинет ринг. В этой обстановке и на безрыбье, которое царит сейчас в самой престижной весовой категории, Тайсон вполне может стать чемпионом мира

В любом случае пока Тайсон будет просто вынужден продолжать выступления на ринге по финансовым причинам. За бой с Льюисом ему было гарантировано как минимум 17,5 миллиона долларов. Но так как конечная сумма зависела от телевизионных сборов, а они оказались рекордными за всю историю телевидения — 103 миллиона, фактически его заработок за бой был значительно больше 20 миллионов. Однако поданным агентства Ассошиэйтед Пресс его долг «Showtime» до боя составлял около 13 миллионов. И это не единственный долг, который на нем висит.

Моника Тернер, бывшая жена Майка, по бракоразводному процессу с ним, кроме двух домов в Коннектикуте, стоимостью 4,75 миллиона долларов, и в Мэриленде, стоимостью 4 миллиона долларов, должна получить от этого вечного должника еще 6,5 миллиона долларов «из будущих заработков», как говорилось в решении суда. За бой с Клиффом Этьеном Майк получил только пять. Значит, скорее всего, мы его еще увидим.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОЙ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТА

Предисловие	7
ВЕЛИКИЙ ДЖОН Л.....	9
ДЖЕНТЛЬМЕН ДЖИМ	21
РЫЖИЙ РОБЕРТ	28
КОТЕЛЬЩИК ДЖЕФФРИС.....	34
ЧЕМПИОН, КОТОРОГО ПОЧТИ НЕ БЫЛО	41
ЧЕМПИОН, КОТОРОГО ПОЧТИ ЗАБЫЛИ.....	42
БЛЭКДЖЕК.....	45
КАЛИФ НА ЧЕТЫРЕ ГОДА.....	55
ТАЙНА ПЕРЧАТОК ДЖЕКА ДЕМПСИ	62
Джек Демпси — Манасский Мордоворот	66
ПАСЫНОК ДЖИН ТАНИ.....	72
ПЕРЕСМЕНОК.....	81
ПОЖИЗНЕННЫЙ ЧЕМПИОН ШМЕЛИНГ	82
ДЖЕК ШАРКИ И СТРАННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.....	86
ПРИМО КАРНЕРА И ГАНГСТЕРЫ	89
ГРУСТНЫЙ КЛОУН МАКС БЭР	94
ДЖЕЙМС БРЭДДОК-ЧЕЛОВЕК-КРИЗИС	101
ДЖО ЛУИС	106
НЕЗАМЕТНЫЙ ЧАРЛЬЗ.....	126
СТОЙКИЙ НЕУДАЧНИК УОЛКОТТ	129
КРУГЛЫЙ ОТЛИЧНИК МАРЧИАНО	133
РОБКИЙ ФЛОЙД ПАТТЕРСОН	147
ВСТАВНАЯ ГЛАВА: ТРУС И НОКАУТЕР ЮХАНСОН ..	151
РОБКИЙ ФЛОЙД ПАТТЕРСОН-2.....	156
САННИЛИСТОН, ПОСПЕШИВШИЙ РОДИТЬСЯ	158
ЭПОХА МОХАММЕДА АЛИ	171
Кассиус Клей — Большой Рот.....	171
Кассиус Али, Мохаммед Клей.....	194
Мохаммед на священной войне	208
Дважды неудачник Фрезер..... „	213
Мордоворот от Бога Джордж Формен.....	220
Возвращение Али.....	232
Мохаммед Али — император Америки.....	243
Интермеццо Леона Спинкса	255
Мохаммед Али: жизнь после жизни.....	257
ПРОСТО ЛЭРРИ ХОЛМС	263

РЕКВИЕМ ПО ПЛОХОМУ ПАРНЮ

Предисловие.....	275
ЧЕМПИОНСКАЯ ЧЕХАРДА.....	277
КАК ЗАКАЛЯЛСЯ МАЙК	282
Браунзвилл	283
Кас Д'Амато и «защита ку-ку»	293
Один	304
НОВАЯ ЭРА.....	308
ПОДРОСТОК ЭПОХИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ	322
1988.....	326
Бой с пророком Лэрри.....	326
Тайсон и Робин..... '	330
Тайсон и Король	334
Восхождение на Эверест.....	340
СОВСЕМ НЕПОБЕДИМЫЙ	346
Тайсон и великие	347
И невозможное возможно	353
ЭКСПРОМТ БАСТЕРА ДАГЛАСА	364
СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИДД	370
Два тихих царствования.....	372
ТАЙСОН МЕЖДУ ПОРАЖЕНИЕМ И ТЮРЬМОЙ.....	384
СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИДД-2	399
ИЗМЕННИК НА КОРАБЛЕ	403
РАСКОЛЬНИК.....	412
СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИДД-3	422
МЕЖДУ СЕРДЕЧНИКОМ И СТАРИКОМ	432
ИЗМЕННИК НА КОРАБЛЕ-2	435

ПО ОБЕ СТОРОНЫ РЕШЕТКИ	443	
СОЛДАТ ЭВАНДЕР ХОЛИФИЛД-4	456	
589		
КРОВЬ, ПОТ И ЗУБЫ	465	
ИЗМЕННИК НА КОРАБЛЕ-3	472	
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЯСНОВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ГОЛОТЫ	484	
Как поссорились пан Бялостоцкий с паном Голотой	484	
Как пан Голота сражался за морем-океаном.....	485	
Как пан Голота сделал больно пану Боу	486	
Как пан Квасьневский простил пана Голоту.....	488	
Как пан Льюис обидел пана Голоту.....	489	
ДВОЕ У РИНГА И НА НЕМ.....	491	
АЙ-АЙ-АЙК	511	
ДВОЕУРИНГАИНАНЕМ-2	517	
ИЗМЕННИК НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ	523	
210 ДНЕЙ ХАСИМАРАХМАНА.....	532	
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЛОХОГО ПАРНЯ	544	
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЯСНОВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ГОЛОТЫ-2		560
Как пан Голота оказался паном Паниковским	561	
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЛОХОГО ПАРНЯ-2.....	564	
ВРЕМЕННЫЙ ЭПИЛОГ	583	